

73(2)72

М433

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИЗИС 1939—1941 гг.:

от советско-германских договоров 1939 года
до нападения Германии на СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
<i>А.О. Чубарьян</i>	6
I. Общие проблемы	9
<i>А.О. Чубарьян</i>	
Международный кризис 1939—1941 гг.: концептуальные подходы и интерпретации	11
<i>Я. Липинский</i>	
Секретные протоколы Сталина и Гитлера — нескончаемая история с 1939 г.	23
II. Пакт Молотова—Риббентропа: предыстория, подписание, отклики	45
<i>М.Ю. Мяжков</i>	
От Мюнхенского соглашения до подписания советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса	47
<i>С.З. Случ</i>	
Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 году и Советский Союз	61
<i>А. Каспаравичюс</i>	
Дипломатическая реакция Литвы на пакт Риббентропа — Молотова	93
<i>И. Фелдманис</i>	
Пакт Молотова — Риббентропа и отношения между Латвией и Германией (1939—1940)	108
<i>А.И. Борозняк</i>	
Пакт Молотова—Риббентропа и германское движение Сопротивления	123
<i>М. Парилло</i>	
«И им суждено сойтись». Халхин-Гол и Вторая мировая война	137
III. Пакт в действии	151
<i>Э. Дурачински</i>	
Внешняя политика Польши (1939—1941): условия, возможности, цели и результаты	153

<i>Н.И. Барышников</i>	
Роль К.Г. Маннергейма в размещении немецких войск на территории Финляндии в 1940—1941 гг.	180
<i>К.Ф. Геуст</i>	
Международная помощь финским военно-воздушным силам во время «зимней войны» 1939—1940 гг.	192
<i>Ч. Лауринавичюс</i>	
Вильнюс во власти Литвы 1939—1940 гг.: внутренние и внешние аспекты	228
<i>Н.С. Лебедева</i>	
Германия и присоединение Литвы к СССР	246
<i>М. Ильмарв</i>	
Балтийские страны в 1939—1940 гг.: замыслы и возможности	268
<i>А.С. Орлов</i>	
Прибалтика: 1939—1940 гг.	286
IV. Советский Союз в период международного кризиса	297
<i>М.П. Костюк</i>	
Беларусь в международном военно-политическом кризисе 1939—1941 гг.	299
<i>В.А. Невежин</i>	
Политико-идеологические кампании Кремля (1939—1941 гг.)	307
<i>В.В. Позняков</i>	
Разведывательные службы СССР, Великобритании и США: оценки международной ситуации и перспектив ее развития (август 1939 — июнь 1941 гг.)	327
<i>В.С. Лавров</i>	
Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова осенью 1940 г. в Берлин и полетом Р. Гесса в мае 1941 г. в Англию	357
V. Страны Западной Европы	387
<i>Дж. Харрис</i>	
Британское общественное мнение и советско-германский пакт	389
<i>М. Корнат</i>	
Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза с 1940 г.	399
<i>О. А. Ржешевский</i>	
У истоков антигитлеровской коалиции	411

<i>К. Вальбек</i>	
Шведская политика безопасности и пакт Молотова — Риббентропа	423
<i>А. Зунда</i>	
Страны Балтии и Соединенное Королевство в начале Второй мировой войны (1939—1941 гг.)	440
<i>В. П. Смирнов</i>	
Коминтерн и Франция в 1939—1941 годах	461
VI. Балканский узел	479
<i>Л. Я. Гибианский</i>	
Балканский кризис и Советский Союз	481
<i>В. Вэратик</i>	
Советско-германские отношения и вопрос о территориальной целостности Румынии в 1939—1940 гг.	529
<i>Т. А. Покивайлова</i>	
Национально-территориальный вопрос в Румынии в контексте советско-германских отношений (август 1939 г. — июнь 1941 г.)	546
Об авторах	558

Предисловие

Вниманию читателей предлагаются материалы конференции «Международный кризис 1939—1941 гг. От советско-германских договоров до нападения Германии на СССР», проходившей в Москве 3—4 февраля 2005 года и собравшей около 30 ученых из России, стран Европы и США.

Статьи, помещенные в сборнике, составляют доработанные доклады участников конференции. Они отражают различный спектр позиций по этой весьма острой проблематике, привлекающей внимание и общественности, и профессионального сообщества историков.

В российской историографии также ведутся оживленные дискуссии вокруг оценки периода 1939—1941 гг., стимулированные как появлением новых документов, так и приверженностью ныне большинства российских историков многофакторному методу в анализе и оценке исторических событий.

Новые подходы позволяют увидеть, что действия СССР в связи с подписанием пакта Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 г. и событиями после него, включая Договор о дружбе и границе 1939 г., были продиктованы целым комплексом причин, как объективного, так и субъективного характера. Здесь переплетались и задачи обеспечения безопасности страны, и тактические просчеты политического руководства в их реализации, издержки, связанные с неприятием мировой общественностью договора с фашистским режимом, воздействие на внешнюю политику сталинской тоталитарной системы власти, противоправные и аморальные действия по отношению к странам, отошедшим к советской сфере интересов, что было официально осуждено Съездом народных депутатов в 1989 году.

Дискуссии историков дают немало плодотворных результатов. Российские историки достигли значительного консенсуса с историками Финляндии в оценке советско-финляндской (так называемой «зимней») войны 1939–1940 гг., результатом чего стала публикация совместной книги «Зимняя война 1939–1940».

Как известно, существуют расхождения значительной части российских историков со многими историками стран Балтии в оценке того, что произошло в 1940 г. и в последующие годы в Прибалтике. Российские историки предпочитают говорить о «присоединении Прибалтики в 1940 г. с применением силы» и о последующей советизации, отвергая терминологию оккупации, особенно применительно к периоду после 1945 г. При этом большинство российских ученых решительно осуждают те репрессии и депортации, которые происходили в Прибалтике, подчеркивая, что те же методы были свойственны сталинской системе в отношении многих других народов Советского Союза.

Многофакторный метод побуждает нас не игнорировать разнообразные стороны внутривнутриполитического развития в балтийских государствах накануне войны. Существовало серьезное недовольство значительной части населения социально-экономической политикой тогдашних политических лидеров этих стран. Кроме того, присутствовала дилемма выбора между подчинением Германии и СССР, и многие, особенно представители левых кругов, предпочитали Советский Союз.

По нашему мнению, необходим учет всех этих факторов так же, как и анализ неоднозначной реакции многих стран (прежде всего, Великобритании и США) на присоединение Прибалтики к СССР летом 1940 г.

В ходе конференции затрагивались и некоторые более общие вопросы, связанные с историей Второй мировой войны в целом и ее последствиями.

У большинства российских, да и значительного числа зарубежных историков не вызывает сомнения тот очевидный факт, что именно нацистская Германия развязала мировую войну. И в этом плане явно безосновательны попытки говорить о некоей «равной ответственности Гитлера и Сталина» за события 1939–1945 гг.

Много дискуссий продолжается и вокруг Ялтинско-Потсдамской политической системы, которая была создана совместными усилиями ведущих держав международной антигитлеровской коалиции, а не только Советским Союзом, что отнюдь

не снимает вопроса о специфике послевоенных действий различных стран, бывших союзников по коалиции.

Словом, значительный спектр проблем, относящихся к той страшной трагедии, что принесла миру Вторая мировая война, остается в поле зрения ученых и широких кругов общественности.

Ход конференции и публикуемые материалы подтверждают тот дух открытости и свободного выражения научных взглядов, который ныне существует в академическом научном сообществе в России.

Они свидетельствуют, что историки продолжают исследования существующих острых проблем и обсуждают их на международных конференциях и встречах. Главные выводы, к которым подводит состоявшаяся дискуссия, заключаются в том, что история не может быть заложницей политики, она должна опираться на объективный анализ событий прошлых лет. В свою очередь, и современной политике не следует находиться в плену исторических стереотипов и представлений.

Наиболее острые дискуссии и оценки прошлого призваны быть предметом исторической науки, а не источником напряженности в отношениях между странами и политиками.

Взаимные представления народов различных стран и отдельных людей друг о друге, включающие и наследие исторического прошлого, в которое органически входят достижения и прогресс, ошибки, упущения и даже преступления, должны способствовать тому, чтобы современные отношения содействовали формированию позитивных образов «другого», терпимости по отношению к иным взглядам и позициям, взаимного уважения и добрососедства.

*А.О. Чубарьян
Академик РАН*

Международный кризис 1939–1941 гг.: концептуальные подходы, проблемы интерпретации

Тема нашей конференции вызывает необычайно большой интерес научной общественности в течение многих лет.

Я не собираюсь предлагать сегодня каких-то новых документальных открытий. Прошло 10 лет со времени конференции на эту же тему, проводимой также в стенах Российской Академии наук Институтом всеобщей истории с участием большого числа отечественных и иностранных ученых. И следует констатировать, что за эти годы в общем-то новых сенсационных документов не появилось. Основные документы, как правило, известны.

Но остаются неясными многие вопросы, связанные с процессом выработки решений. Наши зарубежные коллеги очень часто недовольны и говорят нам: «а почему вы не можете все-таки добиться и найти в архивах документы, как обсуждалась история, связанная с советско-германским договором 39-го года и со всеми событиями, которые происходили после этого». Видимо, этих документов просто нет. Процесс принятия решения имел свою специфику. После 23 августа и до начала сентября заседания Политбюро были почти каждый день. Очевидно, на одном из заседаний Политбюро после подписания пакта — где-то между 27 августа и 3–4 сентября 1939 года, проходивших как обычно в узком составе, обсуждались и меры, которые следует предпринять по реализации пакта Молотова–Риббентропа. Следует сказать, что в историографии существует достаточно обоснованная точка зрения о том, что в Советском Союзе шли к этому договору еще с марта 1939 года. Однако в такой форме и с такими приложениями договор был неожиданным «подарком»

для советского руководства, полученным из Берлина, и поэтому нужно было выработать позицию, как действовать дальше, и это не могло быть предсказано ни в мае, ни в июне, ни даже в начале августа.

Вообще трудности с документами по этому вопросу существуют не только у нас. Как известно, французы уже давно закончили свои публикации дипломатических документов по данному периоду до 1 сентября 1939 года и только сейчас вышли в свет документы периода с сентября 1939 г. до лета 1940 г. Есть публикации американского Государственного департамента, но это чисто официальные документы, а материалов о том, как это обсуждалось у президента, тоже нет.

Сейчас сложилась такая ситуация в историографии — и это будет темой моего выступления — когда у нас имеются весьма разные точки зрения. Я бы не сказал, что они идут по линии: Россия и остальной мир. Нет — это гораздо более сложная ситуация. Есть точки зрения, по которым наши позиции близки ко многим нашим коллегам в Западной Европе. Есть позиция, по которой мы расходимся. Но в целом можно говорить, что и позиции отечественных историков часто достаточно различны.

Постоянно издаются новые научные труды и публикации документов, проводятся десятки конференций. Причем складывается впечатление, что не спадает острота в восприятии этого периода истории, иногда расхождение точек зрения становится даже более очевидным. Видимо, причины этого лежат не столько в научной, сколько в общественно-политической области. В связи с 60-летием победы над фашизмом споры вокруг событий 1939–1941 гг. затронули и политическую сферу, стали предметом дискуссий и противостояния между различными общественными и партийными кругами и даже вышли на международный уровень.

Тем более важным и актуальным становится проведение конференций, подобных нашей, в том числе и для того, чтобы перевести остроту дискуссии в область чисто исторической науки, освободив политику от давления исторических стереотипов.

Одна точка зрения состоит в том, что пакт и секретные протоколы к нему, родившиеся в августе 1939 г., сыграли крайне отрицательную роль, даже не имевшую прецедента в истории. Следствием их явилось присоединение, включение (наши коллеги в странах Балтии предпочитают говорить об оккупации) прибалтийских стран в состав Советского Союза и других тер-

риторий в Восточной Европе и части Финляндии. Сторонники этой точки зрения отмечают противоправные действия участников этого договора, говорят об имперских настроениях Сталина, подтверждая тем самым, что в официальных документах и в выступлениях Сталина и Молотова этот процесс назывался «расширением зоны социализма».

Другая точка зрения состоит в том, что этот пакт был подписан в условиях, когда всем было ясно, что Германия готовит Вторую мировую войну и уже решила вопрос о нападении на Польшу. Считается, что Советский Союз, подписывая договор с Германией, имел в виду прежде всего соображения, связанные со своей безопасностью в условиях надвигающейся войны и реализацией на практике известного «марксистско-ленинского положения» об использовании «межимпериалистических противоречий» в интересах социализма. Главным результатом пакта стало то, что началась война между Англией, Францией, с одной стороны, и Германией — с другой. Советский Союз таким образом остался в стороне, официально объявив свой нейтралитет. В связи с этим делается вывод, что в сложившейся геополитической ситуации начало кризиса было положено не в августе 1939 года, а в сентябре 1938 года, когда Англия и Франция подписали в Мюнхене соглашение с Гитлером, отдав ему часть Чехословакии. Именно это и явилось одной из главных предпосылок договора 1939 года и его секретных приложений.

Следующая точка зрения, которая в историографии является некоей промежуточной, заключается в признании обоих факторов, которые затрагивают то, что стало главной темой нашего совместного проекта с американцами по «холодной войне» — взаимодействие и в Москве, и на Западе — «идеологии и Realpolitik», и этот дуализм, это столкновение идеологии и реальных практических интересов многие считают центральной проблемой и в период 1939—1941 годов.

В мировой историографии имеются различные точки зрения и оценки событий 1939—1941 гг., которые прозвучали на различных конференциях. Их анализ стал предметом специального интереса и на нашей нынешней встрече. В этой связи здесь хотелось обратить внимание лишь на утверждение одного из докладчиков о том, что советско-германский пакт о ненападении «послужил своего рода запальным механизмом для развязывания Второй мировой войны». Но в том же докладе отмечается, что летом 1939 г. Германия «уже приняла решение урегулировать польский вопрос военными средствами». Из многочисленных

документов известно, что в момент подписания пакта в Москве Гитлером уже не только было принято решение о нападении, но был намечен и день германской агрессии.

Представляется спорным утверждение того же докладчика, что договор от 23 августа «не имеет аналогов в истории Европы XIX и XX столетий». Отнюдь не оправдывая договор 1939 г., следует, конечно, сказать, что в истории и XIX, и XX веков было немало договоров, попиравших нормы международного права и открывавших путь к войнам и захватам.

На основании изучения архивов практически большинства основных участников тех событий и многочисленной литературы можно было бы предложить некую конструкцию, которая, как нам кажется, подводит некоторый итог проделанной работы и позволяет определить перспективу дальнейших исследований.

Подход к анализу событий того времени должен исходить из того, что главный вопрос сегодня — это не столько поиск новых документов, а проблемы интерпретации уже имеющихся в распоряжении исследователей событий и фактов, отраженных во множестве рассекреченных документов.

При таком подходе и такой задаче исследователей события 1939—1941 гг. следует поставить в тот же исторический контекст, в ту же систему координат, которая существует при изучении других многочисленных исторических периодов и событий. Это, конечно, не означает, что к событиям надо подходить с той же методологией и методикой, как при изучении, скажем, религиозных войн XVII века в Европе. Но в принципе общий методологический подход может быть схожим. Он должен предполагать использование неких общих принципов при изучении и этого совершенно особого исторического периода и феномена.

С самого начала отметим, что сейчас наша историография исповедует многофакторный метод. Мы отказались от одностороннего видения истории, мы уже отошли от идеи объяснять исторические явления каким-то одним фактором — это видно и на подходах к нашей собственной истории. Мы, например, ушли от деления во время Гражданской войны 1917—1920 гг. общества на своих и чужих, понимая, что и у тех, и у других были свои доводы и, если угодно, своя правда. И вот этот многофакторный подход, мне кажется, должен стать основным и при подходе к периоду кануна и хода истории Второй мировой войны.

История показывает, что сделать это бывает довольно сложно, учитывая и то, что анализ событий того времени отягощается многочисленными политическими и идеологическими влия-

ниями. Но у историков уже накоплен опыт: речь идет об уже упомянутом проекте с историками США в изучении истории «холодной войны». От идеи «кто виноват», от идеи взаимных обвинений мы перешли к синтетическому комплексному изучению, обращаясь и к идеологии, и к проблемам безопасности, останавливались и на вопросах права, этики и морали, осуждая всякие проявления нарушения прав государств, народов и человека, неоднозначно оценивая лидеров, общественных деятелей и дипломатов и т.д., и в своей совокупности все это, я думаю, уже позволило нам дать более объективную картину событий того времени.

Мне кажется, что этот метод стоит применить и при изучении действий Советского Союза и всех других актеров той страшной драмы: Германии и англо-французского блока, и малых стран Европы, которые оказались в эпицентре столкновения больших держав. Представляется, что подход к анализу исторических событий должен затрагивать не только вопросы политики, права, этики, морали, но и проблемы экономики и роль внутренних факторов. В комплекс проблем входит и соотношение партийной внутривнутриполитической борьбы во всех странах — участницах событий, в том числе и предшествующего периода, ибо влияние исторического опыта очень важно. Если он существует для Советского Союза, то он столь же важен и для Соединенных Штатов Америки, а также и для Латвии и для Польши. Исторический подход схожий, он разнится самым содержанием, но то, что он существует, — это совершенно очевидно.

Наконец, есть такая тема, которая сейчас также в центре внимания мировой историографии. Речь идет о так называемой истории повседневности, истории жизни простых людей в тот период — как они воспринимали происходящее, как они жили, каковы были их настроения, которые тоже следует учитывать, и которые тоже были очень разными.

Важно уйти от односторонности. Думается, историк должен в чем-то быть и прокурором и адвокатом — в том смысле, что он должен искать и «pro» и «contra». Он должен находить, искать в истории объяснения, что были такие-то события, но были и другие возможности и варианты.

Сейчас много говорят, что история не терпит сослагательного наклонения. Естественно, что события и факты были такими, как есть, но историку столь же важно представить, какие могли бы существовать альтернативные решения, и были ли возмож-

ности истории пойти по другому пути, я бы назвал это «сослагательным наклоном в интерпретации событий».

Все это также следовало бы применить и к периоду 1939–1941 годов.

Возвращаясь к событиям тех драматических лет и говоря о Советском Союзе, следует подчеркнуть, что в политике Советского Союза были разные периоды, менялись точки зрения, стратегические и тактические цели. Нет никаких сомнений, что в начале сентября 1939 г. в Москве обсуждался вопрос, как реализовать на практике протоколы к пакту Молотова – Риббентропа и как осуществить включение в орбиту СССР территорий, отошедших к «сфере интересов» Советского Союза.

Я думаю, мы не погрешим против истины, если отвлечемся от общих политических оценок и скажем, что в сентябре (по крайней мере до конца сентября) — Москва вела свою игру достаточно «аккуратно». Был официально объявлен нейтралитет; в Польшу Красная Армия вступила только после того (буквально день в день), как германские войска подошли к Варшаве.

Лондону и Парижу, а я видел все эти документы, максимально ясно дали понять, что мы идем в восточную часть Польши, чтобы создать барьер против Германии, и это, как известно, даже вызвало недовольство Риббентропа в Берлине. Ситуация существенно изменилась в конце сентября 1939 г., когда был подписан известный договор о дружбе и границе с Германией, была прекращена всякая критика национал-социализма и фашизма, зато острие критики было обращено на Англию и Францию и т.п.

В этой ситуации было явно нарушено «взаимодействие идеологии и прагматической политики». И то, и другое было подчинено одной цели — сотрудничеству с Германией без ограничений и, главное, без противовесов.

Идея мировой революции в то время трансформировалась в то, что Молотов называл «зоной расширения социализма». Сталин не часто употреблял этот термин, потому что, думается, в этот момент, помимо идеи расширения «зоны социализма», его занимали и реальные соображения безопасности, поскольку война уже началась, а также желание вернуть СССР бывшие российские территории, что и определяло политику Кремля после подписания известных секретных протоколов.

Вообще судьба территорий в Восточной Европе интересовала Сталина на протяжении длительного времени. Вспомним, как на переговорах с Англией и Францией летом 1939 г. Москва

больше всего настаивала на праве пропуска советских войск через Польшу и Румынию и гарантии в Прибалтике. А тут довольно неожиданно Гитлер вообще отдал значительную часть этой зоны в сферу влияния СССР.

Существует расхожая точка зрения о большом личном союзе — между Сталиным и Гитлером, — но сначала следует сказать, что, по нашим ощущениям и по документам, напряженность между Советским Союзом и Германией, между Москвой и Берлином существовала даже в самые пики эйфории их отношений, и эта напряженность нарастала буквально с конца 1939 г. Ошибка Сталина, его просчет состояли в том, что он делал вид, что не обращает на это внимания. Однако соображения о том, что в будущем возможен конфликт с Германией, не уходили из Кремля.

Но повторяем, если говорить о главном просчете Сталина, то он состоял в том, что советский лидер стал неким заложником ситуации, а точнее, заложником политики Германии. Можно представить себе, что в той же ситуации была возможность сохранять более тесные контакты с Англией и Францией, тем более что Гитлер формально не требовал их разрыва. В конце концов, можно было даже пренебречь его возможным неудовольствием. И тогда это было бы внушительным средством нажима на Берлин. Следовало бы также не переводить коммунистическое движение на «профашистские рельсы», т.е. не отказываться от антифашистской пропаганды, и использовать его также как средство нажима на Гитлера. Можно было бы жестче реагировать на все нарушения, которые Германия делала в экономической и прочих областях, особенно с конца 1940-х гг. А произошло то, что Москва сковывала себе руки, не имея почти никаких средств давления на Гитлера и возможности что-то противопоставить ему.

В этом смысле весьма показателен визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В нашей исторической литературе активно обсуждается вопрос, каково было в реальности отношение Москвы к предлагаемому Гитлером присоединению к Тройственному пакту. Но в этом плане весьма примечательно то, с чем вообще Молотов ехал в Берлин. Можно констатировать отсутствие серьезных и стратегических, и тактических инициатив в действиях сталинского руководства в тот момент.

Единственное, о чем Молотов говорил во все дни пребывания в Берлине, состояло в желании СССР завершить дело с Финляндией и получить военную базу в Болгарии. С августа

1939 г. Сталин во многом мыслил категориями раздела Европы и мира на сферы влияния и на возможное получение военных баз.

В условиях резкого обострения международной обстановки, явного усиления напряженности в отношениях с Германией и продвижения Гитлера на Балканы у Сталина не оказалось каких-либо новых возможностей противодействия растущей агрессивности Германии.

Изменение ситуации произошло в конце 1940 года. У нас нет официальных документов, но благодаря исследованиям историка В.А. Невежина мы теперь знаем, что в самом конце 1940-го или начале 1941 г. в Москве было принято решение о «смене вех» в пропаганде в отношении Германии. Очевидно (и это подтверждается многими косвенными данными), что на рубеже 1940—1941 гг. было принято более общее решение начать подготовку к войне с Германией. И начали это делать с области пропаганды. В то же время, если рассмотреть заседания Политбюро ЦК ВКП(б) конца 1940 г. и первой половины 1941 г., то видно, что речь шла о новых видах вооружений и о смене командного состава. Я думаю, что и в политическом плане Москва уже не могла «спокойно» смотреть на развитие событий. Германия полностью вытесняла СССР из Балкан, резко отвергая все просьбы, претензии и недовольство Сталина.

И наконец, говоря о Советском Союзе, хотелось бы сказать еще об одном. Как известно, Сталин получал много предупреждений о готовящемся нападении. Существует точка зрения, что с его стороны было их игнорирование, что в этом проявлялось его упрямство и т.п. Следует иметь в виду и личный момент: Сталин не хотел признаться даже самому себе в том, правильно ли он действовал в предыдущее время. Он не мог представить себе, как разыграются события, если вдруг произойдет конфликт с Германией, которого он так боялся. Но есть и другое объяснение. Это не было простое игнорирование поступающей информации или ее недооценка. Советский лидер просто уже ничего не мог изменить. Решений могло быть только два. Либо срочно наращивать вооружения, что он и делал, — но программа была рассчитана до 1942 г.; либо начать то, что Суворов описал в своих книгах как курс превентивной войны и подготовки нападения на Германию (Суворов даже называл дату — 6 июля 1941 г.). Однако ни один документ не подтверждает, что эта точка зрения всерьез рассматривалась в Кремле. Оставалось только одно, что, видимо, и было принято на совещании в конце 1940 —

начале 1941 гг.: оттягивать конфликт, насколько это было возможно. И именно это решение преобладало.

Если обратиться к Германии, то у нее была ясно очерченная позиция. Гитлер считал, что он обманул Сталина и обманул всех. Он избежал войны на два фронта. Ключевым моментом и для Москвы, и для Берлина был молниеносный разгром Франции. В Кремле было шоковое состояние в мае 1940 г. В течение нескольких дней изменилось отношение Сталина и к Прибалтике, укрепившее решимость советского лидера начать действовать немедленно. Позиция Гитлера была совершенно очевидна. Он довольно умело втягивал СССР во всякие переговоры, одновременно вытесняя Советский Союз отовсюду, где было возможно. Самой жесткой линией было вытеснение СССР из Балкан. И еще один момент, который нам следует иметь в виду, заключался в попытке Гитлера направить внимание СССР на Центральную Азию и столкнуть его с Англией в этом районе. Существуют интересные документы английской разведки и схожие документы в Москве о том, что все участники тех событий знали о том, что происходит, они знали о беседах, где Гитлер убеждал советских представителей идти в Афганистан. Все знали, что Москва отреагировала отрицательно, и Лондону специально дали понять, что именно Гитлер предлагал советскому руководству и что оно отказалось принять его предложения по акциям в Афганистане.

В подходе к Англии и Франции также следует реально видеть цели и методы их политики. Накануне визита Молотова в Берлин, как известно, Черчилль послал Сталину предложение о подписании возможного секретного соглашения между Великобританией и СССР. Но если прочитать внимательно проект этого соглашения и комментарии внутри английского истеблишмента, то все это производит странное впечатление. Англия, которая в общем выстояла, но все-таки стояла перед угрозой вторжения, — ничего не предлагала Сталину. Черчилль выдвигал идею тайного соглашения. Сталину Черчилль говорил: «все равно у вас будет война с Германией». Черчилль давал всяческие обещания, что никакой утечки информации не будет, это будет только соглашение между этими странами. И что же предлагалось взамен? По словам Черчилля, после войны Англия благожелательно рассмотрела бы вопрос о признании де-факто включения прибалтийских стран в состав Советского Союза. Это говорилось Сталину в тот момент, когда эти республики уже были частью Советского Союза. И это было явным знаком того, что

Англия реально ничего не обещает. И эти факты тоже нужно учитывать. Англия с ее опытной дипломатией главной целью видела войну против Гитлера, но тоже не хотела пускать Советский Союз на Балканы. Определенную роль играл и турецкий фактор.

Мало изучена позиция Италии. Представляется, что это был существенный фактор, особенно в применении к Балканам.

Наконец, следует сказать о странах, которые оказались в тисках между великими державами. Я думаю, что не так уж много историков в России, кто сегодня делает попытки оправдывать действия Сталина по реализации пакта Молотова — Риббентропа, в том числе в отношении Прибалтики. Следует подчеркнуть, что было решение Съезда народных депутатов 1989 года с резкими и жесткими оценками протокола и договора. И это решение существует, его никто не отменял. Если считать, что Россия — правопреемник всего того, что было при Сталине, то уж, во всяком случае, Россия также правопреемник и того, что произошло и было заявлено в 1989 году. Оценки эти есть.

Следует говорить и о необходимости учета внутренних факторов в развитии событий в странах Балтии. Кстати, ряд последних публикаций, которые были в странах Балтии, показывает, что историки и этих стран стали уделять больше внимания данному вопросу. В этих странах было серьезное недовольство социально-экономической ситуацией, на основании чего существовали левые настроения, и они использовались в Москве. В общей палитре событий, в общей схеме многофакторного подхода мы должны учесть и эти соображения.

Следует иметь также в виду, что для определенных кругов в Прибалтике существовала дилемма — некий выбор между Германией и СССР, и для некоторых, особенно в спектре «левых» сил, отдавалось предпочтение Советскому Союзу.

Но мы должны видеть и существующие в некоторых кругах российской общественности настроения, которые оправдывают действия Сталина в тот период, в том числе и в отношении Прибалтики, преувеличивая роль выборов летом 1940 г., которые происходили в странах Балтии под контролем советских войск и политических советников. Народы балтийских стран испытали последствия тех проявлений сталинизма, которые были характерны для СССР в целом.

Необходимо также иметь в виду трагическую судьбу Польши. Имеется весьма интересный сюжет — это проблема отношений Советского Союза с эмигрантским польским правительством.

вом в Лондоне. Этот вопрос хорошо изучен в Польше, но почти совсем не изучен в России. В целом следовало бы обратить большее внимание российских историков на деятельность различных эмигрантских правительств (и Польши, и стран Балтии).

Существуют весьма интересные сюжеты, связанные с личностными факторами. Уходит время, и мы можем более беспристрастно оценивать события. Это не значит, что нужно оправдывать поступки многих деятелей, но понять их логику возможно и необходимо.

Очень важно изучать роль, характер тех личностей, которые действовали в то время. У нас недавно вышла книга российского историка «Сталин и Черчилль». Черчилль — одна из самых крупных фигур XX века, и вся сложная история отношений Черчилля и Сталина используется и теми, кто хочет отметить, что Черчилль хорошо понимал Сталина, и одновременно теми, кто имеет другие позиции. Первые приводят цитаты Черчилля, где он говорит о Сталине в самых высокопарных выражениях, а вторые говорят, что это был такой антисоветчик, которого трудно себе представить. Но это был живой человек. Поэтому очень интересно анализировать все, что касается личности Черчилля, его метода принятия решений и т.п., как и других деятелей того периода.

В поле нашего зрения должны быть также такие личности, как де Голль и руководители вишистского режима во Франции, деятели нацистской верхушки и т.д.

В настоящее время в российской историографии при изучении истории XIX—XX вв. особенно много внимания обращается на взаимоотношения между «простыми» людьми, на семейные связи, т.е. на все то, чего не хватало нашей истории в прошлом.

Наконец, речь должна идти и об истории повседневности, изучении обыденной жизни людей в СССР и в других странах, их отношения к войне, их быта, нравов и системы поведения.

* * *

Европейская драма 1939—1941 гг. продолжает привлекать внимание историков, политиков и общественных деятелей, дипломатов и журналистов.

Историческая память составляет важнейший элемент общественного развития; эта память всегда несет в себе значитель-

ный комплекс избирательности, разных трактовок и интерпретаций реальных фактов и событий.

И в этой нормальной историографической ситуации очень важно максимально освободить оценки исторических событий от влияния политической конъюнктуры и современных политических интересов.

Следует стремиться к тому, чтобы события далекого и не столь отдаленного прошлого не противопоставляли людей друг другу, а содействовали утверждению отношений добрососедства, уважения и терпимости между людьми, странами и народами.

Секретные протоколы Сталина и Гитлера — нескончаемая история с 1939 г.¹

Секретное взаимопонимание между двумя главными европейскими диктаторами Европы, оформленное в начале Второй мировой войны, стало ключевым, по крайней мере, для периода 1939—1941 гг. документом и в определенной мере сыграло роковую роль в истории Восточной Европы. Значение этого документа стало еще более очевидным в конце войны, на Ялтинской конференции, где Сталин получил де-факто от Рузвельта и Черчилля те территории, которые Гитлер уступил ему де-юре. Но формально аннексию Прибалтики западные союзники все же не признали. Поскольку решения Ялтинской конференции определяли судьбу Европы вплоть до распада СССР, последствия советско-германских секретных протоколов можно наблюдать и по сей день. Поэтому воссоздание всеобъемлющей истории протоколов, особенно дополнительного секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., представляется более чем актуальной задачей для исследователей. В данном докладе будут освещены некоторые из наиболее любопытных аспектов этой истории:

- (1) германо-советские беседы и завершающие их переговоры в целях достижения взаимопонимания;
- (2) интерпретация содержания протокола, непосредственные последствия советско-германского договора и оценка этих документов в свете норм международного права;
- (3) осведомленность о секретных протоколах в нацистской Германии, Советской России, их союзников, «государств-жертв» (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Румыния), а также ведущих держав антигитлеровской коалиции (Великобритания, Франция, США);

- (4) эффект разорвавшейся бомбы, который произвел секретный протокол на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге в 1945—1946 гг. и его роль в начале «холодной войны»;
- (5) предание огласке оригиналов документов;
- (6) изменения в историографической трактовке документов в коммунистической Европе с 1945 г. и до последних дней существования СССР: в Советской России, прибалтийских республиках, Белоруссии, Украине, Молдавии, Румынии, Польше, Восточной Германии и среди компартий западноевропейских стран; некоторые соображения по поводу возможностей использования историографических оценок секретного протокола в настоящее время с тем, чтобы провести различие между историками, которые долгие годы предпочитали следовать коммунистическим запретам, и теми их коллегами, которые были действительно заинтересованы в установлении фактов.

1. Германо-советские беседы и завершающие их переговоры в целях достижения взаимопонимания.

Многие документы показывают, что слухи о новом разделе Польши циркулировали уже после Мюнхенского соглашения, поэтому в 1939 г. никто не был удивлен, услышав о таких планах. Достижение же секретного взаимопонимания стало решающим шагом, на который пошли Сталин и Гитлер, поскольку Польша отказалась сделать выбор в пользу одного из них. Гитлер торопил Сталина установить согласие для того, чтобы заручиться советским нейтралитетом в своей войне с Польшей. Сталин сам был весьма заинтересован в сделке и со всей ясностью назвал цену, которую Гитлер, в свою очередь, был готов заплатить: раздел независимой Польской республики, предоставление Советскому Союзу контроля в странах Балтии, в Финляндии и частично на Балканах, особенно в Румынии.

Германо-советские беседы начались весной 1939 г. Поскольку правительству в Берлине было хорошо известно о советско-польской вражде, немецкие дипломаты 30 мая начали обсуждение территориальных вопросов с упора на ухудшающиеся отношения с Варшавой. Они еще открыто не выражали свою готовность произвести раздел Польши, но Москва почувствовала возрастание возможностей для изменения ненавистного ей территориального статус-кво в Европе. 14 июня СССР проявил также

интерес к Бессарабии и странам Балтии. Сталин в большей степени, нежели Гитлер, казалось, был готов уже на этой ранней стадии переговоров ставить конкретные территориальные вопросы и, возможно, даже пытался вынудить немцев связать себя детальными предложениями. Однако 26 июня Берлин предложил лишь совместную советско-германскую гарантию независимости стран Балтии. Но даже эта инициатива обеспокоила французов, которые боялись раздела Польши и стран Балтии.

В начале лета 1939 г. нараставшая торопливость германской стороны вывела зондажи на более детальный уровень, но их участники все еще с подозрением относились друг к другу. Дипломаты пытались характеризовать противоположную сторону как наиболее заинтересованную в переговорах и подталкивающую к заключению соглашения. Высшие официальные лица подключились к переговорам на заключительном этапе. Риббентроп и Гитлер, в конце концов, вмешались напрямую, в то время как Молотов хотел продолжить переговоры в Москве, где Сталину было проще самому вмешаться в их ход. 24 июля Шнурре по распоряжению Риббентропа указал на отсутствие противоречий между Германским рейхом и Советским Союзом в Прибалтике и Румынии. Два дня спустя он подчеркнул, что советские внешнеполитические интересы между Балтийским и Черным морями будут уважаться. Выслушав предложение немецкой стороны, Г. Астахов, временный поверенный в делах СССР в Берлине, проявил конкретную заинтересованность в странах Балтии, Румынии и Финляндии. Германские дипломаты со всей очевидностью приняли советские территориальные пожелания. Тем самым они создали основы для договора, предложив учесть интересы СССР и провести территориальное разграничение с ним. Гитлер к этому моменту уже планировал нападение на Польшу и для того, чтобы локализовать конфликт, заявил 2 августа о желании отказаться от собственных амбиций в странах Балтии, открыв путь советской экспансии. Риббентроп принял сталинские идеи и заявил о своей готовности уважать советские интересы в Польше, в государствах Балтии и Румынии. Таким образом, дни с 26 июля по 3 августа были чрезвычайно важными. 8 августа Астахов уже понял, что формула Риббентропа о двух морях означала отсутствие у него политического интереса в странах Балтии (кроме Литвы), в Бессарабии, Украине и в бывшей российской части Польши. Через два дня, 10 августа, К. Шнурре побудил Астахова конкретизировать советские интересы в Польше. 14 августа Риббентроп определил предмет пере-

говоров еще более расширительно, указав: «Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т.п.»². Тем самым были перечислены территории, которые Молотов потребовал еще в июне. Два дня спустя Риббентроп уже предложил подписать соглашения по всем «актуальным в настоящий момент вопросам» германо-советских отношений³. Будучи заинтересованным прежде всего в нейтралитете СССР, Гитлер сосредоточился на выяснении польского вопроса, в то время как Сталин начал понимать, что он может получить германскую поддержку для своей собственной агрессивной и экспансионистской политики в отношении Польши и стран Балтии. Будучи хорошо проинформированным о планах нападения Гитлера на Польшу, советский диктатор решил не только поддержать германскую агрессию, но и использовать ее для своих собственных экспансионистских планов.

Здесь следовало бы отметить, что, за исключением Польши, именно Сталин, а не Гитлер ставил территориальные вопросы. 1 июля британские и французские дипломаты уже предложили Советам некоторое подобие секретного протокола. Немецкие же дипломаты предложили подобный документ в ходе обсуждения экономических вопросов 3 августа. Но именно Молотов 17 августа потребовал подписания специального протокола, тесно увязанного с договором о ненападении. Он не стал более детально определять его территориальные пункты, но сослался на предложение Риббентропа. Риббентроп сразу согласился с идеей протокола и придал его содержанию более конкретную форму, подчеркнув свою готовность определить сферы интересов в регионе Балтийского моря, в странах Балтии и т.д. Однако его главным требованием было, чтобы Молотов четко обозначил советские интересы в Польше. Вне всяких сомнений, упомянутый протокол имел решающее значение для Кремля, и Молотов хотел, чтобы он стал важной, неотъемлемой органической частью договора. В посткриптуме договора следовало упомянуть о его существовании. 19 августа в дополнение к этому протоколу Молотов предложил неограниченный нейтралитет и дал четко понять: Сталин хочет, чтобы Гитлер совершил нападение. На следующий день «фюрер» согласился на дополнительный протокол, который Москва хотела подписать. Гитлер 14 и 22 августа проинформировал своих военачальников о советских территориальных интересах и о германских предложениях. 21 августа французский посол в Москве П.Э. Наджар уже предупреждал о близящемся разделе Польши, Румынии и стран Балтии.

Поскольку очевидно, что германо-советские переговоры в июле – августе 1939 г. концентрировались на вопросах территориального содержания протокола, нам следует обратиться к трактовке этого решающего периода в историографии. В коммунистических странах существовал официальный запрет на публикации о беседах и переговорах, которые привели к подписанию секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении 23 августа 1939 г. Примечательно то, что марксистско-ленинская историография упоминала о них так или иначе, когда историки оказывались перед дилеммой хотя бы полудостоверно объяснить, как Советское правительство пришло к соглашению с нацистской Германией. Политик и бывший посол Майский, к примеру, использовал в своей книге только отдельные выдержки из западных публикаций документов о протоколе, описывая период с 17 апреля по 14 августа и, вероятно, специально окончив свое исследование периодом, предшествовавшим подписанию пакта. Позже историки отвергали создающие трудности документы, объявив их фальсифицированными, и не касались тех сторон переговоров, которые могли послужить доказательством обсуждения территориальных вопросов или существования самого протокола. Иногда они цитировали только те части документов, которые относились к пакту о ненападении. Во время хрущевской оттепели им было позволено упоминать территориальные вопросы и протокол, но только в той степени, в какой это касалось ранних стадий переговоров. Ничего не говорилось ни о развитии переговоров, ни о подписанных в конечном счете документах. Главное же, все марксистско-ленинские авторы вопреки фактам отмечали, что это была исключительно германская инициатива, тем самым предлагая поверить в то, что протокол был только германской идеей с самого начального этапа (т.е. со 2 августа), даже до того, как дипломаты впервые упомянули об этом документе. В некоторых марксистско-ленинских книгах утверждалось, что Гитлер был вынужден проявить уважение к советским интересам в Восточной Европе для того, чтобы обеспечить советский нейтралитет. Исследователи также безосновательно подчеркивали, что Молотов пассивно выжидал, тогда как Риббентроп убеждал его прийти к соглашению. Историки указывали, что вплоть до середины августа, когда шедшие параллельно переговоры Сталина с западными державами потерпели неудачу (разумеется, историки-коммунисты утверждали, что они потерпели неудачу из-за отсутствия доброй воли у западных союзников, а не потому, что, как

свидетельствуют документы, Сталин предпочел условия Гитлера), Кремль не соглашался на секретное антизападное соглашение с Германией. Более того, историки-коммунисты подчеркивали, что Сталин якобы выжидал вплоть до самой последней минуты 23 августа, прежде чем подписал договор с Гитлером. Утверждалось, что он стремился к союзу с западными странами даже после подписания документов, хотя в действительности статья 4 договора запрещала ему это делать. Совершенно ясно, что исследователи-коммунисты лишь частично опирались на документы, оставляя без малейшего внимания те предложения, которые противоречили официальной версии истории. Таким образом, их работы могут быть охарактеризованы как нечто среднее между сокрытием фактов, манипуляцией ими или фальсификацией. Лишь сравнительно недавно некоторые исследователи признали, что у Сталина к концу августа было, по крайней мере, три альтернативы, но с 16 августа и в дальнейшем он отдавал явное предпочтение германскому предложению.

2. Интерпретация содержания протокола, непосредственные последствия советско-германского договора и оценка этих документов в свете норм международного права.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. появился на свет протокол как весьма существенная часть советско-германского взаимопонимания. С формальной точки зрения именно германские дипломаты определили его текст. Сталин определил содержание его территориальных статей, за исключением польского вопроса, Молотов же официально внес предложение о его подписании. Говоря о территориально-политическом переустройстве, секретный протокол был четко нацелен на агрессию и войну. И Риббентроп, и Молотов подписывали этот текст не для того, чтобы защитить свои государства на случай неудачи мирного решения польского вопроса. Наоборот, каждый из них знал и надеялся, что он позволит Гитлеру напасть на Польшу. Нельзя говорить и о том, что протокол был неясным или теоретическим документом. Он был составлен как инструкция для предстоящей агрессии, результатом которой является аннексия суверенных государств. Обе стороны зафиксировали свои претензии на территориальные завоевания путем разграничения сфер интересов. Конечно, протокол не был причиной неизбежной войны или даже мировой войны, но он основывался на идеях территориально-политического переустройства, которое в той степени,

в какой оно касалось Польши, могло быть достигнуто лишь военными средствами. Обе договаривающиеся стороны целенаправленно стремились к этому решению и поэтому использовали протокол для нападения на Польшу. Лишь три месяца спустя Сталин подтвердил эту агрессивную интерпретацию секретного протокола, совершив нападение также на Финляндию. Поскольку он мог аннексировать другие территории, упомянутые в протоколе, в результате агрессии, прикрытой дипломатическими средствами, не вызывает сомнений, что протокол (вместе со второй статьей договора, в которой подчеркивалось, что ни одна из подписавшихся сторон не выступит в поддержку военного противника другой стороны⁴) превратил договор о ненападении в наступательный пакт, нацеленный против восточной части Центральной Европы. Этот наступательный пакт объединил советские имперские и экспансионистские планы с немецкими военными планами. Оба документа, договор и протокол, заложили фундамент для начала Второй мировой войны, для немецкого и советского нападения на Польшу, сделав их возможными. По крайней мере они приблизили начало войны и, по-видимому, позволили Гитлеру своевременно начать агрессию — под прикрытием советского нейтралитета.

Протокол задавал рамки будущих действий подписавших его партнеров. Они включали аннексию упомянутых территорий. Поэтому использованный впоследствии немецкий аргумент, что советская оккупация стран Балтии стала шокирующим сюрпризом для Гитлера, не выдерживает критики. Напротив, аннексия лишь претворила текст протокола в жизнь. Секретный документ полностью предусматривал советские агрессивные действия в странах Балтии и Финляндии. В то время, в 1939—1940 гг., никаких возражений против них не выдвигалось. Факт раннего существования карт советских прибалтийских республик и директив НКВД является дополнительным доказательством того, что в 1939 г. Сталин уже не желал ограничивать советские претензии навязыванием договоров о взаимопомощи и о военных базах. Он всего лишь выжидал удобный момент для того, чтобы полностью инкорпорировать эти государства. Немецкая враждебность в отношении Сталина увеличилась лишь в результате полностью изменившейся военной, стратегической и политической ситуации, когда Гитлер потерял интерес к выполнению подписанных соглашений и стал выискивать претензии, которые он мог бы выдвинуть против Сталина, чтобы обвинить его в нарушении договора. Агрессивная и экспансионистская реализация Кремлем положений протокола

облегчала эти германские усилия, по мере того как Сталин последовательно устанавливал контроль над захваченными территориями и совершенно неверно оценивал реальную ситуацию.

Важно подчеркнуть в противовес мнению некоторых советских историков, что ни Гитлер, ни Сталин не начинали переговоры без подготовки. Ни тот, ни другой не были удивлены духом или содержанием соглашения. Оба сознательно боролись за согласованное территориально-политическое переустройство. Сталин в особенности цепко держался за уступленные ему территории и следил за скрупулезным исполнением буквы протокола, который он понимал как достижение полной аннексии, как установление четких границ и исключение какого-либо иностранного влияния. Гитлер расплатился со Сталиным за его нейтралитет в ходе нападения на Польшу, позволив ему осуществить огромную экспансию в западном направлении, которая мотивировалась прежде всего агрессивными целями, а не заботой о безопасности страны. Сталин стремился к разделу восточной части Центральной Европы, и Гитлер в отличие от западных держав был готов пойти на это. Этот процесс начался с четвертого раздела Польши. Такая политика была выгодна для обеих сторон. На первый взгляд, протокол помог Сталину приобрести огромные территории, но в дальнейшем Гитлер смог использовать этот документ для оказания давления на малые государства, ссылаясь на территориальные амбиции Сталина.

С точки зрения международного права, германо-советское неуважение свободы, суверенитета, территориальной целостности и существования других государств и их народов было беспрецедентным. И все же «государства-жертвы» были вынуждены многие годы спустя бороться с Советским Союзом и Федеративной Республикой Германия за юридическое признание того, что протокол с момента подписания был null et void ex tunc, т.е. никогда не имел законной силы.

3. Осведомленность о секретных протоколах в нацистской Германии, Советской России, их союзников, «государств-жертв» (Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Румынии), а также ведущих держав антигитлеровской коалиции (Великобритании, Франции и США).

Дипломатические документы и исторические события вплоть до кровавого конца германо-советской дружбы в июне 1941 г. подтвердили, что первоначально оба партнера единодуш-

но претворили в жизнь положения протокола в Польше, странах Балтии, Финляндии и на Балканском полуострове. Хотя предполагалось, что секретный протокол будет совершенно секретным документом, о его существовании и содержании было известно не только подписавшим его государствам. Часть политического аппарата и военных в обеих странах просто не могли не быть поставлены о нем в известность, так как были призваны претворять его в жизнь. Сразу после заключения соглашения об этом стало известно более чем 20 лицам из германского посольства в Москве и Министерства иностранных дел Германии, и не все они были связаны обязательством хранить его в строжайшей тайне. Кроме того, Гитлер часто намекал на этот документ в своих речах. Не только немецкие газеты задавались вопросом о его содержании и выражали уверенность в его существовании. Советские архивные материалы говорят о двойственной информационной политике П. Клейста, который работал в аппарате Риббентропа. Но поскольку лишь к немногим советским документам тех лет открыт свободный и полный доступ, они не позволяют судить о степени информированности высших эшелонов власти в Москве с той же очевидностью, как немецкие источники. Некоторые дипломаты, в особенности советские, напрямую цитировали текст документа впоследствии, так что круг посвященных стал шире — такие люди, как К. Риттер, В. Деканозов и А. Кобулов, которые участвовали в переговорах по балтийским вопросам (например, по компенсации за кусочек Литвы).

Как бы то ни было, можно утверждать, что Гитлер, как и Сталин, использовал в политических целях более или менее значительные части секретного протокола для шантажа третьих государств. Гитлер шантажировал страны Балканского полуострова, Сталин — государства Балтии, используя протокол для того, чтобы выставить себя защитником территориальной целостности Латвии и Литвы. Германский диктатор сам произвел экономическую и стратегическую переоценку некоторых стран в конце лета 1940 г. в ходе разработки плана немецкого нападения на СССР, несмотря на то, что протокол четко относил эти государства к советской сфере интересов. Широко используя намеки на советскую угрозу, находившие свое подтверждение в советских военных действиях 1939—1940 гг., которые были санкционированы текстом протокола, Гитлер сумел побудить Финляндию и Румынию стать активными участниками вооруженных действий против СССР. Это стало возможным не столько из-за немецкого давления, сколько благодаря собственным ревизио-

нистским и национальным интересам Финляндии и Румынии. Намеки на советскую экспансию в странах Балтии подтолкнули еще несколько балканских государств, например Болгарию, к большему сближению с Берлином.

Несмотря на то, что в Варшаве распространились слухи, официально Польша не показала большого интереса к советско-германским переговорам. Французские записки указывают на то, что польские послы в Париже и Москве, Ю. Лукасевич и В. Гжибовский, никогда не верили в существование секретного соглашения. Показная готовность Молотова помочь Польше была нацелена на то, чтобы погрузить Варшаву в несбыточные грезы относительно ее безопасности. Лишь позднее польское правительство в изгнании в Лондоне, по-видимому, поверило в существование секретных статей.

В отличие от Польши Финляндия была чрезвычайно встревожена с самого начала. Латвия знала о содержании и формулировках протокола, поскольку получала информацию из Берлина и Парижа, но не была уверена в значении этого текста. Литва также была хорошо информирована, но из-за ее особого положения в Балтийском регионе не могла определить, к какой сфере интересов она относится. Тревожащие Эстонию и Румынию сведения в отношении содержания этого документа накапливались с каждой советско-германской акцией. Как вероятный оппонент Советского Союза маршал Антонеску был широко информирован о нем.

Германский союзник Италия знала о существовании протокола, однако не проявила интереса к деталям его содержания. Берлин же считал «луче» (т.е. Муссолини) слишком ненадежным, чтобы сообщать ему секретные сведения. Для сравнения, недоверие и неодобрение, проявленные Японией в отношении сближения Гитлера с Москвой, были столь очевидны, что Берлин уклонился от представления Токио детальной информации. Потенциальные союзники Гитлера на Балканах получили хорошо дозированную и специально препарированную информацию, направленную на дискредитацию экспансии Сталина. С самого начала достаточно обоснованные слухи получили широкое распространение и среди нейтральных стран.

Правительство США знало почти дословно текст протокола даже раньше Гитлера, благодаря тесным связям между американскими дипломатами и немецким посольством в Москве, однако Вашингтон держал эти сведения в тайне. Более того, его интерпретация, казалось, породила трудности. Франция и Ве-

Великобритания подбросила «государствам-жертвам» отчасти сознательно преувеличенную информацию. Правительство же Великобритании использовало то, что ему было известно, для оказания давления на таких немецких союзников, как Италия, или в целях предостеречь их от какого-либо тесного сближения с Гитлером. Франция имела нескольких представителей в Москве с незаурядной интуицией: Ж. Пайяра и П. Э. Наджиара. Они не побоялись сделать прямые запросы советскому правительству и, располагая хорошими связями в немецком посольстве, смогли своевременно предупредить о территориальных соглашениях. Французский премьер-министр Э. Даладьё упомянул секретные статьи в своем радиообращении в августе 1939 г. Оно вызвало парламентские запросы и дебаты в Париже. Была создана специальная комиссия французского сената для сбора известных французской стороне сведений о советско-германском соглашении. В 1940 г. сенат, посольство Франции в Москве и Европейский отдел МИД Франции даже обменялись шокирующими письмами, когда в Желтой книге Франции были опубликованы слишком поздно и лишь выборочно документы, касающиеся германо-советского взаимопонимания.

4. Эффект разорвавшейся бомбы, который произвел секретный протокол на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге в 1945–1946 гг. и его роль в начале «холодной войны».

Что было известно интересовавшимся этой темой историкам в годы войны?

Вплоть до Международного трибунала в Нюрнберге и до начала публикации документов они могли лишь тщательно анализировать инциденты, в первую очередь территориальные изменения, и изучать официальные заявления, в особенности выступления Гитлера. Используя эту информацию, историки могли дискутировать относительно содержания секретного соглашения, не располагая, однако, его точными формулировками.

В Нюрнберге в результате союзнических соглашений (заключенных еще до начала заседаний трибунала), усилий советской специальной комиссии под руководством заместителя наркома иностранных дел А. Вышинского, а также с помощью специального вотума советских судей и обвинителей была предпринята попытка воспрепятствовать любым дискуссиям о секретном протоколе, в результате чего удалось избежать каких-либо упоминаний этого документа в тексте Приговора Международного военного трибунала. По сути, успех союзнического

трибунала зависел от замалчивания этой небольшой информационной бомбы. Но даже несмотря на это, в печать попала намного более детальная информация из выступлений И. Риббентропа, Ф. Гауса (возможно, больше других ответственного за формулировки протокола с германской стороны), М. Бланк (секретаря Риббентропа) и Э. Вайцзеккера (статс-секретаря германского Министерства иностранных дел), благодаря стараниям А. Зейдля в качестве представителя защиты в Нюрнберге и британской и американской поддержке этих усилий, которую следует уже рассматривать в контексте начинавшейся «холодной войны». Нюрнбергский трибунал фактически признал существование, подлинность и содержание секретного протокола, поскольку советские судьи, отвергавшие его существование на закрытых заседаниях с западными коллегами, были не в силах исключить ссылки на него в ходе заседаний трибунала.

Лишь формулировки и происхождение копий протоколов, которые появились в Нюрнберге, оставались предметом для спора среди историков после 1946 г. Два года спустя его текст был подтвержден в официальной публикации документов, впервые вышедшей в свет за пределами Германии, чтобы не раздражать Москву в дополнение к существовавшим разногласиям. Началась «война документов». Соединенные Штаты использовали протокол в качестве пропагандистского оружия главным образом в конце 1940-х и в 1950-е годы. Американские историки резко критиковали советскую экспансию, ставшую возможной в результате подписания протокола, и соучастие Сталина в разделе Польши, что положило начало Второй мировой войне. Советские авторы постоянно говорили о своих сомнениях в подлинности документа вплоть до 1989 г., некоторые из них даже до 1992 г., но в глазах серьезных исследователей эти возражения всегда казались политически ангажированными и не основанными на конкретных фактах. Итак, большинство советских историков твердо следовало партийным идеологическим установкам. Поскольку советские архивы, хранившие материалы 1939–1941 гг., были закрыты, никакая серьезная дискуссия об этих годах среди историков Восточной и Западной Европы не была возможна в течение более чем 40 лет.

5. Предание огласке оригиналов документов.

Историки прекрасно понимали, что большое число документов и столь много устных свидетельств, доказывавших, вне всяких сомнений, существование протокола, да и само историчес-

кое развитие были бы немыслимы без секретного соглашения. Однако отсутствие оригинала документа давало историкам-коммунистам достаточно поводов для того, чтобы начисто отрицать в течение многих лет возможность существования такового. До 1992 г. ни одного оригинала секретного протокола не имелось, пока он не был «найден» в архиве президента в Москве. Все предыдущие исследования основывались на факсимильных фотокопиях документа, которые «пережили» гибель германских архивов в конце Второй мировой войны благодаря неподчинению германских государственных служащих приказам начальства.

6. Перемены в историографической трактовке документов в коммунистической Европе с 1945 г. и до последних дней существования Советского Союза.

Как относиться к работам исследователей-коммунистов применительно к критическому периоду 1939—1941 гг.? В ретроспективе мы видим, что нацистская историография использовала похожую модель объяснения в годы войны. И нацистские, и советские историки говорили о «вынужденном решении», которое, впрочем, не смогло заставить какую-либо из этих стран полностью отказаться от собственных территориальных и политических целей. И в той, и в другой диктатуре исторические исследования контролировались с помощью цензуры. Жизнь историков, позволявших себе «опасные» мнения, подвергалась опасности. Следует, правда, сравнивать такие тоталитарные историографические исследования для того, чтобы установить несостоятельность марксистско-ленинских работ сегодня. И в то же время необходимо тщательно проанализировать различные книги и статьи, которые показывают, что ряд историков до 1990 г. писали более правдиво, чем другие, и, не подчиняясь партийной доктрине, рисковали своим положением. Необходимо вписать их имена в историю.

В целом же в Советском Союзе доминировали исследовательские работы, тщательно контролируемые и идеологически ограниченные строжайшими рамками, призванные легитимизировать коммунистический режим на оккупированных территориях. После нападения Гитлера на СССР Сталин предпочитал не вспоминать о его близких связях с нацистской Германией. Однако, начиная с 1945 г. и, в особенности, после директивных указаний Сталина в 1948 г., исследователи прямо или косвенно упоминали о секретном протоколе. В годы «холодной войны» они в полемике использовали ссылки на документ, при этом за-

малчивая целые главы из его истории, оспаривая его значимость или оправдывая договор.

Подобные ссылки были необходимы для объяснения советской политики до 1941 г. Но сам секретный протокол замалчивался, поскольку он противоречил всем социалистическим, так называемым ленинским, принципам, которые лукаво провозглашались в пропагандистских целях. Соглашение же Сталина и Гитлера о разделе сфер интересов, подписание Молотовым секретных протоколов, сталинское одобрение договора о дружбе и границах с Гитлером, советские вторжения в Польшу и страны Балтии противоречили этим принципам. Тем не менее, советская историография должна была описывать дипломатическую деятельность в период нескольких недель, предшествовавших 23 августа, и пытаться подчеркивать односторонний характер германской инициативы.

Говоря о периоде после подписания Договора о ненападении, историки оправдывали территориальные приобретения ссылками на необходимость обеспечения безопасности государства; они держали в секрете последующие документы, чтобы сделать возможной интерпретацию предшествовавших соглашений. Авторы характеризовали протокол, делая недопустимые сравнения с британо-французско-американскими соглашениями, которые они оценивали как такие же секретные соглашения по территориальным вопросам. Они даже создали исторические легенды, касающиеся, например, переговоров Риббентропа со Сталиным в Москве или судьбы советских оригиналов документов. В советский период факты представлялись в искаженном, неполном, фальсифицированном свете. Ограниченная внутренняя дискуссия, инициированная при Н. Хрущеве и возобновившаяся с новой силой в конце 1970-х гг., свидетельствует, что существование и регистрационная запись официально не существовавшего документа были хорошо известны советскому политическому и архивному руководству после 1960-х гг. Таким образом, секретный протокол не был безусловным табу для марксистско-ленинской историографии. Историки знали о документе и ссылались на него различными путями, но официальная историография медленно продвигалась от фальсификации или замалчивания в сталинский период к аллюзиям хрущевского времени и, в конце концов, после 1987 г. к реальной дискуссии при М. Горбачеве. Вначале историки полностью отрицали существование протокола, позже — лишь наличие оригинала документа. Только после преодоления серьезного сопротивления

официальное отрицание существования протокола трансформировалось в якобы хорошо обоснованные сомнения в подлинности существующих копий. В конечном итоге стало возможным обсуждать содержание и последствия секретных протоколов. Инспирированные властями отсрочки и постоянные запреты на обсуждение разных связанных с пактом вопросов придавали дискуссии все более и более политический характер. Договор и секретный протокол к нему стали одним из ключевых моментов в историческом и политическом диспуте о сталинизме.

На протяжении 1980-х гг. диссиденты в Советском Союзе отмечали, что национальные устремления нерусского населения в западной части СССР и народов пограничных государств, чьи политические и гуманитарные беды были следствием протокола, могли быть использованы для демократизации советского общества. В Советском Союзе Министерство иностранных дел стало рассматривать проблему признания существования протокола и его подлинности не позднее 1986 г., но по сравнению с Польшей советская историография освободилась от коммунистических оков намного позже. Развитие ситуации было в значительной степени непредсказуемым, неоднозначным и вплоть до наших дней недостаточно последовательным. Политическая разрядка в конце «холодной войны» сделала возможным проведение международных конференций историков и усилила стремление к установлению исторической правды. В те годы советские исторические дискуссии получили существенный импульс из Польши, которая под влиянием движения «Солидарность» начала освобождаться от коммунистической гегемонии. Толчком для них были и оппозиционные движения в странах Балтии, поддерживаемые значительной частью населения и усилившие свои позиции на пути к восстановлению независимости. Национальные устремления в бывших «странах-жертвах», в особенности в Польше и государствах Балтии, вынудили советское правительство действовать, а также интенсифицировали историческую дискуссию. Усилия народов Балтии восстановить свою историю и определить новые, независимые отношения с Москвой сконцентрировались вокруг сложного, болезненного и эмоционального обсуждения протокола, который превратился в политический и исторический символ подавления, которому необходимо было положить конец. Документ сыграл решающую роль в дискуссии о темпах и целях борьбы за независимость, которую аннексированные в 1939–1940 гг. государства развернули против Москвы.

Голоса балтийских стран в составе Союза звучали все громче и громче, требуя опубликовать протокол, признать его существование и аутентичность хорошо известных его текстов. Вскоре после этого стали раздаваться требования критически переоценить его содержание, осудить его подписание и последствия. Прибалты стремились преодолеть фальсификацию истории и таким образом подвергнуть критике легитимность существовавшего внутреннего и международного порядка. Через 50 лет после подписания секретный протокол неожиданно приобрел крайнюю политическую взрывоопасность и огромное значение. Этот исторический документ объединил сотни, затем тысячи, даже миллионы людей в зачастую нелегальных и потому опасных для них демонстрациях. Секретный протокол более не мог быть отделен ни от борьбы за освобождение от коммунистического режима и советского империализма, ни от дезинтеграции Восточного блока. Своими выступлениями выделялись такие историки, как Ю.Н. Афанасьев, газеты, подобные «Московским новостям», акции типа «Балтийского пути». Хотя в 1988 и 1989 гг. было сделано много частичных уступок, официальная партийно-детерминированная историография все еще обсуждала подлинность протокола насколько можно было долго. Политические историки и журналисты типа В.М. Фалина или Л.А. Безыменского даже пытались создать новые исторические легенды, например про западные исследования, подвергающие сомнению подлинность копий документа. Лишь 24 декабря 1989 г. Съезд народных депутатов СССР осудил протокол, опять же после политической задержки, а также раздражающих и утомительных дебатов. Парламент упустил возможность объявить его утратившим законную силу заблаговременно — до 50-й годовщины 23 августа, но под влиянием настойчивых инициатив балтийских депутатов протокол был окончательно осужден в год его знаменательного юбилея. Лишь политические перемены в СССР и в государствах восточной части Центральной Европы вместе с ревизией истории окончательно разрушили исторические легенды, порожденные Сталиным (например о советских политических альтернативах в 1939 г. или об осведомленности Сталина о целях Гитлера), и заполнили так называемые «белые пятна истории». Дискуссия о последствиях протокола продолжается.

Народы Литвы, Эстонии и Латвии (равно как, хотя и в меньшей степени, народ Молдавии) надеялись вновь обрести или завоевать независимость путем публикации, юридической оценки и аннулирования протокола. Ведь Москва пыталась легитими-

ровать советский режим, установленный там в 1940 г. с помощью пропагандистской лжи о якобы «добровольном вступлении» в Советский Союз. В 1988 г. Латвия возглавила процесс, опубликовав выдержки из текста протокола. Эстония первой выступила с научно-юридической оценкой, а Литва дала ему политическую оценку и использовала в политических целях. Балтийские страны могли опираться на широкое одобрение их борьбы со стороны Запада, который никогда не признавал аннексию Сталиным стран Балтии, в то время как западные союзники приняли инкорпорацию Восточной Польши и Бессарабии в ходе Второй мировой войны. Несколько позже коммунистические правительства Польши и Румынии под давлением СССР были вынуждены признать территориальные потери своих стран. Поэтому польским и румынским политикам труднее было осуждать этот аморальный акт. К тому же международное сообщество выступало против изменения сложившихся территориальных реалий из-за боязни породить волну бесконечных пересмотров границ в Восточной Европе.

Польские исследователи, в свою очередь, долгое время демонстрировали определенную независимость в отношении советского доминирования. Они использовали протокол для того, чтобы положить конец просоветскому режиму в своей стране и низвергнуть коммунистическое правительство, которое они рассматривали как советского сатрапа. Польская цензура контролировала каждую публикацию, но историки по сравнению с русскими меньше подчинялись партийным инструкциям и часто публиковались подпольно. Историки действовали в духе традиционной неприязни к московскому режиму, использовали хорошие контакты с коллегами-эмигрантами и пользовались поддержкой мощного подпольного движения. Кроме того, исторические исследования в Польше были намного более популярными и престижными, чем в СССР. Исследователи избегали участия в советской псевдодискуссии о существовании протокола и начали публикацию и обсуждение этого предмета еще в 1960-е годы. В силу того, что польские историки редко сомневались в подписании этого документа, конец коммунистического правления принес с собой мало новой информации полякам. Он попросту позволил им открыто обсуждать вопросы, ранее обсуждавшиеся лишь в самиздате. Некоторых советских историков притягивала эта ранняя и более глубокая свобода публикаций. Они стремились к тесным контактам со своими польскими коллегами для того, чтобы набраться у них опыта.

Украинские и белорусские историки, с другой стороны, оказались перед дилеммой. Они стремились осудить дипломатические методы, которые привели к подписанию и реализации протокола, но не хотели ставить под угрозу обеспеченную им территориальную целостность Украины и Белоруссии.

Молдавское правительство призывало к аннулированию протокола, но в свете краха Румынии в последние дни режима Чаушеску оно четко не заявило о стремлении к воссоединению.

Большая часть заявлений прибалтов, украинцев, белорусов и молдаван стала возможной лишь с началом заката советской власти, в то время как в Румынии критическая и публичная оценка протокола была разрешена из политических соображений еще в середине 1970-х гг. Чаушеску отказался от просоветской линии в историографии еще на ранней стадии, и лишь его страна выступала с призывами к территориальной ревизии в ходе обсуждения протокола. Только после свержения правительства Чаушеску новое румынское руководство отказалось от такого метода конфронтации, возможно, по причине довольно-таки близких отношений Илиеску с Москвой. Румыния признала суверенитет Молдавии. Ее правительство и парламент лишь более или менее внятно озвучили разногласия в территориальном вопросе применительно к Украине.

Историки в ГДР придерживались советских инструкций гораздо дольше, чем их восточноевропейские коллеги. Когда несколько более открытая дискуссия началась в 1988 г., правящая коммунистическая партия даже приняла решение не следовать за сдвигами в советской историографии. Она наложила запрет на уже достигнутые результаты частичного пересмотра истории. Исторические исследования в ГДР после 1945 г. проводились в прямой конфронтации с западногерманскими разработками. После 1988 г. вести их стало еще сложнее, так как многие исследователи-коммунисты на Востоке и Западе предпочитали следовать идеологическим инструкциям, нежели документальным свидетельствам, до того момента, пока партийное руководство в Москве не оценило по-новому секретный протокол накануне окончательного распада советской империи.

Большинству историков, которые публиковали в советский период свои работы, следуя партийным установкам, до сих пор приходится испытывать моральную ответственность за их прежние публикации, за более или менее очевидную убежденность и готовность сотрудничать в распространении пропагандистской

жи и односторонней фальсификации вместо следования исторической правде.

Следующие 10 пунктов подытоживают несколько результатов исследования:

1. Сталин определил содержание протокола, в то время как его текст сформулировали германские дипломаты. Без секретного протокола Советско-германский договор о ненападении не существовал бы. В 1939 г. оба диктатора одобрили этот документ и были преисполнены решимости использовать его в качестве основы для будущей агрессии. Заключительные переговоры состоялись в Москве, где Молотов точно знал, какой документ он намеревался подписать по приказу Сталина. Риббентроп не вводил его в заблуждение и не вынуждал его подписывать документ против его воли. Именно Сталин впоследствии использовал протокол в качестве политической базы для агрессивной экспансии на Запад.
2. Нацистские и советские политики получили большие возможности для интерпретации протокола, поскольку его словесный текст не был сформулирован в строгом соответствии с международным правом. Гитлер и Сталин договорились о разделе восточной части Центральной Европы путем агрессивных действий, и именно это они и сделали в августе 1939 г. Гитлер и Сталин сознательно стремились к этому разделу, проявив беспрецедентное в истории пренебрежение к национальному суверенитету других государств.
3. Само название протокола и особые инструкции были предназначены для того, чтобы хранить его в строжайшей тайне. Но фактически значительное число лиц (не только в Берлине, но и в Москве) знало о существовании секретного протокола, было знакомо с его содержанием и даже самим текстом. Некоторые документы свидетельствуют о том, что Западу было известно о переговорах, о подписании и содержании документа. Тем не менее, нацистская Германия и Советская Россия несут полную ответственность за этот договор.
4. Интересно провести более детальный анализ того, что конкретно, какое лицо или какая группа лиц знали в тот или иной момент. Степень знания о протоколе варьировалась в различных группах: у «государств-жертв», союзников Гитлера, партнеров по антигитлеровской коалиции и

нейтральных стран. Все они получили информацию частично перед тем, как Гитлер напал на Польшу. Информация поступила либо в результате измены, либо путем злоупотребления доверием, частично путем критического анализа военных действий и последовавших за ними территориальных изменений, частично благодаря слухам, которые Лондон, Париж, Берлин или Москва распространяли исходя из своих дипломатических интересов.

5. Сегодня существование и аутентичность секретного протокола более не подвергаются сомнению, поскольку с 1992 г. (когда он был «обнаружен» в российских архивах) оригинальный документ вновь официально «существует». Но в свете огромного числа свидетельств подлинность документа была абсолютно очевидна задолго до 1992 г. Лишь историки-коммунисты в течение многих лет пытались ~~дискредитировать~~ существовавшие факсимильные копии документа.
6. В 1946 г. Международный военный трибунал в Нюрнберге привел доказательства существования, подписания и содержания протокола. Обструкция советской стороны и попытки союзников воспрепятствовать его обсуждению были безуспешными. Марксистско-ленинская историография настаивала на том, что Риббентроп не возразил Р. Руденко, когда советский обвинитель отверг факт существования протокола. Но в действительности советский главный обвинитель редко отрицал существование протокола, Риббентроп же во время заседаний трибунала достаточно много говорил о документе. В ходе последовавшей «войны документов» в 1948 г. более широкие круги исследователей получили доступ к опубликованным протоколам.
7. Сталин не желал говорить о протоколах после 1941 г. Советские историки были вынуждены на долгий период наложить табу на эти документы. Официально протоколы для них никогда не существовали. Но тем не менее, даже в некоторых советских исторических работах намеками говорилось об этих документах, а в отдельных из них даже вполне недвусмысленно.
8. Польша и страны Балтии сыграли решающую роль в дискуссии о существовании и аутентичности протоколов, проходившей в Советской России после 1945 г. Польские и балтийские историки и политики использовали эту дискуссию для восстановления своей подлинной истории.

Они заложили основу для последующего признания общеизвестных исторических фактов советским парламентом. Только Румыния, в особенности в период правления Чаушеску, пыталась использовать историческую дискуссию в качестве основы для ревизии территориальной проблемы. Украинские, белорусские и молдавские историки, с другой стороны, оказались в затруднительном положении: они хотели бы осудить документ, но были вынуждены защищать его последствия, исходя из интересов государства. С 1945 г. историки в Восточной Германии и в коммунистических партиях западных стран все более непосредственно сталкивались с установленными фактами и документами, предоставленными историками, которые не разделяли их идеологических предубеждений. Тем не менее, они отрицали существование протоколов (даже дольше, чем их польские или балтийские коллеги), следуя в русле официальной советской интерпретации истории.

9. Сегодня только российские неосталинисты продолжают отрицать существование протоколов, их аморальный характер и содержание, которое нарушает международное право. Но не закончилась дискуссия по поводу того, повлиял ли прямо или косвенно и в какой мере протокол на развязывание Второй мировой войны, дискуссия об экспансионистской политике Сталина, относительно существующих сегодня государственных границ и их зависимости от протоколов. Историки также продолжают спорить о мотивах и ответственности подписавших его сторон.
10. Развернувшаяся с 1987 г. историческая дискуссия в Восточной Европе вновь ввела в научный оборот факты, которые отвергались на официальном уровне с 1945 г. Эта дискуссия помогла хотя бы частично открыть советские архивы. Но она не повлекла за собой установление новых фактов и не принесла находок, которые были бы действительно принципиально новыми и заставили бы западных историков переписывать историю. Детальный анализ историографии в связи с отношением исследователей к запретной теме секретного протокола может быть использован в наши дни для того, чтобы провести разграничение между теми историками, которые предпочитали долгие годы следовать коммунистическим запретам, и теми их коллегами, которые были действительно заинтересованы в установлении подлинных фактов.

Несколько заключительных слов

В ретроспективе непосредственными следствиями заключения секретного протокола стали потеря независимости четырех государств (три из них получили возможность восстановить ее только в 1990 г.), перекройка границ, смерть миллионов людей и политические, экономические, правовые и культурные перемены, которые определили жизнь миллионов людей и развитие Восточной и Центрально-Восточной Европы более чем на 66 лет. Гитлер получил от протокола территориальные и политические выгоды в краткосрочном плане, а Сталин и его преемники — в долгосрочном. Германский рейх утратил преимущества от него в 1945 г., когда союзники разделили страну. Лишь 40 лет спустя народы Балтии смогли использовать секретный протокол для того, чтобы оспорить советское устройство и в конечном счете вызвать распад СССР.

Таким образом, с того самого дня 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол к германо-советскому договору о ненападении определил историю и политику в Восточной Европе и в восточной части Центральной Европы. Его влияние все еще ощущается в наши дни. Многие вопросы остаются без ответа, например: как возникла окончательная редакция документа? На чьей реальной информации основывались те или иные слухи? Кто именно знал о месте хранения протокола в советских архивах с 1939 г.? Какая политическая инструкция в коммунистических странах устанавливала табу на документ?

История дружбы Сталина и Гитлера, история секретных протоколов еще далека от завершения.

Примечания

¹ См. подробнее: Lipinsky J. Das geheime Zusatzprotokoll zum deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrag vom 23. August 1939 und seine Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte von 1939 bis 1999. Frankfurt am Main; Berlin; Bern, 2004.

² См.: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 582. — *Прим. ред.*

³ См.: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 583. — *Прим. ред.*

⁴ В ст. 2 договора подчеркивалось: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». — *Прим. ред.*

От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса

Историками довольно хорошо были изучены события, происходившие в Европе перед началом Второй мировой войны в период острого международного кризиса, который разразился после подписания в Мюнхене известных соглашений, отдавших Чехословакию на растерзание Гитлеру. Однако по мере открытия с начала 1990-х гг. ранее недоступных российских архивов стали возникать новые и новые вопросы, которые требуют ответа. В немалой степени они вызваны различными по своему научному уровню книгами, а также документальными фильмами, демонстрируемыми средствами массовой информации. Поэтому сегодня главные задачи исследователей состоят в том, чтобы, учитывая накопленные знания и новые архивные свидетельства, показать, как мир подошел к роковой черте, назвать всех виновников развязывания глобального конфликта и те силы, которые способствовали эскалации агрессии. Решение поставленных задач не просто научная проблема, цена правильного ответа состоит и в том — сможет ли человечество в наступившем XXI веке учесть горький опыт не столь отдаленного прошлого, сделать из него надлежащие выводы, извлечь уроки. Следует добавить, что это дело не только политиков, дипломатов или знатоков военной стратегии. Это задача каждого из нас, прежде всего молодого поколения, к которому молох войны особенно безжалостен.

Как мир подошел к рубежу кровавого противостояния и почему с середины 1930-х гг. возростала военная угроза на Европейском континенте?

Вскоре после войны мир с затаенным дыханием слушал показания нацистских преступников на Нюрнбергском процессе.

Людям открывалась страшная картина череды преступлений гитлеровского режима — казни, тюрьмы, концлагеря, холокост, уничтожение миллионов военнопленных и гражданских лиц. На этом процессе были представлены неопровержимые документы и свидетельства о том, как Гитлер и его приспешники готовили мировую войну, на что они рассчитывали.

Главари преступного государства откровенно высказывались о своих планах в отношении России. Россию собирались не просто покорить, но и стереть с лица земли. Большую часть населения уничтожить, а остальных обречь на медленное вымирание. Советских людей считали «недочеловеками». Согласно немецкому плану «Ост», только в ближайшие несколько лет после ожидаемой победы Германии предусматривалось выселить или уничтожить более 50 млн. граждан СССР, «разгромить русских как народ, разобщить их», — говорилось в этом документе¹.

Но прошли десятилетия, и сегодня некоторые из историков пытаются сделать Советский Союз ни больше ни меньше как соучастником гитлеровских преступлений, причастным к развязыванию Второй мировой войны. Говорится о равной ответственности Берлина и Москвы за эскалацию предвоенного кризиса и непричастности к нему западных стран. Так кто же виновник Второй мировой войны? Какие события подтолкнули агрессора к ее началу? И как оценивать в этой связи действия Советского Союза?

В 1925 г. была издана книга А. Гитлера «Майн кампф». Там есть такие фрагменты: «Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке», «...мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены... наша задача, наша миссия должна заключаться в том... чтобы открыть себе возможность прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч...»².

Земля, пространство, богатейшие ресурсы России — вот что притягивало будущего фюрера Германии. Иногда говорят, что если бы в России не было советской власти, Гитлер не напал бы на СССР. Но идея экспансии на восток была настолько глубоко заложена в уме Гитлера, что она осуществилась бы независимо от того, был бы в России в то время царь, генеральный секретарь либо президент, будь в ней социализм или капитализм. Гитлеру нужно было «жизненное пространство» для германской «арийской» нации, нужен был плацдарм для завоевания затем миро-

вого господства. Мало кто из живших в 1920-е и 1930-е годы мог себе представить, что содержание книги «Майн кампф» предопределил на многие годы судьбы всего человечества.

Сегодня стало модно говорить об имперских амбициях СССР в 1930-е годы, о его агрессивных планах коммунистической экспансии в Европе. Западные страны, в свою очередь, представляются в виде благородных рыцарей в белых одеждах, стремившихся предотвратить пожар войны, но обманутые как Гитлером, так и Сталиным. Так ли это? Факты говорят о несколько иной картине событий: уважаемые лидеры западных демократий, воспитанные на традициях гуманизма и справедливости, с невероятной настойчивостью и последовательностью пытались натравить Германию на СССР.

Версальский мир, заключенный после Первой мировой войны, породил в Германии разруху, нищету и реваншизм, на волне которых Гитлер и пришел к власти. В ряду униженных государств оказалась не только Германия, но и Россия, вынесшая на своих плечах огромную тяжесть боевых действий и своей кровью спасшая в 1914 г. Францию от неминуемого поражения. От России после 1917 г. отошли или были отторгнуты Финляндия, Польша, Прибалтика, западноукраинские и западнобелорусские земли, Бессарабия, другие территории. На западных границах Советской России (с 1922 г. — СССР) был создан «санитарный кордон» из недружественных ей государств антисоветской ориентации. Естественно, что СССР оказывал сопротивление такой политике, защищал свои национальные интересы, действуя в русле тех правил игры, которые установили на международной арене другие великие державы — прежде всего державы-победительницы Англия и Франция. Французский главнокомандующий в Первой мировой войне маршал Фош был точен в своих прогнозах, когда заявил, что Версальский мир «это не мир, а перемирие на 20 лет»³.

В Германии с приходом к власти нацистов развернулась гонка вооружений. Только с 1933 по 1938 гг. Германия в 10 раз увеличила военное производство, в марте 1935 г. ввела всеобщую воинскую повинность. А что же западноевропейские демократии? Их руководство прекрасно знало о намерении Гитлера захватить «жизненное пространство» в России, но это не смущало Лондон и Париж. Там принимали необходимые меры, чтобы задобрить фюрера Германии и тем самым отвлечь его от похода на запад, показав, что от него ожидают удара именно на восток. Верх взяла политика умиротворения.

Позднее У. Черчилль вспоминал: «Летом 1935 года Германия в нарушение договоров восстановила обязательную воинскую повинность. Великобритания простила это, а заключив с ней сепаратное соглашение, позволила ей восстановить флот... битва за мир, которую в 1935 году можно было выиграть, была теперь почти наверняка проиграна»⁴.

Между тем мир все больше разделялся на сторонников и противников послеверсальского устройства. Последние, действуя агрессивно, спровоцировали ряд локальных войн и конфликтов – в Китае, Испании, Эфиопии. В ноябре 1936 г. был заключен «Антикоминтерновский пакт» между Германией и Японией, к которому в ноябре 1937 года присоединилась и Италия⁵. Под прикрытием антикоммунистических лозунгов эти страны скрывали свои далеко идущие геополитические цели. Но действительной реакции западных демократий не последовало.

В марте 1938 года Германия захватила Австрию – суверенное европейское государство. Англия и Франция предпочли проглотить и эту пилюлю. В Лондоне и Париже были уверены, что Гитлер вскоре насытится и оставит старую добрую Европу в покое. Но не тут то было. Его следующей целью была Чехословакия.

К этому времени Советский Союз находился в положении осажденной крепости. Вероятность агрессии как с запада, так и с востока нарастала. Сложность ситуации заключалась еще и в том, что в Москве полагали – задумай Гитлер оккупировать, например, Прибалтику, Лондон и Париж снова промолчат. Запад не высказывал никаких намерений выступить против создания теперь уже реального немецкого плацдарма для нападения на СССР. Последующие события подтвердили это опасение.

Возвратимся к распространенному тезису о стремлении СССР привнести в Европу на своих штыках «пожар мировой революции» и его «агрессивных намерениях» в отношении соседних стран. Может в то время все обстояло именно так? СССР действительно развивал промышленность, модернизировал армию. Но зачем в этом случае ему было выступать в роли инициатора создания системы коллективной безопасности в Европе? И в 1930-е гг. он очень активно действовал на этом направлении.

Идейные установки на мировую революцию были. Но они еще в 1920-х гг. ушли на задний план, уступая место суровой необходимости укрепления обороны и поиска союзников из числа великих держав и других стран для борьбы с угрозой фашистского нашествия. В 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций – международную организацию, прообраз современной ООН – и на-

стойчиво искал сближения с западными демократиями, союзниками России в Первой мировой войне. В 1935 г. удалось заключить хотя и неполноценные, но важные договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией⁶. Казалось, что на пути германской агрессии создается надежный щит коллективной безопасности. Но это только казалось. Верх взяла политика умиротворения агрессоров, которую особенно активно проводила Великобритания.

Динамитом, взорвавшим международную ситуацию, стали Мюнхенские события сентября 1938 г. Что же произошло в этом городе?

30 сентября 1938 г. А. Гитлер, Б. Муссолини, Н. Чемберлен и Э. Даладье достигли соглашения, которым предписали правительству Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около одной пятой своих территорий. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместье Праги.

В обмен Германия подписала с Англией и Францией декларации, явившиеся, по сути, пактами о ненападении. Чемберлен, спустившись с трапа самолета, говорил, что привез с собой из Мюнхена мир. Но это было самообманом. Мюнхен лишь распалил аппетиты Гитлера. Теперь ему казалось, что весь мир может оказаться у его ног. Чемберлен, сам того не осознавая, привез с собой дыхание войны⁷.

Важно подчеркнуть, что, во-первых, требования к Чехословакии совместно продиктовали Германия и Англия — явный агрессор, с одной стороны, и один из гарантов европейского мира, — с другой. Франция (которая по договору была обязана защищать Чехословакию) и Италия последовали за своими партнерами. Чемберлен дважды совещался в сентябре 1938 г. с Гитлером. Последний жаловался британскому премьеру на судьбу якобы притесняемых судетских немцев⁸. Но, по сути дела, эти немцы являлись открытой «пятой колонной» в Чехословакии. Их никто не притеснял. Напротив, они занимали привилегированное положение. В результате произошло отторжение территории у суверенного государства, грубейшее нарушение международного права.

Во-вторых, фактическими соучастниками мюнхенского сговора и раздела Чехословакии явились Польша и Венгрия. Польша оккупировала Тешинскую область, Венгрия — Закарпатскую Украину. Было, однако, понятно, что Германия просто исполь-

зует соседние с Чехословакией государства ради достижения своих целей. Известно высказывание германского военного атташе в СССР генерала Э. Кёстринга в беседе с литовским военным атташе, относящееся к тому периоду: «Польша является ключей, которую Германия впрягла в свою упряжь на время.. Если Польша рассчитывает на помощь Германии в ее войне с СССР, то во всяком случае германские войска, вступив в “коридор” и в Силезию, оттуда никогда не уйдут»⁹. СССР вновь оказался в изоляции. Попытки поддержать Чехословакию успеха не имели.

Посол США в Испании К. Бауэрс так писал в то время о происшедших событиях: «Мюнхенский мир за одну ночь свел Францию до положения второсортной державы, лишив ее тщательно культивировавшихся друзей и всеобщего уважения, а Англии нанес такой сокрушительный удар, какой она не получала в течение последних 200 лет. Полтора века назад за такой мир Чемберлена засадили бы в Тауэр, а Даладье казнили бы на гильотине»¹⁰.

То, что для Англии и Франции означало якобы умиротворение Германии, для Москвы — нарастание военной угрозы. Бывшие союзники России в Первой мировой войне открыто проигнорировали интересы СССР. Доверие к Лондону и Парижу в Москве было подорвано. Правительства Англии и Франции открыто заявляли в то время, что они не желают иметь с СССР ничего общего. Британский и французский послы были отозваны из Москвы. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне писал в декабре 1938 г.: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на восток»¹¹.

Что же теперь о лидерах западных демократий могли думать в Москве? Как было оценить сложившуюся ситуацию? Мысль о необходимости не допустить оккупацию немецкими войсками стран и территорий, прилегающих к существующим советским границам, не дать вермахту создать выгодный плацдарм для удара по жизненно важным центрам СССР на тот момент стала господствующей среди политического руководства в Кремле. В ноябре 1938 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потемкин в беседе с послом Франции в Москве заметил: «Мой бедный друг, что вы наделали? Что касается нас, то я не вижу другого выхода кроме четвертого раздела Польши»¹².

Расчеты западных стран на то, чтобы гарантировать себе безопасность путем «заклания» Чехословакии, не оправдались.

15 марта 1939 г. войска вермахта вступили в Прагу. Политика умиротворения рушилась как карточный дом.

21 марта 1939 г. Германия предложила Польше, союзнице по Мюнхенской сделке, в обмен на тот же посул о гарантиях ее границ возвратить город и порт Данциг, до Версаля бывший германской территорией. 31 марта Англия, а затем Франция, объявили о своих собственных гарантиях Польше. 11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования, утвердил план «ВАЙС» — план войны с Польшей и устанавливал срок готовности к войне — **1 сентября 1939 г.** Именно эта дата и обозначила начало одной из самых кровопролитных трагедий XX века — Второй мировой войны¹³.

В то же время росла опасность вступления германских войск в страны Прибалтики. По крайней мере в Кремле полагали, что события развиваются именно в этом направлении. 17 мая 1939 г. советский военный атташе в Латвии полковник Васильев докладывал в Москву, что «подготовка германской агрессии» в эту республику идет уже полным ходом.

Есть смысл привести несколько отрывков из его наблюдений. Он, в частности, отмечал, что «внешнеполитические события последних двух месяцев привели в движение все слои латвийского общества... [в нем] растут сомнения и неуверенность в завтрашнем дне, с одной стороны, с другой — успокоительные успокоения правительства и активность немецкой меньшинственной группы...

В Риге... Меже-парк и другие предместья являются постоянным местом сборища гитлеровской молодежи... Хождение по улицам Риги «мальчиков» в белых чулках и гитлеровские приветствия являются обычным явлением. Мало того, сам министр иностранных дел на второй день Пасхи разгуливал в белых чулках... Идет усиленная пропаганда идей фашизма и прямой агрессии... «Венцом» подготовки германской агрессии является приезд в Ригу германского военного атташе полковника Рессинга, который, вероятно, получил указание прощупать и подготовить общественное мнение к возможному протекторату Германии над Латвией... Рессинг предлагал в Лиепае командиру дивизии и офицерам гарнизона германский протекторат, причем этот протекторат должен был быть направлен против Советского Союза...

Но происходят и конкретные вещи, — подчеркивал советский военный представитель. — В настоящий момент в одном из кинотеатров Риги идет наш кинофильм «На границе». Фильм

значительно подрезан, но производит исключительное впечатление на людей. Достать билет представляет такую же трудность, как на премьеру в Большой театр. Хвост очереди тянется по улице, не говоря уже о переполненном зале, тогда как другие кино совершенно пустые... Фильм проходит под аплодисменты и возгласы «бей японцев». В первый день постановки этого фильма один капитан подходит к директору театра, жмет ему руку и говорит: «Спасибо, поставили вовремя».

Общее мнение трудящихся — это скорей бы пришла Красная Армия. Интеллигенция рассуждает так: «Лучше Советская власть, чем немцы».

Вывод: Правительство, его верхушка по-прежнему тянут латвийский народ в лоно германского фашизма и в критический момент не остановятся перед прямым предательством своего народа.

Группа генерала Болодиса стоит на платформе национальной самостоятельности Латвии, рассчитывая на помощь Советского Союза, но пока конкретных мер не принимает и навряд ли на это способна.

Трудящиеся массы стоят за прямое присоединение Латвии к Советскому Союзу.

Во всяком случае, Латвия стоит накануне больших событий...»¹⁴

В быстро меняющейся и все более опасной обстановке лета 1939 г. СССР вынужден был искать оптимальные решения для обеспечения своей собственной безопасности и идти на договоренности с теми странами, которые готовы были на деле гарантировать отсутствие угрозы агрессии с сопредельных с ним территорий.

В свою очередь каждая из противостоявших в Европе группировок пыталась найти контакт с Москвой. На новогоднем приеме 1939 г. в Берлине Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Мерекалову. В марте этого же года, впервые за всю историю, на приеме в советском посольстве в Лондоне появился премьер-министр Чемберлен. Французы также не отставали. Премьер Э. Даладье провел несколько встреч с советским послом Я. Сурицем. Весной 1939 г. начались англо-франко-советские дипломатические переговоры и стороны выдвинули на них свои предложения о заключении договоров о взаимопомощи¹⁵.

СССР вел активные переговоры с Англией и Францией, а затем также и с Германией. Переговоры с Германией летом 1939 г.

вела и Великобритания. Так, в июне 1939 г. сотрудник министерства иностранных дел Германии Тротт фон Зольц встречался с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом и министром иностранных дел Э. Галифаксом и обсуждал с ними вопросы мирного урегулирования проблем между двумя странами¹⁶.

Наиболее трезвомыслящие западные политики понимали, что никакая система безопасности на Европейском континенте не станет действенной, если к ней не будет привлечен Советский Союз. Без СССР казалась бесперспективной любая оборона против агрессии Германии. Черчилль говорил в то время в Палате общин: «Я никак не могу понять — каковы возражения против заключения соглашения с Россией... Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией... Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии... Что плохого в этом простом предложении?»¹⁷

Это решение действительно было простым и разумным. Но Даладье и Чемберлен, в руках у которых была реальная власть, по-прежнему надеялись договориться именно с Гитлером! История сыграла с лидерами Франции и Англии злую шутку. В декабре 1940 г., когда Англия после разгрома Франции и других своих европейских союзников вела войну фактически один на один с Германией и Италией, английский военный атташе в Москве полковник Грир в сердцах признался советским офицерам: «...Нас к этому положению привела старая политика Чемберлена. Было бы лучше, если бы все решали солдаты и офицеры». И далее уже совсем не дипломатично: «Старых политиков надо поставить в один ряд и расстрелять...»¹⁸.

Но пока шел 1939 г. Сложность и неоднозначность положения Москвы диктовали ей необходимость поиска путей предотвращения угрозы своим границам.

Решающее значение в сложившейся обстановке августа 1939 г. имели переговоры военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве. 12 августа военные делегации Англии и Франции прибыли в Москву на Ленинградский вокзал. В российских СМИ одно время появилась версия о том, что якобы Сталин сорвал эти переговоры. Но обратимся к фактам.

Руководители делегаций адмирал Р. Дракс и генерал Ж. Думенк в Москву не спешили. Они плыли на пароходе, затем ехали на поезде. Собирались и добирались целых 2 недели. Посол

Германии в Англии Г. Дирксен сообщал в Берлин: «Военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской армии, чем заключить оперативное соглашение»¹⁹. У английского адмирала Дракса не было с собой даже полномочий для ведения переговоров. В инструкции ему предписывалось вести переговоры «весьма медленно», выработать декларацию в «весьма общих формулировках»²⁰.

Что же советская сторона? Имеются все основания полагать, что она относилась к переговорам со всей серьезностью. В конце 1990-х гг. был рассекречен интересный документ «Инструкция Ворошилову» — главе советской делегации на этих переговорах. Она записана маршалом 7 августа, вероятно, под диктовку И. Сталина. Приведем некоторые выдержки: «Переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом, о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию... Заявить, что без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал ...»²¹.

Советская делегация получила полномочия вести переговоры и подписать военную конвенцию при условии обеспечения взаимной безопасности. Начальник Генерального штаба РККА Б. Шапошников представил на переговорах обстоятельный план совместных военных действий трех держав в случае германской агрессии. СССР заявил о готовности выставить 136 дивизий для совместной обороны. Английская и французская делегации приехали в этом смысле в Москву с пустыми руками²².

Между тем для СССР на переговорах с Германией приобрела реальные очертания возможность заключения пакта о ненападении, ограничивавшего продвижение вермахта на Восток.

17 августа германский посол в Москве Ф. Шуленбург сообщил советскому правительству, что Германия готова заключить с СССР договор о ненападении сроком на 25 лет, предоставить совместно с СССР гарантии прибалтийским странам и использовать свое влияние для улучшения отношений СССР с Японией²³. В Москве делали выводы. Германия была готова договориться с СССР! Тем самым появлялась реальная возможность отвести непосредственную угрозу от советских границ. К тому времени советская разведка получила сведения о плане и сроках нападения Германии на Польшу, и правительство было поставлено об этом в известность.

Для людей, хорошо разбиравшихся в военно-стратегических вопросах, было совершенно ясно, что Советский Союз не мог и не имел права допустить, чтобы германские войска, наступая на Польшу, беспрепятственно вышли к советским границам. Член французской делегации Бофр отмечал в то время: «Трудно быть более конкретным и более ясным,... контраст между этой программой и смутными абстракциями англо-французской платформы поразительный... Наша позиция оставалась фальшивой»²⁴.

После того, как советская делегация 13 августа поставила вопрос о пропуске частей Красной Армии через территорию Польши и Румынии, британский посол в Москве У. Сидс сообщил в Лондон: «Русские подняли основной вопрос, от решения которого зависит успех или неудача военных переговоров»²⁵. Но польское правительство категорически отказывалось от сотрудничества с СССР. 20 августа министр иностранных дел Польши Ю. Бек телеграфировал послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается». В тот же день глава французской миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию»²⁶.

Известно, что поляки весьма опасались присутствия Красной Армии на территории их страны, которое рассматривалось как шаг к дальнейшей утрате ими своего суверенитета. Но какой выбор был тогда у Польши? Либо надо было вступать в англо-франко-советскую коалицию, либо искать компромисса с Гитлером. Иначе она оставалась один на один с немецкой агрессией, что, в конечном итоге, и произошло.

Вернемся к переговорам. 22 августа Думенк сообщил Ворошилову, что получил полномочия подписать конвенцию, но Лондон хранил молчание. Отсутствовал ответ и на кардинальный вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши в случае нападения на нее Германии²⁷.

На следующий день после провала переговоров с Англией и Францией советское правительство подписало договор о ненападении с Германией и секретный протокол к договору, которые теперь чаще называют пактом Молотова—Риббентропа по именам руководителей внешнеполитических ведомств СССР и Германии того времени.

Существует немало суждений и версий о значении пакта Молотова—Риббентропа. Чем же он на самом деле являлся —

преступлением сталинского режима, ошибкой Москвы или единственно возможным в то время решением, которое отвечало национальным интересам страны?

Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп в указанный ему срок 23 августа прибыл в Москву, и в ночь на 24 августа договор между двумя странами был подписан. Он на какое-то время обеспечивал СССР гарантией от войны с Германией и ее реальными и потенциальными союзниками. Германия избавлялась от угрозы войны на два фронта при нападении на Польшу и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции. Но в последнем просчиталась.

В случае войны СССР, согласно секретному протоколу, получал свободу действий в Финляндии, Эстонии, Латвии, Восточной Польше (Западной Белоруссии и Украине) и Бессарабии²⁸. Что это означало на практике? Как показали ближайшие события, СССР намеревался заключить с большинством из этих стран договоры о взаимопомощи с введением на их территорию ограниченных контингентов войск и защиты их границ как своих собственных.

Иными словами, это был тайный раздел сфер влияния между СССР и Германией — осуждаемое, но широко практикуемое явление в международных отношениях того времени. 25 августа 1939 г. было подписано соглашение между Англией и Польшей, которое также затрагивало интересы других государств и фиксировало сферы влияния Великобритании и Польши, хотя этот термин конкретно и не употреблялся²⁹. Сделки такого рода неоднозначны. Каждая из сторон извлекает из них как выгоды, так и потери. С позиции сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной международной обстановке. Моральный ущерб для СССР, заключившего договор с нацистским режимом, был очевиден. Но договор, и это главное, позволил СССР выиграть около двух лет для укрепления обороны страны. Кроме того, договор вызвал сильные противоречия между Германией и Японией как раз в тот период, когда советские войска вели бои против японцев на р. Халхин-Гол³⁰. Все это уже в годы Великой Отечественной войны способствовало тому, что СССР избежал губительной для себя войны на два фронта.

Британские газеты 23 августа сообщали, что премьер Н. Чемберлен ловил рыбу, а министр иностранных дел Э. Галифакс охотился на уток. Позднее из британских источников стало известно, что на 23 августа был согласован прилет Г. Геринга

в Великобританию для встречи с Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-немецких переговорах. Как и в Первой мировой войне, все решилось в последний час. Известно, что, получив от Сталина согласие на подписание договора о ненападении с Германией, Гитлер запретил полет Геринга на Британские острова.

И, наконец, еще одно важное обстоятельство — это определенное отрезвление правительств западных демократий, которые после 23 августа осознали, что СССР не позволит сделать из себя «мальчика для битья». У него есть свои интересы, с которыми следует считаться. И хотя Париж, Лондон и Вашингтон были еще враждебно настроены к Москве, тем не менее вскоре после вторжения германских войск в Польшу и начала Второй мировой войны — уже осенью 1939 года — начались англо-советские и американско-советские дипломатические переговоры, которые в конечном итоге привели к формированию антигитлеровской коалиции.

Примечания

¹ Цит. по: Тоталитаризм в Европе XX века: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 290—291.

² Цит. по: Мировые войны XX века. В 4 кн. Науч. рук. проф. О. Ржевский. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. Отв. ред. М. Мягков, сост. Ю. Никифоров. М., 2002. С. 8—9.

³ Черчилль У. Вторая мировая война. В 3 кн.. Кн. I. М., 1991. С. 22

⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. I. С. 90.

⁵ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. С. 20—21.

⁶ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. С. 43—45.

⁷ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. С. 24—28, 31.

⁸ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. С. 22—23

⁹ Цит. по: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979. С. 216.

¹⁰ US. Library of Congress. Manuscript Division. Dodd's Papers. Box 56.

¹¹ Цит. по: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 211.

¹² Цит. по: Christopher Throne, The Approach of War, 1938—1939. N.Y., 1967. P. 136.

¹³ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. С. 40—41, 60—61; Год кризиса. 1938—1939. М., 1990. Т. I. С. 376—378.

¹⁴ Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 123—128.

¹⁵ Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Под ред. О. Ржешевского. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 18. См. также: Накануне, 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну: Краткая история в документах, воспоминаниях, комментариях / сост. Н.Яковлев, О. Степанова, Е. Салынская. М., 1991. С. 205–214.

¹⁶ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. С. 66.

¹⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1. С. 170.

¹⁸ РГВА Ф.4. Оп.19. Д.77. Л. 99–113.

¹⁹ Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971. С. 272.

²⁰ Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. С.273

²¹ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. С.74–75.

²² Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 263–264.

²³ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 279–280.

²⁴ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 264.

²⁵ Цит. по: Война 1941–1945. Факты и документы. С. 22.

²⁶ Год кризиса... Т.2. С. 294.

²⁷ Год кризиса... Т. 2. С. 307–311.

²⁸ Документы внешней политики (ДВП). М., 1999. Кн. 2. С. 462.

²⁹ Documents on International Affairs 1939–1946. L., 1951. Vol. 1. March–Sept. 1939. P. 469–471; The Great Powers and Polish Question 1941–1945 / Ed. by A. Polonsky. L., 1976. P. 67–69.

³⁰ Накануне, 1931–1939... С. 244–246.

Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз

Развитие международных событий, приведших 1 сентября 1939 г. к началу германо-польской, а тем самым и Второй мировой войны, далеко не во всем отвечало замыслам Гитлера и даже в немалой степени им противоречило. После Мюнхенского соглашения фюрер все больше склонялся к войне с западными державами, для подготовки к которой требовалось время. Выступая перед руководством вермахта 22 августа 1939 г., он разъяснял присутствовавшим: «Поначалу я хотел установить приемлемые отношения с Польшей, чтобы прежде повести борьбу против Запада»¹. Этот вывод подтверждается как предшествующими высказываниями германских политиков², так и текущей оперативной работой высших штабов вермахта.

25 октября 1938 г. в Главном командовании военно-морского флота была подготовлена памятная записка «Война на море против Англии»³, представлявшая теоретическое обоснование плана «Z» — грандиозного военно-морского строительства, завершение которого планировалось к 1945 г.⁴. Утверждая в конце января 1939 г. этот план, Гитлер заверил главкома ВМФ адмирала Э. Редера, что именно военно-морское строительство в ближайшие годы получит абсолютный приоритет⁵. В то же время осенью 1938 г. фюрер решил, что люфтваффе также должно интенсивно готовиться к войне с Англией, и отдал приказ о «незамедлительном пятикратном увеличении военно-воздушных сил» в рамках «гигантской производственной программы»⁶.

О том, что помыслы руководства Третьего рейха в этот период концентрировались на борьбе с Западом, свидетельствует и беседа Риббентропа с адмиралом В. Канарисом 9 декабря

1938 г., в ходе которой рейхсминистр посвятил шефа абвера в планы войны против западных держав, чему должны были предшествовать ликвидация Чехии и установление тесных связей с Польшей⁷. Другой важный аргумент в пользу однозначно антизападной ориентации нацистской внешней политики в этот период — разногласия Берлина с Японией, соглашавшейся на присоединение к Тройственному военному союзу исключительно при условии его антисоветской направленности⁸. Это же подтверждают и подготовленные в конце ноября 1938 г. в Верховном командовании вермахта (ОКВ) по поручению Гитлера «Размышления к совещаниям [руководства] вооруженных сил с Италией»⁹. Это, впрочем, не означало, что Гитлер собирался вести войну против западных держав ранее 1942-1943 гг. Необходимо было время, чтобы создать соответствующие военные, прежде всего материально-технические, а также внешнеполитические предпосылки. Что касается первых месяцев 1939 г., то, по мнению немецкого историка Г. Грамля, Гитлер «не видел ни внешнеполитических, ни военно-стратегических, ни тем более экономических причин, которые могли бы его вынудить» начать какую-либо войну уже в том году¹⁰.

По мере того как антизападная стратегия осенью 1938 г. все больше приковывала внимание Гитлера и разного уровня военнопланирующих инстанций, среди внешнеполитических задач на очередной план стала выдвигаться «польская проблема», занимавшая ключевое место в обеспечении тыла Германии на востоке. По замыслу фюрера, гарантом благожелательного нейтралитета Польши должен был стать новый договор между Берлином и Варшавой. В нем предусматривалось бы строительство экстерриториальной шоссейной и железнодорожной магистралей через Польский коридор и передача Данцига Третьему рейху, а также присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту¹¹. Польша была нужна Гитлеру в качестве послушного сателлита. Его уверенность в том, что Варшава согласится играть эту роль на предложенных им условиях, основывалась, прежде всего, на убеждении, что у польских политиков просто нет иного выхода, как отныне ориентироваться только на Германию с ее резко возросшей мощью и влиянием на континенте. Именно на этом направлении международной политики в конце 1938 — начале 1939 гг. были сосредоточены немалые усилия германской дипломатии.

В свете уже сформулированных либо находившихся в процессе обдумывания внешнеполитических задач отношение руководства Третьего рейха к Советскому Союзу могло иметь

лишь подчиненный, инструментальный характер. Не в последнюю очередь это объяснялось резким уменьшением значения СССР на международной арене, ослабленного деструктивной внутренней и внешней политикой тоталитарного режима в целом. Это дало основание статс-секретарю МИД Э. фон Вайцзеккеру так охарактеризовать позицию официального Берлина по отношению к СССР: «Россия не представляет интереса ни в качестве друга, ни в качестве врага»¹².

Подобный подход, разумеется, не исключал экономических связей с Советским Союзом. Например, в последние месяцы 1938 г. в связи с выдвинутой Гитлером задачей — увеличить производство вооружений — и резко возросшей потребностью в стратегическом сырье ряд заинтересованных ведомств подготовил предложения относительно активизации германо-советской торговли посредством предоставления СССР крупного кредита на льготных условиях. МИД Германии, имея указание уполномоченного по четырехлетнему плану Г. Геринга и согласие И. Риббентропа, предпринял в конце 1938 — начале 1939 гг. шаги по расширению германо-советских торговых контактов¹³.

Однако намечавшийся многообещающий диалог между Берлином и Москвой по торгово-экономическим вопросам¹⁴ был весьма недипломатично сорван, по сути так и не начавшись. Причиной столь неожиданного, в частности для германского МИД, развития событий послужил шум, поднятый в печати ряда стран, прежде всего во Франции, по поводу предстоящих германо-советских переговоров¹⁵. Отмена визита руководителя экономической делегации К. Шнурре в Москву по личному указанию Риббентропа менее чем через сутки после возвращения рейхсминистра из Варшавы могла означать, скорее всего, нежелание Гитлера создавать в тот момент впечатление о демонстративном обострении отношений с Польшей после очередного неудачного раунда двусторонних переговоров путем розыгрыша «русской карты»¹⁶.

Попытки представить кратковременную активизацию советско-германских экономических контактов в конце 1938 — начале 1939 гг., равно как мини-спектакль, разыгранный Гитлером на новогоднем приеме дипломатического корпуса 12 января¹⁷, и отсутствие нападок на СССР в его традиционном выступлении в рейхстаге 30 января¹⁸ в качестве некоего поворота в политике Германии, как стремление навести мосты в отношениях с Москвой¹⁹, лишены серьезных оснований. Эти публичные акции были адресованы правительству Польши, которому

Гитлер недвусмысленно давал понять, к чему может привести отказ Варшавы от принятия пакетного предложения Берлина.

Весной 1939 г. эта комбинация оказалась под угрозой, натолкнувшись на нежелание Варшавы играть роль ассистента, младшего партнера Третьего рейха в ходе установления его гегемонии в Европе. Если бы польское правительство пошло навстречу Берлину, то война в 1939 г., по всей видимости, не началась бы, так как к борьбе против западных держав Германия не была готова. Таким образом, внешняя политика Польши в 1939 г. наложила значительный отпечаток на развитие событий накануне и в начальный период Второй мировой войны, вынудив Гитлера изменить свои планы: перенести направление первого удара с запада на восток, начать войну раньше, чем это планировалось, и пойти на тактическое соглашение со Сталиным.

Несмотря на то, что 11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг., важнейшей частью которой являлся план (общий замысел операции) войны с Польшей, это еще не означало, что он принял окончательное решение. На такое предположение, в частности, наводят противоречия, содержащиеся в преамбуле директивы, отражающие скорее политический, а не военный подход к проблеме. Она начиналась с констатации четкой целевой установки: «Позиция Польши на данном этапе требует от нас особых военных приготовлений..., чтобы при необходимости исключить всякую угрозу с ее стороны на все времена». Однако следующий абзац преамбулы явно не стыкуется с предыдущим: «Отношения Германии с Польшей *впредь должны строиться с учетом нежелательности трений. Если Польша изменит вою политику в отношении Германии, базировавшуюся до сих пор на тех же принципах, что и наша политика в отношении Польши,* станет угрожать рейху, то, несмотря на существующий договор, может возникнуть необходимость окончательно расквитаться [с Польшей]»²⁰ (курсив мой. — С.С.).

Приведенный отрывок директивы убедительно свидетельствует, что в начале апреля 1939 г. в оценке политической ситуации, уже состояния собственно германо-польских отношений не было определенности. Сама фиксация этой неопределенности также является веским аргументом в пользу предположения, что окончательного решения относительно того, быть или не быть войне с Польшей, Гитлер в то время еще не принял. Генерал Варлимонт, временно исполнявший весной 1939 г. обязанности начальника штаба оперативного руководства ОКВ, вскоре по-

сле окончания войны сообщил, что, согласно переданным ему начальником штаба ОКВ генералом В. Кейтелем указаниям Гитлера, в разрабатываемой директиве необходимо было отразить, что «военные приготовления Германии пока направлены преимущественно на то, чтобы усилить дипломатическое давление, которое она и впредь будет оказывать на Польшу»²¹.

Таким образом, даже утвердив 11 апреля директиву, в основе которой лежал план «Вайс», Гитлер по-прежнему стремился добиться от польского руководства принятия своего пакетного соглашения. Это подтверждает и его речь в рейхстаге 28 апреля. Фюрер заявил о все еще сохранявшемся намерении решить «польскую проблему» с помощью мощного политико-пропагандистского давления, правда, уже принявшего формы латентной угрозы войны. Объявив германо-польское соглашение о ненападении (1934) «более не существующим», Гитлер не исключил возможности мирного улаживания возникшей напряженности на его условиях: «...Если польское правительство хочет придти к новому договорному урегулированию отношений с Германией, то я буду это только приветствовать, но при условии, что подобное урегулирование будет основываться на четких и одинаково связывающих обе стороны обязательствах»²².

К окончательному решению о войне с Польшей Гитлер пришел, вероятно, во второй половине мая 1939 г. Наверняка решение это далось ему непросто, слишком нежелательный вариант развития событий навязывала ему Польша. И только 23 мая его позиция обрела некую определенность. Именно в этот день Гитлер на встрече с высшим военным руководством (в узком составе) представил свое видение международной обстановки и сообщил о своих последних военно-политических решениях²³.

К этому времени отношение Гитлера к «польской проблеме» претерпело ряд существенных изменений:

1. Он фактически признал ошибочность ставки на Польшу в ходе планируемой им войны против западных держав, а значит и нереалистичность многомесячных усилий по достижению соглашения с польским руководством: «Поляки не представляют дополнительного врага. Польша всегда будет на стороне наших противников».
2. Кроме того, Гитлер признал: его расчеты на то, что удастся втянуть Польшу в Антикоминтерновский пакт, обеспечив таким образом гарантию германскому тылу (против СССР), оказались несостоятельными: «Польша — сомнительный барьер против России». Похоже, такое признание

было результатом некоего умозаключения, а не следствием негативной позиции Польшы в этом вопросе.

3. Констатируя нераздельную связь между двумя проблемами — польской и столкновения с западными державами — Гитлер не предложил удовлетворительной, с военной точки зрения, альтернативы: «Столкновение с Польшей... приведет к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры. <...> Уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом будет исключена, нет; в случае ее возникновения <...> лучше напасть на Запад и в то же время покончить с Польшей. <...> Одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией) ни в коем случае нельзя допустить». Все эти установки явно противоречат одна другой и на горизонте определенно возникает перспектива войны на два фронта, которая была кошмаром для нескольких поколений германских политиков и генштабистов.
4. Гитлер мельком коснулся не менее серьезной, хотя и чисто гипотетической ситуации — создания союза западных держав и СССР, заметив: такой союз «побудил бы меня напасть на Англию и Францию, нанеся им несколько сокрушительных ударов». Что в подобной ситуации следовало делать с Польшей, оставалось неясным. По всей видимости, фюрер не мог не затронуть эту тему как якобы несуществующую, но и не стремился ее развивать.
5. Гитлер оставил практически без внимания вопрос о союзниках Германии. И это при том, что накануне был подписан «Стальной пакт» с Италией, а из беглого упоминания Японии могло создаться впечатление, что последняя «относилась к совместным с [Германией] действиям (против Запада. — С.С.) холодно». С этой точки зрения международная обстановка, в которой Третьему рейху предстояло начать войну с Польшей и, скорее всего, еще воевать и против западных держав, выглядела не слишком радужно.
6. Сознвая всю сложность сложившейся ситуации, Гитлер сформулировал главную задачу на предстоящие месяцы, а именно: «изолировать Польшу»; чтобы присутствующие не сомневались, что это возможно, фюрер неожиданно приводит следующий довод: «не исключено, что Россия останется равнодушной к разгрому Польши». Для подоб-

ного заключения у Гитлера к тому времени имелось уже достаточно оснований.

7. Основной задачей он по-прежнему считал войну против западных держав, а «польскую проблему» при любом раскладе — лишь производной от нее. Политика польского руководства не оставила ему иного выбора, как «при первом подходящем случае напасть на Польшу».

И последнее: приняв политическое решение о войне с Польшей, Гитлер особо подчеркнул то, что казалось само собой разумеющимся: «окончательный приказ о нанесении удара [он] оставляет за собой». Что скрывалось за этой, несколько демонстративной предосторожностью? Только ли стремление не испугать присутствующих фатальной неизбежностью сформулированных решений? По всей видимости, не только. При этом следует иметь в виду сверхооптимистический доклад начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Ф. Гальдера, с которым он выступил перед своими подчиненными предположительно во второй половине апреля 1939 г.²⁴ Скорее всего, Гитлер отводил очень большую роль проблеме изоляции Польши, понимая, что вермахт не в состоянии вести войну на два фронта. «Успешная изоляция будет иметь решающее значение», — заявил он 23 мая, оставляя себе, таким образом, возможность для маневра.

Какое место руководство Третьего рейха в решении «польской проблемы» отводило СССР? Как уже упоминалось, сначала была предпринята попытка оказать давление на Польшу, создав некую видимость улучшения отношений между Берлином и Москвой. Однако, как Сталину не удалось разыграть «польскую карту», добиваясь соглашения с Берлином, так и Гитлеру не удалось использовать «советский козырь», чтобы вынудить Варшаву принять его предложения, хотя усилия вождей в связи с этим были, конечно, несопоставимы²⁵. О том, что это была лишь видимость сближения и в жесткой позиции Гитлера и его ближайшего окружения по отношению к СССР не произошло никаких заметных изменений, свидетельствуют следующие факты.

24 января 1939 г. Риббентроп выступил с докладом перед большой группой генералов и адмиралов вермахта, в котором, изложив аспекты союзнической политики Германии, заметил, что «в широких кругах порой все еще тешат себя мыслью, что рано или поздно можно будет достичь соглашения с Советской Россией». Рейхсминистр подчеркнул: «Между национал-социализмом и большевизмом никогда не могло и не может быть ни-

какого компромисса. <...> Для Германии существует только одна политика, а именно та, что направлена против России...»²⁶.

Спустя две недели, 7 февраля, в докладе рейхслейтера А. Розенберга перед зарубежными дипломатами и корреспондентами не менее откровенно прозвучало, что устранение «из европейской жизни мирового большевизма <...> как разрушительной силы» национал-социалистическое движение рассматривает как «огромную предварительную работу для достижения мира в Европе»²⁷. Таким образом, в конце января — начале февраля 1939 г. отношение нацистской верхушки к Советскому Союзу не изменилось. При этом несогласованность в заявлениях Гитлера и его ближайшего окружения следует исключить, так как еще 25 июля 1938 г. распоряжением фюрера было запрещено всем партийным функционерам касаться в публичных выступлениях вопросов внешней политики без его предварительного одобрения²⁸.

Не изменилось и отношение к советским дипломатам со стороны официальных немецких инстанций. 24 января доверенное лицо Гитлера — имперский руководитель прессы О. Дитрих организовал большой прием для представителей прессы, глав зарубежных миссий и пресс-атташе посольств. При этом ни один сотрудник советского полпредства, включая полпреда, приглашения на этот прием не получил. А.Ф. Мерекалов писал в Москву по этому поводу: «Я считаю, что это есть проявление ~~ж~~вной дискриминации по отношению к нам и считал бы необходимым при случае заявить Аусамту, что если это будет повторяться, то мы сохраняем за собой право аналогичных действий в отношении германского посольства в Москве»²⁹. По всей видимости, это был не единственный случай дискриминации советского представительства в Берлине, поэтому Мерекалов не удовлетворился претензиями, предусмотренными в таких случаях дипломатическим протоколом, а присутствуя на обеде, устроенном Гитлером для дипкорпуса, обратился непосредственно к нему с жалобой, высказав пожелание «одинакового со всеми к себе отношения»³⁰.

Не очень-то соблюдала немецкая сторона и якобы имевшую место поздней осенью 1938 г. устную договоренность между послом Ф. фон Шуленбургом и М.М. Литвиновым о прекращении в средствах массовой информации нападок на Гитлера и Сталина³¹, о чем свидетельствовали соответствующие претензии, высказывавшиеся советскими дипломатами на протяжении зимы — весны 1939 г.³².

Поэтому неудивительно, что, заявив в докладе на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. о готовности искать новые пути для обеспечения безопасности страны и о том, что для конфликта с Германией нет никаких видимых оснований³³, а, напротив, есть «возможности других, невраждебных, добрососедских отношений между Германией и СССР» (так впоследствии комментировал это выступление советского вождя В.М. Молотов³⁴), Сталин не смог довести эту мысль до Гитлера. Утверждение Молотова, что «в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы», применительно к весне 1939 г. не соответствовало действительности³⁵.

То, что в позиции Гитлера в отношении СССР и после доклада Сталина на XVIII съезде ВКП(б) ровным счетом ничего не изменилось, подтверждает соответствующее указание Министерства пропаганды прессе: «Съезд коммунистов в Москве можно комментировать в том смысле, что его работа сводится к еще большему укреплению клики Сталина — Кагановича»³⁶.

Активизация политики западных держав после оккупации Чехии³⁷ вынудила Гитлера попытаться предотвратить эвентуальное складывание новой Антанты. Начиная с середины апреля, не только МИД, но Геринг и его аппарат уже участвовали в реализации поставленной задачи. Беседы с советскими дипломатами в этот период, намеки на желательность улучшения советско-германских отношений и особенно распространявшиеся слухи о якобы имевших место интенсивных германо-советских контактах преследовали сугубо функциональные задачи — не допустить сближения СССР с западными державами, усилить и без того существовавшее недоверие с обеих сторон.

В рамках этих мероприятий проводились и акции по дезинформации потенциальных союзников, которые оцениваются рядом историков — сторонников концепции «немецкой инициативы» в сближении Берлина и Москвы — как заслуживающие внимания «конфиденциальные сообщения»³⁸. Например, один из ближайших сотрудников Геринга в Министерстве авиации, генерал К.Х. Боденшац, сообщил 6 мая 1939 г. помощнику французского военного атташе в Берлине капитану П. Штелину, что накануне отъезда (19 апреля) Мерекалова в Москву его принял Риббентроп, а советский военный атташе имел в те же дни беседу в ОКВ. При этом обоим «подробнейшим образом поставили в известность о точке зрения германского правительства» на ряд международных проблем; в частности, речь шла о том, что Гитлер не думает разрешать германо-польские разногласия без уча-

ствия СССР³⁹. К этим сведениям необходимо отнестись с большой осторожностью. Во-первых, историки не располагают ни прямыми, ни косвенными свидетельствами о беседе Мерекалова с Риббентропом в апреле 1939 г. Во-вторых, должность советского военного атташе в Берлине была вакантна с июня 1937 г.⁴⁰

Давно привлекавшая внимание историков беседа Вайцзеккера с Мерекаловым 17 апреля 1939 г.⁴¹, на основании немецких документов в течение десятилетий считавшаяся этапным советским зондажем в ходе последующего советско-германского сближения⁴², равно как и ее диаметрально противоположная оценка как важной немецкой инициативы⁴³, базировавшаяся на интерпретации введенных в научный оборот в начале 90-х годов какой-то части советских документов, скорее всего, не была ни тем, ни другим. Нацистское руководство не стремилось в это время к реальному сближению с СССР, о чем не в последнюю очередь свидетельствует тот факт, что к вопросу о кредитном соглашении в Берлине вернулись только в конце первой декады мая⁴⁴. Для советского руководства это был всего лишь один из многочисленных эпизодов в многолетних усилиях по достижению политического соглашения с нацистской Германией⁴⁵. Что же касается вывода, будто бы «распространившиеся в скором времени в правительственных кругах [Германии] слухи об этой беседе [17 апреля] подтверждают, что имевшие место откровения Вайцзеккера в самом деле представляли собой первый официальный шаг к сближению с СССР»⁴⁶, то как раз их распространение скорее говорит о стремлении не к сближению с СССР, а лишь о создании впечатления о таковом. Пять недель спустя после этой беседы Вайцзеккер отмечал в памятной записке Риббентропу: «Нашей целью должно быть воспрепятствование тому, чтобы русско-англо-французские отношения не стали еще более обязывающими и не развивались дальше»⁴⁷.

В такой обстановке устранение Литвинова, с именем которого во второй половине 30-х годов ассоциировались идеи «коллективной безопасности» и призывы к созданию единого фронта против держав-агрессоров, с поста наркома иностранных дел было с удовлетворением воспринято в Берлине. Этот шаг Сталина, независимо от подоплеки, пришелся весьма к стати руководству Третьего рейха. Геббельс отметил в дневнике: «Множество гаданий по поводу отставки Литвинова. В Лондоне и Париже полагают, что Москва хочет больше ориентироваться на нас. Мы это не опровергаем, чтобы усилить нервозность и тревогу»⁴⁸. Уже 5 мая редакция всех периодических изданий пред-

писывалось «немедленно прекратить полемику против Советского Союза и большевизма. <...> И в любом случае до новых указаний не допускать каких-либо резких высказываний в адрес Советского Союза»⁴⁹.

10 мая в резиденцию фюрера в Бергхофе были вызваны специалисты «по России»: советник посольства в Москве Г. Хильгер и заведующий сектором восточноевропейской торговли К. Шнурре. Посол Шуленбург и военный атташе генерал Э. Кёстринг находились в командировках, сам факт доклада без них лишь подчеркивал внезапность возникшего у Гитлера интереса к «русской проблеме». По воспоминаниям Шнурре, среди многочисленных вопросов, заданных Гитлером, был и такой: «Будет ли готов Сталин при известных обстоятельствах договориться с Германией?»⁵⁰ Дипломаты ожидали, что в конце встречи Гитлер выразит свое отношение к эвентуальному сближению с СССР, даст конкретные указания, как вести дальнейшие переговоры, но этого не произошло⁵¹. Последнее, по всей видимости, могло указывать на то, что Гитлер, отреагировав прежде всего на смещение Литвинова и получив довольно обширную информацию от экспертов «по русским делам», не принял никаких новых решений: «советская карта» по-прежнему рассматривалась фюрером под углом зрения недопущения создания новой Антанты. Вместе с тем после отставки Литвинова политика СССР и состояние германо-советских отношений постоянно находились в поле зрения Гитлера⁵². Так, на совещании с высшим военным руководством 23 мая он констатировал: «Экономические отношения с Россией возможны только при улучшении политических»⁵³. Это свидетельствовало о том, что Гитлер был информирован о беседе Шуленбурга с Молотовым 20 мая, в ходе которой глава советского правительства поставил продолжение экономических переговоров в зависимость от создания «соответствующей политической базы»⁵⁴.

Риббентроп не присутствовал на совещании Гитлера с верхушкой вооруженных сил 23 мая, но, вероятно, был информирован о содержании его выступления и о том значении, которое в нем придавалось проблеме изоляции Польши. Подписанный накануне «Стальной пакт» с Италией не давал оснований рассчитывать на нее как на союзника в предстоящей войне⁵⁵. Япония, как известно, уклонилась от присоединения к германо-итальянскому военному союзу, что опять-таки негативно сказалось на возможности создать угрозы Великобритании на периферии ее империи и тем самым отвлечь внимание Лондона от

европейских проблем. Не могло не беспокоить руководство МИД и продолжение англо-франко-советских переговоров в условиях приближающейся войны с Польшей⁵⁶. Поэтому Риббентропу для решения поставленной фюрером задачи по изоляции Польши ничего не оставалось, как обратить более пристальное внимание на СССР, чтобы не допустить англо-советского соглашения, достижение которого уже в самое ближайшее время рассматривалось на Вильгельмштрассе как вполне осуществимое. По поручению рейхсминистра была подготовлена подробная инструкция для Шуленбурга⁵⁷, который должен был довести до советского руководства точку зрения германского правительства на отношения между Берлином и Москвой. В инструкции обращалось особое внимание на отсутствие в них «реального противоречия внешнеполитических интересов», что дает основание считать, что пришло время «успокоения и нормализации» двусторонних отношений, для чего необходимо «восстановление взаимного доверия и его практическая проверка». Германия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении СССР, говорилось далее в инструкции. Более того, ее правительство было бы готово «по возможности учитывать интересы России» в ходе разрешения тем или иным путем «польской проблемы». Доведение до сведения советского руководства в конце мая этой инструкции, предварявшей в смягченной форме августовские предложения Риббентропа, могло бы создать дополнительные проблемы Кремлю на этапе англо-франко-советских политических переговоров.

Однако Гитлер не дал согласия на такие указания германскому послу в Москве⁵⁸, так как инструкция переориентировала германскую дипломатию от «негативно-инструментального» курса в отношении СССР (недопущение англо-франко-советской коалиции) на «позитивно-инструментальный» (экономическое и, возможно, политическое соглашение), к чему фюрер в то время не был склонен. Шуленбургу и всем другим переговорщикам (Хильгеру, Шнурре) предписывалось не контактировать с советской стороной⁵⁹. Более того, в инструкциях Министерства пропаганды для прессы от 26 мая говорилось: «Сегодня, когда Советская Россия включилась в систему окружения [Германии] западными державами, все тактические соображения, ранее необходимые, могут быть снова отброшены. <...> В принципиальной позиции Германии по отношению к большевизму, равно как к Советскому Союзу, ничего не изменилось». В доверительном (не для печати) разъяснении МИД подчеркивалось:

«Если мы по тактическим соображениям в последнее время отказались от нападков на Советский Союз, то это была тактика, а не политический поворот»⁶⁰.

Эти установки отнюдь не означали, что нацистское руководство заняло некую определенную и жесткую позицию в отношении СССР, так как она исключала бы для германской дипломатии саму возможность недопущения создания новой Антанты, элиминируя влияние на самой перспективной ее составляющей. Неопределенность намерений Гитлера касательно пределов использования Советского Союза для решения главной на тот момент задачи — изоляции Польши — наложила большой отпечаток на действия дипломатии *Третьего рейха на московском направлении* в конце весны 1939 г. Наглядным подтверждением этого стало поручение статс-секретарю МИД Вайцзеккеру (с согласия Гитлера) установить «серьезно модифицированный (по сравнению с намечавшимся в инструкциях Шуленбургу) контакт с русскими»⁶¹, каковым стала беседа с временным поверенным в делах СССР в Германии Г.А. Астаховым 30 мая. По содержанию она действительно существенно отличалась от нереализованных инструкций Риббентропа Шуленбургу. В этой беседе, как отмечал Астахов, прослеживалось стремление «весьма осторожно позондировать возможность переговоров с нами об улучшении отношений и удержать нас от сближения с Англией»⁶². При этом Вайцзеккер не делал никаких авансов по поводу эвентуального учета советских интересов в ходе осуществления Берлином тех или иных акций на международной арене. Обозначив заинтересованность немецкой стороны в продолжении диалога, он подчеркнул: «Мы ничего не требуем и не хотим от Москвы», которая сама может сделать выбор в диапазоне «от нормализации наших отношений <...> до жесткой враждебности»⁶³. По оценке Астахова, в ходе беседы Вайцзеккер воздерживался «от каких бы то ни было обязывающих заявлений, избегая даже термина “улучшение отношений”» и «предпочитая всякие обходные пути для выражения этого понятия»⁶⁴.

Анализируя причины, которыми руководствовались Гитлер и Риббентроп, ориентируя Вайцзеккера на предельно осторожную беседу с советским дипломатом, «всячески уклоняясь от каких-либо обязывающих заявлений»⁶⁵, или, по крайней мере, чтобы она так была воспринята, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Возможно, Гитлер не совсем адекватно оценил информацию о беседе Шуленбурга с Молотовым 20 мая как якобы свидетельствующую об отсутствии у советской сторо-

ны стремления к соглашению с Германией. Как отмечал посол, ему совершенно непонятна подобная оценка — напротив, «г-н Молотов прямо-таки призвал к политическому диалогу», в то время как «наше предложение — ограничиться только экономическими переговорами — показалось ему недостаточным»⁶⁶. Были и другие причины, обуславливавшие в это время большую сдержанность Гитлера на московском направлении, среди которых по-прежнему заметное место занимал «японский фактор»⁶⁷. Не случайно Риббентроп, инструктируя Шуленбурга в преддверии беседы с Молотовым 20 мая, рекомендовал соблюдать «величайшую осторожность», дабы не нанести ущерб германо-японским отношениям⁶⁸. Очевидно, вопрос выбора — между стратегически важным военным союзом с Токио и тактически обусловленным сближением с Москвой — перед германским руководством во второй половине мая еще не стоял.

Однако в середине июня, несмотря на информацию об эвентуальном сглаживании разногласий между японским армейским командованием, с одной стороны, и командованием флота и МИД, — с другой, по вопросу о заключении военного союза с Германией и Италией⁶⁹, скепсис на Вильгельмштрассе относительно возможности привлечения Токио к решению проблемы изоляции Польши путем активизации Японии на периферии Британской империи резко вырос. По мнению Вайцзеккера, не удастся найти общий язык с японцами, «на что все еще надеется Риббентроп», поскольку «Япония, возможно, стремится остаться нейтральной на Тихом океане»⁷⁰. Но и надеждам Риббентропа вскоре пришел конец, что подтверждает его указание послу Отту — не форсировать впредь в Токио вопрос о времени заключения военного союза⁷¹. Последнее означало, что к этому времени в Берлине «японский фактор» был фактически исключен из числа средств давления на западные державы. Однако активизация военных действий Японии в Китае, по утверждению Отта, свидетельствовала, что «она связала себя военной кампанией против британских прав и интересов в Китае и тем самым сделала ставку на борьбу против Англии, и у нее едва ли есть пути к отступлению...»⁷² И хотя подобные выводы сопровождались рядом оговорок, они могли подпитывать иллюзии в руководстве Третьего рейха относительно возможности вовлечь Токио в антибританскую коалицию⁷³.

Тем временем в Москве (с 15 июня по 2 августа) шли интенсивные англо-франко-советские политические консультации: 12 встреч Молотова с представителями Англии и Франции⁷⁴.

Переговоры эти занимали важное место в процессе сближения между Москвой и Берлином. Двойственный подход Лондона и Парижа к переговорам, хотя и имел мультифакторную мотивацию, не только не способствовал достижению ни одной из поставленных ими целей, но и во многом облегчал Сталину задачу по перекладыванию ответственности за их неудачу на западные державы. Этот замысел прослеживался уже в самом первом советском проекте соглашения между тремя державами⁷⁵, о чем с удивительной откровенностью упомянул Суриц в письме Мологову: «Наш собственный проект безупречен, прежде всего, с тактической точки зрения. Мы им отрезаем всякую возможность подбросить нам в будущем упреки и обвинение, что СССР уклонялся от участия в борьбе с агрессором»⁷⁶.

По дневнику Геббельса и указаниям Министерства пропаганды прессе видно, насколько внимательно отслеживалась любая информация о переговорах, как и «температура» в отношениях между СССР и западными державами в целом. Не прошли незамеченными ни опровержение ТАСС об автоматических поставках Польше в случае войны оружия и военной техники и одновременном закрытии советского сырьевого рынка для Германии⁷⁷; ни тем более вызвавшая немалый резонанс в дипломатических кругах статья члена Политбюро, секретаря ЦК А.А. Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР»⁷⁸; и даже публикация в не самом приметном для международных наблюдателей журнале «Партийное строительство», в которой не только приводились ссылки на германскую прессу, намекавшую на возможность советско-германского сближения, но и обращалось внимание тех, «кто хочет втянуть в конфликт Советский Союз, что страна социализма не нуждается в помощи какого бы то ни было другого государства для защиты своей независимости»⁷⁹.

И тем не менее Гитлер по-прежнему рассматривал проблему СССР исключительно через призму недопущения создания тройственного союза. В основе этого вывода лежат следующие факты. На протяжении июня Хильгер несколько раз встречался с Микояном; немецкий дипломат настойчиво предлагал возобновить экономические переговоры о предоставлении СССР кредита и просил принять для их ведения специального уполномоченного германского правительства Шнурре. Несмотря на очевидную заинтересованность военно-экономических ведомств Германии в поставках советского сырья⁸⁰ и соответственно в скорейшем начале переговоров о кредите, немецкие дипломаты, на-

толкнувшись на стремление Москвы заручиться политическими гарантиями успеха экономических переговоров⁸¹, обращали внимание на необходимость достижения, прежде всего, политического эффекта от самого факта ведения переговоров. Как отмечал в связи с этим Шнурре, «на нынешней стадии англо-советских переговоров мы особенно заинтересованы в том, чтобы использовать возможность активизироваться в Москве. Сам факт непосредственных германо-советских совещаний в Москве благоприятствовал бы тому, чтобы вбить лишний клин в англо-советские переговоры»⁸². Этот же замысел просматривался и в ходе встречи Хильгера с Микояном 17 июня; немецкий дипломат пытался убедить своего высокопоставленного собеседника в том, что «советская сторона ничем не рискует, если приедет *г-н Шнурре* и соглашение не будет подписано, так как не русские едут в Берлин, а немцы едут в Москву»⁸³. В свою очередь Шнурре рекомендовал руководству МИД не соглашаться на предлагаемый Шуленбургом компромиссный вариант, связанный с перенесением экономических переговоров в Берлин или ведением их германским посольством в Москве. По его мнению, если Микоян не согласится на приезд германской делегации в Москву, то «... лучше вообще отложить вопрос о переговорах, так как любой другой путь не принесет ожидаемых нами политических выгод и не создаст нам в экономической сфере ясности об имеющихся возможностях в отношении Советского Союза, необходимой для принятия решения»⁸⁴.

Насколько подобные выводы и рекомендации выходили за пределы аппарата и принимались во внимание министром иностранных дел? Об этом можно судить по той оперативной реакции, которая последовала на самом высоком уровне. Гитлер лично принял решение о содержании сообщения советскому руководству, согласно которому позиция Москвы, ставящей продолжение экономических переговоров в зависимость от принятия Берлином в качестве их основы предложений, выдвинутых в январе 1939 г., является неприемлемой. Поэтому «в настоящее время мы не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией»⁸⁵. Таким образом, Гитлер предпочел упомянутое предложение Шнурре об откладывании переговоров, связанных с предоставлением немецкого кредита. Очевидно, что нежелание советской стороны принять Шнурре в Москве неизбежно лишало переговоры какой-либо публичности — другими словами, при сохранении несомненной заинтересованности в экономическом результате⁸⁶ их возможный поли-

тический эффект на проходившие в Москве англо-франко-советские переговоры Гитлер не считал приемлемым.

Шуленбург, беседуя с Молотовым 28 июня, сразу же после своего возвращения из Берлина, не мог знать о новых инструкциях Гитлера, замораживающих экономические переговоры, и вел разговор в обычном благожелательном тоне, исходя из прежних установок, создающих впечатление о стремлении руководства Третьего рейха к нормализации отношений между двумя государствами, и даже упомянул о сохраняющемся в силе Берлинском договоре 1926 г.⁸⁷ Однако на вопрос Молотова, «как посол представляет себе возможности улучшения отношений между Германией и СССР», смог лишь ответить, что «надо пользоваться каждой возможностью, чтобы устранить затруднения на пути улучшения отношений»⁸⁸. Это означало, что Шуленбург не получил никаких новых инструкций, которые позволяли бы ему представить конкретные намерения германской стороны, тогда как его собеседник проявил к ним большой интерес⁸⁹. Этот вывод косвенным образом подтверждает и написанный в те же дни отзыв Шуленбурга на присланную ему рукопись статьи для «Фелькишер Беобахтер». В нем посол подчеркнул, что Германия очень заинтересована в том, чтобы «в настоящий момент <...> помешать англо-франко-советским переговорам»⁹⁰.

Получив отчет Шуленбурга о его беседе с Молотовым 28 июня, Риббентроп, скорее всего по указанию Гитлера, санкционировал новую инструкцию послу: поскольку «на сегодняшний день в области политики <...> было сказано достаточно», то «в ~~настоящий момент~~ с нашей стороны не следует возобновлять беседы с советским руководством»⁹¹. Примечательно, что в Кремле вовсе не считали, что германская сторона сказала «достаточно», особенно относительно перспектив развития двусторонних отношений, о чем сообщал Шуленбург в МИД⁹². Да и Молотов был крайне разочарован отсутствием новых предложений с германской стороны, кроме общих пожеланий об улучшении двусторонних отношений: «Если посол и теперь, после поездки в Берлин, ничего другого не предлагает, то, очевидно, — заявил ярком, — он считает, что в советско-германских отношениях все обстоит благополучно и посол — большой оптимист»⁹³. Утверждение В.Я. Сиполса, что после беседы Шуленбурга с Молотовым 28 июня, натолкнувшись на сдержанность советской стороны, «в течение целого месяца немцы более не решались обращаться к советскому правительству с подобными предложениями»⁹⁴, правомерно только касательно хронологии, но отнюдь не

существа проблемы. В это время у Гитлера не было намерения делать какие-либо конкретные предложения Кремлю, он занял промежуточно-выжидательную позицию — между функциональным использованием «фактора СССР» для недопущения складывания новой Антанты и тактическим сближением с Советским Союзом для решения проблемы борьбы на два фронта в ходе Западной кампании. Отражением этой позиции стало согласие на перемещение экономических переговоров в Берлин на уровень Шнурре — заместитель торгпреда Е.И. Бабарин, а также отсутствие встреч Шуленбурга с Молотовым и каких-либо бесед с В.П.Потемкиным на политические темы. Одновременно Министерство пропаганды дало указание прессе не демонстрировать злорадства по поводу проблем, возникших на англо-франко-советских переговорах, и не увлекаться предсказаниями относительно их провала⁹⁵. Статс-секретарь Вайцзеккер даже допускал, что стоило бы «выждать, бросятся ли русские в объятия англичанам, или нет. Тогда удастся лучше и дешевле достроить треугольник Берлин — Рим — Токио, чем стремиться форсировать его сегодня»⁹⁶.

Гитлер, принимавший все важные внешнеполитические решения, своей инструкцией от 29 июня наложил мораторий на какие-либо инициативы Берлина, в том числе зондирующего характера, на германо-советском направлении, обдумывал положение, в котором оказалась Германия. А последнее было совсем непростым: арсенал имевшихся в распоряжении нацистского руководства средств, необходимых для изоляции Польши, оказался почти пуст. Правда, у Гитлера сохранялась еще слабая надежда на возможность присоединения Японии к германо-итальянскому военному союзу, подпитываемые донесениями посла Отта⁹⁷. И только заключение 24 июля англо-японского соглашения Арита — Крейги, позволившего избежать резкого обострения двусторонних отношений путем сдачи важных британских позиций в Китае⁹⁸, окончательно убедило Гитлера и Риббентропа, что рассчитывать на Японию как на отвлекающий Великобританию от событий в Европе фактор нельзя. Распространенная сразу же Отделом печати МИД информация, что берлинские политические круги не выражают «никакой озабоченности по поводу англо-японского примирения»⁹⁹, едва ли могла скрыть раздражение нацистского руководства, обнаружившееся вскоре в недвусмысленном разъяснении: «заключение военного пакта с Японией <...> отнюдь не ожидается», так как «военная партия в Японии до сих пор не могла реализовать свои намере-

ния»¹⁰⁰. В ситуации, когда на Вильгельмштрассе все очевиднее становилась фактическая бесполезность «Стального пакта» для решения поставленной Гитлером задачи по изоляции Польши, «отпадение» Японии не только наносило серьезный удар по глобальной концепции Риббентропа — созданию антибританского «всемирно-политического треугольника»¹⁰¹, но и ставило под сомнение саму возможность немецкой дипломатии локализовать германо-польский конфликт.

Я не останавливаюсь на якобы существовавшей «британской альтернативе» во внешнеполитической стратегии Гитлера 1939 г., поскольку, если она и существовала, то исключительно в воображении некоторых российских историков, недостаточно знакомых с внешней политикой нацистской Германии¹⁰². Гитлером летом 1939 г. не интересовали предложения английских политиков, в любом их варианте, так или иначе ограничивающих свободу его действий, и это — главное, независимо от того, какие цели при этом преследовались на Уайтхолле¹⁰³. 14 августа на совещании с главнокомандующим сухопутными войсками генералом В. Браухичем и начальником генштаба Гальдером Гитлер выразил опасение, что Англия может затруднить ему в последний момент полное осуществление его замысла по разгрому Польши, выдвинув какие-либо компромиссные предложения¹⁰⁴. Фюрер не собирался вступать с Лондоном ни в какие переговоры, рассматривая Великобританию в числе своих первоочередных врагов. Политика правительства Н. Чемберлена, склонного и в 1939 г. идти на определенные уступки Берлину при условии, что спорные международные вопросы будут решаться путем переговоров, на основе взаимных уступок, вынужденно превращала его в противника Гитлера¹⁰⁵, стремившегося к ничем не ограниченной свободе действий, но готового вести игру с англичанами — с целью удержать их вне войны — до тех пор, пока это будет возможно¹⁰⁶.

Решив нанести первый удар по Польше, Гитлер не исключал, что германо-польскую войну локализовать не удастся. Была ли Германия летом 1939 г. готова к войне и если готова, то к какой именно?

Несмотря на достигнутые успехи в подготовке к войне в самых различных областях, положение Германии, исходя из поставленных Гитлером задач, было непростым. Хотя вермахт к этому времени представлял собой одну из наиболее современных армий мира, насчитывавшую более 2,75 млн. человек (в том числе 52 кадровые дивизии и 1 бригаду, из которых 35 пехотных,

6 танковых и 4 моторизованные дивизии; общее число мобилизуемых дивизий — 103), его подготовка и вооружения имели существенные изъяны, и он оценивался германским командованием летом 1939 г. «как неготовый к войне»¹⁰⁷. При этом, конечно, имелась в виду не война с Польшей, а война со многими противниками. Совокупное состояние военной экономики, ориентированной на подготовку к длительной войне, но далеко не завершенной, серьезный дефицит квалифицированной рабочей силы¹⁰⁸ и большая зависимость от импорта стратегически важного сырья¹⁰⁹, не говоря уже об отсутствии де-факто реальных союзников, — все это позволяло рассчитывать на успех только краткосрочной военной кампании, при максимальной концентрации усилий исключительно на одном фронте. Понимал ли это Гитлер, единолично определявший внешнеполитический курс Германии?

Его высказывания на этот счет в 1939 г. весьма противоречивы. На совещании 23 мая он исходил из вероятности столкновения не только с Польшей, но и с западными державами, прежде всего с Англией, говорил о необходимости «стремиться к короткой войне», но при этом «готовиться также к войне продолжительностью от 10 до 15 лет»¹¹⁰. Принимая во внимание, что в военных кругах с немалой озабоченностью относились к перспективе столкновения с превосходящими силами западных держав, т.е. к войне на два фронта¹¹¹, в высказываниях Гитлера (на совещаниях с военной верхушкой 14 и 22 августа) по мере приближения нападения на Польшу, хотя и не исключалась борьба на Западе, налицо стремление акцентировать внимание на том, что, скорее всего, «Англия и Франция не вступят в войну» и «на длительную войну никто не рассчитывает». Он использовал самую разную аргументацию, чтобы убедить присутствующих в наличии ряда благоприятных, но краткосрочно действующих для Германии факторов, с одной стороны, и одновременно в трудностях ее тогдашнего экономического положения (оно «таково, что мы сможем продержаться еще лишь несколько лет») — с другой. «Поэтому лучше, если столкновение произойдет сейчас»¹¹².

Возможно, что как эти, так и другие аргументы, приведенные Гитлером, убедили не всех военачальников (в рамках тоталитарного режима позиция даже консолидированной военной элиты не влияла на политические решения). Гитлера не беспокоила логическая небезупречность его аргументов, так как он, опираясь на свой политический опыт и интуицию, исходил не из учета объективного соотношения военно-экономических по-

тенциалов Германии и ее вероятных противников, а руководствовался иными критериями. «Принцип ухода от решения проблем путем приспособления к существующим условиям неприемлем. Наоборот, надо условия приспособить к требованиям»¹¹³. Двудеиная сверхзадача заключалась в том, чтобы, начав войну с Польшей, во что бы то ни стало избежать борьбы на два фронта, т.е. длительной войны со многими противниками, и наносить им поражение поодиночке, добиваясь максимально возможной экономической неуязвимости Германии, не допустить ее блокады.

Не имея возможности решить эту проблему в рамках существовавших в середине лета 1939 г. условий, Гитлер попытался «приспособить условия» к решению поставленной им задачи, а именно — изменить расстановку сил на континенте. Во второй половине июля 1939 г.¹¹⁴ Гитлер принял решение добиться политического соглашения с СССР, обеспечивающего его благожелательный нейтралитет в грядущей войне. Теперь, как доверительно сообщал в начале августа Шнурре Шуленбургу, отношения с Москвой перешли в другую плоскость. Риббентроп «придает значение тому, чтобы русский вопрос не только в негативном плане (создание помех английским переговорам), но и в позитивном (соглашение с нами) как можно быстрее привести к какому-нибудь результату»¹¹⁵. И эта цель была достигнута в максимально короткий срок — менее чем за месяц, что можно объяснить не только напористостью немецкой дипломатии¹¹⁶. Более того, Гитлер, хотя и не полностью¹¹⁷, но тем не менее в значительной степени успокоил военную верхушку, не без оснований заявив 22 августа: «Установлен личный контакт со Сталиным. Послезавтра Риббентроп заключит договор. <...> Нам не нужно опасаться блокады»¹¹⁸. Восток поставит нам зерно, мясо, уголь, свинец, цинк»¹¹⁹.

Так 23 августа 1939 г. появился на свет советско-германский договор о ненападении, названный год спустя «одним из важнейших документов в истории международных отношений нашей эпохи...»¹²⁰ И хотя Гитлеру не удалось предотвратить вступление западных держав в войну, поставленная им задача по изоляции как польской, так и Западной кампании была успешно решена, не говоря уже о превращении СССР в поставщика сырья и продовольствия для подготовки нападения на... СССР. Гитлер не скрывал удовлетворения по поводу достигнутого Риббентропом в Москве: ведь договор был заключен именно тогда, когда ему это более всего требовалось, приведя к серьезному из-

6 танковых и 4 моторизованные дивизии; общее число мобилизуемых дивизий — 103), его подготовка и вооружения имели существенные изъяны, и он оценивался германским командованием летом 1939 г. «как неготовый к войне»¹⁰⁷. При этом, конечно, имелась в виду не война с Польшей, а война со многими противниками. Совокупное состояние военной экономики, ориентированной на подготовку к длительной войне, но далеко не завершенной, серьезный дефицит квалифицированной рабочей силы¹⁰⁸ и большая зависимость от импорта стратегически важного сырья¹⁰⁹, не говоря уже об отсутствии де-факто реальных союзников, — все это позволяло рассчитывать на успех только краткосрочной военной кампании, при максимальной концентрации усилий исключительно на одном фронте. Понимал ли это Гитлер, единолично определявший внешнеполитический курс Германии?

Его высказывания на этот счет в 1939 г. весьма противоречивы. На совещании 23 мая он исходил из вероятности столкновения не только с Польшей, но и с западными державами, прежде всего с Англией, говорил о необходимости «стремиться к короткой войне», но при этом «готовиться также к войне продолжительностью от 10 до 15 лет»¹¹⁰. Принимая во внимание, что в военных кругах с немалой озабоченностью относились к перспективе столкновения с превосходящими силами западных держав, т.е. к войне на два фронта¹¹¹, в высказываниях Гитлера (на совещаниях с военной верхушкой 14 и 22 августа) по мере приближения нападения на Польшу, хотя и не исключалась борьба на Западе, налицо стремление акцентировать внимание на том, что, скорее всего, «Англия и Франция не вступят в войну» и «на длительную войну никто не рассчитывает». Он использовал самую разную аргументацию, чтобы убедить присутствующих в наличии ряда благоприятных, но краткосрочно действующих для Германии факторов, с одной стороны, и одновременно в трудностях ее тогдашнего экономического положения (оно «таково, что мы сможем продержаться еще лишь несколько лет») — с другой. «Поэтому лучше, если столкновение произойдет сейчас»¹¹².

Возможно, что как эти, так и другие аргументы, приведенные Гитлером, убедили не всех военачальников (в рамках тоталитарного режима позиция даже консолидированной военной элиты не влияла на политические решения). Гитлера не беспокоила логическая небезупречность его аргументов, так как он, опираясь на свой политический опыт и интуицию, исходил не из учета объективного соотношения военно-экономических по-

тенциалов Германии и ее вероятных противников, а руководствовался иными критериями. «Принцип ухода от решения проблем путем приспособления к существующим условиям неприемлем. Наоборот, надо условия приспособить к требованиям»¹¹³. Двудеиная сверхзадача заключалась в том, чтобы, начав войну с Польшей, во что бы то ни стало избежать борьбы на два фронта, т.е. длительной войны со многими противниками, и наносить им поражение поодиночке, добиваясь максимально возможной экономической неуязвимости Германии, не допустить ее блокады.

Не имея возможности решить эту проблему в рамках существовавших в середине лета 1939 г. условий, Гитлер попытался «приспособить условия» к решению поставленной им задачи, а именно — изменить расстановку сил на континенте. Во второй половине июля 1939 г.¹¹⁴ Гитлер принял решение добиться политического соглашения с СССР, обеспечивающего его благожелательный нейтралитет в грядущей войне. Теперь, как достоверно сообщал в начале августа Шнурре Шуленбургу, отношения с Москвой перешли в другую плоскость. Риббентроп «придает значение тому, чтобы русский вопрос не только в негативном плане (создание помех английским переговорам), но и в позитивном (соглашение с нами) как можно быстрее привести к какому-нибудь результату»¹¹⁵. И эта цель была достигнута в максимально короткий срок — менее чем за месяц, что можно объяснить не только напористостью немецкой дипломатии¹¹⁶. Более того, Гитлер, хотя и не полностью¹¹⁷, но тем не менее в значительной степени успокоил военную верхушку, не без оснований заявив 22 августа: «Установлен личный контакт со Сталиным. Послезавтра Риббентроп заключит договор. <... > Нам не нужно опасаться блокады»¹¹⁸. Восток поставит нам зерно, мясо, уголь, свинец, цинк»¹¹⁹.

Так 23 августа 1939 г. появился на свет советско-германский договор о ненападении, названный год спустя «одним из важнейших документов в истории международных отношений нашей эпохи...»¹²⁰ И хотя Гитлеру не удалось предотвратить вступление западных держав в войну, поставленная им задача по изоляции как польской, так и Западной кампании была успешно решена, не говоря уже о превращении СССР в поставщика сырья и продовольствия для подготовки нападения на... СССР. Гитлер не скрывал удовлетворения по поводу достигнутого Риббентропом в Москве: ведь договор был заключен именно тогда, когда ему это более всего требовалось, приведя к серьезному из-

менению соотношения сил не только на континенте, но и в мире. Как фюрер оценивал совершившееся, видно из его выступления перед руководством вермахта 23 ноября 1939 г.: «Произошло то, о чем мечтали, начиная с 1870 г., и что фактически считалось невозможным. Впервые в истории нам придется вести борьбу только на одном фронте, другой — в настоящее время не задействован» и «страхуется немногими дивизиями»¹²¹. В итоге ни один из союзников нацистской Германии на протяжении всей Второй мировой войны не создавал для нее таких возможностей по маневрированию вооруженными силами, как Советский Союз в 1939–1940 гг., снявший с повестки дня даже гипотетическую угрозу ведения войны на два фронта.

Многолетняя дискуссия в историографии по вопросу о том, кто в процессе сближения между Германией и СССР в 1939 г. первый сказал «А» — Сталин или Гитлер, — по моему мнению, сегодня уже лишена смысла. Существующий уровень знаний о развитии отношений между обоими государствами после прихода Гитлера к власти и вплоть до подписания пакта о ненападении 23 августа 1939 г. дает на этот вопрос однозначный ответ. На протяжении 1933–1939 гг. заинтересованность в улучшении политических отношений между СССР и Германией постоянно исходила только от Сталина, видевшего в этом не только гарантии безопасности СССР, как он ее понимал, но и возможность наращивания военной мощи и политического влияния страны на международной арене, опиравшейся на военно-экономическую и политическую поддержку нацистской Германии. Однако все эти инициативы Москвы постоянно наталкивались на отрицательную реакцию Гитлера. И только однажды, когда фюреру понадобилось разъединить гипотетических союзников — западные державы и СССР, обеспечив тем самым решение извечной для Германии проблемы войны на два фронта в преддверии все отчетче вырисовывавшейся борьбы с Англией и Францией, он положительно отреагировал на очередные попытки Москвы улучшить отношения с Берлином.

Примечания

¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes (ADAP). Ser. D: 1937–1941. Baden-Baden, Göttingen, 1950–1970. Bd. VII. Dok. 192. S. 168.

² В беседе с министром иностранных дел Италии Г. Чиано 28 октября 1938 г. рейхсминистр иностранных дел И. Риббентроп заявил, что, по мнению Гитлера, «через 4–5 лет вооруженный конфликт с западными демократиями необходимо рассматривать как находящийся в пределах возможного». (ADAP. D. Bd. IV. Dok. 400. S. 452).

³ Salewski M. Die deutsche Seekriegsleitung 1935–1945. Bd. III: Denkschriften und Lagebetrachtungen 1938–1944. Frankfurt a. Main, 1973. Dok. I. S. 27–45.

⁴ Raeder E. Mein Leben. Bd. II. Tübingen, 1957. S. 159–160.

⁵ Irving D. Hitlers Weg zum Krieg. München; Berlin, 1979. S. 321.

⁶ Irving D. Die Tragödie der deutschen Luftwaffe. Frankfurt a. Main etc., 1970. S. 119. Согласно этой программе, численность боевой авиации Германии к 1942 г. должна была превысить 19 тыс. самолетов (Völker K.-H. Dokumente und Dokumentarfotos zur Geschichte der deutschen Luftwaffe. Aus den Geheimakten des Reichswehrministeriums 1919–1933 und des Reichsluftfahrtministeriums 1933–1939. Stuttgart, 1968. Dok. 89. S. 211–212) – цифра совершенно нереальная при имевшихся у Германии производственных мощностях и положении с сырьем (см.: Bagel-Bohlan A.E. Die industrielle Kriegsvorbereitung in Deutschland von 1936 bis 1939. Inaug.-Diss. Bonn, 1973. S. 163, 172).

⁷ Groscurth H. Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938–1940. Mit weiteren Dokumenten zur Militäropposition gegen Hitler / Hrsg. von H. Krausnick, H. Deutsch unter Mitarbeit von H. von Kotze. Stuttgart, 1970. S. 159.

⁸ Sommer Th. Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935–1940. Vom Antikominternpakt zum Dreimächtepakt. Tübingen, 1962. S. 94, 98–99.

⁹ ADAP. D. Bd. IV. Dok. 411. Anl. S. 464–465. Как следует из этого документа, на предстоящих совещаниях предметом обсуждения должна была стать планируемая «война Германии и Италии против Франции и Англии, нацеленная, прежде всего, на разгром Франции» (Ibid. S. 464).

¹⁰ Graml H. Europas Weg in den Krieg: Hitler und die Mächte 1939. München, 1990. S. 145.

¹¹ Подробнее см.: Случ С.З. Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.) // Россия – Польша – Германия в европейской и мировой политике XVI – XX вв. / Под ред. Б.В. Носова, Ю.Е. Ивонина. М., 2002. С. 316–327.

¹² Запись беседы Э. фон Вайцзеккера с министром иностранных дел Латвии В. Мунтесом, 14.12.1938 // Politisches Archiv des Auswärtiges Amtes (PAA). Botschaft Moskau. Akten betr.: Geheim-Vorgänge vom 1938. Geheim. Bd. I. S. 191237.

¹³ См.: Schwendemann H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin, 1993. S. 34–37.

¹⁴ Желание Кремля – принять немецкую делегацию было воспринято как умысел «Советского правительства продемонстрировать всему миру, какое значение и Третий рейх придает продолжению экономических от-

ношений» между двумя странами. Поэтому в германском МИД решили ограничиться направлением только руководителя экономической делегации д-ра К. Шнурре, который вместе с советником германского посольства в Москве Г. Хильгером должен был вести переговоры (см.: *Aufzeichnung des Leiters der Wirtschaftspolitischen Abteilung des AA E. Wiehl für RAM*, 12.01.1939 // ADAP. D. Bd. IV. Dok. 484. S. 544).

¹⁵ В утечке информации о предстоящих переговорах в Москве были заинтересованы разные стороны: поляки, испытывавшие все большее давление со стороны Берлина; французы, опасавшиеся советско-германского сближения. В Наркоминделе тоже были обеспокоены участившимися польско-германскими контактами на высоком уровне (поездка министра иностранных дел Ю. Бека в Бертехсгаден в начале января 1939 г., визит Риббентропа в Варшаву 25—27 января), не говоря уже о плохо скрываемом раздражении по поводу политики западных держав, изображаемой в советской прессе после Мюнхена в качестве основной причины международной нестабильности. Во всяком случае Литвинов в беседе с английским послом в СССР У. Сидсом 26 января, а его заместитель В.П. Потемкин в беседе с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром 27 января затронули вопрос о предстоящих переговорах с немецкой делегацией (см.: Schwendemann H. *Op. cit.* S. 37; Документы внешней политики [СССР] (ДВП). М., 1992. Т. XXII. Кн. I. Док. 56. С. 79).

¹⁶ Такое предположение подтверждается оценкой этого, не оставшегося незамеченным эпизода, которую дал спустя полгода референт «бюро Риббентропа» д-р П. Клейст: «Не желая раздражать поляков в то время, Риббентроп пошел даже на то, чтобы отменить поездку Шнурре в Москву». — *Дневник временного поверенного в делах СССР в Германии Г.А. Астахова* // ДВП. Т. XXII. Кн. I. Док. 431. С. 548 (запись от 21.07.1939).

¹⁷ Речь идет о продолжавшейся несколько минут «беседе» Гитлера с советским полпредом А.Ф. Мерекаловым, вызвавшей широкий резонанс в дипломатических кругах и зарубежной прессе и породившей немало слухов, в частности о якобы уже идущих переговорах по поводу заключения германо-советского военного пакта. См.: *дневник пресс-атташе полпредства СССР в Германии А. А. Смирнова*. — АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 31 (запись от 19.01.1939 г.).

¹⁸ См. запись в дневнике Мерекалова от 30.01.1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. I. Док. 62. С. 88.

¹⁹ Сиполс В.Я. *Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны*. 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989. С. 282—283; Fleischhauer I. *Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938—1939*. Berlin; Frankfurt a. Main, 1990. S. 91, 96; Розанов Г.Л. *Сталин — Гитлер: Документальные очерки советско-германских дипломатических отношений. 1939—1941 гг.* М., 1991. С. 47.

²⁰ Директива о единой подготовке вооруженных сил к войне от 11.04.1939 г. Приложение II: «план Вайс» // ADAP. D. Bd. VI. Dok. 185. S. 187.

²¹ Письменное показание генерала артиллерии в отставке Вальтера Варлимонта от 24.09.1945 г., данное под присягой. — Archiv des Instituts für Zeitgeschichte, München, Bestand ZS 312/II: Warlimont Walter.

²² Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. München, 1965. Bd. 2.1. S. 1163.

²³ См.: «Протокол Шмундта». Отчет о совещании Гитлера с руководством вермахта 23.05.1939 г. // IMT. Doc. L-79. Vol. XXXVII. P. 546–556; ADAP. D. Bd. VI. Dok. 433. S. 477–483.

²⁴ Подробнее об этом выступлении Гальдера см.: Hartmann Ch., Slutsch S. Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939. Eine Ansprache des Generalstabschefs des Heeres // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ). 1997. H. 3. S. 467–495.

²⁵ Подробнее см.: Случ С.З. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. / Под ред. В.К. Волкова, Л.Я. Гибианского. М., 1999. С. 120–121, 128–138.

²⁶ Секретный доклад рейхсминистра Риббентропа для генералов и адмиралов вермахта, 24 января 1939 г. // Bundesarchiv- Militärarchiv (BA-MA). RM 20/1637. S. 277. Тот факт, что, выступая на следующий день перед высшим командным составом трех видов вооруженных сил, Гитлер фактически не коснулся конкретных вопросов внешней политики, еще одно подтверждение того, что он был в курсе сказанного Риббентропом накануне. См. речь Гитлера в рейхсканцелярии, 25 января 1939 г. (Müller K.-J. Armee und Drittes Reich 1933–1939. Darstellung und Dokumentation. 2. Aufl. Paderborn, 1987. Dok. 166. S. 360–365).

²⁷ Доклад рейхслейтера Розенберга на приеме для дипломатов и зарубежной прессы, 7.02.1939. — Bundesarchiv Berlin (BA). NS 43/46. S. 235.

²⁸ См.: Führers Verfügung von 25.07.1938 — BA. R 43 11/1400. S. 34.

²⁹ Письмо Мерекалова Литвинову, 27.01.1939. — АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 64. Л. 44.

³⁰ Дневник Мерекалова // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 116. С. 160. Реакция Гитлера на эти слова Мерекалова неизвестна, а вот Литвинов выразил полпреду свое неудовольствие: «Вам, конечно, не нужно было о таких мелочах говорить с Гитлером. Считаю это промахом с Вашей стороны» (Письмо Литвинова Мерекалову, 3.03.1939. — АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 63. Л. 9).

³¹ Информацию об этой, письменно нигде не отраженной, договоренности см.: Hilger G., Meyer F.G. The Incompatible Allies: A Memoir-History of German-Soviet Relations 1918–1941. New York, 1953. P. 288–289; Herwarth H. v. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte. Frankfurt a. Main etc., 1982. S. 162. Поиски каких-либо указаний на этот счет в ходе ежедневных пресс-конференций в Министерстве пропаганды, предпринятые в Федеральном архиве в Кобленце, результатов не дали. Отсутствуют они и в издании материалов этих пресс-конференций. (См.: NS-

Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation. Bd.6/III: 1938. Quellentexte September bis Dezember. Bearb. von K. Peter/ Hrsg. von H. Bohrmann u. G. Toepser-Ziegert. München, 1999.

³² См. запись в дневнике Астахова от 21 февраля 1939 г. — АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 79; запись беседы Мерекалова с Вайцзеккером, 17 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 236. С. 292. В немецкой записи (ADAP. D. Bd. VI. Dok. 215. S. 221—222) претензия присутствовавшего на беседе Астахова «о недавней персидовице «Ф.Б.», содержавшей грубое оскорбление т. Сталина», не отражена.

³³ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 10—21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М., 1939. С. 13.

³⁴ Речь Председателя Совнаркома, наркома иностранных дел СССР Молотова на IV сессии Верховного Совета СССР I-го созыва // Известия, 1939, 1 сентября.

³⁵ Другую крайность представляет оценка И. Фляйшхауэр. «Складывается впечатление, — пишет она, — что лишь немногие лица в Берлине за лихорадочной подготовкой оккупации Чехословакии вообще обратили внимание на съезд в Москве» (Fleischhauer I. Op. cit. S. 117). В действительности материалы о внешнеполитической части доклада Сталина на XVIII съезде аккумулировалась в германском МИД из самых разных источников: информационное агентство ДНБ, германское посольство в Москве, Внешнеполитическое управление НСДАП, Главное управление СД (См.: PA AA. Pol. Abt. Akten betr. Politische Angelegenheiten Rußland Bd.6. S.237970-237980; PA AA. Pol.Verschluß 82. Bd. 3. S. 21—27; PA AA. Pol v. 454. Bd.1; BA. R 43 II/ 1489a. S.199; BA-MA. RH 2/2932. S. 85, 88—89; РГВА. Ф.500/К. Оп.3. Д.128. Л.79; ADAP. D. Bd. VI. Dok.1. S.1—3).

³⁶ BA. ZSg 101/12. Anweisung Nr. 300. S. 72. См. также: NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation. Bd.7/I: 1939. Quellentexte Januar bis April. Bearb. von K. Peter/ Hrsg. von H. Bohrmann u. G. Toepser-Ziegert. München, 2001. S. 243, Dok. 775.

³⁷ См.: Челышев И.А. Год кризиса: сентябрь 1938—сентябрь 1939 года // Советская внешняя политика 1917—1945 гг. Поиски новых подходов / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1992. С. 168—170.

³⁸ Fleischhauer I. Op. cit. S. 151.

³⁹ Ibid. S.150—151, 479; Anm. 195, 196. Эта информация была передана французским послом в Берлине Р. Кулондром министру иностранных дел Ж. Бонне. См.: Documents diplomatiques français, 1932—1939. 2-e ser. T. XVI. Doc.100. P. 225—226.

⁴⁰ См. письмо Астахова Молотову, 15.06.1939. — АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 66. Л. 94.

⁴¹ Watt D. The Initiation of the Negotiations Leading to the Nazi-Soviet Pact: A Historical Problem // Essays in Honour of E.H. Carr/ Ed. by C. Abrammsky, assist. by B.J. Williams. London; Basingstoke, 1974. P. 152—170.

⁴² Weber R.W. Die Entstehungsgeschichte des Hitler-Stalin-Paktes 1939. Frankfurt a. Main etc., 1980. S.141; Graml H. Op. cit. S.223 u. a.

⁴³ Fleischhauer I. Op. cit. S.150; Сиполс В. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939–1941. М., 1997. С.50 и др.

⁴⁴ См. шифртелеграмму торгпредства СССР в Германии А.И. Микояну от 10.05.1939. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 134. Л. 9.

⁴⁵ Об этих усилиях см. подробно: Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля// Отечественная история, 2005, №1. С.98–119.

⁴⁶ Fleischhauer I. Op. cit. S. 150.

⁴⁷ Aufzeichnung des Staatssekretärs vom 25.05.1939//ADAP. D. Bd. VI. Dok. 437. S. 487.

⁴⁸ Goebbels J. Die Tagebücher. Teil I: Aufzeichnungen 1923–1941. Bd. 6: August 1938–Juni 1939/Hrsg. von E. Fröhlich. München, 1998. S. 339 (запись от 6.05.1939).

⁴⁹ BA. ZSg 101/13. S. 3. Anweisung Nr. 391; см. также: NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Bd.7/II: 1939. Quellentexte Mai bis August. Dok. 1321. S. 423,

⁵⁰ Утверждения Хильгера и Шнурре, что Гитлер и Риббентроп еще 10 мая 1939 г. не были знакомы с «каштановой речью» Сталина (Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt a. Main; Berlin, 1955. S. 280; PA AA. Schnurre K. Aus einem bewegten Leben: Heiteres und Ernstes. Lebenserinnerungen. Manuskript, S. 74), некритически воспроизведенные некоторыми историками (Fleischhauer I. Op. cit. S.179; Розанов Г.Л. Указ соч. С. 52), не находят подтверждения. Выступая с речью в Вильгельмсхавене 1 апреля. Гитлер, в частности, заявил: «Кто выражает готовность таскать каштаны из огня для этих великих держав, должен быть готов к тому, что он при этом останется на бобах». (Domarus M. Op. cit. Bd. 2, I. S. 1122). Геринг в беседе с Муссолини 16 апреля прямо сослался на речь Сталина на XVIII партсъезде, в которой-де было сказано, что «русские не дадут использовать себя в качестве пушечного мяса для капиталистических держав» (Aufzeichnung über die Unterredung zwischen Göring und Mussolini am 16.04.1939 // ADAP. D. Bd.VI. Dok. 211. S. 215). Эти факты – убедительное свидетельство того, что речь Сталина была хорошо знакома высшему руководству Третьего рейха.

⁵¹ Schnurre K. Op. cit. S.74, 75.

⁵² Weber R.W. Op. cit. S.142.

⁵³ ADAP. D. Bd.VI. Dok.433. S.479.

⁵⁴ Запись беседы Молотова с Шуленбургом, 20.05.1939// Год кризиса. Т. I. Док 362. С.482–483.

⁵⁵ В середине апреля 1939 г. Муссолини уведомил Берлин, что Италия еще не готова к войне и ей потребуется 2–3 года для завершения подготовки к ней (ADAP. D. Bd. VI. Dok. 211. S. 217–219). Не в последнюю очередь это обстоятельство побудило Гитлера отдать распоряжение 23 мая о не ин-

формировании итальянского руководства касательно принятого решения о войне с Польшей (Ibid. Dok. 433. S. 482).

⁵⁶ В центральном аппарате МИД не были склонны умалять шансы на достижение соглашения между СССР и западными державами, полагая, что существующие на переговорах «разногласия могут быть лишь технического или тактического характера». См.: Denkschrift «Haltung und Absichten der Sowjetregierung» vom 27.05.1939. — PA AA. R29999. S. 408832.

⁵⁷ Entwurf eines Instruktionstelegramms von Ribbentrops an Botschafter von Schulenburg, 26.(?) 05.1939//ADAP. D. Bd. VI. Dok. 441. S. 490-493.

⁵⁸ Ibid. S. 491, Anm.1.

⁵⁹ Telegramm von Weizsäckers an von der Schulenburg vom 26.05.1939 // Ibid. Dok.442. S. 493.

⁶⁰ NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit. Bd.7/II: 1939. Quellentexte Mai bis August. Dok. 1635. S. 510—511. 31 мая последовало смягчение этой установки: СССР как государство не должен был впредь подвергаться нападениям (Ibid. Dok. 1678. S.521).

⁶¹ Brief von Weizsäckers an von der Schulenburg vom 30.05.1939 // ADAP. D. Bd. VI. Dok. 446, S. 498.

⁶² Телеграмма Астахова в НКВД, 30.05.1939//ДВП. Т. XXII, кн.1. Док. 342. С. 406.

⁶³ Aufzeichnung des Staatssekretärs vom 30.05.1939//ADAP. D. Bd.VI. Dok. 451. S. 504.

⁶⁴ ДВП. Т. XXII. Кн.1. Док. 342. С. 406.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Brief von der Schulenburg an von Weizsäcker vom 5.06.1939 // ADAP. D. Bd. VI. Dok. 478. S. 535.

⁶⁷ О позиции японского посла в Берлине Х. Осима, вопреки указаниям своего руководства, поддерживавшего надежды нацистского руководства на возможность достижения военного союза с Токио на германских условиях, см.: Boyd C. The Extraordinary Envoy: General Hiroshi Oshima and Diplomacy in the Third Reich, 1934—1939. Washington, 1982. P. 88—103; Krebs G. Japans Deutschlandpolitik 1935—1941. Eine Studie zur Vorgeschichte des Pazifischen Krieges. Hamburg, 1984. Bd.1. S. 263—264.

⁶⁸ Цит. по: Fleischhauer I. Op. cit. S. 181, 487 Anm. 302.

⁶⁹ Telegramm des Botschafters in Tokio E. Ott an das AA vom 20.06.1939 // ADAP. D. Bd.VI. Dok. 548. S. 627.

⁷⁰ Die Weizsäcker-Papiere 1933—1950/Hrsg. von L.E. Hill. Frankfurt a. Main; Berlin, 1974. S.154—155 (запись от 18.06.1939).

⁷¹ Telegramm von Weizsäckers an Ott vom 21.06.1939 // ADAP. D. Bd.VI. Dok. 553. S. 631.

⁷² Politischer Bericht des Botschafters Ott an das AA vom 1.07.1939 — PA AA, Pol. VIII 36 Po 3A China-Japan Bd. 27. S. 4.

⁷³ В конце июня в информационном сообщении Министерства пропаганды для печати указывалось: «Различие во мнениях между военными на ситайском фронте и дипломатами в Токио, несомненно, существенно

уменьшилось, и время присоединения Японии к германо-итальянскому союзу медленно приближается». — Informationsbericht Nr.70. — BA. ZSg 101/34. S. 351.

⁷⁴ Журнал регистрации приема иностранцев Молотовым в 1939 г. — АВП РФ. Ф.06. Оп.1. П.1. Д.2. Л.2—3. Советские записи этих бесед до сих пор не доступны исследователям.

⁷⁵ Год кризиса. Т.1. Док. 276. С. 386—387.

⁷⁶ Письмо Сурица Молотову, 6.05.1939. — АВП РФ. Ф.06. Оп.1. П.19. Д. 207. Л. 91. В ходе дальнейших переговоров эта линия Кремля стала очевидной и для французских дипломатов. Посол Франции в СССР П. Наджар писал 22 июня министру иностранных дел Ж. Бонне: «...Тот факт, что СССР <...> предложил пункты, которые он считал самыми конкретными и эффективными, упрекая нас в то же время в том, что наши пункты расплывчаты и слабы, ставит Советское правительство в выгодное положение в случае провала. <...> Советы нельзя было бы обвинить в попустительстве по отношению к оси, поскольку Кремль не преминул бы публично подчеркнуть четкость своей позиции сопротивления агрессии» (цит. по: Год кризиса. Т.2. Док. 425. С. 51).

⁷⁷ Правда, 1939, 4 апреля. С. 5; см.: Politischer Bericht des Geschäftsträgers in Moskau von Tippleskirch an das AA vom 5.04.1939 // ADAP. D. Bd. VI. Dok. 161. S. 162—163. В руководстве МИД также был проявлен интерес к этому «Сообщению ТАСС». — PA AA. Büro UnterstaatssekretKr. R 29902.

⁷⁸ Правда, 1939, 29 июня. С.1; см.: Telegramm von Schulenburgs an das AA vom 29.06.1939// ADAP, D, Bd. VI. Dok.582. S. 675—676.

⁷⁹ Мишин И. Плоды мюнхенской политики // Партийное строительство, 1939, № 9. С. 57; PA AA. Botschaft Moskau Pol.2 Nr.1—geh. Bd.1. S. 260419; см. также: Fleischhauer I. Op. cit. S. 186—187.

⁸⁰ См.: Aufzeichnung des Leiters der Wirtschaftspolitischen Abteilung E. Wiehl vom 4.11.1938 // ADAP. D. Bd.IV. Dok. 479. S. 534; Volkmann H.-E. Die NS-Wirtschaft in Vorbereitung des Krieges // Deist W. u.a. Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a. Main, 1989. S. 419—420.

⁸¹ В беседе с Хильгером 8 июня Микоян заявил: «Мы согласны на приезд г-на Шнурре при условии принятия наших последних предложений, только в этом случае его приезд будет не игрой, а политикой». — (РГАС-ПИ. Ф.84. Оп.1. Д.146. Л.4). Что касается этих предложений, то они сводились к размещению в Германии заказов преимущественно военного назначения в рамках предоставляемого кредита (см.: запись беседы Микояна с Хильгером 2.06.1939 г. // Год кризиса. Т. 2. Док. 388. С. 7).

⁸² Aufzeichnung des VLR Schnurre vom 7.06.1939 //ADAP. D. Bd.VI. Dok. 491. S. 552.

⁸³ Год кризиса. Т. 2. Док. 412. С. 38.

⁸⁴ Aufzeichnung des VLR Schnurre vom 28.06.1939 //ADAP. D. Bd.VI. Dok. 576. S. 670.

⁸⁵ Aufzeichnung des VLR W. Hewel vom 29.06.1939 // Ibid. Dok. 583. S. 676—677.

⁸⁶ В записке о состоянии советско-германских экономических переговоров в 1939 г., датированной 15 июня, Шнурре отмечал: «Мы должны ясно себе представлять, что еще одна неудача переговоров подведет черту под нашими усилиями вновь поставить экономические отношения с Советским Союзом на более широкую основу». И это при том, подчеркивалось в документе, что мы находимся в положении «почти неограниченной потребности Германии в советском сырье» (Ibid. Dok. 530. S. 609, 608).

⁸⁷ Telegramm von Schulenburgs an das AA vom 29.06.1939 // Ibid. Dok. 579. S. 673–674; более подробный вариант немецкой записи этой беседы см.: Telegramm von Schulenburgs an das AA vom 3.07.1939 (Ibid. Dok. 607. S. 698–699).

⁸⁸ Запись беседы Молотова с Шуленбургом, 28.06.1939 г. // Год кризиса. Т.2. Док. 442. С. 66.

⁸⁹ ADAP. D. Bd.VI. Dok. 579. S. 674; Dok. 607. S. 699.

⁹⁰ Brief Schulenburgs an Seibert (Redaktion VB), 29.06.1939. – PA AA. Botschaft Moskau Pol.2 Nr.1-geh. S. 69544.

⁹¹ Telegramm von Weizsäckers an die Botschaft in Moskau vom 30.06.1939 // ADAP. D. Bd.VI. Dok. 588. S. 680.

⁹² Ibid. Dok. 607. S. 699.

⁹³ Год кризиса. Т.2. Док. 442. С. 66.

⁹⁴ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 56.

⁹⁵ NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Bd.7/II: 1939. Dok. 2007. S. 613; Dok. 2346. S. 702.

⁹⁶ Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950. S. 155 (запись от 18.06.1939).

⁹⁷ См. ADAP. D. Bd.VI. Dok. 467, 548, 597, 619, 735.

⁹⁸ См. Nakai A. Die Haltung Japans gegenüber dem europäischen Konflikt am Vorabend des Zweiten Weltkrieges // Deutsch-Japanische Freundschaft/Hrsg. von J. Schmidt. Preetz, 1980. S. 76.

⁹⁹ Informationsbericht Nr.81 des AA vom 24.07.1939. – BA. ZSg. 101/34. S.403.

¹⁰⁰ Informationsbericht Nr.83 des AA vom 04.08.1939 (Ibid. S.423).

¹⁰¹ Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik, 1933–1940: Außenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München, 1980. S. 254, 256.

¹⁰² См.: 1939 год: Уроки истории /Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1990. С. 241, 340–341; Емец В.А., Ржешевский О.А. Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Война и политика, 1939–1941 /Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999. С. 31; Мировые войны XX века. Кн.3: Вторая мировая война: Исторический очерк /Отв. ред. Е.Н. Кульков. М., 2002. С.60–61; Орлов А.С. Сталин: в преддверии войны. М., 2003. С. 191–194.

¹⁰³ Metzmacher H. Deutsch-englische Ausgleichsbemühungen im Sommer 1939 //VfZ. 1966. H. 4. S. 404, 412; Henke J. England in Hitlers politischem Kalkül 1935–1939. Boppard a. Rhein, 1973. S. 268–276. Даже такой ортодокс, как Сиполс, пришел к выводу, что летом 1939 г. «Гитлер не считал нужным договариваться с Англией» (Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. С. 61).

¹⁰⁴ Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942 / Bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart, 1962. Bd. I. S. 11.

¹⁰⁵ Henke J. Hitlers England-Konzeption – Formulierung und Realisierungsversuche // Hitler, Deutschland und die Mächte. Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches / Hrsg. von M. Funke. Düsseldorf, 1977. S. 600–601.

¹⁰⁶ Только с этой точки зрения можно рассматривать якобы планировавшийся полет Геринга в Англию в 20-х числах августа 1939 г. Его контакты с посредниками англо-германского сближения – представителями деловых кругов различных стран – летом 1939 г. способствовали выполнению сугубо вспомогательной задачи по дезинформации потенциального противника относительно истинных намерений Гитлера; причем сам генерал-фельдмаршал, по всей видимости, мог и не вполне осознавать ответственную ему роль, так как к этому времени утратил влияние на формирование внешней политики рейха (См.: Kube A. Pour le mérite und Hakenkreuz, Hermann Göring im Dritten Reich. 2. Aufl. München, 1987. S. 312).

¹⁰⁷ Deist W. Die Aufrüstung der Wehrmacht // Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a. Main, 1989. S. 533–535.

¹⁰⁸ Mason T.W. Sozialpolitik im Dritten Reich: Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft. Opladen, 1977. S. 215–229.

¹⁰⁹ Volkmann H.-E. Op. cit. S. 417–418.

¹¹⁰ ADAP. D. Bd. VI. Dok. 433. S. 480.

¹¹¹ Müller K.-J. Armee und Drittes Reich. S. 123–126.

¹¹² Halder F. KTB. Bd. 1. S. 14; ADAP. D. Bd. VII. Dok. 192. S. 170, 169.

¹¹³ ADAP. D. Bd. VI. Dok. 433. S. 478.

¹¹⁴ 22 июля Шуленбург получил указание – возобновить беседы с руководством Наркоминдела об улучшении политических отношений (Ibid. Dok. 700. S. 803). 24 и 26 июля Шнурре по поручению Риббентропа провел встречи с Астаховым, в которых немецкий дипломат инициировал обсуждение вопроса о необходимости улучшения двусторонних отношений, причем в ходе продолжительной беседы 26 июля, состоявшейся в неофициальной обстановке на ужине в берлинском ресторане Эвест, впервые были озвучены многие из тех немецких предложений, которые затем легли в основу советско-германского пакта о ненападении (см.: Ibid. Dok. 729. S. 846–849; Год кризиса. Т.2. Док. 494. С. 120–122, Док. 503. С. 136–139).

¹¹⁵ ADAP. D. Bd. VI. Dok. 757. S. 882.

¹¹⁶ См. подробнее: Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941. С. 108–110.

¹¹⁷ Müller K.-J. Kriegausbruch 1939: Der Wille zum Krieg und die Krise des internationalen Systems // Wie Kriege entstehen: Zum historischen Hintergrund von Staatenkonflikten/Hrsg. von B. Wegner. Paderborn etc., 2000. S. 281.

¹¹⁸ Как отмечалось в памятной записке, подготовленной Военно-экономическим штабом ОКВ в августе 1939 г., «...создание нашего защищенного от блокады великого экономического пространства

(Großraumwirtschaft) может быть обеспечено только путем тесного экономического взаимодействия с Россией» (цит. по: Ericson E.E. Feeding the German Eagle: Soviet Economic Aid to Nazi Germany, 1933–1941. Westport Conn. etc., 1999. P.54).

¹¹⁹ ADAP. D. Bd.VII. Dok. 192. S. 170.

¹²⁰ Годовщина советско-германского пакта // Правда, 1940, 23 авг. С. 1

¹²¹ ADAP. D. Bd.VIII. Dok. 384. S. 347.

Дипломатическая реакция Литвы на пакт Риббентропа — Молотова

Цель моего доклада не только реконструировать дипломатическую реакцию Литвы на пакт Риббентропа — Молотова и эвентуальные его последствия, но и прокомментировать их. Достичь ее я попытаюсь в три этапа, подходя к проблеме с трех сторон. В докладе фрагментарно будут прослежены *политическая, психологическая и дипломатически-превентивная* реакция Литвы на пакт Риббентропа — Молотова. Хронологические рамки доклада — это весна — осень 1939 г. В основу данного исследования положены материалы Центрального государственного архива Литвы, Архива внешней политики Российской Федерации, а также уже опубликованные документы¹ и историографические работы².

* * *

Первые тревожные вести об эвентуальном «воскрешении» так называемой Рапалльской политики Москвы и Берлина литовская дипломатия получила уже в мае — июне 1939 г., после того как со своего поста был смещен Максим Литвинов. В начале мая литовский посланник в Париже Пятрас Климас писал в МИД Литвы, что «советский договор с Германией вполне возможен, и в этом случае ситуация в Балтийских странах стала бы катастрофической»³. Практически одновременно тревожная информация по этому поводу поступила и из Берлина. Посланник в Германии полковник Казис Шкирпа сообщал министру иностранных дел Литвы Юзасу Урбшису, что в отношениях Москвы и Берлина явно чувствуется оживление. По мнению по-

сланника, любое сближение России с Германией и их вмешательство в политические дела Европы для Восточной Европы и самой Германии стало бы «катастрофическим» и принесло бы «не мир, а коммунизм»⁴. Определенный скепсис литовской дипломатии в те дни внушала и зарубежная пресса. Например, *Нью-Йорк Таймс* 7 мая 1939 г. в статье «Советы заговорили о плане оккупации Балтии», анализируя политические тенденции в Европе, писала, что для преодоления польского барьера «Гитлер вполне может протянуть руку Сталину», а последний, в свою очередь, ожидая этого момента, уже «планирует оккупацию Балтийских стран»⁵. Интересно то, что советский посланник в Вашингтоне К. Уманский не только не стал опровергать эти сообщения американской прессы, но даже косвенно их подтвердил. Двумя днями позже, коснувшись статьи в *Нью-Йорк Таймс* и эвентуальных советских акций против Балтийских стран, К. Уманский угрожающе заявил посланнику Литвы в США Повиласу Жадейкису: «Если и в самом деле будете придерживаться политики нейтралитета, то это хорошо, ну, а если только появятся признаки, что уклоняетесь в сторону наших врагов — немцев или поляков, — то мы будем свою позицию пересматривать и свои интересы защищать»⁶.

Летом 1939 г. определенную тревогу в Каунасе вызвала и занятая Кремлем позиция в переговорах с западными союзниками, когда СССР вознамерился возложить свои гарантии безопасности на Эстонию и Латвию против воли Таллинна и Риги. В Каунасе складывалось мнение, что реализация таких «гарантий безопасности» в любое время и под любым предлогом легко может трансформироваться в «превентивную оккупацию» Балтийских стран. Комментируя позицию Кремля английскому посланнику в Каунасе Томасу Гильдебранту Престону, директор Политического департамента МИД Литвы доктор Эдвардас Тураускас заявил, что здесь в политике Москвы просвечивает имперский комплекс царской России и явно видны следы политики Петра Великого «пробивать окно на Запад» через Прибалтику⁷.

В какую сторону склоняются геополитические веса СССР и как видят международную ситуацию в Европе вожди Кремля, к концу лета 1939 г. все громче стали поговаривать и сами советские дипломаты. В первых числах августа временный поверенный в делах СССР в Германии Георгий Астахов «конфиденциально» пояснил литовскому посланнику в Берлине, что «Советскому Союзу нет необходимости договариваться с Англией, так как в

сложившейся ситуации помощь Англии СССР гораздо менее важна, чем помощь СССР Великобритании, которая является врагом № 1 для Германии»⁸. Более того, советский дипломат в этот раз был довольно откровенен, разговорчив и, в сущности, дипломатическим языком обозначил закулисные альтернативы внешней политики Кремля. По словам советского дипломата, *«немцы прямо-таки лезут из кожи, чтобы только угодить Советской России. Посольство получает много анонимных писем, несомненно, инспирированных властями, в которых разъясняется необходимость для СССР сговориться с Германией и предлагается раздел Польши»*⁹.

Интересно, что по некоторым данным к такому сценарию событий эвентуально толкала и жившая в то время на Западе белая эмиграция из царской России. Поздней весной 1939 г. эстонское, а чуть позже и литовское посольства в Париже получили информацию, что белые эмигранты, *«даже такие видные демократы»*, как Александр Керенский, высказываются не за сближение Советской России с западными державами — Англией и Францией, но поддерживают сепаратный сговор Москвы с Берлином, который, по их мнению, с геополитической точки зрения для России был бы более приемлемым и выгодным¹⁰. Еще больше литовскую дипломатию настораживала получаемая информация о том, что русские белые эмигранты *«Балтийские страны считают лишь временным явлением»* и на Западе упорно распространяют мысль, что эти страны, без всяких сомнений, *«должны быть воссоединены с Россией»*¹¹.

Можно предположить, что вышеизложенная точка зрения белой эмиграции по поводу внешней политики Москвы была известна не только литовской или эстонской дипломатии, но и советской. Таким образом, несмотря на то, что вышеупомянутые факты не являются абсолютно достоверными и еще требуют дополнительных подтверждений, все-таки можно выдвинуть следующую гипотезу: к концу 30-х годов И. В. Сталин, его соратники и советская дипломатия в ряде случаев по определенным вопросам не оставляли без внимания и мнение своих заядлых идеологических противников — белых эмигрантов. Развивая ее, можно предположить, что вожди большевиков, в то время уже довольно просвещенные и искушенные в тонкостях *«большой политики»*, не только могли ощущать некий упрек своих когда-то бывших великих соотечественников за *«потерянную»* империю, но и своего рода *«исторический»* наказ или даже моральную поддержку идее восстановить утраченную великодержав-

ность России. А если так, то реализовать этот неписанный «*политический завет*» белой эмиграции большевикам вдвойне было важно: 1) чтобы доказать преимущество своей идеологии и оправдать власть над Кремлем, 2) чтобы, восстановив «*авторитет*» и «*великодержавность*» страны, «*окончательно*» сбросить своих непримиримых идеологических противников на свалку истории.

Возвращаясь к политике Литвы, следует отметить, что, опасаясь геополитики Кремля, литовская дипломатия весной — летом 1939 г. разработала идеи, как укрепить безопасность Балтийских стран. Их суть сводилась к тому, что политику нейтралитета, примерно по бельгийскому образцу¹², необходимо скрепить международными гарантиями. В Каунасе полагали, что нейтралитет Балтийских стран, с общего согласия, могли бы гарантировать Польша, Германия, СССР, Франция и Великобритания¹³. Вместе с тем, МИД Литвы предложил Эстонии и Латвии «скрепить изнутри» нейтралитет Балтийской Антанты, то есть заключить военный союз о взаимопомощи между Литвой, Латвией и Эстонией¹⁴. Однако эти идеи не получили поддержки со стороны северных соседей Литвы¹⁵, и, следовательно, политика Балтийских стран в преддверии войны осталась без каких-либо значимых изменений.

Обобщая информацию, которой в конце лета 1939 г. располагал МИД Литвы, можно отметить, что пакт Риббентропа — Молотова от 23 августа 1939 г. для литовцев в принципе не был слишком большой неожиданностью. Тем не менее в те дни литовскую дипломатию очень настораживал вопрос — что на самом деле таится за кулисами этого пакта и каково его истинное политическое содержание? Уже на следующий день после подписания пакта Риббентропа — Молотова — 24 августа в МИД Литвы в срочном порядке был вызван временный поверенный в делах СССР в Литве Николай Поздняков. Тогда директор Политического департамента МИД Литвы доктор Эдвардас Тураускас без обиняков задал советскому дипломату по сути единственный вопрос: «*За какую эвентуальную цену СССР согласился [...] подписать такого рода договор с Германией*». Но желаемого ответа он так и не получил. Сославшись на недостаток информации из Москвы, Н.Г. Поздняков от ответа уклонился. 29 августа Э. Тураускас в МИД Литвы организовал еще один «*допрос*» советского посланника по поводу истинного содержания пакта Риббентропа — Молотова, но также безрезультатно. Н.Г. Поздняков лишь сухо и официально повторил, что «*никакой специ-*

альной информации из Москвы» по этому вопросу не получал. Ответы советского дипломата Э.Тураускасу доверия не внушили. Он, как и многие другие литовские дипломаты, оставался при мнении, что «*пакт такого рода*» мог быть подписан только за определенную «*плату*» от Третьего рейха в пользу СССР. Обобщая упорные поиски истины литовской дипломатии о пакте Риббентропа — Молотова, не без иронии можно отметить, что они все-таки увенчались успехом. Аккредитованный в Каунасе советский дипломат оказался истинным джентльменом. Спустя две недели, 18 сентября, вновь в срочном порядке вызванный в МИД Литвы по поводу вторжения Красной Армии в Польшу Н.Г. Поздняков, переступив порог кабинета директора Политического департамента, вместо приветствия тут же заявил Э.Тураускасу: «*А все-таки, господин министр, Ваше предчувствие Вас не обмануло...*»¹⁶. Но это запоздалое «признание» прозорливости литовской дипломатии из уст советского дипломата уже прозвучало скорее как приговор.

Контуров тайного сговора Риббентропа — Молотова от 23 августа 1939 г. стали вырисовываться уже во второй половине сентября, когда части Красной Армии вторглись в восточные воеводства Польши, а затем Советский Союз заставил правительства Эстонии и Латвии подписать двусторонние договоры о взаимопомощи. Но окончательные геополитические цели Кремля в Прибалтике стали ясны лишь после второго визита министра иностранных дел Германии Иохима фон Риббентропа в Москву, когда 28 сентября 1939 г. по инициативе И.В. Сталина и Литва была включена в «*сферу интересов*» СССР. Таким образом, можно констатировать, что сговор с нацистской Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 г. дал Советскому Союзу с геополитической точки зрения то, что летом 1939 г. советской дипломатии не удалось выторговать у Великобритании и Франции. По словам народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова, Советский Союз в этих международных торгах получил многое: новую силу, укрепление своих позиций и рост влияния в мире.

О содержании второго тайного сговора Риббентропа — Молотова Литва по сути узнала уже на следующий день после подписания договора и секретных протоколов к нему. Вечером 29 сентября В.М. Молотов заявил литовскому посланнику в Москве доктору Ладасу Наткявичюсу, что после «*последних*» советско-германских соглашений «*Литва почти стопроцентно находится в политической зависимости от политической воли СССР и что Германия не будет возражать против каких-либо литовско-*

советских соглашений»¹⁷. Еще рельефнее определил судьбу Литвы И.В. Сталин 3 октября 1939 г., когда в Москве начались переговоры по поводу возвращения Литве ее исторической столицы Вильнюса и подписания советско-литовского договора о взаимопомощи. Уже во время первого заседания советский лидер развернул на столе большую карту и «наглядно» продемонстрировал литовским дипломатам границу сфер влияния интересов СССР и Германии, а также «принадлежность» Литвы Советскому Союзу¹⁸.

Не вникая в отдельные детали и разные перипетии литовско-советских переговоров с 3 по 10 октября, можно лишь отметить, что, принимая чрезвычайно важные решения, Литва не имела широкого выбора. Позицию литовского правительства определяли несколько существенных факторов:

1) Все переговоры в Москве проходили под явным политическим и военным давлением, даже шантажом, со стороны Кремля¹⁹.

2) С 18 сентября 1939 г. в руках Красной Армии была историческая столица Литвы Вильнюс, где оккупационные власти не только активно проводили политику советизации, но и готовились к присоединению города с окрестностями к БССР.

3) После подписания договоров о взаимопомощи между СССР с Эстонией и Латвией внешняя политика Литвы оказалась в своего рода политическом нокдауне: вся политическая концепция Балтийской Антанты была сломана, политика же коллективного нейтралитета стран Балтии потеряла смысл. К такому развитию ситуации литовское правительство, к сожалению, было явно не готово и по сути не имело никакого заранее подготовленного плана действий.

4) Явно отрицательно на геополитическую ситуацию Литвы повлияло и фактическое исчезновение польского государства. После этого Литва оказалась в «геополитических цепях» двух тоталитарных и агрессивно настроенных соседних держав.

5) Вместе с тем отрицательно на внешнюю политику Литвы действовала и неопределенная международная ситуация в Западной Европе, где в принципе уже шла так называемая «странная война». Литовская дипломатия только с большими сомнениями и с трудом прогнозировала ход дальнейших военно-политических событий и будущую политическую конфигурацию в Европе.

6) Нельзя не отметить, что определенное отрицательное воздействие оказали на позицию Литвы в переговорах в Москве и

некоторые ошибки военно-политического плана, допущенные литовским правительством в сентябре 1939 г. В первую очередь здесь имеется в виду тот факт, что 24 сентября 1939 г., то есть примерно за неделю до начала литовско-советских переговоров, Совет государственной обороны Литвы под председательством президента Республики Антанаса Сметоны, *«обсудив международное, политическое и военное положение Литвы» (Sic?)*, принял решение с 25 сентября начать демобилизацию литовских вооруженных сил²⁰. Таким образом, литовская армия перед самым началом переговоров в Москве была существенно сокращена (примерно с 60.000 до 25.000 военнослужащих) и уже в процессе переговоров не смогла сыграть своей превентивной роли. Важно отметить, что такое политически непродуманное решение правительство Литвы приняло исключительно по финансово-экономическим соображениям, опасаясь только... краха своей финансовой системы.

С другой же стороны, если верить сообщениям и анализу ситуации советскими дипломатами, предложение Москвы заключить договор о взаимной помощи, точнее говоря — диктат Кремля, Литва из всех Балтийских стран осенью 1939 г. приняла с наибольшим противодействием и негодованием²¹.

Подписанный 10 октября 1939 г. в Москве в результате пакта Риббентропа — Молотова литовско-советский договор психологически двояко повлиял на Литву. Можно даже утверждать, что вследствие заключения этого договора литовское общество переживало смешанные чувства. С одной стороны, после долгих лет дипломатической борьбы на международной арене Литва опять воссоединилась в единое целое со своей исторической столицей Вильнюсом. Но с другой стороны, радость возвращения столицы была явно омрачена созданием на территории страны советских военных баз, в которых количество военнослужащих РККА было равно национальным военным силам. Фактически над Литвой учреждался советский протекторат.

Таким образом, с октября 1939 г. по июнь 1940 г. литовское общество и истеблишмент жили под знаком приближающейся политической катастрофы и уничтожения литовской государственности. Какие чувства страха и ожидания переживало осенью 1939 г. литовское общество, на мой взгляд, прекрасно показывает и литовский национальный фольклор. Он весьма метко определил новую политическую ситуацию страны. Сразу же после возвращения Литве Вильнюса и введения в страну советских военных баз в разных литовских городах, а особенно в Каунасе,

уличные певцы и музыканты стали публично распевать разного рода куплеты, содержание которых сводилось примерно к одному: *Умна Литва, но Русь хитрее. Вильнюс наш, но мы сами принадлежим русским...* Этот национальный фольклор осенью 1939 г. на улицах временной столицы Литвы Каунаса стал настолько популярен, что литовская полиция была вынуждена самых голосистых певцов на день-другой отправлять в городскую тюрьму или же на более длительный срок — недели на две — на общественные работы.

Удручающе на литовское общество и дипломатический корпус страны, без всяких сомнений, повлияло и то, какие отклики за рубежом вызвало расположение советских военных баз на территории Балтийских стран. Судя по сообщениям литовских дипломатов в МИД Литвы, в столицах стран Западной Европы день за днем все более отчетливо утверждалось мнение, что Эстония, Латвия и Литва с подписанием соответствующих договоров с Москвой потеряли свой суверенитет, попали в политическую «корзину России», стали «вассалами России» и в сущности находятся на пороге полной потери политической независимости и национальной государственности²².

Насколько резко позднее осенью 1939 г. изменилось отношение западных стран к Литве, а эвентуально и к другим Балтийским странам, убедительно показывает и тот факт, что в начале декабря Литве как неофициальному представителю Балтийских государств было отказано в месте непостоянного члена в Совете Лиги Наций²³. По поводу этого решения генеральный секретарь Лиги Наций Иозеф Авеноль лишь выразил сочувствие литовскому посланнику в Женеве Юргису Савицкису и пояснил, что после создания советских военных баз Балтийские страны, к его великому сожалению, на Западе уже не считаются полностью суверенными государствами²⁴.

Важно подчеркнуть, что правительство Литвы и литовская дипломатия в конце 1939 г. — начале 1940 г. довольно ясно и четко сознавало свое незавидное международное положение. Например, в последних числах ноября 1939 г. литовский посланник в Лондоне Б.К.Балутис говорил советскому послу в Великобритании Ивану Майскому довольно прямо, откровенно и не без заметного разочарования:

«Введение гарнизонов, конечно, никому не может быть приятно. Наверное, и Вы с этим согласитесь. Наверное, и Вы не станете отрицать, что это нарушает суверенитет страны, как мы его сегодня понимаем. Однако, на мой взгляд, для нас важно и опасно то,

что их присутствие может стать поводом для различных трений и осложнений, даже при всем желании обеих сторон лояльно выполнять условия договора. Введя гарнизоны, вы с нами поступили намного жестче, чем с нашими соседями латышами и эстонцами; у них стоят базы только на окраинах, а у нас вы разбросали гарнизоны по всей стране. Большинство литовцев надеялось, что с Литвой поступят лучше, чем с Латвией и Эстонией, никто не ожидал, что с ней будут действовать жестче» [...]. Как вам известно, наши отношения с самого начала были наилучшими, между нами не было никаких недоразумений, чего, возможно, нельзя сказать об остальных наших соседях. (Майский подтвердил: «Да, очень хорошие, не можем жаловаться»). С начала и до конца мы выдерживали не только корректное, но и полностью доброжелательное, искренне доброжелательное направление политики по отношению к **РСФСР**. Сегодня доброжелательность такого маленького государства как Литва может выглядеть мелочью, однако в свое время эта доброжелательность нам немало стоила, и для вас, надо полагать, имела немаловажное значение. [...] Можем вспомнить 1919–1920 гг., когда вам приходилось очень плохо, и последующие годы. Помните, когда вас пытались отсечь от всего мира, окружив знаменитым «санитарным кордоном» Клемансо. Вы знаете, что все от Арктики до Черного моря поддерживали этот план. Если он практически не удался, то лишь потому, что в этой цепи не хватало главного звена, только одного звена... Литва на это не согласилась даже под давлением. Позже состоялся Рапалльский договор, когда снова была сделана попытка полностью затянуть цепь «санитарного кордона», чтобы отделить Советы от Германии. Мы снова не согласились. Вы хорошо знаете, что тогда РСФСР была не в моде, и Литве пришлось немало пострадать из-за своей позиции. Нас все объявили большевиками, прислужниками Москвы и пешками, на международной арене на нас смотрели как на своеобразный аванпост РСФСР, от чего нам не раз пришлось пострадать, поскольку, скажем, в то время, может быть, иначе был бы решен тот же вопрос Вильнюса... Мы на все это не обращали внимания и до конца выдержали направление искренне доброжелательной политики» в отношении Советского Союза, но к великому сожалению литовского народа эта политика и эти ожидания себя не оправдали²⁵, — закончил свои соображения литовский посланник.

С другой стороны, неправильно было бы утверждать, что правительство Литвы в те тревожные дни только занималось цензурой национального фольклора, рыдало или же занимало

совершенно пассивную позицию. В начале ноября 1939 г. литовские посланники, аккредитованные в Париже, Лондоне и Риме — П. Климас, Б.К. Балутис и С. Лозорайтис — по поручению МИД страны подготовили совершенно секретный меморандум правительству. В документе был разработан план эвентуальных действий для правительства на случай прямого вмешательства СССР во внутренние дела страны или же на оккупацию Литвы²⁶. Не вникая в отдельные детали этого обширного и содержательного документа, отмечу здесь только самые важные моменты:

- 1) В проекте было предложение тщательно и всесторонне продумать международную обстановку и разработать план — каким образом, при каких условиях и в какую зарубежную страну, в случае советской оккупации, могло бы эмигрировать правительство Литвы. В принципе рассматривались три варианта: Великобритания, Франция и Италия. Почву за рубежом для эвентуальной эмиграции правительства предлагалось начать разрабатывать дипломатическим путем незамедлительно, но очень осторожно и конфиденциально.
- 2) Конституцию Литвы и соответствующие законы предлагалось реформировать так, что институт президента страны юридически стал бы недостижимым для потенциальных агрессоров, а вместе с этим были бы перекрыты и все юридические пути к созданию в Литве незаконного, марionеточного правительства.
- 3) Предлагалось тщательно продумать персональный состав правительства и заранее решить, какие члены правительства в случае политической катастрофы Литвы будут эмигрировать из страны.
- 4) На случай внезапной советской оккупации был подготовлен даже текст ноты протеста на французском языке. В ней говорилось: *«От имени и по поручению своего Правительства имею честь вам сообщить, что Правительство государства N, вопреки его формальным обязательствам и международному праву, только что осуществило акт прямой агрессии против Литвы. Правительство Литвы выражает свой самый решительный протест против этого акта агрессии и насилия, последствий которого никогда не признает ни литовский народ, ни его Правительство. Они выражают твердую решимость всеми имеющимися средствами бороться за независимость Литвы»*²⁷. Эту ноту протеста предполагалось вручить правительствам Швеции, Вели-

кобритании, Франции, Швейцарии, Италии, США, Аргентины, а также Совету Лиги Наций в Женеве. По поводу этого решения Правительству рекомендовалось заранее дать соответствующие инструкции своим посланникам за рубежом.

- 5) В проекте была продумана и крайне невыгодная ситуация, когда правительство в силу неожиданных и быстрых действий противника не сможет *in corpore* уехать из страны. Поэтому предлагалось незамедлительно назначить *шефа литовской дипломатии за рубежом*, который бы в случае политической катастрофы Литвы координировал бы всю политическую деятельность литовской эмиграции.
- 6) В меморандуме содержалось также предложение в ближайшее время за рубежом — лучше всего в США — создать специальный финансовый фонд для защиты литовской государственности и перевести на его счет от пяти до десяти миллионов литов.
- 7) Вместе с тем правительству предлагалось часть золотого запаса страны и ценной недвижимости за рубежом, в первую очередь здания литовских посольств в странах Западной Европы, оформить как частное имущество литовских посланников, и, таким образом, в случае политической катастрофы страны не только избежать перехода имущества Литвы в руки СССР, но эвентуально гарантировать материальную базу политического и дипломатического сопротивления против потенциального противника и оккупанта²⁸.

Из целого пакета вышеуказанных предложений превентивного характера правительство Литвы до оккупации страны — 15 июня 1940 г., к сожалению, успело реализовать лишь один. В первых числах июня 1940 г. министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис, опасаясь внезапного советского вторжения, назначил так называемого *шефа литовской дипломатии за рубежом*. Им стал, молодой²⁹ литовский дипломат, бывший министр иностранных дел, позднее — посланник Литвы в Италии Стасис Лозорайтис. Именно ему и его поколению и предстояла в будущем долголетняя дипломатическая борьба на международной арене за восстановление независимости и национальной государственности Литвы.

В завершение своего доклада хотел бы отметить, на мой взгляд, два существенных вывода. Первое: пакт Риббентропа — Молотова, подписанный накануне Второй мировой войны, был

большим ударом по политике мира Великобритании и Франции, а вместе с тем и серьезным испытанием для всей либерально-демократической системы и моральных ценностей западноевропейской политической культуры. Такая дипломатическими тонкостями не искушенная политическая практика СССР и Третьего рейха в преддверии войны показала, что эти тоталитарные державы полностью игнорировали международное право, политическую волю народов и пренебрегали суверенитетом третьих государств. Имея в виду то, в каком международном положении и в каком политическом дискурсе пакт Риббентропа – Молотова был заключен, сегодня не приходится сомневаться, что он окончательно разрушил Версальскую систему в Европе и проложил прямую магистраль к началу Второй мировой войны. Второе: для Литвы и других Балтийских стран пакт Риббентропа – Молотова стал коренным поворотом в их политической жизни в истории XX века. Опираясь на сговор с Третьим рейхом и используя военно-политическую неурядицу на Западе, Советский Союз в июне 1940 г., поправ все действующие двухсторонние договоры, оккупировал Балтийские государства и затем аннексировал их. Таким образом, тяготы пакта Риббентропа – Молотова Литва, Латвия и Эстония несли более чем полвека.

► Примечания

¹ Lietuvos okupacija ir aneksija 1939/1940. Dokumentų rinkinys, Vilnius, 1993.; *Nazi – Soviet Relations 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office as Released by the Department of State* / Ed. by R.J. Sontag, J.S. Beddie. New York, 1948.

² Lietuvos užsienio reikalų ministrai 1918 – 1940. Kaunas, 1998.; Albrecht-Carrié R., *France, Europe and the Two World Wars*. Geneve – Paris, 1960.; Furnia A.Y. *The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II, 1931 – 1938*. Washington, 1960.; *The Origins of the Second World War Reconsidered. The A.J.P. Taylor debate after twenty-five years* / Ed. by G. Martel. Boston, London, Sydney, 1987.; Crove D.M. *The Baltic States and the Great Powers: Foreign Relations, 1938 – 1940*, Bouldier, 1993; Roberts G. *The Soviet Union and the Origins of the Second World War. Russo–German Relations and the Road to War, 1933 – 1941*. London, 1995.; *The Munich Crisis, 1938. Prelude to World War II* / Ed. by I.Lukes, E. Goldstein. London, Portland, 1999.; Наджафов Д.Г. *Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова – Риббентропа*// *Война и политика 1939 – 1945*. М., 2000, с. 87 – 88.

³ Конфиденциальное сообщение от 08.05.1939 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы во Франции П. Климаса министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Центральный Государственный архив Литвы (далее – ЦГАЛ. Ф. 648., Оп. 1., Д. 30. Л. 67.

⁴ Конфиденциальное сообщение от 08.05.1939 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в Германии К. Шкирпы министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Там же. Д. 39., Л. 244, 254.

⁵ Конфиденциальное сообщение от 10.05.1939 чрезвычайного и уполномоченного посланника Литвы в США П. Жадейкиса министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису // Там же. Ф. 656, оп. 1, д. 132, л. 401.

⁶ Там же.

⁷ Конфиденциальная памятная записка директора Политического департамента МИД Литвы Э. Тураускаса от 15.06.1939 о встрече с временным поверенным в делах Великобритании в Литве Т.Г. Престоном. Там же. Ф. 648., Оп. 1., Д. 54. Л. 109.

⁸ Конфиденциальное сообщение от 12.08.1939 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в Германии К. Шкирпы министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Там же. Ф. 383., Оп. 7. Д. 2115. Л. 100.

⁹ Там же. Л. 99.

¹⁰ Конфиденциальное сообщение от 08.05.1939 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы во Франции П. Климаса министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Там же. Ф. 648., Оп. 1. Д. 30 Л. 67.

¹¹ Конфиденциальное сообщение от 08.05.1939 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы во Франции П.Климаса министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Там же. Ф. 648., Оп. 1. Д. 30. Л. 67.

¹² Напомним, что король Леопольд III декларировал нейтралитет Бельгии 14 октября 1936 г. 24 апреля 1937 г. нейтралитет Бельгии признали Франция и Великобритания, а 13 октября того же года – и Германия.

¹³ Конфиденциальное сообщение от 03.04.1939 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы во Франции П.Климаса министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. ЦГАЛ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 30. Л. 44.

¹⁴ Конфиденциальное сообщение от 20.04.1939 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в Эстонии Бронюса Дайлидэ министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Там же. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2020. Л. 472.

¹⁵ Конфиденциальная инструкция от 25.04.1939 сотрудника МИД Литвы, чрезвычайного и полномочного посланника Стасиса Лозорайтиса временному поверенному в делах Литвы в Латвии Казису Бизаускасу. Там же. Ф. 648. Оп. 1, Д. 54. Л. 59.

¹⁶ Конфиденциальная памятная записка от 18.09.1939 директора Политического департамента МИД Литвы Э. Тураускаса о встрече с временным поверенным в делах СССР в Литве Н. Поздняковым. ЦГАЛ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 54. Л. 162.

¹⁷ Конфиденциальная памятная записка чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в СССР Л. Наткявичюса от 02.10.1939 министру

иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Там же. Ф. 383, Оп. 7. Д. 2146. Л. 94–95.

¹⁸ Конфиденциальная памятная записка чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в СССР Л. Наткявичюса от 04.10.1939 в МИД Литвы о первом и втором раунде литовско-советских переговоров в Кремле см.: *Lietuvos okupacija ir aneksija 1939–1940. Dokumentų rinkinys*, Vilnius, 1993. P. 73–74.

¹⁹ *Ibid.* P. 75 – 80; Шифрованная телеграмма из Москвы в Каунас от 08.10.1939 министра иностранных дел Литвы Ю. Урбшиса и чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в СССР Л. Наткявичюса в МИД Литвы. ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 2146. Л. 54–55; Конфиденциальная памятная записка чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в СССР Л. Наткявичюса от 08.10.1939 в МИД Литвы о третьем раунде литовско-советских переговоров в Кремле. Там же. Л. 66–70; Конфиденциальная памятная записка чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в СССР Л. Наткявичюса от 09.10.1939 в МИД Литвы об четвертом раунде литовско-советских переговоров в Кремле. Там же. Л. 56–58; Конфиденциальная памятная записка чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в СССР Л. Наткявичюса от 11.10.1939 в МИД Литвы о пятом (завершающем) раунде литовско-советских переговоров в Кремле. Там же. Л. 23–25; Конфиденциальная памятная записка министра иностранных дел Литвы Ю. Урбшиса от 04.12.1939 о происходивших в Кремле 3–10 октября литовско-советских переговорах. Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 54. Л. 251–260.

²⁰ Постановление от 24.09.1939 Совета государственной обороны Литвы. ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2128. Л. 9.

²¹ Секретное сообщение № 220 временного поверенного в делах СССР в Литве Н.Г. Позднякова от 03.06.1940 В.М. Молотову. Архив внешней политики РФ. Ф. 0151. Оп. 31. П. 57. Д. 1. Л. 122.

²² Конфиденциальное сообщение № 130 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в Великобритании Б.К. Балутиса от 17.11.1939 министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. ЦГАЛ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 9. Л. 260–261; Конфиденциальная памятная записка № 137 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в Великобритании Б.К. Балутиса от 12.12.1939 министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Там же. Л. 227.

²³ Конфиденциальное сообщение чрезвычайного и полномочного посланника Литвы при Лиге Наций доктора Юргиса Савицкиса министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Там же. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2114. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Конфиденциальное сообщение № 135 чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в Великобритании Б.К. Балутиса от 30.11.1939 министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису о встрече с послом СССР в Лондоне И. Майским. Там же. Ф. 648, Оп. 1. Д. 9. Л. 269–270.

²⁶ Совершенно секретный меморандум чрезвычайного и полномочного посланника Литвы во Франции П. Климаса, чрезвычайного и полно-

мочного посланника Литвы в Великобритании Б.К. Балутиса, чрезвычайного и полномочного посланника Литвы в Италии С. Лозарйтиса от 02.11.1939 министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису. Там же. Д. 80. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 3.

²⁸ Там же. Л. 1 — 28.

²⁹ К этому времени С. Лозарйтису шел лишь 42-й год.

Пакт Молотова — Риббентропа и отношения между Латвией и Германией (1939—1940)

Подписанный 23 августа 1939 г. договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и неотъемлемая его часть — секретный дополнительный протокол (пакт Молотова — Риббентропа)¹ радикально изменили расстановку сил и международную ситуацию в Европе. Это были противоправный сговор за счет попрания интересов шести других стран и циничная сделка, поделившая Восточную Европу на две зоны влияния — германскую и советскую. В соответствии со статьей 1 секретного протокола Латвия, Финляндия и Эстония «отходили» Советскому Союзу. В этой статье говорилось: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР»². Статья 2 протокола определяла границы «сфер интересов» двух государств-агрессоров на территории Польши, а также предусматривала возможное исчезновение ее как государства. В ней указывалось: «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития»³. Статья 3 подтверждала интересы СССР в отношении Бессарабии и полную политическую незаинтересованность в этой области со стороны Германии⁴.

Советско-германский пакт о ненападении, который историки нередко называют «пактом о нападении»⁵, послужил своего рода запальным механизмом для развязывания Второй мировой войны. Германия начала военные действия 1 сентября, спустя

дальште через несколько недель независимое Польское государство перестало существовать. Договор от 23 августа как пакт о войне, разделе и уничтожении не имеет аналогов в истории Европы XIX и XX столетий⁶. Трудно представить себе более грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств.

Пакт Молотова — Риббентропа, безусловно противоречивший общепринятым в то время международным правовым нормам, «более не допускавшим соглашений за счет независимости третьих стран»⁷, стал важнейшей переломной гранью в отношениях Германии с Латвией и Эстонией, а также существенно изменил саму направленность политики Германии в Балтии. И хотя в середине и во второй половине 30-х годов Берлин не особенно заботился об укреплении собственных позиций в этом регионе и в его внешнеполитических расчетах, открытым оставался вопрос, когда, каким образом и в какой мере будет затронут суверенитет государств Балтии, нацисты, тем не менее, считали Балтию исконной сферой немецкого влияния и возможным объектом аннексии. Начиная с 1938 г., Германия стала уделять все более пристальное внимание Латвии, Литве и Эстонии. Однако роль этих государств в нацистских политических планах особенно возросла весной 1939 г., когда начались переговоры между Великобританией, Францией и СССР, в ходе которых обсуждалась и возможность предоставления Балтийским странам гарантий независимости. Германия, которая к тому времени уже приняла решение решить «польский вопрос» военными средствами⁸ и делала все возможное, чтобы воспрепятствовать созданию антигерманской коалиции, пыталась добиться от Латвии и Эстонии отказа от подобных гарантий и предлагала им сконцентрировать силы на организации обороны в случае возможной экспансии со стороны СССР. Это и было одной из причин, почему Берлин предложил Латвии и Эстонии заключить договоры о ненападении, которые на недолгое время стали основой двусторонних отношений между Германией и Латвией, а также Германией и Эстонией.

Договор от 23 августа 1939 г. по существу перечеркнул ставшую ненужной систему пактов о ненападении обоих государств-агрессоров в Восточной Европе⁹, а также подписанный 7 июня 1939 г. договор о ненападении между Германией и Латвией, поскольку произошло прямое разграничение сфер интересов за счет Балтийских государств¹⁰. Фактически нацистская политика в отношении Балтии превратилась в одну из функций

непосредственных взаимоотношений между СССР и Германией. Немецкие дипломаты, правда, официально пытались это отрицать, утверждая, что в отношениях между Германией и Латвией ничто не изменилось. Так, государственный секретарь МИД Германии Э. фон Вейцзекер, после согласования точек зрения с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым, 4 сентября 1939 г. направил германскому послу в Риге У. фон Котце телеграмму. Он уполномочил посла устно разъяснить министру иностранных дел Латвии В. Мунтерсу, что основой их «взаимоотношений с Латвией является подписанный 7 июня договор о ненападении и что мы /.../ не совершали действий, которые бы противоречили этому пакту»¹¹.

Место Германии во внешнеполитической стратегии Латвии

Пакт Молотова—Риббентропа напрямую не изменил международно-правовой статус Латвии и других государств Балтии (Литва в сферу интересов СССР была включена 28 сентября 1939 г.). Однако разграничение сфер интересов свидетельствовало о пренебрежительном отношении к суверенитету названных государств¹² и о сомнении в их независимости¹³. СССР получил от Германии полную свободу действий для дальнейших «территориально-политических преобразований» в сфере советского влияния¹⁴. 23 августа оба государства-агрессора одинаково понимали смысл словосочетания «сфера интересов» — это означало свободу оккупировать и аннексировать территории соответствующих стран. Советский Союз и Германия разделили сферы интересов на бумаге, чтобы затем «разграничение осуществить и на деле»¹⁵. Используя в секретном протоколе одно и то же определение, чтобы решить как польскую, так и балтийскую «проблему», и немцы, и русские четко дали понять, каков был смысл этого определения¹⁶. Несомненно, не будь пакта Молотова—Риббентропа, полная оккупация Балтийских стран спустя десять месяцев оказалась бы невозможной.

В сложнейшей международной ситуации (начавшаяся война, разгром Польши) внешнеполитическое руководство Латвии безуспешно пыталось решать назревшие проблемы. В его распоряжении имелась информация о содержании секретного дополнительного протокола от 23 августа и в целом оно понимало всю серьезность положения, хотя и не освободилось еще от оп-

ределенных иллюзий. Министерство иностранных дел пыталось всесторонне взвесить все возможности сохранения независимости. В этой связи стоит привести два интересных и важных документа. Речь идет о подготовленных в Министерстве иностранных дел секретных документах — один так называемый «Pro memoria», второй — «Основные принципы договорной политики в связи с переговорами с Германией и Россией». Первый документ датирован 23 сентября 1939 г., второй был подготовлен на следующий день. Автор обоих документов — директор Департамента договоров Министерства иностранных дел А. Кампе.

Судя по содержанию этих документов, Министерство иностранных дел Латвии не сомневалось в том, что оба участника делажа Европы — СССР и Германия «оставили пока государства Балтии в сфере интересов СССР» (фактически Литва до 28 сентября оставалась в сфере интересов Германии. — *И.Ф.*), поэтому 17 сентября, когда СССР предпринял агрессию в отношении Польши, ожидалось нападение со стороны СССР и на Латвию. Пытаясь понять, почему же все-таки СССР воздержался от этого шага, А. Кампе выдвинул три версии: «1. Возможно, это было простое нежелание усложнять операцию в Польше операцией против стран Балтии, отложив последнюю на более или менее длительный срок. 2. Возможно, действительно существовали договоренности, что государства Балтии затронуты не будут. 3. Возможно также, что без всяких договоренностей как Германия, так и Россия понимали, что та из держав, которая захватит страны Балтии, нарушит равновесие сил и будет представлять опасность для второй стороны»¹⁷.

Несостоявшееся нападение не изменило мнения латвийских дипломатов о сущности агрессивной политики СССР. По мнению А. Кампе, «нет ни малейших оснований предаваться иллюзиям и считать, что не в интересах России получить страны Балтии, если у нее был интерес захватить большую половину Польши»¹⁸. Поэтому директор Департамента не исключал возможности утраты Латвией своей независимости. При таком варианте А. Кампе прогнозировал «стремительное уничтожение латышского народа». Он считал, что для советской власти всего лишь вопрос техники «в кратчайшие сроки уничтожить несколько сот тысяч латышей», а «сотни тысяч рассеять по Северу России Сибири»¹⁹.

В сентябре 1939 г. внешнеполитическое руководство Латвии было настроено весьма скептически и в отношении воз-

возможностей и желания Великобритании заявить о своей позиции относительно дальнейшей судьбы государств Балтии. Великобритания как потенциальный защитник интересов народов Балтии была фактически «окончательно списана»²⁰, а возможности сохранения независимости стран Балтии в основном связывались с Германией. А. Кампе был убежден, что если вообще «существует нечто реальное, что может удержать Россию от нападения на государства Балтии, то это противодействие Германии»²¹. Среди факторов, которые якобы подтверждали возможность противодействия, он называл незаинтересованность Германии в нарушении равновесия сил; ее заинтересованность получить от стран Балтии поставки, а также наличие немецкого меньшинства в странах Балтии. Оставить их русским означало бы «тяжелейшую капитуляцию Германии, которая имела бы отрицательный резонанс как внутри страны, так и за рубежом»²².

Исходя из подобного рода соображений, в качестве важнейшей задачи внешней политики Балтийских стран было выдвинуто поддержание и укрепление противодействия Германии СССР. И хотя упомянутые соображения, безусловно, содержали известное рациональное зерно, однако выдвинутая задача в сложившейся ситуации была нереальной. В данном случае речь шла о недопонимании сути пакта Молотова — Риббентропа и идеализации политики Германии, а также игнорировании ее заинтересованности в экономических связях с СССР. Так, 26 сентября 1939 г. посол Латвии в Берлине Э. Криевиньш отправил в Ригу следующую телеграмму: «В официальных деловых кругах Германии поговаривают, что русские еще не потребовали [себе] государств Балтии, но если потребуют, придется отдать. В нынешней ситуации три состава с бензином перевешивают одну страну Балтии»²³.

Суровая реальность, с которой столкнулись Балтийские страны в конце сентября — начале октября 1939 г., — это прежде всего безразличие Германии и силовое давление СССР, так как после разгрома Польши были созданы необходимые предпосылки осуществления его агрессивных замыслов в Балтии. Первым шагом, предпринятым Москвой в этом направлении, было навязывание договоров о взаимной помощи, итогом которых стало создание советских военных баз на территории государств Балтии. 27 сентября в беседе с министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом, состоявшейся во время переговоров о заключении договора о дружбе и границах

между Германией и СССР, советский диктатор И.В. Сталин указал, что Эстония уже согласилась подписать такой договор, а если Латвия будет сопротивляться, «то Советская армия в самый краткий срок «расправится» с Латвией»²⁴. Немецкая сторона настаивала на постепенном решении Балтийского вопроса, без немедленной оккупации Балтийских стран. Сталин обещал Риббентропу проводить постепенное внедрение в Балтию и временно оставить Латвии, Литве и Эстонии независимость, не исключив в дальнейшем возможности включения этих стран в состав СССР²⁵.

Свою агрессивную позицию, намерение не соблюдать нормы международного права и применить силу советская сторона подтвердила и на переговорах с представителями Латвии о подписании договора о взаимопомощи, которые начались 2 октября 1939 г. в Москве. На следующий день министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс проинформировал свое правительство о сказанных ему словах Сталина: «Что касается немцев, то мы можем вас оккупировать». Кроме того, угрожая, советский лидер заявил о возможности СССР забрать «территорию с русским меньшинством»²⁶. Правительство Латвии приняло решение капитулировать и согласиться с требованиями Советского Союза пропустить его войска на свою территорию. Решение, которое оказалось для независимости Латвии роковым, было принято на чрезвычайном заседании кабинета министров 3 октября, договор же подписан 5 октября. Альтернативой в случае неподписания договора была война, ибо тотчас последовало бы советское нападение. Правительство К. Улманиса не решилось на такой шаг в целях сохранения жизненной силы народа.

Переселение балтийских немцев

Важнейшей составляющей пакта Молотова — Риббентропа и в то же время проблемой латвийско-германских отношений было переселение балтийских немцев. Когда 25 сентября 1939 г. в беседе с послом Германии в Москве Ф. фон Шуленбургом Сталин заявил, что «Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы прибалтийских государств, в соответствии с Протоколом от 23 августа, и ожидает в этом деле /.../ полную поддержку со стороны германского правительства»²⁷, руководство Третьего рейха учитывало возможность «незамедлительно-

го включения Балтийских стран в состав Советского Союза»²⁸. Уже 25–26 сентября А. Гитлер принял решение о переселении балтийских немцев²⁹. Главными мотивами подобного решения было спасение их от «советской хватки», ослабление советского потенциала, дефицит кадров при освоении завоеванных западных областей Польши, а также усиление военной и экономической мощи Германии³⁰.

28 сентября 1939 г. Германия и Советский Союз подписали конфиденциальный протокол о переселении, в котором было зафиксировано, что правительство СССР не будет чинить препятствия на пути граждан Германии и лиц немецкого происхождения, если они выразят желание переселиться в Германию или на территории, находящиеся в германской сфере влияния. Оно согласно с тем, что права собственности отъезжающих при переселении затронуты не будут. Аналогичные обязательства взяло на себя и правительство Германии в отношении «лиц украинского и белорусского происхождения, проживающих на территориях, находящихся в сфере ее интересов»³¹. Похоже, этот протокол не имеет аналогов в истории международного права. Это единственный подобного рода акт, в котором два диктатора объектом двустороннего соглашения называли граждан, проживающих в других суверенных государствах.

Упомянутый протокол был первым официальным внешнеполитическим актом, которым Берлин обеспечил переселение балтийских немцев (и не только их) из Латвии. Подготовка к проведению этой акции на межгосударственном уровне была завершена 30 октября 1939 г., когда Германия подписала соответствующий договор и с Латвией. Он сыграл роль юридическое обоснования переселения балтийских немцев, которое было задумано как единовременная акция (однако этого не произошло. — *И.Ф.*) и должно было завершиться тем, что немцы, как «группа народа» (с определенным статусом) прекращает свое существование в Латвии. Все немцы, которые хотели покинуть страну, до 15 декабря 1939 г. должны были подтвердить добровольное желание «навсегда отказаться от латвийского подданства». Германия обязалась «принять [переселенцев] в Германии с целью предоставления им подданства Германии»³².

В соответствии с латвийско-германским соглашением, недвижимость, оставляемая переселенцами, должна была перейти в управление специально созданного Фидуциарного акционерного общества переселенцев (*Umsiedlungs Treuhand Aktien Gesellschaft*, сокращенно — *UTAG*). Ему, например, бы-

до дано право продавать принадлежавшую балтийским немцам собственность до 31 декабря 1941 г. Недвижимость в сельской местности должны были до 31 января 1940 г. перенять соответствующие госучреждения Латвии, предварительно согласовав ее стоимость совместно с UTAG³³. В особом конфиденциальном протоколе указывалось, что правительства Германии и Латвии согласны принять за основу определения стоимости принадлежащей немцам земли среднюю величину в 200 латов за гектар³⁴.

В статье 17 соглашения указывалось, что в Банке Латвии необходимо открыть специальный счет UTAG, на который будут вноситься денежные средства переселенцев, (каждый имел право вывезти всего 50 латов), активы, полученные в результате ликвидации их собственности, и т.д. Согласно статье 18, имущественные накопления на специальном счете для трансферта в Германию (в пользу государства) должны были быть покрыты дополнительным экспортом латвийских товаров³⁵. Конфиденциальные ноты о трансферте, которыми обменялись Латвия и Германия 30 октября, рассматривали и другие возможности перевода имущественной собственности в Германию: услуги помимо латвийско-германского клирингового договора (заключенного 31 октября 1937 г.), приобретение имущественной собственности граждан Латвии, находящихся в Германии, коммерческие сделки и пребывание в Латвии и т.д.³⁶.

Договор от 30 октября был, несомненно, чрезвычайно выгоден для Германии, чьим интересам отвечало согласие Латвии произвести равноценный расчет за имущество, оставляемое переселенцами. Даже эксперты германской делегации признали, что Латвия, таким образом, взвалила на себя огромный внешний долг³⁷. Кроме того, в договоре нашло отражение требование Германии о создании фидуциарного учреждения для ликвидации собственности балтийских немцев. В результате правовая сторона процесса полностью находилась в управлении UTAG; Латвийское государство не имело никаких контролирующих функций. Договор не предусматривал также санкций в случае несоблюдения UTAG сроков ликвидации собственности балтийских немцев.

Так как UTAG, сформированное 7 декабря 1939 г., являлось фидуциарным учреждением Германии, оно рассчитывалось не с переселенцами, а с государством. Уезжая из Латвии, балтийские немцы не заключили с Берлином никаких соглашений, которые в форме договора фиксировали бы обязанности Герма-

нии по отношению к ним. Представители Германии просто обещали переселенцам материальную компенсацию натурой за оставленную в Латвии собственность³⁸. Такую компенсацию получили балтийские немцы, переселившиеся в западные области оккупированной Польши. В их распоряжение перешла конфискованная у поляков и евреев собственность, которая, как правило, по своей стоимости превышала их собственность, оставшуюся в Латвии. Так что в целом перед ними открылись более заманчивые экономические перспективы. По признанию лидера немецкой национал-социалистической организации в Латвии «Движение» Э.Крегера, переселившись, балтийские немцы «в плане экономическом совершили грандиозный рывок вперед»³⁹.

Германия меняет позицию

В связи с объявленной Великобританией⁴⁰ блокадой осенью 1939 г. ощутимо возросла роль экспорта (сырье, продовольствие) Балтийских стран в военной экономике Германии. Постепенно в немецких предпринимательских кругах сформировалось мнение, что, «отдав» страны Балтии СССР, Германия совершила большую ошибку⁴¹. Экономически Германия пыталась все теснее привязать к себе Латвию, Литву и Эстонию. С государствами Балтии велись интенсивные переговоры по экономическим вопросам. Результаты переговоров в большинстве случаев были благоприятными для Германии. Несмотря на известные трудности, ей удалось занять ведущее место во внешней торговле Балтийских стран, по крайней мере частично интегрировав их в «большое экономическое пространство» Германии⁴². В 1940 г. около 70% экспорта Балтийских стран составлял экспорт в Германию⁴³. Начальник IV отдела Министерства иностранных дел Германии В. Грундхер 17 июня 1940 г. без обиняков заявил, что благодаря заключенным в минувшем году экономическим договорам с Латвией, Литвой и Эстонией «роль этих стран в снабжении нас продовольствием и важнейшим стратегическим сырьем значительно возросла»⁴⁴.

Успешным стал для Германии подписанный 21 декабря 1939 г. Четвертый дополнительный протокол латвийско-германского торгового соглашения (от 4 декабря 1935 г.). Он предоставил Германии далеко идущий контроль над внешней торговлей

Латвии, в результате чего она существенно увеличила свой экспорт в Германию. В 1940 г. Латвия обязалась поставить Германии сырья, продовольствия и других товаров на общую сумму не менее 140 миллионов латов⁴⁵. В то же время доля импорта Латвии не должна была превышать 108 миллионов латов⁴⁶. Разницу в 32 миллиона латов предполагалось покрыть за счет специальных поставок из Германии (7 миллионов латов), а также из средств специального счета переселенцев (20 миллионов латов) и со счета Германской расчетной кассы в Банке Латвии (5 миллионов латов)⁴⁷.

Весной 1940 г. Германия фактически уже не делала даже попыток ликвидировать пассивное сальдо в клиринговых расчетах с Латвией. Берлин или запаздывал или вообще не выполнял своих обязательств. Например, на май 1940 г. Германия не поставила Латвии 160 000 тонн угля⁴⁸. В июне долг Германии в денежном выражении достиг уже 5 900 768 латов⁴⁹. Министерство иностранных дел Латвии было вынуждено постоянно торговаться с Германией, чтобы добиться выполнения договорных поставок.

Одновременно с укреплением своей роли во внешней торговле Латвии и других стран Балтии Германия дала понять Советскому Союзу, что целесообразно было бы дифференцировать интересы обеих держав на территории Балтии — СССР сохранил бы в этом регионе политический и стратегический перевес, Германии же были бы гарантированы экономические преимущества⁵⁰. Правительства Балтийских государств поддерживали стремление Германии, так как считали экономические интересы Третьего рейха важнейшим фактором отсрочки грозящей им оккупации и советизации. Советский же Союз как будто не возражал против позиции Германии, поскольку она отвечала избранной им стратегии. Москва была заинтересована в том, чтобы военный потенциал Германии оказался достаточным для ведения ею войны на Западе. Расчет был прост — чем дольше будет продолжаться война на Западе, тем легче будет СССР реализовать свои агрессивные планы в измотанной войной Европе и тем меньше шансов будет у Великобритании и ее союзников восстановить *status quo* в восточной части этого континента, уничтожение которого было одной из целей Сталина⁵¹.

11 февраля 1940 г. Советский Союз и Германия заключили торговое соглашение, чрезвычайно выгодное для немцев. Оно предоставило им возможность получать в большом количестве сырье для военной промышленности и обеспечивало многосто-

роннее экономическое сотрудничество между двумя странами. Соглашение было намного шире, чем того требовали интересы экономики и безопасности СССР⁵².

Оккупация Латвии и Германия

Если в сентябре 1939 г. правительство Германии еще считалось с возможностью близкой оккупации и советизации государств Балтии, то позже — после подписания договоров о военных базах — оно подобную возможность фактически более или менее игнорировало⁵³. Очевидно, нацистское руководство надеялось или было уверено в том, что Советский Союз не рискнет изменить *status quo* в Балтийских странах. Во всяком случае, июньские события 1940 г. стали для них сюрпризом. Как пишет немецкий историк И.Фляйшхауэр, поспешные агрессивные действия СССР в Балтии и Румынии умножили недовольство Берлина и даже вызвали определенный шок⁵⁴. 16 июня Риббентроп даже намеревался проверить возможность для оказания противодействия предпринятым советской стороной действиям и попросил подготовить соответствующее заявление⁵⁵. Однако днем позже он решил не усложнять германо-советские отношения из-за происшедших в странах Балтии событий и в циркуляре, направленном германским послам, указал, что эти события касаются лишь России и Балтийских государств⁵⁶.

Немцев поразил тот факт, что Советский Союз сконцентрировал в Литве и других Балтийских государствах огромное число дивизий⁵⁷, к тому же в такой момент, когда восточная граница Германии оставалась почти неприкрытой, поскольку основные ее силы были сосредоточены на Западе, где завершалась военная кампания против Франции. Германские военные круги, не желавшие мириться с ухудшением стратегического положения Германии, утвердились во мнении, что ведется подготовка «к развертыванию боевых действий (*Aufmarsch*) против Германии»⁵⁸. Немцы вынуждены были принять это, поскольку Гитлер, имея открытый восточный фланг, не мог пойти на риск и вступить в серьезный конфликт с Советским Союзом⁵⁹. Расчет руководства СССР оказался верным.

Оккупировав Балтию, Советский Союз захватил всю территорию Литвы, в том числе стратегически важный район Мариамполя, соединявший Восточную Пруссию и Южную Литву.

В секретном протоколе от 28 сентября 1939 г. он был однозначно назван как входящий в сферу интересов Германии. Как отмечал в своих мемуарах, написанных в Нюрнбергской тюрьме, Риббентроп, германское руководство не было заранее информировано о предстоящей оккупации Мариямпольского района Литвы⁶⁰. По его мнению, включив Литву, Латвию и Эстонию в состав СССР (в начале августа 1940 г. — *И.Ф.*), Советский Союз в одностороннем порядке разорвал и экономические договоры Германии с этими государствами, хотя в соответствии с советско-германскими договоренностями августа—сентября 1939 г. экономические интересы Германии не должны были быть затронуты⁶¹.

Оккупация Балтийских государств означала ухудшение отношений между Германией и СССР. В этой связи не лишним будет напомнить редко приводимый в исторической литературе факт. В ноте министра иностранных дел Германии правительству Советского Союза, датированной 21 июня 1941 г. и рано утром 22 июня переданной советскому послу в Берлине В. Деканозову⁶² (посол Германии в Москве Ф. фон Шуленбург в 3.00 тоже получил шифрованную телеграмму, в которой ему предписывалось посетить народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова, чтобы сообщить о начале боевых действий⁶³), в качестве одной из причин, заставивших Германию предпринять контрмеры в связи с концентрацией войск и выдвижением их к восточной границе Германии (то есть, начать войну против Советского Союза. — *И.Ф.*), были упомянуты действия СССР, направленные против Балтийских стран, их оккупация и большевизация⁶⁴.

Примечания

¹ Советско-германский договор о ненападении и секретный протокол к нему, инициатором которого был Советский Союз, следует воспринимать как единое целое. Основание — позиция СССР на советско-германских переговорах в августе 1939 г., его предложения и согласие Германии.

Эти неоспоримые факты не принял во внимание 2-й съезд народных депутатов СССР. В решении съезда, датированном 24 декабря 1989 г., советско-германский договор «отделен» от секретного протокола, и было заявлено, что содержание договора не противоречило международным правовым нормам.

² Секретный дополнительный протокол // Новая и новейшая история. 1993, № 1., С. 89.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ahman R. Der Hitler – Stalin- Pakt: Nichtangriffs – und Angriffsvertrag? // Hitler – Stalin Pakt 1939. Das Ende Ostmitteleuropas? Frankfurt am Main, 1989. S. 37–40.

⁶ Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg 1917 – 1945. Nationalsozialismus und Bolshevismus. Frankfurt am Main, 1987. S. 311.

⁷ Meissner B. The Occupation of the Baltic States from a Present – Day Perspektive // The Baltic States at Historical Crossroads. Riga: Latvian Academy of Sciences, 2001. P. 440.

⁸ Осенью 1938 г. и в начале 1939 г. Германия пыталась получить от Польши согласие выступить в качестве ее «младшей союзницы» в случае конфликта с Западом. Однако эти попытки не увенчались успехом, так как Польша отказалась сотрудничать с Германией на выдвинутых ею условиях (присоединение Данцига к Германии, строительство экстерриториальной автостреды в Восточную Пруссию через Польшу и т.п.). Окончательно и бесповоротно предложение немцев Польша отвергла 26 марта 1939 года (см.: например, Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 218.– 222.).

Позицию Польши А. Гитлер воспринял как вызов Великой Германии, задевающий ее честь. 3 апреля 1939 г. он отдал приказ разработать план нападения на Польшу, а 28 апреля аннулировал польско-германский договор о ненападении.

⁹ Lipinsky J. Das Geheime Zusatzprotokoll zum deutsch – sowjetischen Nichtangriffsvertrag vom 23. August 1939 und seine Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte von 1939 bis 1999. Frankfurt am Main, 2004. S. 86.

¹⁰ Аманис Р. Русофил, англофил или германофил. Непонятый министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс в оценке национал-социалистов // Журнал Института истории Латвии. 1993. № 3. С. 136. (На лат.яз.) (Āmanis R. Rusofilis, anglofils vai ģermanofils. Neizprastais Latvijas ārlietu ministrs V. Munters nacionālsociālistu vērtējumā // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 1993. Nr.3. 136.lpp.)

¹¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP). Ser. D 1937–1941. Baden-Baden, 1956, Bd. VII. S.452.

¹² Gornig G.-H. Der Hitler – Stalin Pakt. Eine völkerrechtliche Studie. Frankfurt am Main, 1990. S.68.

¹³ Там же, С.79.

¹⁴ Meissner B. The Occupation of the Baltic States. P.439.

¹⁵ J. Das Geheime Zusatzprotokoll. S.61.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Государственный Исторический архив Латвии (далее – LVVA). Ф.2570. Оп. 13. Д.1146. Л.27. (На лат.яз.) (Latvijas Valsts Vēstures arhīvs (LVVA), 2570.f., 13.apr., 1146.l., 27.lpp.)

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л.28.

²⁰ Там же. Л.30.

²¹ Там же. Л.27.

²² Там же. Л.28.

²³ Там же. Оп. 5. Д. 62. Л. 131.

²⁴ Документы внешней политики, 1939. Т. XXII: В 2 кн. Кн. 2: 1 сентября – 31 декабря 1939 г. М., 1992. С. 611.

²⁵ Там же. С. 608–611.

²⁶ Latvian – Russian Relations / Documents Compiled by Dr.A. Bilmanis. Washington, 1944. P.193,194.

²⁷ ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S.101.

²⁸ Peter A. Kriegsvorbereitung und Grossraumwirtschaft. Ziele und Methoden der deutschen «Randstaatenpolitik» gegenüber Lettland 1939 – 1941// Nordost – Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte. 1996. Bd.V. S. 408.

²⁹ Ibidem.

³⁰ См.: например, Bosse L. Vom Baltikum in den Reichsgau Wartheland// Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich. Köln, 2001. Bd.I S.320–322.

³¹ ADAP. Ser.D. Bd. VIII. S.128.

³² Договор о переселении граждан Латвии немецкой национальности в Германию, 30 октября 1939 года. LVVA. Ф.2570. Оп.3. Д. 368. Л.8. (На латвиз.) (Līgums par vācu tautības Latvijas pilsoņu pārvietošanu uz Vāciju, 1939.gada 30.oktobris // LVVA. 2570.F. 3.Apr. 368.L.,8.Lpp.)

³³ Там же. Л. 9.

³⁴ Там же. Ф. 2574. Оп. 4. Д.7567. Л.. 345.

³⁵ Там же. Ф. 2570. Оп. 3. Д. 368. Л.10.

³⁶ Там же. Ф. 2574. Оп. 4. Д.7567. Л.343.

³⁷ Bericht des Vertreters des Reichsministeriums bei den deutsch – lettlandischen Umsiedlungsverhandlungen in Riga an das Reichsfinanzministerium vom 30.Oktober 1939 // Диктиerte Option. Die Umsiedlung der Deutsch – Balten aus Lettland und Estland 1939 – 1941 / Dokumentation zusammengestellt und eingeleitet von Dietrich A.Loeber. Neumünster, 1972. S. 343.

³⁸ Hehn J.von. Die Umsiedlung der baltischen Deutschen – das letzte Kapitel baltisch – deutscher Geschichte. Marburg, 1984. S. 137.

³⁹ Kroeger E. Der Auszug aus der alten Heimat: Die Umsiedlung der Baltendeutschen. Tübingen, 1967. S.140.

⁴⁰ Великобритания и Франция объявили войну Германии 3 сентября 1939 г.

⁴¹ Oberländer E. Latvian – German Relations, 1939 – 1940 // Латвия во Второй мировой войне. Статьи Комиссии историков Латвии. Т.1. Рига, 2000.– С.41. (Latvija Otrajā pasaules karā. – Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, I.sēj. Rīga, 2000. 41.l pp.)

⁴² См.: Peter A. Kriegsvorbereitung und Grossraumwirtschaft, S.412– 417.

⁴³ Politisches Archiv des Auswärtiges Amts (далее: PAAA), R 104592, 381716.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid. R 27207, 111058.

⁴⁶ Ibid. 111073.

⁴⁷ Ibid. 111075.

⁴⁸ Отчет о состоянии внешней торговли Латвии. 21 июня 1940 года // LVVA. Ф.1313. Оп.1. Д. 152. Л.10. (На лат.яз.). (Pārskats par Latvijas ārējās tirdzniecības stāvokli, 1940.gada 21.jūnijs//LVVA,1313f., 1.apr., 152.l.,10.lpp.)

⁴⁹ Там же. С.11.

⁵⁰ Oberländer E. Latvian – German Relations. P.37.

⁵¹ Странга А. Внешняя торговля Латвии в конце 30-х годов: экономические аспекты внешней политики // История Латвии. 1995. №3. С.18. (На лат.яз.) (Stranga A. Latvijas ārējā tirdzniecība 30.gadu nogalē: ārējās politikas saimnieciskie aspekti // Latvijas Vēsture. 1995. Nr.3. – 18.lpp.)

⁵² См.: Ahman R. Der Hitler – Stalin Pakt. S.42.

⁵³ Peter A. Kriegsvorbereitung und Grossraumwirtschaft. S.418.

⁵⁴ Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa». Berlin, 1991. S.170.

⁵⁵ Peter A. Kriegsvorbereitungen und Grossraumwirtschaft. S.419.

⁵⁶ ADAP, Ser.D. Bd.IX. S.492.

⁵⁷ В начале июля 1940 г. в распоряжении немцев оказались сведения о том, что Советский Союз запланировал сконцентрировать в Литве 50, в Латвии 30 и в Эстонии 20 дивизий. (PAAA. R 10490, 379938.).

⁵⁸ Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand. S.170.

⁵⁹ Peter A. Kriegsvorbereitung und Grossraumwirtschaft. S.420.

⁶⁰ Риббентрон И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 172.

⁶¹ Там же.

⁶² Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand.. S.356.

⁶³ Deutsche Botschaft Moskau. Vom Ausbruch des deutsch – sovjetischen Krieges bis zur Rückkehr nach Deutschland. Tagebuch vom 22. Juni bis 24.Juli 1941 // PAAA, R 104587, 398131. Ф. фон Шуленбург зачитал В. Молотову только короткую, составленную им самим ноту, состоявшую из двух предложений: «Учитывая, что угроза на восточной границе Германии неудержимо возрастает, что вызвано концентрацией и подготовкой всех видов вооруженных сил Красной Армии, правительство Германии вынуждено незамедлительно принять военные контрмеры. Соответствующая нота одновременно вручена Деканозову в Берлине». (Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand. S.352.) Приняв ноту об объявлении войны, В. Молотов попрощался с Ф. фон Шуленбургом со словами: «Мы этого не заслужили». (Boog H., Förster J., Hofmann J., Klink E., Müller R., Ueberschär G. Der Angriff auf der Sowjetunion. Frankfurt am Main, 1991. S.130.)

⁶⁴ Note des Auswärtigen Amtes an die Sowjetregierung vom 21.Juni 1941// Diktierte Option, S.328–329.

Пакт Молотова — Риббентропа и германское движение Сопротивления

Всесторонняя оценка комплекса советско-германских договоров и соглашений 1939–1940 гг. невозможна без анализа их воздействия на силы, противостоявшие — на территории рейха и в эмиграции — гитлеровскому режиму. При этом существенно необходим учет разнообразных и предельно противоречивых антинацистских движений и группировок: от коммунистов до консерваторов прусского толка. К 1939 г. стало совершенно очевидным, что свержение гитлеризма силами внутреннего Сопротивления невозможно. Поэтому в условиях кардинальных перемен в расстановке мировых сил и во внешней политике СССР становилась предельно актуальной проблема возможной поддержки антифашистской борьбы (или отсутствия такой поддержки) со стороны внешних сил.

После подписания советско-германского договора руководители КПГ и рядовые коммунисты оказались в состоянии полного замешательства. Эрнст Фишер, тогда член руководства Компартии Австрии, вспоминал впоследствии: «24 августа члены германской секции Коминтерна узнали о пакте. Вильгельм Пик, Вильгельм Флорин, Филипп Денгель и другие собрались вместе, чтобы оценить ситуацию, но все они были слишком растеряны и поражены, чтобы принять какое-нибудь решение»¹.

Контраст был тем более значителен, что компартия прежде исходила из того непреложного факта, что потенциальным и реальным агрессором является режим Третьего рейха. Вот как в апреле 1939 г. выражал эту установку Франц Дале: «В 1914 г. германские империалисты были виновны в развязывании мировой войны в той же степени, что французские, английские и

русские империалисты. Но теперь Гитлер выступает перед всем миром как подлинный поджигатель войны»².

В документе секретариата ЦК КППГ от 25 августа странным образом сочетались восхваления внешней политики СССР («сорваны все планы фашистского крестового похода против СССР», «угроза социалистическому государству со стороны национал-социализма ликвидирована») с прежним, уже «устаревшим» лозунгом «усиления борьбы против нацистской диктатуры»³. В заявлении ЦК от 3 сентября все еще провозглашался курс на «свержение Гитлера», но одновременно целью борьбы оказывалась «демократия английского империализма»⁴. Тогда же с оценкой пакта выступил Вальтер Ульбрихт: «Договор Советского Союза с Германией означает усиление международного рабочего класса... Он укрепляет силы мира, разрушая антикоминтерновский пакт... Укрепляет антифашистские силы, разрушая основу фашистской идеологии — антибольшевизм»⁵.

Как следует из дневника Георгия Димитрова, 7 сентября 1939 г., через неделю после германской агрессии против Польши и через две недели после заключения пакта, И.В. Сталин дал Коминтерну и компартиям принципиально новую установку. Грубо навязывая коммунистическому движению свои представления о системе международной безопасности, он настоятельно предложил снять лозунги свержения фашистского режима в Германии и выступить против империалистов Англии и Франции, будто бы являвшихся виновниками начавшейся мировой войны. К этому времени уже определились основные контуры вынужденного крутого поворота в политике руководства Коммунистической партии Германии, явного демонтажа стратегии Народного фронта и поисков путей союза с социал-демократией⁶. В изданиях КППГ без комментариев повторялся тезис В.М. Молотова о необходимости прекращения борьбы против идеологии национал-социализма⁷.

И если в письме, направленном 21 октября от имени ЦК функционерам германской компартии, еще можно было (в последнем абзаце) отыскать слово «фашизм»⁸, то в «политической платформе КППГ» от 30 декабря 1939 г. главным противником немецких рабочих объявлялся «английский и французский империализм». Оказывалось, что даже нацистская оккупация европейских стран «льет воду на мельницу английского и французского империализма».

В «Политической платформе КППГ» содержался абсурдный, политически вредный тезис (скорее всего, вставленный под

диктовку) о желательности и едва ли не возможности полулегализации или легализации (!) компартии⁹. За шесть недель до начала войны Вальтер Ульбрихт писал о возможности «массового распространения» в Германии «Краткого курса истории ВКП(б)»¹⁰. Иллюзии касались и ожидавшихся перемен во внешнеполитическом курсе Третьего рейха. В октябре 1939 г. Вильгельм Флорин утверждал, что «германская буржуазия вспомнила о Рапалльском договоре»¹¹. Как явствует из оперативных отчетов гестапо, иллюзии такого рода были отмечены и на территории рейха. 6 декабря 1940 г. агентура докладывала: циркулируют слухи о возможной легализации.

Как реагировали на заключение пакта рядовые коммунисты-подпольщики в Германии? Представление об этом можно получить из информации, представленной секретариату ИККИ 23 ноября 1939 г.: «Один из наших функционеров в это время находился в Берлине. Он был поражен. О пакте он узнал во время встречи с представителем руководства партиячейки одного из берлинских предприятий, который спросил, как это следует понимать. Инструктор сказал, что ему нужно подумать, но так и не нашел достаточно приемлемого объяснения... Ему пришлось сказать, что в порядке вещей то, что СССР ведет такую политику»¹².

Коммунист Хайнц Брандт, отбывавший длительный срок заключения в тюрьме Бранденбург-Гёрден, называл пакт «предательством» и «преступлением». Он исходил из того, что «сталинизм есть не диктатура пролетариата, но — диктатура над пролетариатом», а Коминтерн является «приводным ремнем сталинской внешней политики, инструментом сталинской системы террора»¹³.

Невнятные, внутренне противоречивые установки партийного руководства встретили разочарование, непонимание, а частью и противодействие функционеров, нелегально работавших в Германии или находившихся в эмиграции в Западной Европе. Нередкими стали случаи выхода из компартии.

Оперативные отчеты гестапо свидетельствуют о спаде активности коммунистов-подпольщиков в первые месяцы после заключения пакта. Если в первой половине 1939 г. нацисты в среднем изымали 1075 листовок КПГ в месяц, то в период с января по июль 1940 г. их число сократилось до 141¹⁴.

Члены секретариата ЦК, действовавшего в Париже под руководством Франца Далема и Пауля Меркера, отказались признать правильность поворота. Секретариат был распушен, а Да-

лем и его сторонники обвинены в «искажении политической линии»¹⁵.

Руководимый коммунистами журнал «Нойе вельтбюне» 31 августа (это был последний день мира и последний номер издания) в статье главного редактора Германа Будзиславского фактически выразил сомнения в правильности политического курса СССР: «Мы призываем всех наших читателей в случае войны встать в ряды тех, кто борется на стороне демократии»¹⁶. Коммунисты (в том числе и члены секретариата ЦК, находившиеся в эмиграции во Франции) пытались вступить добровольцами в ряды французской армии, но были — к их полному разочарованию — интернированы. В документе ЦК КПГ от 21 октября 1939 г. говорилось о необходимости отстранять таких самостоятельно мыслящих функционеров «от политических функций» и заменять их «товарищами, ориентированными в правильном политическом направлении»¹⁷.

Исключенный к тому времени из КПГ Вилли Мюнценберг писал 16 сентября 1939 г.: «Неправда, что договор может привести к разрядке международного положения, как считают многие товарищи... Пакт направлен против стран Запада, являющихся исторической родиной демократии... Он поставил в тяжелое положение коммунистическое движение во всех странах, так как СССР заключил такой договор с фашистским государством»¹⁸.

Герберт Венер, занимавший в то время видный пост в партийной элите, вспоминал: «Из-за договора коммунистическая партия попала в ловушку... Она призывала к свержению фашизма, а Советский Союз начал дружить с Германией»¹⁹.

Коммунистическая партия Германии была буквально обескровлена не только в результате репрессий Гитлера, но и в результате сталинских чисток. В застенках Третьего рейха было уничтожено шесть, в лагерях и тюрьмах ГУЛАГа — семь членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПГ. Одним из самых постыдных доказательств «дружественных отношений» между Германией и СССР стала выдача в руки гестапо немецких коммунистов, находившихся в советских тюрьмах и лагерях²⁰. НКВД передавал немецкой стороне списки арестованных политических эмигрантов — граждан Германии (а также австрийцев и судетских немцев — жителей захваченных нацистами территорий), германское посольство в Москве и карательные органы рейха отбирали интересовавших их лиц. Передача происходила — через пересяльные спецкамеры в Бутырках — на пограничных пунктах в Бресте и Перемышле. Палачам рейха было выдано около тысячи

антифашистов, только австрийцев было 330, среди них шуцбундовцы, эмигрировавшие из Австрии в 1934 г. и считавшие себя спасенными «родиной трудящихся всего мира»²¹.

Георгий Димитров и Вильгельм Пик неоднократно обращались к советским «компетентным органам» с просьбами о спасении политических эмигрантов, которые, по откровенному признанию Пика (письмо от 19 ноября 1940 г.), «остаются в тюрьме или рано или поздно погибнут в лагерях». Но эти попытки, как правило, заканчивались безрезультатно. В том же письме Пик констатировал: «К сожалению, освобождены лишь двое товарищей, за которых мы также полностью поручились»²². (Замечу в скобках: позорную практику выдачи немецких антифашистов в руки гестапо также практиковало, но уже после начала войны, правительство Виши.)

Ни одного запроса или требования с советской стороны об ответной передаче в СССР заключенных немецких тюрем и лагерей не поступило. Судьба антифашистов нисколько не интересовала Сталина, о чем неопровержимо свидетельствует трагедия Эрнста Тельмана. В 1996—1997 гг. были опубликованы глубоко трагические документы — его письма, адресованные И.В. Сталину и В.М. Молотову, нелегально написанные в ганноверской тюрьме и тайно вынесенные оттуда Розой Тельман²³.

Тельман всегда был верным и безоговорочным приверженцем Сталина. Он одобрил расправу над Германом Реммеле и другими коммунистами, ставшими жертвами «большого террора». В марте 1939 г. Тельман обратился с приветствием к XVIII съезду ВКП(б), в котором полностью одобрялось «справедливое наказание» деятелей оппозиции — вплоть до «смертного приговора». Но надежды Тельмана не оправдались. Его письмо не только не было оглашено, но документу был присвоен гриф «строго секретно», «только членам Политбюро»²⁴.

Договоры 23 августа и особенно 28 сентября 1939 г. поставили главного узника Третьего рейха в сложнейшее и унижайшее положение. Эти соглашения (не говоря уже о секретных, неизвестных тогда, пунктах) полностью противоречили предыдущей политике Коминтерна и КПГ. Следы колебаний и раздумий находившегося в полной изоляции лидера КПГ видны в тексте письма от 1 сентября 1939 г. Пакт, признает Тельман, явился для него «непредвиденностью», «большой неожиданностью». Вольно или невольно он излагает реакцию своих единомышленников, которые «видят только одно, что благодаря этой дружбе гитлеровский режим (т.е. с помощью большевиков) фак-

тически спасен от гибели в длительной войне», трактуют пакт как «предательство»²⁵.

Заключение пакта вождь германских коммунистов рассматривал не только как политическое событие, но как возможность перелома в личной судьбе, как шанс к освобождению после шести с половиной лет тюрьмы. «Вопрос о моем освобождении теперь, вероятно, близок», — писал Тельман. Этот вопрос, полагал он, «также обсуждался» в ходе межправительственных переговоров. Он ожидал «активного вмешательства русских друзей» в свою судьбу, рассматривал СССР как «новую родину» (письмо от 5 марта 1940 г.)²⁶. Резолюция Сталина: «В архив». «Вождь народов» не хотел омрачать советско-германскую «дружбу». Ему не нужен был Тельман в Москве, лучше было оставить его в застенке. Тем более, что Тельман по наивности позволял себе давать рекомендации руководителям Советского Союза. Для него не было сомнений в том, что Коминтерн «продолжает свою антифашистскую политику»²⁷.

Новая линия сталинского руководства получила со стороны Тельмана полное и незамедлительное одобрение: ведь речь шла о его участии, о жизни или смерти. Он по-прежнему ругал «предателей» — социал-демократов, заодно и Генриха Брандлера. Пакт он называл проявлением «мастерски проведенного дипломатического искусства», а Сталина именовал «гениальным и смелым» политиком, который осуществляет «твердое и уверенное единение между руководством и народом» и «не даст втянуть русский народ в войну в интересах Англии»²⁸.

После 1933 г. немецкое социал-демократическое движение (это касается и немногочисленных подпольных ячеек, и организаций, работавших в эмиграции) переживало фазу организационного и идеологического раскола. Доминировали настроения против единства действий с коммунистами, особенно после срыва руководством КПГ деятельности парижского Комитета народного фронта. Повсеместным было и неверие в миролюбивый потенциал Советского Союза. В августе 1938 г. Рудольф Тильфердинг не исключал в будущем создания антипольского военно-политического блока между Германией и СССР²⁹.

Но и после Мюнхенского соглашения, принесшего разочарование в позиции западных демократий, некоторые социалистические группировки в эмиграции, несмотря на резкую критику Сталина, продолжали верить в необходимость будущей большой восточно-западной коалиции», которая станет реальностью в случае войны и создаст фундамент «новой Европы»³⁰.

Подписание советско-германского договора характеризовалось в эмигрантской социал-демократической прессе как превращение Сталина в «военного союзника Гитлера», как «разрыв с прежними традициями рабочего движения», как тяжелый «моральный и политический удар» по международному рабочему классу³¹. Гильфердинг утверждал, что «Советский Союз стремится не к миру, но — к войне, в которой будут сражаться другие государства»³².

О возобновлении контактов с коммунистами не могло быть и речи. Созданный в марте по инициативе Генриха Манна и Германа Будзиславского Комитет действия германских социалистов прекратил свое существование сразу после подписания пакта³³.

Со стороны коммунистов были возобновлены — в прежнем стиле навешивания абсурдных ярлыков — резкие нападки, направленные против социал-демократов, которых именовали теперь «агентами англо-французского империализма», «саботажниками единства», «раскольниками», «прислужниками Геббельса»³⁴. Вот один из типичных образцов пропаганды КПГ: «Они [социал-демократы] стремятся сохранять раскол трудящегося народа... и тем самым помешать его освобождению. Они не хотят социалистической революции в Германии и готовы совершить любое национальное предательство по отношению к немецкому народу»³⁵. Членов СДПГ предлагалось поставить перед выбором: «либо сообщая с коммунистами установить единый фронт снизу и порвать с антисоветскими реакционными социал-демократическими вождями», либо взять на себя «долю вины за осуществление грабительских планов английских и французских империалистов и реакционных планов германского крупного капитала»³⁶.

В полном противоречии с фактами Вальтер Ульбрихт обвинял социал-демократов в том, что они «отказываются выступать за поражение нацистского режима в случае войны»³⁷. Лозунг единого рабочего фронта (или даже единой партии рабочего класса) был заменен теперь лозунгом о «взаимодействии» в рамках «партии сталинского типа»³⁸.

Резкое обострение отношений между коммунистами и социал-демократами происходило и там, где они находились вместе и рядом — за колючей проволокой нацистских концлагерей, за решетками тюремных камер. Коммунист Людвиг Гёринг вспоминал, как он был брошен в Дахау и оказался в одном бараке с известным социал-демократом Куртом Шумахером — в прошлом депутатом рейхстага, после войны — признанным лидером за-

падногерманской СДПГ. После известий о заключении пакта, писал Гёринг, «наши пути решительно разошлись». Шумахер толковал пакт как шаг к «слиянию красных и коричневых». Социал-демократы в лагере «говорили теперь о предательстве, о том, что Советский Союз выдал Польшу гитлеровской Германии». И далее, цитируя Гёринга: «Хотя об открытой враждебности речи не было, но климат в отношениях между коммунистами и социал-демократами изменился коренным образом»³⁹.

Проблема оценки внешнеполитического курса СССР, взаимодействия с Советским Союзом занимала особое место в деятельности берлинской антифашистской группы, получившей впоследствии название «Красная капелла» и включавшей несколько десятков активных противников режима, которые придерживались различных политических убеждений.

Именно в ходе полемики о советско-германском пакте были установлены контакты руководителя группы Харро Шульце-Бойзена с коммунистом Хансом Коппи и с молодыми коммунистами — бывшими учениками школы в Шарфенберге. К дискуссиям присоединились также члены группы психоаналитика Джона Риттмайера, деятели искусства, дружившие с актером Вильгельмом Шюрман-Хёрстером. Данные об этом содержатся в мемуарах Генриха Шееля (тогда студента, впоследствии известного историка, вице-президента Академии наук ГДР). Шеель вспоминал, как в конце августа 1939 г. состоялась его встреча с Шульце-Бойзенем, который поразил его твердостью убеждений и обширными познаниями в сфере международной и внутригерманской политики.

Настроения и суждения Шееля были достаточно характерны для антифашистского подполья: «Заключение договора мы восприняли как удар судьбы. Мы уже не понимали, что произошло с миром. Советский Союз, форпост мирового коммунистического движения, который мы готовы были защищать всеми силами, вступил в союз со своим смертельным врагом, с германским фашизмом... Мы не хотели потерять нашу надежду — Советский Союз, шестую часть земли, над которой реяло красное знамя. Мы хватались за каждую соломинку, чтобы сохранить эту веру, но почва под нашими ногами колебалась»⁴⁰.

Шульце-Бойзен в решающей степени помог молодым коммунистам избавиться от паники, вызванной подписанием пакта. Он назвал пакт «договором о временном ненападении» и выразил глубокое убеждение в том, что агрессия Гитлера — в случае

адекватных действий советского руководства — неизбежно закончится крахом режима⁴¹.

30 августа 1939 г. Харро Шульце-Бойзен писал своему отцу: «Мы с надеждой смотрим в будущее. Я не могу поверить, что *оно принадлежит не нам*»⁴². В тот же день он сказал своему другу и единомышленнику писателю Гюнтеру Вайзенборну: «Теперь по-настоящему делается мировая история, но ее судьбу решает не только Гитлер. Мы также в меру сил участвуем в этом решении, мы весь мир, который нас окружает. Начинается самая разрушительная война, но Гитлер ее не переживет»⁴³.

Оценки пакта со стороны консервативной антигитлеровской оппозиции носили достаточно противоречивый характер. Германский посол в Москве граф Фридрих Вернер фон Шуленбург на первых порах полагал, что договор может продолжить традицию Рапалло. Сотрудник службы абвера подполковник Гельмут Гроскурт предположил, что Гитлеру удалось восстановить «историческую связь с Россией»⁴⁴. Подобных воззрений придерживались германский военный атташе в Москве генерал-лейтенант Эрнст Кёстринг и секретарь-посланник Ханс Керварт⁴⁵.

Однако Шуленбургу и его единомышленникам достаточно быстро пришлось убедиться, что дело шло к войне против СССР, трагическому началу которой он пытался по возможности помешать. Но усилия Шуленбурга не вызвали понимания талина⁴⁶.

В консервативно-оппозиционных кругах брали верх другие оценки и настроения. В конце 1939 г. по поручению сотрудника абвера полковника (впоследствии генерал-майора) Ханса Остера был подготовлен меморандум, главным в котором были опасения по поводу возможной и даже неизбежной (в результате реализации пакта) «большевизации Германии» и превращения в «сатрапа Сталина». Отождествление советского и нацистского режимов как форм «массового общества», страх перед истреблением «национал-большевизма», ненависть к Советско-Союзу сопровождались требованиями свержения «плебейской», «материалистической» диктатуры Гитлера и замены ее «торитарным, но нефашистским режимом»⁴⁷.

Аналогичные воззрения разделялись кругами военной оппозиции (Людвиг Бек, Франц Гальдер), а также среди оппозиционных в министерстве иностранных дел (Ульрих фон Хассель, Им Тротт цу Зольц). Для фон Хасселя «прямое соприкосновение с большевизмом» и «социалистические тенденции», «наци-

онализация Советов и большевизация национал-социалистов», неизбежные в ходе ведения войны, были центральной опасностью⁴⁸. Аналогичные опасения высказывал и Карл Фридрих Гёрделер, ставший впоследствии центральной фигурой заговора 1944 г.⁴⁹. В ходе беседы, состоявшейся в октябре 1939 г., Гёрделер и фон Хассель пришли к выводу о возможности «возобладания левых элементов в НСДАП»⁵⁰.

Будущие участники заговора против Гитлера, ободренные устранением опасности войны на два фронта, активно поддерживали подготовку Гитлера к агрессии против СССР, участвовали в ее преступном осуществлении, и только поражения вермахта под Москвой и Сталинградом заставили их занять иные позиции.

Согласно оценке Герда Юбершера, оппозиция начальника генерального штаба вермахта генерал-лейтенанта (с июля 1940 г. генерал-полковника) Франца Гальдера «основывалась на ведомственно-специфической, профессионально-военной критике и в меньшей степени на политически-моральном возмущении»; «он не испытывал отвращения к преступлениям, вытекающим из национал-социалистической идеологии, и не воспринимал их как импульс для военного переворота»⁵¹.

После захвата Гитлером нескольких европейских стран и капитуляции Франции Гальдер «считал бесперспективным желать свержения режима, пока находящегося на пути к победе», и стал «совершенно надежным военным помощником диктатора»⁵². Как показал Кристоф Диппер, даже после начала массового истребления польских евреев национально-консервативное крыло Сопротивления оставалось на позициях антисемитизма, традиционного для прусско-германской элиты⁵³.

Отдельные (и достаточно непоследовательные) голоса протеста тонули в генеральском хоре одобрения и поддержки по отношению к Гитлеру. Летом 1940 г. доминировало, по тогдашним оценкам аналитиков СД, «доверие к фюреру и вермахту, спешащим от победы к победе»⁵⁴.

В октябре 1940 г. сотрудниками германского посольства в Москве были подготовлены (специально для Гальдера) аналитические записки, в которых содержались обоснованные предостережения от развязывания войны против СССР. Но никакой реакции со стороны начальника Генштаба не последовало. Гальдер принял самое активное участие не только в общей разработке плана «Барбаросса», но и в подготовке преступных приказов, направленных на истребление военнопленных и мирного населения.

Подавляющему большинству будущих участников военной оппозиции были присущи как недооценка военного и экономического потенциала Советского Союза, так и безусловная поддержка агрессивных планов Гитлера. Особую роль здесь сыграли события советско-финской войны. В меморандуме, составленном служившим в абвере капитаном третьего ранга Францем Лидигом, Красная Армия именовалась «неуклюжей и неотесанной», стало быть, не очень опасной для вермахта⁵⁵.

Остались без последствий датированные октябрем 1940 г. предупреждения советника германского посольства в Москве Гебхарда фон Вальтера о явной угрозе, которую несет для рейха нападение на Советский Союз⁵⁶.

Находившийся с 1938 г. в оппозиции режиму генерал-полковник Эрих Хёпнер требовал от солдат и офицеров вести «восточную кампанию» во имя «защиты европейской культуры от московитско-азиатского потопа и еврейского большевизма» — «вплоть до полного и безжалостного уничтожения противника»⁵⁷.

Отдельные возражения части фрондировавшей военной элиты касались лишь решения «фюрера» начать военные действия против СССР до предполагаемого достижения победы над Великобританией. Цитировавшийся выше Герд Юбершер констатирует, что подготовка к преступному и противоправному нападению на СССР «поразительным образом не послужила катализатором активной деятельности Соппротивления против нацистского режима»⁵⁸.

Пакт Молотова — Риббентропа привел к трагическим последствиям для германского и мирового антифашистского движения, к дезориентации и изоляции сил, выступавших или могущих выступить против Гитлера. Эти факторы, частично временно отошедшие на второй план в период Второй мировой войны, в полную силу сказались в ФРГ и за ее пределами на этапе формирования политического ландшафта «холодной войны».

Примечания

¹ Fischer E. *Erinnerungen und Reflexionen*. Hamburg, 1969. S. 411.

² Duhnke H. *Die KPD von 1933 bis 1945*. Köln, 1972. S. 329.

³ *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. Bd. 5. Berlin, 1966. S. 520–521.

⁴ *Ibid.* S. 525.

⁵ Коминтерн и вторая мировая война. Т. 1. М., 1998. Отв. ред. А.О. Чубарьян, К.М. Андерсон. Сост., авторы вступительной ст. и комментариев Н.С. Лебедева и М.М. Наринский. С. 92.

⁶ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 182. См. также: Коминтерн и советско-германский договор о ненападении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12; Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18—19.

⁷ Duhnke H. S. 343—344.

⁸ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 530—531.

⁹ Ibid. S. 532—535.

¹⁰ Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Aus Reden und Aufsätzen. Bd. 2. Berlin, 1963. S. 236.

¹¹ Duhnke H. Op. cit. S. 339.

¹² Рошупкина С.В. Советско-германский договор о ненападении и начальный период Второй мировой войны в оценке немецкой коммунистической эмиграции // Из истории международных отношений и европейской интеграции. Вып. 2. Т. 2. Воронеж, 2005. С. 201.

¹³ Brandt H. Ein Traum, der nicht erfüllt war. Mein Weg zwischen Ost und West. Frankfurt a.M., 1985. S. 96.

¹⁴ Foitzik J. Reaktion der deutschen Linken auf den Hitler-Stalin-Pakt // Der Hitler-Stalin-Pakt. Voraussetzungen, Hintergründe, Auswirkungen. Wien, 1990. S. 83.

¹⁵ Peukert D. Die KPD im Widerstand. Verfolgung und Untergrundarbeit an Rhein und Ruhr 1933—1945. Wuppertal, 1980. S. 327; Herbst A. *Kommunistischer Widerstand // Widerstand gegen die nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. Darmst., 2004. S. 25.*

¹⁶ Walter H.A. Das Pariser KPD-Sekretariat, der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag und die Internierung deutscher Emigranten im Frankreich zu Beginn des Zweiten Weltkriegs // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte 1988. H. 3. S. 485; Adam U. Zur politischen Kontroverse in der deutschen Exilpresse am Vorabend des zweiten Weltkrieges // Der Weg in den Krieg. Studien zur Geschichte der Vorkriegsjahre (1935/36 bis 1939). Berlin, 1989. S. 504.

¹⁷ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 531.

¹⁸ Рошупкина С.В. Указ. соч. С. 202.

¹⁹ Wehner H. Zeugnis. Politische Notizen 1929—1942. Leipzig, 1990. S. 233.

²⁰ Давидович Д.С. Трагические страницы истории КПГ // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 225—226.

²¹ Schafranek H. Die Auslieferung österreichischen Emigranten an Nazideutschland durch die Sowjetunion 1939—1941 // Der Hitler-Stalin-Pakt. Voraussetzungen, Hintergründe, Auswirkungen. S. 86—92.

²² Давидович Д.С. Указ. соч. С. 226.

²³ Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову (1939—1941 гг.) // Новая и новейшая история. 1996. № 6; 1997. № 1; 1997. № 2.

⁵ Коминтерн и вторая мировая война. Т. 1. М., 1998. Отв. ред. А.О.Чубарьян, К.М. Андерсон. Сост., авторы вступительной ст. и комментариев Н.С.Лебедева и М.М.Наринский. С. 92.

⁶ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 182. См. также: Коминтерн и советско-германский договор о ненападении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12; Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18–19.

⁷ Duhnke H. S. 343–344.

⁸ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 530–531.

⁹ Ibid. S. 532–535.

¹⁰ Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Aus Reden und Aufsätzen. Bd. 2. Berlin, 1963. S. 236.

¹¹ Duhnke H. Op. cit. S. 339.

¹² Рощупкина С.В. Советско-германский договор о ненападении и начальный период Второй мировой войны в оценке немецкой коммунистической эмиграции // Из истории международных отношений и европейской интеграции. Вып. 2. Т. 2. Воронеж, 2005. С. 201.

¹³ Brandt H. Ein Traum, der nicht erfüllt war. Mein Weg zwischen Ost und West. Frankfurt a.M., 1985. S. 96.

¹⁴ Foitzik J. Reaktion der deutschen Linken auf den Hitler-Stalin-Pakt // Der Hitler-Stalin-Pakt. Voraussetzungen, Hintergründe, Auswirkungen. Wien, 1990. S. 83.

¹⁵ Peukert D. Die KPD im Widerstand. Verfolgung und Untergrundarbeit an Rhein und Ruhr 1933–1945. Wuppertal, 1980. S. 327; Herbst A. Kommunistischer Widerstand // Widerstand gegen die nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Bonn, 2004. S. 45.

¹⁶ Walter H.A. Das Pariser KPD-Sekretariat, der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag und die Internierung deutscher Emigranten im Frankreich zu Beginn des Zweiten Weltkriegs // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte 1988. H. 3. S. 485; Adam U. Zur politischen Kontroverse in der deutschen Exilpresse am Vorabend des zweiten Weltkrieges // Der Weg in den Krieg. Studien zur Geschichte der Vorkriegsjahre (1935/36 bis 1939). Berlin, 1989. S. 504.

¹⁷ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 531.

¹⁸ Рощупкина С.В. Указ. соч. С. 202.

¹⁹ Wehner H. Zeugnis. Politische Notizen 1929–1942. Leipzig, 1990. S. 233.

²⁰ Давидович Д.С. Трагические страницы истории КПГ // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 225–226.

²¹ Schafranek H. Die Auslieferung österreichischen Emigranten an Nazideutschland durch die Sowjetunion 1939–1941 // Der Hitler-Stalin-Pakt. Voraussetzungen, Hintergründe, Auswirkungen. S. 86–92.

²² Давидович Д.С. Указ. соч. С. 226.

²³ Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову (1939–1941 гг.) // Новая и новейшая история. 1996. № 6; 1997. № 1; 1997. № 2.

- ²⁴ Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 84–85.
- ²⁵ Там же. С. 100–101, 106.
- ²⁶ Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 79–80.
- ²⁷ Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 105.
- ²⁸ Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 90.
- ²⁹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Eine Dokumentation über die Sozialdemokratische Emigration. Aus dem Nachlaß von Friedrich Stampfer. Düsseldorf, 1968. S. 283.
- ³⁰ Foitzik J. Op. cit. S. 80.
- ³¹ Ibid. S. 81.
- ³² Duhnke H. Op. cit. S. 333.
- ³³ Mammach K. Widerstandsaktionen und oppositionelles Verhalten in Deutschland sowie im französischen Exil (1938/39) // Der Weg in den Krieg. Studien zur Geschichte der Vorkriegsjahre. S. 433.
- ³⁴ Duhnke H. Op. cit. S. 328.
- ³⁵ Коминтерн и вторая мировая война. Т. 1. С. 130.
- ³⁶ Рошупкина С.В. Указ. соч. С. 205.
- ³⁷ Duhnke H. Op. cit. S. 331.
- ³⁸ Ibid. S. 341.
- ³⁹ Plener U. Der feindliche Bruder: Kurt Schumacher. Intentionen – Politik – Ergebnisse. Berlin. 2003. S. 71.
- ⁴⁰ Scheel H. Von den Schranken des Reichskriegsgerichts. Mein Weg in den Widerstand. Berlin, 1993. S. 208.
- ⁴¹ Ibid. S. 211–212.
- ⁴² Dieser Tod paßt zu mir. Harro Schulze-Boysen – Grenzgänger im Widerstand. Briefe 1915 bis 1942. Berlin, 1999. S. 276–277.
- ⁴³ Weisenborn G. Memorial. Der gespaltene Horizont. Niederschriften eines Außenseiters. Berlin, 1983. S. 69.
- ⁴⁴ Groscurth H. Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938–1940. Mit weiteren Dokumenten zur Militäropposition gegen Hitler. Stuttgart, 1970. S. 202.
- ⁴⁵ Herwarth H. von. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt a.M., 1982. S. 159.
- ⁴⁶ Klemperer K. von. Die verlassenen Verschwörer. Der deutsche Widerstand auf der Suche nach Verbündeten 1938–1945. Berlin, 2001. S. 132–133.
- ⁴⁷ Mommsen H. Alternative zu Hitler. Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes. München, 2000. S. 71–73.
- ⁴⁸ Die Hassel-Tagebücher 1938–1944. Aufzeichnungen vom andern Deutschland. Berlin, 1988. S. 113; Klemperer K. von. Op. cit. S. 132–133; Die Hassel-Tagebücher 1938–1944. Aufzeichnungen vom andern Deutschland. Berlin, 1988. S. 113.
- ⁴⁹ Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1984. S. 234–237.
- ⁵⁰ Die Hassel-Tagebücher 1938–1944. S. 125.
- ⁵¹ Юбершер Г. Генерал-полковник Франц Гальдер // Соратники Гитлера. Ростов-на-Дону, 1996. С. 67–68, 73, 80.

⁵² Herwarth H. von. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt a.M., 1982. S. 159.

⁵³ Dipper Ch. Der «Aufstand des Gewissens» und die Judenfrage – Ein Rückblick // NS-Verbrechen und der militärische Aufstand gegen Hitler. Darmstadt, 2000. S. 14–18.

⁵⁴ Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939–1944. Neuwied, 1965. S. 77, 79.

⁵⁵ Schöllgen G. Ulrich von Hassel 1881–1944. Ein Konservativer in der Opposition. München, 1990. S. 120.

⁵⁶ Gibbons R. Opposition gegen «Barbarossa» im Herbst 1940. Eine Denkschrift aus der deutschen Botschaft in Moskau (Dokumentation) // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1975. H. 2. S. 332–340.

⁵⁷ Graml H. Die deutsche Militäropposition vom Sommer 1940 bis zum Frühjahr 1943 // Vollmacht des Gewissens. Bd. 2. Frankfurt a.M., 1965. S. 429–430.

⁵⁸ Ueberschär G. Das «Rußlandbild» in nationalkonservativen deutschen Widerstandskreisen gegen Hitler // Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. München, 2005. S. 209.

«И им суждено сойтись»

Халхин-Гол и Вторая мировая война¹

Когда в августе 1939 г. весь мир с затаенным дыханием следил за зловещей угрозой, нависшей над мирной Европой после того как германский канцлер Адольф Гитлер выдвинул надуманные обвинения в адрес Польши, схожие по значимости события разворачивались на другой стороне континента, на просторах Азии. Но если на Западе развернулась война слов, угрожавшая в любой момент перерасти в вооруженный конфликт, на Востоке уже вовсю шла «горячая» война между Красной Армией и войсками имперской Японии. Именно военная кампания, которая развернулась на просторах Маньчжурии, показывает взаимосвязь между двумя грандиозными театрами необузданных военных действий индустриальной эры.

Разногласия между Советским Союзом и имперской Японией были неизбежны, принимая во внимание географические интересы двух держав, экспансионистские военно-политические планы и агрессивные подходы к вопросам внешней политики. Японцы выиграли вступительную часть в борьбе за гегемонию в Восточной Азии, нанеся в войне 1894–1895 гг. поражение Китаю и спустя десятилетие после этого России. Западные страны принимали усилия по противодействию растущему влиянию Японии, что было видно на примере тройственной интервенции в 1898 г., осуждения «двадцати одного требования» Японии к Китаю во время Первой мировой войны и ряда многосторонних соглашений 1920-х, которые обуздали японскую экспансию в Китае и наложили ограничения на ее военно-морские силы. Несмотря на это, Япония вновь использовала агрессию в Восточной Азии с возросшей энергией в конце 1920-х, когда воен-

ные начали постепенный захват политической власти в стране в своих интересах, используя насилие, запугивание и общественную поддержку, сложившуюся благодаря военным успехам и тщательной обработке сельского населения². Без санкции правительства в Токио, которое оставалось в неведении относительно заговорщических настроений в японской имперской армии, армейские офицеры расквартированных в континентальной Азии частей предприняли попытку государственного переворота, осуществив политическое убийство в Маньчжурии – богатой северо-восточной провинции Китая. Заговор с целью овладения Маньчжурией путем замены влиятельного местного военачальника на его предположительно более уступчивого сына провалился, поскольку молодой главнокомандующий оказался столь же бескомпромиссным, как и его отец. Армия, тем не менее, усилила свои внутривластные позиции, отказавшись выдать виновных и демонстрируя неспособность правительства в Токио контролировать вооруженные силы. В течение нескольких лет после этого последовала череда убийств промышленников и политиков, включая смерть премьер-министра Инукаи Цуёси в 1932 г. от рук радикальных националистов и среды армейских и флотских офицеров. Всем им были вынесены мягкие приговоры. Окончательно доминирующее влияние военных в японской политике закрепилось в феврале 1936 г. в результате военного мятежа в Токио. Хотя мятеж сам по себе потерпел неудачу, его подавление стало возможным лишь в результате полной передачи последних остатков власти другим фракциям в имперской армии. Имперский флот также оставался влиятельным и независимым, столь же неподвластным гражданскому контролю.

Как бы ни было, Квантунская армия³, главная японская сухопутная группировка на азиатском континенте, не стала дожидаться полного захвата военными политической власти для возобновления захватов в Маньчжурии. В сентябре 1931 г. Квантунская армия использовала противоправный инцидент в качестве предлога для полномасштабного вторжения в Маньчжурию под предлогом восстановления порядка. Примерно равная по территории континентальной Франции, Маньчжурия сопротивлялась 18 месяцев, но конечный результат военных действий не вызывал особых сомнений, поскольку западные демократические государства не пожелали подкрепить устные выступления против японского захвата Маньчжурии чем-либо более существенным.

Захват Маньчжурии принес Японии ценные месторождения природных ископаемых, тысячи квадратных миль пахотных земель для японских фермеров (оставшихся без земель в ходе продолжавшегося на Японских островах сельскохозяйственного кризиса) и дальнейшие возможности для экономической эксплуатации, которую находившаяся в японской собственности Южно-Маньчжурская железнодорожная компания осуществляла на протяжении десятилетий. Япония также обрела трехтысячемильную границу и рост напряженности в отношениях с Советским Союзом.

Несмотря на свою обеспокоенность в отношении японского нападения на Маньчжурию, Советский Союз был не в том положении, чтобы предлагать военную помощь для противодействия продвижению имперской армии, будь то в прямой или косвенной форме. Кроме таких факторов, как внутривнутриполитические проблемы, дипломатическая изоляция и экономическая отсталость, в Специальной Дальневосточной армии генерала В.К. Блюхера, дислоцированной к востоку от Красноярска, насчитывалось всего лишь порядка 60 000 солдат и несколько танков. Советский Союз мог лишь наблюдать, как японцы закончили покорение Маньчжурии и превратили ее в номинально независимое Маньчжоу-го, на самом деле — марионеточное государство, подконтрольное Японии, или, если быть более точным, Квантунской армии. В ходе периода сближения в 1935 г. Советское государство позволило японцам приобрести права на Китайско-Восточную железную дорогу, проходившую через Маньчжоу-го, что завершило процесс превращения нового государства в фактическую провинцию Японской империи. Японцы к тому же надеялись, что Маньчжоу-го станет оплотом против коммунизма в Восточной Азии.

Тем не менее, когда японцы еще заканчивали захват Маньчжурии, Советский Союз начал наращивать военные силы на Востоке и укреплять границу⁴. Эти действия русских сопровождались сотнями пограничных инцидентов, происшедших в течение нескольких следующих лет. По большей части в них были вовлечены небольшие отряды, и больших потерь стороны не несли. Но во время крупнейшего столкновения на озере Хасан, или Чангуфенг, в августе 1938 г. обе стороны потеряли тысячи убитых и раненых. Численность японской 19-й дивизии сократилась в три раза, после недели боев она была практически уничтожена. Однако достигнутое разъединение сторон позволило им завершить конфликт, не уронив своего достоинства⁵.

На протяжении почти 400 миль Маньчжурия граничила с территорией Монгольской Народной Республики. Советский Союз подписал договор о взаимопомощи с Внешней Монголией в 1936 г. и в 1938 г. создал 57-й Особый стрелковый корпус (позже переименованный в Первую армейскую группу) для несения службы в Монголии, состоявший из одной пехотной дивизии, одной кавалерийской бригады, одной танковой бригады и трех бригад бронемашин⁶. Права на пятнадцатимильную полосу земли вдоль реки Халха (Халхин-Гол по-русски) на границе в течение двух веков оспаривались местным населением, и Япония и СССР поддерживали в этом споре стороны своих маньчжурских или монгольских союзников.

Когда несколько десятков монгольских кавалеристов вступили на спорную территорию вдоль реки Халха 4 мая 1939 г.⁷, лишь немногие могли предвидеть, какие это будет иметь последствия. Войска Маньчжоу-го вытеснили кавалеристов, однако через несколько дней монголы вернулись в большем количестве. На этот раз солдаты Маньчжоу-го сами не смогли выбить. Генерал-лейтенант Коматцубара Мичитаро, командир 23-й пехотной дивизии, которая отвечала за охрану границы в этом районе, послал усиленный 64-й пехотный полк, чтобы вытеснить монголов со спорной территории. Монголы спешно отошли до того, как войска приблизились на расстояние выстрела, но через неделю вновь вернулись более многочисленным отрядом и с советскими войсками. То же японское подразделение появилось для выполнения своей полицейской миссии, однако на этот раз советско-монгольские войска окружили его и к концу мая уничтожили. Несмотря на унижительный исход такого поражения, японцы предпочли списать это столкновение в число многочисленных рядовых пограничных инцидентов, постоянно возникавших между двумя испытывавшими взаимную подозрительность соперниками. Между тем 31 мая нарком иностранных дел В.М. Молотов сделал предупреждение японцам и правительству Маньчжоу-го, заметив, что «... терпение имеет свои пределы». Через несколько дней И.В. Сталин отдал приказ генералу Георгию К. Жукову, чья звезда начинала восходить на военном небосклоне Красной Армии, отправиться в Монголию и оценить ситуацию, с правом взять на себя командование, что тот вскоре и сделал. Тем временем все больше и больше советских войск концентрировалось на спорной территории. Это был тот вызов, который Квантунская армия не могла проигнорировать.

Разумеется, пограничный спор был лишь предлогом, так как ни одна из великих держав не собиралась рисковать серьезными людскими потерями, тем более своим международным авторитетом из-за полосы безлюдной земли или прихоти второстепенного союзника. Национальная гордость для обеих сторон стала одной причиной будущей драмы. В выступлении на XVIII съезде КПСС в марте Сталин, помимо прочего, предостерег, что любое вторжение на советскую территорию повлечет за собой уничтожение нарушителя. Японцы, со своей стороны, имели традиционный комплекс неполноценности визави великих держав и стали еще более чувствительны из-за международного осуждения их маньчжурской авантюры и их недавней агрессии в самом Китае. Каждая из держав была также обеспокоена конечными целями противника в этом регионе, и обе были настроены на демонстрацию своей решимости сорвать попытки оппонента расширить свою территорию или влияние. В диалоге открыто звучала сила, она-то и стала главным аргументом дипломатии этих двух держав.

Помимо взаимной подозрительности и у СССР, и у Японии хватало и других международных проблем. Советский Союз прекрасно знал о западной нелюбви к большевизму, убедительно продемонстрированной решениями по территориальным вопросам Версальского мирного договора и последовавшей Октябрьской революцией вооруженной интервенцией в годы Гражданской войны, которая совсем не случайно включала японскую оккупацию принадлежавшей России территории на Дальнем Востоке. К существовавшей непростой ситуации в международных отношениях свою лепту добавила в конце 1930-х гг. Германия, возрожденная с приходом фашизма и начавшая систематический политический и территориальный демонтаж версальской системы мира. Австрия и Чехословакия уже пали жертвами нацистского давления, на очереди стояла Польша. Для Советского Союза соперничество с японцами в Восточной Азии было важно с точки зрения долгосрочных целей, но все же второстепенно по отношению к решению одной не терпевшей отлагательства проблемы: как сдержать немецкую агрессию, избежав втягивания в конфронтацию между западными демократиями и фашистскими государствами — той конфронтации, которая к весне 1939 г. угрожала перерасти в военные действия.

Японии также предстояло сделать нелегкий выбор. Помимо военных, экономических и политических угроз, которые несло

возрождение России, самый значимый вызов японским планам в Восточной Азии был брошен британцами и американцами, в течение десятилетий подвергавших осуждению японские действия в Китае. С конца XIX века императорские самураи уже участвовали в трех войнах с целью расширить японское влияние и контроль на Азиатском континенте; открытые боевые действия вновь начались в Китае в июле 1937 г. Весной 1939 г., по прошествии почти двух лет, имперская армия могла похвастаться внушительным списком побед, которые привели к овладению наиболее экономически важными, густонаселенными центрами Китая, но упорное сопротивление китайцев продолжалось, и о быстром завершении конфликта в обозримом будущем говорить не приходилось.

В кругах японского политического руководства получили поддержку два основных плана действий: «Удар на Юг» означал ликвидацию угрозы для японской региональной гегемонии со стороны западных демократий путем захвата их колониальных владений в Восточной Азии так, чтобы сделать трудными с военной точки зрения и требующими огромных усилий в экономическом плане попытки британцев или американцев восстановить влияние в Восточной Азии. «Удар на Север» предполагал скоординированный удар по Красной Армии, который сократил бы советское присутствие в этой части света до незначительного уровня. Различные фракции в вооруженных силах поддерживали первый или второй план, ожидая такого развития событий и появления таких возможностей, которые позволили бы им начать действовать, например — пограничного конфликта. Это характеризует процесс принятия политических решений в Японии в то время, поскольку наблюдатели не только не могли предвидеть окончательных последствий международных событий по мере их развития, но и зачастую не знали о том, какой именно из фракций удастся оказать решающее влияние на процесс принятия решений кабинетом в ходе того или иного кризиса. В октябре 1939 г. Уинстон Черчилль назвал бы Россию «загадкой, окутанной тайной и находящейся внутри чего-то непостижимого», но любой, кто попытался бы предсказать поведение имперской Японии, мог сказать о ней то же самое.

По мере эскалации пограничного конфликта в районе реки Халхин-Гол в июне 1939 г. Квантунская армия начала планировать контрудар с целью вытеснить советские войска и их монгольских союзников со спорной полосы земли, представляв-

шей собою верблюжье пастбище к востоку от реки Халха. Задача была поставлена перед 23-й пехотной дивизией, усиленной одним полком из 7-й пехотной дивизии, двумя танковыми полками и выделенной дополнительно артиллерией, а также поддержкой с воздуха. Японцы начали атаковать 1 июля. План предусматривал прямой удар по находящимся на спорной территории советским войскам, увязанный с вторжением на собственно монгольскую территорию к западу от реки Халха с целью дезорганизовать артиллерийскую поддержку защитников Халхин-Гола и отрезать им пути к отступлению. Японское нападение вначале было успешным, но Жуков ответил контрударом, бросив в бой имевшиеся у него в резерве танки и бронемашины (без поддержки пехоты) с целью остановить продвижение японцев, в особенности к западу от реки. Обе стороны понесли тяжелые потери, в частности советские части потеряли значительную часть своей техники, войдя в соприкосновение с японской пехотой, вооруженной противотанковыми минами и тем, что получило новое название «коктейль Молотова». Японские части на западном берегу также страдали от плохого снабжения, в основном из-за того, что большая часть дивизионного оборудования для наведения мостов была задействована в операциях имперской армии в Китае. Поэтому японцы отказались от наступления на западном берегу и вывели войска назад за реку Халха.

Как оказалось, японские бронетанковые войска действовали неэффективно в боях восточнее реки. Пехота также не смогла существенно продвинуться вперед, и очень скоро военные действия свелись к кровавой изнуряющей борьбе за высоты, в особенности за сопку, известную как Холм 733. В течение более двух недель японцы продолжали свои атаки на участке горной местности в две с половиной мили против увеличивавшихся советских сил. Жуков терпеливо пополнял фронт вдоль реки частями пехоты, бронемашинами и пулеметчиками по мере их прибытия. В конце июля японцы возобновили свои атаки после небольшой паузы. На этот раз присланная с родных Японских островов артиллерия поддерживала их наступление, однако Жуков также усилил мощь своей артиллерии. Японские артиллеристы за три дня произвели 25 000 залпов, однако советские войска ответили еще более мощным заградительным огнем. Японской пехоте удалось захватить часть территории ценой тяжелых потерь. К последней неделе июля они превысили пять тысяч человек.

Сила японского наступления ослабла после атакующих действий в конце июля, однако боевые действия продолжались. Тем временем Жуков готовил свой контрудар. В первых числах августа советские войска начали пробные атаки с целью прощупать японские позиции, чередовавшиеся с действиями нескольких батальонов для поддержания давления на противника. Советская артиллерия продолжала массированный обстрел и вскоре установила господство на поле боя, подавив огонь японских батарей. Жукову также удалось собрать сильный резерв, который японской разведке обнаружить не удалось. С величайшей скрытностью советские резервные части были переброшены на позиции для атаки на восточном берегу реки Халха, что осталось незамеченным для японцев.

Когда 20 августа Жуков обрушил мощь своего удара на японцев, он обладал преимуществом два к одному в пехоте и мог противопоставить сотни танков и бронемашин всего нескольким дюжинам все еще пригодных к боевым действиям японских бронемашин. Более того, поддержанная пехотой, с мелкой сеткой, закрепленной так, чтобы защититься от «молотовского коктейля», советская броня была практически неуязвима для слабого противотанкового оружия японцев. Советская артиллерия господствовала на поле боя, а Жуков получал достоверные сведения от воздушной разведки. Условия для блестящей победы советских войск были подготовлены.

Советские части атаковали японцев по всей линии фронта. Атака в центре была рассчитана на то, чтобы сковать на одном месте как можно большее число японских войск. Большая часть бронетанковых частей Красной Армии была сосредоточена на флангах, где они прорвали японскую оборону и завершили окружение менее чем за неделю. Японская 23-я дивизия и части 7-й дивизии попали в ловушку, неорганизованная попытка прибывшей 27-й дивизии вызволить окруженные части не привела к успеху. Какая-то часть японских солдат спаслась, просочившись небольшими группами через русские позиции, но 23-я дивизия была уничтожена, а вместе с ней примерно одна треть 7-й дивизии. Часто сравниваемый с победой Ганнибала при Каннах благодаря успешному применению маневра двойного охвата, Халхин-Гол по сути дела предвосхитил намного более крупное и прославленное контрнаступление Жукова под Сталинградом три года спустя.

Советские войска либо не ставили перед собой такой цели, либо им не хватило тыловой поддержки для развития широко-

масштабного наступления. К тому же обе стороны ощущали, что в Европе назревала война даже тогда, когда танки Жукова решали судьбу 23-й пехотной дивизии имперской армии. Боевые действия продолжались до тех пор, пока в конце сентября не было достигнуто соглашение об официальном прекращении огня. Можно сказать, что во всех отношениях сражение у реки Халхин-Гол закончилось 27 августа с уничтожением попавших в окружение японских войск.

Халхин-Гол был сражением в сердце Азии, которое противоборствующие стороны вели, предпочитая держать эти события в тайне. Оно происходило в тот момент, когда внимание всего мира было приковано к событиям в другой части планеты. Поэтому его скрытый смысл часто оставался незамеченным или недооцененным. На самом деле Халхин-Гол был одним из решающих факторов, определивших ход Второй мировой войны.

В дипломатических расчетах двух держав, сошедшихся на Халхин-Голе, — Японии и СССР — каждая из сторон была для другой величиной неизвестной. Непримиримые конкуренты в борьбе за рынки, ресурсы и стратегические территории Восточной Азии на протяжении полувека, обе страны столкнулись со все более усложнявшейся и опасной ситуацией, когда мир, порожденный Версалем и многосторонними усилиями 1920-х, стал рассыпаться на куски в 1930-х. То, что каждая из двух держав частично сама несла ответственность за собственные трудности, не вызывает сомнений, но этот вопрос выходит за рамки обсуждения. В действительности их отношения были одним из решающих факторов внешнеполитических дилемм, с которыми столкнулись оба государства. Отношения усугублялись антагонистической идеологией и взглядами на мир, но в еще большей степени — конфликтом интересов и планов в Восточной Азии. Однако их открытая враждебность не была так уж неизбежна и, разумеется, реальной проблемой была неопределенность их отношений. Вопрос о том, какую позицию занимал каждый участник международных отношений по отношению к другому, играл решающую роль в дипломатии всех крупных держав. В конечном счете неопределенность обескураживала некоторых, подобно западным демократиям, но порождала чувство безнаказанности у других, таких, как европейские фашистские государства.

Значение Халхин-Гола было в том, что он прояснил советско-японские отношения. Генерал Жуков не просто принял ко-

мандование на Халхин-Голе; он сделал это по приказу Сталина и отчитывался напрямую перед Сталиным. Это было показателем, сколь важное значение советский лидер придавал урегулированию этого вопроса: он послал одного из самых искусных командиров и потребовал личной связи с ним, чтобы полностью владеть ситуацией. Когда Гитлер усилил свое дипломатическое наступление на Кремль с целью достичь соглашения о Польше, Сталин не давал разрешения на визит министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа в Москву для заключительных переговоров до тех пор, пока не получил личных заверений Жукова, что начатое 20 августа советское контрнаступление принесет успех, нанеся сокрушительный удар японской армии. Нацистско-коминтерновский пакт был подписан 23 августа 1939 г. — всего лишь за 8 дней до немецкого вторжения в Польшу и как раз в тот момент, когда на Халхин-Голе охваченные отчаянием японские войска лихорадочно пытались организовать спасение обреченной на поражение 23-й дивизии.

Советская победа при Халхин-Голе не устранила возможности японского нападения на Советский Союз, которая появлялась неоднократно в последующие несколько лет всякий раз, когда шансы на успех держав «оси» возрастали. Но Халхин-Гол дал Сталину понимание того, что Япония не станет в ближайшее время фактором номер один, тем самым развязав руки СССР и позволив ему поступать так, как он сочтет необходимым в отношении приближавшегося раздела Польши. Более того, Халхин-Гол отчасти восстановил веру в то, что Красная Армия, чей офицерский состав подвергся массовым чисткам, сможет справиться с японской угрозой.

Можно лишь гадать о том, как поражение или неопределенный исход сражения на Халхин-Голе могли изменить развитие событий в августе и сентябре 1939 г. — периоде, ставшем прелюдией Второй мировой войны. Мы никогда не узнаем, мог ли Советский Союз предпринять какие-либо иные действия для решения польского кризиса, и как это могло через последующее маневрирование великих держав способствовать либо войне, либо миру. Мы можем, однако, утверждать, что Халхин-Гол был важнейшим событием, определившим время и характер нацистско-советского договора о ненападении, важность которого не вызывает сомнений.

Халхин-Гол также сыграл свою роль в определении японского внешнеполитического курса. Имперская армия всегда знала, что по численности и материальной оснащенности она уступала

советской стороне. Однако существовала огромная вера в эффективность моральных факторов, уравнивавших силы сторон⁸. Халхин-Гол поколебал эту веру имперской армии как ни один проигрыш до того, став поводом для призывов к полной реорганизации вооруженных сил, чтобы восполнить недостаток огневой мощи⁹. У Советского Союза имелись более мощные и в большем количестве моторизованные части. Был даже отряд танков, снабженных огнеметами, в то время как в арсеналах западных союзников такая техника стала известна лишь через несколько лет.

Как образно выразился один японский офицер, «об этом неловко говорить, но дула японских танков выглядели как пенис маленького ребенка, лишь слегка выдаваясь наружу, в то время как орудия у русских были по-настоящему длинными». «Какое тут соперничество», — подумал я¹⁰. Тыловое обеспечение оказалось также плохо подготовленным, несмотря на кажущееся превосходство японцев в транспортной инфраструктуре. Маньчжурские железнодорожные пути заканчивались не более чем в 50 милях от полей сражений, а советским войскам приходилось перевозить все боеприпасы на машинах с конечной станции железной дороги, находившейся в сотнях миль от места боев. Они задействовали тысячи грузовиков для выполнения этой работы, согласно некоторым источникам их численность достигала 20 000¹¹. О таких масштабах в Японии даже не знали.

В результате японцы не просто потерпели поражение, они стали трезво оценивать предполагавшееся превосходство над русскими. Тогда, когда в мире не очень-то высоко оценивали силу Красной Армии, японцы пребывали под неизгладимым впечатлением от того разгрома, который им учинила эта вражеская сила. Этот опыт лишь усилил позиции сторонников «Удара на Юг» в японской армии, которые и выиграли спор через два года.

В некотором роде Халхин-Гол способствовал развязыванию Второй мировой войны как в Азии, так и в Европе. Это заключалось не только в победе сторонников «Удара на Юг», приведшего к Перл-Харбору и захвату Гонконга, Сингапура, Малайи, Бирмы, Филиппин и голландской Восточной Индии, Индокитая и т.д., но также обеспечило уважение японцев к договору о нейтралитете, подписанному с Советским Союзом в апреле 1941 г. Этот фактор приобрел исключительное значение для союзников после нападения Германии на Советский Союз, когда на него была распространена американская помощь по Ленд-лизу и перевозка грузов через Тихий океан стала самым надеж-

ным способом доставки товаров из Соединенных Штатов. Конвой PQ, которые храбро встречали стихию и немецких хищников на своем пути в Советский Союз через воды Арктики, значительные усилия, которые приходилось прикладывать для модернизации железных дорог в Персии, требовали большой силы духа, изобретательности и отваги для транспортировки грузов по Ленд-лизу в Россию. Пролегавшие же в северной части Тихого океана морские пути позволили перевезти более чем в два раза больше тонн грузов, чем какой-либо другой маршрут.

Можно также рассмотреть вопрос о «Халхин-Голе, которого не было». Через три месяца после грандиозной победы над японцами Красная армия пережила унижительное поражение от финнов. И хотя в конце концов советские войска одолели их благодаря упорству и численному превосходству, наблюдатели по всему миру посчитали, что Красная Армия — бумажный тигр, что имело массу последствий, выходящих за рамки данной статьи. Тем не менее под Халхин-Голом Советский Союз одержал ошеломляющую победу благодаря бесстрашию войск, совершенной работе офицеров штабов, современной технике и безупречному военному командованию. Конечно, многое оставалось изучить и улучшить, но контуры того гиганта, который позднее проглотил вермахт, были налицо. Если бы Халхин-Голу было уделено более пристальное внимание, то, вероятно, оценки, сделанные по итогам войны с Финляндией, были бы несколько смягчены и использованы к выгоде стратегов в Лондоне, Вашингтоне, Риме и Берлине.

Для европейских и азиатских участников «оси» в годы Второй мировой войны было характерно то, что они вели отдельные войны, не связанные или объединенные в совместные или даже соподчиненные военные операции. Халхин-Гол был, по существу, сражением, чье воздействие укрепило союз держав «оси», оказав существенное влияние на ход войны как в Европе, так и в Азии. Эта жестокая борьба между Советским Союзом и имперской Японией явилась последним аккордом в прелюдии к величайшей войне в истории человечества — войне, которая, по иронии судьбы, завершилась лишь после того, как шестилетний нейтралитет между теми самыми двумя державами был в конце концов нарушен, и противостояние вновь вылилось в жестокие схватки на маньчжурской границе.

Примечания

¹ В названии автором обыгрывается строчка из «Баллады о Востоке и Западе» Р. Кипплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...» В подзаголовке и далее в тексте употребляется общепринятое русское название сражения — Халхин-Гол, данное по названию реки. В зарубежной литературе эта же битва известна как Номохан (Nomohan), по названию одноименного небольшого населенного пункта. — *Прим. перев.*

² Рост влияния японской армии и флота со знанием дела изложен в ряде источников, но, пожалуй, лучше всего — в Sadako N. O. *Defiance in Manchuria: The Making of Japanese Foreign Policy, 1931–1932*. Berkeley and Los Angeles, 1964. Детальный ревизионистский анализ см. в Bergamini D. *Japan's Imperial Conspiracy*. New York, 1971.

³ Краткая история Квантунской армии дается в авторитетной работе Coox, A. *Nomonhan: Japan Against Russia, 1939*. Stanford, Ca., 1985, 2 vols.

⁴ Coox, A. *Nomonhan*, P. 74–77.

⁵ См. Coox, A. *The Anatomy of a Small War: The Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng/Khasan, 1938*. Westport, Ct., 1977.

⁶ Drea, E. *Nomonhan: Japanese-Soviet Tactical Combat, 1939*. Fort Leavenworth, Ks., 1981.

⁷ Описание военных операций при Халхин-Голе, представленное в данной статье, основывается в основном на Coox. *Nomonhan*; Drea. *Nomonhan*; и Hattori, T. *Monograph No. 54 // War in Asia and the Pacific, 1937–1949: A Fifteen-Volume Collection* / Ed. by Detwiler D.S. and Burdick C.D. New York, 1980. Vol. 11. P. 161–641.

⁸ Наилучшее подтверждение см. в Drea. *Nomonhan*... См. в особенности дискуссию на с. 86–90.

⁹ Hayashi S. in collaboration with Coox, A.D. *Kogun: The Japanese Army in the Pacific War*. Quantico, Va., 1959. P. 16.

¹⁰ Цитируется по : Coox. *Opt.Cit.* Vol. I. P. 432.

¹¹ Coox. *Opt.Cit.* P. 580.

Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты

Если на внешнюю политику Польши за период с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. взглянуть сквозь призму ее реальных возможностей и поставленных целей и сопоставить те и другие с достигнутыми результатами, оценка не будет однозначно позитивной или негативной. В то же время можно попытаться понять, что и в какой момент за этот непродолжительный, но очень важный период истории предопределило, что полученный результат, очевидно, субъективный по своей сути, не встречает критику со стороны ряда историков.

Однако прежде чем мы рассмотрим отдельные аспекты возможностей и целей, следует ответить на два основополагающих вопроса: кто проводил эту политику и какие главные цели он перед Польшей ставил? Только при таком подходе можно будет проанализировать достигнутые результаты, т.е. умение использовать сложившиеся условия и возможности, попытаться указать на ошибочность бездействия, если таковое действительно имело место, и оценить реальность поставленных целей.

Начнем с очевидного для меня положения, что эти два неполных года польской истории занимают особое место в политической истории Европы. Впоследствии так было в 1944, 1956, 1968, 1970, 1980–1981 и 1989 гг., когда события в Польше и вокруг нее притягивали внимание общественности в странах демократического Запада и соседей из так называемого социалистического содружества, становились предметом пристального политического анализа и определенных действий правительств многих государств, и в первую очередь Советского Союза. Разница лишь в том, что 1939 г. положил начало новой главе в судь-

бах не только европейского континента, но, как вскоре оказалось, и всего мира.

Позднейшие из перечисленных дат такого исторического значения уже не имели, хотя события 1980—1981 и 1989 гг. заняли важное место среди главных факторов, которые обусловили комплекс причин поражения СССР в «холодной войне» и падения коммунистической системы в Европе.

* * *

Во второй половине 30-х годов прошлого века многие вдумчивые наблюдатели и аналитики обретали все большую уверенность в том, что Европа движется к такому политическому кризису, который не в самом отдаленном будущем может привести к вооруженному конфликту. Те, кто так думал, исходили в своих прогнозах, главным образом, из слов и действий Адольфа Гитлера, который с 1933 г. находился у власти в Германии. Были среди них и поляки, которые с неусыпным вниманием следили как за политикой гитлеровского Третьего рейха, так и сталинского СССР. Они анализировали не только отношение Берлина и Москвы к Варшаве, но и формирование связи между этими двумя тоталитарными соседями Польши¹. Этого требовала забота о безопасности государства, его свободе, суверенитете и постоянстве границ. Не вызывает сомнения также то, что от польско-немецких и польско-советских отношений в немалой степени зависела судьба той системы, которая установилась в Центральной Европе в результате Версальского договора и польско-советского мирного договора, заключенного в Риге в 1921 г.

Отношения Варшавы с Берлином и Москвой являлись существенным компонентом международных отношений на всем европейском континенте, разумеется, не столь важным, как отношения между СССР и Германией или Москвой, с одной стороны, и Парижем и Лондоном, — с другой, но все же значительно выходящим за границы Центрально-Европейского региона.

Стремление обеспечить Польше стабильное место в Европе, надежда на установление корректных отношений с двумя великими соседями, которые были отягощены багажом антипольской политики Пруссии и кайзеровской Германии, а также царской России и опытом польско-большевистской войны 1919—1920 гг., породили два очень важных акта. 25 июля 1932 г. в Москве был подписан польско-советский договор о ненападении (в мае 1934 г. он был продлен до 31 декабря 1945 г.)². 26 янва-

ря 1934 г. в Берлине была провозглашена польско-германская декларация о неприменении силы в их взаимоотношениях, срок действия которой был определен 10 годами³.

Все подписавшие эти документы руководствовались, конечно, своими интересами, которые не совпадали, а в случае Третьего рейха и СССР имели оттенок неприязни и скрытой враждебности по отношению к Польше. Речь Посполитая, в свою очередь, не имела причин доверять соседям и рассматривать их как возможных союзников.

Союзником же Польши была Франция, с февраля 1921 г. связанная с ней договором, усиленным тайной военной клаузулой. Она гласила, что в случае нападения на Францию или Польшу «оба государства придут к соглашению в целях защиты своих территорий и защиты своих законных интересов». Военная конвенция предусматривала оказание незамедлительной помощи в случае германской агрессии и обеспечение Францией безопасности со стороны Германии в случае войны Польши с Советской Россией⁴.

В марте 1921 г. Польша заключила договор с Румынией, гарантирующий военную взаимопомощь в случае нападения на восточную границу одного из договаривающихся государств. В качестве потенциального агрессора имела в виду Советская Россия⁵.

Правда, во второй половине 30-х годов официальная Варшава имела определенные сомнения (как оказалось позднее — весьма обоснованные) в успехе политики Парижа, но союз с Францией все еще был в силе и в расчетах политических лидеров польского государства занимал видное место. Ставка, однако, делалась на то, что, по крайней мере, до 1944—1945 гг. отношения с двумя главными соседями — в соответствии с вышеупомянутыми двусторонними документами международного права — не перейдут от мирных к вооруженной конфронтации. К этому следует добавить еще одно важное обстоятельство. Власти Польской Республики полагали, что соглашения, заключенные с Москвой и Берлином, будут надежным инструментом для проведения Варшавой политики «равного удаления» от СССР и Германии⁶. Кроме того, в Министерстве иностранных дел Польши были уверены, что после прихода Гитлера к власти и с началом усиливающейся пропагандистско-идеологической войны между Москвой и Берлином дальнейшее советско-германское сотрудничество, начавшееся в Рапалло в 1922 г. и подтвержденное берлинским договором 1926 г., стало невозможным. А оно

беспокоило поляков не меньше, а может быть, даже больше, чем провозглашаемые в Москве лозунги мировой революции и гитлеровская программа «жизненного пространства» (*Lebensraum*)⁷. По мнению польских лидеров, политика «равного удаления» должна была обеспечить Польше стабильное чувство безопасности, сохранения ее суверенитета и территориальной целостности. Тогда, полагали в Варшаве, Польша была бы значительно более ценным партнером для Франции и Великобритании, что в свою очередь усиливало бы ее позиции в отношениях с Германией и Советским Союзом. При условии, что между Берлином и Москвой не возродится политика Рапалло, создалась бы в меру стабильная система международных отношений в Центральной Европе, что способствовало бы усилению суверенитета и безопасности Польши.

Всем этим расчетам, оценкам и прогнозам суждено было пройти суровую проверку во время событий 1938—1939 гг.

В последние мирные годы в Европе возникли новые факторы международной политической жизни. С одной стороны — гитлеровская программа разрушения Версальской системы, программа агрессии и аннексии, с другой — уступчивость Лондона и Парижа, олицетворением которой была политика британского премьер-министра Невилла Чемберлена и следующих в его фарватере французских коллег. Политика Гитлера была направлена на развязывание новой войны; в то же время ответственность за ошибочность выбора методов защиты Европы от все более явной угрозы войны лежит на английских и французских создателях «*appeasement policy*» (политики умиротворения агрессоров). Обе тенденции внимательно изучались в Кремле, который одновременно вел активную политику в отношении агрессивных устремлений Японии⁸. Возможно, Сталин, который еще в 1925 г. предвидел возможность развязывания новой крупной войны (империалистической, как он ее называл), а в конце 30-х годов даже утверждал, что она началась, задумался, какие реальные выгоды мог извлечь из нее СССР и какую в связи с этим Кремль должен занять позицию, чтобы эти потенциальные выгоды обрели конкретные формы.

Разумеется, не только в Берлине, Лондоне, Париже, Москве и Токио, но и в других столицах политики, военные и эксперты пытались делать прогнозы на ближайшее будущее. О нем активно размышляли также в Риме, а вот Вашингтон, занятый главным образом планами Токио, не уделял назревающему в Европе кризису такого внимания, которого тот заслуживал. Ведь имен-

но на европейском континенте, а не в Азии и не на просторах Тихого океана, начиналась новая глава мировой истории, так же, как это было в 1914 г., не говоря уже о более отдаленном прошлом.

Главными фигурами зреющей европейской, а, может быть, и мировой драмы, должны были стать великие державы. Первыми же ее жертвами были Австрия, Чехословакия и Польша.

Казалось бы, в описанных выше условиях реальные возможности влияния Польши на политику великих держав были ничтожны. Возможно, их не было вовсе, хотя ее существование как государства полностью суверенного — а именно таким она была по правовым нормам того времени — срывало планы Гитлера и Сталина. Но уже в скором времени выяснилось, что Варшава могла сыграть одну из ключевых ролей в международной игре.

Среди историков доминирует практически единодушное мнение, что мюнхенский договор 29 сентября 1938 г., заключенный Германией, Италией, Францией и Великобританией в ущерб интересам Чехословакии, придал международным отношениям совершенно иное качество. Процесс дестабилизации в Европе, без сомнения, преодолел критическую отметку. Вопрос «когда будет война?» перестал быть теорией. Прежде всего он относился к Польше. Она стала жертвой смены международной конъюнктуры, начало которой обозначил как раз мюнхенский договор, это «уродливое детище», и даже, можно сказать, бастард агрессоров из Берлина, поддержанных фашистами из Рима и тех, кто в Лондоне и Париже проводил «политику умиротворения». В Мюнхене был нанесен решающий удар по Версальской системе, которая, несмотря на свои недостатки, стабилизировала ситуацию в Европе, а государствам ее центральной части давала чувство безопасности, хоть и не лишенного беспокойства. Мюнхен убедил Гитлера⁹ в том, что он может и впредь проводить политику ультиматумов, поскольку, вероятнее всего, она не встретит решительного сопротивления Запада, и что лишь реальная угроза породила бы альянс — впрочем, весьма гипотетический — Франции и Великобритании с СССР. Гитлер пришел к выводу, что он сможет противостоять этой угрозе, реанимировав политику Рапалло, чего желали в Кремле, и именно такой сценарий там принимали во внимание. С этим считались и некоторые политики и дипломаты во Франции и Великобритании¹⁰.

Сталин же мог полагать, что захват Третьим рейхом части Чехословакии не будет последним, а окончательный развал

Версальской системы вскоре станет совершенно реальным. Поэтому он ждал шанса, момента вхождения в большую игру для участия в этом процессе¹¹. Высшей целью его политики было возвращение СССР статуса великой державы, восстановление положения, которое занимала Россия, пока не потерпела поражение в Первой мировой войне. Элементом таким образом понимаемой политики должно было стать изменение ситуации в Центральной Европе, что непосредственно касалось судьбы Польши¹². Здесь цели Сталина совпадали с притязаниями Гитлера. Без подчинения или просто-напросто завоевания Польши стратегические планы канцлера Третьего рейха оставались бы только иллюзией.

Очевидной попыткой подчинения были территориальные претензии Берлина к Варшаве в конце октября 1938 г., повторенные Гитлером 21 марта 1939 г.¹³. Руководство польского государства категорически их отвергло вместе с предложением Гитлера присоединиться к антикоминтерновскому пакту, что почти всей польской историографией оценивалось и оценивается как единственно правильный шаг. То было польское «нет», к которому мы еще вернемся. Из известных историков, пожалуй, лишь один утверждал, что Польша могла избежать раздела, который осуществили в сентябре 1939 г. Гитлер и Сталин, приняв требования и предложения Берлина в октябре 1938 и марте 1939 гг., т.е. ответив «да»¹⁴.

Тем временем важнейшие события в международной политике, непосредственно или косвенно касавшиеся Польши, развивались в 1939 г. по нарастающей¹⁵. Гитлер совершал очередные акты агрессии; на линии Берлин-Москва начались первые, многообещающие для обеих сторон зондажи. Англия и Франция постепенно стали отходить от «политики умиротворения». Они выдвинули предложения о переговорах с Москвой, что в Варшаве восприняли крайне негативно. Ведь Польша рассчитывала на оживление отношений с Францией¹⁶ и особенно на качественно новый характер политики правительства Великобритании по отношению к ней¹⁷. Ее надежды оправдались: 31 марта 1939 г. премьер-министр Невилл Чемберлен сделал в палате общин заявление о том, что «в случае каких-либо военных действий, которые будут явно угрожать независимости Польши и которым правительство Польши решит дать отпор силами своей национальной армии, правительство Его Королевского Величества будет обязано оказать польскому правительству незамедлительную посильную помощь»¹⁸.

Здесь следует обратить внимание на комментарий, сделанный 1 апреля лондонской «Таймс» — газетой, неофициально выражавшей мнение британского Министерства иностранных дел: «Новые обязательства, которые вчера приняла на себя Великобритания, не обязывают ее защищать каждую пядь существующих сегодня границ Польши. Принципиальным моментом декларации является не ее целостность, а независимость»¹⁹. Как оказалось позднее, именно этой трактовки британское правительство придерживалось до конца Второй мировой войны²⁰. Однако в Варшаве мало кто отдавал себе в этом отчет. Напротив, преобладало удовлетворение от того, что польские надежды и усилия, направленные на то, чтобы польский вопрос занял более важное место в политике Лондона, начинают реализовываться и приносить ожидаемые плоды. Очередным подтверждением этого стало коммюнике от 6 апреля, опубликованное во время визита польского министра иностранных дел Юзефа Бека в Лондон, в котором сообщалось, что оба государства готовы заключить договор «в общих интересах и на продолжительный срок». Неделями позже к британским гарантиям присоединилась Франция.

Коммюнике от 6 апреля 1939 г. явилось значительным успехом Польши. Оно связывало ее безопасность с британской политикой, оживляло отношения с Францией, ликвидировало изоляцию, в котором польское государство находилось перед лицом требований Германии с осени 1938 г. Так, по крайней мере, воспринимали решение Лондона, поддержанное Парижем, в Варшаве.

Почти в это же время (3 апреля) командующие всех родов вооруженных сил Третьего рейха получили приказ о предстоявшем начале войны с Польшей. В нем давалось указание подготовиться к 1 сентября 1939 г. к нападению. Обо всех этих планах Берлина советская разведка докладывала Москве²¹, что не могло не найти отражения в решениях Кремля. Сталин пошел на политические, а позднее и военные переговоры с Великобританией и Францией, но одновременно протупывал почву, определяя условия, на которых можно было бы прийти к соглашению с Берлином.

На сегодняшний день все это хорошо изучено; на Западе, а в последние 15 лет и в Москве были опубликованы важнейшие документальные источники, вышел в свет ряд фундаментальных монографий, в т.ч. две польские²². В них показано все то, что привело к фиаско советско-англо-французских переговоров

в Москве и к успеху тайных советско-германских контактов. Последние завершились в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. подписанием пакта Молотова — Риббентропа, предвещавшего возможность очень скорого раздела Польши двумя ее самыми могущественными соседями. Хотел бы обратить внимание на то, что европейский политико-дипломатический кризис 1939 г. делал международную конъюнктуру невероятно выгодной для СССР. Версальская система заканчивала свое существование, противоречия между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, — с другой, все более обострялись, война в Европе стояла у порога. Она могла уничтожить Польшу, но не должна была причинить вред Советскому Союзу, напротив, принести ему существенные выгоды. В Европе Москва становилась фактором такой значимости, что без ее участия ни одна из сторон стремительного нарастающего конфликта не могла сделать решающего шага. Оставался вопрос цены. Ее устанавливал Кремль. От Запада Сталин мог получить много, но от Германии неизмеримо больше. Подписывая договор с Третьим рейхом, он мог рассчитывать на реальные территориальные приобретения у своих западных границ, ослабление союза Берлин — Токио, успокоение на дальневосточной границе и отведение угрозы перерастания конфликтов и столкновений с Японией в полномасштабную войну. Он мог надеяться, что пакт с Гитлером не приведет к полному разрыву отношений с Францией и Великобританией, самое большее — к их значительному охлаждению, в крайнем случае — к замораживанию²³.

Удивляет, что московский пакт не просто не был должным образом оценен Варшавой, но был ею совершенно проигнорирован. Исключалась сама возможность германско-советского нападения на Польшу, тем более, что 25 августа в Лондоне был заключен польско-британский договор о взаимопомощи, хотя он касался исключительно обязательства Великобритании защищать независимость Польши, не затрагивая проблему целостности ее территории и, в частности, неприкосновенности ее восточной границы²⁴.

Как известно, 1 и 17 сентября 1939 г. Германия и СССР совершили согласованное нападение на Польшу, затем аннексировали ее территорию, объявив, что польское государство прекратило свое существование. Политика мирного соседства и «равного удаления» Варшавы от Берлина и Москвы оказалась конструкцией настолько непрочной, что при столкновении с имперскими устремлениями Гитлера и Сталина рухнула. Заслон

в виде договоров Варшавы с Парижем и Лондоном также не сдержал агрессоров, хотя обе западные державы и объявили 3 сентября войну Третьему рейху. Они, однако, не спешили оказать обещанную военную помощь и не сделали ничего, чтобы помешать Сталину захватить половину территории польского государства. Они ограничились — впрочем, в соответствии с прогнозами Кремля — нотами протеста, которые не могли реально помочь Польше.

Польша, на которую 1 сентября напал Третий рейх и 17 сентября Советский Союз, стойко оборонялась, последние выстрелы прогремели 5 октября. Правительство не капитулировало, не капитулировало и главнокомандование Войска Польского. Однако Польша сентябрьскую кампанию проиграла и не могла не проиграть. Против нее тогда были: 1) самая организованная и лучшая в течение последующих трех лет армия мира; 2) фактическое бездействие западных союзников; 3) с 17 сентября многотысячная советская армия, которая в этот день начала свой марш к согласованной с Германией советско-германской демаркационной линии. Таким образом, Польша сражалась в одиночестве, и результат этого столкновения в таких условиях был предreshен. Несмотря на это, Войско Польское выполнило свой долг, хотя с задачей защиты государства справиться не могло²⁵. Но сентябрьская война имела еще одно, наверное, самое важное измерение — общеевропейское. Во-первых, «нет», брошенное ранее Польшей в ответ на территориальные притязания Гитлера, привело к его отказу от использования тактики изоляции отдельных жертв и безнаказанных захватов. Во-вторых, удалось избежать второго Мюнхена, хотя некоторые политики на Западе думали о его повторении. Черда мирных аннексий Гитлера была прервана, а лидеры Великобритании и Франции вынуждены были распрощаться со своей — проводимой под лживым лозунгом сохранения мира — «политикой умиротворения». Третьему рейху следовало дать вооруженный отпор, и Польша стала первым государством, которое это сделало. С этого началась война, тогда еще европейская, затем переросшая в мировую. Только военные действия могли расстроить гитлеровские планы установления гегемонии в Европе, а может, и в мире. И, наконец, в-третьих, польское «нет» положило начало созданию антигитлеровской коалиции, которая на рубеже 1941—1942 гг. стала союзом Объединенных Наций.

Вот почему я считаю, что позиция Польши в 1939 г. (хотя она и проиграла сентябрьскую кампанию) открыла новую главу во

всемирной истории. Ведь это поражение положило начало долгому, трудному и тернистому пути к победе Объединенных Наций.

Несмотря на то, что война была проиграна, страна оккупирована и разделена двумя агрессорами, с точки зрения международного права польское государство существовать не перестало. 30 сентября в Париже начали свою работу его конституционные власти: президент Владислав Рачкевич и правительство во главе с генералом Владиславом Сикорским. Эти лидеры с самого начала пользовались полным признанием Франции, Великобритании, США и многих других правительств в Европе и за ее пределами.

Новый премьер-министр В. Сикорский принял власть в атмосфере сентябрьского поражения, за которое подавляющее большинство общества обвиняло правящий Польшей с 1926 г. лагерь пилсудчиков. Теперь бразды правления переходили в руки оппозиции, главной харизматической фигурой которой был Сикорский. О нем с начала 1940 г. в оккупированной стране говорили: «Чем солнышко выше, тем Сикорский ближе». Генерал стал надеждой поляков: они верили, что, поддержанный союзниками, он сможет восстановить Польшу целостной, свободной и независимой²⁶. Сам Сикорский с середины 30-х гг. был убежден, что в Европе и Азии по вине Германии и Японии может развиться широкомасштабный конфликт, война глобальная и необычайно кровопролитная. И именно после начала этой войны, после польского поражения 1939 г. ему на долю выпало ответить на вызов, ставший вызовом целой эпохи²⁷.

Осенью 1939 г., несмотря на «странную войну», которую вели Франция и Великобритания, многим свидетелям происходящих событий казалось, что развязанная Гитлером война закончится его крупным поражением на Западе в результате приведения в действие всех людских, экономических и военных ресурсов этих двух держав. Переоценивая их силы, по-прежнему, несмотря на польский опыт, недооценивалась способность вермахта наносить внезапные, сокрушительные удары.

И Сикорский, и польские политики — а, может быть, прежде всего они — безоглядно верили в мощь Франции и ее союзника Великобритании, и все надежды на относительно быстрое освобождение страны связывали с польско-франко-британским союзом. Гарантией успеха польских усилий должны были стать победы двух западных союзных держав. На этой почве формировались польские военные цели.

В первой инструкции руководителям дипломатических ведомств, изданной 10 октября 1939 г., Сикорский подчеркивал «верность Польши данному слову» и выражал уверенность, что и «по отношению к нам союзники выполнят свои обязательства», «эти обязательства имеют форму союзов, которые все еще живы, и из которых нам нельзя ничего потерять»²⁸.

В переговорах с французами и англичанами осенью 1939 г. польская сторона выдвигала три принципиальных положения: 1. Польша вновь обретает полную независимость; 2. она не может выйти из войны с урезанной территорией; 3. для усиления Польши следует разрешить проблему Восточной Пруссии, под чем поляки понимали присоединение ее к польскому государству. Годом позже, в ноябре 1940 г., правительство Сикорского направило англичанам докладную записку, содержащую польские пожелания относительно будущих границ Польши на западе. Это был первый политический документ, касающийся этих вопросов²⁹. Правительство настаивало на продолжительной оккупации Германии, ослаблении ее военного потенциала, территориальных изменениях «в пользу соседей», наложении репараций, возвращении автономии немецким землям и восстановлении независимой Австрии. Польские требования к Германии включали: 1. Присоединение Восточной Пруссии и Гданьска; 2. сокращение, изменение и перенос границы Польши с Германией; 3. сокращение границы между Польшей и Чехословакией на территории Силезии. Тем самым было положено начало многим более поздним сражениям за максимально выгодную для Польши границу с Германией³⁰.

Франция до ее поражения в 1940 г. оставалась для Сикорского главным союзником. Предоставляя полякам приют, Париж думал о своем «будущем возвращении в Центральную и Восточную Европу, где Польша должна была по-прежнему выполнять роль антигерманского барьера»³¹. Но после того, как пост французского премьер-министра занял Поль Рейно (21 марта 1940 г.), значение Польши в политике Франции уменьшилось. По мнению польской исследовательницы, для нового премьер-министра «польские проблемы уже практически не имели (за исключением возможного использования польской армии) никакого значения. Польское государство было занято оккупантами, и предположительно Рейно не видел резона брать Польшу в политико-дипломатические расчеты»³². Этих перемен, однако, поляки во главе с Сикорским не заметили или не сумели вовремя оценить.

С точки зрения последующего развития событий все более значительными становились польско-английские отношения. 11-12 октября состоялся первый визит в Лондон польского министра иностранных дел Августа Залеского, воспитанника известной Лондонской школы экономики, умеренного пилсудчика, с 1941 г. — противника Сикорского. Он встречался с британским министром иностранных дел лордом Эдвардом Галифаксом, был принят премьер-министром Чемберленом³³. Польский министр прощупывал позицию хозяев, выслушивал их советы. В частности, ему стало понятно, что «ни при каких обстоятельствах Польша не может рассчитывать на то, что Великобритания начнет войну против Советской России ради возвращения Польшей тех земель, которые были заняты Советами». В свою очередь Великобритания с пониманием отнеслась к польским требованиям относительно Восточной Пруссии и склоняла польское правительство поддержать английские проекты создания центрально-европейской федерации, охватывающей Польшу, Чехословакию и Венгрию. Англичане уверяли Залеского, что Франция и Великобритания заинтересованы в том, чтобы «Польша возродилась достаточно обширной и сильной для удержания равновесия между Германией и Россией».

Месяцем позже с официальным визитом в Лондон прибыл Сикорский. Переговоры касались примерно тех же вопросов, и вновь наибольшие противоречия выявились в отношении обеих сторон к СССР. Как записал польский посол в Лондоне Эдвард Рачинский, «британская сторона четко дала понять полякам, что в Лондоне никто не намерен обострять из-за Польши британско-советские отношения». При этом англичане делали акцент на установлении максимально хороших отношений Польши с послевоенной Чехословакией, что находилось в полном соответствии с ходом октябрьских переговоров с Залеским и взглядами самого Сикорского. После возвращения в Париж польский премьер-министр 23 ноября с оптимизмом уверял свой Совет министров, что среди союзников настроение по отношению к Польше хорошее, от нее лишь зависит «использовать его в полной мере на благо дела»³⁴.

Таковыми были первые попытки Польши заручиться у союзников поддержкой целей, сформулированных правительством Сикорского. И тогда, и позднее польский премьер-министр с неотступным оптимизмом верил, что его программа восстановления Польши целостной, свободной и независимой имеет все

лансы осуществиться, что ему удастся развеять сомнения союзников или даже преодолеть их сопротивление.

С той же уверенностью он старался добиться равноправного положения Польши в тогдашней мини-коалиции. Во время ноябрьских переговоров в Лондоне Сикорский выдвинул требование участия Польши в работе высших союзнических органов, осуществляющих руководство военными мероприятиями. По течении нескольких месяцев в результате англо-французских приглашений представитель верховного главнокомандующего Польши (т.е. Сикорского) впервые принял участие в заседании ежосоюзнического военного комитета, а сам Сикорский — в заседании Верховного военного совета. Он выступил там с речью, а Совет в опубликованном коммюнике высоко оценил «дух стремления» поляков и «выразил свое глубокое удовлетворение реальным вкладом Польши в общее дело»³⁵. В целом, однако, усилия поляков принимать участие (причем на равных) в работе высших союзнических органов приносили — вопреки надеждам Сикорского — скорее скромные результаты.

Никаких реальных последствий не имели и усилия министра польского, направленные на то, чтобы Польша вместе с Францией и Великобританией создали «тройственный союз» — политический блок, в руках которого находилось бы будущее Европы. Подобная судьба постигла и ожидания министра, что в этом «тройственном союзе» польское правительство получит статус главного партнера по вопросам, касающимся Советского Союза³⁶.

Более пристального внимания заслуживают другие взгляды польского, которые нашли свое отражение в официальных документах польского МИД в ноябре 1939 г. и феврале 1940 г. Он заявил, что Польша будет стремиться к возможному разделению Германии «на автономные единицы с целью ее ослабления и лишения в будущем возможности совершать империалистические подвиги». На основании анализа истории Германии министр сделал вывод о необходимости создания «эффективного и прочного тормоза для политических устремлений Германии, даже в общественных интересах, не говоря уже об интересах других европейских наций».

Пытаясь найти, что может послужить таким тормозом и гарантией, Залеский писал о федерации стран Центральной Европы — также о необходимости сохранения равновесия на европейском континенте³⁷.

Так начинала формироваться позиция польского правительства: относительно будущего Европы и Германии. Оставляя в

стороне вопрос о степени адекватности восприятия реалий того времени и то, как виделась послевоенная расстановка сил, нельзя не заметить, что на первый план выдвигалась забота об условиях послевоенной безопасности Европы, а в ней и Польши. В правительстве считали, что безопасность европейского континента в будущем будет зависеть от реальных гарантий: равновесия сил, четко определенного места и роли побежденной и территориально урезанной Германии, прочного польско-англо-французского союза, новой системы отношений в Центральной Европе. Однако все это в значительной степени зависело от того, как во время войны сложатся отношения между демократиями Запада и СССР, а также от роли и места последнего в послевоенном мире. Этот комплекс проблем становился одним из центральных — если не главным — в прогнозах и текущей политике польского правительства.

Среди задач польской политики на рубеже 1939—1940 гг. на первый план правительство выдвинуло *restitutio in integrum* (возвращение к исходному состоянию) Польской Республики, что было связано с отношением к Советскому Союзу. Хотя советское правительство в ноте от 17 сентября 1939 г. заявило, что договоры, заключенные между Польшей и СССР, утратили свою силу, ни одна из сторон не объявила другой войну. И это несмотря на то, что в свете международного права действия Красной Армии, перешедшей в этот день границу с Польшей, были не чем иным, как неспровоцированной агрессией. Формально война могла начаться, если бы осуществились англо-французские планы оказания вооруженной помощи Финляндии, подвергшейся нападению со стороны СССР, и участия польских подразделений в такой операции. Подготовка к участию в ней велась, но реализована операция не была³⁸. Премьер-министр Сикорский 24 января 1940 г. на заседании совета министров говорил о выгодах, которые бы принесло участие в военной операции на стороне Финляндии объединенных сил Франции, Англии и Польши. Их направление туда, убеждал он, втянуло бы обе западные державы в фактическую войну с Россией, что для Польши во всех отношениях было желательно³⁹.

Дело в том, что правительство полагало, что Польша *de facto*, хотя и не *de jure*, с 17 сентября 1939 г. находилась в состоянии войны с СССР. Этот вопрос проскальзывал в различных внутренних обсуждениях, был предметом переговоров с союзниками, прежде чем была сделана попытка выработать его политико-правовую интерпретацию. На XI закрытом заседании поль-

ской Рады Народовой⁴⁰ 16 апреля 1940 г. министр Залеский заявил, что хотя предыдущее правительство «не объявило России войну», по мнению «некоторых юристов», «мы находимся с Россией в состоянии войны». Новое правительство (т.е. кабинет Сикорского, созданный 30 сентября 1939 г.), сказал далее министр, не могло объявить войну, т.к. «было уже слишком поздно», это поставило бы Польшу «в смешное положение». Двумя днями позже в ответ на вопрос одного из членов Рады Народовой зам. министра иностранных дел заявил: «Между нами и союзниками в отношении России и Германии существует некая двойственность. Если говорить о России, то Польша находится с ней в состоянии войны, в то время как Англия и Франция соблюдают в ее отношении нейтралитет. Сейчас мы не можем объявить России войну, во-первых, потому, что военные действия в настоящее время не ведутся, а во-вторых, если бы мы сделали это сейчас, то тем самым признали бы момент провозглашения такой декларации моментом начала войны, тогда как в нашем понимании она началась 17 сентября»⁴¹.

Отмеченная амбивалентность не сводилась, впрочем, лишь к отношениям в области международного права. Союзники Польши, особенно Англия, не исключали, что между Берлином и Москвой может произойти вооруженный конфликт, поэтому избегали слишком явных выступлений против Советского Союза, который в недалеком будущем мог — по их расчетам — оказаться в рядах антигерманской коалиции. В этом ключевом для себя вопросе польское правительство, таким образом, не могло рассчитывать на однозначную поддержку Парижа и Лондона⁴². Сикорский, однако, надеялся, что успешными станут его попытки заручиться поддержкой Франции и Англии в главном политическом вопросе — отождествлении программы восстановления независимости и суверенности с требованием территориальной целостности Польской Республики. В этом премьер-министра поддерживал весь кабинет. Один из его членов, позднее ставший противником Сикорского, генерал К. Соснковский сказал на заседании правительства 8 мая 1940 г.: «Мы должны решительно добиваться, чтобы союзнические державы сделали официальное заявление о неприложности status quo наших границ. Цели войны должны основываться на расширении, а не на сужении этих границ»⁴³. Конечно, решительности кабинету хватало, но задачу, о которой говорил Соснковский, выполнить не удалось. Это не означает, впрочем, что поляки не задумывались о будущем отношений со своим восточным соседом. В приня-

тых в конце августа 1940 г. программных тезисах правительства записано: «Главным условием налаживания отношений между Польшей и Россией должно быть восстановление польско-российской границы, существовавшей до сентября 1939 г. Тогда Польша не будет способствовать попыткам разбить Россию. Если в ходе дальнейших событий Россия окажется в одном строю с Великобританией, как ее союзница в борьбе с Германией, необходимо будет пересмотреть нашу позицию — борьба с советскими оккупантами должна будет отойти на второй план. Однако основным условием взаимодействия Польши с Россией должно быть — наряду со status quo до сентября 1939 г. — освобождение занятых территорий Польши, создание подразделений польской армии на польской государственной территории и под польским суверенным командованием»⁴⁴.

Часть польских военных целей была связана с проблемой наказания нацистских преступников. Уже 28 ноября 1939 г. генерал Сикорский заявил: «Со всех концов оккупированной Германией страны <...> приходят известия, пронизывающие ужасом <...>. Националистическое варварство вписывает новую зловещую страницу в истории германской жестокости, которая уничтожением безоружных затмевает самые страшные воспоминания <...>»⁴⁵. Польское правительство неустанно делало попытки побудить союзников выступить с заявлением, клеймящим гитлеровские преступления в Польше. Переговоры шли с трудом, но в конце концов 20 апреля 1940 г. правительства Польши, Великобритании и Франции издали соответствующий документ⁴⁶, в котором говорилось об «ответственности Германии за эти преступления» и гарантировалось «возмещение ущерба, нанесенного населению Польши».

Подобные декларации имели тогда прежде всего характер предостережения. В последующие годы, в частности благодаря усилиям польского правительства, в них появились предупреждения о предстоящем наказании виновных в геноциде⁴⁷.

В 1940 г. польские власти еще не располагали полной информацией о терроре и преступлениях сталинского режима (в том числе о расстреле почти 22 тысяч польских офицеров, полицейских и узников тюрем весной 1940 г.), совершенных в отношении граждан Польской Республики на территориях, захваченных на основании пакта Молотова — Риббентропа 28 сентября 1939 г.⁴⁸.

Из всех действий, которые предпринимали в интересующий нас период польские конституционные власти, два достойны

особого упоминания. Я имею в виду усилия, направленные на создание за пределами Польши регулярных сил Войска Польского, а также совместные действия Сикорского и чехословацкого президента Эдварда Бенеша по подготовке еще во время войны проекта послевоенной системы отношений между обеими странами, которые в 1919—1938 гг. в целом были плохими или даже очень плохими. Ответственность за это лежала как на Варшаве, так и на Праге⁴⁹.

Отношения между обоими государствами осложнял вопрос Тешинской Силезии, где до 1918 г. в одних повятах преобладало польское население, в других — чешское. В момент возрождения в 1918 г. польского государства и образования Чехословацкой республики встала проблема межгосударственной границы. Несмотря на предпринимавшиеся местными деятелями попытки найти компромиссное решение спора, в январе 1919 г. чехословацкие войска пересекли временную границу. После нескольких дней боев было заключено невыгодное для Польши перемирие, а летом 1920 г., на основании арбитража держав, в границах Чехословакии оказались некоторые гмины с преобладанием польского населения, а большая часть города Тешин отошла Польше.

Позднее, особенно под конец 1930-х гг., неприязнь между обоими государствами вместо того, чтобы перед лицом политики Гитлера ослабнуть, напротив, усилилась. В 1938 г. Варшава вернулась к вопросу о границе с Чехословакией. 30 сентября в драматичных для Чехословакии обстоятельствах (Мюнхенский сговор) посланник Польши в Праге предъявил ультиматум с требованием немедленно уступить часть Тешинской Силезии (т.н. Заолзье). Ультиматум Прага приняла. Спустя несколько дней туда вступили польские войска.

Мюнхеном закончилась определенная историческая эпоха, символом этого окончания стал уход 5 октября 1938 г. с поста президента Эдварда Бенеша, отправившегося в эмиграцию. После начала Второй мировой войны он, однако, возвратился к активной политической деятельности⁵⁰.

Первые контакты Бенеша и Сикорского в эмиграции пришли на осень 1939 г. Им поспособствовали французские и английские политики. Так родилась идея возможности и необходимости построения новых отношений не только между обоими государствами, но и во всей Центральной Европе. Уже 8 ноября 1939 г. польский Совет министров ознакомился с проектом «Предварительных директив относительно позиции и целей

правительства». В нем говорилось, что Польша вместе с «союзниками борется за такое устройство Центральной и Восточной Европы, которое бы вернуло свободу Австрии и Чехословакии, стало опорой для прибалтийских государств, а также создало между Балтийским, Черным и Адриатическим морями сплоченный и единодушный во взаимодействии пояс государств, отражающий натиск Германии на славянские и другие страны этого региона, а также отделяющий Германию от России⁵¹.

18 ноября Сикорский и Бенеш впервые высказались за идею сотрудничества между обоими государствами на принципах федерации (или, как писали чехи, конфедерации)⁵². Дело, однако, не могло основательно продвинуться, пока чехословацкие политики не создали эмиграционное правительство, а Бенеш не возвратился в кресло президента. Этому противодействовали французы и англичане, и лишь поражение Франции в июне 1940 г. изменило положение вещей. В июле Бенеш уже как президент назначил правительство, признанное англичанами и поляками⁵³. Теперь в Лондоне между руководителями обоих государств систематически велись официальные переговоры и подготавливались проекты документов, определяющих будущее польско-чехословацких отношений.

В октябре и начале ноября переговоры и официальные встречи продвинулись настолько, что уже 11 ноября 1940 г. стороны подписали совместную декларацию. В ней заявлялось, что Польша и Чехословакия, «покончив раз и навсегда с давними обидами и разногласиями, после завершения войны должны, как государства независимые и суверенные, войти в тесный политический и экономический союз, который станет основой новой системы взаимоотношений в Центральной Европе и гарантией ее целостности». Оба правительства выразили надежду, что к ним присоединятся также другие страны в этой части европейского континента.

Декларация 11 ноября стала первым официальным актом в процессе создания условий, призванных облегчить провозглашение польско-чехословацкой конфедерации. Во всяком случае, так это себе представлял Сикорский. Но ноябрьский документ стал также важным событием ввиду появления тенденции образования других региональных соглашений в Европе. С этого времени польское правительство стало горячим защитником федералистских концепций, а может, и самым активным из всех тогдашних и более поздних эмиграционных правительств.

Однако следует помнить, что уже тогда, в 1940 г., между Сикорским и Бенешем наметились расхождения во взглядах как минимум по трем вопросам: во-первых, в отношении Советского Союза; во-вторых, в видении характера будущего союза *Польша и Чехословакия*; в-третьих, по поводу границы между обоими государствами (спор за Тешинскую Силезию). Однако, несмотря на те или иные расхождения, сближение стало фактом, который был благожелательно встречен общественностью и политиками Великобритании.

Во время бесед и переговоров постоянно вставала и проблема отношения к СССР. В конце января 1941 г. состоялась очередная встреча обоих лидеров. По мнению Бенеша, эту войну поляки и чехи не смогут выиграть без Советского Союза⁵⁴. Президент был в этом глубоко убежден, поэтому с большими надеждами ждал начала советско-германской войны, связывая с ней *свои* планы восстановления государства в домюнхенских границах. Сикорский в особую роль СССР не верил, полагая, что победу над Германией одержит Великобритания, поддерживаемая США. Оба политика принципиально расходились в оценке возможностей Советского Союза и его вооруженных сил. В Москве это понимали и с тем большим вниманием следили за происходящим между поляками и чехами⁵⁵. А происходило многое. На основании соответствующих решений стороны создали совместные органы, которые в 1941 г. занимались подготовкой проектов правовых актов для будущей польско-чехословацкой конфедерации. Она должна была положить начало крупному федеративному союзу государств, расположенных между Балтикой и Адриатикой.

Все эти намерения, планы и представления должна была проверить новая ситуация, возникшая после нападения Третьего рейха на Советский Союз и формирования новых отношений между СССР и англосаксонским миром. Лишь тогда должно было стать понятно, какие цели Сикорского и Бенеша достижимы, в частности, был ли шанс реализовать без согласия Москвы идею (хоть и поддерживаемую с самого начала англичанами) создания у западных границ СССР польско-чехословацкой федерации. Сикорский ни тогда, ни позже не собирался спрашивать об этом Сталина, Бенеш, напротив, не представлял себе серьезных шагов в этом направлении без согласия Кремля, который все-таки, по расчетам президента, должен был ему помочь восстановить домюнхенскую республику. Определяя эту задачу как главную, он не мог восстанавливать против себя Сталина и рис-

ковать из-за такого важного — но все же не самого важного — вопроса, каким был проект конфедерации. В свою очередь Сикорский боролся за свободную, цельную и независимую Польшу. В этой борьбе, как и в деле реализации федеративных проектов в Центральной и Восточной Европе, он не видел Сталина в роли союзника. Он, однако, не исключал возможности взаимодействия с СССР в войне с Германией, о чем говорилось в приводившихся уже тезисах правительства конца августа 1940 г.

Одной из важнейших забот правительства, и в особенности генерала Сикорского, был вопрос армии — создания на чужбине регулярных частей Войска Польского. Премьер-министр и главнокомандующий связывал будущее государства, его границ и места в послевоенной Европе с эффективным участием Польши в военных действиях.

Во Франции, на основании договоров от 9 сентября 1939 г. (заключен еще предыдущим правительством) и 4 января 1940 г., создавались польские части⁵⁶. Источники рекрутского набора: представители трудовой эмиграции, проживающие во Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурге, а также интернированные в сентябре 1939 г. в Румынии и Венгрии солдаты. Всего было мобилизовано около 84 500 солдат. В апреле 1940 г. в норвежской кампании активно участвовала польская бригада, оказавшая значительную помощь при взятии Нарвика союзническими войсками. Войско Польское приняло также заметное участие во французской кампании. Первыми в ней стали сражаться воздушные, позднее морские и, наконец, сухопутные силы⁵⁷. Но Франция войну с позором проиграла и подписала акт о капитуляции.

После поражения Франции уцелело немногим более 27 тыс. польских солдат, включая находившуюся в Сирии бригаду, которая не позволила французам себя разоружить и 26 июня перешла в Палестину (позднее она защищала Тобрук в Ливии). Таким образом, потери составили 66 %. Солдаты сражались в очень неблагоприятных условиях, но бились с полной самоотдачей, мужеством и решимостью. Командиры принимали решение о роспуске частей и уничтожении оружия только после того, как все иные возможности выхода из окружения были исчерпаны. Одна из дивизий в полном составе перешла границу со Швейцарией и там была интернирована.

После падения Франции и переезда польских властей в Лондон при весьма ограниченных возможностях рекрутского набора польское правительство заключило 5 августа 1940 г. военный

договор с британским правительством. Его подписали генерал Сикорский, британский премьер-министр Уинстон Черчилль, которые подтвердили желание вести войну с Третьим рейхом до победного конца⁵⁸. Польские сухопутные части образовали 1-й Корпус, задачей которого стала защита части побережья Шотландии⁵⁹.

Польские суда в составе Королевских военно-морских сил в 1940–1941 гг. использовались, прежде всего, для сопровождения конвоев. В мае 1941 г. в Атлантическом океане эсминец «Penguin» принял участие в морском сражении с мощным немецким броненосцем «Бисмарк». Участие в обнаружении, а затем окружении броненосца принесло польскому кораблю заслуженную славу⁶⁰.

Наибольшую роль, однако, сыграли польские летчики во время сражения за Англию. Особо отличился при этом 303-й дивизион истребителей. Его команда 7 сентября 1940 г. установила рекордный показатель сбитых за день самолетов во всей британской истребительной авиации. В сражении за Англию (продолжалось с 10 июля по 31 октября 1940 г.) немецкая авиация потеряла 1733 самолета, из которых польскими летчиками было со всей определенностью сбито 203, еще 35 сбито предположительно и 36 подбито.

В середине сентября в бои включились польские экипажи и бомбардировочной авиации, которые до конца 1940 г. совершили почти 100 вылетов, сбрасывая бомбы на цели врага в оккупированной Франции и Бельгии. 23 марта 1941 г. один из польских дивизионов бомбардировщиков впервые принял участие в налете на Берлин⁶¹.

Не удивительно, что поляки пользовались тогда на Британских островах большой популярностью, а Черчилль называл Польшу первым союзником Великобритании. О Польше с большой симпатией говорили также в США, что Сикорский мог почувствовать во время своего первого визита туда (визит продолжался с 24 марта по 9 мая 1941 г.; позднее их было еще два). Это было одно из важнейших политических событий с момента переезда правительства в Лондон, т.е. с конца июня 1940 г. Сикорский вел продолжительные позитивные переговоры с президентом Франклином Рузвельтом, получил много обещаний и услышал много слов признания. После возвращения в Лондон генерал сообщал совету министров, что, по мнению Рузвельта, польское правительство, «имея за собой Отчизну, не является эмиграционным правительством в плохом смысле». У Сикорского

сложилось впечатление, что в Америке «мы встали сейчас во главу союзников Великобритании», у него не было сомнений, что «удержание этого положения может принести большую выгоду»⁶². Но, как мы помним, оптимизм был характерной чертой польского премьер-министра и главнокомандующего. Его дружеские отношения с Уинстоном Черчиллем и Франклином Рузвельтом могли его убедить, что цели, за которые он боролся, будут достигнуты. А представлял он их следующим образом: 1. Сражаться на стороне противников Третьего рейха и обеспечить Польше участие в окончательной победе; 2. Возвратить ей суверенитет и свободу; 3. Восстановить польское государство в довоенных границах на востоке и юге, получить более выгодную границу с Германией и значительно ослабить западного соседа Польши⁶³; 4. Перестроить отношения в Центральной и Восточной Европе так, чтобы государства этого региона во главе с Польшей могли успешно противостоять Германии и СССР и блокировать в будущем возможные попытки союза этих двух государств⁶⁴; 5. Обеспечить послевоенной Польше безопасное и достойное место в Европе; 6. Не допустить возможного, тогда лишь гипотетического, лидерства Москвы в Центральной и Восточной Европе.

Всего этого Сикорский хотел добиться в теснейшем союзе с Великобританией и предположительно при полной поддержке США. Но уже тогда, т.е. до 22 июня 1941 г., так сформулированные цели Польши, по крайней мере их существенная часть, не могла рассчитывать на поддержку правительства Великобритании, а о позиции США тогда еще немного можно было сказать.

Зато уже вскоре должно было стать понятно, сколь значительную роль при определении степени реальности польских планов сможет сыграть Сталин.

Генерал Сикорский вернулся в Лондон тогда, когда многие следившие за международной ситуацией выдвигали предположения о приближении неминуемого вооруженного конфликта между Германией и Советским Союзом. Сам Сикорский и его министры сначала не принимали эти слухи всерьез, о чем говорили даже в своих публичных выступлениях⁶⁵. Премьер-министр, однако, радикально изменил свое мнение, когда 18 июня встретился с находившимся в Лондоне британским послом в СССР Стаффордом Криппсом. Тот предполагал, что «советско-германский конфликт разразится в ближайшее время»⁶⁶. 19 июня прошло заседание польского Совета министров. Премьер-министр выступил с докладом о ситуации, которая складывается

ся в связи с вероятностью начала советско-германской войны. В заключении доклада Сикорский подвел итог: «Хотя Польша находится в состоянии войны с Россией, в отношении советско-германской войны она будет сохранять нейтралитет». «Разумеется, — говорил он, — Германия останется для Польши врагом № 1». Далее развернулась дискуссия, в которой доминировало неверие в силы Красной Армии. Сикорский придерживался иного мнения. Он говорил, что «по его впечатлению, Красная Армия будет хорошо сражаться против немцев, и даже если не удержит их от похода вглубь России, во всяком случае, быстро сломлена не будет».

В тот же день, 19 июня, премьер-министр в письме президенту Рачкевичу, с которым находился скорее в холодных отношениях, признал, что его последние гипотезы и предположения оказались ошибочными (25 мая в беседе с английским журналистом «Sunday Express» Сикорский сказал, что пока Гитлер не выиграет войну с Британской империей — а он ее не выиграет, — не нападет на Россию). В конце письма Рачкевичу генерал пророчески писал: «Последствия немецкой кампании против России трудно сейчас определить. Они будут гигантскими и станут поворотным пунктом в нынешней войне»⁶⁷. Будущее показало его правоту. Польский премьер-министр и главнокомандующий, однако, не мог предположить, что одним из этих последствий станет невозможность его собственной программы восстановления свободной, целостной и независимой Польши и победа сталинского варианта решения польского вопроса.

Примечания

¹ Наиболее полная, обобщающая картина польской внешней политики 1918–1939 гг. представлена в коллективном обширном труде: *Historia Dyplomacji polskiej*. T. IV. 1918–1939 / Pod redakcją P. Łossowskiego. Warszawa, 1995.

² Ibidem

³ Ibidem

⁴ Ciałowicz J. *Polsko-francuski sojusz wojskowy*. Warszawa, 1970.

⁵ *Historia dyplomacji polskiej*. Op.cit.

⁶ См.: Захариас М. Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сборник статей. Отв. редакторы: Э. Дурачински, А.Н.Сахаров. М., 2004.

⁷ Materski W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1919–1939. Warszawa, 1994.

⁸ Об этом см.: В.Э.Молодяков, Несостоявшаяся ось: Берлин–Москва–Токио. М., 2004.

⁹ См. классическую монографию выдающегося историка из Оксфорда: Bullock A. Hitler. Studium tyranii (английское расширенное издание, 1964, польское издание, 1969, издание без купюр – Warszawa, 1997).

¹⁰ Компетентное изложение этой темы представила недавно в прекрасной монографии о политике Франции по отношению к Польше М. Гмурчик-Вроньская: Gmurczyk-Wroniska M. Polska-niepotrzebny aliant Francji? (Francja wobec Polski w latach 1938–1944). Warszawa, 2004.

¹¹ См.: Bullock A. Hitler i Stalin. Żywoty równoległe (wyd. brytyjskie 1991, polskie Warszawa, 1994).

¹² О месте Польши в политике Кремля в 1939–1941 гг. см. статьи автора: Polska w polityce Moskwy latem 1939 // 17 września 1939. Materiały ogólnopolskiej konferencji historyków w 1993. Kraków, 1994; Польша в политике Кремля 1939–1941 // Война и политика. Сб. статей. Москва, 2001.

¹³ Фундаментальное исследование этого вопроса предложил в своей прекрасной монографии С. Жерко: Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1939. Poznań, 1998.

¹⁴ Łojek J. Agresja 17 września 1939. Studium aspektów politycznych. Warszawa, 1990.

¹⁵ Этот процесс показал в своем обобщающем исследовании международных отношений в 1918–1939 гг. выдающийся историк Х. Батовский: Batowski H. Miedzy dwiema wojnami: 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej. Kraków, 1988.

¹⁶ См. упоминавшуюся монографию М. Гмурчик-Вроньской.

¹⁷ См.: Nurek M. Polska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1936–1941. Warszawa, 1983; Piszczkowski T. Anglia a Polska 1914–1939 w świetle dokumentów brytyjskich. Londyn, 1975.

¹⁸ Цит. по: Duraczyński E. Polska 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999. S.15. Newman S. Gwarancje brytyjskie dla Polski, Marzec 1939 (перевод с английского). Warszawa, 1981.

¹⁹ Цит. по: Duraczyński E. Polska 1939–1945. Op.cit. S.15–16

²⁰ Фундаментальный анализ этого вопроса представил в своей прекрасной монографии Я. Тебинка: Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej 1939–1945. Warszawa, 1998.

²¹ См.: Очерки российской внешней разведки. Том 3. 1933–1941, М., 1997.

²² Kornat M. Polska 1939 roku wobec Paktu Ribbentrop-Molotow. Warszawa, 2002; Dębski S. Miedzy Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. Warszawa, 2003.

²³ См.: Duraczyński E. Polska w polityce Moskwy latem 1939. Op.cit.

²⁴ Детальный анализ договора сделал Я. Тебинка в приводившейся выше монографии.

²⁵ Наиболее значительная работа о сентябрьской войне: *Polskie Siły Zbrojne w II wojnie światowej*. T.1. Cz. 1—4. Londyn, 1951—1986.

²⁶ Об истории этого правительства и его политике см.: Duraczyński E. *Rząd polski na uchodźstwie 1939—1945. Organizacja-Personalia-Polityka*. Warszawa, 1993.

²⁷ О судьбах Польши и ее граждан в годы Второй мировой войны см.: Duraczyński E. *Polska 1939—1945*. Op.cit.

²⁸ *Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów / Redaktor S. Stanisławska*. Warszawa, 1965. S. 110—111.

²⁹ Bloch C. Z zagadnień strategii polityki generała Władysława Sikorskiego w okresie II wojny światowej // Władysław Sikorski-Ignacy Paderewski (red. C. Bloch). Lublin, 1988. S. 40—41.

³⁰ См.: Duraczyński E. *Granice Polski w polityce koalicji antyhitlerowskiej i w polityce polskiej // Kompleks wypędzenia / Red. W.Borodziej, A.Hajnicz*. Kraków, 1998.

³¹ Фундаментальный убедительный анализ места Польши во французской политике в уже упоминавшейся монографии представила М. Гмурчик-Вроньская (см. прим. 10). Из французской исторической литературы следует упомянуть две важнейшие работы: Beauvois Y. *Stosunki polsko-francuskie w czasie «dziwnej wojny»* (перевод с французского). Kraków, 1991; Noel L. De Laval a de Gaulle via Petain. Paris, 2001.

³² M.Gmurczyk-Wroniska. Op.cit.

³³ О ходе и результатах этих переговоров см.: Duraczyński E. *Rząd polski*. Op. cit. S. 53—55. См. также: Hułas M. *Goście czy intruzi? Rząd polski na uchodźstwie, wrzesień 1939 — lipiec 1943*. Warszawa, 1996.

³⁴ Duraczyński E. *Rząd polski*. Op.cit. S. 55—57.

³⁵ Ibid. S. 64.

³⁶ Х. Батовский, известный знаток международных отношений того периода, полагает, что многие тезисы Залеского были следствием заблуждений, а не беспристрастного анализа реальных событий. См.: Batowski H. *Polska dyplomacja na obczyźnie 1939—1941*. Kraków, 1991. S. 76—78.

³⁷ *Sprawa polska*. Op. cit. S. 124 —126, 138—142.

³⁸ См.: Kastory A. *Finlandia w polityce mocarstw 1939—1940*. Kraków, 1993.

³⁹ Duraczyński E. *Rząd polski*. Op. cit. S. 61—62.

⁴⁰ Рада Народова как совещательный орган при президенте и премьер-министре была создана в декабре 1939 г. О ее истории и деятельности см.: Duraczyński E., Turkowski R. *O Polsce na uchodźstwie. Rada Narodowa RP 1939—1945*. Warszawa, 1997.

⁴¹ Ibidem. S. 44—45.

⁴² Об этом подробно и компетентно в своих (уже приводившихся здесь) монографиях пишут Я.Тебинка и М. Гмурчик-Вроньская.

⁴³ Duraczyński E. *Rząd polski*. Op.cit. S. 65.

⁴⁴ Ibidem. S. 80.

⁴⁵ *Sprawa polska*. Op.cit. S. 124.

⁴⁶ Ibidem. S.163–164.

⁴⁷ Об этом писал выдающийся польский специалист по истории нацизма и Третьего рейха Ф.Рышка: Ryszka F. *Prehistoria i ciąg dalszy*. Warszawa, 1982. В целом о политике Третьего рейха в оккупированной Польше см. классическую монографию Ч. Мадайчика: *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce*. T. I–II. Warszawa, 1970.

⁴⁸ Об этом см.: Głowacki A. *Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941*. Łódź, 1998; Лебедева Н.С. *Катынь: преступление против человечества*. М., 1994.

⁴⁹ В польской литературе объективную картину представил выдающийся историк Я. Томашевский: *Tomaszewski J. Czechosłowacja w XX stuleciu*. Warszawa, 1997 и др. публикации.

⁵⁰ Основные работы чешских историков: V. Mamatey, R. Luza (red.). *A History of the Czechoslovak Republic 1918–1948*. New York, 1973; Korbiel J. *Twentieth Century Czechoslovakia: The Meaning of Its History*. New York, 1973; Taborsky E. *Prezident Benes mezi Zapadem a Vychodem*. Praha, 1993; *Edvard Benes czchoslovensky a evropsky politik. Sbornik stati*. Praha, 1994.

⁵¹ *Protokoły posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej / Opracowanie W. Rojek przy współpracy A. Suchcica, red.naukowa M. Zgórnjak*. T. I. Kraków, 1994. S. 82.

⁵² Taborsky E. *Op. cit.* S. 104. О проблеме федерации см.: Kisielewski T. *Federacja Środkowo-Europejska. Pertraktacje polsko-czechosłowackie 1939–1943*. Warszawa, 1991; Zacek R. *Projekt czechoslovensko-polske konfederace v letech 1939–1943*. Olava, 2001. Прекрасный сборник документов, касающихся этих вопросов, подготовили и издали чешские историки: *Czechoslovak-Polish Negotiations of the establishment of Confederation and Alliance 1939–1944*. Editors I. Stovicek, J.Valenta. Prague, 1995. См. также: Дурачинский Э. Владыслав Сикорски и Эдвард Бенеш: к чему стремились, чего достигли // *Славянские народы: общность истории и культуры* / Отв. редактор Б.В.Носов. М., 2000.

⁵³ Kuklik J. *Vznik Ceskoslovenskeho Narodniho Vyboru a prozatimniho Statniho Zrizeni CSR w emigraci w letech 1939–1940*. Praha, 1996.

⁵⁴ Benesz E. *Pameti. Od Mnichova k nove valce a novemu vitezstvi*. Praha, 1947. S. 225–228.

⁵⁵ См.: Duraczyński E. *ZSRR wobec projektów polsko-czechosłowackiej konfederacji* // *Dzieje Najnowsze*, 1997, nr 3.

⁵⁶ Подробности организации армии на территории Франции см.: *Polskie Siły Zbrojne*. T. II. Cz. 1. Londyn, 1959.

⁵⁷ Об этом см.: Biegański W. *Wojsko Polskie we Francji 1939–1940*. Warszawa, 1967.

⁵⁸ *Sprawa polska*. S. 173–176.

⁵⁹ См.: Wawer Z. *Organizacja Polskich Wojsk Lądowych w Wielkiej Brytanii 1940–1945*. Warszawa, 1992.

⁶⁰ См.: *Polskie Siły Zbrojne*. *Op.cit.* T. I. Cz. 1.

⁶¹ Ibidem.

⁶² CM.: Duraczyński E. Rząd polski. Op. cit. S. 95–96s.

⁶³ CM.: Duraczyński E. Granice Polski. Op. cit.

⁶⁴ CM.: Historia dyplomacji polskiej. T. V. 1939–1945 / Red. W.Michowicz.

Warszawa, 1999.

⁶⁵ CM.: Duraczyński E. Rząd polski. Op .cit. S. 96–97.

⁶⁶ Ibidem. S. 97.

⁶⁷ Ibidem. S. 97–98.

Роль К.Г. Маннергейма в размещении немецких войск на территории Финляндии в 1940–1941 гг.

В процессе подготовки фашистской Германией агрессии против СССР существенное значение имело выдвижение ее войск на ближние рубежи к советским территориям на северо-востоке и в Заполярье. С захватом немецкой армией Норвегии весной 1940 г. и подходом к зоне, прилегающей к границе с Советским Союзом, возникал вопрос о выдвижении войск рейха на территорию Финляндии — в Лапландию. В гитлеровской ставке возникла в этой связи идея договориться с финским военным и политическим руководством относительно вступления немецких войск в Северную Финляндию под предлогом «транзитного перемещения» их из Германии в Норвегию и при необходимости в обратном направлении.

Инициативу в осуществлении такой задачи взял на себя Г. Геринг, у которого уже произошло до этого сближение с К.Г. Маннергеймом. Мыслилось в сложившейся ситуации использовать финского маршала при осуществлении задуманного. Чтобы понять, насколько считался надежным такой путь, со-
~~мтемся на оценку отношений между Маннергеймом и Герин-~~

гом, данную финским исследователем академиком Вейо Мерри.
~~В 1934 году, — констатирует он, — в Берлине Маннергейм ре-~~
вольно близко сошелся с Герингом, ближайшим соратником Гитлера. Отношения эти он поддерживал долго. Ездил в Восточную Пруссию охотиться в угодьях Геринга. Геринг во время своего длительного пребывания в Швеции завязал знакомства в высших кругах страны, а в замке графа фон Русена нашел свою возлюбленную и будущую жену. Этот самый фон Русен в 1918 году подарил белой армии Маннергейма ее первый самолет

со свастикой на борту — эта эмблема по приказу Маннергейма вошла в символику и наградные знаки молодой республики. У Маннергейма и Геринга были общие шведские друзья и знакомые. Их отношения нельзя назвать поверхностными и формальными»¹.

В этой связи теперь уже важно коснуться последовательно деталей сближения и сотрудничества Маннергейма с Герингом, чтобы понять причину той определенной уверенности у германского руководства в сделанной ставке на финского маршала при реализации задуманного.

Начало контактов с Герингом положили поездки Маннергейма в Германию для решения вопроса о закупках вооружения для финской армии в 1930-е годы². Будучи председателем Совета обороны Финляндии, маршал придавал особое значение приобретению за рубежом современной авиационной техники. Для этого, кроме Германии, он посетил также Англию и Францию. Пребывание там вышло, как отмечают финские исследователи, явно за рамки чисто интересов, связанных с закупкой вооружения. Находясь в Германии, Маннергейм, по свидетельству историка Стига Ягершельда, «стремился сохранить и расширить отношения, которые у него там были»³. При встрече с Герингом в декабре 1934 г. Маннергейм вел речь прежде всего о приобретении новейших немецких самолетов. Знакомство с этой авиационной техникой заняло у него две недели.

Установленный маршалом контакт с Герингом был основательно закреплен в следующем году, когда от того поступило приглашение вновь встретиться и поохотиться в Восточной Пруссии. «Дипломатическая охота», как выразился Ягершельд, состоялась в конце сентября 1935 г.⁴ Проявляя осторожность, Маннергейм не хотел, чтобы об этом узнали в Советском Союзе⁵.

Маршал был в восторге от оказанного ему внимания, состоявшихся бесед с Герингом и от показанной ему авиационной техники. «Именно благодаря ключевому положению Геринга воздушные силы получили огромное количество денег... — писал Маннергейм в своих воспоминаниях. — Везде я видел только новое и совершенное. Я имел возможность увидеть особенно мощные заводы Юнкерса и Хейнкеля, и мне показали типы самолетов, являвшиеся почти готовыми, которые были более мощными по своему совершенству...»⁶.

Возвратившись в Хельсинки, Маннергейм докладывал обо всем этом руководству страны, что не могло не иметь влияния при определении правительством дальнейшего внешнеполити-

ческого курса. Характерна в этом отношении констатация, сделанная в 1935 г. секретарем английского посольства в Финляндии И. Т. Гендерсоном о том, что финские руководители «с радостью наблюдают, как Германия расширяет экспансию в направлении России...»⁷.

В следующем, 1936 году Маннергейм вновь появился в Германии для «проведения времени» на курорте и занятия охотой, чтобы под видом отдыха легко можно было осуществлять, по словам Ягершельда, «политические контакты»⁸. Не известно, однако, состоялись ли тогда непосредственно встречи с Герингом. Умалчивает об этом в своих мемуарах и сам маршал.

Зато о поездке Маннергейма в Германию в 1937 г. сведений гораздо больше, и свидетельствовали они не только о прогрессировавшем развитии личных контактов с Герингом, но и об осуществлении весьма важных шагов с финской стороны в военно-политическом сближении с Германией. Обращал на себя внимание тот факт, что Маннергейм, находясь осенью 1937 г. в Германии, способствовал осуществлению встречи командующего финской армии генерала Хуго Эстермана с Гитлером. Известный в Финляндии историк Кари Селен отметил в данном случае: «Маннергейм писал из Германии в сентябре 1937 г. Эстерману, что ему следует приехать. Это имело бы значение для поддержания прогерманских отношений»⁹.

Характерно, что, приехав в Германию в марте 1938 г., Эстерман был принят Гитлером, который продолжительное время излагал ему, как надо вести себя по отношению к восточному соседу. «Россия является колоссом, — говорилось им, — который... всегда будет представлять опасность, угрозу для всех северных соседей. Россию нужно разгромить, прежде чем она приобретет такую силу, что ее уже нельзя будет разбить»¹⁰. Показательно, что беседа с Эстерманом происходила вскоре после германского аншлюса Австрии. Тогда уже финская дипломатия хорошо понимала ориентацию, дававшуюся Гитлером командующему финской армии относительно Советского Союза. Посланник Финляндии в Берлине докладывал своему руководству в Хельсинки 7 октября 1938 г., возвращаясь к оценке высказывания Гитлера: «Вне всякого сомнения, сделанное заявление указывает на то, что все силы необходимо напрячь для ослабления этого монстра (т.е. СССР. — Н.Б.) и тогда, совершенно естественно, приблизилось бы время процесса его ликвидации»¹¹.

В Советском Союзе с пристальным вниманием отнеслись к визиту Эстермана в Германию. Биограф Эстермана историк

возникнет война в Восточной Европе, Финляндия «не сможет оставаться нейтральной»¹⁷. Естественно, считалось, что это была позиция неофициального лица, но имевшего большой вес в стране.

Складывавшаяся в целом ситуация в Германии в плоскости ее отношений с Хельсинки выглядела так, что среди приближенных Гитлера явно стала проявляться «кураторская» роль Геринга в связях с Финляндией. При этом акцент делался на взаимодействии его с Маннергеймом, от которого многое зависело в решении ключевых вопросов военно-политического характера. Такой подход проявлялся довольно отчетливо в последующие годы, причем Герингу явно льстило выступать в роли «знатока» североευропейских стран и проводника политики сотрудничества с Финляндией¹⁸.

В условиях кризиса советско-финляндских отношений 1939—1940 гг. и наличия августовских (1939 г.) договоров между СССР и Германией Геринг стал давать рекомендации, как следует поступать финскому руководству в начавшихся переговорах в Москве. Через немецкого сотрудника посольства в Швеции графа К. Армфельта он советовал К. Г. Маннергейму, а также и министру иностранных дел Э. Эркко не доводить дело до конфликта с СССР в решении проблемы о предоставлении ему базы в узкой части Финского залива. Мотивировалось это тем, что если СССР начнет войну, то Германия не сможет оказать помощи Финляндии¹⁹.

Затем в ходе возникшей советско-финляндской войны Геринг стал пытаться внушить финскому руководству мысль о необходимости заключить мир даже при утрате Финляндией части территории. Давалось им прямо понять, что потери будут лишь кратковременными. Беседуя 15 февраля 1940 г. с бывшим финским премьер-министром Т. Кивимяки, Г. Геринг сказал ему, что мир надо заключить даже на тяжелых условиях, а потери можно будет возратить в будущем. Кивимяки в своих мемуарах рассказывал об этом так: «...Геринг получил информацию о моем прибытии (в Берлин. — Н.Б.) и направил машину, чтобы привезти меня в охотничью виллу. Это роскошно обставленное здание, где Геринг находился со своей женой-шведкой, располагалось в нескольких километрах к северу от Берлина. Геринг принял меня дружелюбно... Побуждал финнов побыстрее достигнуть мира. Геринг добавил лишь, что с победой Германии в войне мы получим с лихвой обратно то, что потеряли». Об этом же было передано им за шесть дней до подписания московского мирно-

го договора одному из представителей Швеции (Свену Хейдену)²⁰. Маннергейм, естественно, был осведомлен в данном случае о позиции германского руководства.

Прошло всего пять месяцев после окончания советско-финляндской войны, как в сотрудничестве между Герингом и Маннергеймом наступил новый этап. Он был судьбоносным для Финляндии, поскольку положил начало вовлечению страны в осуществление Германией подготовки агрессии против Советского Союза. Этому финские историки и мемуаристы уделяли особое внимание, указав прежде всего на важный исходный момент: речь шла о *конфиденциальном обращении Геринга к Маннергейму* летом 1940 года²¹. Сам К. Г. Маннергейм рассказало об этом в своих мемуарах так: «Контакты между Германией и Финляндией начались с того, что 17 августа 1940 г. я получил телеграмму от финского посланника в Берлине, в которой меня просили лишь встретить на следующее утро на аэродроме Мальми важного подателя письма... Когда я прибыл на аэродром вместе с министром обороны Вальденом и генерал-лейтенантом Хейнриком, оказалось, что также был приглашен для встречи и министр иностранных дел Виттинг. Прочитав письмо, я изложил его содержание обоим министрам: меня просили принять в тот же день немецкого подполковника Вельтьенса, который получил задание передать послание рейхсмаршала Геринга...

В тот же вечер подполковник Вельтьенс появился у меня дома и передал привет от Геринга. Тот хотел узнать, может ли Финляндия подобно Швеции разрешить транспортировку через свою территорию снабженцев, а также отпускников и больных, следующих в Киркенес (в Норвегию. — *Н.Б.*) и оттуда. К тому же Вельтьенс информировал, что у нас имеется теперь возможность получить военное оборудование из Германии»²².

Далее Маннергейм утверждает, что он не давал положительного ответа на решение вопроса о впуске немецких войск на территорию Финляндии, сославшись на отсутствие у него для этого необходимых полномочий. Но премьер-министр Р. Рюти на послевоенном судебном процессе в Хельсинки по делу о виновниках войны (в 1946 г.) перекладывал свою ответственность на Маннергейма за передачу в Германию утвердительного ответа Герингу. Во всяком случае, как отмечает профессор М. Йокиппи, дискуссия о том, кто сказал окончательное «да» все еще продолжается²³. Геринг же и финский посланник в Берлине получили ответ о согласии на впуск немецких войск в Финляндию под видом «транзита» в Норвегию уже 19 августа²⁴.

Очевидно, Маннергейм прав в том отношении, что именно на уровне государственно-политического руководства требовалось принятие такого рода решения. Но оно, бесспорно, могло стать иным, если бы сам Маннергейм занял позицию отказа от вступления немецких войск на территорию Финляндии. Вообще же, как пишет упоминавшийся уже В. Мери, «после войны в Берлине нашли рапорт Вельтьенса, где он информировал, что обсуждал вопрос переброски войск в том числе и с Рюти»²⁵.

При докладе Герингу после возвращения в Берлин Вельтьенс отразил явную заинтересованность финского руководства в том, что ему предлагалось, имея в виду возможное участие Финляндии в войне против Советского Союза на стороне Германии. Финский историк доктор Хейкки Яланти пишет: «Согласно устному докладу Вельтьенса, Маннергейм и Рюти сказали ему, что с возникновением войны с Советским Союзом Финляндия будет сражаться до последнего человека»²⁶.

Как видно из всего произошедшего, Геринг не ошибался в своих замыслах, адресуя Вельтьенса именно к Маннергейму, видя в нем ключевую фигуру в решении проблемы с Финляндией как важного северо-восточного фланга в войне против СССР. Да и в последующем Маннергейм совершенно определенно взял на себя функции по осуществлению обещанного Герингу.

В качестве ответственного за подготовку конкретного соглашения с Германией и практической реализации его маршал привлек находившегося в отставке генерал-майора Пааво Талвела, который был известен весьма враждебным отношением к Советскому Союзу, показав это в боях в Карелии в 1921—1922 гг. и затем во время «зимней войны» 1939—1940 гг. Назначение Талвела состоялось 21 августа в довольно необычной ситуации. Маннергейм пригласил его на обед, в ходе которого обсуждалась сложившаяся обстановка. Талвела записал в своем дневнике о произошедшем так: «Эта неделя была судьбоносной неделей для Финляндии. Тогда мы сделали поворот, перейдя на сторону Германии»²⁷.

Скрытно, будучи офицером в отставке, Талвела получил распоряжение взаимодействовать с немецкими представителями при проведении переправы из Германии в финские порты Вааса и Оулу тремя группами более 5,5 тыс. войск вермахта²⁸ с использованием соответствующих транспортных средств. Договоренность об этом была оформлена техническим протоколом, который подписали немецкий майор и финский подполковник.

как за спиной финского парламента и без ведома почти всего правительства на территории Финляндии стали высаживаться немецкие войска. Об этом не знал даже министр внутренних дел Э. фон Борн. В свою очередь и Гитлер, как писал профессор М. Йокиппи, «игнорировал собственное министерство иностранных дел и проводил важные решения в жизнь через военное правительство (Геринг — Вельтгенс — Маннергейм)...»²⁹. Затем, лишь 1 сентября 1940 г., было официально подписано германо-финское соглашение о мнимом «транзите» немецких войск.

Роль Талвелы как эmissара Маннергейма в связях с Герингом завершилась выполнением этого задания маршала. Начался этап налаживания взаимодействия в военно-оперативной области. Для этого требовалось установление соответствующих контактов между генеральными штабами Германии и Финляндии. В Хельсинки предполагали, что удастся в данном случае получить необходимую поддержку лично от Геринга, направив его в Берлин для встречи с ним и некоторыми представителями руководства вермахта генерала Талвелу.

Во время первого визита в Германию Талвелы в сентябре 1940 г. ему не удалось по заданию Маннергейма встретиться с Герингом — тот отсутствовал в столице. Не состоялся контакт с Герингом также и в ноябре, хотя предполагалось вручить ему памятную записку, одобренную Маннергеймом. Встречи происходили лишь с некоторыми ответственными военными.

В дальнейшем события развивались так, что Маннергеймом было решено 4 ноября вновь направить Талвелу в Германию³⁰. Через три дня был уже там, но Геринга опять не оказалось на месте, и пришлось ожидать его. Между тем в Берлин приехал представитель для переговоров с Гитлером, одной из проблем в ходе которых сразу стал вопрос о появлении немецких войск в Финляндии.

Талвела тем временем пытался вести соответствующий зондаж, встречаясь с некоторыми из тех лиц, кто соприкасался с ближайшими Гитлера. 20 ноября, беседуя с советником Гитлера по морским делам адмиралом О. Шниевиндом, Талвела сообщил ему, что по поручению Маннергейма имеет задачу проинформировать руководящих деятелей Германии о военном положении Финляндии. «...После того, — сказал он, — как мы получили уже от Германии оружие и немецкие войска продвигаются из Северной Финляндии, мы обретаем смелость, поскольку граница Финляндии неотделима от Германии. В силу этого надо,

чтобы военные проблемы Финляндии интересовали и Германию, особенно в том отношении, где интересы требуют взаимности». При этом Талвела, сославшись на обдумывание Маннергеймом способа защиты Аландских островов, высказал идею, чтобы «немцы оккупировали один из островов Аландского архипелага»³¹.

После этого Талвела 22 ноября возвратился в Финляндию, чтобы доложить о содержании состоявшейся беседы с германским адмиралом. Это он сделал, встретившись с Маннергеймом, а также с Рюти, Вальденом, Виттингом и Хейнриksom. После второй беседы с маршалом тот вновь распорядился направить Талвелу в Берлин.

7 декабря генерал прибыл в Германию, чтобы попасть на прием к Герингу. Там он имел через два дня встречу в финляндском посольстве прежде всего с представителями вермахта, ведавшими разведкой и непосредственно касавшимися в своей деятельности Финляндии. Среди них были генерал-лейтенант К. Типпельскирх, полковник Э. Кинцель, генерал от инфантерии В. Эрфурт.

В это время заканчивалась работа по составлению плана «Барбаросса». За день до подписания его Гитлером (18 декабря) Талвела встретился с начальником генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковником Ф. Гальдером. В итоге беседы с Талвелой тот записал в своем служебном дневнике: «Я просил дать сведения о сроках приведения финской армии в состояние скрытой боевой готовности для наступления в юго-восточном направлении»³². Уже по одной этой записи нетрудно понять, что предусмотренное планом «Барбаросса» участие Финляндии в агрессии против СССР имело уже место в виде предварительного согласия с финской стороны.

Наконец 18 декабря Талвела был принят Герингом в своем рабочем кабинете в присутствии офицера связи между ним и Гитлером генерала К. Боденшатца, а также Вельтьенса. Беседа длилась более часа. Излагая Герингу то, что было согласовано с Маннергеймом до отъезда в Германию, Талвела, в частности, сказал, что «у Германии в конфликте с Россией едва ли есть более естественный союзник, чем Финляндия. Финляндия всегда была противником России, является она таковым также в настоящее время и будет всегда оставаться таковым».

В свою очередь Геринг, говоря об акции Вельтьенса, связанной с его поездкой в Хельсинки, и начавшемся «транзите» немецких войск, с удовольствием констатировал, что Финляндия

ответила положительно, и с этого момента решилась судьба Финляндии. Затем он особо подчеркнул: «После этого Финляндия оказалась в сфере интересов Германии. И Вы, генерал, можете сказать маршалу, что Финляндии больше нечего бояться»³³.

Возвратившись 20 декабря в Финляндию, Талвела доложил Маннергейму о результатах поездки, а уже через два часа после этого информировал президента. Вечером же он в хельсинкском ресторане «Сеурахуоне», находясь в обществе Маннергейма, Вальдена и Хейнрикса, поведал еще раз о своем пребывании в Германии³⁴.

На следующий день в оперативном отделе генштаба Финляндии сочли возможным сделать первые наброски плана участия финских войск в агрессии против Советского Союза³⁵, имея в виду последующие предстоящие контакты с германским военным командованием. Талвела тогда был упоен достигнутым успехом при выполнении тех функций, которые ему поручил маршал как связному с Герингом. В своем дневнике он записал 1 января 1941 г.: «Надеюсь, что наступивший год принесет возможности вместе с Германией разбить русса (презрительная кличка русских. — Н.Б.). Тогда, может быть, осуществится моя давняя мечта о Карелии»³⁶.

Маннергейм же решил уведомить Геринга о своих чувствах признательности ему. Направив 7 января письмо рейхсмаршалу, он выражал благодарность за то, что тот идет навстречу надеждам, выраженным Финляндией³⁷.

Последующие шесть месяцев 1941 г. характеризовались разветывавшейся подготовкой Финляндии к войне в соответствии с планом «Барбаросса».

Так совершенно отчетливо прослеживается роль К.Г. Маннергейма в его деятельности от момента впуска немецких войск на территорию Финляндии до последующего втягивания страны в совместную с Германией агрессию против Советского Союза. Все это является убедительным опровержением существующего в финской историографии мифа о том, что будто бы Финляндия вела в 1941—1944 гг. «обособленную» войну.

Примечания

¹ Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. Перевод с шведского языка. М., 1997. С. 146.

² См. подробно об этом: Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии. СПб., 1997. С. 127–129, 137–139 и 165–167.

³ Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. Hels.-Keuruu, 1973. S. 253.

⁴ Ibid. S. 254.

⁵ Ibidem; Selén K. C.G.E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939. Hels.-Keuruu, 1980. S. 148.

⁶ Mannerheim G. Muistelmat. II. Hels., 1952. S. 59.

⁷ Цит. по: Барышников В. Н. Указ. соч. С. 129.

⁸ Jägerskiöld S. Op. cit. S. 254.

⁹ Selén K. Op. cit. S. 228.

¹⁰ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. London-Washington, 1954. P. 425; Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 66.

¹¹ Цит. по: Барышников В. Н. Эволюция во взглядах Советского Союза на финляндско-германские связи в 1920–1930 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2). СПб., 2001. С. 26.

¹² Hartikainen P. Hugo Österman. Sotaväen päällikkö – rakentaja ja puolustaja. Hels.-Tampere, 2001. S. 197.

¹³ Родина. 1995. № 12. С. 39 (см.: дискуссия за круглым столом в редакции журнала).

¹⁴ Suomi J. Talvisodan tausta. Hels.-Keuruu, 1989. S. 140.

¹⁵ Jägerskiöld S. Op. cit. S. 254.

¹⁶ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. London-Washington, 1953. P. 537.

¹⁷ Suomi J. Op. cit. S. 141.

¹⁸ Menger M. Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 32.

¹⁹ Wuorimaa A. Lähettilänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967. S. 118–119.

²⁰ Kivimäki T.M. Suomalaisten politikon muistelmat. Porvoo-Hels., 1965. S. 127–128; Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. Hels., 1975. S. 110; Menger M. Op. cit. S. 66–67. Среди финских историков дискутируется вопрос о том, принимало ли финское правительство во внимание высказывание Геринга, когда решался вопрос о выходе Финляндии из войны в марте 1940 г. (Ylikangas H. Väkiavallasta sanan valtaan. Hels., 1999; Jokipii M. Mitä Göring tarkoitti helmikuussa 1940? // Kanava, 2000. N 6. S. 373–377).

²¹ См. прежде всего: Jokipii M. Jatkosodan synty. Tutkimuksia Saksan ja Suomen sotilaallisesta yhteistyöstä 1940–41. Hels., 1988 (перевод на русский яз.: Йокипии М. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999); Terä V.M. Tienhaarassa. Syksyn 1940 tapahtumat Barbarossa – suunnitelman tausta vasten. Hels.-Keuruu, 1962; Jalanti H. Suomi puristuksessa 1940–1941. Hels.-Lahti, 1966.

²² Mannerheim G. Op. cit. S. 289.

²³ Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 117.

²⁴ Ibid. S. 115.

²⁵ Мери В. Указ. соч. С. 158.

²⁶ Jalanti H. Op. cit. S. 150.

²⁷ Talvela P. Sotilan elämä. Muistelmat 1. Jyväskylä, 1976. S. 235.

²⁸ Terä V. Op. cit. S. 162.

²⁹ Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 116.

³⁰ См. об этом подробнее: Барышников В.Н. Германо-финляндское военное сотрудничество во второй половине 1940 г. (к вопросу о значении тайных миссий П. Талвелы в Берлин) // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 500–505.

³¹ Talvela P. Op. cit. S. 247.

³² Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 306.

³³ Talvela P. Op. cit. S. 262.

³⁴ Ibid. S. 267.

³⁵ Manninen O. Suur-Suomen ääriäivät. Hels., 1980. S. 33. Профессор О. Маннинен ссылается при этом на карту «Наши возможности нападения», имеющуюся в Военном архиве Финляндии (Sark. N21621/3).

³⁶ Talvela P. Op. cit. S. 267.

³⁷ Reimaa M. Puun ja kuoren välissä. Hels.-Keuruu, 1979. S. 245.

Международная помощь военно-воздушным силам Финляндии в период «зимней» войны 1939–1940 гг.¹

В январе 1940 г. в Хельсинки была направлена приблизительно тысяча американских летчиков. Англия отправила в Финляндию 214 пушек, 101 боевой самолет, 185 тысяч снарядов, 17 700 авиабомб, 10 000 противотанковых мин. Французское правительство не только отправило 179 боевых самолетов, 472 тяжелых артиллерийских установки, 500 пулеметов, 795 тысяч снарядов, 200 тысяч гранат и несколько тысяч комплектов различного снаряжения, но и оказалось первым европейским правительством, начавшим массовый призыв добровольцев на войну против Советского Союза. Кроме Англии, Франции и США помощь Финляндии также оказали Швеция, Норвегия, Италия и Германия.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. М., 1960. С. 264.

Введение

Военно-воздушные силы Финляндии были образованы 6 марта 1918 года и поэтому могут считаться одними из старейших ВВС мира. В 20-х и 30-х гг. XX в. был предложен ряд отчасти противоречивых доктрин применения финских ВВС. В условиях колоссальной промышленной и военной мощи граничащего с Финляндией Советского Союза, быстро развивавшегося по пятилетним планам 30-х гг. прошлого века, обеспечение противовоздушной обороны Финляндии представлялось трудной полнотой задачей. Доступные денежные средства были очень ограниченными, да и финны в большинстве своем не слишком серьезно верили в возможность военных конфликтов.

До середины 30-х гг. прошлого века самолеты авиации ВМФ считались наиболее оптимальными для финского рельефа мест

ности, характеризующегося протяженными береговыми линиями Балтийского моря и финских озер. Зимой самолеты авиации ВМС могли взлетать и садиться на лыжах. Технические отличия гидросамолетов и самолетов наземного базирования считались второстепенными, однако ускоренные темпы развития военной авиации и ее применение в международных конфликтах совершенно отчетливо показали, что самолеты наземного базирования по своим техническим характеристикам намного превосходят гидросамолеты. В качестве боевых средств военно-воздушных сил в основном рассматривались бомбардировщики.

В 1931 г. председателем Национального совета по обороне Финляндии был назначен генерал Маннергейм, который разбирался в вопросах авиации и курировал разработку плана строительства военно-воздушных сил, основной целью которого было создание к 1932 г. 17 эскадрилий, насчитывающих в общей сложности 221 боевой самолет (3 эскадрильи истребительной авиации, 5 эскадрилий авиации поддержки наземных войск, 3 эскадрильи авиации поддержки ВМС и 6 эскадрилий дальней авиации). На тот момент военно-воздушные силы Финляндии располагали только семью частично укомплектованными эскадрильями, в которых насчитывался 81 самолет. Однако из-за сложной экономической ситуации реализация планов даже в сокращенном варианте не представлялась возможной.

В Финляндии, в отличие от множества других стран, значительно более существенное внимание было уделено истребительной авиации. Весьма современной была и тактика применения истребительной авиации, основной тактической единицей в которой выступала маневренная пара истребителей. Как ведущий, так и ведомый действовали по принципу «первым увидел — первым стреляй», что способствовало проявлению личной инициативы.

Лицензии на сборку и эксплуатацию самолетов, приобретенные в 1935 — 1938 гг.

Лицензии на сборку и эксплуатацию самолетов и авиационных двигателей, приобретенные в конце 30-х гг. прошлого столетия, оказали наиболее существенное влияние на развитие военно-воздушных сил Финляндии и финской авиационной промышленности.

Бристоль «Меркурий». Звездообразный двигатель мощностью 840 л.с. (Великобритания). Лицензия на производство двигателей «Меркурий» была предоставлена в 1935 г. компании

Тампелла Лтд. (город Тампере) и сыграла решающую роль при последующем выборе лицензий на самолеты.

Бристоль «Бленхейм». Бомбардировщик с двумя двигателями «Меркурий» (обозначение BL, Великобритания). 6 октября 1936 г. был размещен заказ на 18 бомбардировщиков «Бленхейм». Лицензия на их производство была предоставлена 12 апреля 1938 г., однако до начала советско-финляндской войны ни один самолет поставлен не был.

Фоккер D.21. Истребитель с одним двигателем «Меркурий», выполненный по схеме моноплан (обозначение FR, Голландия). 18 ноября 1936 г. был размещен заказ на 7 и получена лицензия на производство 14 истребителей (в последующем лицензия была расширена на неограниченное количество машин). Первый «Фоккер D.21», собранный в Финляндии, был готов 11 ноября 1938 г. В период между ноябрем 1938 и июлем 1939 г. на государственном авиационном предприятии (VL) в Тампере были собраны две партии истребителей общей численностью 35 машин типа FR. Истребителями «Фоккер D.21» осенью 1939 г. была укомплектована единственная современная эскадрилья истребителей, которые и явились главным авиационным средством в период советско-финляндской войны. Конструктивно «Фоккер D.21» представлял собой весьма надежную и живучую платформу для доставки огневых средств. За период советско-финляндской войны на счету «Фоккер D.21» 130 заявленных побед, 13 потерянных машин (10 в воздушном бою) и 8 погибших в бою летчиков.

Фоккер С.Х. Легкий пикирующий бомбардировщик и самолет-разведчик, выполненный по схеме биплан и оснащенный двигателем «Пегас» (обозначение FK, Голландия). Первый заказ был размещен на четыре самолета, и лицензия на их производство была получена 18 мая 1936 г. Всего в 1938 г. на предприятии VL в Тампере было собрано две партии «Фоккер С.Х», общей численностью 30 машин. За период советско-финляндской войны на счету «Фоккер С.Х» 587 боевых вылетов, 8 потерянных машин и 14 погибших в бою летчиков.

Новая обстановка после подписания пакта

Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г.

С подписанием 23 августа 1939 г. пакта Молотова — Риббентропа геополитическая обстановка вокруг Финляндии резко изменилась. 5 октября 1939 г. Москва пригласила Финляндию принять участие в «конкретных политических переговорах», ко-

которые, однако, 13 ноября 1939 г. были прерваны. Между тем Советский Союз получает военно-воздушные и военно-морские базы в странах Балтии. Уже 6 октября Финляндия объявила мобилизацию своих сухопутных войск для проведения так называемых «*Внеочередных маневров*», выигрывая, таким образом, некоторое время для подготовки.

Закупки самолетов в октябре 1939 г. Осенью 1939 г. Финляндия направила за границу делегации для закупки вооружений (в частности, самолетов и артиллерийских орудий). Однако после 1 сентября 1939 г. многие страны отказывались продавать вооружения. Цены также оказались намного выше, чем ожидалось, — оружие чрезвычайно дорого в цене, когда оно особенно необходимо! Пакт Молотова—Риббентропа серьезно ухудшил традиционные финно-германские торговые отношения, и Германия заблокировала все поставки товаров из враждебных ей стран.

Осенью 1939 г. только Италия была готова продавать боевые самолеты. Несмотря на отсутствие готовых к продаже самолетов положительно на призывы Финляндии отреагировала и Швеция, хотя правительство этой страны тщательно избегало брать на себя официальные обязательства. Единственным открытым маршрутом импорта продукции оставался транзит через территорию Швеции.

Фиат G.50. Истребитель с одним двигателем, выполненный по схеме моноплан (обозначение FA). 23 октября 1939 г. были закуплены 25 итальянских истребителей «Фиат», а 13 января 1940 г. был размещен заказ на дополнительные 10 истребителей «Фиат».

Первые два истребителя «Фиат» были отправлены из Италии 14 ноября 1939 г. по железной дороге через Германию в Швецию, где и была произведена их сборка в городе Мальмо. В декабре 1939 г. эти два истребителя были по воздуху переправлены в Финляндию и выделены для проведения испытательных полетов на предприятии VL в Тампере. Летчиками-испытателями на этих машинах были сбиты два совершавших налет скоростных бомбардировщика СБ.

В начале декабря 1939 г. из-за протестов советского руководства Германия прекратила транзит военного имущества в Финляндию. Шесть истребителей «Фиат», ожидавших в северной Германии поставки в Швецию, были возвращены в Швейцарию, откуда они не спеша все же были переправлены в Швецию. Остальные истребители «Фиат» были морем доставлены из Италии в Швецию, откуда финские летчики по воздуху переправили их в Финляндию, начиная с 11 февраля 1940 г. В ходе поста-

вок два истребителя «Фиат» были утрачены (один из самолетов, который перегонял венгерский летчик-доброволец, исчез над Балтийским морем). Последний «Фиат» прибыл в Финляндию 19 июня 1940 г. Начиная с 15 февраля 1940 г., истребители «Фиат» принимали участие в боевых действиях.

Как и в случае с французскими истребителями «Моран», экипажи советских бомбардировщиков по ошибке принимали «Фиаты» за «Спитфайры». На счету «Фиатов» 13 заявленных побед в воздушных боях. Один истребитель «Фиат» был сбит в бою, два летчика погибли в бою (один из них был итальянским добровольцем).

30 ноября 1939 года. Начало советско-финляндской войны

30 ноября 1939 г. Красная Армия пересекла сухопутную границу с Финляндией на участке свыше 1 000 километров. Корабли советского военно-морского флота блокировали финские порты, а советские военно-воздушные силы нанесли бомбовые удары по финским городам, включая Хельсинки и Виипури (Выборг).

В ходе советско-финляндской войны, продлившейся 105 дней до 13 мая 1940 г., на 690 финских городов и сел было сброшено порядка 100 000 авиационных бомб. В результате бомбовых ударов погибло около 1 000 человек, 540 человек получили тяжелые ранения и 1 300 — легкие. Бомбами было полностью разрушено 157 многоэтажных и 1 800 деревянных домов, еще 700 каменных зданий и 4 100 деревянных домов получили серьезные повреждения.

Международная помощь в период советско-финляндской войны

Швеция

Уже 3 декабря 1939 г. несколько шведских офицеров выступили с предложением об отправке в Финляндию шведского добровольческого корпуса. 8 декабря 1940 г. шведское правительство безвозмездно передало Финляндии восемь снятых с эксплуатации самолетов, которые были незамедлительно переправлены в Финляндию по воздуху. Эти машины не представляли ценности в бою, поэтому были выделены в распоряжение учебных частей, расположенных в тылу.

14 декабря 1940 г. шведское правительство предоставило разрешение на формирование добровольческого авиационного полка, получившего обозначение F 19. На следующий день для этих целей были выделены двенадцать легких бомбардировщиков Хоукер «Харт» и двенадцать истребителей Глостер «Гладиатор» (на самом деле было выделено только четыре «Харта»). Полк был сформирован в короткие сроки и состоял из крыла легких бомбардировщиков, вооруженного преимущественно машинами Хоукер «Харт» (в Эстерсунде), и истребительного крыла, вооруженного машинами Глостер «Гладиатор» (под Стокгольмом). Численность личного состава полка составила порядка 250 военнослужащих, из которых 12 являлись летчиками-истребителями и 9 — летчиками-бомбардировщиками. В качестве района боевых действий полку была выделена Северная Финляндия с ее основной базой в порту Веитсилуото в городе Кеми. Основной задачей, ставившейся перед полком, была авиационная поддержка финских наземных частей и соединений и противовоздушная оборона главных северных городов Финляндии — Оулу, Кеми и Рованиеми. До прибытия полка F 19 в распоряжении финнов не было ни одного истребителя для обеспечения противовоздушной обороны всей северной оконечности Финляндии!

Полк F 19 прибыл в Кеми 10 января 1940 г. Уже через два дня силами полка был совершен налет на советскую военно-воздушную базу в Маркаярви (восточнее Кемиярви). К сожалению, три из четырех «Хартов» не вернулись (два были потеряны в результате столкновения в воздухе, а один сбит советским «И-15 бис»). Три летчика смогли добраться до финской границы, два попали в плен, и один был убит. После первого боевого задания, которое, несмотря на потери, отчетливо показало, что превосходство Советского Союза не является чем-то непревзойденным, летчики из полка F 19 смело и решительно участвовали и в других боях, особенно против бомбардировщиков.

В феврале 1940 г. стало ясно, что полку F 19 нужны еще самолеты, лучшего качества. Средства на новые самолеты были пожертвованы городами и промышленными предприятиями Финляндии, а также некоторыми частными лицами в Швеции. Во второй половине февраля 1940 г. для полка F 19 шведским Королевским авиационным комитетом были заказаны в Италии двенадцать истребителей «Фиат CR 42», выполненных по конструкторской схеме биплан. Истребители надеялись получить в

течение месяца, однако «Фиаты CR 42» прибыли в Швецию только по окончании советско-финляндской войны.

Между тем современные истребители уже поступили в саму Финляндию, и финские ВВС с этого момента уже не были заинтересованы в бипланах итальянского производства. Были выделены соответствующие денежные средства на закупку в США самолетов типа «Брюстер», и «Фиаты», таким образом, достались шведским военно-воздушным силам.

Параллельно с закупкой истребителей «Фиат» шведский Королевский авиационный комитет решил приобрести у Италии до 40 бомбардировщиков для авиационного полка F 19. 29 февраля было достигнуто предварительное соглашение на немедленную поставку 12 бомбардировщиков «Савоя». Шведские военно-воздушные силы также планировали переброску в полк F 19 тяжелых бомбардировщиков В 3 («Ю-86») для ударов по стратегическим объектам в районе Мурманска. 11 марта в Вастерас была сформирована группа бомбардировщиков и проведены соответствующие подготовительные работы в порту Вейтсилуото. После заключения мирного договора двумя днями позже шведская бомбардировочная группа была расформирована и все планы о закупке в Италии бомбардировщиков рухнули. Поскольку все бомбардировщики, рассматривавшиеся для вооружения полка F 19, были довольно старыми, шансы проникнуть без существенных потерь в хорошо защищенное воздушное пространство Мурманска были весьма и весьма низкими.

На счету полка F 19 девять заявленных побед в 464 боевых заданиях. За время боевых действий полк потерял два «Гладиатора» (один из них непосредственно в бою) и три «Харта». Три летчика погибли (из них двое непосредственно в бою), и двое попали в плен (оба вернулись в Финляндию в мае 1940 г.). По окончании советско-финляндской войны все самолеты полка F 19 вернулись в Швецию (за исключением одной машины «Юнкерс F.13 переданной финским военно-воздушным силам).

Формирование авиационного полка F 19 – уникальное явление в практике международной помощи в период советско-финляндской войны. Полностью автономное подразделение вело самостоятельные боевые действия, опираясь на собственную материально-техническую поддержку и тыловое обеспечение, оставаясь независимым от и без того недостаточных финских ресурсов. Как техника, так и личный состав были полностью приспособлены к действиям в условиях арктического климата.

Все это позволяло финским ВВС концентрировать основные усилия на южном направлении.

Фактически все шведские авиастроительные заводы и авиационные мастерские также занимались сборкой итальянских, британских, французских и американских самолетов для Финляндии. Без этих усилий финские ВВС, очевидно, не импортировали бы ни одного самолета в период этой короткой военной кампании — практически все поставки самолетов шведским ВВС (также ощущавшим нехватку в современных машинах!) задерживались на несколько месяцев.

Ряд высших офицеров военно-воздушных сил Швеции периода 50-х — 60-х гг. прошлого столетия являлись ветеранами авиационного полка F 19. В их числе четыре генерала, командиры авиационных крыльев и начальник медицинской службы ВВС. Боевой опыт полка F 19 также сыграл важную роль в процессе выработки доктрины применения шведских ВВС в период «холодной войны».

Страны-союзники (Англия, Франция, Польша)

Англия

3 декабря 1939 г. посланник Финляндии в Лондоне Г.А. Грипенберг получил соответствующие инструкции для немедленной закупки 30 самолетов: «Всего три дня спустя после начала войны, в воскресенье 3 декабря, я получил приказ о немедленной закупке 30 самолетов типа «Спитафайр», «Харрикейн» или «Гладиатор»... После полученного разрешения на закупку 30 «Гладиаторов» сразу и 10 аналогичных машин некоторое время спустя мне были переданы инструкции касательно закупки «Гонтлетов» в количестве от 25 до 30 машин, но они уже были проданы Южной Африке. Когда этот заказ был одобрен, мне поставили задачу запросить 24 бомбардировщика «Бленхейм». Так оно и продолжалось, день за днем». Хотя Грипенберг и был опытным и искусным дипломатом и впоследствии — в 1955 г. — стал первым постоянным представителем Финляндии в Организации Объединенных Наций, он был абсолютно некомпетентен в вопросах закупки боевых самолетов.

Страны-союзники ожидали быстрого падения финской оборонительной системы, и заинтересованность в поставках в Финляндию вооружений, в частности самолетов, была довольно низкой. Однако как только была зафиксирована неожидан-

ная решимость финнов противостоять советским войскам и как только несколько советских дивизий оказались зажатými в финских лесах, мнение союзников резко изменилось.

Планы союзников оказать Финляндии помощь приобрели более конкретное наполнение после того, как 14 декабря 1939 г. Советский Союз был исключен из Лиги Наций, когда странам-участницам было поручено предоставить Финляндии всестороннюю поддержку. 19 декабря 1939 г. Англия и Франция начали составлять планы военной помощи финнам.

Глостер «Гладиатор». Истребитель, выполненный по конструкторской схеме биплан (обозначение GL). Уже 5 декабря 1940 г. британское правительство пообещало поставить в Финляндию 20 «Гладиаторов». Неделью спустя — 12 декабря — Гриппенберг подписал договор с «Глостер Эйркрафт К°» (Великобритания избегала подписания договоров между финнами и британскими государственными организациями, «чтобы не провоцировать Советский Союз»). Двадцать самолетов Глостер «Гладиатор» должны были быть поставлены незамедлительно. Стоимость сделки составила 80.000 фунтов стерлингов. Некоторое время спустя Финляндии были безвозмездно переданы еще 10 машин этого типа. Все самолеты поставлялись с баланса ремонтных частей королевских ВВС. Однако несмотря на многократные просьбы Финляндии, только месяц спустя «Гладиаторы» были морем отправлены в Берген, а оттуда по железной дороге — в Линкопинг, где и была произведена их сборка британскими и шведскими техниками. В период с 18 января по 18 февраля 1940 г. летчики финских ВВС перегнали самолеты в Финляндию.

Оперативное применение «Гладиаторов» в юго-восточной части Финляндии закончилось уже 29 февраля 1940 г., когда арктическая база Руоколаhti подверглась внезапному налету советских истребителей, в результате чего финны понесли тяжелые потери. Оставшиеся в строю «Гладиаторы» были переданы в разведывательные эскадрильи.

В период советско-финляндской войны на счету самолетов Глостер «Гладиатор» было порядка 700 боевых заданий и 37 заявленных побед. Всего было потеряно 14 машин, 11 из которых непосредственно в бою. Погибли семь летчиков.

Хоукер «Харрикейн». Истребитель с одним двигателем, выполненный по схеме моноплан (обозначение HC). 9 января 1940 г. Финляндией в адрес Великобритании был направлен повторный официальный запрос о поставке «минимум 30, а если возможно, 60 «Спитфайров» или «Харрикейнов». По вопросу о

поставке в Финляндию «Спитфайров» англичане заняли жесткую отрицательную позицию, однако продолжали вести переговоры относительно истребителей типа Хоукер «Харрикейн» (однако с низкими боевыми возможностями). Несмотря на то, что против поставки «Харрикейнов» в Финляндию выступали Королевские ВВС, 24 января 1940 г. министр авиации Великобритании сэр Кингсли Вуд заявил, что Финляндия может произвести закупку «двенадцати, но не шестидесяти «Харрикейнов».

Двенадцать машин типа Хоукер «Харрикейн» были выделены для этих целей 2 февраля 1940 г. (договор между послом Гримальдом и компанией «Глостер Эйркрафт К°» был заключен 7 февраля 1940 г.). Самолеты были не новыми — их сняли с хранения на базах Королевских ВВС — и дорогими (цена за одну машину составила 9.785 фунтов стерлингов при стоимости с завода в 6000—7000 фунтов стерлингов!). С 25 февраля 1940 г. «Харрикейны», за штурвалами которых сидели малоопытные летчики, по воздуху перегонялись в Финляндию через территорию Норвегии и Швеции. Один из самолетов был поврежден в Шотландии, и его пришлось оставить. Другой потерпел катастрофу в Норвегии во время перегоночного полета. Десять машин совершили посадку в Финляндии в период между 8 и 10 марта, — слишком поздно, чтобы принять участие в советско-финляндской войне.

Бристоль «Бленхейм» (обозначение BL). Накануне Рождества 1939 г. министерство авиации Великобритании приняло решение о продаже Финляндии 12 самолетов Бристоль «Бленхейм» Mk.IV («лонг-ноуз») общей стоимостью 264000 фунтов стерлингов. 17 января 1940 г. самолеты были переданы финским экипажам, которые прибыли в Англию в начале января 1940 г. Поскольку бомбовые держатели не были переоборудованы под бомбы финского производства, также была произведена закупка 1500 британских авиационных бомб калибра 120 фунтов (около 54,4 кг). По причине неудачного расположения бомбовых держателей самолет мог нести только 5 бомб, что составляло половину штатной бомбовой нагрузки.

Перегоночные полеты через территорию Норвегии и Швеции на самолетах Бристоль «Бленхейм» совершали финские летчики. Посадку 21 января 1940 г. совершили десять машин. Один бомбардировщик был потерян над Северным морем, прилет еще одного был задержан по причине аварии в Швеции. Он прибыл 31 мая 1940 г.

В феврале 1940 г. министерство авиации Великобритании выделило вторую партию из двенадцати самолетов Бристоль «Бленхейм», на этот раз в модификации Mk.I («шорт-ноуз»). Хотя самолеты этой партии были сняты с хранения на складах авиационной группы непосредственной поддержки воздушного боя Королевских ВВС, сделка все же была заключена с компанией «Бристоль Эропланс К°» на общую сумму 240000 фунтов стерлингов. Вся партия была доставлена своим ходом через территорию Норвегии и Швеции английскими экипажами. 26 февраля самолеты совершили посадку в Юве.

На счету всех партий самолетов Бристоль «Бленхейм» в период советско-финляндской войны 423 вылета на боевые задания, в которых было потеряно 12 машин, в том числе в бою — 7. В общей сложности погиб 21 летчик. Один летчик попал в плен. Пулеметчиками «Бленхейм», как заявлено, были сбиты 5 советских истребителей.

Глостер «Гонтлет». Истребитель и учебно-тренировочный самолет, выполненный по конструкторской схеме биплан (обозначение GA). Двадцать девять (из обещанных 30!) машин типа Глостер «Гонтлет» были переданы на безвозмездной основе Южной Африкой и реально выделены в конце декабря 1939 г. Эти самолеты были сняты с хранения на складах королевских ВВС Великобритании. Двадцать четыре машины в учебно-тренировочной модификации были доставлены в деревянной таре морем в Готенбург. Девять самолетов были собраны в Линкопинге и переправлены своим ходом в Финляндию в период между 10 марта и 12 апреля 1940 г. Остальные 15 машин прибыли в Финляндию морем в мае 1940 г.

Вестленд «Лайсандер». Самолет-разведчик, выполненный по схеме высокоплан (обозначение LY). По данным Грипенберга, поставка 70 машин Вестленд «Лайсандер» была утверждена 19 января 1940 г. вслед за подписанием 8 января заказа на 17 «Лайсандеров». 24 февраля 1940 г. морем в Готенбург были отправлены 9 самолетов этого типа, откуда после сборки они своим ходом перегонялись в Финляндию в период между 21 марта и 3 мая 1940 г.

Вторая партия из восьми самолетов Вестленд «Лайсандер» должна была перегоняться в Финляндию британскими летчиками через территорию Норвегии. Однако 5 марта в Финляндии совершили посадку лишь две машины (один самолет потерпел катастрофу в Норвегии). Таким образом, в Финляндии оказались только одиннадцать самолетов. По данным Грипенберга,

5 марта в Финляндию были отправлены еще 70 «Лайсандеров», однако ни одна машина из этой партии к месту назначения не прибыла.

Блэкберн «Рок». Пикирующий бомбардировщик, оснащенный одним двигателем (обозначение RO). 28 декабря 1939 г. в Англии был размещен заказ на 50 пикирующих бомбардировщиков, оснащенных одной, и 15 пикирующих бомбардировщиков, оснащенных двумя двигательными установками. 25 января 1940 г. финнам пообещали 33 машины типа «Рок» или 20 машин типа «Скуа» и 13 машин типа «Рок». В марте 1940 г. несколько самолетов типа «Рок» (с уже нанесенными краской условными обозначениями финских ВВС!) были подготовлены к перегону британскими летчиками из Шотландии в Швецию, куда 8 марта должны были отправиться финские летчики для обеспечения дальнейшего перелета этих машин в Финляндию. Однако с заключением 13 марта 1940 г. мирного договора все планы по поставкам самолетов из Англии были отменены, и ни одна из машин типа «Рок» в Финляндию переправлена не была.

Польское правительство в изгнании

После того, как 19 декабря были сформулированы англо-французские планы оказания помощи Финляндии, генерал Сикорский (премьер-министр польского правительства в изгнании) выступил с предположением о том, что участие польских солдат на стороне финнов может способствовать признанию Финляндией польского правительства в изгнании.

Вопрос о польской помощи пришелся весьма кстати и французам. После состоявшейся 22 января 1940 г. встречи генерала Денена (главы французской военной миссии при польском правительстве) с генералом Зайцем (командующим армейской авиацией, а в марте 1940 г. — командующим ВВС Польши) было принято решение об отправке в Финляндию польской добровольческой эскадрильи под командованием майора Кепинского.

В начале 1940 г. в Финляндию прибыли не менее 7000 человек личного состава ВВС Польши, из которых порядка 650 были опытными летчиками. На призыв пойти добровольцем в «финскую эскадрилью» (укомплектованную 30 летчиками и 30 авиационными техниками) многие откликнулись с энтузиазмом, и было получено порядка 150 заявок. 12 февраля 1940 г. польскому военному атташе в Стокгольме было поручено дать согласие на

детали боевого применения польских военно-воздушных сил на территории Финляндии.

В общей сложности финнам было обещано 80 истребителей типа «Кодрон С.714», выполненных по конструкторской схеме моноплан и предназначенных, по-видимому, как для оснащения польской добровольческой эскадрильи, так и для поставок непосредственно в военно-воздушные силы Финляндии.

Новости о заключении мирного договора от 13 марта 1940 г. были получены в ходе боевой подготовки и обучения польской эскадрильи в Лионе, и все планы об оказании помощи Финляндии были отменены. В это время шесть самолетов «Кодрон» уже находились на пути в Финляндию. Еще десять ожидали переправки в порту Гавр, и еще три истребителя направлялись из Парижа в Гавр.

В Финляндию в конце мая 1940 г. упакованными в деревянную тару прибыли только шесть «Кодронов», при этом они оказались абсолютно непригодными к применению в финских условиях в силу их слабого вооружения, а также значительной длины разбега и длины пробега. Уже в сентябре 1940 г. все «Кодроны» вынуждены были сесть, поэтому способность польской добровольческой эскадрильи оказать финнам сколь бы то ни было значительную помощь является весьма спорной.

Франция

Моран-Солнье «MS.406». Истребитель, выполненный по схеме моноплан, оснащенный одним двигателем (обозначение MS). В конце декабря 1939 г. Францией были безвозмездно переданы Финляндии 50 «Моранов», однако в Финляндию прибыли только 30 машин. Эти самолеты отправлялись в деревянной таре в город Мальмо (Швеция). После сборки в Мальмо французскими и шведскими техниками в период с 4 по 29 февраля 1940 г. «Мораны» по воздуху перегонялись в Финляндию финскими летчиками. Для получения этих самолетов в Сакиле (юго-западная часть Финляндии) была сформирована новая истребительная эскадрилья. По портовым городам в этом районе (особенно Турку, но также Пори, Усикаупунки, Мариехамн) уже наносились бомбовые удары советскими бомбардировщиками, взлетавшими с военно-воздушных баз в Эстонии. Поэтому здесь ощущалась острая нехватка в надежной противовоздушной обороне, обеспечиваемой перехватчиками.

По-видимому, появление «Моранов» явилось полной неожиданностью для советских бомбардировщиков, которые понесли достаточно тяжелые потери в боях со «Спитфайрами». Во время советско-финляндской войны французские истребители ни разу правильно не опознавались. Это можно объяснить тем, что по своим очертаниям «Моран» отчасти напоминает «Спитфайр», а также тем, что Советский Союз мог обладать данными разведки о попытках Гриппенберга произвести закупки «Спитфайров».

7 марта 1940 г. несколько «Моранов» были переброшены в юго-восточную часть Финляндии для ударов по наземным целям частей Красной Армии в заливе Виипури (Выборгский залив).

На счету машин «Моран-Солнье» 14 заявленных побед в воздушных боях и 288 боевых вылетов в период советско-финляндской войны. Один из «Моранов» был сбит огнем артиллерии ПВО Выборгского залива; летчик, управлявший машиной, был ранен.

Потэ 633. Пикирующий бомбардировщик, оснащенный двумя двигательными установками. 12 марта 1940 г. во Франции была сформирована Авиационная группа французских добровольцев в Финляндии. На вооружение группы планировалось поставить 12 бомбардировщиков «Потэ 633», три истребителя «Блош» и один транспортный самолет «Девуатин 338». Некоторое время спустя также планировалось сформировать отдельные истребительные подразделения, вооруженные самолетами «Моран 406» и «Кулховен FK.58».

Уже накануне 10 бомбардировщиков «Потэ 633» и транспортный самолет «Девуатин 338» вылетели в Тангмер (Англия), чтобы взять затем курс на Финляндию через норвежский Ставангер и шведский Вастерас. После заключения мирного договора эти самолеты были возвращены из Англии во Францию, а все дальнейшие действия отменены.

«Кулховен FK.58». Истребитель. Для возможного расширения боевых возможностей Авиационной группы французских добровольцев в Финляндии была предусмотрена возможность выделения Финляндии 46 истребителей «Кулховен FK.58» голландского производства из состава военно-воздушных сил Франции.

Соединенные Штаты Америки

«Брюстер» В.239. (Обозначение BW). В октябре 1939 г. военный атташе Финляндии в Соединенных Штатах Америки полков-

ник П. Зиллиакус навел справки о поставках в Финляндию американских истребителей. С началом советско-финляндской войны единственной возможной альтернативой оставалось малоизвестное предприятие «Брюстер». Поскольку американское законодательство запрещало продажу любого военного имущества и снаряжения, находящегося в собственности правительства США, возможные сделки приходилось заключать с частными компаниями.

Премьер-министр Финляндии Р. Рюти и финский посланник в Вашингтоне Х. Прокопе обратились к президенту США Рузвельту с предложением о продаже Финляндии 100 строящихся для ВВС США истребителей еще до их фактической поставки в части военно-воздушных сил Соединенных Штатов (когда самолеты еще будут формально оставаться в собственности предприятий-производителей), ссылаясь на прецедент 1927 г., когда компанией «Кертисс К°» Советскому Союзу были проданы авиационные двигатели (первоначально заказ на эти двигатели был размещен правительством США, позже они были заменены более современными двигателями «Кертисс».)

Применив подобную схему, 16 декабря 1939 г. Финляндия произвела закупку 44 истребителей «Брюстер F2A-1» на общую сумму 3,4 миллиона долларов США (машины собирались для военно-морских сил США, которые позже получили на вооружение более новые F2A-2). Первая партия самолетов была отправлена из Нью-Йорка 13 января 1940 г. Поставка истребителей «Брюстер» осуществлялась в деревянной таре морем в норвежский порт Берген, откуда машины по железной дороге доставлялись в шведский Тролльхаттан, где и производилась их сборка американскими, шведскими, норвежскими, английскими и финскими техниками. В период с 1 марта по 1 мая 1940 г., когда в Финляндии сели восемь «Брюстеров», машины перегонялись своим ходом из Тролльхаттана финскими летчиками.

Для участия в советско-финляндской войне «Брюстеры» прибыли слишком поздно, однако им суждено было стать лучшими боевыми самолетами финских военно-воздушных сил в первые два года финской кампании 1941–1944 гг.

Германия

После подписания пакта Молотова – Риббентропа Германия практически перестала оказывать Финляндии помощь и поддержку, что вызвало у финнов весьма горькие чувства, поскольку Германия традиционно считалась партнером Финляндии.

В начале декабря 1939 г. Германия пресекла поставку из Италии истребителей «Фиат G.50», и машины, уже подготовленные к отправке в Финляндию, были возвращены Италии.

Частные пожертвования

«Дуглас DC-2». Переконструированный под бомбардировщик транспортный самолет, оснащенный двумя двигательными установками (обозначение DC). Один «DC-2» в пассажирском варианте был приобретен шведским летчиком гражданской авиации Каунтом С.Г. вон Розеном у своего бывшего работодателя, голландского авиационного коммерческого предприятия KLM, и безвозмездно передан Финляндии. После того как машина была переконструирована для несения бомбовой нагрузки, 19 декабря 1940 г. она была передана финским военно-воздушным силам. Каунт вон Розен лично принимал участие в одном из боевых вылетов по ночному бомбометанию.

«Кулховен FK.52». Двухместный самолет разведчик, конструктивно выполненный по схеме биплан и оснащенный одной двигательной установкой (обозначение KO). Каунтом С.Г. вон Розеном были также закуплены и переданы Финляндии на безвозмездной основе два самолета «Кулховен FK.52». Начиная с 4 марта 1940 г. эти машины использовались для выполнения заданий по обеспечению морской разведки.

Несколько гражданских самолетов были переданы в дар Финляндии неправительственными организациями и частными лицами из Англии и Швеции. Эти машины, среди которых были «Фоккер F.VIII», «DH 86» и устаревший пассажирский самолет «Юнкерс F.13» (предназначенный по большей части для выполнения санитарных функций), а также ряд легких самолетов, таких, например, как «Бич 17», «Вако», «Рааб-Катценштейн RK-26», в военном отношении не представляли никакой ценности.

Трофеи (бывшие советские самолеты)

24 советских самолета, по вынужденным обстоятельствам совершившие посадку на территории Финляндии, были подвергнуты ремонту и введены в эксплуатацию в составе финских военно-воздушных сил. Однако до 13 марта 1940 г. реально передать ВВС Финляндии удалось лишь три бывших советских самолета, один из которых был дальним бомбардировщиком «ДБ-3» (машина совершила посадку в Хаухо 29 января 1940 г. и

месяцем позже была введена в эксплуатацию) и два истребителя «И-15 бис». Все три самолета вошли в состав учебной эскадрильи. В период с 1939 по 1944 г. финские военно-воздушные силы имели в своем распоряжении в общей сложности 103 бывших советских самолета.

Производство самолетов и их техническое обслуживание

До начала Второй мировой войны промышленность Финляндии ощущала нехватку высокотехнологичных производственных мощностей практически по всем направлениям. Таким образом, получение новых лицензий на производство самолетов и авиационных двигателей существенно повысило технический уровень финской промышленности. Хотя такая компания, как «Бристоль К°» и сомневалась в возможности производства авиационных двигателей и самолетов по лицензии на территории Финляндии, осенью 1939 г. в Финляндии уже полным ходом шла сборка современных истребителей типа «Фоккер», бомбардировщиков «Бленхейм» и авиационных двигателей «Меркурий».

Авиатехнический состав финских ВВС подтвердил способность производить комплексное техническое обслуживание и ремонт поврежденных в боевых действиях самолетов. В вопросах технического обслуживания новых машин финским специалистам помогали их иностранные коллеги, хотя несовместимость новой техники и создавала колоссальные трудности практического характера. За короткий период советско-финляндской войны Финляндия получила 16 различных видов боевых самолетов, оснащенных 12 различными двигателями и 11 различными радиостанциями. Даже похожие по внешнему виду системы оказывались несовместимыми, например, несмотря на то, что истребители «Брюстер» и «Фиат» были вооружены пулеметами калибра 12,7 мм, боеприпасы, тем не менее, не были взаимозаменяемыми! Помимо этого лишь немногие самолеты были приспособлены к ведению боевых действий в условиях отрицательных температур Арктики, что и обусловило необходимость создания широкого спектра модификаций.

Вполне возможно, что под воздействием усилий по борьбе с нестандартным оборудованием времен советско-финляндской войны генеральный конструктор государственного авиационного предприятия VL в Тампере, дипломированный инженер Эдвард Вежелиус принял решение посвятить свою дальнейшую

судьбу промышленной стандартизации. В итоге в 1960-е гг. Ве-
желиус стал председателем Международной организации по
стандартизации (МОС).

Людские ресурсы

Наиболее острой проблемой в январе — феврале 1940 г., ког-
да в Финляндию стали прибывать новые самолеты, стала про-
блема нехватки квалифицированных летчиков. Перегоночные
полеты из Англии и (или) Швеции совершались зачастую лет-
чиками с недостаточной профессиональной подготовкой. По
счастливному стечению обстоятельств в перегоночных полетах
было потеряно всего несколько машин. Новые и еще неизве-
данные самолеты поднимались в бой практически сразу по их
прибытии в Финляндию, буквально после одного — двух озна-
комительных полетов, без обычного в таких случаях переучива-
ния. Небольшое подразделение летчиков-испытателей было за-
креплено за предприятием VL, и его личный состав принял уча-
стие в обеспечении противовоздушной обороны города Тампере
на всех способных вести сколь бы то ни было равный бой само-
летах.

В целях формирования новых эскадрилий применялась по-
литика «прореживания» действующих. Весьма спорным оста-
ется вопрос о том, насколько долго можно было справляться с
проблемой нехватки летного состава в весенний период, когда
продолжительность светового дня увеличивалась. В условиях
большого количества разных видов самолетов авиатехнический
состав также сталкивался с колоссальными трудностями. От-
нюдь не облегчали боевые будни и повторяющиеся передисло-
кации эскадрилий на временные базы на замерзших озерах.

Помимо хорошо организованного шведского полка F 19 ог-
ромное количество добровольцев обращались в финские дипло-
матические миссии в разных странах с просьбой о зачислении
на службу в военно-воздушные силы Финляндии. В большинст-
ве своем эти добровольцы были не приспособлены к финским
климатическим условиям и, вполне естественно, не владели
финским языком. Многие из них не обладали достаточным лет-
ным опытом и требовали дополнительного внимания со сторо-
ны финских инструкторов. Лишь немногие добровольцы могли
быть допущены к службе в боевых эскадрильях.

Остальные отправлялись в различные учебные подразделе-
ния и в основном представляли ценность лишь в плане выпол-

нения «пропагандистских» функций. Большинство добровольцев, обладавших достаточным уровнем базовой подготовки, выделялись в состав авиагруппы LLv 22, оснащенной в марте 1940 г. машинами типа «Харрикейн» и «Брюстер». Сформированная недалеко от Лахти в самые последние дни советско-финляндской войны и просуществовавшая очень короткий период времени, эта эскадрилья получила название «иностранный легион» финских ВВС. Она насчитывала четыре иностранных офицера из числа летного состава и десять военнослужащих сержантского состава — представителей десяти различных национальностей. Авиатехнический состав авиагруппы LLv 22 был также интернациональным.

К сожалению, многие из иностранных летчиков пропали во время выполнения первых ознакомительных полетов над покрытыми снегом финскими лесами и замерзшими озерами. Весьма частыми были катастрофы при взлете и посадке на заснеженные и обледеневшие взлетно-посадочные полосы.

Однако можно привести и другие примеры:

- На счету семи датских летчиков, служивших на истребителях «Фоккер» и «Гладиатор», в общей сложности, как заявлено, семь сбитых советских самолетов. Четверо датчан погибли в бою.
- Один итальянский летчик-истребитель погиб в бою, управляя машиной «Фиат G.50».
- Два венгерских летчика-истребителя проходили службу на машинах «Фиат G.50». Один венгерский летчик пропал над Балтийским морем во время перегонного полета из Швеции.
- Помимо авиационного полка F 19 некоторые шведские летчики проходили также службу в эскадрильях финских военно-воздушных сил и приняли участие в нескольких боевых заданиях.
- В связи с поставками различных новых самолетов заводские летчики-испытатели и авиатехники также направлялись в Швецию для осуществления контроля за сборкой и испытанием самолетов в летных условиях. Большинство этих опытных специалистов позже вернулись в Финляндию для обучения своих финских коллег. Конечно, они не были «добровольцами» в прямом смысле этого слова и не шли ни в какое сравнение с аналогичными специалистами из вышеуказанной группы.

Большинство добровольцев покинули Финляндию весной — летом 1940 г. Некоторые граждане Великобритании уехали позже. Они оставались в Финляндии вплоть до лета 1941 г., когда и были интернированы. Краткий обзор об участии иностранных добровольцев в составе финских военно-воздушных сил в период советско-финляндской войны представлен в Приложении 4.

Начальная подготовка за рубежом

В период советско-финляндской войны, как и следовало ожидать, подготовка летчиков для нужд финляндских военно-воздушных сил была ускорена. Начальная (невоенная) летная подготовка была обеспечена гражданскими авиационными клубами Швеции и Норвегии.

В январе 1940 г. в Швецию были направлены курсанты летного факультета колледжа ВВС Финляндии. Некоторое время спустя вторая группа курсантов была направлена в Норвегию. Шведские учебные курсы были организованы в Эскильстуне в период с 11 февраля по 9 апреля 1940 г., однако с получением шокирующих известий о подписании 13 марта мирного договора энтузиазм как курсантов, так и инструкторов значительно уменьшился. После германского вторжения в Данию и Норвегию 9 апреля обучение было прервано, и финны вернулись домой.

Вторая группа курсантов летного факультета колледжа ВВС Финляндии прибыла в норвежский Стейнсфьорден всего за несколько дней до подписания 13 марта 1940 г. мирного договора. После 9 апреля были прерваны и норвежские курсы. Некоторые финны рассматривали возможность вступления в ряды норвежских вооруженных сил для участия в войне с Германией, однако после некоторых раздумий все финны вернулись домой.

Летом 1940 г. ряд офицеров военно-воздушных сил Норвегии (в том числе и легендарный Оле Рейстад) хотели даже организовать в Финляндии ответные норвежские курсы по подготовке летчиков. В итоге Оле Рейстад основал в Канаде городок Литл Норуэй («Маленькая Норвегия»), где норвежские летчики проходили подготовку для участия в боях против Люфтваффе в составе эскадрилий Королевских ВВС Великобритании.

Наступательные планы в марте 1940 г.

1 февраля 1940 г. финскому полку бомбардировочной авиации LeR 4 была поставлена задача с помощью самолетов типа

«Бленхейм» провести разведку советских военно-воздушных баз в Эстонии. Данная боевая задача была повторно поставлена 10 февраля, когда министр иностранных дел Финляндии также выступил с предложением о нанесении бомбового удара по советской военно-морской базе Лиепая в Латвии.

24 февраля 1940 г. в предвидении вмешательства стран-союзниц представителям Англии и Франции были переданы подробные сведения о состоянии военно-воздушных баз в Юго-Западной и Северной Финляндии, а также подробные сведения об обстановке в Ленинградской области.

В начале марта 1940 г. были разработаны подробные планы вмешательства стран-союзниц. Финский посланник в Лондоне Грипенберг находился на постоянной связи с министром иностранных дел Великобритании лордом Галифаксом и просил о «немедленной поставке в Финляндию ста бомбардировщиков». 6 марта Грипенберг был, наконец, проинформирован о решении поставить в Финляндию 36 «Бленхеймов» (3 эскадрильи). Количество самолетов было ограничено по оценкам финских возможностей в части получения помощи. Как полагалось, Финляндия была способна получить немедленно лишь 12—20 машин. Остальные должны были быть поставлены позже.

9 марта 1940 г. лорд Галифакс сообщил Грипенбергу, что, если Финляндия сорвет мирные переговоры с Советским Союзом, Англия поставит финнам 50 бомбардировщиков. Эти машины будут доставлены в Финляндию своим ходом летчиками Королевских ВВС Великобритании немедленно после того, как Финляндия обратится с официальным заявлением об оказании военной помощи. Восемь самолетов поднимутся в воздух в течение четырех дней, а остальные 42 машины — в течение восьми дней. Британские летчики, участвующие в перегоночных полетах, вернутся в Англию, однако позже в Финляндию будут направлены экипажи бомбардировщиков из числа добровольцев. Галифакс подчеркнул, что на обращение за помощью у Финляндии остается всего три дня, после чего бомбардировочная группа будет расформирована, поскольку она должна срочно привлекаться к действиям в некоем другом месте.

Однако обращение Финляндии за помощью так и не последовало, и мирный договор, подписанный 13 марта 1940 г. в Москве, изменил ход истории. Больше британские или французские самолеты в Финляндию не поставлялись.

Весьма маловероятно, что обещанная помощь союзническими бомбардировщиками была бы предоставлена вовремя для

оказания существенного влияния на исход советско-финляндской войны, поскольку очевидно, что на момент подписания мирного договора финские сухопутные войска находились на грани развала. Параллельно с планами вмешательства в ход советско-финляндской войны союзники также намеревались нанести бомбовые удары по советским нефтяным скважинам в Баку. Готовность Советского Союза пойти на мир с Финляндией была, очевидно, продиктована знанием планов союзников, включая планы интервенции Финляндии и планы бомбардировок Баку.

Заключение войны 13 марта 1940 г.

Мирный договор был подписан в ночь с 12 на 13 марта

~~и все планы союзников по интервенции сразу рухнули.~~

Находившиеся уже в Швеции самолеты были в конечном итоге поставлены в Финляндию, однако машины, ожидавшие поставки во Франции и Англии, в Финляндию так и не прибыли. Краткий отчет по самолетам в части, касающейся обещаний и реальных поставок авиационной техники, приведен в Приложении 3. Меньше половины от более чем 400 обещанных самолетов на деле были поставлены в Финляндию, причем большая их часть прибыла слишком поздно, чтобы принять участие в боевых действиях. За исключением шведской эскадрильи F 19, большинство добровольцев (количество которых было намного менее «тысячи американских летчиков», упомянутых в «Истории Великой отечественной Войны»!) реально не представляли никакой практической ценности для военно-воздушных сил Финляндии и были, по сути, обузой!

Провалившиеся планы стран — союзниц по интервенции привели к горячим спорам как во Франции, так и в Великобритании. Уже 12 марта премьер-министр Франции Эдуард Даладье, выступая в Палате депутатов, заявил: «В Финляндию было поставлено 175 самолетов». Бывший премьер-министр Франции Леон Блюм, исповедовавший левые убеждения, возразил ему, что только «30 истребителей «Моран» и десяток бомбардировщиков «Потэ 63» реально были отправлены из Франции в Финляндию», кроме этого «несколько самолетов типа «Кодрон» и «Кулховен» получили экспортные лицензии». На следующий день Даладье предпринял еще одну попытку отстоять свою позицию: «бомбардировщики «Потэ» наверняка вовремя достигли Финского фронта» (на самом деле ни один бомбардировщик

«Потэ» не прибыл в Финляндию!). Французское общественное мнение в равной степени обвиняло как финское правительство за отсутствие обращения за помощью, так и правительство Швеции, которое заняло негативную позицию в отношении транзита союзнических войск. 20 марта правительству Даладье был высказан вотум недоверия, после чего правительство ушло в отставку.

В Великобритании планы интервенции обсуждались в Парламенте 19 марта. Премьер-министр Чемберлен представил свои планы по оказанию помощи Финляндии и подвергся жесткой критике со стороны оппозиции (в особенности со стороны представителя консервативной партии Харольда Макмиллана, будущего премьер-министра Великобритании).

Посланник Трипенберг в своих воспоминаниях подводит следующий итог рассуждениям Чемберлена:

«С момента начала войны и до 1 марта я затребовал в общей сложности 214 самолетов всех видов. В своей речи (19 марта. — *Авт.*) Чемберлен выступил с обещанием, что британское правительство поставит нам 152 самолета и уже направило 101. Эти цифры почти верны. На самом деле британцы направили нам 102 самолета, но один (истребитель «Харрикейн». — *Авт.*) получил серьезные повреждения при выкатывании из ангара на военно-воздушной базе в Шотландии, и еще одна машина потерпела катастрофу по пути в Норвегию. (Самолет «Бленхейм», которым управлял финский летчик, пропал в районе между Шотландией и Норвегией, в то время как один «Лайсандер» и один «Харрикейн» потерпели катастрофу в Норвегии. В Финляндию прибыли 98 британских самолетов. — *Авт.*)

Однако выступление Чемберлена с обещанием британского правительства поставить 152 самолета расходится с цифрами, которые я лично получил от британских официальных лиц, поскольку, как я заметил и о чем проинформировал мое внешнеполитическое ведомство, нам пообещали 187 самолетов (30 машин типа «Гладиатор», 30 машин типа «Гонтлет», 12 машин типа «Бленхейм», 70 машин типа «Лайсандер», 33 машины типа «Рок» и 12 машин типа «Харрикейн»).

Я не знаю, каким образом Чемберлен вышел на цифру 152, однако, принимая во внимание тот факт, что его речь должна была отстаивать позицию правительства, мне представляется весьма вероятным, что кто-то из одного из ведомств попросту забыл включить в это количество еще 35 обещанных самолетов. (На самом деле Финляндии было обещано 199 самолетов, и Трипенберг за-

была о второй партии машин из 12 «Бленхеймов»; помимо этого в одном из мест в его книге есть упоминание об обещании еще 30 машин типа «Гладиатор». — Авт.)

Премьер-министр также настаивал на том, что «все было сделано» для отправки самолетов с «минимальной задержкой». Однако создается впечатление, что только двадцать восемь машин были отправлены сравнительно вовремя, чтобы прибыть в Финляндию до заключения мира. К тому же, существуют сомнения относительно того, все ли самолеты совершили посадку в Финляндии, поскольку некоторые машины вышли из строя на территории Норвегии или Швеции и для продолжения перелета требовался их ремонт.

Насколько оправданным можно считать выражение «с минимальной задержкой», лучше всего показывают следующие факты:

5 декабря 1939 г. мне сообщили о том, что британское правительство согласилось предоставить нам 20 «Гладиаторов», а несколькими днями позже было получено одобрение на выделение еще 10 машин. 12 декабря я подписал договор о купле-продаже и выплатил восемьдесят тысяч фунтов. Не все самолеты были поставлены в срок до 21 января, а запасные части к ним к и не были отправлены до 5 марта. (Все 30 «Гладиаторов» прибыли в Финляндию. — Авт.)

Тридцать «Гонглетов» (в модификации истребитель и учебно-тренировочный самолет. — Авт.) были выделены в наше распоряжение в районе Рождества 1939 г. К 13 февраля были отправлены только два из них, и еще два подготовлены к отправке. 5 марта была отправлена новая партия из девяти самолетов с 25 ящиками запасных частей (в Финляндию прибыли 24 «Гонглета». — п.).

19 января 1940 г. мы получили подтверждение на 70 «Лайсанюв», из которых 2 были запланированы к поставке до 13 февраля. Тридцать самолетов были отправлены 5 марта (в Финляндию прибыли только 11 «Лайсандеров». — Авт.).

4 февраля нам обещали 33 самолета типа «Рок». Из этого количества 10 машин были отправлены 6 марта («Роки» в Финляндию так и не прибыли. — Авт.).

24 декабря нам официально предоставили 12 самолетов типа «Бленхейм» в так называемой модификации «лонг-ноуз», которые 1 января были заменены на модификацию «шорт-ноуз». 24 февраля состоялся перелет этих машин в Ставангер (Грипенберг, очевидно, ошибается в своих заметках: «Бленхеймы» как в модифика-

ции «лонг-ноуз», в количестве 12 единиц, так и в модификации «шорт-ноуз», также в количестве 12 единиц, были своим ходом переправлены в Финляндию, из них реально прибыли 23 машины. Один самолет пропал в районе между Шотландией и Норвегией. — Авт.).

24 января 1940 г. я заключил договор на поставку 12 «Харрикейнов». Из 12 машин шесть вылетели в Швецию 25-го и еще шесть — 27 февраля (В Финляндию прибыли 10 «Харрикейнов». — Авт.).

Как британские, так и французские газеты в своих новостях о союзнической помощи оперировали абсолютно вымышленными цифрами, особенно накануне окончания войны. Сегодня не представляется возможным установить источники подобного рода информации, однако сам факт ее публикации не мог не вызывать сожаления, поскольку способствовал формированию у широкой общественности в целом оптимистичной, а потому неправильной картины того, что с нами сделали западные державы. Помимо этого в ~~большинстве своем люди не знали, что военная помощь оказывалась не безвозмездно, и за нее приходилось платить.~~ большинство своем люди не знали, что военная помощь оказывалась не безвозмездно, и за нее приходилось платить.

Однако при размышлении на тему о том, как в действительности работало пылкое желание британского народа предоставить нам свою помощь, необходимо помнить о том, что западные державы сами не были достаточно вооружены — в то время немногие знали об этом. Западным державам стоило думать о том, что тлеющие во Франции угольки войны могли в любое время вспыхнуть пламенным пожаром. Однако это отнюдь не означает, что критика в адрес правительства Чемберлена в британском Парламенте, которую можно суммировать в выражении «слишком мало и слишком поздно», была обязательно увеличена».

Военно-воздушные силы Финляндии после советско-финляндской войны

После войны с учетом полученного боевого опыта была проведена реорганизация финляндских военно-воздушных сил, а также пересмотрены вопросы боевой подготовки и тактика применения авиации. К лету—осени 1940 г. были готовы боевому применению новые эскадрильи, вооруженные самолетами, поставленными весной 1940 г. Были увеличены производственные и ремонтные мощности, и к лету 1941 г. F

Финляндии оказались на вершине своей относительной боевой мощи.

На своем опыте финляндские ВВС осознали, насколько сложно верить обещаниям иностранных государств оказать помощь. Отныне полностью приветствовались собственная техническая выучка и независимость от зарубежных поставок. В период финской кампании 1941-1944 гг. иностранные добровольцы к службе в военно-воздушных силах Финляндии, как правило, не допускались (исключение было сделано для двух левых).

Эпилог

Расстрел гражданского пассажирского самолета «Калева» 14 июня 1940 г.

Несмотря на все попытки наладить нормальные отношения со своим бывшим противником, руководство Финляндии отмечало непрерывное политическое давление со стороны Москвы весной 1940 г. Здесь и отказ согласиться с налаживанием сотрудничества Финляндии с Швецией, и проблемы с новой линией государственной границы, с возвращением военнопленных, репарации, проблема концессии по производству никеля в Петсамо, транзитное сообщение с военно-морской базой Ханко и т.д. Основная масса трудностей скрывалась от широкой общественности и была известна лишь нескольким представителям официальной финской власти.

Однако 14 июня 1940 г. произошло событие, которое изменило отношение к Советскому Союзу как со стороны официальных лиц, так и со стороны общественности Финляндии. В этот день пассажирский самолет Юнкерс «Ю-52 Калева» (регистрационный код ОН-ALL) финского главного перевозчика компании «Аэро Ой» был сбит советским самолетом над Финским заливом. Гражданский пассажирский самолет совершал плановый полет в Хельсинки рейсом 1631 и был атакован парой бомбардировщиков военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота через несколько минут после взлета из аэропорта города Таллинна. Все девять человек, находившихся на борту самолета, — два члена экипажа (финские летчики) и семь пассажиров — погибли. В числе пассажиров находились пять дипломатов (два немца, два француза и

один американец), шведский предприниматель и женщина-эстонка.

Этот ничем не спровоцированный инцидент, сопоставимый только лишь со сбитым 1 сентября 1983 г. на Дальнем Востоке корейским «Боингом», так и не был официально признан Советским Союзом, правительство которого не принесло извинений.

Трагедия самолета «Калева» была явно связана с советской оккупацией стран Балтии в середине июня 1940 г. Было ли это проявлением готовности СССР любыми способами воспрепятствовать утечке дипломатической информации из «своей сферы влияния» или расстрел гражданского пассажирского самолета был совершен по ошибке блокадными силами? Если верно первое предположение, то какая нежелательная информация могла находиться на борту самолета? Несколько вализ с дипломатической почтой были выловлены боевыми кораблями ВМФ Советского Союза и доставлены в Кронштадт, однако тайна об их содержимом так и не была раскрыта.

В период советско-финляндской войны сухопутные войска Финляндии получили от вооруженных сил Эстонии и Латвии ценные разведывательные сведения, в частности данные радиоперехвата, которые в значительной степени облегчили задачу разгрома нескольких советских дивизий. Являлись ли дипломаты возможными носителями разведывательной информации? И могло ли это послужить причиной для расстрела гражданского пассажирского самолета?

Ни одна из стран, представителями которых были погибшие дипломаты (стран противоборствующих!), не заявила протест, равно как ни одна из них не устанавливала с советскими властями никаких контактов по поводу данного инцидента. Финским властям представили лишь тщательно выверенные в формулировках запросы о проведении расследования. Германия молча выплатила денежные пособия родственникам своих погибших граждан.

Об инциденте с самолетом «Калева» за пределами Финляндии быстро забыли. Главным мировым событием 14 июня 1940 г. стало вступление германских войск в Париж. Хотя точные причины трагедии самолета «Калева» и были скрыты от широкой финской общественности, каждый с волнением понимал, что написано между строк официального сообщения: «пассажирский самолет «Калева» потерпел катастрофу, причиной которой послужил внешний взрыв, не связанный с какими-либо уста-

новленными техническими неполадками. Все, кто был на борту самолета, погибли».

Финляндию опять оставили одну — второй раз за период менее одного года.

Приложения

Численный состав и дислокация военно-воздушных сил Финляндии по состоянию на 30 ноября 1939 г.

Части и соединения	Боевая задача	Вооружение	Передислокация
Авиационный полк LeR 1 (1 авиаполк)	Авиационная поддержка сухопутных войск, ведение ближней разведки		Иматра
Авиационная группа LLv 10 (10-я эскадрилья)		12 FK	Лаппеенранта
Авиационная группа LLv 12 (12-я эскадрилья)		13 FK	Суур-Мерийоки (Виипури)
Авиационная группа LLv 14 (14-я эскадрилья)		4 FK, 7 FO	Лаикко и Какисалми
Авиационный полк LeR 2 (2-й авиаполк)	Истребительная авиация		Иммола
Авиационная группа LLv 24 (24-я эскадрилья)		36 FR	Иммола, Лаппеенранта и Суур-Мерийоки
Авиационная группа LLv 26 (26-я эскадрилья)		10 BU	Хейнйоки и Раулампи
Авиационный полк LeR 4 (4-й авиаполк)	Бомбардировочная и разведывательная авиация дальнего действия		Йороинен

Авиационная группа LLv 44 (44-я эскадрилья)		8 BL	Йоройнен
Авиационная группа LLv 46 (46-я эскадрилья)		6 BL	Луонетярви
Отдельные части			
Авиационная группа LLv 16 (16-я эскадрилья)	Авиационная поддержка сухопутных войск, ведение ближней разведки	9 RI	Вартсила
Авиационная группа Lentue/LLv 16 (16-е звено /эскадрилья)		5 JU	В процессе перевода
Авиационная группа LLv 36	Военно-морская разведка	6 RI	Каллвик (Хельсинки)
Итого		116 самолетов	

Численный состав и дислокации военно-воздушных сил Финляндии по состоянию на 1 марта 1940 г.

Части и соединения	Количество исправных самолетов	Количество неисправных самолетов	Передислокация
Авиационный полк LeR 1			
Авиационная группа LLv 10	4 FK	1 FK	Таипалсаари
Авиационная группа LLv 12	3 FK, 6 GL	1 FK, 2 GL	Коннунсуо
Авиационная группа LLv 14	3 FK, 6 GL		Илмее
Авиационная группа LLv 16	4 RI	1 FO, 2 FK	Вартсила
Авиационная группа 3/LLv 16	5 FO, 1 JU		Кулунталаhti
Авиационный полк LeR 2			
Авиационная группа LLv 22	4 BW		Холлола
Авиационная группа LLv 24	10 FR	14 FR	Йоутсено
Авиационная группа LLv 26	10 FA	4 FA	Утти
Авиационная группа LLv 28	21 MS	4 MS	Сакила

Авиационный полк LeR 4			Йороинен
Авиационная группа LLv 42	12 BL		Юва
Авиационная группа LLv 44	4 BL	2 BL	Йороинен
Авиационная группа LLv 46	6 BL	1 BL	Луонетярви
Отдельные части			
Авиационная группа LLv 36	3 RI, 2 KO, 1 VP		Малми (Хельсинки)
Авиационная группа T-LLv 39	2 JU	1 JU	Мариехамн
Авиационный полк F19	8 GL, 1 HH	3 GL	Кеми
Итого	117 само- летов	36 само- летов	

**Поставки самолетов в Финляндию
в период советско-финляндской войны**

Виды самолетов	Количе- ство обе- щанных само- летов	Количе- ство при- бывших само- летов	Дата прибытия
Италия			
Фиат G.50» (обозначение FA, истребитель)	35	33	2 машины до 2 января 1940 г., 30 машин в период с 11 февраля по 12 марта 1940 г., одна машина 19 июня 1940 г.
Швеция			
«Яктфальк» (обозначение JF, учебно-тренировочный самолет)	3	3	15 декабря 1939 г.
Бристоль «Бульдог II» (обозначение BU, учебно-тренировочный самолет)	2	2	15 декабря 1939 г.
«Фоккер C.VE» (обозначение FO, разведывательный самолет)	3	3	23 декабря 1939 г.

Глостер «Гладиатор» (обозначение GL, истребитель)	12	12	Авиаполк F19, 10 января 1940 г.
Хоукер «Харт» (обозначение HH, легкий бомбардировщик)	4	5	Авиаполк F19, 10 января 1940 г. Замена одного «Харта» 15 февраля 1940 г.
Фиат CR.42 (истребитель)	12	–	Предназначались для авиаполка F19.
Итого по Швеции	36	25	
Англия			
Глостер «Гладиатор» (обозначение GL, истребитель)	30 (60)	30	В период с 18 января по 18 февраля 1940 г.
Хоукер «Харрикейн» (обозначение HC, истребитель)	12	10	В период с 8 по 10 марта 1940 г.
Бристоль «Бленхейм Mk.IV» (обозначение BL, бомбардировщик)	12	11	10 машин 21 января 1940 г., одна машина 31 мая 1940 г.
Бристоль «Бленхейм Mk.I» (обозначение BL, бомбардировщик)	12	12	26 февраля 1940 г.
Глостер «Гонтлет» (обозначение GT, учебно-тренировочный самолет)	30	24	В период с 10 марта по 17 мая 1940 г.
Вестленд «Лайсандер» (обозначение LY, разведывательный самолет)	70	11	В период с 5 марта по 3 мая 1940 г.
Блэкберн «Рок» (легкий бомбардировщик)	33	–	
Итого по Англии	199 (229)	98	
Франция			
«Кодрон С.714» (обозначение CA, истребитель)	70	6	В период с 24 по 28 мая 1940 г.
Моран-Солнье «MS.406» (обозначение MS, истребитель)	50	30	В период с 4 по 29 февраля 1940 г.

«Потэ 633» (бомбардировщик)	12	—	
«Кулховен FK.58» (истребитель)	46	—	
Итого по Франции	178	36	
Соединенные Штаты Америки			
«Брюстер В.239» (обозначение BW, истребитель)	44	44	В период с 1 марта по 1 мая 1940 г.
Частные пожертвования			
«Дуглас DC-2» (обозначение DC, транспортный самолет)	1	1	Январь 1940 г.
«Кулховен FK.52» (обозначение KO, самолет-разведчик)	2	2	18 января 1940 г.
«Фоккер F.VIII» (транспортный самолет)	1	1	12 октября 1940 г.
DN 86 (транспортный самолет)	1	1	5 февраля 1940 г.
«Юнкерс F.13» (транспортный самолет)	1	1	Авиаполк F19, 10 января 1940 г.
«Рааб-Катценштейн RK-26» (самолет связи)	1	1	Авиаполк F19, 9 февраля 1940 г.
«Бич 17» (самолет связи)	1	1	1 марта 1940 г.
«Вако» (самолет связи)	1	1	Авиаполк F19, 2 февраля 1940 г.
Итого по частным пожертвованиям	9	9	
Итого истребителей	301 (331)	165	
Итого бомбардировщиков и самолетов-разведчиков	110	19	
Итого бомбардировщиков	36	23	
Итого боевых самолетов	447 (477)	207	

Итого учебно-тренировочных самолетов	35	29	
Итого транспортных самолетов и самолетов связи	7	7	
Трофейные советские самолеты	24	3	3 бывших советских самолета были выделены в состав финских ВВС до 13 марта 1940 г., оставшиеся 21 в 1940–1941 гг.

Иностранные добровольцы в финляндских военно-воздушных силах в период советско-финляндской войны (помимо личного состава финского авиационного полка F 19)

Страна	Летчики и воздушные стрелки, всего	Летчики и воздушные стрелки в боевых эскадрильях	Авиационные техники, всего	Авиационные техники в боевых эскадрильях
Австралия	2			
Бельгия	3	1		
Канада	9	5		
Англия	36	2	22	10
Дания	16	13	8	2
Франция	2	2	4	4
Голландия	1			
Венгрия	2	2		
Ирландия	1			
Италия	3	1	11	11
Норвегия	2	1	6	5
Португалия	1	1		
Польша	1	1	11	3
Испания	2	1		

ия мо лич- состава олка F19)	13	11	9	9
цария	1	1		
их фин- нацио- ости	18 1	6 5	7	1
	103	48	78	45

ые обозначения типов самолетов:

Бристоль «Бленхейм»
 Бристоль «Бульдог»
 «Брюстер В.239»
 «Кодрон С.714»
 «Дуглас DC-2»
 «Фиат G.50»
 «Фоккер С.Х»
 «Фоккер С.V»
 «Фоккер D.21»
 Глостер «Гладиатор»
 Глостер «Гонтлет»
 Хоукер «Харрикейн»
 Хоукер «Харт»
 «Яктфальк»
 «Юнкерс F.13», «Юнкерс К.43»
 «Кулховен FK.52»
 Вестленд «Лайсандер»
 Моран-Солнье «MS.406»
 Блэкберн «Рипон»
 Ильюшин «ДБ-3»

ые источники

нты военного архива Финляндии (Sota-arkisto) и архива
 истерства иностранных дел Финляндии (Ulkoministeriön
 to)

- Геуст К.-Ф. Тайны продолжительной войны // Авиация и космонавтика. 1997. № 11 – 12.
- Петров П. КБФ и Прибалтика в июне 1940 г.: По материалам оперативного планирования Балтийского флота // Kaleva 65 year seminar 14.06.2005, Finnish Military Academy, 2005.
- Тайны подводной войны. Вып. 7. Львов, 2001.
- Хохлов П.И. Над тремя морями. 1-е издание. М., 1982; 2-е издание. Ленинград, 1988.
- Arnesen, Odd. Grøne vingar over Norge. Widerö's Flyselskap A/S 50 år. Haugesund (Norway), 1984.
- Berg, Åke. Att flyga Fiat G.50 // Flyghistoriskt Månadsblad. 1983. № 4.
- Berg, Åke. Resa genom Europa 1940 // Svensk Flyghistorisk Tidskrift. 1998. № 4.
- Berg, Åke. Rapport från Finland // Svensk Flyghistorisk Tidskrift. 1000. № 1.
- Berg, Åke. Finska krigsflygarveteraner tackar Sverige // Svensk Flyghistorisk Tidskrift. 2000. № 3.
- Blue-White Book of Finland, Vol.2. Helsinki 1941 (документы советской политики в период с марта 1940 г. по июнь 1941 г.).
- Belcarz, Bartłomiej. GC 1/145 in France 1940. Sandomierz (Poland), 2002.
- Bjuggren, Björn. Svenska flygare i österled. Stockholm, 1942.
- Buffotot, Patrice. Le projet de bombardement des pétroles soviétiques du Caucase en 1940 // Revue Historique des Armées. 1979. No. 4.
- Buffotot, Patrice. L'aide aérienne à la Finlande (novembre 1939 – mars 1940) // Revue Historique des Armées. 1980. No. 4.
- Clauson Kaas, Knud. Et liv i luften. København, 1940.
- Cynk Jerzy B. The Polish Air Force at War, Vol.1 1939-1943. Atglen, USA. 1998.
- Falk, Greger. F 19 – en krönika. Uddevalla, 1989.
- Forsslund, Mikael. J 11 – Fiat CR 42. Lund, 2001.
- Geust C-F., Tirkeltaub, S., Petrov, G. Red Stars Vol.5 – Baltic Fleet Air force in Winter War. Hämeenlinna, 2004.
- Geust, C-F.: Sovjet sköt ned Kaleva // Hufvudstadsbladet. 1988. 6 aug. (На английском языке: Siivet. 1990. № 2-3; краткое изложение на русском языке см. статьи А. Присяжного в «Эхо планеты». 1991. № 43; И. Копилова в Истории авиации. 2001. № 3).
- Geust, C-F. Lentokoulu Norjassa talvisodan aikana // Ilmailumuseoyhdistyksen tiedote. 1990. № 1.
- Geust, C-F. A Small Nation and Air Power // Finland, Air Power. Doctrine and Technology, Linköping 1996. См. также: Forsvarsstudier (Oslo). 1997. № 6.

- Geust, C-F. F 19 enligt ryska källor // Ikaros-Flygvapenmusei årsbok. Linköping, 1997.
- Gripenberg, G.A. Finland and the Great Powers. Lincoln (USA), 1965.
- Keskinen, Kalevi; Stenman, Kari. Suomen Ilmavoimien Historia, Vol. 1 (*Brewster*), Vol.3 (*Fokker D.21*), Vol. 4 (*Morane-Saulnier MS.406*), Vol. 7 (*Soviet Fighters*), Vol. 8 (*Fiat G.50*), Vol.9 (*Soviet Bombers*), Vol. 10 (*Blenheim*), Vol. 12 (*British Fighters*), Vol. 13 (*Dive Bombers*), Vol. 17 (*LeR 2*), 1985 – 2004.
- Laaksonen, Lasse. Todellisuus ja harhat. Kannaksen taistelut ja suomalaisten joukkojen tila talvisodan lopussa 1940. Helsinki, 1999.
- Lehtonen Kai R. Trollhättan 55 vuotta myöhemmin // Feeniks. 1995. № 4.
- Lehtonen Kai R. Yhtä ja toista Carl Cugnascasta // Feeniks. 1998. № 1.
- Lehtonen Kai R. Kuinka monta Brewsteriä // Feeniks. 1998. № 1.
- Lehtonen Kai R. Brewstereiden muistotaulu Trollhättaniin // Feeniks. 2000. № 2.
- Levaki, Jukka. The Appeal that was Never Made – The Allies, Scandinavia and the Finnish Winter War 1939-1940. London, 1976.
- Ördström, Carl-Gustaf. Brev från en som var med // Flyghistoriskt Månadsblad. 1982. № 7–8.
- Reinholt-Jensen, Edvard; Ole Reistad. “The Spirit of Little Norway”, Oslo, 1986.
- Sari, Risto. Talvisota ilmassa. Porvoo, 1971.
- Selén, Jukka. Lentäjän näkökulma. Vol.2 and 4. Forssa, 1993; 1998.
- Selén, Eino. Vapaaehtoisia vaivaksi asti // Suomen Ilmailuhistoriallinen Lehti. 1996. № 1.
- Selén, Eino. Vapaaehtoisia vaivaksi asti // Suomen Ilmailuhistoriallinen Lehti. 1996. № 1.
- Sjöholm, P.Ö. Finner i transitt // NFF-Kontakt. 1981. № 2.
- Sjöberg, Nils Flygplansleveranser till finska Vinterkriget // Flyghistoriskt Månadsblad. 1981. № 7-8.
- Sjöström, K.J. Ruotsin ryhmä/SotaOhjaajaKurssi 2 Eskilstunassa 11.2.-9.4.1940 // Feeniks. 1994. № 4.
- Sörbom, Gerd R. Hitler und Finland 1939-1941. Wiesbaden, 1978.
- Sörbom, Jörn. Döden har vinger. Köbenhavn, 1941.
- Stenman, Robert A. Aces Wild. 1941.

Исследование

Исследование осуществлено при поддержке Шведского культурного фонда в Финляндии.

Вильнюс во власти Литвы 1939–1940 гг: внутренние и внешние аспекты

Определение задачи

Не будет преувеличением сказать, что вильнюсский вопрос был одним из основных факторов в развитии межвоенного международного кризиса в целом и особенно той его части, которая касалась Восточной Европы. Такое заключение будет справедливо и по отношению к его завершающей фазе, которая и стала объектом исследования прошедшей конференции. Говоря о причинах возникновения вильнюсского вопроса, следует взять за исходную позицию тезис, что в его основе лежало противостояние националистических сил — литовских и польских. На него воздействовали и другие факторы, прежде всего советский и германский, а также более опосредованные, хотя и весьма существенные. Порой при исследовании того или иного этапа развития данного вопроса даже трудно определить: что явилось его причиной, а что следствием.

Тем не менее, думается, что при оценке того или иного аспекта этого конфликта с методологической точки зрения более важно то, какой принцип ставился во главу угла — сбалансирование интересов или соображения, связанные с учетом расстановки сил на международной арене. Забегая вперед, следует отметить, что все стороны, вовлеченные в решение вильнюсской проблемы в 1939–1940 гг., исходили из своих расчетов. И — как следствие — все они в той или иной мере просчитались. Освещению их политики и посвящается данный доклад. Однако основное внимание в нем уделяется прежде всего литовской и польской сторонам.

1

При определении конкретной задачи доклада следует заметить, что период владения Вильнюсом Литовской Республикой — специальная тема уже подробно освещался историками Петром Лоссовским и Региной Желкайте, а также Кшиштофом Жой, Леоном Томашевским, Станиславой Левандовской, Янисом Касперавичюсом и др.¹ Достаточно хорошо изучены внутренние, так и внешние аспекты этой темы. Но во всех в или иной мере посвященных ей работах осталась без достаточного внимания причинно-следственная взаимозависимость между внутренними и внешними аспектами литовского правления в Вильнюсе. А эта взаимозависимость при удачном ее выявлении может пролить дополнительный свет как на отдельные темы, так и на ее раскрытие в целом.

1 ли изменения в литовском правлении вильнюсском крае

Основным все авторы, изучавшие литовское правление в Вильнюсе, характеризуют его как националистическое, причем жесткое. Шла так называемая кампания литвинизации Вильнюса и прилегающего к нему края. Это в целом соответствует литовской национальной идеологии, провозглашавшей элитовский характер края, лишь ополеченного вследствие польских уний. Эта кампания болезненно затрагивала в первую очередь польскую общественность, составлявшую относительное большинство в крае и в городе Вильнюсе.

Литовские авторы не склонны различать в литовском правлении какие-либо периоды. Петр Лоссовский же усмотрел даже три периода: либеральный — до середины ноября 1939 г., радикальный — с середины ноября 1939 г. до весны 1940 г. и последний период уступок. Различия в литовском правлении усматривают и польские деятели того времени. Например, Витольд Гуч при встрече с литовским чиновником Виктором Чечелем в апреле 1940 г. на вопрос последнего, что пожелала бы польская общественность Вильнюсского края от литовских властей, ответил: «Возврата к политике, проводимой до 15 ноября 1939 г.²». Из всестороннем изучении вопроса видно, что в литовских источниках были сторонники не только жесткой, но и более либеральной линии правления в Вильнюсе. В октябре месяце, еще до вступления литовцев в Вильнюсский край, либеральную программу

предлагали такие литовские общественные деятели, как Винцас Креве-Мицкевичюс, Михал Ромер, Игнас Шейиус, Повилас Пакарклис. Суть этой программы такова: в Вильнюсском крае нужно опираться не только на литовцев, но и на местных жителей других национальностей, в том числе и на поляков³.

Такая программа в определенной мере согласовалась с программой так называемых *краевцев*, придерживавшихся принципа государственно-независимой и территориально интегрированной Литвы с Вильнюсом, но построенной на гражданственном, а не на националистическом принципе. Так, в середине октября 1939 г. Юзеф Мацкевич опубликовал статью в одной из каунасских газет, в которой заклеил довоенную политику Польши и призвал поляков и литовцев объединиться в литовском государстве на основе исторической традиции⁴. Сам Мацкевич вспоминал, что польская общественность встретила эту статью весьма неоднозначно; в литовских же кругах наблюдалась склонность сохранять польскую культуру в Вильнюсском крае (в частности, Университет Стефана Батория, право использовать польский язык в судах и др.).⁵

Как бы то ни было, в начальный период литовского правления, т.е. с первых дней прихода литовских войск в Вильнюс до середины ноября 1939 г., верх брала именно либеральная линия. Она проявлялась, в частности, в том, что не воспрещалось в общественных местах использование польского языка, демонстрировалось уважение к польским национальным реликвиям, сразу же было возобновлено издание местной польской газеты «Курьер Виленский». Допускалось функционирование представительного органа польской общественности — так называемого Польского комитета, хотя он официально и не признавался.

В польской общественности Вильнюсского края либеральность литовских властей ассоциировалась с личностью Антанаса Меркиса, который до середины ноября являлся главным уполномоченным Литовского правительства. Газета «Курьер Виленский» 24 ноября 1939 г. писала: «Меркис недолго пробыл в Вильне в качестве представителя Литовского правительства, но проявил себя как государственный деятель широких горизонтов, которому был чужд узкий шовинизм. Между прочим, Меркис при встрече с польскими представителями говорил, что обращаться к литовским властям будет разрешено и на польском языке, и что польские беженцы не будут выселяться в принудительном порядке»⁶.

С середины ноября литовское правление стало ужесточаться. Такой поворот как бы отвечал требованиям, выдвигавшимся в определенных кругах литовского общества. В печати появились статьи, в которых излагалась радикальная программа управления Вильнюсским краем. Авторами таких статей были Витаутас Алантас-Якшевичюс, Винцас Растенис, Бронис Райла, Владас Якубенас, Миколас Биржишка. Они подчеркивали необходимость безотлагательной литвинизации края⁷.

Литвинизация Вильнюсского края насаждалась, прежде всего, полицейскими средствами, в частности следили за тем, чтобы на улицах Вильнюса люди не разговаривали по-польски. Те, кто не владел литовским языком, увольнялись с работы. Жесткость правления проявлялась и в высылке из края не только военных беженцев, но и так называемых «приезжих», то есть тех, кто по литовскому пониманию не был коренным жителем. Кстати, из края высылались не только в другие районы Литвы, но также в Германию и СССР, по договоренностям с последними. Правда, пока в работах историков не выяснено, сколько всего было выслано, а также, кто из них высылался принудительно, а кто сам выразил желание вернуться в места своего постоянного проживания. Суть проблемы заключалась в том, что выселению подлежали те, кто не мог получить или не получил литовского гражданства. Правила же предоставления литовского гражданства были сложны и неопределенны⁸. Подтвердить с помощью документов свое коренное происхождение было очень трудно. В результате на практике гражданства лишались не только военные беженцы, но и многие из тех, кто проживал в крае в период польского правления. Одновременно с выселениями из Вильнюсского края в него прибывали новые жители из так называемой Каунасской Литвы. Фактически политика была направлена против польского национализма.

Примечательно, что, начав жесткую литвинизацию Вильнюсского края, литовские власти вместе с тем старались поддержать течение *краевцев*. Во второй половине ноября 1939 г. в Вильнюсе появился орган краевцев «Газета цодзенна», которая стала в оппозицию к ведущей польской газете края — «Курьеру Виленскому». Вокруг «Газеты цодзенной» стали собираться либерально настроенные литовские и польские политики, велись дискуссии о возможностях литовско-польской консолидации⁹.

Жесткий курс продолжался до апреля 1940 г., когда в действиях литовских властей в крае опять наметилась некоторая либерализация. К середине апреля 1940 г. были смягчены правила

получения литовского гражданства, в государственных учреждениях было разрешено принимать заявления на польском языке и др.

Итак, очевидно, что вопрос — почему происходили колебания в действиях литовских властей в Вильнюсском крае — является правомерным. Ответ же на него, думается, можно найти, лишь изучив как внутренние, так и внешние причины.

Почему произошло ужесточение литовского правления?

а) внутренний аспект

В плане внутренних причин в один ряд с объективными трудностями, с которыми столкнулась литовская администрация в измученном войной крае, думается, следует поставить и субъективный фактор, весьма существенный для литовских — польских отношений в целом (или, образно выражаясь, для взаимоотношений пана и хама). Как пишет в своих воспоминаниях Юзеф Мацкевич, его как свидетеля прихода литовцев в Вильнюс, с одной стороны, удивляла позиция польского населения. В своем большинстве оно испытывало радость в связи с заменой советских властей литовскими, но эта радость никоим образом не показывалась, чтобы не дать повода литовцам ощутить себя победителями над поляками. С другой стороны, Мацкевич считал грубой ошибкой установку литовцев считать Вильнюс освобожденным не от большевиков, а от поляков¹⁰.

Конечно, и литовская, и польская стороны понимали зыбкость положения Литвы после заключения советского—литовского договора о взаимопомощи, и, казалось бы, обе стороны должны были быть заинтересованы не создавать предпосылок для вмешательства в их взаимоотношения третьей стороны. Этой третьей стороной, в первую очередь, конечно, мог быть СССР. Тем не менее, на деле каждая из сторон стремилась занять главенствующую позицию в крае по отношению к другой, и именно на этой основе они выстраивали свои планы.

Если литовцы рассчитывали, что поляки, как утратившая свою государственность сторона, смиренно подчинятся их господству, то поляки, напротив, надеялись, что литовцы добровольно уступят инициативу именно полякам — и не только потому, что они составляли большинство населения Вильнюсского края, но и потому, что считали себя более цивилизованной

ней, чем литовцы. Если литовская сторона еще до прихода в Вильнюс рассчитывала, что ей удастся завоевать сердца местных жителей либеральными административными средствами, а не доставкой в край продуктов питания, то в польском обществе либеральная установка литовских властей была расценена как проявление слабости.

Конечно, напряженность в крае нарастала и вследствие объективно складывавшихся обстоятельств. Следует напомнить, беспорядки начались в Вильнюсе сразу после прихода лиевцев, т.е. уже 28 октября, а их пик пришелся на праздничные 1 и 2 ноября. Беспорядки, на первый взгляд, были вызваны проблемами повседневной жизни. Так, начались затруднения при покупке хлеба, поскольку многие хлебные магазины были закрыты. Их владельцы, очевидно, решили, что при смене властей поступать им будет выгоднее. Ярость вильнюсских жителей вызвала весть о курсе обмена валют. В первые дни после прихода литовцев курс 1 злота был приравнен к 20 центам, несколько позже — поднят до 50 центов. Объективно это был весьма высокий курс для злота того времени, но с психологической точки зрения, видимо, повлияло то обстоятельство, что при советской оккупации курс злота и рубля был один к одному. К той же сумме возможного обмена злотов на литы ограничивали. Как следствие всего этого начались антилитовские демонстрации и погромы магазинов, владельцами которых чаще всего были евреи¹¹.

Замечательно, что в первые дни литовские правоохранительные органы пребывали в растерянности. Следует признать, определенную роль сыграл и фактор неожиданности для лиевцев, прибывших в Вильнюс. Дело в том, что в литовской пропаганде долгие годы утверждалось, что Вильнюсский район — исконно литовский, поэтому определенный шок испытали те, кто не мог понять, «откуда в крае столько много поляков»¹². Интересная деталь: однажды порядок был восстановлен даже с помощью советских войск, прибывших с базы в Новой Вильне¹³. Несмотря на объективные предпосылки и на определенную хаотичность беспорядков, есть основания подозревать, что в то время образом эти беспорядки подталкивались и местной политической элитой. Дело в том, что, хотя в первоначальных установках литовских властей намечалось бережное отношение к национальной и культурной специфике Вильнюсского края, тем не менее, разговор мог идти только о культурной автономии, а никак не о политической. Это, очевидно, не устраивало

большую часть местной польской элиты. В результате она была заинтересована в беспорядках с расчетом на то, что литовские власти, ощутив свою несостоятельность в крае, будут вынуждены обратиться к ней за помощью.

Намек на то, что литовским властям следовало бы обращаться к населению Вильнюсского края через представительный польский орган, был сделан уже в первом издании восстановленной газеты «Курьер Виленский», то есть 2 ноября, сразу после первой серии беспорядков.¹⁴ Позже эта мысль по разным поводам повторялась, особенно при приближении польского национального праздника — 11 ноября. Этот день прошел относительно спокойно, и представители польской элиты пытались внушить литовским властям, что это было достигнуто благодаря их влиянию на местное население.

Можно предполагать, что существовал эвентуальный расчет у местных поляков — создать в Вильнюсском крае, при благоприятных обстоятельствах, некий очаг польского возрождения. Однако литовцы не могли согласиться с таким ходом событий, в первую очередь, по принципиальным соображениям. Известно, что они считали Вильнюс своей столицей и не собирались добровольно ею с кем-либо делиться. Литовские власти решили положиться на свою «твердую руку» и, таким образом, победить и комплекс неполноценности.

б) внешний аспект

Не приходится сомневаться, что с польским очагом возрождения в Вильнюсском крае в то время вряд ли согласились бы и Германия¹⁵, и Советский Союз. Известно, что с осени 1939 г. Литва объективно находилась в полной зависимости от Советского Союза, в меньшей степени — от Германии. Но, как показывает дипломатическая переписка Каунаса, Литва при изменении своей политики в отношении Вильнюсского края никак не в меньшей степени интересовалась и реакцией западных стран, в том числе и реакцией польского правительства.

В первых числах ноября 1939 г. литовский министр иностранных дел Юозас Урбшис направил запрос своим миссиям в западных странах — не ведется ли там польским правительством агитация против Литвы в связи с вильнюсскими событиями. К середине ноября из всех представительств поступили в основном однотипные ответы, что польское правительство не ведет антилитовской агитации.¹⁶ Думается, что совпадение по времени получения этих ответов и ужесточения литовских действий в Вильнюсском крае не случайно.

Известно, что польское правительство еще в октябре 1939 г. высказало протест Литве по поводу заключения советско-литовского договора о взаимопомощи, вследствие которого Вильнюс отошел к Литве. Польский посол в Каунасе Францишек Харват 13 октября вручил литовскому правительству ноту, где Литва обвинялась в нарушении нейтралитета и противоправном присвоении польской территории. На следующий день Харват получил ответную ноту, в которой отрицалось нарушение Литвой каких-либо обязательств по отношению к Польше и, соответственно, излагались права Литвы на Вильнюс. Харват, тем не менее, покинул Литву.¹⁷ Это означало, что дипломатические отношения прерывались. 23 октября 1939 г. польский консул в Лиге Наций Казимеж Трембицкий вручил соответствующую ноту протеста генеральному секретарю Лиги.¹⁸ Позднее польское правительство стало проявлять инициативу с целью восстановить отношения с Литвой.

На встрече с литовским послом в Париже Пятрасом Климасом, происходившей 31 октября, польский министр иностранных дел Аугуст Залеский утверждал, что выезд Харвата был самовольным актом, без инструкции правительства. Он высказал пожелание вновь обменяться послами или по крайней мере консулами¹⁹. Климас отнесся к этому предложению осторожно, сославшись на эвентуальную реакцию со стороны Германии или СССР. Тем не менее, Залеский обращался к Климасу скорее как к представителю дружественной, а не вражеской страны. Похоже, что именно на этой встрече обе стороны обязались воздерживаться от публичных нападок друг на друга²⁰. Как бы то ни было, после их беседы польское правительство стало воздерживаться от критики в отношении действий литовских властей. Не было антипольских заявлений на международном уровне и с литовской стороны.

Примечательно, что даже в экстренных случаях не последовало реакции польских кругов на действия литовских властей таких, как закрытие Университета Стефана Батория в Вильнюсе в декабре 1939 г., аресты в Вильнюсском крае польских заговорщиков в январе 1940 г. и др.). Более того, польские дипломаты порой не скупились выражать литовской стороне сожаления и извинения. Когда в марте 1940 г. в одной из польских газет появилась недружелюбная статья по отношению к Литве, польский поверенный в делах Феликс Франковский по поручению алеского принес извинения Климасу.²¹ Когда в конце того же месяца одним из польских издательств была напечатана карта,

большую часть местной польской элиты. В результате она была заинтересована в беспорядках с расчетом на то, что литовские власти, ощутив свою несостоятельность в крае, будут вынуждены обратиться к ней за помощью.

Намек на то, что литовским властям следовало бы обращаться к населению Вильнюсского края через представительный польский орган, был сделан уже в первом издании восстановленной газеты «Курьер Виленский», то есть 2 ноября, сразу после первой серии беспорядков.¹⁴ Позже эта мысль по разным поводам повторялась, особенно при приближении польского национального праздника — 11 ноября. Этот день прошел относительно спокойно, и представители польской элиты пытались внушить литовским властям, что это было достигнуто благодаря их влиянию на местное население.

Можно предполагать, что существовал эвентуальный расчет у местных поляков — создать в Вильнюсском крае, при благоприятных обстоятельствах, некий очаг польского возрождения. Однако литовцы не могли согласиться с таким ходом событий, в первую очередь, по принципиальным соображениям. Известно, что они считали Вильнюс своей столицей и не собирались добровольно ею с кем-либо делиться. Литовские власти решили положиться на свою «твердую руку» и, таким образом, победить и комплекс неполноценности.

б) внешний аспект

Не приходится сомневаться, что с польским очагом возрождения в Вильнюсском крае в то время вряд ли согласились бы и Германия¹⁵, и Советский Союз. Известно, что с осени 1939 г. Литва объективно находилась в полной зависимости от Советского Союза, в меньшей степени — от Германии. Но, как показывает дипломатическая переписка Каунаса, Литва при изменении своей политики в отношении Вильнюсского края никак не в меньшей степени интересовалась и реакцией западных стран, в том числе и реакцией польского правительства.

В первых числах ноября 1939 г. литовский министр иностранных дел Юозас Урбшис направил запрос своим миссиям в западных странах — не ведется ли там польским правительством агитация против Литвы в связи с вильнюсскими событиями. К середине ноября из всех представительств поступили в основном однотипные ответы, что польское правительство не ведет антилитовской агитации.¹⁶ Думается, что совпадение по времени получения этих ответов и ужесточения литовских действий в Вильнюсском крае не случайно.

Известно, что польское правительство еще в октябре 1939 г. высказало протест Литве по поводу заключения советско-литовского договора о взаимопомощи, вследствие которого Вильнюс отошел к Литве. Польский посол в Каунасе Францишек Харват 13 октября вручил литовскому правительству ноту, где Литва обвинялась в нарушении нейтралитета и противоправном присвоении польской территории. На следующий день Харват получил ответную ноту, в которой отрицалось нарушение Литвой каких-либо обязательств по отношению к Польше и, соответственно, излагались права Литвы на Вильнюс. Харват, тем не менее, покинул Литву.¹⁷ Это означало, что дипломатические отношения прерывались. 23 октября 1939 г. польский консул в Лиге Наций Казимеж Трембицкий вручил соответствующую ноту протеста генеральному секретарю Лиги.¹⁸ Позднее польское правительство стало проявлять инициативу с целью восстановить отношения с Литвой.

На встрече с литовским послом в Париже Пятрасом Климасом, происходившей 31 октября, польский министр иностранных дел Аугуст Залеский утверждал, что выезд Харвата был самовольным актом, без инструкции правительства. Он высказал пожелание вновь обменяться послами или по крайней мере консулами¹⁹. Климас отнесся к этому предложению осторожно, сославшись на эвентуальную реакцию со стороны Германии или СССР. Тем не менее, Залеский обращался к Климасу скорее как к представителю дружественной, а не вражеской страны. Похоже, что именно на этой встрече обе стороны обязались воздерживаться от публичных нападок друг на друга²⁰. Как бы то ни было, после их беседы польское правительство стало воздерживаться от критики в отношении действий литовских властей. Не было антипольских заявлений на международном уровне и с литовской стороны.

Примечательно, что даже в экстренных случаях не последовало реакции польских кругов на действия литовских властей (таких, как закрытие Университета Стефана Батория в Вильнюсе в декабре 1939 г., аресты в Вильнюсском крае польских заговорщиков в январе 1940 г. и др.). Более того, польские дипломаты порой не скупились выражать литовской стороне сожаления и извинения. Когда в марте 1940 г. в одной из польских газет появилась недружелюбная статья по отношению к Литве, польский поверенный в делах Феликс Франковский по поручению Залеского принес извинения Климасу.²¹ Когда в конце того же месяца одним из польских издательств была напечатана карта,

где Вильнюс указывался как оккупированный Литвой, польский представитель в Риме Болеслов Венява-Длугошовский оправдывался перед литовским послом Стасисом Лозорайтисом, объясняя этот инцидент непростительным проступком одного из польских чиновников²². Однако следует обратить внимание на одну деталь: все эти сожаления или извинения выражались литовским представителям только в форме «tête-à-tête», но никак не «publicité». Это настораживало литовских дипломатов.

Похоже, что не всеми членами польского правительства одобрялся такой курс по отношению к Литве. Однако премьер Владислав Сикорский и особенно министр иностранных дел Аугуст Залеский были его приверженцами. Главным аргументом сторонников такого курса являлось утверждение, что Литва, очутившись между Германией и Советским Союзом, будет стремиться к сотрудничеству с Польшей.²³ Практическим воплощением такого курса стало стремление не оттолкнуть от себя Литву какими-либо недоброжелательными действиями. Польские представители старались не поднимать вильнюсского вопроса ни в разговорах с литовскими дипломатами, ни публично. В середине декабря 1939 г. по приказу Сикорского в Вильнюсском крае было запрещено создавать подпольные организации, борющиеся за восстановление польской государственности²⁴.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в период с осени 1939 г. до весны 1940 г. польское правительство придерживалось установки не считать Литву, владеющую Вильнюсом, вражеским государством. Это означало, что вильнюсский вопрос по меньшей мере должен был оставаться открытым, и его будущее решение должно было основываться на полюбовном соглашении между Литвой и Польшей²⁵.

В Каунасе, хотя и учитывали доброжелательное отношение со стороны польского правительства, однако относились к нему с недоверием. Литовские дипломаты считали эту его установку временной и непринципиальной. Не верили в искренность доброжелательной позиции польского правительства и ключевые литовские послы за рубежом: Пятрас Климас в Париже, Бронюс Балутис в Лондоне, Стасис Лозорайтис в Риме. Литовские дипломаты полагали, что полюбовное решение вильнюсского вопроса с Польшей вряд ли возможно, после войны же как минимум может всплыть требование проведения плебисцита. В результате курс на ускоренную литвинизацию Вильнюсского края получил определенную мотивацию.

Что касается Климаса и Балутиса, то они в то время склонялись к необходимости проведения в жизнь радикального принципа: чем меньше польского влияния в Литве, тем она будет в большей безопасности. Так, в январе 1940 г. Климас в одном из своих писем в Каунас предлагал даже начать строить линию укреплений со стороны Польши — своеобразную линию Мажино на литовский манер²⁶. Конечно, об аналогичных линиях на границе с Германией или с СССР речь не шла.

И все же в литовском высшем руководстве склонялись к более сбалансированному подходу. Там понимали, что именно благодаря позиции, занятой польским правительством, Литва очутилась как бы в своеобразной геополитической тиши, где военные ветры обходили ее стороной. Литовцы имели свободные руки для осуществления своих этноцентристских устремлений и, как это ни парадоксально, именно из-за этих устремлений чувствовать себя в относительной безопасности. Дело в том, что подавление польского элемента в Вильнюсском крае в то время отвечало интересам и Германии, и Советского Союза. С другой стороны, на Западе по этому поводу сохранялось молчание, и это в некотором роде являлось предостережением для Советского Союза, дабы он воздержался от более решительных действий по отношению к Литве²⁷.

Стратегия польского правительства

Позицию польского правительства, занятую по отношению к Литве с осени 1939 г., можно объяснить несколькими обстоятельствами. Так, на территории Литвы находилось довольно много интернированных польских военнослужащих, которые содержались в относительно неплохих условиях, и к тому же оставалась возможность их выезда на Запад. Были и другие причины частного характера. Судя по записям бесед Пятраса Климаса с Феликсом Франковским, поляки, налаживая отношения с Литвой, надеялись защитить своих граждан, оставшихся в этой стране, расширить там круг своих представителей и т.д.²⁸. В конце 1939 г. им удалось даже получить согласие литовских властей на приезд в Литву неофициального представителя польского правительства Адама Жолтовского²⁹. Однако у правительства В. Сикорского были и соображения более общего характера.

Главным фактором, стратегически определявшим поведение польского правительства по отношению к Литве, был, по-видимому, Советский Союз. Известно, что после 17 сентября 1939 г. польское правительство считало себя фактически в состоянии

войны с Советским Союзом. Официального объявления войны не было из-за давления Великобритании и Франции, но отношение польского правительства к Советскому Союзу все ухудшалось, особенно после начала советско-финской войны³⁰. В таких условиях сохранение официально находящегося на позициях нейтралитета литовского государства отвечало интересам польского правительства. Тем более, что после окончания войны для возвращения себе Вильнюса из рук слабого литовского государства имелись бы большие возможности, чем для возвращения территорий, отошедших к СССР³¹.

Поворот в стратегии польского правительства

Поворот в действиях польского правительства обозначился во многом неожиданным для литовцев заявлением В. Сикорского от 27 апреля 1940 г.³². Он указал, что положение польского населения в Вильнюсском крае «трагическое»; Литва в отношении поляков ведет «экстерминационную» политику и она еще об этом «пожалеет»; польское же правительство будет и впредь бороться за объединение всех «ягелонских» земель в составе воссозданной Польши. По мнению Климаса, в этом выступлении Литва была фактически причислена к вражеским странам³³.

В начале мая свое антилитовское заявление Сикорский по существу повторил по радио. Литовское владение Вильнюсским краем он назвал оккупацией, приравняв его к немецкой и советской.³⁴

Причин, побудивших польское руководство сделать такие заявления, могло быть несколько. Возможно, повлияла информация о положении дел в Вильнюсском крае, привезенная из Литвы Жолтовским³⁵. Она была крайне негативной. Больше того, в ходе заседания польского правительства 24 апреля 1940 г. Жолтовский отрицал возможность сближения с литовцами, поскольку, по его мнению, главным врагом для литовцев являлись поляки³⁶.

Однако при всей важности информации, привезенной Жолтовским, следует учитывать, что она не была уж очень новой и неожиданной для польского правительства. Ведь имелись и другие каналы получения информации о положении дел в Вильнюсском крае. Да и сам Жолтовский во время своего пребывания в Литве мог регулярно посылать информацию на Запад через представительство Великобритании в Каунасе.

На позицию польского правительства, видимо, влияли и другие факторы: например, активизация в апреле военных действий вермахта на западном направлении, повышение статуса польского представительства в Верховном Военном Совете союзников и др. По сообщению Климаса, 24 апреля полякам впервые была предоставлена возможность участвовать в заседании Совета. Именно этим посланник и объяснял «усиление чувства превосходства поляков» над литовцами.³⁷ Возможно также, что заявления Сикорского были связаны с приближавшимся польским национальным праздником — Днем Конституции 3 мая, и, следовательно, польскому правительству нужно было обратиться к своему народу с «внушительным словом». Однако при анализе возможных мотивов заявлений Сикорского не следует забывать одно существенное обстоятельство. Официальные заявления польского эмигрантского правительства могли появиться на свет лишь после их одобрения французской (позднее английской) цензурой. Примечательно, в связи с обнародованием заявлений Сикорского литовский представитель во Франции Климас выразил протест и попытался обнародовать свое контрзаявление, но французские власти этого не разрешили под предлогом «не углублять конфликт».³⁸ Следовательно, можно сделать предположение, что заявления Сикорского были не просто выражением мнения польского правительства, но они отражали определенную тенденцию в политике западных союзников в целом.

Характерная деталь: в Министерстве иностранных дел Франции Климасу объясняли, что заявления Сикорского пошли по «досадной неосмотрительности» французских служб, что больше такое не повторится. Далее, успокаивая Климаса за отказа обнародовать его протест, ему сказали, что Польша возвратит себе земли, которые в сентябре 1939 г. занял Советский Союз. Дескать, это подтвердил в своем публичном заявлении и глава Форин Оффиса Эдвард Галифакс. А потом, как бы к слову прочим, Климаса спросили: кому литовцы отдали бы предпочтение — Польше или Советскому Союзу, если бы «пришлось решать». Климас ответил, что литовцы так вопрос не став-

39

Похоже, что в стратегическом плане поворот в позиции польского правительства по отношению к Литве определялся все же советским фактором. После окончания советско-финской войны и особенно после активизации Германией военных действий на Западе в Англии, Франции и союзных с ними стра-

нах возросла потребность в улучшении отношений с Советским Союзом. Она не могла не повлиять и на ориентацию польского правительства. В этом плане можно вспомнить и известную историю с письмом польского журналиста Литауэра.⁴⁰ Хотя в ней и не все ясно, тем не менее она, без сомнения, свидетельствовала о поиске компромисса между польским правительством и Советским Союзом.

В таком контексте значение литовского фактора в стратегии польского правительства, несомненно, падало. Кстати, это стало ощущаться еще в марте, при окончании советско-финской войны. В то время из кругов, близких к представителю Великобритании в Каунасе Престону, стали просачиваться слухи о том, что дни независимости Литвы «сочтены»⁴¹. Дескать, Советскому Союзу будет нужно повысить свой авторитет после неудачной войны с Финляндией, и для этого последует оккупация Литвы. Эти слухи быстро распространялись, особенно в польской общественности, где престиж литовского государства и до того был низок. По донесениям литовского департамента государственной безопасности к весне 1940 г. в польской общественности бытовали мнения о слабости литовской власти и о вероятности советской оккупации Литвы⁴².

Вполне возможно, что такие вести из Литвы привез и Жолтовский. И неудивительно, что в этой обстановке польское правительство 17 апреля 1940 г. приняло решение «об эвакуации из Виленского края и Литвы польских политических деятелей».⁴³ Как бы то ни было, думается, что именно с апреля—мая 1940 г. польское правительство стало переходить к новому курсу, по которому литовский фактор уже был лишь функцией польско-советских отношений, а вильнюсский вопрос из польско-литовского спора становился польско-советским⁴⁴.

Приближение к заключительному этапу

К весне 1940 г. в литовских политических кругах (Чечетом, отчасти Мяркисом, Тримакасом) стали высказываться мнения, что в правлении Вильнюсским краем достигнут «перелом». Дескать, элементы, тянущиеся к Польше, теряют инициативу, тираж «Курьера Виленского» падает, а «Газеты цодзенной» — возрастает, и даже в польской националистической общественности края появляется понимание общности интересов с литовским государством. В связи с этим литовским властям следует расширить культурную и политическую базу управления краем.⁴⁵

Трудно сказать, насколько такие мнения соответствовали реалиям и какой в них имелся резон. Можно лишь заметить, что как раз в то время в литовском правлении появились тенденции к либерализации, но системного характера они не приобрели. К концу апреля положение стало существенно накаляться — и в крае, и на международной арене.

На заявления Сикорского литовские власти реагировали болезненно. В плане внутренней политики они рассматривались как подстрекательские в отношении польского населения Литвы. Дело в том, что литовские власти имели информацию о намечавшемся на 3 мая выступлении поляков Вильнюсского края — возможно, даже в форме вооруженного восстания — и усиленно готовились к нему. Принимались меры с целью предотвратить распространение по краю заявлений Сикорского, но безуспешно⁴⁶. Тем не менее, польского выступления 3 мая не было. Возможно, на определенном уровне был дан отбой, поскольку 1 мая в Вильнюсском крае выступление организовали коммунисты⁴⁷.

В международном аспекте выступления Сикорского обеспокоили литовское правительство еще сильнее. Особенно его должно было взволновать то обстоятельство, что упомянутые заявления, в которых Литва фактически причислялась к вражеским странам — при этом подразумевались страны оси, — широко освещались во французской прессе. Это должно было восприниматься как определенный сигнал с Запада, который разрушал то геополитическое прикрытие, которое Литва имела с осени 1939 г. Однако в литовских политических кругах понимание на сей счет было неоднозначным.

5 мая министр иностранных дел Ю. Урбшис дал указание полам Климасу и Балутису «еще энергичнее заняться защитой литовских дел в Париже и Лондоне... для нейтрализации польской деятельности против нас и подготовкой сторонников Литвы на предстоящей Мирной конференции»⁴⁸. Такое указание как бы соответствовало популярному литовскому пониманию, по очагом всех литовских бед является Польша и что для защиты от нее могут быть задействованы все другие факторы, в том числе и западные страны.

Но уже на следующий день в Париж и Лондон была послана инструкция несколько иного содержания: «Не следует предпринимать энергичной контракции против Сикорского... Мы не хотим, чтобы Англия и Франция высказались по этому вопросу в пользу Сикорского. Следует нейтрализовать польский выпад с

резервом».⁴⁹ Думается, что такая перемена акцентов в инструкции литовского министра иностранных дел неплохо отражает, как в Каунасе понималось исчезновение геополитической основы для независимой государственности.

В дальнейшем литовско-польский конфликт на междуродный уровень не выходил. Климас 6 июня 1940 г. сообщил, что в мае выпадов против Литвы не было ни со стороны польского правительства, ни со стороны западных союзников в Восточной Европе.⁵⁰ Не исключено, что весь инцидент, связанный с заявлениями Сикорского, можно рассматривать лишь в плоскости эскалации, так характерных для литовско-польских отношений протяжении всей истории⁵¹.

Однако к такому выводу не позволяют прийти другие важные события, происходившие несколько позже, но относящиеся к тому же самому временному периоду, который освещает этот доклад. Имеется в виду вторая половина июля 1940 г., когда события в Литве уже не могли вызывать никаких сомнений насчет ее государственной перспективы. 25 июля польское правительство разослало всем правительствам союзных и нейтральных государств протест в связи с «новым включением Вильнюсского края в СССР»⁵². Следовательно, в понимании польского правительства вильнюсский вопрос больше не связывался с Литвой.

Несколько позже, 30 июля 1940 г., польское правительство приняло так называемые «главные тезисы польской внешней политики». В одном из них говорилось, что Польша не признает «уничтожения независимости» Балтийских стран. Конкретно в отношении Литвы было сказано, что Польша желает отношения с ней строить на «основе вековой дружбы и общности интересов». Но по вильнюсскому вопросу [с Литвой] — «не может быть никаких дискуссий».⁵³ Все это убеждает в правоте выше сделанного предположения о стратегическом повороте польского правительства.

Примечания

¹ Lossowski P. Litwa a sprawy polskie. Warszawa, 1982; Žepkaite R. Vilniaus istorijos atkarpas (Очерк вильнюсской истории) 1939–1940. Vilnius, 1990; Tarka K. Konfrontacja czy współpraca? Litwa w polityce Rzeczypospolitej na uchodźstwie 1939–1945. Opole, 1998; Tomaszewski L. Kro-

Wilenska 1939–1941. Warszawa, 1994; Lewandowska S. *Życie codzienne Wilna w latach II wojny światowej*. Warszawa, 1997; Kasperavičius A. Stosunek władz i społeczeństwa Litwy do poliaków na Wilenszczyźnie wrzesień 1939 – czerwiec 1940 (na podstawie prasy litewskiej) // *Spoleczenstwo Białoruskie, Litewskie i polskie na ziemiach Polnocno – Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1945* / Red. M. Giżejewska, T. Strembosz. Warszawa, 1995. S. 307–315; A.Kasperavičius. Polacy czy polonizowani litwini. Spojzrenie z Kowna namieszkanców Wilna i Wilenszczyzny 1939–1944 // *Granice i pogranicza*. T.II. Białystok, 1999. S. 154–160.

² Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ). Ф. 923. Оп. 1. Д. 1033. Л. 255.

³ См: «*Naujoji Romuva*» (Новая Ромува), 1939. X. № 42/3.

⁴ См: «*Lietuvos žinios*», 1939. 10. 14. № 234.

⁵ Mackiewicz J. *Prawda w oczy nie kole*. Dzieła. T. 17. Londyn, 2002. S. 92.

⁶ Цитированный отрывок был вычеркнут цензурой. См: ЦГАЛ. Ф. 923. Оп. 1. Д. 1032 Л. 139. Примечательно, что литовская цензура вычеркивала из польских газет и цитаты из речей самого президента Антанаса Сметоны.

⁷ См: в журналах «*Vairas*» (Пуль), 1939, XI, № 44, а также «*Naujoji Romuva*», 1939, XI, № 46.

⁸ Žepkaitė R. *Op. cit.* P. 53; Tarka K. *Op. cit.* S. 42. Нужно также заметить, что среди польского населения Вильнюсского края в отношении литовского гражданства существовала определенная аллергия.

⁹ В дискуссиях участвовали: Михал Ромер, Зигмунд Юнзил, Юзеф Мацкевич, Витольд Станевич, Викторас Чечета, Антанас Тримакас, Владас Юргутис и др.

¹⁰ Mackiewicz J. *Prawda w oczy nie kole*. Dzieła. T. 17. Londyn, 2002. S. 82–97.

¹¹ По замечанию Левандовской, антисемитские выступления были определенно запрограммированы и тем обстоятельством, что приход Красной Армии в сентябре 1939 г. был с заметной радостью встречен частью еврейской общественности края (Lewandowska S. *Op. cit.* S. 16–17).

¹² См. указанные статьи А. Касперавичюса.

¹³ R. Žepkaitė R. *Op. cit.* P. 67–68.

¹⁴ Kurjer Wilenski, № 259, 1939, X, 2.

¹⁵ Многочисленные предостережения Литве из-за возможного возращения польского влияния в Вильнюсском крае делались и в германской печати. Они обычно перепечатывались в литовских газетах (Lossowski P. *Op. cit.* S. 76–82; Lewandowska B. *Op. cit.* S. 35, 184–185).

¹⁶ ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2234. Л. 86, 88, 89, 94, 95.

¹⁷ Lietuvos ir Lenkijos santykiai 1917–1994. Dokumentų rinkinys. (Литовско-польские отношения 1917–1994. Сб. документов) Vilnius, 1998. P. 119–126.

¹⁸ Tarka K. *Op. cit.* S. 20.

¹⁹ Донесение Климаса от 31 октября 1939 г. см.: ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 186. Д. 307. Л. 240; Оп. 7. Д. 2234. Л. 83.

²⁰ Из донесения Климаса видно, что об обязательстве воздерживаться от нападок объявил только он. (Сравнить: Tarka K. Op. cit. S. 23).

²¹ ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2234. Л. 63–64.

²² Там же. Л. 54.

²³ K. Tarka K. Op. cit. S. 34.

²⁴ Ibid. S. 48–49.

²⁵ Не исключено, что имелась связь между доброжелательным настроением польского правительства и диалогом, который велся литовским правительством с *краевцами*.

²⁶ ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 18. Д. 308. Л. 17–19.

²⁷ Характерно, что после начавшейся литвинизации польские жители края стали рассматривать в лице дислоцированных в Литве красноармейцев потенциальных своих защитников. Литовской разведкой фиксировались случаи, когда красноармейцы обещали местным жителям «скоро прийти на помощь» (См: Žepkaitė R. Op. cit. P. 76).

²⁸ ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2234. Л. 86, 88, 89, 94, 95.

²⁹ Žepkaitė R. Op. cit. P. 121.

³⁰ У В. Сикорского даже имелся план оказания военной помощи Финляндии путем отправки туда польских солдат, интернированных в Литве. (Tarka K. Op. cit. S. 27).

³¹ Такие расчеты циркулировали в пропольских кругах британского МИД (См: Skirius J. Lietuvių visuomenininkas ir diplomatas Bronius Kazys Balutis. Vilnius, 2001. P. 504).

³² Заявление появилось в одной из эмигрантских польских газет «Глос Польски».

³³ ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2234. Л. 47, 52.

³⁴ Tarka K. Op. cit. S. 53.

³⁵ Жолтовский выехал из Литвы во Францию в начале апреля 1940 г.

³⁶ Tarka K. Op. cit. S. 39.

³⁷ ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2234. Л. 52

³⁸ Там же. Л. 39

³⁹ Там же. Л. 30.

⁴⁰ Дурачинский Е. Польша в политике Москвы 1939–1941: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика. М., 1999. С. 50–64; Historia dyplomacji Polskiej. T.V. 1939–1945 / Red. W. Michowicz. Warszawa., 1999. S. 161, 172–173.

⁴¹ Донесение литовской разведки от 11 марта 1940 г. см.: ЦГАЛ. Ф. 378. Оп. 10. Д. 699. Л. 299.

⁴² ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2234. Л. 66–77.

⁴³ Tarka K. Op. cit. S. 51.

⁴⁴ По мнению К.Тарки, такого курса польское правительство стало придерживаться после подписания договора с Советским Союзом от 30 июля 1941 г. (См.: Tarka K. Op. cit. S. 82).

⁴⁵ Меморандумы Чечеты, март — апрель 1940 г см.: ЦГАЛ. Ф. 923. Оп. I. Д. 1033. Л. 235, 236, 240.

⁴⁶ Донесение литовской разведки от 15 апреля, 1940 г. см.: ЦГАЛ. Ф. 378. Оп. 10. Д. 699. Л. 507.

⁴⁷ Žepkaitė R. Op. cit. P. 76–78. Выступления коммунистов тоже не были.

⁴⁸ ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2234. Л. 36.

⁴⁹ Там же. Л. 34.

⁵⁰ Там же. Л. 2.

⁵¹ Возможно, заявление В. Сикорского от 27 апреля 1940 г. было своеобразной реакцией на появившийся с сильным опозданием в апреле того же года в Лиге Наций литовский ответ на ноту Трембицкого от 23 октября 1939 г. Почему литовская сторона так долго тянула с ответом и почему он появился именно в начале апреля 1940 г., ясного ответа нет.

⁵² Documents on Polish-Soviet Relations 1939–1945. Vol. 1. London, 1961. P. 95–96.

⁵³ Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. Tom VI. Londyn, 1989. S. 71.

Германия и присоединение Литвы к СССР

9 сентября 1940 г. германский посол в Москве Ф. Шуленбург вручил советскому наркому иностранных дел В.М. Молотову памятную записку, в которой говорилось об отсутствии предварительных консультаций с Германией при присоединении Прибалтики. «Германское правительство указывает на образ действий Правительства СССР в прибалтийских государствах, в частности, в Литве. В последнем случае, кроме соседства Литвы с Германией, существовало еще обязательство передать Германии определенную область на юго-востоке Литвы в том случае, если Советский Союз, с целью обеспечения своих интересов, предпримет особые меры на литовской территории. Несмотря на это Советский Союз ввел в эту область свои войска, хотя эту область вследствие советских мероприятий следовало считать как уже принадлежащую к Германии», — констатировалось в немецком документе¹.

Как известно, в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. В.М. Молотов и И. Риббентроп подписали советско-германский договор о неападении. В соответствии с ним СССР фактически обязался не оказывать помощь не только стране, с которой стала бы воевать Германия, но и тем, кто выполнял бы свой союзнический долг в отношении жертвы германской агрессии. Одновременно был подписан и секретный дополнительный протокол к договору, который включал Финляндию, Эстонию, Латвию, Бессарабию, часть Польши в сферу интересов СССР, а большую часть Польши и Литву — в сферу интересов Третьего рейха². Эти двусторонние договоренности противоречили всем нормам международного права. Два государства не только разделили на зоны влия-

ния не принадлежащие им территории третьих стран, но и поставили под вопрос само независимое существование Польши и государств Балтии.

И.В. Сталин полагал, что он смог изменить баланс сил в Европе в пользу СССР, укрепить его безопасность за счет огромных территориальных приобретений. Гитлеровская политика и стратегия представлялась ему даже более гибкой и энергичной, чем действия западных демократий. В результате с конца июля 1939 г. вплоть до поражения Франции в июне 1940 г. нацистское руководство воспринималось Кремлем как наиболее выгодный и надежный партнер СССР на международной арене. В действительности же в ситуации острого международного кризиса лета 1939 г. и начала Второй мировой войны для подлинной безопасности страны гораздо важнее было объединить всех потенциальных противников блока агрессоров.

Советско-германский договор от 23 августа породил в странах Балтии, в том числе в Литве, чувство смуты и опасения за свою судьбу. Многие подозревали, что между Москвой и Берлином было подписано и секретное соглашение о разделе сфер влияния в Прибалтике³.

Как свидетельствуют донесения и справки советских дипломатов, отношения между Литвой и СССР в межвоенные годы развивались весьма позитивно⁴. Каунас поддерживал мирные инициативы Советского Союза, стремясь найти опору в своих далеко не простых отношениях с Польшей и Германией, стараясь быть в добрых отношениях с Москвой. Однако летом 1939 г. литовское руководство не выразило готовности принять односторонние гарантии безопасности лишь от СССР. Взяв за образец Бельгию, Литва настаивала на одновременном предоставлении ей гарантий от СССР, Германии, Польши, Франции и Англии.

Во второй половине 1939 г. в Москву стали поступать все более тревожные сообщения: из-за боязни вызвать раздражение в Берлине и Варшаве в Каунасе шло определенное «сползание» с дружественных по отношению к СССР позиций⁵. В литовской прессе все чаще стали появляться статьи антисоветской направленности. Особый интерес проявляли к Литве Германия⁶ и Польша, в меньшей мере — Англия, хотя ее доля в торговом обороте этой страны была самой большой. Близкие отношения связывали Литву с Латвией и Эстонией. В 1934 г. три государства оформили Балтийскую Антанту, через которую согласовывали свои внешнеполитические акции. В то же время Литва не за-

В тот же день — 25 сентября — Сталин заявил германскому послу Ф. Шуленбургу о своем намерении незамедлительно «решить проблему Прибалтийских стран в соответствии с секретным протоколом». Он указал, что ожидает в этом деле поддержку со стороны германского правительства, и выразил готовность передать Германии населенные поляками Люблинское воеводство и правобережную часть Варшавского в обмен на Литву¹⁰.

Изменение сфер влияния СССР и Германии обсуждалось в ходе переговоров Сталина и Молотова с Риббентропом в Москве 27–28 сентября. При этом германский министр иностранных дел назвал проблему Прибалтики, которой, по его сведениям, занималось в это время Советское правительство, в числе трех важнейших пунктов, являвшихся предметом переговоров. Остановившись на теме «Прибалтика», он сказал, что, по сообщению германского посланника в Эстонии, СССР предложил Таллинну военную конвенцию, потребовав взамен создание баз для советских военных кораблей и самолетов. «Это, очевидно, следует понимать как первый шаг для реализации прибалтийского вопроса. Германия в настоящее время находится в состоянии войны и приветствовала бы постепенное решение прибалтийского вопроса. Ясно, что мы не заинтересованы в делах Эстонии и Латвии. Однако мы были бы благодарны, если бы советское правительство сообщило нам, как и когда оно собирается решить весь комплекс этих вопросов, с тем чтобы немецкое правительство... могло бы сформулировать свою позицию», — заявил рейхсминистр¹¹. Коснувшись предложения Сталина об отказе Германии от Литвы в обмен на польские земли восточнее Вислы вплоть до Буга, Риббентроп счел, что компенсация за Литву не эквивалентна. В связи с этим он счел необходимым расширить территорию Восточной Пруссии за счет литовских земель. Он показал на карте линию новой границы, которая проходила от самой южной оконечности Литвы, восточнее Ковно и Гродно до Балтийского моря. Советский «вождь», отвергнув основные германские притязания, согласился на уступку Третьему рейху района Сувалки, или, как его еще называют, «Мариампольского выступа»¹².

Сталин, в свою очередь, обстоятельно осветил свои намерения в отношении стран Балтии. Он подтвердил предположение Риббентропа, что Советское правительство намеревается осуществить медленное проникновение в Эстонию и Латвию, временно сохранив там их правительственную систему, министерства и прочее¹³. «Если же Латвия будет противодействовать пред-

ложению пакта о взаимопомощи на таких же условиях, как и с Эстонией, то Советская Армия в самый краткий срок «расправится» с Латвией», — подчеркнул советский лидер. Он также заявил, что «Советский Союз **включит в свой состав Литву** (выделено мной. — *Н.Л.*) в том случае, если будет достигнуто соответствующее соглашение с Германией об «обмене» территориями»¹⁴.

В германской записи переговоров, которую вел Г. Хильгер, отмечалось в связи с этим высказыванием, что «в первой части беседы Сталин менее ясно высказывал свое намерение, касающееся захвата Литвы». На следующий день германская сторона дала свое добро на «обмен» территорий и тем самым на захват Литвы Советским Союзом.

Новая договоренность была зафиксирована в дополнительном протоколе к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября¹⁵. Однако оговоренный в ходе переговоров «Мариампольский выступ» передан рейху так и не был. По выражению Шуленбурга, вопрос «был брошен под стол». Берлин вновь поставил его лишь 12 июля 1940 г.¹⁶.

В конце сентября — начале октября 1939 г. советское руководство сделало первые шаги для реализации августовских и сентябрьских договоренностей с нацистской Германией в отношении Прибалтики. Угрожая применением вооруженных сил и захватом территорий балтийских республик, оно добивалось от трех правительств заключения пактов о взаимопомощи. В соответствии с ними СССР получал право иметь там военные базы и размещать на них свои воинские гарнизоны. Их численность была почти такой же, как у национальных вооруженных сил этих республик. В то же время сталинское руководство учитывало, что германская сторона «приветствовала бы постепенное решение» — «медленное проникновение» СССР в страны Балтии.

29 сентября Молотов вызвал к себе посланника Наткевичюса и заявил ему о необходимости начать прямые переговоры о внешнеполитической ориентации Литвы. Они начались 3 октября и тогда же Сталин сообщил литовской делегации, возглавляемой Ю. Урбшисом, о согласии Германии на вхождение Литвы в советскую сферу влияния. В ответ на просьбу литовского мининдела во имя дружбы между двумя странами отказаться от введения советских гарнизонов на территорию Литвы, Сталин ответил категорическим «Нет».

4 октября литовская делегация, получив советские проекты документов, вернулась в Каунас. Правительство страны приняло решение пойти с СССР на тесное военное сотрудничество,

казавшись в то же время от размещения на своей территории войск. Однако в ходе следующего раунда переговоров Сталин пригрозил в случае отказа подписать предложенный договор отдать Вильно и прилегающий к нему край Белорусской ССР. В качестве еще одного действенного аргумента на границе с Литвой была развернута 3-я армия. Встала дилемма: подписать договор и получить Вильно, либо отказаться и вступить в вооруженный конфликт с неизмеримо более мощным военным противником.

Убедившись в отказе Германии противодействовать планам СССР, литовское руководство вынуждено было подписать 10 октября с СССР «Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой»¹⁷. Договор в части военных баз был действителен в течение 15 лет и предусматривал ввод в Литву 20-тысячного контингента советских войск.

Заключение договоров о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой стало возможным лишь в результате раздела сфер влияния между СССР и фашистской Германией. То был важный шаг на пути установления полного контроля Советского Союза над странами Балтии и последующей аннексии их территории.

«Мы думаем, — сказал Сталин генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г. Димитрову 25 октября 1939 г., что в пактах взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволяет нам поставить в орбиту Советского Союза ряд стран. Но для этого надо выдержать — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизирования»¹⁸.

Некоторое время советские власти действительно придерживались этой установки. Тому было несколько причин. Сталин, как справедливо замечает германская исследовательница И. Фляйшхауэр, не хотел еще больше «подрывать актами скрытой или даже открытой агрессии международный престиж СССР, и без того тяжело пострадавший от вступления Советского государства в союз с Германией и от участия в оккупации Польши, до тех пор, пока этого не потребует дальнейшее развитие международной ситуации»¹⁹. У Англии и Франции в период «странной войны» руки еще не были достаточно крепко связаны, и опасность их вмешательства в события в Балтийском регионе не исключалась. Да и сами перспективы войны в Европе были тогда недостаточно ясны. Кроме того, сталинское руководство намеревалось вынудить Финляндию подписать анало-

гичный договор и уступить СССР часть своей территории. В этих условиях важно было не испугаться радикальными мерами в отношении стран Балтии финляндские правящие круги, не допустить создания единого блока четырех прибалтийских стран, направленного против СССР. В период же «зимней войны» руки оказались связанными уже у самого СССР.

Несмотря на определенные трения, до весны 1940 г. стороны в целом соблюдали условия договора от 10 октября 1939 г. Литовская сторона даже пыталась привлечь Москву для посредничества между ней и Берлином, который в ультимативной форме потребовал прекращения экономических связей с Англией и Францией без какой-либо компенсации ее потерь. Ответ, полученный от Молотова, был неутешительным: нарком «советовал литовскому правительству посчитаться с Берлином, т.е. пойти ему навстречу»²⁰.

Взаимные претензии усилились после начала советско-финской войны. В Литве не только сочувствовали финнам, но и опасались за свою собственную судьбу в случае распространения конфликта на Скандинавию. В то же время определенная перспектива вмешательства Англии и Франции в советско-финскую войну подогревала надежды правящих кругов стран Балтии на свое освобождение от пут договоров о «взаимопомощи». Внушало оптимизм и определенное сочувствие Германии финнам.

Советскую сторону насторожило проведение 7 — 8 декабря в Таллинне конференции Балтийской Антанты, которая до этого не собиралась больше года. Ее участники обсудили вопрос об отношении к германскому требованию о прекращении торговли с Великобританией, приняв решение не публиковать специальную декларацию, на чем настаивал Берлин. Было принято и решение о том, что договоры о взаимопомощи не находятся в резком противоречии с политикой нейтралитета. Конференция решила не направлять в Лигу Наций правительственные делегации на рассмотрение финского вопроса и просить своих постоянных делегатов в этой организации воздержаться от участия в дискуссии, направленной против СССР²¹.

В начале февраля 1940 г. наркомат обороны направил командирам соответствующих корпусов, расквартированных в трех странах Балтии, проект директивы по повышению боеготовности их частей. В этот регион срочно стали направляться воинские подразделения и обслуживающий персонал, достраиваться аэродромы и т.д. В результате ко 2 мая, в соответствии с докладом наркома обороны С.К. Тимошенко И.В. Сталину, в Литве уже

находились, помимо 16-го особого стрелкового корпуса, 19-й корпусной артдивизион, 5-я стрелковая дивизия, 2-я легкая танковая бригада, 54-й бомбардировочный и 10-й истребительный авиаполки, 641-й автотранспортный батальон и др. части. Всего же в трех республиках были сосредоточены 66 946 красноармейцев, 1065 танков, 1630 орудий и минометов, 150 бронемашин, 526 самолетов, 5 579 автомашин²². Численность же армий трех стран Балтии, по советским данным, в это время составляла 73 тысячи человек, 147 танков и бронемашин, 1200 орудий, 292 самолета.

До окончания войны с Финляндией Кремль в целом придерживался политики невмешательства во внутренние дела Литвы. После подписания мирного договора с Хельсинки в отношении Литвы стал проводиться более жесткий курс. К этому Кремль побуждала и возросшая в этой стране активность Германии. Примечательно, что вплоть до конца апреля 1940 г. советские дипломаты преувеличивали антигерманские настроения в Литве и крайне негативно оценивали их²³.

Захват Германией Клайпеды, страх перед эвентуальной оккупацией Третьим рейхом их страны, крах надежд на Берлин как фактор, который мог воспрепятствовать советскому диктату в октябре 1939 г., действительно усилили германофобские настроения среди литовской общественности. Однако в условиях войны и экономической блокады Каунас был вынужден расширять свою торговлю с Германией, которая поглотила 63% ее экспорта. Опасение перед грядущей советизацией Литвы также толкало правящие круги этой страны в сторону упрочения связей со своим западным соседом.

Германия же, в свою очередь, стремилась укрепить позиции в Литве за счет вытеснения из ее экономики Великобритании и Франции и максимально увеличить там свою пятую колонну. Берлин, в частности, отказался от переселения из сопредельной страны лиц немецкой национальности — меры, которая была осуществлена в Эстонии и Латвии в конце 1939 — начале 1940 гг. Регистрация же фольксдойче была использована ими для дальнейшей вербовки там агентуры. Литву наводнили нацистские визитеры, интенсифицировал свою деятельность Культурфербанд, оживились сторонники А. Вольдемараса, ратовавшие за сближение с рейхом.

После оккупации вермахтом Дании и Норвегии, вторжения в Голландию, прорыва 13—14 мая «линии Мажино», выхода германских войск в 20-х числах мая к Ла-Маншу правящие круги

Литвы разочаровались в Англии и Франции. Многие политики, в том числе и близкие к президенту А. Сметоне, стали ориентироваться на Берлин²⁴.

Германские победы, кардинальным образом изменившие ситуацию в Европе, не на шутку встревожили советское руководство. Расчеты Сталина на длительное противоборство двух блоков не оправдались. В скором времени рейх должен был завершить разгром Франции и нейтрализовать Великобританию. Тогда все советско-германские договоренности могли быть забыты Берлином. В Кремле сочли, что наступает самый благоприятный момент, возможно, последний шанс для присоединения к Советскому Союзу территорий, которые по секретным протоколам августа — сентября 1939 г. были включены в сферу интересов СССР.

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что решение о начале операции по присоединению Литвы к СССР было принято сталинским руководством 24 — 25 мая 1940 г. Ведь еще 23 мая Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об эвакуации в Литву из приграничных с ней районов БССР граждан литовской национальности²⁵. Оно было бы бессмысленным, если бы к этому времени уже приступили к реализации плана инкорпорации Литвы в СССР. Впоследствии это постановление Политбюро было отменено, так и не дав ему возможности реализовываться²⁶.

25 мая В.М. Молотов вызвал в НКВД посланника Л. Наткевичюса и передал через него руководству Литвы крайне резкое заявление в связи с исчезновением нескольких советских военнослужащих. В нем требовалось принять немедленные действия к прекращению «провокаций» и фактически содержалась угроза прибегнуть «к другим мероприятиям»²⁷.

30 мая, несмотря на все обещания литовского кабинета расследовать случаи с исчезновением советских красноармейцев, «Правда» опубликовала «Сообщение НКВД о провокационных действиях литовских властей». Оно усилило тревогу в Каунасе и побудило Берлин запросить связанную с ним информацию. 31 мая Ф. Шуленбург спросил советского наркома, каковы взаимоотношения СССР с Литвой и возможно ли разрешение вопросов, которые были поставлены Советским Союзом перед этой страной. В.М. Молотов ответил, что «линия поведения Литвы явилась нехорошей и что вопрос, понятно, может быть разрешен»²⁸.

Советское руководство готовилось одновременно к двум вариантам «разрешения» литовского, да и эстонского и латвийского вопросов — и с помощью политических угроз, и путем применения военной силы. С 7 по 15 июня в Москве проходили переговоры В.М. Молотова и В.Г. Деканозова с премьер-министром Литвы А. Меркисом. 11 июня к ним присоединился и литовский министр иностранных дел Ю. Урбшис²⁹.

4—7 июня войска Ленинградского, Калининского и Белорусского военных округов были выдвинуты к границам с Литвой, Латвией и Эстонией. К 11 июня разработали конкретный план боевых действий и определили задачи войск. Они, в частности, должны были нанести стремительное поражение литовской армии, не допустить ее отход в Восточную Пруссию и за 3-4 дня занять всю Литву³⁰. На границах с Прибалтикой была сосредоточена советская военная группировка, насчитывавшая 435 тысяч человек, 8 000 орудий, свыше 3500 танков и бронемашин, 2600 самолетов. Подготовлены были и лагеря НКВД для более 60 тысяч военнопленных³¹.

О том, что советское руководство всерьез рассматривало возможность развития событий по финскому сценарию, свидетельствует решение Политбюро ЦК ВКП(б), принятое 13 июня, то есть за день до предъявления ультиматума правительству Литвы. Высшая партийная инстанция СССР в связи с «особыми мероприятиями» санкционировала создание широкой сети военных госпиталей, эвакуопунктов, санитарных поездов, готовых к приему около 24 тысяч раненых³².

Германия внимательно наблюдала за событиями в Литве. 15 июня ее посол в Каунасе Э. Цехлин сообщил в Берлин о вручении Молотовым Урбшису ультиматума, в соответствии с которым должны были быть: 1) преданы суду бывшие министры Повилайтис и Скучас; 2) пересмотрен состав литовского кабинета «по удобной советскому правительству форме; 3) Советский Союз получал полную свободу в вопросе количества и дислокации своих войск в Литве». Далее отмечалось, что литовское правительство после 8-часового заседания решило принять советский ультиматум. Кабинет подал в отставку. Формирование правительства поручили генералу С. Раштикису. Посол полагал, что выбор этой фигуры сам по себе примечателен, поскольку у генерала слава германофила³³. В более поздних донесениях Цехлин уточнял, что только Сметона и Мустейкис высказались против принятия ультиматума и со слабой надеждой на помощь Герма-

нии выступали за оказание военного сопротивления вторжению советских войск³⁴.

16 июня посол информировал Берлин о бегстве президента А. Сметоны и министра обороны К. Мустейкиса в Германию. В Каунасе немецкое посольство без санкции МИД выдало им визы на въезд в страну. Однако литовцы ими не воспользовались, и после нелегального перехода границы были интернированы властями рейха. Э. Цехлин далее писал: «Значительная по численности русская оккупация Литвы, начавшаяся вчера во второй половине дня, проходит и далее без инцидентов. Политические коммунистические заключенные освобождены. Русские требуют чисто коммунистического правительства в Литве... Отношения могут в корне измениться»³⁵.

17 июня Молотов информировал Шуленбурга о «балтийских делах»: то есть о договоренности СССР с Литвой, Латвией и Эстонией, о смене правительств этих стран, о вводе войск на их территорию, о направлении в Каунас, Ригу и Таллинн своих уполномоченных, чтобы договориться о составе правительств. Шуленбург отметил, что у него нет вопросов, «это дело исключительно только Советского Союза и прибалтийских стран». Он сообщил советскому наркому об интернировании в Германии А. Сметоны и возможном переходе германо-литовской границы целыми литовскими частями³⁶. Если действия в отношении литовского президента Молотов считал вполне целесообразными, то допущение перехода границы воинскими подразделениями вызвало у него негативную реакцию и намерение направить для охраны границы советских пограничников³⁷. 22 июня Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение предложить литовскому правительству договориться с Германией об отмене порядка упрощенного перехода литовско-германской границы и об установлении советскими пограничными частями порядка ее охраны, существующего на советско-германской границе³⁸.

Посол Литвы в Германии К. Шкирпа 26 июня в меморандуме, адресованном министру иностранных дел В. Креве-Мицкевичюсу, указал, что официальная германская политика в отношении событий в Прибалтике состоит в том, что они не затрагивают интересы германской империи. Поэтому «не приходится хотя бы в настоящее время, ожидать со стороны немцев какой-либо реакции против укрепления Советской России в Прибалтике». В то же время он предупреждал, что Германия подспудно готовится к войне против СССР и отнюдь не равнодушна к прибалтийской проблеме»³⁹. И в данном случае он был прав.

нии выступали за оказание военного сопротивления вторжению советских войск³⁴.

16 июня посол информировал Берлин о бегстве президента А. Сметоны и министра обороны К. Мустейкиса в Германию. В Каунасе немецкое посольство без санкции МИД выдало им визы на въезд в страну. Однако литовцы ими не воспользовались, и после нелегального перехода границы были интернированы властями рейха. Э. Цехлин далее писал: «Значительная по численности русская оккупация Литвы, начавшаяся вчера во второй половине дня, проходит и далее без инцидентов. Политические коммунистические заключенные освобождены. Русские требуют чисто коммунистического правительства в Литве... Отношения могут в корне измениться»³⁵.

17 июня Молотов информировал Шуленбурга о «балтийских делах»: то есть о договоренности СССР с Литвой, Латвией и Эстонией, о смене правительств этих стран, о вводе войск на их территорию, о направлении в Каунас, Ригу и Таллинн своих уполномоченных, чтобы договориться о составе правительств. Шуленбург отметил, что у него нет вопросов, «это дело исключительно только Советского Союза и прибалтийских стран». Он сообщил советскому наркому об интернировании в Германии А. Сметоны и возможном переходе германо-литовской границы целыми литовскими частями³⁶. Если действия в отношении литовского президента Молотов счел вполне целесообразными, то допущение перехода границы воинскими подразделениями вызвало у него негативную реакцию и намерение направить для охраны границы советских пограничников³⁷. 22 июня Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение предложить литовскому правительству договориться с Германией об отмене порядка упрощенного перехода литовско-германской границы и об установлении советскими пограничными частями порядка ее охраны, существующего на советско-германской границе³⁸.

Посол Литвы в Германии К. Шкирпа 26 июня в меморандуме, адресованном министру иностранных дел В. Креве-Мишкевичюсу, указал, что официальная германская политика в отношении событий в Прибалтике состоит в том, что они не затрагивают интересы германской империи. Поэтому «не приходится, хотя бы в настоящее время, ожидать со стороны немцев какой-либо реакции против укрепления Советской России в Прибалтике». В то же время он предупреждал, что Германия подспудно готовится к войне против СССР и отнюдь не равнодушна к прибалтийской проблеме»³⁹. И в данном случае он был прав.

Реакция западных стран была достаточно спокойной. 14 июня пал Париж; Англия, озабоченная лишь своим выживанием, была заинтересована в отрыве СССР от Германии и привлечении его на свою сторону⁴⁰. США, хотя и осудили захват Прибалтики, понимали неизбежность установления над ней контроля либо Советского Союза, либо Германии. Капитуляция Франции лишь усилила эти настроения. 22 июня литовский посол в Лондоне Б.Т. Балутис сообщал в Каунас: «События в Литве и во всей Прибалтике оцениваются как один из эпизодов развивающейся европейской драмы и никто не намерен обвинять Литву. Во время ультиматума в печати отражались симпатии к Литве. В общей сложности сейчас существуют жизненно важные проблемы, которые все остальное отодвигают на второй план. Полагают, поход русских в Литву происходит без согласования с немцами»⁴¹.

В Германии продолжали тщательным образом собирать материалы о событиях в Литве. 21 июня Э. Цехлин сообщил в Берлин, что присланные в Прибалтику высокопоставленные советские лица (в Литве им был В.Г. Деканозов) призваны не только сформировать правительства трех стран, но и осуществить общее преобразование их социально-политического устройства. Отметив, что утром в Каунас вошли войска НКВД, он подчеркнул: «Здесь нет никого, кто сегодня верит, что полное поглощение прибалтийских государств... заставит себя долго ждать». Информировав МИД о размещении в Литве более 100-тысячного военного контингента, германский посол указал: «Такая внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учетом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направляет сюда такое огромное количество войск из недоверия к Германии с чисто оборонительными целями»⁴².

Внимательно отслеживались и преобразования в литовской армии. Посол отмечал, что из нее были уволены 27 высших офицеров, «известных большей частью своими германофильскими настроениями», а также все военные капелланы разных исповеданий⁴³. После принятия указа о реформировании литовской армии, советское командование в Литве организовало в каунасском стадионе концерт Красноармейского ансамбля песни и пляски. На нем присутствовало до 13 тысяч человек, около 5 тысяч литовских солдат, правительство и советский гарнизон⁴⁴. Перед концертом состоялась манифестация с участием литовских солдат и молодых офицеров. Будучи под ее впечатлением, Цехлин писал в Берлин: «Это событие показало,

что советской пропаганде удалось искренне воодушевить широкие массы, во всяком случае столичного населения, и настроение народа здесь показывает, что он уже сегодня готов к присоединению к Советскому Союзу»⁴⁵.

В связи с перспективой инкорпорации Литвы в СССР германский посланник 22 июня предложил Берлину провести эвакуацию проживавших в Литве немцев в рейх⁴⁶. В дальнейшем переговоры об этой проблеме продолжались вплоть до января 1941 г., а ее реализация — почти до момента нападения гитлеровской Германии на СССР.

Дальнейший ход событий подтверждал обоснованность прогнозов Цехлина. Германский посол, в частности, сообщил в МИД Германии о переговорах В. Креве-Мицкевичюса⁴⁷ с В.М. Молотовым в Москве 31 июня — 2 июля 1940 г. Советский нарком заявил литовскому коллеге, что присоединение Литвы к Советскому Союзу — дело решенное. Все попытки Креве убедить председателя СНК СССР не делать этого потерпели неудачу. «Сначала должно быть присоединение с литовской стороны, затем Латвии и Эстонии», — сказал Молотов. На вопрос Креве-Мицкевичюса, почему начинают с Литвы, нарком ответил, что «это делается в связи с Германией». Он добавил, что присоединение Литвы к СССР предполагается осуществить путем выборов в Сейм и его обращения к Верховному Совету СССР с просьбой принять республику в Советский Союз⁴⁸.

Для реализации этой программы В.Г. Деканозов вернулся вместе с Креве в Каунас. 4 июля он и полпред Н.Г. Поздняков провели совещания с секретариатом ЦК Компартии Литвы, партийной частью кабинета Ю. Палецкиса и Креве-Мицкевичюсом. «В настоящий момент мы заняты разработкой закона о выборах, составлением платформы группы «Трудового союза», подбором людей в Избирательные комиссии и всей суммой вопросов», — писал в своем донесении в НКВД Деканозов⁴⁹. Креве пытался оттянуть выборы, поднимая ряд вопросов, но советский эмиссар «со всей решительностью отвел его попытки. В конечном счете Креве-Мицкевичюс, хотя и с неохотой, но все же обещал поддержать намеченные постановления».

По «рекомендациям» сталинского эмиссара президент Литвы Ю. Палецкис провел заседание кабинета, на котором было принято решение о проведении выборов, утвержден новый закон о выборах и состав избирательной комиссии. В.Г. Деканозов поспешил телеграфировать в Москву: «Совет министров провел все наши предварительные наметки, о которых мы сообщали

м вчера. Креве-Мицкевичюс... во время обсуждения вопросов, связанных с предстоящими выборами в Сейм, молчал, но за предложение голосовал. После заседания он задержался у президента и вручил ему заранее написанную просьбу об отставке⁵⁰. Однако под нажимом советских представителей в Литве министр иностранных дел вынужден был вплоть до проведения выборов оставаться на своем посту.

Германский МИД не сомневался в том, что новые выборы в унасе, Риге и Таллинне намечены на 14-15 июля явно по указанию из Москвы и должны привести к присоединению к Советскому Союзу. Цехлин выразил главе МИД Литвы свою озабоченность, не будут ли применяться репрессии к тем, кто не пригласит участие в голосовании. Креве заверил его, что никто за это казан не будет, но отклонил предложение посла публично заявить об этом⁵¹.

Будущий состав Сейма был определен все теми же Декановым и Поздняковым и доложен 7 июля Сталину и Молотову. Список кандидатов готовился Компартией. Как и советским гражданам, литовцам предстояло «выбирать» одного из них и голосовать за список в целом, а не за отдельных кандидатов. Выборы, как и было намечено, прошли 14-15 июля в обстановке массированного давления на избирателей. В них, по официальным данным, приняло участие 1 375 тыс. граждан, то есть 99,19% имевших право голоса. Их организаторы печили победу «Союзу трудового народа» (99%).

17 июля 1940 г. в Таллинне состоялось совещание с участием Жданова, А.Я. Вышинского и В.Г. Деканозова. На нем были оглашены тексты деклараций и законов, которые 21 июля рдрили Сеймы Литвы и Латвии, а также Дума Эстонии.

еще до вхождения Литвы в СССР и советская, и германская стороны приступили к решению связанных с ним проблем. 17 июля Молотов, подтвердив «формальные права Германии на территорию Литвы, о которой сделана оговорка в Протоколе от сентября 1939 г.», выразил свое и Сталина желание пересмотреть этот вопрос. Германскому правительству предлагалось обещать «возможность отказаться от этого небольшого куска территории Литвы»⁵². Согласие на переговоры по этому пункту германская сторона дала уже после «вхождения» Литвы в СССР — 8 августа. В результате СССР согласился заплатить за передаваемую ему литовскую территорию 7,5 миллиона золотых марок.

Германская же сторона, как в Каунасе, так и в Москве, выражала свою заинтересованность в том, чтобы существующие между Германией и Литвой экономические и торговые отношения ни в коем случае не пострадали⁵³. 15 июля Э. Цехлин по поручению своего правительства заявил В. Креве-Мишкевичусу: «Мы, безусловно, ожидаем, что, как бы не развивалась политическая и экономическая структура в Литве, наши экономические интересы в Литве останутся в полной своей сохранности. Мы должны иметь гарантию того, что имущество германских граждан и граждан германской национальности останется нетронутым, что мы нашу торговлю с Литвой по меньшей мере сможем сохранить в объеме, предусмотренном в последнем торговом договоре...»⁵⁴.

24 июля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о национализации банков и крупной промышленности в Литве, Латвии и Эстонии⁵⁵. Германская миссия в Каунасе уже на следующий день обратилась к и.о. министра иностранных дел Литвы Главацкасу с настоятельной просьбой отказаться от национализации немецких банков, предприятий, имущества немцев и т.д.⁵⁶ Деканозов полагал, что следует отклонить эти претензии, согласившись лишь снизить долг Германии за оставленное в Мемеле литовское имущество на стоимость национализируемых предприятий, домов, земли и т.д.

Однако Сталин решил иначе. 27 июля он лично, по прямому проводу, дал указания В.Г. Деканозову и Н.Г. Позднякову «впредь, до особого распоряжения, приостановить в отношении немцев, как германского, так и литовского подданства, применения закона о национализации банков и крупных предприятий». В Каунас было передано и соответствующее постановление «инстанций» с проектом ответа литовского правительства германской миссии в Каунасе. Сталин предложил мотивировать эту рекомендацию литовцам двумя соображениями: «1) Раз немцы хотят переселяться в Германию, то не в наших интересах этому препятствовать; 2) В свое время немцы репатриировались из Латвии и Эстонии со всем принадлежащим им имуществом. Необходимо признать эту основу репатриации неизбежной для Литвы. Исключения невозможны»⁵⁷.

Молотов неоднократно заверял Шуденбурга, что интересам Германии и немецкого населения в Литве ничто не угрожает⁵⁸. Даже после того, как в Литве были закрыты посольства и миссии всех иностранных государств, представительство Германии

во главе с Э. Цехлином продолжало функционировать вплоть до конца марта 1941 г., то есть до завершения обмена населением.

О том, какова была истинная реакция гитлеровского руководства на события в Прибалтике, свидетельствуют принятые в Берлине меры по подготовке к нападению на СССР. 6 июля 1940 г. в циркулярном письме МИД Германии фиксировалось наличие «возникших между Германией и СССР разногласий». 28 и 31 июля Гитлер направил указания руководству германской армии о подготовке оперативных планов «молниеносного» военного разгрома СССР⁵⁹. 5 августа, в день, когда последняя из трех прибалтийских стран была «принята» в состав СССР, была оформлена первая разработка Главного командования сухопутных войск Германии (ОКХ) — плана развертывания и сосредоточения войск на Востоке для нападения на СССР. 9 августа была принята уже директива ОКВ о развертывании «Ост».

Естественно, прибалтийская проблема лишь ускорила переход гитлеровского руководства к подготовке «Дранг нах Остен». Советское руководство, понимая неизбежность в недалеком будущем нападения на него Третьего рейха, форсировало присоединение к себе Прибалтики в надежде, что это поможет эффективнее отразить нацистское нашествие. В то же время оно стремилось до поры до времени не раздражать Берлин, идти ему навстречу в целом ряде вопросов. Однако германский фактор был ньюд не единственным, и, возможно, даже не главным, побуждавшим сталинское руководство добиваться присоединения Прибалтики к СССР. Иначе после победы над Германией оно получило бы независимость трем странам Балтии, тем более, что озники СССР по антигитлеровской коалиции так и не прили законность их инкорпорации в СССР.

Примечания

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. П. 15. Д. 157. Л. 9–10.

Германо-литовские отношения в 1939 г. были крайне напряженными: в начале года все больше накалялась обстановка вокруг Клайпеды (Мемеля). События, связанные с отторжением Клайпедской области от Литвы, во многом напоминали подготовку к аннексии Судетской области Чехословакии. В «урфербанд» во главе с Э. Нейманом выступил против литовского правительства Мемелем. Там стали создаваться штурмовые отряды, насаждалась национал-социалистическая идеология. В феврале Директория

Клайпедского края выдвинула требования полной автономии. 20 марта И. Риббентроп вручил в Берлине министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису ультиматум, требовавший в весьма грубой и резкой форме немедленно передать Мемель (Клайпеду) Германии. Он был подкреплён угрозой ввести в Литву войска, причем не уточнялось, где они могут остановиться. Каунас вынужден был 22 марта подписать соответствующий договор. 23 марта А. Гитлер подписал закон о воссоединении Мемеля с Германией. 28 апреля М.М. Литвинов проинформировал И.В. Сталина о том, что «немцы стали причинять всякие неприятности советскому консульству в Мемеле. В этот же день германский поверенный в делах в СССР посетил НКВД и предложил закрыть советское консульство в Мемеле в середине мая. 12 мая Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное решение о закрытии Консульства (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 30). Вплоть до подписания договора о взаимопомощи с СССР в Литве испытывали страх перед Германией, опасаясь, не разделит ли их страна судьбу Чехословакии. Интенсивная подрывная деятельность литовских немцев, сеявших слухи о скором захвате Литвы Германией, кампания протестантских пасторов в пограничных с Германией районах Литвы в пользу Германии, вербовка в немецкое гражданство и т.п. усиливали эти опасения. В конце мая Литва и Германия досрочно перезаключили торговый договор между ними на два года с оборотом по 60 млн. лит с каждой стороны. Советское же руководство не вело в странах Балтии, и в частности в Литве, активной внешней политики, предпочитая определять их судьбу в переговорах с Англией и Францией, а позднее с Германией. Руководство НКВД скептически относилось к идеям и предложениям некоторых дипломатических представителей в Каунасе и Клайпедо по противодействию усилению германского влияния в Литве. Бывший генконсул в Клайпедо писал Молотову: «Отхватив Клайпедскую область, немцы стремятся захватить всю Литву в свои руки и сделать ее одной из продовольственных баз Германии... А мы снова только наблюдаем и опять молчим». В советско-германских переговорах в июле — августе германские дипломаты подчеркивали свою незаинтересованность в судьбе прибалтов, кроме Литвы. 29 августа германское правительство заявило, что будет уважать нейтралитет Литвы.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 12. Д. 126. Л. 38—34; «Полпреды сообщают...». М., 1990. С. 18, Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1 С. 670—671.

⁴ АВП РФ, Ф. 06. Оп. 1. П. 12. Д. 126. Т. 1. Л. 5—10; Ф. 0151. Оп. 24. П. 29. Д. 8. Л. 2—16; Ф. 211. Оп. 14. П. 15. Д. 5. Л. 1—13.

⁵ Там же. Ф. 0151. Оп. 30. П. 56. Д. 2. Л. 33—37; Ф. 211. Оп. 14. П. 15. Д. 5. Л. 12—13; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 488—491.

⁶ Так, 16 июня 1939 г. генконсул СССР в Клайпедо Л.Н. Куликов писал В.М. Молотову, что политика Германии в Литве направлена не только на укрепление там своих позиций, но и на подрыв влияния СССР. «Отхвати Клайпедскую область, немцы стремятся захватить всю Литву в свои руки

сделать ее одной из продовольственных баз по снабжению Германии... А мы снова только наблюдаем и опять молчим», — сетовал он.

⁷ Примечательно, что сразу после пересечения частями РККА советско-польской границы Берлин предпринял решительный демарш, обвинив литовское руководство в распространении якобы слухов о провоцировании ее Германией к захвату Вильно. 18 сентября глава Политического департамента МИД Литвы Э. Тураускас сообщил поверенному в делах СССР в Литве Н.Г. Позднякову о следующем: 17 сентября «через литовского посланника в Берлине Шкирпу и германского посланника в Литве Цехлина МИД получил от Риббентропа нагоняй за то, что МИД, якобы, способствует распространению слухов о том, что германское правительство толкает Литву на занятие Виленщины. Цехлин квалифицировал такое поведение литовцев возмутительным, а в германском МИД в разговоре со Шкирпой было употреблено слово безобразие. Шкирпа заявил, что упрек сделан незаслуженно, так как литовский МИД совершенно непричастен к этим слухам. Неожиданность этого наскока, по мнению Тураускаса, указывает на то, что что-то случилось». (АВП РФ, Ф, 06. Оп. 1. П. 12. Д. 126. Т. 1. Л. 48).

⁸ «Полпреды сообщают...». С. 56.

⁹ ADAP. Serie D. Bd. VIII. S. 87; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М., 1973. С. 389.

¹⁰ Nazi-Soviet Conspiracy and the Baltic States. Diplomatic Documents and the Evidence. London, 1948. P. 37–38.

¹¹ Международная жизнь. 1991. № 7. С. 129–131.

¹² 4 октября Ф. Шуленбург передал В.М. Молотову просьбу И. Риббентропа не упоминать секретного соглашения от 28 сентября относительно уступки Германии части литовской территории в его переговорах с Ю. Урбисом. (ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 617). Однако и Сталин, и Молотов сообщили литовской делегации, прибывшей в Москву 3 октября 1939 г. не только об этой уступке, но и о первоначальных претензиях Германии на литовские земли. (Lietuvos okupacija i aneksija 1939 – 1940. Vilein, 1993. Doc. 22–26.

¹³ На следующий день, 28 сентября, Сталин вновь подчеркнул: «Пока не предполагается изменять нынешнюю политическую и экономическую систему в Эстонии и вводить там советскую систему. Пока остается эстонская конституция, министерства будут продолжать свою работу. До поры до времени Эстония будет сама решать свои внешнеполитические дела». Намерения Советского правительства, касающиеся Литвы и Латвии, в этом разговоре не упоминались, так как Сталин по этому вопросу уже высказался в предыдущий день, констатировал автор немецкой записи переговоров Г. Хильгер (Международная жизнь. 1991. № 7. С. 135).

¹⁴ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 611–612.

¹⁵ В секретном дополнительном протоколе констатировалось согласие германского и советского правительств в том, что «подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в пункте 1 та-

ким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как, с другой стороны, Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии». Указывалось, что «как только правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии». Подчеркивалось также, что существующие хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не будут нарушаться вышеуказанными мероприятиями Советского Союза. (ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 135—136). 8 октября Ф. Шуленбург направил В.М. Молотову письмо, в котором просил подтвердить, что «1) упомянутая в протоколе и обозначенная на приложенной к нему карте литовская территория в случае ввода войск РККА в Литву не будет ими занята; 2) за Германией остается право определить момент осуществления уговора относительно перехода вышеупомянутой литовской территории к Германии». (Там же. Л. 617).

¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 156. Л. 15—17. 13 июля 1940 г. В.М. Молотов сообщил Ф. Шуленбургу, что «Советское правительство полностью подтверждает формальные права Германии на ту территорию Литвы, о которой сделана оговорка в Протоколе от 28 сентября 1939 г., что эта территория должна отойти к Германии». Вместе с тем он от своего и Сталина имени просил пересмотреть этот вопрос. (ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 434). Впоследствии было предложено выкупить эту территорию. Переговоры об этом шли достаточно долго и, в конце концов, согласно протоколу от 10 января 1941 г., СССР заплатил за него Германии 31,5 млн. марок. (ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 606).

¹⁷ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 173—175.

¹⁸ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 2001. С. 185.

¹⁹ Фляйшхауэр И. Пакт Молотова — Риббентропа: германская версия // Международная жизнь. 1991. № 7. С. 128.

²⁰ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 371.

²¹ АВП РФ. Ф. 06. П. 12. Д. 126. Л. 108, 113—114. О Балтийской Антанте см. подробнее: Ильмяров М. СССР и проблема создания Балтийской Антанты // Россия и Балтия. М., 2000. С. 130—156.

²² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 17. Оп. 121. Д. 54. Л. 22—23.

²³ В донесении Н.Г. Позднякова зам. наркома иностранных дел В.Г. Деканозову, в частности, указывалось: «Я внимательно искал те факты, которые оправдывали бы литовцев. К сожалению, я их не нашел. В советско-финской войне они были на стороне Финляндии. Ответственность за события на Севере (Дания, Норвегия) они возложили на Германию, то есть не согласны с точкой зрения, высказанной «Известиями». Они жалеют поражения Германии» («Полпреды сообщают...». С. 301—305).

²⁴ «Полпреды сообщают...». С. 326–330, 337–352.

²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 111–112.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1272. Л. 291; Оп. 3. Д. 1026. Л. 30.

²⁷ «Полпреды сообщают...». С. 332–334.

²⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 298–299.

²⁹ «Полпреды сообщают...». С. 353–355, 361–368, 371–377.

³⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 29. Оп. 34. Д. 552. Л. 1–2, 17–18.

³¹ Катынь. 1940–2000. Документы. Отв. составитель Н.С. Лебедева. М., 2001. С. 31–32.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 154–155.

³³ АВП РФ. Ф. 836/5. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 13–14.

³⁴ Там же. Л. 12, 18–22.

³⁵ Там же. Л. 12. Поверенный в делах Германии в Литве Адельман в свою очередь квалифицировал дальнейший ход событий как постепенный захват власти коммунистами. Он подробно описывал чистку госаппарата не только от приверженцев партии Сметоны – таутининков, но и от всех националистических, буржуазных и клерикальных элементов. «Почти все высшие и средние чиновники в большинстве министерств, исключая необходимых специалистов, уволены или отстранены, включая органы управления в провинции. ... В государственной полиции уволены все бывшие функционеры, исключая служащих канцелярии; заменены они исключительно приверженцами коммунизма, среди которых около 50% евреев; налажено теснейшее сотрудничество с уже прибывшими чиновниками ГПУ. В Министерстве иностранных дел увольнений пока мало, однако старые служащие большей частью отстранены; дипломатические представители за границей якобы отозваны, но не прибыли. Им предстоит увольнения». В то же время Адельман указывал, что «поведение русских военных без исключения корректное. Внешняя картина спокойная. В имущих кругах отчаяние и психоз бегства, средние буржуа выжидающе апатичны. Рабочие, включая аполитичные и некоммунистические слои, уже находятся под коммунистическим террором на предприятиях». 27 июня он же сообщил в Берлин о разоружении накануне всех членов Союза стрелков и здании рабочей милиции, насчитывавшей более 50 тыс. человек. (АВП РФ. Ф. 836/5. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–36, 38).

³⁶ В дальнейшем Шуленбург регулярно направлял в МИД Германии фотоснимки московской прессы, касавшиеся положения в Литве, Латвии и Эстонии. Он указывал, что во всех публикациях подчеркивалось, что советские войска везде встречают с радостью и даже восторгом, восхищаются дисциплиной и культурой советских военнослужащих, организуются массовые манифестации и митинги в поддержку «народных» правительств, осуждают «плутократические» режимы, притеснявшие народ, и т.д. Обобщения московской прессы, очевидно, преследуют цель изобразить, что последние меры советского правительства по отношению к Литве,

Латвии и Эстонии были приняты по желанию самих этих стран», — писал Шуленбург. (АВП РФ. Ф. 836/5. Оп. 1. Д. 1. Л. 5—6).

³⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 353—354. Как сообщал в Москву полпред в Германии А.А. Шкварцев, И. Риббентроп в разговоре с руководителем своего бюро Клейстом также заявил, что вопросы Бессарабии и Прибалтики не касаются Германии, так как они протекают в сфере советских интересов, установленной Германией в согласии с СССР. В то же время министр сообщил, что, вероятно, перед Москвой будут поставлены вопросы, связанные с экономическими интересами в этих регионах (ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 433).

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 166. В ответ на соответствующее представление литовского МИД германское правительство выразило сомнение в целесообразности такого шага и согласилось на переговоры лишь об изменении отдельных статей этого соглашения. (РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 3. Д. 8. Л. 3).

³⁹ РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 3. Д. 4. Л. 8, 14, 34—36.

⁴⁰ Литовский посол в Германии, имевший тесные связи с германскими службами, писал 26 июня В. Креве-Мицкевичусу: «Как известно, уже несколько недель как англичане прилагают усилия для сближения с Советской Россией... Англичане якобы сделали Советам большие уступки за счет третьих государств, а именно Польши, Прибалтийских стран, а может быть и Румынии. Цель всего этого — во что бы то ни стало разобщить Советскую Россию с Германией... Англия хотела бы облегчить свое положение: сцепив Советскую *Россию в войне с Германией и направив всю германскую военную машину на Восток, самой (Англии) заключить мир с Германией*... Не ясно, как на указанную английскую комбинацию смотрит сама Советская Россия: поддастся ли она на английскую удочку и видит ли она интерес пуститься на такую комбинацию с Англией». (РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 3. Д. 4. Л. 8.). Не исключено, что этот зондаж советской позиции К. Шкирпа проводил по просьбе германской стороны.

⁴¹ Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ). Ф. 383. Оп. 7. Д. 2554. Л. 63.

⁴² АВП РФ. Ф. 836/5. Оп. 1. Д. 1. Л. 18—22. Учитывая германскую озабоченность усилением советской группировки войск, 23 июня в советской печати было опубликовано сообщение ТАСС. В нем опровергались слухи о сосредоточении на литовско-германской границе 100—150 советских дивизий, вызванном якобы недовольством СССР успехами Германии на Западе. ТАСС заявлял, что в Прибалтийских республиках находится 18—20 дивизий, имеющих своей целью не «давление» на Германию, а создание гарантий для проведения в жизнь пактов взаимопомощи СССР с этими странами. Подчеркивалось, что распространители этих слухов преследуют специальную цель — набросить тень на советско-германские отношения. Однако «добрососедские отношения, сложившиеся между СССР и Германией... нельзя поколебать какими-либо слухами и мелкотравчатой пропагандой, ибо эти отношения основаны не на преходящих мотивах кон

юнктурного характера, а на коренных государственных интересах СССР и Германии», — подчеркивалось в сообщении ТАСС. (Известия, 23 июня 1940 г.).

⁴³ АВП РФ. Ф. 836/5. Оп. 1. Д. 1. Л. 41—42.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 3. Д. 16. Л. 2.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 836/5. Оп. 1. Д. 1. Л. 41—42.

⁴⁶ Там же. Л. 3—4.

⁴⁷ В 1939 — первой половине 1940 гг. В. Креве-Мицкевичюс возглавлял Общество по изучению культуры народов СССР, тесно связанное с ВОКСом, да и с советским посольством. Тем не менее Цехлин характеризует его как «истинного литовского патриота», у которого возникли серьезные разногласия с В.Г. Деканозовым. (АВП РФ. Ф. 836/5. Оп. 1. Д. 1. Л. 41—42).

⁴⁸ Там же. Л. 44.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 3. Д. 8. Л. 5.

⁵⁰ Там же. Л. 79.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 836/5. Оп. 1. Д. 1. Л. 7—8 (Телеграмма ответственного сотрудника МИД Германии Э. Вермана из Берлина Шуленбургу и миссиям в трех странах Балтии от 9 июля 1940 г.); «Полпреды сообщают...». С. 465.

⁵² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 434.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 3. Д. 8. Л. 25.

⁵⁴ Там же. Д. 4. Л. 55. 31 июля Шуленбург вручил Молотову меморандум, в котором подчеркивалась жизненная необходимость для Германии предусмотренных двусторонними договорами поставок товаров из прибалтийских стран. «Германское правительство считало бы наилучшим выходом из положения признание Правительством СССР вышеупомянутых экономических договоров, а также дополнительных к ним соглашений и взятие на себя обязательств к их выполнению», — говорилось в меморандуме. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 156. Л. 45).

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1026. Л. 14—15. В Литве, в соответствии с докладной запиской Деканозова, Позднякова и Стефанова Молотову, планировалось национализировать 351 крупнейшее предприятие из 1521 зарегистрированного, с количеством рабочих 26 600 (72,6%) и капиталом в 390 млн. лит (83,3%). (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1272. Л. 191).

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 3. Д. 8. Л. 55—56.

⁵⁷ Там же. Д. 6. Л. 21.

⁵⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 434—435, 438—440, 461—462, 468, 488—489.

⁵⁹ ADAP. Bd. X. S. 1207; FRUS. 1940. Vol. 1. P. 343, 349.

Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности

В истории народов Балтии 1939–1940 гг. представляют собой наиболее драматический период в XX столетии. Эти годы обозначили конец целой эры — первого периода независимой государственности. Без сомнения, общий шок от событий 1939–1940 гг. оставил глубокий след в нашем восприятии мира. В эти дни, спустя более чем 60 лет, многие из нас смотрят на 1939 г. и последовавшие за ним события как на неизбежное зло, когда где-то далеко — в Москве и в Берлине — судьба государств Балтии была предопределена более, чем на полвека.

В докладах и публикациях о событиях 1939–1940 гг. мы пытаемся осознать урок истории, спекулируя на том, что было бы, если бы... то или другое имело место в прошлом. Применительно к трагедии прибалтийских государств, когда они подчинились воле Советского Союза, общепринятая точка зрения гласит, что в данной ситуации балтийские страны были не в состоянии помешать тому развитию событий, которое привело к их включению в состав СССР, и решения лидеров этих государств в то время были практически единственно верными. В качестве оправдания всему произошедшему обычно приводят постулат о том, что любой другой шаг имел бы еще худшие последствия. К такому заключению подталкивают и соображения геополитического плана: во-первых, географическое положение стран Балтии, во-вторых — небольшой размер их территории и населения по сравнению с могущественными и грозными соседями.

В подходе к историческим исследованиям фиксируется возможность многовариантности, хотя в реальности только один исторический сценарий был реализован. Но этот факт не сводит

полностью на нет существование альтернативных подходов к интерпретации прошлого. Альтернативные сценарии могут существовать только вне человеческого общества. Поэтому лишь подтверждение того, что произошло в реальности, исключает возможность для различных интерпретаций и сравнений, избавляя нас от необходимости оценивать со знаком плюс или минус реальные события и обстоятельства прошлого.

Известие о подписании Советским Союзом и Германией Пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. произвело эффект разорвавшейся бомбы на общественное сознание стран Балтии. Весь мир при известии о заключении пакта Молотов — Риббентроп задался вопросом: какова цена заключенного соглашения и кто будет расплачиваться за него? Информация, полученная Таллинном, Ригой и Каунасом сразу после заключения пакта о ненападении, либо указывала на наличие секретного протокола, либо отрицала существование такового.

Специальные эмиссары занимали особое место во внешнеполитических акциях гитлеровской Германии. В этой связи нельзя не упомянуть о деятельности Карла Буркхардта. Гражданин Швейцарии и последний комиссар Лиги Наций в вольном городе Данциг, Буркхардт придерживался того мнения, что существующие по Версальскому договору границы европейских государств несправедливы в отношении Германии. По его мнению, Польша и Германия должны были разрешить проблемы путем обмена территориями за счет других европейских стран.

11 августа 1939 г., приглашая Буркхардта посетить его, Гитлер предложил, чтобы он «по собственной доброй воле» объяснил представителям западных держав всю сложность польско-германских отношений. В ходе этой встречи Гитлер раскрыл Буркхардту суть своих будущих замыслов: «Все, что я собираюсь сделать, направлено против Советского Союза... Я вынужден заключить соглашение с Советским Союзом, после же нападения на Запад и его поражения я поверну все свои военные силы против Советского Союза...»¹. Здесь нам следует обратиться к вмешательству Буркхардта в дела стран Балтии. В своих мемуарах Буркхардт лишь упоминает, что в начале сентября 1939 г., приехав через Кенигсберг в Каунас, он отобедал там с Томасом Престонем, британским консулом в Литве, а на следующий день встретился с министром иностранных дел Латвии Вильгельмом Мунтерсом в Офицерском клубе Риги. Описывая свой визит в Ригу, Буркхардт упоминает лишь высказывание Мунтерса о том, что Латвия ничего не боится, поскольку Советский Союз не позво-

лит Германии даже пальцем тронуть Латвию, а Германия не допустит посягательств Советского Союза на эту страну². Однако другой источник косвенно указывает на истинный предмет дискуссии на этой встрече: 4 сентября, еще находясь в Каунасе, Буркхардт имел также беседу с Людвигом Сеем, латвийским посланником в Литве, который сообщил о своих приобретениях от этой встречи в Ригу. Согласно Сею, Буркхардт проинформировал его, что Гитлер еще до заключения пакта Молотова — Риббентропа проговорился Буркхардту о цене соглашения с Советским Союзом: СССР получит доступ к Балтике и получит государства Балтии и часть Польши в свое распоряжение. Он также заявил Сею, что рейх не собирается ввязываться в длительную военную кампанию, а потому не станет чураться варварского поведения в начале войны — игнорируя все действующие соглашения, ущемляющие права нейтральных государств и пуская ко дну весь коммерческий флот тех нейтральных стран, которые будут продолжать торговлю с врагами рейха. В своем донесении Мунтерсу Сей предположил, что предложенная Гитлером цена соглашения вряд ли удовлетворит Сталина³. В своих мемуарах Буркхардт вообще не упоминает о своем визите в Эстонию. Между тем 7 сентября пограничное подразделение эстонского Министерства внутренних дел, после соответствующей информации от Полицейского управления Эстонии, издало краткий меморандум в отношении предстоящего приезда в Эстонию Буркхардта, комиссара города Данцига и сопровождающих его лиц, адресованный всем пограничным пунктам в южной Эстонии. Меморандум подчеркивал, что Министерство иностранных дел Эстонии, не располагая сведениями о том, под какими паспортами передвигается данная группа, приказывает пограничникам пропустить их в Эстонию беспрепятственно — обстоятельство, указывающее на то, что у этой группы не было необходимых эстонских виз. Так или иначе, Буркхардт и сопровождавшие его лица появились на эстонской границе на следующий день. 8 сентября, после полудня, с пограничного пункта Мыизакюла пограничной службой была получена телеграмма, известившая о прибытии Буркхардта и сопровождавших его лиц и их незамедлительном отбытии в Таллинн⁴.

После подписания пакта Молотова — Риббентропа передовицы газет во французской, британской, польской, итальянской и даже американской прессе озвучили идею о том, что новоиспеченный пакт определил сферы интересов в Восточной Европе. Хотя предполагалось, что секретный протокол останется тай

ной, даже германская пресса намекала на то, что пакт подписан за счет государств Балтии. Так, «Кельнише цайтунг» заявила 24 августа, что пакт позволил рейху и Советскому Союзу разрешить все их проблемы в отношении Балтийского региона, не приводя каких-либо других факторов или обстоятельств.

Факты говорят о том, что информированные круги в Таллине, Риге и также в Хельсинки были в курсе того, что в результате подписания германо-советского пакта о ненападении Эстония, Латвия и Финляндия попали в советскую сферу интересов, в то время как Каунас располагал сведениями о том, что Литва осталась в германской сфере интересов⁶. Исходя из имеющейся информации, Эстония, Латвия и Финляндия, выжидая дальнейших шагов со стороны Советского Союза, не смогли найти соответствующие пути и средства сотрудничества для достижения общих внешнеполитических целей как в их внешней политике, так и в военно-политической сфере.

Был ли договор о взаимопомощи, который страны Балтии заключили с Советским Союзом, неизбежным? Общераспространенной точкой зрения является то, что осенью 1939 г. для балтийских стран альтернатив не было. Надо признаться, этот вопрос не из простых. Трудность заключается в том, что в поисках ответа на него можно легко пасть жертвой ничем не подтвержденных спекуляций. В данном исследовании мы будем исходить из гипотезы и выстраивания того, что могло произойти, если отталкиваться от реальных фактов. Обратимся к вопросу о том, какими возможностями выбора обладали балтийские страны в создавшейся ситуации.

Первая альтернатива: вооруженное сопротивление. Этот вопрос изучался в сравнении с моделью «зимней войны». В 1930-х гг. лидеры стран Балтии один за другим публично провозглашали свою готовность оказать вооруженное сопротивление, невзирая на то, что окажется их врагом. В конце сентября — начале октября 1939 г. решительный тон выступлений был позабыт.

1 ноября 1923 г. был подписан договор о эстонско-латвийском военном союзе. Текст этого документа предусматривал взаимную военную помощь в случае неспровоцированного нападения на одну из подписавших его сторон⁷. Но невзирая на приведенные детали, альянс существовал лишь на бумаге. Принципы, по которым союз не стал реальностью, были психологическими, политическими, военными и экономическими. Координации действий в области обороны не последовало.

В 20-х и даже в 30-х годах страны Балтии искали гарантий независимости у великих держав, во многом схожих с теми, что были предоставлены Швейцарии и Бельгии. Тем не менее, ни одна из великих держав не изъявляла желания предоставить гарантии балтийским странам или заключить с ними военный союз.

Теоретически три государства Балтии, вместе взятые, располагали вооруженными силами значительных размеров, потенциально превосходившими финские. В случае всеобщей мобилизации Эстония могла выставить 100 тысяч, Латвия и Литва, с их более многочисленным населением, 500 тысяч солдат. Страны Балтии располагали и значительными вооружениями. Согласно данным латвийского историка-эмигранта Эдгара Андерсона, до Второй мировой войны страны Балтии, вместе взятые, имели порядка 900 орудий, 102 танка, 30 бронемашин, 9 бронепоездов и 2 железнодорожные артиллерийские батареи, а также более 400 самолетов, саперные батальоны и части связи. У балтийских стран были также 4 современные подлодки, один торпедный катер, 8 минных заградителей и минных тральщиков. Оборонительные союзы (кайтселиит в Эстонии, айзсарги в Латвии, шаулисты в Литве) насчитывали почти 200 тысяч мужчин и женщин⁸. В любом случае, население Финляндии было равно лишь половине населения трех стран Балтии, вместе взятых, а финская граница с Советским Союзом в два раза превышала протяженность границы с балтийскими странами. Однако восточную границу Финляндии, благодаря естественному рельефу, было оборонять гораздо легче. И страны Балтии не обладали ресурсами для затяжной военной кампании. К сентябрю 1939 г. Советский Союз сконцентрировал большие военные силы на границах с балтийскими странами. Таким образом, в ситуации, когда Польша перестала существовать, а Германия и Советский Союз окончательно определили свои сферы интересов, страны Балтии могли вести только краткосрочные боевые действия. Финляндия через Швецию имела канал поставки сырьевых материалов из дружественных стран. В начале «зимней войны» Германия осуществляла поставки в Финляндию вооружений, а позже, во время военных действий, продавала свои военные материалы в Швецию, которая, в свою очередь, перепродавала их в Финляндию. Германия опасалась, что Советский Союз не ограничится покорением Финляндии, а попытается подчинить себе всю Скандинавию. Для Германии это означало бы прекращение импортных поставок высококачественной железной руды из Швеции, незаменимой для германской военной промышлен-

ленности. Финляндия была в состоянии оказывать сопротивление СССР в течение трех месяцев. Но вопрос о том, сколь долго Эстония и Латвия были бы в состоянии оказывать военное сопротивление Советскому Союзу, не стал предметом изучения исследователей.

Подчинение государств Балтии без военного сопротивления лежало в русле германских военных и внешнеполитических целей. В сентябре 1939 г. германская внешняя политика преследовала своей целью обеспечить ситуацию, в которой Эстония и другие страны Балтии сдались бы без какого-либо военного сопротивления. Средства массовой информации также призывали к сдаче без сопротивления. Например, 25 сентября газета «Ревальше цайтунг», ссылаясь на информированные круги в Берлине, обвинила Великобританию в попытках втянуть нейтральные страны в войну и предостерегла против военного конфликта: «Энергичные усилия нейтральных стран в деле их безусловного нейтралитета в отношении всех воюющих сторон, в том числе в экономической сфере, представляют важную предпосылку мирного решения проблем». «Националь цайтунг», газета Геринга, подчеркивала в своей передовице от 24 сентября, что даже если бы существование стран Балтии было в интересах рейха, Берлин не мог бы не учитывать пожеланий Советского Союза. Таким образом, подразумевалось, что рейх мог лишь говорить за Балтийские государства: «От Каунаса до Вильнюса не будет преград для скромного, но достаточно ощутимого счастья в нейтральном уголке, где Великая Германия, настолько доброжелательная, что, в дополнение к своим другим заботам, возьмет на себя также заботу о своих маленьких соседях».

Из-за британско-французской морской блокады германский торговый флот был ограничен акваторией Балтийского моря осенью 1939 г. Многие историки, такие, как Алан С. Милворд и У.Н. Медликот, подчеркивают, что нацистская Германия была готова только к быстротечной войне, которая должна была состоять из серии четких молниеносных ударов (блицкриг). Милворд указывает, что единственным жизненно важным стратегическим сырьем, которым Германия располагала в изобилии, был уголь⁹. Согласно утверждениям немецкого историка Андреаса Хильгрубера, в 1939 г. Германия была бы не в состоянии контролировать ситуацию на Западе без стратегических гарантий на Востоке, а также без восточного импорта продуктов и сырья. Хильгрубер утверждает, что если бы СССР присоединился к экономической блокаде Германии, германская военная машина

быстро бы выдохлась¹⁰. Германия зависела от поставок продуктов и сырья из СССР и стран Балтии. Военный конфликт между Советским Союзом и балтийскими странами разрушил бы транспортную систему западной части СССР. Война в балтийском регионе существенно подорвала бы германскую военную экономику. Невозможно предугадать, какой могла быть реакция Германии в случае войны между СССР и странами Балтии.

Балтийский регион был важен для Германии и из-за транзитного потока товаров из СССР, Японии и Китая. Насколько велик был объем транзитных грузов, поступавших из стран Балтии в Германию между 1 сентября 1939 г. и 15 июня 1940 г., заслуживает более детального изучения. Германская газета деловых кругов «Нахрихтен фюр Аусенхендель» 23 декабря подчеркивала, что с точки зрения рейха Таллинский порт был важен в той мере, в какой через него проходил поток советских товаров. Того же мнения придерживалась и Москва. В начале сентября 1939 г. нарком внешней торговли отдал приказ торгпреду в Таллине определить транзитные мощности порта Таллинна, количество кораблей, вместимость складских помещений и размер денежных компенсаций Эстонии за перегрузку товаров¹¹. В марте 1940 г. эстонское правительство дало советской организации, ответственной за внешнюю транзитную торговлю, — Ленвнештранс — разрешение открыть свое представительство в Таллинне¹². Как свидетельствует меморандум департамента транспорта наркомата внешней торговли, в период с декабря 1939 г. по май 1940 г. планировавшаяся перегрузка через порт Таллинна в Германию и Скандинавию достигла 475 тысяч тонн различных товаров, из них 285 тысяч тонн нефтепродуктов. Для того, чтобы ускорить перегрузку транзитных товаров, рассматривался вопрос о заказе новых кранов из Германии¹³.

Значительная часть сырьевых материалов и товаров из Советского Союза переправлялась в Германию по латвийским и литовским железным дорогам¹⁴. Особенно важным для транзитной торговли был порт Лиепая. После подписания пакта о взаимопомощи поставки грузов через Латвию и Литву осуществлялись по индивидуальным соглашениям. Например, в начале 1940 г. Германия и Латвия заключили соглашение на транзит 400 тысяч тонн зерна из Советского Союза через Лиепай¹⁵. 23 января 1940 г. представители железных дорог Германии и Литвы заключили соглашение, позволявшее Германии использовать литовскую железнодорожную сеть для транзитной перевозки маньчжурской руды и прочих товаров, а также устанавли-

вавшие тарифы, которые выплачивались Литве¹⁶. 23 апреля латвийский министр иностранных дел Мунтерс и германский посланник Котце подписали латвийско-германское соглашение о транзитной торговле¹⁷.

Вторая альтернатива: единый фронт балтийских стран, который выступил бы против требований Советского Союза и апеллировал к политической и моральной поддержке со стороны Лиги Наций и демократических стран, к нормам международного права — то есть действенный нейтралитет.

Однако территориальные проблемы Литвы межвоенного периода — Вильнюс и Мемель (Клайпеда) — определили основную внешнеполитическую ориентацию Литвы и тем самым оказали существенное влияние на внешнюю политику других стран Балтии. До 1934 г. Литва была политически ориентирована на СССР и в меньшей степени на Германию, то есть на страны, которые являлись врагами Польши. Постоянно возрастающее напряжение в Мемеле, германо-польская декларация о ненападении 1934 года и денонсация ноты Чичерина 1926 г., провозглашавшей Вильнюс оккупированной территорией, привели к ряду перемен в литовской внешней политике в 1934 г. С 1934 г. по 1938 г. литовская внешняя политика ориентировалась на Советский Союз и Францию и поддерживала политику коллективной безопасности Лиги Наций. В 1934 г. Литва начала и ограниченное сотрудничество во внешнеполитической сфере с Эстонией и Латвией. В то же время литовские военные круги стремились к созданию балтийского военного альянса под эгидой Советского Союза.

С момента рождения независимой государственности до середины 30-х гг. Эстония и Латвия рассматривали Советский Союз как единственную враждебную им державу в регионе. Фактически обе страны в своей внешней политике ориентировались на Польшу, Великобританию и Лигу Наций и безуспешно пытались учредить союз Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии. В середине 30-х гг. приход к власти национал-социалистов в Германии и последующий рост германской военной мощи также повлекли за собой перемены во внешней политике Эстонии и Латвии. Во второй половине 30-х годов латвийское военное руководство, как и большинство латышского народа, рассматривали Германию как своего главного врага и выражали готовность сражаться на стороне Советского Союза против Германии, в то время как большинство латвийского внешнеполитического истеблишмента считало СССР архиглавным врагом стра-

ны. До заключения Мюнхенского пакта осенью 1938 г. внешнеполитическое руководство Латвии верило, что только Великобритания, Франция, Лига Наций и коллективная безопасность могут гарантировать независимость их страны. После заключения Мюнхенского пакта, как бы то ни было, латвийское внешнеполитическое руководство начало обсуждать «безусловный нейтралитет», который в основном означал внешнеполитическую ориентацию на Германию. В отличие от Латвии с 1935—1936 гг. эстонское военное и политическое руководство рассматривало СССР в качестве главной угрозы их суверенитету, в то время как широкие слои населения страны боялись в первую очередь Германии. К 1939 г. в условиях международного кризиса в Европе Латвия и Литва, следуя за эстонским примером поиска убежища под прикрытием риторики нейтралитета, также стали придерживаться внешнеполитической ориентации, которая в наименьшей степени служила национальным интересам этих стран. Мотивируя это страхом ликвидации частной собственности большевистским Советским Союзом, правительства Эстонии, Латвии и Литвы возложили все свои надежды на нацистскую Германию, как наиболее мощного оппонента большевизма.

С подписанием в Женеве в 1934 г. Договора о дружбе и сотрудничестве Эстония, Латвия и Литва обязались сотрудничать по внешнеполитическим вопросам, представляющим взаимный интерес и оказывать друг другу политическую и дипломатическую помощь на международной арене. Соглашение предусматривало как регулярные, так и экстренные конференции министров иностранных дел¹⁸. На встречах министров иностранных дел Балтийской Антанты, состоявшихся в период с сентября 1934 по февраль 1939 гг., обсуждались внешнеполитические вопросы, затрагивающие три государства. Это правда, что они не принесли результатов и не продемонстрировали единство внешнеполитических действий. Как бы то ни было, Балтийская Антанта — так называемый Договор о дружбе и сотрудничестве между Эстонией, Латвией и Литвой, подписанный в Женеве в 1934 г., — оказался неспособным придать единство внешнеполитическим и военным целям балтийских государств. Более того, в трех странах Балтии — членах Лиги Наций большинство политиков даже и не хотело думать о постановке вопроса об их независимости в Лиге Наций. В 1936 г. латвийский министр иностранных дел Мунтерс сказал, что Лига является единственной силой в мире, на которую могут положиться государства, в осо-

бенности малые страны. Не стоит забывать и о том, что осенью 1939 г. Латвия также все еще была членом Совета Лиги Наций¹⁹. Оскар Эпик, заместитель министра иностранных дел Эстонии, заметил в своих мемуарах, что только лишь обращение в Лигу Наций в конце 1939 г. казалось бесполезным и одна лишь моральная поддержка была бы лишена смысла²⁰.

Тем не менее, зная о беспомощности Лиги Наций, которая потеряла свое прежнее влияние и была не в состоянии оказать какую-либо военную помощь, правительство Финляндии в декабре 1939 г. все же незамедлительно обратилось к ней с просьбой о помощи и поддержке. Лига не могла проигнорировать обращение Финляндии. При этом следует отметить, что решение, принятое Лигой Наций, не смогло никоим образом изменить ход событий. Оно не остановило агрессию Советского Союза, и поэтому может рассматриваться как чисто символический жест. Как бы то ни было, осуждение Советского Союза, нашедшее свое выражение в решении Лиги Наций исключить из своих рядов СССР, эхом отозвалось по всему миру. Моральная поддержка от членов Лиги Наций стала для финнов доказательством того, что справедливость на их стороне.

Досье НКВД СССР на маршала Михаила Тухачевского, заместителя председателя РВС СССР, содержит меморандум, касающийся предстоящей войны. Согласно Тухачевскому, Красная Армия предвосхитит спланированные Германией действия, уничтожив эстонскую, латвийскую и литовскую армии и оккупировав эти страны. В заключение Тухачевский сделал предположение, что нейтралитет стран Балтии, даже в случае военного политического сопротивления, не продержится более чем две недели — опасная ситуация с точки зрения советского военного политического планирования²¹. В этом контексте опасения авла были обоснованны: когда разразилась Первая мировая война, Германия предъявила ультиматум Бельгии с требованием пустить ее войска через бельгийскую территорию. Ответная а на ультиматум Бельгии содержала только один ответ — резкое и презрительное «нет!». Последовавшее нападение мании на Бельгию повернуло общественное мнение во всем ье против Германии.

По грубым оценкам, совокупная территория стран Балтии в 37 квадратных миль, без учета территории Вильнюса, была в 1914—1939 гг. больше по площади, чем Бельгия и Нидерланды, те взятые, или Англия и Уэльс. Этот регион населяли примерно 6 миллионов человек в то время. Таким образом, Балтия с

объединенной мощью этих стран представляла собою внушительного политического игрока в Европе, способного оказывать влияние на ход событий при помощи политических каналов влияния.

Третья альтернатива: правительство в изгнании. Исторические исследования, освещающие события 1940 г. в государствах Балтии, лишь поверхностно затрагивают вопрос об ответных политических шагах на советские действия в этом регионе. В большинстве случаев никто не хотел в открытую обсуждать проблему добровольной, покорной реакции балтийских государств на советские требования. По сути дела, эстонский президент, латвийский президент, литовский премьер-министр и другие деятели, уполномоченные действовать от лица своих государств, санкционировали официальными документами принятие согласительного варианта ответа на советские требования. Почему же не было сформировано правительство в изгнании, хотя оно было бы обоснованным с точки зрения международного права?

Поведение Германии при подписании пакта о ненападении с Советским Союзом с дополнительным секретным протоколом к нему было интерпретировано в Таллинне и в Риге как аморальное, тем не менее было воспринято с некоторым чувством облегчения. В целом, с позиции балтийских стран, будущее, гарантированное пактом Молотова — Риббентропа, казалось предпочтительнее возможной участи в случае заключения советско-британско-французского пакта. В последнем случае Германия была бы вынуждена вести боевые действия на два фронта, что привело бы к ее конечному коллапсу. Существовало расхожее суждение, что поражение Германии повлечет за собой дальнейшую экспансию Советского Союза в Восточной Европе²².

Официально страны Балтии воздерживались от обвинений в адрес Германии. Было непонятно, как будут развиваться события в Европе. Они верили, что на западе Германия вела борьбу не на жизнь, а на смерть. Было также понятно, что это была первая фаза в борьбе против Советского Союза. Существовал страх военного поражения Германии. Этого боялись, так как подобное означало бы потерю единственной силы в Европе, способной сдерживать Советский Союз. Разгром Германии на Западе расценивался как путь к уничтожению Европы и к исчезновению государств Балтии²³.

Надежда на то, что Берлин, невзирая на пакт с Советским Союзом, использует свое влияние для того, чтобы остановить

оккупацию и большевизацию Эстонии, разделялась многими эстонскими политиками. На заседании Комитета по внешней политике и обороне обеих палат парламента 26 сентября 1939 г., эстонский министр иностранных дел Сельтер высказал точку зрения, что его и Риббентропа одновременное пребывание в Москве даст Эстонии большие возможности для переговоров. «Молотов, конечно, ясно заявил о том, что Германия не сможет вам помочь. Но я полагаю, что чем сильнее Германия на востоке, тем лучше для нас», — говорил он²⁴. Вечером 26 сентября, когда было принято решение об удовлетворении требований Советского Союза, Сельтер попросил германского посланника проинформировать Риббентропа об этой развязке. В то же время Сельтер подчеркнул, что Советы будут умиротворены лишь в той степени, которая позволит избежать военного конфликта и сохранить хорошие отношения с Германией²⁵.

Известие о том, что Германия передала страны Балтии в советскую сферу влияния, только укрепило надежды эстонского руководства в отношении политической поддержки Германии. По сути, германская разработка сланцевого масла и месторождения фосфоритов рассматривалась эстонским руководством как главная гарантия безопасности и независимости нации²⁶. Это обстоятельство находит свое подтверждение в беседе министра иностранных дел Сельтера с Микаелом Ноуендорфом²⁷, членом германской делегации, прибывшей в Таллинн для выяснения ситуации, возникшей в связи с переселением балтийских немцев в Германию. Сельтер попросил Ноуендорфа сообщить в Берлин, что эстонское правительство и президент Пяте готовы увеличить добычу масла до миллиона тонн в год для выгоды германского флота в обмен на ответную помощь рейха в деле сохранения эстонской независимости в случае чрезмерных требований со стороны Москвы. «...Президент готов предоставить Германии обширные права на добычу эстонских сланцевого масла и фосфоритов, если рейх, со своей стороны, станет стражем эстонской независимости перед лицом Сталина», — заявил он²⁸. Эта линия шла вразрез с тем отношением к Германии и немцам, которое господствовало среди широких слоев населения. Оно очевидно из статей, публиковавшихся в эстонской и латвийской прессе, которые отражали неподдельную радость по поводу отъезда балтийских немцев. В Эстонии их эвакуация расценивалась как вытеснение последних остатков Тевтонского ордена²⁹.

Тем не менее, принимая во внимание сложившуюся стратегическую ситуацию в балтийских странах, в их столицах сущест-

вовала вера и надежда на то, что судьба государств Балтии определится в результате германо-советской войны, которая в конечном счете приведет к быстрому краху Советского Союза.

Для предотвращения войны между СССР и странами Балтии в германских интересах было не скрывать того, что ожидало эти государства. Балтийские страны должны были поддерживать мир на востоке, пока на западе шла война. Несмотря на германо-советский договор о ненападении, немцы не скрывали тот факт, что их основной целью является уничтожение Советского Союза. Берлин дал понять эстонскому правительству, что хочет мира на востоке в интересах всех, кроме Советов, и что советские базы являются лишь временными. Устные заверения были даны также в том, что, исходя из собственных экономических интересов, Германия использует дипломатические средства для сдерживания СССР от советизации стран Балтии. Это питало надежду прогерманских политиков, дипломатов и военных на то, что балтийские страны в конце концов обеспечат себе место в новой Европе, которую создаст Германия.

После заключения договоров о взаимопомощи, внешняя политика стран Балтии стала ориентироваться в первую очередь на Советский Союз и во вторую — на Германию, оставаясь в союзе с этими двумя державами. Эстонское руководство было готово сотрудничать с Советским Союзом до начала советско-германской войны, тогда как ожидалось, что политическое и военное сотрудничество с рейхом продолжится и после начала германо-советской войны.

Ряд эстонских, латвийских и литовских дипломатов, представителей, посланников предполагали, что рано или поздно после передачи баз Советскому Союзу последует потеря независимости их стран. Те из них, кто отдавал себе в этом отчет, пытались убедить свои правительства заняться подготовкой после подписания договора о взаимопомощи для образования правительства в изгнании в какой-нибудь части мира, ради чего они предлагали предоставить необходимые средства и людей в различных странах мира, где были дипломатические представительства³⁰. Поведение стран и правительств в Европе, которые отвергли путь сотрудничества с агрессором-завоевателем и покинули свои родные страны для образования правительства в изгнании, могло послужить положительным примером в этой ситуации.

Образование правительства в изгнании в какой-либо нейтральной или антигерманской стране было бы неприемлемо не

лько для сторонников германской ориентации, но также входило бы в противоречие с внешнеполитическими целями как Германии, так и Советского Союза. Прогерманская ориентация до заключения договора о взаимопомощи и двойственная ориентация на Германию и СССР после подписания договора о взаимопомощи не допускали создания правительства в изгнании, которое затем могло стать субъектом международного права. Конечно, после заключения договора о взаимопомощи страны Балтии заблокировали экспорт капитала и другого движимого имущества, а также выезд людей из своих стран, одновременно пытаясь усилить свои вооруженные силы в надежде, что Советский Союз не начнет нападение до того, как Германия начнет свои военные действия против него³¹.

С другой стороны, следует понимать, что одной из психологических черт диктаторов является убежденность в их собственной непогрешимости. Весьма маловероятно, что все три балтийских президента, которые достигли или оставались на вершине власти после соответствующих государственных переворотов испытывали бы сильное желание поделиться или отказаться от той власти, которую они приобрели с помощью силы. Внешняя политика каждой страны всегда тесно привязана к ее внутренней политике. История знает периоды, когда отсутствие этой связи может привести к роковым последствиям. В странах Балтии демократические принципы и идеалы еще не превратились в самодостаточную ценность для политической элиты, выросшей и получившей образование в царской России. Авторитарный режим был установлен вначале в Литве в 1926 г., а затем Эстония и Латвия последовали этому примеру в 1934 г. К концу 30-х годов правительства Эстонии и Литвы еще не имели эффективной системы свободно избираемых гражданами представителей в законодательные собрания, выражение идей и мнений, в особенности со стороны политической оппозиции, было подчинено строго контролируемой цензуре. Взамен пропагандистская машина стала оправдывать бессрочность авторитарного режима, штампуя восхваления его выгод для нации. Многие люди, подвергшиеся такой «промывке мозгов» через постоянный пропагандистский поток, смирились с автократическими методами правления как неизбежностью. В Латвии население было отстранено от участия в государственных делах еще и путем лишения парламента характера работоспособного института. Без сомнения, вина за неудачу демократии в странах Балтии

может быть частично оправдана краткостью политического развития и отсутствием демократических традиций и культуры.

* * *

Возникновение независимых государств Балтии стало возможным после коллапса России и Германии в 1917–1918 гг. Очевидно, что хотя образованию государств Балтии существенно способствовали изменения в глобальной политической констелляции, их независимость была бы недостижима без единства политической воли самих народов Балтии и их победоносной вооруженной борьбы за свободу. Двадцать лет спустя перемены на уровне глобальных политических констелляций вместе с возросшими трениями между европейскими великими державами отразились и на балтийских государствах, подтолкнув их на путь к потере суверенитета, для стойкой защиты которого они не проявили никакой инициативы.

Очевидно, что военные силы Эстонии, Латвии и Литвы были бы не в состоянии ни предотвратить оккупацию своих территорий Советским Союзом, ни оказать вооруженное сопротивление Германии летом 1941 г. Однако, как показывает история вновь и вновь, оккупация не всегда означает потерю независимости. Таким образом, вопрос в том, как государство подчиняется [сдается на милость победителя], и в том, какие существуют пути избежания [уклонения от] аннексии.

Но помимо внешнеполитических факторов, обуславливающих безоговорочное подчинение, несомненно, также следует принимать во внимание внутривнутриполитические, экономические и психологические факторы. С одной стороны, потеря странами Балтии независимости была следствием общеевропейского международного политического кризиса, порожденного Мюнхенским пактом, договорами между Советским Союзом и Германией, германским вероломством, искусной пропагандой и ожиданиями ниспровержения Советского Союза и Германии и, с другой стороны, отсутствием реалистичной и независимой внешней политики на Балтике в 1939–1940 гг., а также той внутренней политикой, которая была распространена в этих странах, тогда как кардинальные сдвиги в большой европейской политике подготовили поле для потери суверенитета балтийскими государствами. Решение стран Балтии о спокойном подчинении было принято не 23 августа в Москве. Нельзя отрицать всю

сложность создавшейся ситуации. Но решения об образе действия принимались в Таллинне, Риге и Каунасе.

По сути дела, катастрофа 1939—1940 гг. являлась также закономерным результатом серьезного кризиса во внутренней политике стран Балтии. Таким образом, тихая смерть независимости балтийских государств и их полное исчезновение с европейской политической арены были результатом долгого процесса, хотя не единственно по причине совершенно безысходной ситуации и не только из-за вынужденных действий, вызванных подписанием пакта Молотова — Риббентропа.

Примечания

¹ C. J. Burekhardt. *Meine Danziger Mission 1937—1939*. München, 1960, S. 348.

² Ibid., S. 353

³ Сея Мунтерсу, 4 сентября 1939 г. Latvijas Valsts vēstures arhivs (Латвийский государственный исторический архив) [LVVA], Рига, Ф. 2574, Оп. 3, Д.3237, л.199—200.

⁴ Eesti Riigiarhiiv (Эстонский государственный архив) [ERA], Таллинн, Ф. 978, Оп.1, Д.871, Лл.139; 144.

⁵ См. также: Доклад Гросвальда от 25 августа 1939 г.; Доклад Экиса от 23 августа 1939 г.: *The Occupation and Annexation of Latvia*, 101; Toivo U. Raun. *The Baltic Question in the American and British Press 1939—1940*. // *Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised*, 41/3, 1992, 169—173.

⁶ K. Škirpa. *Lietuvos nepriklausomybės sutemos 1938—1940. Atsiminimai ir dokumentai*. Chicago—Vilnius, 1996, 179; См. также M. Iemjärvi. *Silent Submission. Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania — Period from mid 1920-s to Annexation in 1940* // *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia*. Stockholm, 2004, P. 342—356.

⁷ См. Eesti ja Läti suhted 1920—1925. Dokumentide kogumik. Koostanud Heino Arumäe, Tiit Arumäe. Tallinn, 1999, C. 222—224.

⁸ E. Anderson. *Military policies and plans of the Baltic States on the eve of World War II*. // *Lituanus*, 2, 1974, P. 28—29; E. Anderson. *The Baltic Entente 1914—1940 Its Strength and Weakness*. // *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia* 3. *The Baltic in International Relations between the Two World Wars*. Symposium organized by the Centre for Baltic Studies. November 11—13, 1986. University of Stockholm. Ed. by J. Hiden and A. Loit. Uppsala, 1988, P. 82; см. также T. Nömm. *Eesti Vabariigi kaitseväest 1939—1940*. // *Akadeemia*, № 3, 1989. C.586—587.

⁹ A. S. Milward. *The German Economy at War*. London, 1965; P. 2—18; W.N. Medlicott. *The Economic Blockade Vol. I*. London, 1952, P. 47—48.

¹⁰ A. Hillgruber. *Germany and the Two World Wars*. Harvard University Press, 1981, P. 75.

¹¹ Торгпред в Эстонии в Наркомат внешней торговли, 15 сентября 1939 г. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф. 413. Оп. 13, д. 2527, л. 1.

¹² Министерство финансов Эстонии в комиссариат внешней торговли, 21 марта 1940 г. РГАЭ, Ф. 413-Оп. 13, Д.2529, л.111.

¹³ Транспортный отдел Наркомата внешней торговли А.И. Микояну, 11 декабря 1939 г.; Союзпромэкспорт торгпреду в Таллинне, 13 ноября 1939 г.; Доклад Краснова, 16 ноября 1939 г. РГАЭ. Ф. 413, Оп. 13, Д. 2729, лл. 9–11; 35; 22.

¹⁴ Lietuvos aidas, 14 января 1940 г.

¹⁵ См. латвийско-германское соглашение, 11 января 1940 г. РГАЭ. Ф. 413, Оп. 13, Д. 2863, л. 45.

¹⁶ Oven Blatt, 24 Января 1940 г.

¹⁷ Латвийско-германское соглашение о транзите, 23 марта 1940 г. РГАЭ Ф.413, Оп. 13, Д.2863, Л.20.

¹⁸ Eesti lepingud välisriikidega XII 1933–1934. Eesti Vabariigi Välisministeerium. Tallinn, 1935, С. 278.

¹⁹ См. L. Zemīte. *Latvia in the League of Nations*, Riga, 2002, P. 60–61.

²⁰ O. Mämers. *Näda võidetuule*. Stockholm, 1958, S. 97.

²¹ 1937. Показания маршала Тухачевского, см.: Военно-исторический журнал. № 8, 1991, С. 48.

²² См. M. Ilmjärv. *Silent Submission*, С. 369–384.

²³ См. Доклад Галлиенна, 15 февраля 1940 г. Public Record Office, Foreign Office [далее: PRO FO], FO 371/24765; Доклад главнокомандующего Лайдонера на заседании парламента, 14 октября 1938 г. ERA Ф. 2553 Оп. 1 Д. 60, Л. 128.

²⁴ Molotovi–Ribbentropi paktist baaside lepinguni. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1989, С. 145.

²⁵ Ibid., S. 150.

²⁶ См. также Меллерсон Сеппу от 1 марта 1940 г. ERA Ф. 969 Оп. 6 Д. 100, Л. 74.

²⁷ Нойендорф прибывает в Эстонию 6 октября и отбывает 4 ноября 1939 г. См. регистрационную книгу эстонской пограничной службы ERA Ф. 495 Оп.11 Д.44, Л. 493; 552.

²⁸ Меморандум Нойендорфа от 10 ноября 1939 г. US National Archive II [NA II], RG-242 T-120 R49, 39576–39578.

²⁹ См. J. Kivimäe. *Raske lahkumine. Baltisakslaste ümberasumine eestlaste rahvuslikus vaatevinklis*. // Looming, 9, 1989, 1242–1250; П. Я. Крупников. Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989, С. 242–244.

³⁰ См.: Triju pasiuntinų 1939 m. lapkričio 2d memorandumas užsienio reikaliu ministeriui. // Metmenys, 37, 1979. Chicago, 156–157; P. Klimas. Lietuvos diplomatinėje tarnyboje 1919–1940. Vilnius, 1991, S.158; M. Valters. 15. maja apvērsums un ārkārtējās pilnvaras ar pilnvaru tekstu. Stokholmas, 1951, С. 46–48; протокол заседания финансового комитета эстонского парламента от 7 февраля 1940 г. ERA Ф. 84 Оп. 1 Д. 928, Л. 415–417; Протокол заседания финансового комитета эстонского парламента, 24 января 1940 г. ERA Ф. 84. Оп. 1. Д. 928, Л. 184–186; см. также протокол заседания финансового комитета эстонского парламента от 31 января, 1940 г. ERA Ф.84. Оп.1 Д.928, Л.357; I. Raamot. Mälestused II. Stockholm, 1991, С. 170.

³¹ См. M. Ilmjärv. Silent Submission. 475–497.

Прибалтика: 1939–1940 гг.

При рассмотрении отношений СССР с Прибалтийскими республиками, на мой взгляд, следует выделить три этапа: сентябрь 1939 – июнь 1940 гг.; июнь – июль 1940 г. и середина июля – 2 августа 1940 г. Каждый из них складывался в связи с международной обстановкой этих лет и разгоравшейся Второй мировой войной.

Известно, что по договору «О дружбе и границе» от 28 сентября 1940 г. по предложению СССР часть Варшавского и полностью Люблинское воеводство (по секретному протоколу от 23 августа входившие в «сферу интересов» СССР) были включены в сферу интересов Германии, а СССР в обмен получил Литву с включением в нее Вильнюсского края, ранее принадлежавшего Польше. Все три Прибалтийские государства оказались в сфере интересов СССР.

Складывавшаяся международная обстановка в конце 1939 диктовала советскому руководству и конкретные формы политики в отношении Прибалтики. На первый план вышли соображения военного характера, требовавшие размещения каких-то контингентов советских войск и военно-морских баз в Прибалтике, чтобы обезопасить этот район от германской экспансии, создать стратегическое предполье в предвидении неизбежной будущей войны с Германией, держать вермахт как можно дальше от границы СССР. Продолжалась «странная война», исход которой был неясен. Надежды малых стран, находившихся между такими противостоящими друг другу державами, как Германия и СССР, удержаться на позиции нейтралитета являлись более чем иллюзией. И это хорошо понимали и народы, и пр

вающие круги Прибалтийских государств. Поэтому предложение Советского Союза в конце сентября — начале октября о заключении соглашений о взаимной помощи правительства Прибалтийских республик восприняли как меньшее из зол. Эти договоры соответствовали интересам безопасности не только СССР, но объективно и Прибалтийских государств. Они обеспечили народам Прибалтики мир еще почти на два года. Кроме того, шли поставки из Советского Союза в страны Прибалтики нефти, железа, хлопка, многих других товаров и видов сырья. В какой-то мере они облегчали экономическое положение Прибалтийских республик, повысили занятость населения в промышленности и сельском хозяйстве, компенсировали нарушенные в ходе войны экономические отношения с Западом. Договаривавшиеся стороны обязались оказывать друг другу всяческую помощь, включая и военную. Предусматривалось создание на территории Латвии, Литвы и Эстонии советских военных баз и размещение на них небольших контингентов советских воинских частей (по 25 тыс. человек в Латвии и Эстонии, 20 тыс. человек в Литве). Эти и другие соглашения не посягали на суверенные права Литвы, Латвии, Эстонии, не затрагивали их общественно-го и государственного устройства. Они были направлены против превращения их территории в плацдарм для нападения на СССР. В воспоминаниях, опубликованных министром иностранных дел Латвии Мунтерсом в 1963 г., отмечается, что при подписании договора латвийская делегация исходила из того, что «только так можно сохранить латышский народ, обеспечить ему мир, не допустить уничтожения его Германией», — т.е. фашистским рейхом, которым ныне восхищаются некоторые круги в странах Балтии.

Советские гарнизоны, которые были размещены в трех Прибалтийских республиках на основе заключенных с ними договоров о взаимной помощи, ни в коей мере не должны были вмешиваться во внутренние дела этих стран, ни о какой «советизации» этих республик речь не шла. Народный комиссар иностранных дел писал полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину от 23 октября 1939 г.: «Вы не поняли нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским пактом о взаимопомощи. Из ваших последних шифровок... видно, что вас ветром понесло по линии настроений «советизации» в Эстонии, что в корне противоречит нашей политике.

Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет «советизации» Эстонии или даже простое

непротивление этим настроениям — на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам. Вы таким неправильным поведением сбиваете с толку эстонцев... Вы должны заботиться о том, чтобы наши люди, в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли пакт о взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии...»¹ Аналогичные указания давались и дипломатам, представлявшим СССР в Латвии и Литве.

Такой же характер имели и директивы военного ведомства. Так, в приказе народного комиссара обороны Союза ССР от 25 октября 1939 г. №0162 говорилось: «...2. Разъяснить всему личному составу наших частей дружескую политику Советского правительства по отношению к Эстонии. Договор о взаимопомощи с Эстонией призван обеспечить прочный мир в Прибалтике, безопасность Эстонии и Советского Союза. Весь личный состав наших частей должен точно знать, что по пакту о взаимопомощи наши части расквартированы и будут жить на территории суверенного государства, в политические дела и социальный строй которого не имеют права вмешиваться»². Приказы №0163 и №0164, в свою очередь, категорически предписывали личному составу 2-го Особого стрелкового и 16-го Особого стрелкового корпусов невмешательство во внутренние дела Латвийской и Литовской республик. Эти приказы неукоснительно выполнялись.

В одной из инструкций по взаимоотношениям советских военнослужащих с местным населением говорилось:

«Военнослужащие и командование советских войск в Литве строго соблюдают и исполняют законные требования литовской администрации, не вмешиваются и не препятствуют местной администрации исполнять свои обязанности, воздерживаются от каких бы то ни было возражений к местным действующим законам, обязательным постановлениям и правилам; не участвуют в устраиваемых встречах, никакого участия в местной общественной жизни не принимают...

б) Дежурный по гарнизону офицер литовской армии и его помощник, а там, где нет гарнизонов, — чины гражданской власти имеют право проверять увольнительные удостоверения у всех военнослужащих РККА и всех, оказавшихся без увольнительных удостоверений, задерживать и передавать дежурному командиру для дальнейшего его направления в часть».

Неудивительно, что большинство местного населения не считало красноармейцев оккупантами. Это отмечали и государ-

ственные деятели Прибалтийских республик. В одном из выступлений в январе 1940 г. министр иностранных дел Литвы Ю.Урбшис заявил: «Войска Советского Союза никак не вмешиваются в наши внутренние дела... Мы распоряжаемся в нашей стране так, как распоряжались до договора от 10 октября, правдой является также то, что со стороны войск Советского Союза мы до сих пор не испытали никакой обиды, никакого расхождения с положениями договора и гостеприимства»³.

Конечно, было бы наивным утверждать, что советские гарнизоны, которые были размещены в странах Прибалтики, не оказывали никакого воздействия на внутриполитическую жизнь. Сам факт их присутствия создавал обстановку, в которой советские силы, демократические круги трех Прибалтийских республик могли действовать более активно.

Характерной чертой этого этапа явилось то, что Сталин и его окружение, действуя в рамках, определенных секретным протоколом, стремились в то же время соблюдать нормы международного права. Об этом свидетельствует и выбор момента ввода сил Красной Армии в Польшу, и форма договоров с Прибалтийскими республиками, и строгое соблюдение условий этих договоров (до лета 1940 г., когда стратегическая обстановка резко изменилась).

Весна и лето 1940 г. кардинально изменили международную обстановку. Вермахт вторгся в страны Северной и Западной Европы и воочию демонстрировал свое могущество на полях сражений. В первый же день германской агрессии, 9 апреля, пала Польша. Подвергшаяся одновременно с ней нападению Норвегия с помощью англо-французских войск и сил флота продержалась 63 дня, но действия германских войск в Скандинавии пошли на второй план, когда 10 мая вермахт вторгся в страны Западной Европы. За 5 дней была завоевана Голландия, за 19 — Бельгия. Английские войска, бросив на полях Фландрии всю тяжелую технику, откатились за Ла-Манш, Франция была к началу лета накануне катастрофы. 14 июня войска вермахта вступили в Париж, а через неделю Франция капитулировала.

Советскому Союзу приходилось считаться с приближением конца военных действий на западе и возможностью переброски германских войск на Восток. Действительно, вскоре началось сосредоточение германских войск в Восточной Пруссии, там была объявлена дополнительная мобилизация и другие мероприятия, которые свидетельствовали о возможной угрозе фашистского вторжения в Прибалтику. В сложной обстановке лета

1940 г. руководство СССР не могло не учитывать и тревожную информацию, получаемую от разведки и из других источников, о враждебных СССР настроениях правящих кругов, многих высших военных и политических деятелей Прибалтийских стран, об их связях с Германией. В самом деле, политическая ситуация в Прибалтике начала обостряться уже в ходе советско-финляндской войны. Эстония и Латвия в нарушение договоров с СССР оказывали помощь Финляндии. Из Эстонии, в частности, в Финляндию прибыло несколько десятков добровольцев. В феврале 1940 г. президент Литвы А. Сметона направил в Берлин директора департамента госбезопасности А. Повилайтиса на секретные переговоры об установлении в Литве германского протектората. В начале 1940 г. состоялась встреча министра иностранных дел Эстонии К. Сельтера с Герингом. Летом 1940 г. усилился приток в Прибалтику, в частности в Литву, немецких агентов, выступавших в качестве «туристов», «журналистов» и т.п. По мере роста германских успехов в ходе кампании на Западе и на фоне неудач Красной Армии в войне с Финляндией правящие круги Прибалтийских республик все более активизировали антисоветскую деятельность.

В связи с этим Советское правительство сочло необходимым принять срочные меры по укреплению обороны Прибалтийских республик. Оно направило ноты руководству Литвы (14 июня), Латвии и Эстонии (16 июня), где указывало, что считает совершенно необходимым и неотложным сформировать в них такие правительства, которые могли бы обеспечить «честное проведение в жизнь» договоров о взаимной помощи с СССР, а также потребовало увеличить численность советских войск на территории Прибалтики, поскольку немногочисленность советских гарнизонов в Прибалтике и невысокие боевые возможности армий Прибалтийских государств не обеспечивали надежного заслона в случае гитлеровской агрессии.

Опасения советского руководства не были беспочвенными. К середине июля 1940 г. только из Франции немцы перебросили на Восток 30—40 дивизий, значительное число которых было направлено в районы Польши и на границу Германии с Литвой. В результате к этому времени в Восточной Пруссии оказалось сосредоточено 12 дивизий и на территории Польши — до 36 дивизий. Наряду с этим германское морское командование не только организовало крейсирование своих военных кораблей у входа в Финский и Рижский заливы, но и направляло патрульные суда в устье этих заливов под предлогом контроля над тор-

говыми судами Латвии, Эстонии и Финляндии, перевозящими в шведские порты грузы, предназначенные для Англии.

Все это, конечно, не могло не беспокоить советское руководство. Однако требование изменить состав правительств было, конечно же, нарушением норм международного права, вмешательством во внутренние дела суверенных государств.

Но было бы ошибкой утверждать, что методы силового давления были присущи только СССР или только «тоталитарным державам». Широко применялись они и «демократиями». Воюющие державы не раз игнорировали правовые нормы, когда это диктовала стратегия. Вступление английских и советских войск в Иран, высадка американских войск в Марокко вопреки воле правительств этих стран или без их разрешения, захват англичанами о. Мадагаскар, принадлежавшего не участвовавшей в войне вишистской Франции, — это только часть подобных акций, осуществлявшихся в годы войны.

Утром 17 июня 1940 года в республики Прибалтики вступили крупные силы советских войск в составе 10 стрелковых дивизий и 7 танковых бригад⁴. В Таллинн и Двинск (Даугавпилс) прибыли корабли и суда Балтийского флота.

Эта мера была продиктована в первую очередь интересами национальной безопасности СССР в условиях усиливавшейся угрозы войны. Здесь создавалась мощная группировка Красной Армии. Незамерзающие порты обеспечивали действия флота на Балтике круглый год. В случае войны Балтийский флот получал возможность проводить крейсерские операции, организовывать рейды подводных лодок, осуществлять минирование акватории Балтийского моря у берегов Восточной Пруссии и Померании, блокировать доставку в Германии железной руды из Швеции. Аэродромы, расположенные в Прибалтике, позволяли советской авиации действовать на территории Германии. Именно отсюда были нанесены первые воздушные удары по Берлину в августе 1941 года.

В то время мотивы действий СССР были понятны военным специалистам других стран. 21 июля 1940 г. германский посланник в Риге фон Котце писал: «Вступающие войска столь многочисленны, что... невозможно себе представить, чтобы только для подчинения Латвии необходима была такая обширная оккупация. Я думаю, что в русских мероприятиях сыграла свою роль мысль о Германии и имеющихся у нее возможностях и что планы русских имеют оборонительный характер⁵. Его коллега в Каунасе Э. Цехлин докладывал в Берлин в тот же день. «Совер-

шенно очевидно, — писал он, — что столь внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учетом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направил сюда такое огромное количество войск из недоверия Германии с чисто оборонительными целями»⁶. Такого же взгляда придерживался и глава британского МИД Э. Галифакс. В те дни он считал, что «концентрация советских войск в Прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера»⁷.

Вступление дополнительных контингентов войск Красной Армии на территорию Прибалтийских государств было встречено населением без энтузиазма, но с пониманием обстановки, а некоторыми слоями трудящихся — с радостью. Английский посланник в Латвии К. Орд телеграфировал в Лондон: «Значительная часть населения встретила советские войска приветственными возгласами и цветами». Не обошлось и без эксцессов. Так, в Латвии в районе Масленки Аугшпилской волости произошла перестрелка между красноармейцами и латвийскими пограничниками⁸.

Имели место и случаи самоуправства советских военачальников на местах. 18 июня 1940 г. командир 65-го Отдельного стрелкового корпуса комдив А. Тюрин докладывал командующему Ленинградским военным округом генералу Мерецкову: «Командир морской базы (С. Кучеров) предъявил эстонцам ультимативные требования об освобождении огромного количества зданий Таллина, включительно до министерства, с указанием срока предоставления — 24 часа 19 июня. Требуется передать всю зенитную артиллерию и аэродромы сухопутной авиации... Указанные действия считаю недопустимым захватничеством. Войска НКО и ВМФ по утвержденной дислокации частей должны устраиваться иным порядком... Кучерову указал на незаконность его действий. Авиацию приказал убрать на свои аэродромы»⁹.

В те дни в странах Прибалтики массовые митинги и демонстрации положили начало формированию народных правительств. Присутствие советских войск и изоляция Прибалтики от стран Запада, разделенных войной, не позволяли правительствам Прибалтийских республик рассчитывать на поддержку извне. Поэтому этот процесс протекал мирным путем. Переход власти к народным правительствам, законность этих правительств получили признание во внешнем мире. Так, новое правительство Латвии, например, было признано 19 европейскими

государствами, поддерживавшими дипломатические отношения с Латвией.

14-15 июля в Латвии, Литве и Эстонии состоялись выборы. В них приняли участие широкие слои населения. В Литве и Латвии были избраны народные сеймы, в Эстонии — Государственная дума. Они провозгласили в Прибалтийских республиках советскую власть и приняли решение просить Верховный Совет СССР принять Советскую Латвию, Советскую Литву и Советскую Эстонию в состав Советского Союза.

Таким образом, вступление Прибалтийских республик в состав СССР летом 1940 г. было продиктовано в первую очередь интересами советской внешней политики. Но на этот процесс влияли и динамически развивающиеся события, происходившие в самих Прибалтийских республиках. Значительные круги общественности требовали замены авторитарных режимов демократическими правительствами и проведения радикальных изменений. Часть народа высказывалась за вступление в состав СССР.

Однако, на наш взгляд, в сложной обстановке лета 1940 г. советское руководство не проявило достаточной политической мудрости. Если усиление группировки Красной Армии в Прибалтике давало определенный стратегический выигрыш, то курс на государственное объединение Прибалтийских республик с Советским Союзом обернулся крупным политическим просчетом советского руководства. Ввод дополнительных соединений РККА и замена авторитарных правительств в странах Прибалтики были встречены большинством зарубежных государств как вполне объяснимая мера, продиктованная интересами безопасности СССР в складывавшейся обстановке (о чем свидетельствует признание новых правительств многими странами). Но когда Прибалтийские республики были включены в состав СССР, международное сообщество расценило это как аннексию, как проявление «имперских амбиций коммунистического тоталитарного государства», как попытку «множить число советских республик». Реакция была незамедлительной. Резко ухудшились отношения Советского Союза с Англией и США, т.е. с теми странами, которые являлись потенциальными союзниками СССР, причем как раз в тот момент, когда все явственное обозначались противоречия Советского Союза с рейхом и обстановка требовала всемерного улучшения отношений с западными державами.

Это была крупная политическая ошибка с далеко идущими последствиями и в отношении народов Прибалтики. Когда Прибалтийские республики объявили себя демократическими государствами, союзными СССР, это было объяснимо и понятно в ситуации 1940 г. Но вступление их в состав Советского Союза, поспешное внедрение модели сталинского социализма осложнили внутривластную ситуацию.

Происходившие в Прибалтике преобразования с первых же дней несли на себе печать сталинского социализма. Как и по всей стране, в новых республиках проводились репрессии, террор и массовые депортации. Все эти беззакония компрометировали идею социализма, вызывали разочарование в среде трудящихся, делали многих из них противниками советского строя. Все это так. Но при оценке событий, происходивших на западных рубежах СССР в 1939—1940 гг., необходимо учитывать весь комплекс международных и внутренних факторов, в том числе и военно-стратегическое положение стран и территорий, вошедших в состав Советского Союза, и национальные интересы населения этих регионов, и симпатии трудящихся к СССР. Следует помнить и то, что народы республик Прибалтики вместе с другими народами СССР и стран антигитлеровской коалиции оказались в дальнейшем в общем строю объединенных наций, боровшихся против фашистских захватчиков, и внесли свою лепту в победу над фашизмом.

Однако после окончания «холодной войны» и отделения республик Балтии от СССР в этих странах возобладала тенденция славить не тех участников войны, кто с оружием в руках сражался против фашизма, а тех отщепенцев, которые вошли в ряды вермахта и особенно СС и выступали против Красной Армии, решающей силы войск антигитлеровской коалиции, уничтожали евреев и славян, всячески измывались над своими соотечественниками — сторонниками советской власти.

По иронии судьбы единственными регулярными частями, оборонявшими центр столицы Третьего рейха в мае 1945 г. были дивизии СС «Нордланд» и «Шарлемань», латышский батальон из 15-й гренадерской дивизии СС (1-й латышской дивизии СС), и 600—900 эсесовцев — бойцов личной охраны Гитлера. Так ныне высокочтимые «ветераны СС» из латышских соединений гитлеровских войск закончили войну с антигитлеровской коалицией.

А тогда, в 1940 г., ввод советских войск в Прибалтику свидетельствовал, что советское руководство принимает решитель-

ные меры по созданию стратегического предполья на своих западных рубежах, на котором могли бы развернуться военные действия. Против кого? Ответ был ясен: предстояла смертельная схватка между СССР и Германией. Шла напряженная борьба обоих государств за выигрыш пространства и времени.

Примечания

¹ Полпреды сообщают. М., 1990. С.144.

² Красная звезда. 1989. 26 ноября.

³ История СССР. 1990. №4. С.49.

⁴ РГВА. Ф.33988. Оп.3. Д.376. Л.302-305.

⁵ Bundes Archiv BRD. Письмо германского посланника в Риге в МИД Германии 21 июня 1940 г.

⁶ Ibid. Письмо германского посланника в Каунасе в МИД Германии 21 июня 1940 г.

⁷ PRO. Cab. 65/7. P.2557.

⁸ Атмода. 1989. 19 июня..

⁹ История СССР. 1990. №4. С.50.

Беларусь в международном военно-политическом кризисе 1939–1941 гг.

Кризис, связанный с советско-германскими договоренностями, началом Второй мировой, а затем и Великой Отечественной войн, является одной из острейших проблем европейской и мировой исторической науки. Он особенно актуален в год 60-летия Победы антигитлеровской коалиции над фашистской Германией.

В силу своего геополитического положения Беларусь оказалась в центре тех драматических событий. Однако начальная стадия военно-политического кризиса 1939–1941 гг. ознаменовалась для белорусского народа явлением исторического значения — произошло его объединение. Тем самым была преодолена историческая несправедливость, заложенная Рижским мирным договором 1921 г. Объединение было осуществлено на советской основе в форме БССР. Аналогичные события произошли и в соседней Украине.

Вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси, как и других частей польского государства, оказалось неожиданным и для руководства Речи Посполитой (РП), и для ее населения, включая западнобелорусское. Страна была дезориентирована. Польские воинские формирования получали нередко противоречивые указания. И все же обозначилась позиция польского руководства: основное сопротивление оказывать немецко-фашистским войскам и в меньшей степени советским. В соответствии с приказом маршала Э. Рыдз-Смиглы от 17 сентября 1939 г. польские формирования должны были сражаться с Красной Армией только в случае нападения на них или попыток их разоружения. Поскольку первые эшелоны Красной Армии

двигались маршевым порядком по магистралям и практически не останавливались, в непосредственное соприкосновение с польскими войсками они по существу не входили.

Тем не менее произошло несколько столкновений, носивших довольно упорный характер. Советская сторона понесла определенные потери во время наступления на город Гродно 20–21 сентября 1939 г. Здесь были убиты 47 красноармейцев и 156 ранены, подбиты 12 советских танков. Всего до конца сентября 1939 г. потери только Белорусского фронта составили около тысячи человек убитыми и более двух тысяч ранеными¹. Это значительно больше официальных сведений. Так, В.М. Молотов утверждал, что за время этой кампании потери Красной Армии на территории Западной Беларуси и Западной Украины составили 737 убитых и 1872 раненых².

Большинство населения Западной Беларуси после почти двадцатилетнего национального, социально-экономического и политического угнетения со стороны польских властей радостно приветствовало Красную Армию, встречая ее хлебом и солью. Во многих местах проходили многотысячные митинги, вывешивались красные флаги. Это был искренний порыв людей, которые верили в свое освобождение и в лучшую жизнь.

Однако не во всех местах была выдержана линия разграничения советских и немецко-фашистских войск, предусмотренная соответствующими советско-германскими соглашениями. В некоторых случаях немецкие части зашли дальше на восток, чем было предусмотрено, и поэтому им приходилось оставлять некоторые населенные пункты. Иногда этому предшествовали совместные военные парады. В Западной Белоруссии они состоялись в Бресте и Пинске. Проходили они и в некоторых городах Западной Украины.

Границы устанавливались, исходя из военно-политических соображений и в первую очередь за счет разгромленного Польского государства. Белорусская ССР пополнилась Белостокской областью. Именно в Белостоке прошло Народное собрание Западной Белоруссии, которое высказалось за вхождение западнобелорусских земель в состав БССР. А вот город Вильно и Виленский край в соответствии с договором между СССР и Литвой от 10 октября 1939 г. вошел в состав Литвы.

Установленная в результате разгрома Польского государства советско-германская граница, несмотря на декларативные заявления с обеих сторон, не являлась гарантом мирного развития событий. Это понимало и советское руководство. Поэтому при

нимались меры, как по укреплению границы, так и по очищению приграничной полосы. Проводились эти мероприятия в духе существовавшей практики, в первую очередь путем депортаций определенных категорий населения. В короткие сроки было подготовлено и проведено выселение вместе с семьями в отдаленные регионы Советского Союза польских осадников и лесников. Оно осуществлялось на основе секретного постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР, принятого 5 декабря 1939 г. и утвержденного в тот же день на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Данный вопрос держали под контролем высшие руководители страны. Об этом, в частности, свидетельствует записка Л.П. Берии, направленная 29 декабря 1939 г. в ЦК ВКП(б). В ней говорилось: «Товарищ Сталин! Согласно Ваших указаний от 19 и 25 декабря я информирую ЦК ВКП(б) о готовности к проведению операции по выселению осадников и служащих лесной охраны в западных областях Украины и Белоруссии...»³.

В целях организации всей этой деятельности была разработана подробная «Инструкция о порядке проведения операции по выселению осадников и работников лесной сторожевой охраны». Данная акция в основном была проведена 10 февраля 1940 г. В то время морозы доходили до 37–42 градусов, были большие снегопады, заносы на дорогах. В этот день были депортированы свыше 50 тыс. жителей Западной Беларуси из 9584 хозяйств. При этом 307 человек были арестованы, 4 умерли или были убиты. Вооруженного сопротивления акции со стороны выселяемых по существу не было. Во время повальных обысков было найдено незначительное количество оружия и ценностей⁴.

Документальные материалы свидетельствуют, что по имущественному положению работники лесной охраны являлись преимущественно бедняками, в лучшем случае середняками. Немного состоятельнее были и осадники. В конце 20-х — начале 30-х годов в Западной Белоруссии 8,4 тыс. осадников владели 143 тыс. гектаров земельной площади⁵. Им, правда, поручались определенные полицейские функции среди местного населения, которые они исполняли с разным усердием. Основной их «виной» было то, что большая часть осадников в свое время служила в польской армии и принимала участие в неудачной для большевистской стороны польско-советской войне 1919–1920 гг. Так что их выселение из Западной Белоруссии и Западной Украины можно расценить как месть за провал наступления Красной Армии под Варшавой.

В целях «оздоровления» западнобелорусской территории, кроме этой акции, проводились и другие, похожей направленности. 13 апреля 1940 г. были депортированы семьи арестованных ранее лиц, которые подозревались в антисоветской деятельности, а также семьи военнопленных польских офицеров и полицейских, содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях. Решение о депортации этих семей было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 2 марта 1940 г., о расстреле узников тюрем, польских офицеров и полицейских — 5 марта. Всего 13 апреля только в Западной Белоруссии в вагоны были погружены почти 7,3 тыс. семей, насчитывавшие более 24,2 тыс. человек. Их тоже ожидал длительный путь в Северный Казахстан. В июне 1940 г. были депортированы десятки тысяч беженцев из Польши, спасавшихся в Западной Белоруссии от немецких оккупантов.

Даже за два дня до начала Великой Отечественной войны, в ночь с 19 на 20 июня 1941 г., на западнобелорусских землях была проведена новая заблаговременно подготовленная масштабная операция по дальнейшему аресту подозреваемых в антисоветской деятельности лиц и выселению их семей. Она была осуществлена в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 г. «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР», предусматривавшим проведение аналогичных мер и в Западной Белоруссии. В результате из Западной Белоруссии были выселены 22,4 тыс. человек⁶.

Кроме депортаций определенных категорий жителей Западной Беларуси в отдаленные регионы Союза ССР, проводились и другие репрессивные акции. Среди них очищение 800-метровой пограничной полосы. Это происходило на основе постановления СНК СССР «Об охране государственной границы в западных областях УССР и БССР», принятого высшей партийной инстанцией и СНК СССР 2 марта 1940 г. Оно предусматривало отселение жителей приграничных деревень, а также с территорий будущих укрепрайонов, полигонов и аэродромов. Всего в западных областях БССР было перемещено почти семь с половиной тысяч хозяйств, которые включали 35,3 тыс. жителей. Они переселялись в глубь западнобелорусской территории на расстояние от 5 до 150 км от тех мест, где проживали раньше.

Наряду с организованными переселениями различных категорий населения проводилась интенсивная оперативная работа по изоляции лиц, которые подозревались в антисоветской деятельности. Только с октября 1939 г. по июль 1940 г. в Западной

Беларуси было арестовано 8815 человек⁷. Всего же с сентября 1939 г. и до начала Великой Отечественной войны в западных областях Белорусской ССР было репрессировано около 150 тыс. человек⁸. Сюда не входят из-за отсутствия точных сведений военнопленные польской армии, расстрелянные в апреле — мае 1940 г. в Катыни, Калинин и близ Харькова. Однако известно, что среди 21 857 убитых там офицеров и полицейских было немало выходцев из Западной Беларуси. В данную цифру не включены также депортированные беженцы, поскольку они не являлись постоянными жителями западнобелорусского края.

Проводя эту работу, партийные органы и спецслужбы СССР исходили из задач советизации западных областей БССР и УССР, укрепления границы, а также в целях выполнения советско-германских договоренностей. Так, в подписанном 28 сентября 1939 г. секретном дополнительном протоколе обе стороны обязывались не допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивавшей территорию другой стороны. Они взяли обязательства подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью⁹.

В связи с тем, что западная граница Союза ССР была отодвинута на несколько сот километров, проводились мероприятия по ее укреплению: строились новые аэродромы, военно-инженерные сооружения прежде всего наступательного предназначения. С этой целью в максимальной мере использовались местные ресурсы. С 8 марта 1941 г. на территории Белостокской и Брестской областей была введена трудовая и гужевая повинность на работы по оборонному строительству. Ежедневно только на этих объектах было занято свыше 10 тыс. рабочих и более 10 тыс. повозок с извозчиками. Всего весной 1941 г. на приграничном участке Западного особого военного округа ежедневно работало до 35 тыс. человек¹⁰.

Прежде всего укреплялась полоса прикрытия западной границы, которая имела в пределах республики протяженность в 70 км. Здесь с участием западнобелорусского населения до июня 1941 г. было построено 550 дотов и 990 сооружений полевого типа. Однако к началу Великой Отечественной войны это строительство и военно-инженерное оборудование еще далеко не были завершены. На территории БССР только в 193 дотах были размещены артиллерийские и пулеметные установки.

Была поставлена задача до конца 1941 г. построить и переоборудовать для приема новых типов самолетов 159 аэродромов,

что являлось крайне напряженным заданием. Дважды, в апреле и мае 1941 г., ЦК КП(б)Б и Совнарком БССР рассматривали ход этого строительства. 7 июня 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко докладывал И.В. Сталину о том, что по состоянию на 5 июня на строительстве аэродромов занято 87 тыс. рабочих и 75 тыс. повозок¹¹.

Советское руководство беспокоили данные Западного особого военного округа, что пропускная способность советских железных дорог по территории Белорусской ССР в западном направлении в 3,5 раза меньше пропускной способности тех железнодорожных путей, которые подходили к советской границе с запада. Поэтому была поставлена задача срочного проведения соответствующих работ. Однако реализовать их по существу не удалось.

Форсированными темпами шло в предвоенные годы строительство в БССР ряда стратегических оборонных объектов. В первую очередь это относится к возведению в Минске и Могилеве авиационных заводов, танкоремонтных предприятий в Витебске и Барановичах, мощностей по производству синтетического бензина и нефтебензоемкостей в Гомеле и Орше. Однако эти работы были только начаты.

Исходя из советской военной доктрины, предусматривавшей ведение боевых действий только на чужой территории, старая оборонительная линия вдоль прежней советско-польской границы была заброшена. Ее использование в военных целях не предусматривалось. Поэтому вооружение с нее было в основном демонтировано. Это было крупным просчетом советского политического и военного руководства. Прежняя советская граница укреплялась на протяжении почти двух десятков лет, и она могла сыграть существенную роль в отражении немецко-фашистской агрессии в начале Великой Отечественной войны.

Вместе с тем советской властью активно проводились мероприятия по переводу промышленности, сельского хозяйства, культуры в западных областях БССР на советскую основу развития. С этой целью были национализированы банки, промышленные предприятия, транспорт и т. д. В деревнях началось колхозное строительство. Для этой работы из восточных областей республики в западный регион направлялись соответствующие кадры. В предвоенные годы сюда прибыли около 4 тыс. коммунистов и комсомольцев¹². В значительном количестве приезжали специалисты различных наркоматов, агитационные бригады.

Готовясь, несмотря на наличие соответствующих советско-германских договоренностей, к предстоящей войне, партийное

и государственное руководство Советского Союза и Белорусской ССР не ограничивалось мероприятиями в западных, только что вошедших в состав СССР областях республики. Они охватывали всю Белорусскую ССР, как и страну в целом. В частности, на протяжении 1939 — 1940 гг. около 192 тыс. хуторских хозяйств (примерно четверть от их общего количества в восточных и центральных районах республики) были переселены в колхозные центры. Это была в первую очередь политическая акция, противоположная хозяйственной целесообразности и тому, что было сделано на основе столыпинской аграрной реформы и во времена новой экономической политики. Данной акцией были уничтожены материальные предпосылки для развития в будущем фермерства.

Известно, что 26 июня 1940 г. Президиум Верховного Совета Союза ССР принял указ «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Данный указ незамедлительно проводился в жизнь. Только на протяжении одного месяца после его принятия в БССР за прогулы было уволено почти 4 тыс. человек. К 1 августа 1940 г. в органы прокуратуры республики поступили материалы почти на 7,3 тыс. человек, которые в соответствии с принятым указом привлекались к судебной ответственности¹³.

Итак, международный военно-политический кризис 39—1941 гг. ознаменовался для белорусского народа не только воссоединением в единой семье, преодолением его разъединения, но и депортациями определенных категорий жителей, ссыльными арестами лиц, подозреваемых в антисоветской деятельности, а также развертыванием работ по укреплению западной советской границы и прилегающих к ней территорий. И мероприятия проводились наряду с жесткими требованиями, чтобы не нарушить советско-германские договоренности, исполнение которых советское партийное и государственное руководство сильно преувеличивало.

Замечания

¹ Назаўсёды разам. Мінск, 1999. С. 88.

² Остафійчук В.Ф. Історія України. Київ, 2002. С. 250.

³ Цит. по: Павлов Я.С., «Болевые точки» истории Беларуси. Минск, 1999. С. 219.

⁴ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 2086ю Л. 1-3.

⁵ Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 — 1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 28.

⁶ Хацкевіч А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939 — 1941 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 2. С. 74; Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. : Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Отв. составитель Н.С. Лебедева. М., 2001. С. 676-677.

⁷ Хацкевіч А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939—1941 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 2. С. 74

⁸ Касцюк М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Минск, 2000. С. 211.

⁹ Павлов Я.С. Указ. соч. С. 87.

¹⁰ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2311. Л. 64-65; Оп. 3. Д. 1153. Л. 152-154.

¹¹ Там же. Д. 2336. Л. 92-94.

¹² Там же. Д. 1584. Л. 36.

¹³ Звязда. 1990. 26 июня.

Политико-идеологические кампании Кремля (1939—1941 гг.)

В современной российской и зарубежной историографии большое место уделяется проблеме социальной мобилизации в СССР на начальном этапе Второй мировой войны. В предлагаемой статье излагается авторский взгляд на данную проблему. Основное внимание уделено политико-идеологическим кампаниям, которые осуществлялись в Советском Союзе в этот период. Подобного рода кампании можно рассматривать как один из действенных способов социальной мобилизации, что, в свою очередь, позволяет оценить реальные возможности воздействия господствующего режима с их помощью на общественное мнение, составить представление об особенностях мобилизационных процессов сталинского режима.

Под *политико-идеологической кампанией* автор понимает инициируемое «сверху» сосредоточение внимания на той или иной группе вопросов внутриполитического (внешнеполитического) характера для достижения заранее определенных целей. В конкретных условиях конца 1930-х—начала 1940-х гг., когда в СССР уже существовала система тотальной пропаганды¹, подобные кампании осуществлялись с применением всего имеющегося политико-пропагандистского инструментария, начиная от устной агитации и кончая средствами массовой информации и печати. Разразившаяся 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война обуславливала необходимость социальной мобилизации советского общества, в основу которой была положена психологическая подготовка к неизбежному вооруженному столкновению с «капиталистическим окружением». Выражаясь языком современной политологии, это был *конфликтный тип* мобилизации,

где превалирующим являлся фактор угрозы извне. Соответственно в данной статье рассматриваются политико-идеологические кампании, направленные на формирование стереотипов, связанных с подготовкой и проведением военных действий.

В качестве объекта избраны кампании, имевшие место в периоды: 1) «освободительного похода» 1939 г. в Западную Украину и в Западную Белоруссию; 2) «Зимней войны» 1939—1940 гг.; 3) подготовки к вооруженному столкновению с Германией (май-июнь 1941 г.)².

С началом боевых действий в Европе СССР формально объявил о своем нейтралитете. Но согласно секретным дополнительным протоколам к пакту о ненападении от 23 августа и договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. с нацистской Германией Советский Союз предпринимал практические шаги по освоению оговоренных «сфер государственных интересов» в Польше и в Финляндии. С этой целью Красная Армия в сентябре — октябре 1939 г. совершила так называемый «освободительный поход» в Западную Украину и в Западную Белоруссию, где провела несколько операций против частей Войска Польского, основные силы которого уже были разбиты наступающим с запада вермахтом. С 30 ноября 1939 по 12 марта 1940 гг. советские вооруженные силы участвовали в «Зимней войне» против Финляндии, также оказавшейся согласно советско-германским секретным договоренностям в сфере «государственных интересов» СССР. Наконец, в мае-июне 1941 г. достигла больших размеров подготовка к вооруженному столкновению с Германией, в разгроме которой Красная Армия должна была сыграть решающую роль.

Накануне и непосредственно на начальном этапе Второй мировой войны, когда СССР формально объявил о своем нейтралитете, но фактически уже был вовлечен в боевые действия, советский пропагандистский аппарат активно участвовал в нагнетании в обществе атмосферы перманентной «военной тревоги». Для проведения политико-идеологических кампаний в распоряжении сталинского руководства имелись различные структуры как в центре, так и на местах: Управление пропаганды агитации (УПА) ЦК ВКП(б), Политическое управление Красной Армии (ПУРКА, позднее — Главное управление политической пропаганды Красной Армии — ГУПКА), ТАСС, Главлит, средства массовой информации (газеты и журналы), многочисленный отряд агитаторов и пропагандистов на предприятиях, в колхозах, в армейских и флотских частях. Вся эта мощная пропагандистская машина управлялась из Кремля, подчиня-

м и письменным распоряжениям И.В. Сталина, а также
ивших за идеологическую деятельность секретарей ЦК
5) А.А. Жданова, А.С. Щербакова, начальника ПУРККА
лехлиса и сменившего его начальника ГУППКА А.И. За-
ца.

звая после нападения Германии на Польшу широкая по-
-идеологическая кампания, в основу которой был поло-
ктор внешней угрозы, развернулась в начале сентября
В ходе этой кампании были на практике опробованы
и методы пропагандистского обеспечения внешнеполи-
их акций сталинского руководства, сложился своеобраз-
ханизм практического осуществления подобного рода

ертыванию политико-идеологической кампании, как
, предшествует начальный импульс, когда публично
лашается установка высшего партийно-политического
ства о ее характере и содержании. Получив подобный
: (или «посыл сверху»), органы политической пропаган-
тации начинают проводить организационные меропр-
перестройке своей работы в соответствии с полученны-
водящими указаниями». Затем в дело последовательно
в высшее, среднее и низовое звенья пропагандистской
ы. Именно таким образом и осуществляется «началь-
я процесса».

й этап политико-идеологической кампании состоит в
ственном внедрении в общественное сознание тех или
кретных установок внутривнутриполитического и внешнепо-
ого характера, сформулированных высшим политичес-
водством страны и подхваченных агитацией и пропа-
ла этом этапе, как принято говорить, «идея овладевает
(или «масса овладевает идеей»). Такова общая модель
ления политико-идеологической кампании, сложив-
СССР к концу 1930-х гг.³.

лами сверху», которые можно рассматривать как сиг-
вертыванию политико-идеологической кампании по
дистскому обеспечению «освободительного похода»
Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию,
ередовая статья в газете «Правда»⁴ и выступление по
ы Советского правительства В.М. Молотова 17 сентя-
:5. Этот сигнал прозвучал в условиях, когда Польша,
военном отношении не поддерживали ее западные со-
нглия и Франция, вела неравное вооруженное проти-

воборство с Германией, вторгшейся на ее территорию. Понимая, что падение польского государства уже неизбежно, Сталин решил использовать Красную Армию для возвращения силой уступленных полякам в 1921 г. по Рижскому миру территорий Западной Украины и Западной Белоруссии. При этом была достигнута предварительная договоренность с Берлином о сроках начала «освободительного похода» в Польшу.

Текст передовой статьи, опубликованной в газете «Правда», подготовил А.А. Жданов. Затем он был отредактирован лично Сталиным и лишь после этого передан в печать, однако без указания фамилии автора. В статье утверждалось, что польское государство, основанное на угнетении проживавших на его территории белорусов и украинцев, «оказалось недееспособным», и при первых военных неудачах «стало распадаться». Согласно политической установке, «озвученной» Сталиным в ходе беседы с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым (в ночь с 7 на 8 сентября 1939 г.), на которой присутствовали В.М. Молотов и А.А. Жданов, советская пропаганда нацеливалась на формирование двойственного образа Польши. С одной стороны — враждебно-реакционное польское правительство, с другой — стонущие под гнетом «единокровные братья» белорусы и украинцы, которые с нетерпением ожидали освобождения именно со стороны СССР.

Вскоре после публикации упомянутой статьи ранним утром 17 сентября 1939 г. Красная Армия пересекла советско-польскую границу и устремилась на запад. В тот же день Молотов обратился по радио к «гражданам и гражданкам Советского Союза». В этом выступлении был вновь повторен тезис о несостоятельности польского государства. Но в речи Молотова прозвучали и новые установки: местопребывание правительства Польши неизвестно, прежние советско-польские договоры утратили силу, и в этих условиях СССР решил подать «руку помощи своим братьям» — украинцам и белорусам, населяющим польские территории.

Получив указания «сверху» и восприняв их как руководство к действию, незамедлительно на всю мощь развернула свою работу пропагандистская машина сталинского режима. Ее органы в городах и селах, в Красной Армии предпринимали все усилия для того, чтобы довести до как можно большего количества людей, внедрить в их сознание установки, сформулированные представителями высшего партийного и государственного руководства Ждановым и Молотовым, за которыми, как понима-

ли многие, стоял Сталин. Причем, политико-пропагандистская работа в действующих частях Красной Армии имела свою собственную специфику. Руководствуясь указаниями начальника ПУРРКА Л.З. Мехлиса, армейские политработники акцентировали внимание личного состава на том, что начавшийся «освободительный поход» в Западную Украину и в Западную Белоруссию на деле является «революционной, наступательной войной», основная цель которой — избавление от капиталистического гнета единокровных, братских славянских народов — украинцев и белорусов.

В целом первый опыт освоения «сфер интересов» СССР, оговоренный в секретных дополнительных протоколах к советско-германским соглашениям 1939 г., оказался успешным. Свою действенность показал комплексный подход к пропагандистскому обоснованию территориальных приращений за счет Польши, сама законность дальнейшего существования которой была поставлена под сомнение сталинским руководством. Поражения поляков в боевых действиях против Германии в 1939 г. позволили советской пропаганде изобразить лидеров Речи Посполитой в весьма невыгодном свете. Наконец, довольно удачной для восприятия общественным сознанием в СССР оказалась идеологическая подоплека продвижения Советского Союза на запад, а именно: лозунг «освобождения единокровных братьев, украинцев и белорусов», которые длительное время находились «в ярме польских панов»⁶.

Следующая политико-идеологическая кампания, о которой пойдет речь в данной статье, сопровождала подготовку и собственно боевые действия против соседней с СССР Финляндии. Пребывавшие в эйфории после успеха польского похода Сталин и его «соратники» решили добиться от своего северного соседа территориальных уступок. Вначале Кремль попытался договориться с финским руководством мирным путем. Однако советско-финляндские переговоры, проходившие в Москве в октябре — начале ноября 1939 г., не дали результатов: финны не пошли на уступки Сталину. Тогда в дело была введена Красная Армия. Поводом к войне послужил известный «инцидент в Майниле» 26 ноября 1939 г., где, согласно заявлению советского правительства, части Красной Армии якобы были обстреляны финнами⁷.

С этого момента активизировалась пропагандистская подготовка к вторжению на финскую территорию. Но основным «посылом сверху» для развертывания собственно антифинской политико-идеологической кампании явилось обращение Молото-

ва по радио к советским гражданам 29 ноября 1939 г.⁸. В своей речи он утверждал, что финское правительство проводило враждебную СССР политику, организовывая «возмутительные провокации» на границе, «вплоть до артиллерийского обстрела» частей Красной Армии. Эти действия Молотов квалифицировал как неприкрытое стремление «и впредь держать Ленинград под непосредственной угрозой». По этой причине, как подчеркнул глава Советского правительства, в Москве пришли к выводу о невозможности поддерживать нормальные отношения с финнами, а Красной Армии и Военно-Морскому Флоту было отдано распоряжение находиться в готовности «ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны финляндской военщины».

Вслед за этим в армейских и флотских подразделениях, в цехах заводов и фабрик, в школах и вузах развернулась активная пропаганда, в которой внешний враг — финское руководство изображалось в самом негативном свете. На этом фоне 30 ноября 1939 г. Красная Армия перешла советско-финляндскую границу. Основная установка пропагандистских органов в боевых частях сводилась к тому, что победа над Финляндией должна быть достигнута в течение двух—трех недель стремительными наступательными действиями, а финский народ освобожден «от гнета».

Специфика этой новой политико-идеологической кампании, развернувшейся в конце ноября 1939 г. и продолжавшейся до начала марта 1940 г., состояла в следующем. Во-первых, была предпринята (в конечном счете неудавшаяся) попытка опереться на марионеточное «Народное Правительство Финляндской Демократической Республики» (НПФДР) во главе с О.В. Куусиненом, созданное по указке из Кремля в местечке Териоки 1 декабря 1939 г. в противовес легитимному правительству Финляндии, находившемуся в Хельсинки. В советских средствах массовой информации были опубликованы тексты так называемого «Обращения ЦК Компартии Финляндии» от 30 ноября и «Декларация Народного Правительства Финляндии» от 1 декабря 1939 г., якобы «перехваченные» по радио. Оба эти документа, равно как и «Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой» от 2 декабря 1939 г., являлись чисто пропагандистскими документами. Они были составлены в Кремле под диктовку Молотова и Жданова с участием Сталина и не имели никакой юридической силы. Однако именно под их прикрытием развернулась

пропагандистская работа, имевшая целью обосновать необходимость прихода Красной Армии как «освободительницы» и «друга финского народа», который угнетен «плутократами» и подвергается «белогвардейскому террору».

Во-вторых, упорное сопротивление финнов, неудачи Красной Армии в декабре 1939 — январе 1940 гг. заставили Кремль со всей очевидностью осознать не действенность «освободительных» лозунгов, под которыми она вторглась в Финляндию. Руководство ПУРРКА, вынужденное перестраиваться буквально по ходу событий, 4 февраля 1940 г. издало директиву, в которой ставилась задача переориентировать личный состав воинских частей, участвовавших в боевых действиях на финском фронте. Тезис об «освободительной миссии» Красной Армии в Финляндии был снят с повестки дня, а на первый план в политико-пропагандистской работе выдвинута идея защиты интересов СССР, безопасности Ленинграда и северо-западных границ.

«Зимняя война» стала серьезным испытанием не только боеспособности советских вооруженных сил, но и действенности большевистской пропаганды. В ходе политико-идеологической кампании ноября 1939 — начала марта 1940 гг., с одной стороны, проявилась порочность прежних установок о военной слабости потенциального противника, расчет на успех молниеносных боевых действий «малой кровью», на чужой территории. С другой стороны, не получили развития замыслы об идеологическом обеспечении экспорта революции в Финляндию, пропагандистской поддержки марионеточного правительства Куусинена, о котором к концу войны в Москве просто «забыли». Понятно, почему сразу по ее завершении и после подведения первых неутешительных для советского руководства, командования Красной Армии и ПУРРКА итогов боевых действий в Кремле была поставлена задача перестройки пропаганды с целью пересмотра взглядов на характер и содержание современной войны⁹.

Третья политико-идеологическая кампания, о которой идет речь в данной статье, развернулась в начале мая и была прервана 22 июня 1941 г. нападением Германии на СССР. На этой кампании следует остановиться более подробно, поскольку она не только коренным образом отличалась по своему характеру и направленности от двух вышеописанных, но и развертывалась в сложной внешнеполитической ситуации. Она началась в условиях, когда в советско-германских отношениях, несмотря на известные договоренности (пакт о ненападении от 23 августа и договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.), оживление

контактов в дипломатической и экономической областях, стали нарастать конфронтационные моменты. Германская экспансия на Балканах, нападение Гитлера на Югославию, с которой у СССР было дружественное соглашение (апрель 1941 г.), в конечном счете переполнили чашу терпения Сталина и побудили его попытаться предпринять адекватные меры.

4 мая Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об усилении работы Советских центральных и местных органов». Сталин был утвержден Председателем Совета Народных Комиссаров СССР. 4-5 мая 1941 г. опросом членов ЦК ВКП(б), оформленным протоколом Пленума ЦК, это постановление Политбюро было единогласно утверждено¹⁰. В результате оказалось фактически узаконенным совмещение И.В. Сталиным руководства большевистской партией и высшим органом исполнительной власти в стране. Внешнеполитическое направление осталось в ведении В.М. Молотова. А.А. Жданов поднялся еще на одну ступеньку вверх в иерархии партийной элиты, будучи официально назначенным первым помощником Сталина в ЦК ВКП(б). В сфере идеологической деятельности ЦК ВКП(б) значительно упрочились позиции А.С. Щербакова.

Вслед за этим 5 мая 1941 г. Сталин выступил в Большом Кремлевском дворце на традиционном выпуске слушателей военных академий РККА. Суть его выступления заключалась в следующем. Большевистский вождь недвусмысленно дал понять, что поскольку Германия одержала победу над своими основными противниками в Европе — Францией и Англией, то становится неизбежным военное столкновение вермахта и Красной Армии. Из этого вытекала необходимость перестройки пропагандистской работы с гражданским населением и личным составом вооруженных сил страны для всесторонней их подготовки к ведению «всесокрушающей наступательной войны». Выступления Сталина перед выпускниками военных академий Красной Армии не были опубликованы в мае 1941 г., поскольку имели антигерманскую направленность. Хотя и не прямо, а в несколько завуалированном виде, в его речи отмечалось, что противником в ближайшей войне будет гитлеровская Германия.

Другим «посылом сверху», послужившим сигналом к развертыванию политико-идеологической кампании под лозунгом наступательной войны, явилось так называемое «Опровержение ТАСС» от 9 мая 1941 г., касавшееся сообщений зарубежных информационных агентств о концентрации крупных воинских соединений Красной Армии на западных границах СССР. Основ-

ную часть этого документа написал Сталин, опираясь на информацию, предоставленную Телеграфным Агентством Советского Союза¹¹. В «Опровержении...» пересказывались распространенные японскими средствами массовой информации данные о переброске советских войск с Дальнего Востока и из Средней Азии, о передаче в распоряжение Киевского особого военного округа 2700 боевых самолетов, об усилении военно-морских флотов на Черном и Каспийском морях¹². Это «подозрительно крикливое сообщение» категорически отрицалось, и от имени ТАСС утверждалось, что никакой концентрации крупных военных сил Советского Союза на его западных границах нет и не предвидится.

На наш взгляд, публикация вышеупомянутого «Опровержения...» явилась составной частью разворачивавшейся в СССР политико-пропагандистской кампании. Его содержательная сторона (сведения о переброске стрелковых частей и боевой авиации с Востока на Запад), даже несмотря на выраженное в резкой форме несогласие с подобными утверждениями, скорее всего была призвана продемонстрировать нацистскому руководству, что Сталин и его окружение готовятся к вооруженному противоборству с Германией.

В исследовательской литературе отмечалось, что опровержение ТАСС от 9 мая 1941 г. не случайно совпало по времени с переброской советских резервных армий из глубины территории СССР на запад. Последняя даже не маскировалась, а как бы специально демонстрировалась этим опровержением, являясь по своему характеру скорее политической, а не военной акцией с целью оказать сдерживающее влияние на военные приготовления Германии¹³.

Сталинские выступления на выпуске слушателей военных академий РККА и последовавшая за этим публикация «Опровержения ТАСС» от 9 мая 1941 г., текст которого принадлежал Сталину, сыграли важную роль в разворачивавшейся политико-идеологической кампании. Их логическим развитием явилась публикация в центральном печатном органе ЦК ВКП(б) работы Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»¹⁴. О намерении вождя осуществить данную публикацию в секретариате ЦК стало известно 13 мая 1941 г. из письма главного редактора газеты «Правда» П.Н. Поспелова, адресованного А.А. Жданову¹⁵.

Еще в 1934 г. Сталин разослал членам Политбюро ЦК ВКП(б) письмо с его собственной оценкой статьи «Внешняя

политика русского царизма» и текст самой этой статьи. С особым пафосом Сталин подчеркивал в своем письме «ошибочность» высказанных Энгельсом в конце XIX в. мыслей о желательности поражения России в грядущем вооруженном столкновении с Германией. Но большевистский лидер в 1934 г. не выразил желания поместить названную работу в главном партийном журнале.

Как представляется, в конкретной исторической ситуации мая 1941 г. критические сталинские замечания по данному поводу, обнародованные в ведущем печатном органе ЦК ВКП(б), вероятно, представлялись как раз кстати. Они приобретали особую актуальность в условиях начинавшейся пропагандистской кампании, имевшей антигерманскую направленность.

Таким образом, устные выступления Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая, инспирированные им публикации («Опровержение ТАСС» от 9 мая 1941 г. и письмо по поводу статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма») в совокупности можно рассматривать как «посылы сверху», которые послужили сигналом к развертыванию политико-идеологической кампании. На банкете в Кремле 5 мая 1941 г. вождь говорил о необходимости перехода к «военной политике наступательных действий», призывал перестроить советскую пропаганду, агитацию и печать «в наступательном духе»¹⁶. Эти сталинские указания были восприняты как руководство к действию в работе политико-пропагандистских органов. Так, начальник Главного политического управления Красной Армии (ГУППКА) А.И. Запорожец 26 мая 1941 г. сообщал секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову и А.С. Щербакову, а также возглавлявшему Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову, что ГУППКА составлен «проект раздела о задачах политической пропаганды в Красной Армии, вытекающих из выступления товарища СТАЛИНА 5 мая с.г.»¹⁷. Более того, основные положения сталинской речи перед выпускниками военных академий РККА вошли составной частью в тексты проектов директивных материалов, которые были подготовлены ЦК ВКП(б) и ГУППКА во второй половине мая — начале 20-х чисел июня 1941 г.¹⁸.

Первыми по времени в качестве проводников выдвинутого Сталиным лозунга о перестройке пропаганды в духе «всесокрушающей наступательной войны» выступили А.А. Жданов и А.С. Щербаков. 8 мая 1941 г. они провели в ЦК ВКП(б) совещание с ответственными редакторами центральных газет и журна-

лов, а 9 мая — с работниками ТАСС¹⁹. Готовясь к выступлению перед участниками совещания 8 мая, А.С. Щербаков, несомненно, руководствовался указаниями Сталина о необходимости перестройки пропаганды в наступательном духе. Один из разделов подготовленных им тезисов А.С. Щербакова к совещанию 8–9 мая был озаглавлен так: «Воспитание армии и народа». Этот раздел открывался следующей формулировкой: «Лозунг — *наступательной войны. Основную статью* (выделено мной. — В. Н.) (журнал)». В третьем разделе тезисов отмечалось: «Лозунг обороны, лозунг наступления. Готовить политику войны». Ясно, что данная формулировка полностью вытекала из сталинской анти-тезы «оборона — наступление», прозвучавшей в тосте вождя на приеме 5 мая 1941 г.²⁰ А.С. Щербаков, опираясь на эту антитезу, акцентировал внимание именно на **смене** оборонительных лозунгов на наступательные в контексте подготовки к войне²¹.

Вслед за редакторами центральных газет и журналов, сотрудниками ТАСС конкретные указания со стороны ЦК ВКП(б) по развертыванию новой пропагандистской кампании в стране получили и кинематографисты. 14–15 мая 1941 г. в ЦК ВКП(б) совещание с ними также провели А.А. Жданов и А.С. Щербаков, причем, если первый выступил со специальной речью, то второй отвечал за подбор приглашенных.

После вступительного слова Жданова принявшие участие в прениях кинематографисты пытались сосредоточить внимание на проблемах, главным образом касавшихся внутреннего развития советского кино, обращаясь к представителю высшей партийной инстанции со своими претензиями и жалобами на имевшиеся недостатки в данной области²². Именно поэтому в своем заключительном слове 15 мая А.А. Жданов сосредоточился на разъяснении вопроса о том, какие новые проблемы стоят перед советской пропагандой в связи с необходимостью готовить народ «к любым неожиданностям». Он подчеркнул, что на повестке дня — проведение в жизнь новых «практических мероприятий *по линии пропаганды и по линии идеологических вещей*».

Жданов обрисовал присутствовавшим на совещании в ЦК ВКП(б) с кинематографистами «генеральную линию» большевистского руководства на международной арене. Она сочетала независимость, самостоятельность действий и вместе с тем предполагала расширение «фронта социализма, всегда и всюду», когда «обстоятельства позволяют». Здесь же он привел наглядные примеры в подтверждение данной мысли, напомнив о вхождении в состав СССР в 1939–1940 гг. Западной Украины,

Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Прибалтики. «Вы отчетливо понимаете, — доверительно сообщал Жданов своей аудитории, — что если обстоятельства нам позволят, то мы и дальше будем расширять фронт социализма». В этой связи он сформулировал коренную задачу: следовало прививать народу непримиримость к врагам социализма, готовность нанести «смертельный удар любой буржуазной стране или любой буржуазной коалиции», а главное — воспитывать людей «в духе активного, боевого, *воинственного наступления*» (курсив мой. — В. Н.). Решение данной задачи возлагалось, по словам А.А. Жданова, и на кинематографистов, которые, как и другие советские граждане, понимали «проблему нашего дальнейшего развития», прекрасно отдавая себе отчет в том, что «конечно, столкновение между нами (СССР. — В. Н.) и буржуазным миром будет, и мы обязаны кончить его в пользу социализма»²³.

Несомненно, вышеупомянутые выступления А.А. Жданова и А.С. Щербакова нацеливали руководителей соответствующих пропагандистских структур на поворот в пропаганде в духе подготовки к наступательной войне.

Большая работа по развертыванию новой политико-идеологической кампании осуществлялась армейскими партийно-пропагандистскими структурами. 14 мая 1941 г., т.е. в день открытия совещания в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии, проходило заседание Главного Военного Совета (ГВС), на котором были подведены итоги инспекторской проверки партийно-политической работы с личным составом РККА. Подобное совпадение, думается, вовсе не случайно и лишний раз свидетельствует о координации действий большевистского руководства по развертыванию пропагандистской кампании в духе наступательной войны. На заседании ГВС 14 мая присутствовало высшее партийное и военное руководство: секретари ЦК ВКП(б) А.А. Жданов и Г.М. Маленков, представители наркомата обороны С.К. Тимошенко, С.М. Буденный, Г.К. Жуков, К.А. Мерецков, Г.И. Кулик, Б.М. Шапошников. Первый вопрос повестки дня заседания формулировался следующим образом: «Итоги инспекторской проверки политзанятий в частях Красной Армии». Доклад по данному вопросу сделал начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии А.И. Запорожец²⁴.

После вышеупомянутого заседания ГВС Главным управлением политической пропаганды Красной Армии были подготовлены проекты следующих директив: 1) «О задачах пропаган-

ды на ближайшее время»; 2) «Задачи политической пропаганды в Красной Армии»; 3) «Очередные задачи партийно-политической работы в Красной Армии». В результате доработок и сокращения материалы трех вышеназванных документов вошли составной частью в один, обобщающий, который был назван: «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время». Проект этой директивы обсуждался 4 июня 1941 г. на заседании Главного военного совета в присутствии А.А. Жданова, Г.М. Маленкова, С.К. Тимошенко и А.И. Запорожца. По докладу Запорожца и по итогам обсуждения было принято решение доработать директиву с учетом указаний членов ГВС, причем А.А. Жданов подчеркнул, что после доработки следует обсудить на Политбюро ЦК ВКП(б)²⁵.

Кроме того, в Главном управлении политической пропаганды Красной Армии были подготовлены специальные директивы: «О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами на летний период 1941 г.», «О марксистско-ленинской учебе начальствующего состава Красной Армии». Сотрудники 7-го отдела ГУППКА (отдел по пропаганде среди войск и населения противника) по личному указанию А.И. Запорожца составили обзор политико-морального состояния немецкой армии. Существенной переработке подвергся составленный еще в 1934 г. текст «Инструкции организациям ВКП(б) в Красной Армии». Изменения в нем, судя по сопроводительной записке А.И. Запорожца, были внесены с учетом *специфики военного времени*. Наконец, в ГУППКА был подготовлен доклад «Современное международное положение и внешняя политика СССР», на основе которого предполагалось организовать чтение лекций и докладов «для личного состава Красной Армии в закрытых аудиториях».

Активная подготовка директивных и инструктивных материалов в духе сталинского лозунга наступательной войны велась под руководством высших партийных инстанций различными ведомствами, общественными организациями, творческими объединениями, которые по характеру своей деятельности трудно отнести к армейским. Ряд директивных и инструктивных документов был подготовлен ЦК ВКП(б). Основной из них — проект директивы ЦК «О текущих задачах пропаганды», в редактировании которого на завершающей стадии принимал непосредственное участие А.С. Щербаков. Далее, проект постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и задачах художественной пропаганды». К этому можно добавить, что сотрудник УПА ЦК

ВКП(б) Т.В.Шумейко направил 23 мая на имя А.С. Щербакова «Некоторые соображения о военной пропаганде». В числе документов, намечавших перестройку периодической печати, можно назвать пространные «Предложения о мероприятиях по освящению международного положения», которые и.о. заведующего отделом печати НКВД Н.Г. Пальгунов направил в УПА 10 мая 1941 г. К этому же разряду принадлежат планы публикаций центральных газет: «Правда» (15 мая — 15 июня), «Известия» (май—июнь), «Красная звезда» (май—август), представленные в Управление пропаганды и агитации ЦК.

Во всех вышеназванных документах красной нитью проходила мысль о необходимости всесторонне готовить всех советских людей, а особенно командный и личный состав РККА к «всесокрушающей наступательной войне»²⁶.

Имеется достаточно свидетельств того, что содержание вышеупомянутых, но еще не утвержденных пропагандистских директив устно доводилось до политработников. Так, в 10-х числах июня 1941 г. А.И. Запорожец лично ознакомил находившихся в Москве начальников армейских политуправлений «с директивой об усилении политической пропаганды в войсках», т.е. скорее всего — с проектом вышеупомянутой директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время»²⁷.

В начале июня начальник 7-го отдела ГУППКА М.И. Бурцев прибыл в г. Луцк, где дислоцировался штаб одной из сильнейших армий прикрытия Киевского особого военного округа — 5-й армии под командованием генерал-майора танковых войск М.И. Потапова. В распоряжении Потапова находились два механизированных, два стрелковых корпуса и две авиационные дивизии. М.И. Бурцев прибыл в Луцк для оказания помощи армейскому управлению политической пропаганды в разработке «плана мероприятий на случай чрезвычайных обстоятельств». Документ, составленный с учетом его указаний, получил наименование «План политического обеспечения военных операций при наступлении». Он был подписан начальником управления политической пропаганды 5-й армии. Бесспорно, исходя из указаний эmissара из Москвы (скорее всего на основании руководящих директивных материалов, в частности сводки о морально-политическом состоянии в Германии и немецкой армии) в «Плане политического обеспечения военных операций при наступлении» говорилось о наличии «первых признаков падения морали» у солдат и офицеров вермахта, которые усилятся и углубятся после нанесения по нему сильного, молниеносного

удара. Судя по содержанию документа, предполагалось вести военные действия на территории противника «в благоприятной для Красной Армии обстановке», в условиях поддержки со стороны местного польского населения и нежелания немецких солдат участвовать в войне²⁸.

О том, что были проделаны первые практические шаги по перестройке периодической печати в духе сталинского лозунга наступательной войны, могут свидетельствовать и некоторые публикации в центральных газетах за май 1941 г. Например, в газете «Известия» появилась передовая статья «Драгоценные черты большевистского характера». В ней, в частности, подчеркивалось, что большевики всегда «нацеливали и вели массы на великие штурмы, в которых выковывался боевой, революционный, *наступательный* (курсив мой. — В. Н.) дух воинов пролетарской армии». «Этот воинствующий, *наступательный* характер борьбы, — отмечалось далее в газете, — боевой дух коммунистической партии воспринял и развивает в себе советский народ... Активный, *наступательный*, воинственный дух ощущается всюду, где действуют, борются, творят советские люди» (курсив мой. — В. Н.)²⁹. В таком же наступательном духе были выдержаны материалы номеров газет «Комсомольская правда» и «Красная звезда» за вторую половину мая 1941 г.³⁰.

Таким образом, во второй половине мая — начале второй декады июня 1941 г. развернулась целенаправленная пропагандистская работа по внедрению в сознание личного состава Красной Армии и гражданского населения сталинской идеи о том, что грядущая война будет носить со стороны СССР только наступательный характер. При этом рассматривался и такой вариант, когда Советский Союз мог первым нанести удар по потенциальному противнику, под которым, естественно, подразумевалась Германия, но по вышеизложенным причинам говорить об этом во всеуслышание было до 22 июня 1941 г. нельзя. Например, начальник УПА Г.Ф. Александров, ознакомившийся текстом вышеупомянутого доклада ГУППКА «Современное международное положение и внешняя политика СССР», обнажил в нем формулировки, из которых следовало, что наиболее вероятным противником Красной Армии является вермахт. Гметив, что Германия еще не встретила достойного противника, составители доклада утверждали: «Между тем, такое столкновение не за горами». Г.Ф. Александров по данному поводу записал на полях документа: «Этакой формулировки никак нельзя допускать. Это означало бы *раскрыть карты врагу*» (курсив

мой. — В. Н.). Далее в упомянутом документе делался вывод: против Германии необходимо применить «наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой». На полях рукой Г.Ф. Александрова в этом месте была сделана многозначительная пометка: «Война с Германией»³¹.

Довольно откровенно говорилось о необходимости наступательных военных действий, инициативу начала которых могли взять на себя СССР и Красная Армия, и в проекте директивы ЦК ВКП(б) «О текущих задачах пропаганды». Сославшись на высказанные В.И. Лениным в 1920 г. указания о необходимости наступательных военных действий, составители этой директивы делали важный вывод: ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятную международную обстановку, *должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий* (выделено мной. — В. Н.) против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма».

Аналогичным образом излагалась эта же мысль в тексте доклада ГУПКА о международном положении Советского Союза: «Не исключена возможность, что СССР будет вынужден, в силу сложившейся обстановки, взять на себя инициативу наступательных военных действий»³². Именно в таком духе велась пропагандистская и воспитательная работа в частях Красной Армии. По сведениям германской агентуры, политработники разъясняли красноармейцам и командирам, что военные действия РККА будут перенесены на территорию противника и, развернув наступление на Запад, она освободит страны Европы от германского ига, что, как ожидалось, послужит стимулом к активизации революционного процесса и приведет в конечном счете к освобождению европейских народов от гнета буржуазии³³.

В устном докладе одного из советских «авторитетных политработников», прочитанном в середине июня 1941 г., в частности, декларировалось: «Мы — за революционную (читай: наступательную. — В.Н.) войну. К этой революционной войне народы СССР готовы... Мы — за справедливую войну. В интересах ускорения мировой революции мы поддерживаем народы, борющиеся за освобождение...»³⁴.

На наш взгляд, вышеприведенные факты могут свидетельствовать о следующем: в мае — июне 1941 г. в Советском Союзе начала разворачиваться политико-идеологическая кампания под лозунгом наступательной войны. Но вести ее приходилось скрытно, в тайне от Германии, с которой СССР был связан из-

скими дипломатическими соглашениями от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

Естественно, эффективность любой политико-идеологической кампании определяется степенью распространения в общественном сознании тех идей, которые выдвигались в ее ходе, пониманием представителями всех социальных групп населения конкретных задач, поставленных перед ними правящей элитой. Прежде всего следует отметить, что ввиду непродолжительности данной кампании (она длилась около полутора месяцев, и по объективной причине, а именно ввиду нападения Германии на СССР, была прервана) определить степень ее эффективности довольно трудно.

Однако мы располагаем фактическим материалом, на основании которого можно сделать вывод: идея наступательной войны, являвшаяся основным стержнем политико-идеологической кампании мая — июня 1941 г., несмотря на незавершенность самой кампании, *начала проникать* в сознание советских людей. Впервые дни войны наступательный настрой, внедренный пропагандой, был силен как в сознании гражданских лиц, так и среди командно-политического состава Красной Армии. Например, ответственные контролеры горкома партии, побывавшие 23—24 июня 1941 г. на крупнейших предприятиях Москвы (заводы «Шарикоподшипник», «Красный пролетарий», фабрика «Большевичка»), зафиксировали распространение среди рабочих и ИТР «слухов» и «разговоров» о том, что якобы Красной Армией взяты Варшава, Данциг (Гданьск) и Кенигсберг и она уже ведет успешное наступление на Румынию³⁵.

Н.К. Попель, начальник политотдела механизированного корпуса, дислоцировавшегося в Западной Украине, 22 июня 1941 г. наблюдал, как советские танкисты писали мелом на бортах своих боевых машин лозунг «Даешь Берлин!». Из разъяснений командира танкового батальона Попель уяснил, что «сочинял» такого рода лозунги замполит, который надеялся в скором времени «прикончить Гитлера» и пройти по главной берлинской магистрали — Унтер ден Линден. Да и сам Н.К. Попель не сомневался: «бои из приграничной полосы перенесутся вскоре на территорию сопредельных государств, а затем — Германии»³⁶.

То, что ответственные политработники в действующих военных частях вопреки логике развития событий продолжали придерживаться прежних наступательных установок, приводило порой и к трагическим результатам. На заседании Военного совета Юго-Западного фронта 23 июня 1941 г., после получения

указаний из Москвы о начале наступления, начальник штаба фронта генерал-лейтенант М.А. Пуркаев высказал обоснованное мнение: поставленная боевая задача в условиях, когда враг быстро продвигается вперед, является невыполнимой. В ответ корпусной комиссар Н.Н. Вашугин с возмущением парировал: «А вы подумали, какой моральный ущерб нанесет тот факт, что мы, воспитывавшие Красную Армию в высоком наступательном духе, с первых дней войны перейдем к пассивной обороне?»³⁷. После провала попыток наступления фронта Вашугин 28 июня 1941 г. покончил жизнь самоубийством³⁸.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, дает основания, во-первых, признать сам факт начала развертывания политико-идеологической кампании под лозунгом наступательной войны, исходным пунктом которой явились выступления Сталина в Кремле перед выпускниками военных академий РККА. Однако говорить о том, что эта кампания была завершена, достигла своей цели мы, естественно, не можем, поскольку она была прервана начавшейся германской агрессией против СССР. В отличие от кампаний 1939—1940 гг., о которых упоминалось выше, когда в роли инициаторов выступали сталинские «соратники» (Молотов, Жданов, Мехлис), а сам вождь оставался как бы «в тени», в мае 1941 г. Сталин публично «озвучил» новые задачи, стоящие перед партийными и армейскими пропагандистскими органами. Жданов и Щербаков, которые возглавляли работу по непосредственному практическому воплощению в практику сталинского лозунга наступательной войны, старались внедрить в сознание руководителей партийно-пропагандистских структур, что речь идет о новом, коренном повороте в советской пропаганде³⁹. Инициатором этого «поворота» был Кремль.

Однако в сложнейшей международной обстановке, в условиях, когда в Москву поступали сведения о подготовке Германии к нападению на СССР, следовало соблюдать строгую конспирацию (прежде всего в публикациях в открытой печати). Поэтому для развертывания новой политико-идеологической кампании на всю мощь не было реальных возможностей. В конечном счете она была прервана начавшейся 22 июня 1941 г. германской агрессией против Советского Союза. Проекты подготовленных ЦК ВКП(б) и ГУПКА директивных материалов, в основу которых был положен лозунг «наступательной войны», оказались невостребованными и сданы в архив.

Примечания

¹ Система *тотальной пропаганды*, характерная для сталинского режима, отличалась следующими основными признаками:

подавление всех альтернативных источников пропагандистского влияния (внутренних и внешних), прежде всего — запрет на ввоз иностранной, причем не только пропагандистской литературы и других носителей информации;

централизация пропагандистской деятельности, которая выражалась в партийно-государственном руководстве и контроле над всеми вопросами пропагандистской стратегии и тактики; предельной идеологизации пропаганды, заключающейся в массированном распространении средствами информирования мировоззренческих постулатов, превращения этих средств в орудие обеспечения идеологических установок.

² О пропагандистской кампании, проводившейся советским руководством в ходе присоединения трех прибалтийских государств к СССР (конец мая — начало августа 1940 г.) см.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 199–204.

³ Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934–1941 гг. Диссертация ...к.и.н. Саратов, 1997. С. 172–173; Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х — начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири). Автореферат диссертации ...к.и.н. Новосибирск, 2001. С.13–14.

⁴ О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. 1939. 14 сентября.

⁵ Правда. 1939. 18 сентября.

⁶ Невежин В.А. Польша в советской пропаганде 1939–1941 гг. // Россия и внешний мир. Диалог культур. М., 1997. С. 73–86; Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004. С.447–453.

⁷ Подробнее об этом инциденте см.: Невежин В.А. Так началась «незнаменитая» война // Сельская новь. 2004. №11. С.44–46.

⁸ Правда. 1939. 30 ноября.

⁹ Невежин В.А. Финляндия в советской пропаганде лериода «Зимней войны» (1939–1940 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С.284–305; «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.: СПб., 2004.

¹⁰ 1941 год. Документы. В двух кн. Кн. 2. М., 1998. Док. № 436.

¹¹ 1941 год. Кн.2. Док. №450.

¹² В «Опровержении» говорилось, что японские газеты приводили сообщение агентства Домей Цусин из Нью-Йорка. Последнее было воспроизведено ТАСС с большой точностью. Информацию Домей Цусин поме-

тили на своих страницах газеты: «Токио Асахи симбун», «Иомиури симбун», «Хоти симбун», «Кокумин» и др., поскольку названное агентство являлось практически монополистом в информационной сфере в Японии.

13 Вишлѐв О.В. Почему медлил И.В. Сталин в 1941 г. ?// Новая и новейшая история. 1992, №1. С. 96.

14 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 906. Л. 43.

15 Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 906. Л. 43.

16 1941 год. Кн. 2. Док. №436.

17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 53.

18 Невежин В.А. Синдром наступательной войны... Глава пятая.

19 «Германия теряет пыл». Неизвестный документ из архива Жданова/ Публ. подгот. И. Стадник // Время новостей. 2005. 15 сент. С.6.

20 1941 год. Кн. 2. С.162.

21 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 128. Л. 35.

22 Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 919. Л. 1а, 3, 39—40.

23 Кремлевский кинотеатр. 1928—1953: Документы. М., 2005. С.628.

24 Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. Док. №53.

25 Там же. Док. №57, 109.

26 Невежин В.А. Синдром наступательной войны... С.196—235.

27 Там же. С.229; Мельтюхов М.И. Указ. соч. с.450.

28 Хоффман Й. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год. //Отечественная история. 1993. №4. С. 27.

29 Известия. 1941. 15 мая.

30 Комсомольская правда. 1941. 18 мая; Красная звезда. 1941. 22 мая и др.

31 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 99, 100.

32 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 110.

33 Вишлѐв О.В. Указ. соч. С.89.

34 Цит. по: Хоффман Й. Указ. соч. С. 27—28.

35 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44. Л. 70, 72, 73.

36 Попель Н.К. В тяжкую пору. М., 1959. С. 21,22.

37 Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971. С. 116.

38 Русский Архив: Великая Отечественная. Т.12(1). М., 1993. С. 60.

39 Невежин В.А. Синдром наступательной войны... Главы четвертая, пятая.

Разведывательные службы СССР, Великобритании и США: оценки международной ситуации и перспектив ее развития (август 1939 — июнь 1941 гг.)

Советский Союз

Советские специальные службы — Разведывательное управление Генерального Штаба РККА, 1-е (разведывательное) Управление Военно-морского флота (РУ ВМФ), Иностранный отдел Главного управления государственной безопасности Наркомата внутренних дел СССР (ИНО ГУГБ НКВД, позже — ИНО КГБ) и Служба связи Коммунистического Интернационала (СС КИ) — в конце 30-х годов представляли собою весьма пестрое зрелище. «Большой Террор», развязанный Сталиным в середине 1930-х гг., не обошел стороной и советское разведывательное «сообщество». Только в ходе ежовских чисток оно потеряло до 70% своих кадров в центральном аппарате НКВД, Наркомате обороны (НКО), работающих за кордоном, в том числе и элиты — нелегалов¹.

Результатом «охоты» НКВД на офицеров разведки, служивших в 1936—1937 гг. за рубежом, стало почти полное прекращение связи с агентурой и источниками. В критически важном для деб Европы и СССР 1938 году Сталину и высшему командованию Красной Армии «...в течение 127 дней подряд (!) из внешней звезды [ИНО НКВД СССР. — *В.П.*] вообще не поступало никакой информации»².

Не лучшие времена переживал в эти годы и второй по своему значению источник стратегической и оперативной информации Генштаба РККА — радиоразведка. Работа по усилению и организации соответствующих частей РУ, начатая в 1938 г., ве-

лась медленно. Некомплект профессионально подготовленного персонала 14 отдельных радиодивизионов Особого назначения (РД «ОСНАЗ») составлял в 1939 г. 25—30%. Число таких дивизионов не удалось увеличить и к середине 1940 г. На эффективности работы этих частей РУ и РУ ВМФ сказались и недостаточная координация действий радиоразведки армии и флота, аресты служивших в них офицеров и вольнонаемных специалистов.

Информация, которую офицеры, агенты и источники советских разведывательных служб добывали, часто подвергая себя смертельному риску, далеко не всегда доходила до «потребителей», а во многих случаях поступала к ним с изрядным опозданием. Не было в предвоенные годы и единой системы обработки, анализа и рассылки полученных сообщений. В то время как РУ и РУ ВМФ располагали специальными информационными подразделениями, такими, как Информационно-статистический отдел РУ (ИСО), в политической разведке — ИНО — подобная структура (ИНФО) была создана лишь 7 декабря 1943 г. Обработка, систематизация и обобщение полученных данных велась там в предвоенные годы в основном на уровне региональных и «отраслевых» (внешняя контрразведка, научно-технический и т.п.) отделов, посылавших добытые за рубежом сведения документы своему руководству. Последнее, в свою очередь включало их в еженедельные сводки и спецсообщения, рассылаемые затем главе НКГБ, Сталину и Молотову.

Экономическая и научно-техническая информация направлялась членам Политбюро ЦК ВКП(б), курировавшим отрасль военно-промышленного комплекса, и соответствующим наркомам; военная — руководителям НКО, ГШ и РУ. Эта система и гарантировала того, что «потребители» получали всю нужную им для принятия решений информацию. Если РУ и РУ ВМФ сохраняли возможность посылать «наверх» обобщенные сведения и некоторые рекомендации (по крайней мере, в рамках ГШ и НКО), то ИНО было лишено такой возможности. Зная о том, что Сталин и Молотов предпочитали иметь дело с копиями полных документов, руководители ГУГБ избегали посылать обзоры, содержавшие обобщенные сведения или прогноз. Мысль же давать Сталину какие-либо рекомендации едва могла возникнуть у руководителей разведывательных служб. Играло свою роль и постоянно высказываемое Сталиным и Молотовым недоверие к представленной ими информации. Особенно ярко это проявилось в предвоенные месяцы, когда сведения разведки противоречили их собственным представлениям

ценке ситуации. Боязнь сталинского раздражения и гнева не заставляла руководителей РУ и ИНО скрывать неприятные сообщения и факты, квалифицировать их как «недостаточно проверенные» или как информацию, «подброшенную врагом», и не докладывать их «хозяину»⁴.

Как же на основе имеющейся информации политическое и военное руководство СССР представляло ту ситуацию, которая сложилась в Европе и в Азии накануне и сразу после Мюнхенского кризиса?

Судя по содержанию доклада по вопросам стратегического развертывания РККА, представленного начальником Генштаба Б.М. Шапошниковым наркомом обороны 24 марта и утвержденному Главным военным советом (ГВС) 13 ноября 1938 г., основными противниками СССР считались Германия и Италия в Европе и Япония — в Азии. Польша — давний враг СССР и главный потенциальный противник РККА на всем протяжении 1920-х и в начале 1930-х гг., с точки зрения Шапошникова, вполне могла выступить в роли союзника Германии. Участие в войне Румынии считалось маловероятным, однако не отвергалось полностью. Что же касалось других сопредельных стран, то «Финляндия, балтийские лимитрофы, Турция и Болгария, находясь под воздействием проводимой Великобританией и Францией политики «умиротворения» и давлением, оказываемым на них Польшей и Германией, все более склонялись на сторону последней». И хотя в конце 1938 — начале 1939 гг. главные вероятные противники СССР еще не располагали необходимыми для нападения на него военно-экономическим потенциалом, стратегическими позициями и достаточной свободой рук, германо-итало-японский блок и союзная Третьему рейху Польша в недалекой перспективе могли создать серьезную угрозу СССР, а будущий конфликт должен был превратиться в войну на два фронта⁵.

Какой же из этих двух фронтов, по мнению руководства РУ и НКО, представлялся на рубеже 1938-1939 гг. наиболее опасным?

Судя по документам, они полагали, что в краткосрочной перспективе им может стать Восточный театр военных действий (ТВД), тогда как в более отдаленной им несомненно будет Западный⁶. Руководству разведки и НКО было известно, что несмотря на решение правительственной конференции в Токио от 10 октября 1938 г. о начале нового наступления в Китае, снижавшего возможность крупномасштабного конфликта с СССР, Япония держала в Маньчжурии не менее одной трети войск и

авиации, развернутых на азиатском континенте и имела три плана войны с Советским Союзом⁷. Один из них предусматривал ведение ее без помощи Германии. Имелась также информация и о регулярных перебросках в ноябре — декабре 1938 г. из Японии в Маньчжурию новых соединений⁸. Отметив реорганизацию на рубеже 1938—1939 гг. управления войсками, сосредоточенных в Маньчжоу-Го, руководство РУ пришло к выводу, что «японское командование переводит Квантунскую армию на военное положение»⁹.

Сколь ни тревожно было то, что происходило в 1938—1939 гг. на Дальнем Востоке, главные события разворачивались в эти годы в Европе.

В сложившейся ситуации информация о ближайших планах Германии и Италии и о возможной политике Великобритании, Франции, Польши и сопредельных России малых стран имела критически важное значение. Сообщения о том, что «после разрешения Германией Судетского кризиса очередной проблемой является польская», что «нанесение удара... по Польше планировалось уже с 1938 г.», что «Гитлер уверен, что ни Англия, ни Франция не вмешаются в германо-польский конфликт», начали поступать в РУ и ИНО уже в середине октября 1938 г. Они продолжали приходить вплоть до лета следующего года¹⁰.

Главная цель Германии — уничтожение СССР — в этих и других документах, полученных РУ (материалы совещания высшего командования вермахта в Ютеборге 19 августа 1938 г., запись беседы Гитлера с верховным комиссаром Лиги Наций в Данциге Л. Буркхардтом годом позже и др.), просматривалась достаточно отчетливо¹¹. Прослеживался в них и двойственный характер политики Великобритании и Франции. Он определялся, с одной стороны, ростом противоречий между ними и Германией, Италией и Японией, с другой — отчетливым нежеланием Лондона и Парижа пойти на реальное соглашение с СССР и заблокировать дальнейшую экспансию держав оси. И все же есть немало оснований для предположения о том, что, имея сравнительно большой объем информации о главных направлениях политики нацистского руководства, состоянии вермахта и степени его готовности к войне, ни РУ, РУ ВМФ и ИНО, ни НКВД, ни Сталин, Молотов и Ворошилов вплоть до начала августа 1939 г. не располагали точными сведениями о военных планах Германии на ближайшую осень и зиму. Свидетельством того, что Кремль и разведывательные службы не были убеждены в том, что война в Европе начнется именно вторжением вермахта в Польшу, явля-

ются «Соображения советской стороны по переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции», подготовленные Генштабом и представленные Сталину Б.М. Шапошниковым 4 августа 1939 г.

По мнению аналитиков РУ и ГШ, высшего командования РККА и руководства НКО (трудно представить, чтобы этот документ был послан в Кремль без их предварительного одобрения), существовало 5 возможных вариантов начала войны. Первый, — «когда нападение агрессоров будет... направлено против Франции и Англии» и может повлечь за собою захват Нидерландов и Бельгии, что приведет к «кризису на западном ТВД с первых же дней войны, давая преимущество главному агрессору». Второй предполагал нападение главных сил Германии на Польшу и возможное участие в войне против нее Венгрии. Третий — вторжение армий Венгрии и Болгарии при поддержке Германии в Румынию. Четвертый — вторжение Германии и Италии (и, возможно, Болгарии) в Турцию. Пятый — вторжение вермахта в СССР через территории Финляндии, Эстонии и Латвии.

Учитывая традиционный порядок изложения возможных вариантов войны в документах Генштаба, нельзя не прийти к выводу о том, что наиболее вероятными вариантами начала военных действий в Европе в начале августа считались: 1) нападение на Францию через территории Бельгии и Голландии и 2) вторжение в Польшу. Как подчеркивали авторы «Соображений», «трудно предполагать, чтобы главный агрессор бросил часть своих сил против нас через Румынию». Однако, по мнению аналитиков РУ и ГШ, и «такой вариант не» мог быть «исключен»¹².

Три варианта начала войны, весьма схожие с теми, о которых говорилось выше, были приведены Шапошниковым и в его докладе о плане стратегического развертывания РККА на западных границах СССР 11 дней спустя, в ходе переговоров с британской и французской военными миссиями в Москве. Первый из них не претерпел никаких изменений, второй представлял собою синтез второго и третьего вариантов, данных в «Соображениях»: вермахт атаковал Польшу и Румынию. Третий повторял пятый вариант начала войны, изложенный в «Соображениях»: немецкие войска вторгались в СССР через территории Финляндии, Латвии и Эстонии¹³.

Сопоставление возможных вариантов начала войны в Европе, приведенных в этих двух документах, утвержденных Кремлем и Генштабом, приводит к выводу, что вплоть до завершения советско-германских переговоров и подписания пакта Молото-

ва — Риббентропа (или по крайней мере до середины августа 1939 г.) РУ, РУ ВМФ и ИНО и, соответственно, Кремль не имели достоверных сведений о планах Германии на осень этого года. Если даже предположить, что порядок изложения наиболее вероятных действий стран оси, приведенный в докладе Шапошникова в ходе переговоров с Англией и Францией в Москве, был способом давления на Лондон и Париж, то очередность вариантов начала войны, изложенная в «Соображениях» — документе, рассчитанном на «внутреннее употребление», могла отражать лишь реальные представления разведок, НКО и Кремля, и не что иное.

Восстановление резидентур советских спецслужб и связей с агентурными группами, работавшими в Берлине, Токио, Лондоне, Вашингтоне и ряде других столиц осенью 1939 — июне 1941 гг., существенно усилило информационные возможности РУ, РУ ВМФ и ИНО (Первого управления НКГБ)¹⁴. Однако поступающие от них сведения часто противоречили друг другу, и воссоздать на их основе планы вероятных противников СССР было непросто.

Весьма противоречивой была, в частности, информация, поступающая в Москву летом — осенью 1939 — первой половине 1941 гг. от резидентур РУ и ИНО в Токио, Харбине и Шанхае. Сообщения о том, что Генеральный штаб Японии и командование Квантунской армии считают, что в настоящее время они не располагают силами, достаточными для полномасштабной войны с Советским Союзом, и в ближайшие месяцы намерены избегать столкновений с РККА¹⁵, сменялись сведениями о «лихорадочной подготовке Японией большой войны против СССР»¹⁶, «подготовке новых провокаций на наших границах» и форсированных приготовлениях «к развязыванию войны ...», о том, что «...японский Генштаб еще не полностью отказался от надежды на будущую войну против СССР»¹⁷.

Весомым доказательством готовности Японии в любой момент напасть на советский Дальний Восток стали для руководства РУ, НКО и Сталина столкновение армий двух стран у озера Хасан, необъявленная война на маньчжуро-монгольской границе у реки Халхин-Гол в мае — сентябре 1939 г. и, особенно, заключение *Тройственного пакта в сентябре 1940 г. О ходе подготовки последнего группа Р. Зорге неоднократно предупреждала Москву еще в апреле — августе 1939 г. Если о подготовке первого из них РУ и НКО были извещены за несколько недель до начала событий*, то вторжение в Монголию началось для них нео-

жиданно¹⁸. Это обстоятельство серьезно обеспокоило Кремль и НКО, опасавшихся новых столкновений с Японией. Поэтому созданная в июле 1939 г. фронтовая группа и сменивший ее в июне 1940 г. Дальневосточный краснознаменный фронт оставались одной из самых мощных группировок Красной Армии и на протяжении последнего предвоенного года, и после начала Великой Отечественной войны.

Пакт Мацуока — Молотов, подписанный в апреле 1941 г., снизил напряженность в отношениях между двумя странами и подозрения Кремля лишь на короткое время: информация о намерениях Японии, поступавшая весной 1941 г., была по-прежнему противоречива. В то время как из сообщений резидентур ИНО в Лондоне и Токио (от 10 марта и 17 мая 1941 г.) следовало, что в ближайшие месяцы Япония не планировала нарушить достигнутое соглашение, то донесение резидентуры РУ из японской столицы гласило: «Этот договор не сделал русско-японские отношения безопаснее»¹⁹.

Более обнадеживающий характер сведения о намерениях Токио стали приобретать с конца июня. Однако лишь в конце августа — начале сентября 1941 г. группа Р. Зорге передала ряд сообщений о том, что если Красная Армия сумеет устоять, то вступления Японии в войну до весны 1942 г. можно не опасаться. 4 октября Зорге окончательно подтвердил, что нападения Японии на СССР можно не бояться по крайней мере до марта 1942 г.²⁰.

События, произошедшие в Европе осенью 1939 — весной и летом 1940 гг., полностью изменили геополитическую ситуацию и приблизили решающее столкновение между Германией и Советским Союзом. Состав коалиции, с которой Красной Армии предстояло воевать в самом ближайшем будущем, стал достаточно ясен — в нее входили Германия, Италия, Румыния, Финляндия и Венгрия, а в наихудшем варианте — и Япония с марионеточным государством Маньчжоу-Го. В этой связи главными вопросами, на которые должны были ответить РУ, РУ ВМФ и ИНО, СС Коминтерна и НКВД, стали: «когда» и «где». Еще одним вопросом, от ответа на который во многом зависело существование Советского Союза, был: «какую политику в отношении него будут проводить Англия и США и на чьей стороне они будут воевать?»²¹.

Судя по документам РУ, РУ ВМФ, ИНО и НКО (в частности тем из них, которые легли в основу плана стратегического извертывания РККА, принятого осенью 1939 — весной

1940 гг.), нападение на СССР могло ограничиться его западными рубежами и участие в нем должны были принять Германия (главный противник), Италия (действующая главным образом на Балканах), Румыния и Финляндия и, возможно, Венгрия. Иран и Афганистан, по мнению РУ и Генштаба, должны были придерживаться позиции вооруженного нейтралитета. Турция же под давлением Берлина и Рима могла открыто выступить против СССР. Общие силы этой коалиции оценивались в 233 дивизии, 10 550 танков, 13 900 самолетов и примерно 18 000 полевых орудий. Италия и Турция непосредственными противниками СССР не рассматривались и их армии в этот расчет не включались. Главный удар ожидался из Восточной Пруссии в общем направлении на Минск, вспомогательные — в направлении Барановичей, с юга Польши — по Западной Украине и из Румынии — по Южной Украине. В случае участия в войне Финляндии следовало ожидать наступления ее армии с северо-запада в направлении Ленинграда²².

В августе 1940 г. после смещения Б.М. Шапошникова и назначения начальником Генштаба К.А. Мерецкова, а также в связи с поступлением в РУ, РУ ВМФ и ИНО дополнительной информации план стратегического развертывания РККА был пересмотрен. Новый вариант содержал прежний список противников, однако имел и существенное отличие: участие в войне против СССР Японии считалось теперь гораздо более вероятным. Общие силы коалиции с учетом ее армии и ВВС оценивались в 280—290 дивизий, 11 750 танков, 18 000 самолетов и 30 000 полевых орудий. Главным ТВД по-прежнему считался западный театр.

Существенным отличием нового плана развертывания от прежнего стало и то, что основной удар вермахта ожидался на юго-западном направлении. Второй вариант наступления главных сил врага — на северо-западном направлении, хотя и не был отвергнут, однако заметной поддержки при обсуждении не получил. Особое внимание было уделено юго-западному направлению и в исправленном варианте этого плана, разработанном весной 1941 г. после прихода в Генштаб нового начальника — Г.К. Жукова. Главной причиной того, что вопреки информации о планах Германии, которой РУ располагало уже в начале 1941 г.²³, наиболее опасным для Советского Союза стало считаться юго-западное направление, являлось растущее убеждение Сталина в том, что Германия будет в первую очередь стремиться овладеть Украиной и Донецким угольным бассейном²⁴.

Именно его мнение и оказалось решающим при составлении плана стратегического развертывания Красной Армии. Принятый вариант не содержал никаких новых положений: перечень вероятных противников повторял прежний список; необходимые изменения были внесены лишь в расчет сил, которыми, по данным разведки, располагали Германия и ее сателлиты. С учетом армий Японии и Маньчжоу-Го они насчитывали 293 дивизии, 12 000 танков, 15 000 самолетов и 21 000 полевых орудий. Из этих сил на советских западных границах Германией, Финляндией, Румынией и Венгрией могли быть развернуты 268 дивизий, 11 810 танков, 11 600 самолетов и 20 050 орудий²⁵.

Последний предвоенный прогноз грядущего нападения на СССР был дан в подготовленных к середине мая 1941 г. «Соображениях по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» — единственном ныне известном документе, в котором излагалось суждение о нанесении Красной Армией превентивного удара войскам потенциальных агрессоров, развернутых к этому времени вдоль западных границ СССР. Перечень противников и направление главного удара — Юго-Запад — остались в нем без изменений. Корректировалось лишь число дивизий (240), которое, по мнению разведчиков и аналитиков Генштаба, Германия, Финляндия, Румыния и Венгрия «могли развернуть против СССР». О возможном участии в войне Японии, ни в том случае, ни в случае агрессии подвергался Советский Союз, ни в случае нападения Красной Армией упреждающего удара, в «Соображениях» не упоминалось²⁶.

Что же касается даты возможного начала войны, то на протяжении второй половины 1939 — первой половины 1940 гг. никаких определенных сроков нападения на СССР вообще не упоминалось. Ситуация изменилась во второй половине 1940 — первой половине 1941 гг., когда от резидентур РУ, РУ ВМФ и РУ в странах оси и ряде других государств Европы и Азии, руководителей военных округов, пограничных войск НКВД и контрразведывательного Управления НКГБ стали поступать сведения о массовой переброске соединений вермахена к советским границам, формировании новых частей, подвиге экономики Третьего рейха и его сателлитов к новой фазе войны.

С начала июля 1940 по 22 июня 1941 гг. только в РУ поступило менее 60 сообщений, свидетельствовавших о форсированной подготовке к нападению на СССР²⁷. Еще большее число по-

добных донесений пришло в 1-е Управление (ИНО) НКГБ. Его зарубежная агентура, Главное управление пограничных войск, Главное транспортное управление НКВД и контрразведка получили за те же месяцы 1940–1941 гг. не менее 80 сообщений о концентрации соединений вермахта и армий союзников Германии на советских границах, высказываниях о предстоящей войне немецких и иностранных дипломатов, личного состава вооруженных сил стран оси и др. сведений. Значительная часть этой информации была направлена руководством НКВД / НКГБ в РУ, Генштаб и НКО²⁸.

Предупреждения о близящемся нападении на СССР шли и по каналам НКВД и Коминтерна. Они поступили и от правительств Соединенных Штатов и Великобритании, которые располагали немалой информацией на этот счет, полученной от своих разведчиков и дипломатов²⁹.

По меньшей мере 22 сообщения резидентур РУ, одно – РУ ВМФ и 45 – ИНО содержали и предполагаемые даты начала войны. В декабре 1940 – июне 1941 гг. они неоднократно менялись: «весна следующего года», «вторая половина 1941 г.», «май – июнь», «июнь», «вторая половина июня». Более точные сведения начали поступать в Москву лишь в марте: «между 15 мая и 15 июня». Но лишь в июне Р. Зорге и Х.Шульце-Бойзен назвали их точнее – «около 15 июня», а затем – после 18 июня. 17 июня Х. Шульце-Бойзен сообщил о том, что «удара можно ожидать в любое время». Через два дня источник ИНО в Риме «Тит» назвал новую дату – «между 20 и 25 июня». И, наконец, 20 июня источник РУ в Софии П. Шатев («Коста») передал, что вторжение в СССР ожидается 21 или 22 июня³⁰.

Великобритания

Старейшее в мире британское разведывательное сообщество – MI6 (Secret Intelligence Service), военная и морская разведки – накануне кризиса 1939–1941 гг. так же, как и их советские соперники, находилось не в лучшей форме.

Хроническое недофинансирование спецслужб в 20–30-х годах продолжалось и после принятого правительством в 1935 г. решения увеличить расходы на разведку. Это привело к тому, что даже MI6 накануне войны «оставалась без денег, ...талантливых служащих, была не в состоянии предоставить техническую экс-

пертизу по вопросам перевооружения» стран оси. Она не могла даже содержать постоянного штата разведчиков в столицах Германии, Японии, Италии и СССР³¹. Аналитики из Правительственной школы кодов и шифров (GC&CS) в Блетчли Парк на протяжении практически всего периода 30-х годов оказались не в состоянии «вскрывать» военные и дипломатические шифры, используемые СССР и Германией. В своих оценках состояния и боевой мощи немецких сухопутных сил и военно-морского флота руководство военной и морской разведок постоянно колебалось между их «недооценкой и переоценкой».

Еще хуже обстояли дела и с обобщением получаемой информации: межведомственного центра, способного свести воедино добываемые сведения, проанализировать их и выступить с какими-либо рекомендациями, попросту не существовало. В целом в период с момента ввода немецких войск в Рейнскую область и до подписания Мюнхенского соглашения наиболее точным определением состояния британских разведывательных служб было слово «слепота»³². Хуже всего, однако, было то, что накануне войны большинство британских военных аналитиков на основе имевшейся информации самонадеянно полагало, что, выстояв в ходе первого натиска со стороны Германии, Англия сумеет прийти к победе, используя средства экономической войны³³.

Результатом слабости разведывательного сообщества стало качество оценок намерений и планов противника. Так, в мае 1938 г. MI6, не сумев распознать дезинформации, внедренной среди противников Гитлера в Германии, сообщила своему правительству о том, что вермахт готов начать вторжение в Чехословакию. Через несколько месяцев сведения о тайных переговорах между Сталиным и Гитлером были расценены ею как слухи, подброшенные немцами и русскими с целью оказать влияние на советско-франко-британские переговоры, проходившие в Москве³⁴.

Ярким примером влияния отсутствия информации, позволявшей оценить обстановку адекватно, на действия правительства явилось выступление У. Черчилля перед Военным кабинетом 25 сентября 1939 г. В нем он рассматривал возможные перспективы развития ситуации в Европе, основываясь на сведениях, собранных специальными службами. Наряду с трезвой оценкой возможного сценария действий Германии на Западе («1. Мощная атака на Западном фронте, вероятнее всего через Бельгию, захватывающая на своем пути и Голландию. 2. ...Напа-

дение с воздуха на британские заводы, морские порты или на французские авиационные заводы...) премьер в своей речи значительное место отвел идее «создания на Балканах при поддержке России, Франции и Британии Юго-Восточного фронта...» в составе Греции, Югославии и Румынии. Как подчеркнул Черчилль, «насколько можно судить сейчас, реакция на движение России в этом направлении на Балканах и особенно в Югославии должна быть благоприятной... Таким образом, помимо фронта на Востоке [Черчилль имел в виду войска, которые Германия была вынуждена держать на границе с СССР. — В.П.], может появиться и ...Юго- Восточный фронт ..., образующие полу-месяц от Рижского залива до верховьев Адриатики и оттуда... до перевала Бреннер в Альпах». Создание этого фронта, по его мнению, должно было стать одной из первоочередных задач правительства Британии: «Мы бы предпочли, чтобы все эти страны выступили против ...нацистской Германии одновременно; эта возможность не должна исключаться... Эта политика предполагает возобновление отношений с Россией...»³⁵. Думается, что какие-либо комментарии здесь излишни.

Возможности британского разведывательного сообщества получать своевременную и достоверную информацию в огромной мере возросли в конце мая 1941 г. после дешифровки криптоаналитиками GC&CS главного операционного кода люфтваффе, а затем постепенно и других немецких машинных кодов и шифров. Весьма важную роль сыграло и создание Объединенного разведывательного комитета (Joint Intelligence Committee — J.I.C.), позволившее сводить воедино информацию, полученную GC&CS, MI6, военной, морской и воздушной разведками, и давать ей окончательную оценку³⁶. Однако и после объединения усилий этих служб правильно «прочитывать» планы и намерения противника удавалось отнюдь не всегда.

Анализ документов J.I.C., Военного кабинета и переписки Черчилля с лидерами ряда стран (как ни фрагментарны эти материалы) показывает, что и политическое и военное руководство Британии далеко не всегда имело достаточно адекватную информацию о своих противниках и потенциальных союзниках. Весьма интересным источником в этом отношении являются «Еженедельные разведывательные комментарии» (Weekly Intelligence Commentaries — WIC) — оценки общей политической и военной ситуации, рассылавшиеся J.I.C. в конце лета — осенью 1940 г. членам Военного кабинета, командующим британскими войсками на различных театрах военных действий и

руководителям разведывательных служб сухопутных сил, флота и авиации.

WIC содержали огромную информацию, включавшую оценки вероятности вторжения вермахта на Британские острова, войны на море, численности и дислокации немецких войск в Германии, Франции и других оккупированных странах Европы, дипломатических и военных акций Германии в странах Юго-Восточной Европы, политической и военной ситуации на Балканах, военных действий в Северной Африке, политики и военных мероприятий Японии на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Отдельный раздел большинства WIC был посвящен СССР: состоянию и дислокации Красной Армии, развитию советско-германских отношений, политике в отношении сопредельных стран — Финляндии, Румынии, стран Балтии, Турции, советско-германскому соперничеству в Иране³⁷.

Сведения о начале переброски соединений вермахта к советским границам стали появляться в WIC уже в середине сентября 1940 г. Однако вопреки надежде Черчилля на то, что «если Гитлеру не удастся победить нас здесь, он, возможно, ударит на Восток»³⁸, выводы аналитиков J.I.C., изложенные в одном из бюллетеней, внушали мало оптимизма. Дав подробный анализ особенностей дислокации соединений Красной Армии в европейской части СССР, Закавказье и Средней Азии они пришли к следующим выводам: «а) Несмотря на сообщения о концентрации немецких войск в Польше, СССР не опасается немецкой атаки, т.к. ряд направлений оставлены незащищенными; б) Концентрация [советских войск] на севере может представлять для Финляндии угрозу, большую, нежели об этом думают сейчас... Силы, размещенные между Львовом и Черным морем, могут быть использованы, по тайному сговору с немцами, для... движения к [турецким] Проливам»; в) Содержа чисто статичную группировку в Закавказье, СССР не планирует наступательной операции против Турции; г) Две пехотные дивизии в Закавказье, три пехотные, четыре кавалерийские дивизии и одна танковая бригада в Средней Азии могут быть быстро использованы для атаки против Ирана».

Окончательный же вывод был сформулирован следующим образом: «СССР не ожидает агрессивных действий...со стороны Германии, но он готов действовать, с или без содействия Германии, либо на Северо-Западе, либо на Юго-Западе. В маловероятном случае немецкого вторжения на территорию России у СССР нет намерения защищать существующую западную границу с ок-

купированной центральной Польшей; однако ввиду огромных жертв, на которые Германия пошла в августе 1939 г., когда она заключила с СССР пакт о ненападении, крайне маловероятно, что она решит лишиться тех преимуществ, которые приобрела, вступив тогда в войну на два фронта»³⁹. Почему Советский Союз в условиях крушения Западного фронта, капитуляции Франции и начала Битвы за Англию мог решиться на вторжение в Турцию (при этом только через Балканы), Иран и начать новую войну с Финляндией, то есть существенно облегчить Германии нападение на себя, а в случае немецкой атаки не защищать своей западной границы, авторы WIC # 57 не сообщали.

Первые надежные данные о подготовке германского вторжения в СССР были получены GC&CS 28 марта 1941 г. и переданы главой MI6 Стюартом Мензисом Черчиллю 29 марта. 4 апреля через посла С. Криппса Черчилль сообщил Сталину о переброске трех немецких танковых дивизий в Южную Польшу. Однако, если премьер сумел правильно оценить эти сведения почти сразу же, то руководители J.I.C., глубоко убежденные в том, что «Гитлер никогда не повернет на Восток до разгрома Британии», а сосредоточение соединений вермахта вдоль советских границ — часть «войны нервов», нацеленной на то, чтобы «выдавить из Сталина» еще больше уступок, — пришли к выводу о неизбежности немецкой атаки лишь 12 июня 1941 г.⁴⁰. Тот факт, что об ускоренной подготовке вторжения руководителям J.I.C. было известно не только из собственных источников, но и из сообщений, поступавших из США и от союзников в Европе на протяжении марта — мая 1941 г., оказал, по-видимому, мало влияния на их оценку ситуации⁴¹.

Соединенные Штаты

Соединенные Штаты оказались подготовленными к вступлению в войну не лучше, чем Советский Союз. К началу декабря 1941 г. США по военной мощи значительно уступали своим главным противникам — Германии и Японии и в этой связи были вынуждены придерживаться оборонительной стратегии и тактики. Не в лучшем состоянии вступало в войну и американское разведывательное сообщество.

Как и их будущие союзники и противники, Соединенные Штаты не располагали перед войной единой разведывательной

организацией, готовой обеспечить добычу, обработку, анализ и распространение информации, необходимой для принятия военно-политических решений. Координация и обмен сведениями, полученными различными разведывательными службами — Управлением военно-морской разведки (Office of Naval Intelligence — ONI), Отделом военной информации Военного министерства (Military Information Division — MID), Отделом G-2 Корпуса Генерального Штаба, секцией радиоразведки MID (G2A6), Отделением исследований Отдела кодов и сигналов (Research Desk, Code and Signal Section — RDCSS) Управления связи ВМФ, Службой разведки связи (Signal Intelligence Service — SIS) Корпуса связи Армии США и Бюро шифров (Cipher Bureau) Госдепартамента — также практически отсутствовали. Единственным человеком, теоретически получавшим все добываемые сведения, был президент США.

Основным источником военной информации накануне войны были, как и в межвоенные годы, военные атташе (ВАТ) и подчиненные им офицеры. Война в Европе и особенно вторжение вермахта во Францию, Бельгию и Нидерланды, Битва за Англию резко активизировали их деятельность и увеличили объем собираемого ими материала. Были предприняты меры и для обобщения и анализа опыта войны на европейском континенте. С конца мая 1940 г. MID и G-2 на основе полученной от ВАТ и из других источников информации начали выпуск специального бюллетеня (Tentative Lessons Bulletin), публиковавшего сведения о тактике и военной технике, используемой вермахтом и люфтваффе.

Увы, добываемая ВАТ информация была весьма противоречива и далеко не всегда соответствовала реальному положению дел. Хотя подполковник Джон П. Рэтэй (ВАТ в балканских странах) правильно оценил способность Германии добиться быстрой победы над французской армией, тем не менее, по его сведениям немцы вначале должны были атаковать Великобританию и лишь затем начать наступление во Франции. Его данные о соотношении числа боевых самолетов британского RAF и люфтваффе выглядели просто нереальными — 16 к 1. Оценка же способности англичан к сопротивлению без помощи США существенно расходилась с мнением ВАТ в Лондоне бригадного генерала Рэймонда И. Лии и его офицеров. Сведения о немецком военном производстве, мощи вермахта и люфтваффе, поступающие от майора Трумэна Смита (ВАТ в Берлине в 1939–1941 гг.), были довольно точны, однако его прогнозы от-

носителем планов Берлина и дальнейшего развития событий были, как правило, весьма далеки от истины. В частности, ни он, ни другие военные атташе не смогли предугадать осенью 1941 г., что вскоре после нападения Японии на Пёрл-Харбор Германия объявит США войну.

Даже учитывая сложности работы американских дипломатов в СССР, явно недостаточной и далекой от истины, была и информация, собранная американскими военными в 1940–1941 гг. о советском военно-промышленном потенциале и боевых возможностях Красной Армии. Ее способность отразить первый натиск вермахта и выстоять оценивалась подавляющей частью разведчиков и планировщиков весьма низко. Как отмечал в конце июня 1941 г. помощник начальника штаба Армии США по разведке подполковник Пол М. Робинетт, «среди военных преобладало практически единодушное мнение о том, что Россия будет быстро и решительно побеждена. Мнения различались лишь в том, сколько времени это займет».

Помимо сведений, получаемых от MID, ONI и G-2, некоторый объем важной (хотя и фрагментарной) политической, экономической и отчасти военной информации поступал в Вашингтон также по каналам Госдепартамента, специальных посланников президента и Федерального бюро расследования⁴².

Чуть лучше обстояли дела с дешифровкой дипломатической корреспонденции иностранных миссий и посольств, аккредитованных в США. Руководимое Хербертом О. Ярдли Бюро шифров (СВ) после десяти лет довольно успешной работы было упразднено. По мнению нового госсекретаря Г. Стимсона, тайно читать переписку послов было неэтично. Поэтому он распорядился немедленно прекратить финансирование СВ⁴³. К счастью для военных, а впоследствии и для администрации США, ликвидация Бюро не привела к прекращению работы в этой сфере: дешифровкой военных и дипломатических шифров и кодов продолжали заниматься уже упомянутые RDCSS (с 1940 г. – OP-20-G) и SIS. Несмотря на отсутствие координации работы обеих служб и хроническую нехватку обученного персонала, к началу Второй мировой войны они все же сумели добиться существенных успехов и «вскрыть» ряд второстепенных шифров и кодов, используемых вооруженными силами и МИД Германии, Японии и некоторых других государств⁴⁴.

Серьезный успех был достигнут в 1940–1941 гг., когда по приказу начальника Штаба Армии США, Джорджа К. Маршалла, SIS и OP-20-G начали сотрудничать со своими британскими

ллегами из GCCS. Обмен сведениями о кодах и шифровальных машинах, используемых военными и дипломатами держав, и ряд собственных разработок американских криптоаналитиков («вскрытие» SIS 20 сентября 1940 г. новейшего японского дипломатического кода, условно названного Purple) значительно увеличили возможности получения военными и Белым домом информации, нужной для принятия решений. Однако из-за бюрократических проволочек и желания сохранить достигнутые успехи в тайне, сведения, добываемые SIS и OP-20-G, далеко не всегда вовремя доходили до тех руководителей, которым они были необходимы⁴⁵.

Крайне негативную роль играл и еще один фактор — поразительная незаинтересованность в информации, поступавшей «из чужих рук», проявляемая как Белым домом, так и высшим военным руководством США. Звучит невероятно, но когда президент Рузвельт 13 июня 1940 г. поставил перед начальниками ID и ONI ряд вопросов, связанных с Германией и Японией, один из них не касался планов держав оси и лишь один относился к сведениям об их военной мощи. Не большой интерес Рузвельт проявлял в начале 1941 г. и к дешифровкам японской дипломатической переписки, посылаемой ему SIS⁴⁶. Еще более ярким примером стало задание представить оценку ситуации, полученное MID начальником Отдела планирования Штаба Армии, в ходе подготовки в 1941 г. Армией и Флотом США объединенного плана войны с Германией и Италией — «Rainbow-5». Единственным вопросом о странах противника в этом задании был следующий: «какой эффект могут оказать на Германию и Италию постоянно усиливающиеся воздушные операции в сочетании с экономическим «голодом», вызванным блокадой?»⁴⁷.

Сочетание всех этих факторов — разобщенности и конкуренции разведывательных служб, бюрократических барьеров, мешавших обмен полученной информацией, отсутствия полноценного информационно-аналитического агентства, способного оперативно предоставлять и анализировать ее, недоверия военных (и особенно разведчиков) к политическому руководству страны (организационно неспособному, по их мнению, предотвращать утечки информации) и, наконец, недостаточного интереса президента к лучшему командованию Армией и Флотом США к сведениям, добываемым SIS, OP-20-G и другими ветвями разведки, привели в итоге к катастрофическим последствиям. Накануне нападения японского флота на Пёрл-Харбор SIS, благодаря дешифровке японской дипломатической корреспонденции, располагав-

гала достаточной информацией о том, что отношения с Токио достигли кризисного уровня и переговоры, проходившие в Вашингтоне, могут быть прерваны Японией в любой момент. ОР-20-G, «вскрывший» основные шифры флота Японии, имел достаточно четкое представление о степени мобилизации основных соединений японского ВМФ. MID и ФБР, благодаря сведениям, полученным от британской MI6, знали о том, что Пёрл-Харбор является одной из основных целей японского флота. Однако вся эта ценнейшая, хотя и фрагментарная информация либо вообще не была доложена президенту и командованию Тихоокеанского флота, либо, проходя по обычным каналам, пришла к ним слишком поздно⁴⁸.

Трудно не согласиться с выводами известного историка разведки Дэйвида Кэна: «До декабря 1941 г. разведка имела мало отношения к американским оценкам Германии и Японии», и «даже в создании вооруженных сил, планировании их дислокации и подготовке к отражению возможных неожиданных военных акций [противника] американское руководство мало использовало военную разведку». В период 1938–1939 гг. и в последующие два года американские оценки планов и намерений вероятных противников США больше основывались на «географии и общей военно-политической ситуации»⁴⁹.

* * *

Могли ли РУ, РУ ВМФ и ИНО в последние предвоенные месяцы и дни предоставить НКО, Генштабу и Сталину более объемную и точную информацию о намерениях вероятных противников Советского Союза, их вооруженных силах, дислокации ударных соединений вермахта на советских границах и о дате начала вторжения на территорию СССР? Так, как это удалось разведке ВМФ в отношении Японии, о планах и вооруженных силах которой Москва получала достаточную информацию даже в годы Большого Террора, когда поток сведений, приходивших по каналам РУ и ИНО из других регионов мира существенно обмелел?

Думается, что несмотря на значительное увеличение штатов военной и военно-морской разведок, создание новых резидентур и приобретение новых источников в Европе и других регионах мира, в чем особенно преуспели разведчики РУ и РУ ВМФ⁵⁰, а также ПУ НКГБ в США, все три советские разведывательные службы не смогли бы сделать больше того, что им уда-

лось. Сотни молодых офицеров, пришедшие в 1939 — начале 1941 гг. в центральный аппарат РУ, РУ ВМФ и ИНО, управления разведки военных округов и флотов, легальные и нелегальные резидентуры за рубежом, за редчайшим исключением были новичками и не обладали необходимыми навыками и опытом, что не могло не сказаться на работе всех этих структур. Крайне негативный отпечаток наложил на деятельность советских разведок и страшный опыт, приобретенный служившими в них офицерами и гражданскими служащими в годы Большого Террора.

Следует помнить и о том, что наряду с информацией о предстоящем вторжении в СССР, советское политическое руководство весной и в начале лета 1941 г. получало и сведения совершенно иного рода. Кампания по дезинформации Кремля, осуществленная немецкой разведкой и МИД Германии, не могла не наложить своего отпечатка на восприятие сложившейся ситуации и породить у Сталина надежды и даже расчеты на то, что ему удастся «переиграть» нацистское руководство и оттянуть начало войны по меньшей мере до весны 1942 г.⁵¹

И все же, несмотря на атмосферу, царившую в РУ и других службах советской разведки, разведотделах округов, флотов и пограничных войск, многие офицеры периодически шли на смертельный риск и стремились донести до руководства своих служб, НКО, Генштаба и Кремля реальную информацию, а не ее «отредактированную» версию, как это зачастую делали их начальники, в том числе и шеф РУ генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, периодически занижавший в своих докладах Сталину и Наркомату обороны численность соединений вермахта на советских границах.⁵² Именно благодаря этим военным разведчикам и их коллегам из ПУ НКГБ собранная информация все же поступала в НКО и Кремль в более достоверном виде, чем могла бы, и позже сыграла свою роль в принятии решений, определивших ход Второй мировой войны и судьбу Советского Союза. } том, как эта информация была использована военно-политическим руководством СССР накануне немецкого вторжения, их ины не было.

В отличие от Сталина, постоянно интересовавшегося сообщениями своих разведывательных служб, но больше полагавшегося на собственную интуицию и видение обстановки, Черчилль не только регулярно читал донесения MI6, военной морской разведок, обобщенные сообщения J.I.C. (WIS) и ту информацию, которая поступала от разведок союзных стран, но лучше умел использовать человеческий и материальный по-

тенциал британских специальных служб и полученные ими сведения. Вовремя добытые и правильно использованные сведения — и прежде всего те, что были получены криптоаналитиками GC&CS — существенно компенсировали слабость британских вооруженных сил на протяжении критического периода Битвы за Англию. Развитие британского разведывательного сообщества в начальный период Второй мировой войны и быстрое преодоление ошибок, сделанных в предвоенные годы, сыграли огромную роль и в последующие периоды войны⁵³.

Что же касается Соединенных Штатов, то и у президента Рузвельта и у командования Армии и Флота (как и у советского военно-политического руководства) не было никаких сомнений в том, с кем Америке придется воевать в ближайшие годы. Военное планирование в 1939-1941 гг. основывалось на аксиоме, что главной угрозой для США является Германия, именно ее вооруженные силы должны быть разгромлены в первую очередь и лишь затем настанет черед Японии⁵⁴.

Главными причинами неготовности американского разведывательного сообщества к войне стали его слабость и разобщенность, бюрократические междоусобицы и конкуренция между отдельными службами. В результате оно имело весьма ограниченные возможности довести добытую разведчиками информацию до тех, кто в ней нуждался и мог принять необходимые решения. Сказалась и недостаточная заинтересованность в своевременном получении ее у высшего военно-политического руководства США.

До июля 1941 г., когда Рузвельт, наконец, осознал необходимость объединения усилий имевшихся разведывательных служб и, назначив Уильяма Доновэна координатором информации, сделал попытку обеспечить Белый дом, Военное и Морское министерства и другие федеральные ведомства всей необходимой информацией. Ее добычей занималось «около сорока различных агентств». Практически все эти службы «защищали занимаемые ими позиции от угрозы вмешательства извне с замечательным упорством и воображением»⁵⁵, явно достойными лучшего применения и в конечном счете серьезно осложнившими для правительства и военных Соединенных Штатов получение жизненно важной политической и военной информации накануне вступления страны в войну и в начальный период участия в ней.

Возможно, лишь уникальное геостратегическое положение США, укрытых от своих противников огромными пространствами Тихого и Атлантического океанов и защищенных мощным

военным флотом, спасло в 1941–1942 гг. вооруженные силы этой страны от поражений, сравнимых с теми, которые ранее понесли британские и советские войска. Вместе с тем американцы показали способность быстро учиться и использовать как положительный, так и отрицательный опыт своих союзников и противников. Именно накануне и в начале Второй мировой войны руководство США создало многие из тех человеческих и материальных предпосылок, которые обеспечили успешную деятельность американских разведывательных служб на протяжении последующих лет.

Примечания

¹ См.: Гладков Т. Предисловие к кн.: Полянский А. Ежов. История «железного» сталинского наркома. М., 2001. С. 24.

² О прекращении в 1938 г. поступления информации от резидентур ИНО см.: Очерки истории Российской внешней разведки (ОИРВР). В 6 тт. Под ред. Е.М. Примакова и др. М., 1995. Т. 3. С. 17. Подробнее см.: Протоколы партийных собраний Разведывательного управления ГШ РККА, июль 1937 – февраль 1938 (Российский государственный военный архив – РГВА – Ф. 9. Оп. 30. Д. 53. Л. 99, 171–179, 198–200; Д. 155. Л. 21–22); Переписка с НКВД об арестованных и подлежащих аресту по «политическим» мотивам и характеристики на них. Сентябрь 1938 – декабрь 1939 гг. (Российский государственный архив Военно-Морского Флота – РГА ВМФ, Санкт-Петербург. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 52. Л. 11–224); Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. В двух тт. М., 2000. Т. 1. С. 223–245; Т. 2. С. 438; Poretzky E. Our Own People. A Memoir of «Ignace Reiss» and His Friends. Ann Arbor, MI, 1969. P. 217–226; Кривитский В. Я был агентом Сталина. Записки советского разведчика. М., 1991. С. 251–272; Новобранец В.А. Накануне войны // Знамя. 1990. № 6. С. 165, 170–171; Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 53–58, 65–69, 84–85; Павлов В. Трагедии советской разведки. М. 2000. С. 91–135; Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 339–347, 354–358, 413–414; Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 161, 201.

³ Подробнее см.: М.В.Захаров, помощник начальника ГШ РККА, Гусев, военком ГШ, Четвериков, врид начальника 4-го Отдела ГШ, – А.Г.Орлову, и.о. начальника РУ, 5 марта 1939 г.; А.Г. Орлов – Б.М.Шапошникову, 17 октября 1938 г.; К.Е.Ворошилов – И.В.Сталину, В.М.Молотову, 9 мая 1940 г.; С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников – в Политбюро ЦК ВКП(б), И.В. Сталину, В.М. Молотову, 22 мая 1940 г. (РГВА. Ф. 7. Оп. 15.

Д. 53. Л. 11–11об; Ф. 40442. Оп. 2с. Д. 169. Л. 14–15, 24, 128, 142, 13, 23; план радиоразведки Северного флота по 2-му Береговому отряду Северного флота на 1939 г., 19 дек. 1938 г.; протокол Первого сбора руководящего личного состава радиоразведки РО РК ВМФ, 15 по 25 апр. 1939 г. (РГА ВМФ. Ф. р-2045. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–17; Д. 1. Л. 39–63).

⁴ Информационный отдел РУ (с конца 1940 г. – управление) был создан в начале 1920-х гг. и располагал к началу Второй мировой войны 74 офицерами, занятыми информационно-аналитической работой. См.: Организация Регистрационного управления Полевого штаба Республики, б.д., 1921 г.; Штат № 1 Разведывательного управления РККА, 17 дек. 1935 г.; Схема организации Разведывательного управления Генштаба Красной Армии, Штат № 1/1, б.д., 1940 г. (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 529. Л. 21; Ф. 4. Оп. 14с. Д. 1479с. Л. 296–301; Ф. 40442. Оп. 2. Д. 183. Л. 5). Об особенностях работы Информотдела в 1939–1941 гг. см.: Новобранец В. Указ. соч. С. 168–186. Об ИНФО 1-го (разведывательного) Управления НКГБ подробнее см.: ОИРВР. Т. 4. С. 303–308. Об отношении Сталина и Молотова к разведке см.: Там же. С. 17, 25; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 31–32; Новобранец В. Указ. соч. С. 176, 179, 181.

⁵ См.: Захаров М.В. Генеральный Штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 125–127.

⁶ Там же. С. 128–130; А.Г.Орлов – М.П.Фриновскому 31 декабря 1938 г.: Спецсообщение «О подготовке Японией войны против СССР» (РГА ВМФ. Ф. р-1678. Оп. 1с. Д. 47. Л. 90).

⁷ См.: А.Г. Орлов – М.П. Фриновскому, 17 ноября 1938 г. Спецсообщение: «О решениях правительственной конференции в Японии»; А.Г. Орлов – Б.М. Шапошникову, 15 ноября 1938 г. Справка о возможностях мобилизационного развертывания японской армии (РГА ВМФ, Ф. р-1678. Оп. 1с. Д. 47. Л. 53; РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 98. Л. 74–75, 81).

⁸ См.: А.Г. Орлов – Иванову, начальнику Оперотдела Генштаба РККА, 20 декабря 1938 г. Справка о перебросках японских войск из Японии и перегруппировке их в Маньчжурии за время с 1. 10 по 15. 12. 1938 г.; Сводка по переброскам японских войск на 15.1.1939 г. (РГВА, Ф. 37977. Оп. 1. Д. 98. Л. 39–45, 50–52).

⁹ См.: Сводка по переброскам японских войск на 15.1.1939 г. (Там же, Л. 52).

¹⁰ А.Г. Орлов – М.П. Фриновскому, 11 октября 1938 г. Спецсообщение «Проблема польско-германских отношений» (РГА ВМФ. Ф. р-1678. Оп. 1с. Д. 47. Л. 22); См. также: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В двух тт. М., 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. С. 433–434, 498–500; Русский архив. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В двух тт. М., 1997. Т. 1. С. 156–157 (далее – РА. СЯВ...).

¹¹ См.: Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 273, 419–422, 433–434; Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 52–53; Ивашутин П. Докладывала точно // Солдаты невидимого фронта. М., 1994. С. 7.

¹² Соображения советской стороны по переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции, 4 августа 1939 г. (Архив внешней политики Российской Федерации – АВП РФ. – Ф. 06. Оп. 16. П. 27. Д. 5. Л. 22, 25–26, 29–30, 32).

¹³ См.: Краткий отчет о работе совещания военных миссий СССР, Англии и Франции, б.д., авг. 1939 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 16. П. 27. Д. 5. Л. 191–192).

¹⁴ Численность центрального аппарата РУ достигла к середине 1940 г., соответственно, 599 человек. См.: Схема организации Разведывательного управления Генерального Штаба Красной Армии, Штат № 1/1, б.д., 1940 г. (РГВА. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 183. Л. 5).

К середине 1941 г. РУ располагало за рубежом примерно 1 000 офицеров, источников и агентов, более 50% которых работало с нелегальных позиций. См.: Павлов А.Г. Военная разведка СССР в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 27. Быстро рос и штат офицеров 1-го Управления ВМФ, работавших за рубежом. По перспективному плану создания радиоофицерованных зарубежных точек на период 1941–1943 гг., принятому 2-м отделом РУ ВМФ., в 1940 г. было намечено создать за рубежом 18, в 1941 г. еще 34 пункта радиосвязи, действовавшие или создаваемые в 25 странах Европы, Азии и Америки (РГА ВМФ, Ф. Р-2045, Оп. 1, Д. 1, Л. 222–228).

Штат центрального аппарата ИНО в 1938 г. насчитывал 210 чел.; к середине 1940 г. – 695 чел. В середине 1941 г. в 40 резидентурах за рубежом работало 242 разведчика, контролировавших около 600 агентов и источников. См.: ОИРВР. Т. 3. С. 13, 17–18.

По неполным данным, с 20 июля по 29 декабря 1940 г. только в легальные резидентуры РУ было послано: в Вашингтон – 6 офицеров, Берлин – 2, Лондон – 1, Париж – 1, Токио – 1, Рим – 2, Хельсинки – 2, Стокгольм – 1, Будапешт – 2, Бухарест – 1, Белград – 4, Анкару – 3, Софию – 1 офицер. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17, Оп. 3, Д. 1026–1031.

¹⁵ См.: Willoughby Ch.A. Shanghai Conspiracy. The Sorge Spy Ring. Moscow-Shanghai-Tokyo-San Francisco-New York. N.Y., 1952. P. 104–105, 192, 228; Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М., 1996. С. 213–214; А.Г.Орлов – М.П.Фриновскому, 31 дек. 1938 г. Спецсообщение: «О разногласиях в военных кругах и перемещениях среди высшего командования японской армии» (РГА ВМФ. Ф. р-1678. Оп. 1с. Д. 47. Л. 92); Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Сост. А.Г. Фесюн. М., 2000, с. 97–98 (далее – ДРЗ. НД).

¹⁶ Радиосводка Разведывательного отдела 1-й Армейской группы № 59 на 1 дек. 1939 г. см. РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 287. Л. 145; ДРЗ. НД. С. 97.

¹⁷ Клестов, нач. Штаба Фронтальной группы, — Б.М.Шапошникову, И.И. Проскурову, нач. РУ РККА, 21 марта 1940 г. Обзор положения в Маньчжурии за февраль — первую половину марта 1940 г. (РГВА. Ф. 32113. Гл 1. Д. 689. Л. 50, 51—56); ДРЗ. ВД, и. 105.

¹⁸ См.: ДРЗ. НД, с. 98—101; Приказ Наркома Обороны СССР № 0040 от 4 сент. 1938 г.; Г.К. Жуков. Доклад о кампании 1939 г. в районе р. Халкин-Гол, б.д., окт. 1939 г. (РГВА. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 109. Л. 131; Ф. 32113. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 5, 8). Любопытно отметить, что в период боев на Халкин-Голе Р. Зорге сообщал в Москву о том, что «...у Японии не было намерения вести войну против Советского Союза», то есть, что этот конфликт не являлся прелюдией к полномасштабной войне. См.: Sorge Case Materials, Part 2 of Translation of Statement of Richard Sorge. Apr. 1942. Criminal Affairs Bureau, Justice Ministry (of Japan — В.П.), Feb. 1942. P. 23 // President's Secretary Files. Harry S.Truman Library. Independence, MO.

¹⁹ См.: ДРЗ. НД. С. 123—127; Карпов В.Н. Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. По материалам Архива Внешней разведки Российской Федерации // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 93—94; Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 239—240.

²⁰ См.: Захаров М.В. Ук. соч. С. 156; ДРЗ. НД. С. 131—133; Карпов В.Н. Указ. соч. С. 94—98.

²¹ Одним из важнейших источников информации о состоянии и перспективах развития американо-британских отношений и политики США и Англии в отношении СССР в 1939 — первой половине 1940 гг. мог быть шифровальщик американского посольства в Лондоне Тайлер Г. Кент, арестованный в мае 1940 г. британской контрразведкой МИ5 за передачу некой Анне Волковой и через нее посольству Италии (и через него — в Германию) около 500 документов из сверхсекретной дипломатической переписки между Госдепартаментом и Форин Оффис и посланий Ф. Рузвельта и У. Черчилля. По данным ФБР, Кент, служивший в 1934—1939 гг. в Москве, был в 1938 г. завербован 2-м (контрразведывательным) отделом ГУГБ НКВД. См.: J.Edgar Hoover, Director, FBI. Memo, Apr. 4, 1944; W.A.Branigan, FBI, to J.P. Lee. Memo, 2 Feb. 1972 (FBI Files, Box 74. National Archives. Washington, D.C. Далее — NA).

Другими источниками, снабжавшими в этот период ИНО политической информацией, являлись его агенты Доналд Д. Маклейн (2-й секретарь британского посольства в Париже в конце 1938 — июне 1940 гг.), Гай Бёрджесс (связной между секцией D, SIS и Форин Оффис в конце 1938 — конце 1940 гг.) и Джон Х. Кинг (шифровальщик британского МИД). Подробнее см.: Philby K. My Silent War. London, 1968. P. 1—12, 13—26, 27—45; Modin Yu. My Five Cambridge Friends. Burgess, Maclean, Philby, Blunt, and Cairncross by Their KGB Controller. N.Y., 1994. P. 43—102, 103—134; J.Herbert King. «Mag» File. P. 81; Soviet Secret Agents (Mentioned by General Krivitsky), P. 77. W. Krivitsky File, Vol. 4 (KV 2/816, KV 2/805, National Archives (Public Record Office), Kew, Richmond, Surrey) [Далее — TNA (PRO)]; ОИРБР. Т. 3. С. 47—49, 55—57.

Еще одним ценным источником политической и военной информации в Англии летом 1940 — 1941 гг. могла быть «Группа Х», состоявшая из членов Компартии Британии и находившаяся на связи у и.о. резидента РУ в Лондоне С.Д. Кремера («Барч»). Руководителями Группы были председатель Редакционного совета газеты Daily Worker проф. Дж. Б.С. Холдэйн («Интеллигенция») и журналист и писатель Айвор Монтэгью. В телеграмме от 7 сент. 1940 г. руководство РУ предписало резидентуре в Лондоне к 20 сентября «завершить формальности с «Группой Х» и начать добывать документальный материал» См.: Venona, London. to Moscow, # 812, 895, 987, 1071, 1099, 1188, 1424, 25 July, 16 Aug., 6, 26 Sept., 2, 18 Oct., 20 Dec. 1940; Moscow. to London, # 450, 7 Sept. 1940 // National Security Agency Archive. Fort George G. Meade, MD (далее — NSAA. FGGM).

Судя по имеющимся материалам, РУ и ИНО, с точки зрения Сталина, так и не смогли дать ясного ответа на вопрос о будущей позиции США и Великобритании. Доказательством того, что до конца 1941 г. он не верил в надежность своих союзников, является задание, данное им новому резиденту 1-го Управления НКГБ в США В.М.Зарубину перед отъездом последнего из Москвы, в октябре этого года. Первым пунктом задания Зарубину было предписано следить за тем, «...чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратного мира и все вместе не пошли бы против Советского Союза». (Феклисов А.С. Указ. соч. С. 83. Курсив мой. — В.П.).

²² См.: Захаров М.В. Ук. соч. С. 213—217; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В трех тт. М., 1995— . Т. 1, Кн. 1. С. 191—194, 213—214, 229—230, 215—219 (далее — ОГБ СССР).

²³ Полный текст директивы № 21 (План «Барбаросса») был обнаружен в 1945 г. при разборе трофейных документов Верховного командования вермахта. Содержание директив Верховного командования сухопутных сил по плану «Барбаросса» и решение Гитлера о претворении его в жизнь были переданы РУ группами И.Штёбе в январе — феврале и НКГБ — группой Арвида Харнака / Харро Шульце-Бойзена в начале апреля 1941 г. См.: Ивашутин П. Указ. соч. С. 9; Павлов А.Г. Указ. соч. С. 54; Треппер Л. Большая игра. N.Y., 1989. С. 136—137; ОГБ СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 70—73.

²⁴ ОГБ СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 49—54; Захаров М.В. Указ. соч. С. 218—222; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 219—220.

²⁵ ОГБ СССР. Т. 1. Кн. 2. С. 50—51.

²⁶ См.: Соображения по плану развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, б.д., май 1941 г. (Центральный Архив Министерства обороны РФ — ЦАМО РФ — . Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1—10б.).

²⁷ См.: Сообщения резидентур, ВАТ, разведывательные сводки и другие документы РУ, опубликованные в кн.: 1941 год. Сборник документов. В двух кн. Под ред. В.Н. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 91, 121—124, 134—135, 160—161, 165—166, 181—193, 201, 224—228, 260—262, 270—271, 274—275, 292—295, 327—328, 334—339, 443—444, 450, 466, 508, 508—509, 572—573,

590–591, 650, 653–656, 657, 681, 683, 704, 706–708, 736, 740, 746–759, 768, 770–771, 775–776, 776–781, 797, 798–799, 805, 805–806; кн. 2, с. 17, 24–25, 46–47, 77–78, 87–89, 107–108, 112, 119–120, 128–129, 150, 170–171, 171–173, 175, 179–180, 198–199, 211, 213–215, 223, 224, 150–151, 252, 266, 271–273, 289–290, 303–304, 324–325, 333, 334, 365, 380, 383, 399–400 (далее – 1941 год). См. также предупреждения, полученные по каналам Коминтерна: Коминтерн и Вторая мировая война. В двух частях. Сост., авторы вступительной статьи и комментариев Лебедева Н.С. и Наринский М.М. Часть I. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 536–537.

²⁸ См.: 1941 год, кн. 1, с. 90–91, 125, 134–136, 160–161, 165–166, 176–177, 201, 327–328, 575, 590–591, 717–718; кн. 2, с. 56–60, 108–110, 126–128, 149–150, 174–175, 223, 250–251, 279–282, 334. В 1940–1941 гг. РУ располагало в немецком посольстве в Москве первоклассным источником информации – заместителем заведующего Отделом торговой политики Г. Кегелем. См.: Кегель Г. В бурях нашего века. Записки разведчика-антифашиста. М., 1987. С. 147–164, 182–200.

Имеда там источники и контрразведка. По свидетельству генерала Л.Ф. Райхмана и В.С. Рясного, им удалось завербовать несколько сотрудников этих миссий: Х. и И. Флегель (камердинера германского посла Ф. Шуленбурга и его жену), Г.-Л. Крно (советника посольства Словакии), а также произвести выемки и съемку документов из сейфов ВАТ Германии Э. Кёстринга и ВМАТ – Н.В. Баумбаха. Подробнее см.: Гладков Т. Легенда советской разведки. М., 2001. С. 77–78, 80–82, 86–94. Информацию, полученную 2-м Управлением ГУГБ от агентуры в немецком посольстве в ходе «прослушивания» его здания см. в сб.: Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995. С. 48–50, 52–55, 55–56, 83–86, 109–112, 144–147, 157–161, 163–166, 169–170, 173–179 (далее – Секреты Гитлера...).

²⁹ Слухи, а затем и достоверная информация – один из первых вариантов плана «Барбаросса» – были получены торговым атташе США в Берлине Сэмом Вуудзом от своего источника Эрвина Респондека в августе, конце ноября и конце декабря 1940 гг. В январе 1941 г. они были посланы в Вашингтон, где 21 февраля 1941 г. переданы госсекретарю Корделлу Хэллу. После тщательной проверки этой информации решением Рузвельта, поддержанным Хэллом и его заместителями Бреккенриджем Лонгом и Самнером Уэллесом, суть ее была 1 марта 1941 г. послана послу США в СССР Лоренсу Стейнхардту для передачи В.М. Молотову. Одновременно Уэллес передал те же сведения советскому послу К.А. Уманскому. Подробнее см.: Dippel J.V.H. Two Against Hitler. Stealing the Nazi's Best-Kept Secrets. N.Y. – Westport, CT, – London, 1992. P. 31–43, 44–50; Lewin R. Ultra Goes to War. The Secret Story. London, 1980. P. 104; Stevenson W.A. Man Called Intrepid. London – Sydney, 1984, P. 224.

Подобная же информация была направлена 29 марта 1941 г. Черчиллю; получена GCCS в ходе дешифровки немецких радиосообщений и в

обезличенной форме передана через посла Стаффорда Криппса одному из заместителей наркома иностранных дел. Была ли она доложена Сталину, остается неясным. Подробнее см.: Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. С. 193–200; Dippel J.V.H. Op. cit. P. 46; Lewin R. Op. cit. P. 107–108; Smith B.F. Sharing Secrets With Stalin. How the Allies Traded Intelligence, 1941–1945. Lawrence, KS, 1996. P. 11–12.

³⁰ См. донесения резидентур РУ из Берлина, Белграда, Бухареста, Берлина, Токио; Павлов А.Г. Ук. соч. С. 53; Ивашутин П. Ук. соч. С. 10; Новые документы по новейшей истории. Ред. и сост. Г.Н. Севостьянов. М., 1996. С. 211–212; Willoughby Ch.A. Op. cit. P. 105. В новейшей публикации донесений Р. Зорге, осуществленной А.Г. Фесюном, в телеграммах, датированных маем и июнем, какие-либо точные даты отсутствуют. См.: ДРЗ НД. С. 116–121.

Донесения источников ПУ Х. Шульце-Бойзена, «Тита» и П.Шатева см. в кн.: 1941 год. Т. 2. С. 382–383, 391, 398.

³¹ Миссии, подобные командировке офицера отдела BBC MI6 Фредерика Уинтерботэма во второй половине 1930-х гг. в Германию для изучения состояния и развития *Luftwaffe*, сумевшего проникнуть в руководство NSDAP и германских BBC, были скорее исключением, чем правилом. См. Lewin R. *Ultra Goes to War. The Secret Story*. London, 1980. P. 61.

³² Stafford D. *Churchill and Secret Service*. Woodstock – N.Y., 1997. P. 153.

³³ Wark W.K. *The Ultimate Enemy: British Intelligence and Nazi Germany 1933–1939*. Ithaca, N.Y., 1985. P. 236–237.

³⁴ Stafford D. Op. cit. P. 154.

³⁵ Winston S. Churchill to War Cabinet, Notes on the General Situation, Sept. 25, 1939 (CHAR 20/15. Churchill Archive Center, Camdridge. Далее – CAC).

³⁶ Об отношении У. Черчилля к дешифровкам «Ультра» см.: Stafford D. Op. cit. P. 190–192.

О роли J.I.C. см.: Richelson J.T. *A Century of Spies. Intelligence in the Twentieth Century*. Oxford – New York, 1995. P. 210.

³⁷ См.: Weekly Intelligence Commentaries # 48–58, July 16 – Sept. 26, 1940 (CAC, CHAR 20/16).

³⁸ Winston S. Churchill to General Smuts, 25 June 1940 (CAC, CHAR 20/14).

³⁹ WIC, # 57, 19 Sept. 1940 (CAC, CHAR 20/16).

⁴⁰ См.: Winston S. Churchill to Antony Eden, March 30, 1941 (Prime Minister (PREM) 3/510/11, p. 363–364. TNA (PRO)).

Послание Черчилля Криппсу см.: CAC, CHAR 20/37; Foreign Office (FO) 371. 29479, № 366/78/38. TNA (PRO); Stafford D., p. 221.

О восприятии и оценке информации о подготовке вторжения в СССР руководством J.I.C. и Форин Оффис подробнее см.: Hinsley F.H. *British Intelligence in the Second World War. Its Influence on Strategy and Operations*.

Vols. I—IV. London, 1979—1990. Vol. I. P. 237—241; Stafford D. Op. cit. P. 221; Городецкий Г. Указ. соч. С. 189—191.

⁴¹ Информация о подготовке нападения Германии на СССР, полученная в Берлине торговым атташе США Сэмом Вуудзом, была передана Черчиллю через посольство США 21 марта 1941 г. См.: Dippel J.V.H. Op. cit. P. 46;

Судя по документам, польской разведке, регулярно получавшей подобные сведения из оккупированной Польши и Западной Европы и вовремя предупредившей о намерениях немцев Черчилля и М16, это стало ясно по меньшей мере на десять дней раньше. Еще раньше — в конце марта и начале апреля 1941 г. — достоверные данные о намерениях Гитлера, о главных направлениях наступления вермахта (на Ленинград, Москву и Киев), о том, что во вторжении будет задействовано около 155 дивизий, получила от своих агентов в Германии и сразу же передала М16 чешская разведка. 19 апреля эти сведения были еще раз переданы Черчиллю Э. Бенешем. 27 мая чешскими разведчиками была получена и дата начала войны с СССР — 22 июня. См.: Churchill to Sikorski, 4 June 1941 (CAC, CHAR 20/21 C); Moravec F. Master of Spies. Memoirs of General Frantisek Moravec. New York, 1977. P. 191—193; [Bene_ E.] The Memoirs of Dr. Edward Benes. Boston, MA, 1953. P. 150—151.

⁴² О структуре и задачах американских спецслужб подробнее см.: Polmar N., Allen Th.B. Spy Book. The Encyclopedia of Espionage. N.Y., 1998. P. 28—30, 202—205, 408, 500, 606—608.

Начальник MID в 1940 г. генерал Шерман Майлз еще с 1920х гг. выполнял данные, получаемые от военных атташе, сведениями, добываемыми «неаккредитованными и неоплачиваемыми военными разведчиками» — в основном бывшими сотрудниками MID, — посещавшими интересующие военную разведку страны с деловыми и частными визитами. См.: Smith B.F. Op. cit., p. 27.

В период с 22 мая 1940 по ноябрь 1941 гг. было выпущено 170 этих бюллетеней. Подробнее см.: Office of the Chief of Staff, G-2 Publication File. RG 165. NA.

Подробнее о донесениях БАТ см.: The Papers of George C. Marshall. Ed. by L.I.Bland, Sh.R.Ritenour, Cl. E.Wunderlin. In 2 Vol. Baltimore — London, 1986, vol. 2: «We Cannot Delay». July 1, 1939 — Dec. 6, 1941. P. 385—386 (далее — PGCM); Kahn D. The United States Views Germany and Japan in 1941 // Knowing One's Enemy. Intelligence Assessment Before the Two World Wars. Ed. by E.R. May. Princeton, NJ, 1984. P. 479, 489—495. См. также: Cave Brown A. Wild Bill Donovan. The Last Hero. N.Y., 1984. P. 176—177.

Некоторые из военных атташе США были, вне всякого сомнения, талантливыми разведчиками. Достоверные сведения об СССР поступали в MID от БАТ в Москве и Белграде подполковников Филипа Р. Фэймонвилла и И. Виллэрта. См.: AttachO Assessments of the Impact of the 1930s Purges on the Red Army // The Journal of Soviet Military Studies. Sept. 1989. Vol. 2 # 3. P. 418—432, 433—438. См. также: Мальков В.Л. Указ. соч. С. 155—156. Ле-

ом 1941 г. Фэймонвилл был одним из немногих американских разведчиков и штабных офицеров, утверждавших, что Красная Армия сумеет выстоять и Москва не будет сдана. См.: Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. *An Intimate History*. N.Y., 1948. P. 395. Другие БАТ, служившие в Москве в 1939–1942 гг., не могли обеспечить MID достоверной информацией о ККА и советской промышленности. О докладах БАТ Айвена Итона и жона Ф. Микела и оценках MID см.: Leshuk L. *US Intelligence Perceptions of Soviet Power 1921–1946*. London – Portland, OR, 2003. P. 144, 158–160, 162–163.

Об оценке возможностей СССР к сопротивлению аналитиками MID G-2 см.: PGCM, vol. 2, p. 565. О политической информации, поступавшей в 1937–1941 гг. из госдепартамента и от специальных посланников зельта и его «частных агентов» (С.Уэллеса, Дж.Мууни, Г. Голкинса, Доновэна и В. Астора) подробнее см.: *American Handbook*. Prepared by Office of War Information. Washington, D.C., 1945, p. 20–21; Мальков И. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988, с. 196–197, 209; Smith B.F. *The Shadow Warriors. O.S.S. and the Origins of the C.I.A.* N.Y., 1983, p. 27–54; Sherwood R.E. *Op. cit.*, p. 230–263; Джафев Д. Г. Нейтралитет США 1935–1941. М., 1990, с. 129–131; Andrew W. *For the President's Eyes Only. Secret Intelligence and the American Espionage Community from Washington to Bush*. N.Y., 1995, p. 83–84.

Некоторым американским дипломатам удалось достигнуть на этом пути больших успехов. Весьма активно сбором политической информации занимался 2-й секретарь посольства Чарлз Ю. Болен, сумевший в 1939–1941 гг. приобрести в германском посольстве в Москве весьма важные источники: 2-го секретаря Х.Х. Биттенфельда и главу Консульского отдела Г. фон Вальтера. Болену удалось получить от них значительный объем информации о результатах советско-германских переговоров в августе 1939 г., грядущем подписании пакта Риббентропа – Молотова (задолго до этого события), а 24 августа – данные о содержании секретного протокола о разделе между СССР и Германией сфер влияния в Восточной Европе. Подробнее см.: Bohlen Ch.E. *Witness to History, 1929–1969*. N.Y., 1969, p. 69–87, 88, 90, 93; Мальков В.Л. Указ. соч. С. 143–334; Гладков Т. В. Указ. соч. С. 82. О сведениях, полученных по каналам ФБР, подробнее см.: Garver N., Allen Th.B. *Op. cit.* P. 28–30, 202–205, 408, 500, 606–608.

³ Подробнее см.: Yardley H.O. *The American Black Chamber*. Indianapolis, IN, 1931. P. 368–375; Alvarez D. *Secret Messages. Codebreaking and American Diplomacy, 1930–1945*. Lawrence, KS, 2000. P. 14–15.

⁴ Подробнее см.: Alvarez D. *Op. cit.* P. 40–72.

⁵ См.: Alvarez D. *Op. cit.* P. 76–100; Andrew Ch. *Op. cit.* P. 103–108.

⁶ См.: Andrew Ch. *Op. cit.*, p. 107–108; Alvarez D. *Op. cit.* P. 99.

⁷ См.: Kahn D. *Op. cit.* P. 478.

Подробнее об этом см.: Alvarez D. *Op. cit.* P. 72–75, 97–101; Hughes J. *Military Intelligence Blunders*. N.Y., 1999. P. 65–93; Miller N. *Spying in America. The Hidden History of U.S. Intelligence*. N.Y., 1997. P. 248–254;

Andrew Ch. Op. cit. P. 119–122; Lewin R. Op. cit. P. 234–236; Popov D. *Spy/Counterspy. The Autobiography of Dusko Popov*. N.Y., 1974. P. 168–169, 190–192.

⁴⁹ Kahn D. Op. cit. P. 476, 478. О подобных же оценках ситуации см.: Gen. George C. Marshall, Chief of Staff, U.S. Army, to Admiral Harold R. Stark, Chief of Naval Operations, Dec. 2, 1940; War Department Strategic Estimate, Oct. 1941 // War Plans Division 4175–15; 4494. RG 165, NA.

⁵⁰ Судя по данным, полученным Агентством национальной безопасности (NSA), объем информации, передаваемой в Москву резидентурой РУ в США, до начала войны был значительно выше того, что поступал от работавших в этой стране их коллег из ПУ НКГБ. См.: National Security Agency. Historical Monograph # 4, p. 6 // NSAA. FGGM. MD.

⁵¹ Подробнее см.: Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001, с. 45–57, 148–164; Секреты Гитлера на столе у Сталина... С. 23, 25, 31–32, 35–37, 65–66, 79–80, 116, 121–122, 124–127, 148–149.

⁵² Новобранец В. Указ. соч. С. 181–183, 187; Никольский В. Указ. соч. С. 40–41; 1941 год. Т. 2. С. 46–47, 213–215.

⁵³ О роли Черчилля в развитии британских разведывательных служб в 1940–1941 гг. подробнее см.: Stafford D. Op. cit. P. 93–95, 101–102, 189, 191, 193, 238, 242–243, 256, 258, 260–266, 315, 343–344; Jones R.V. *Most Secret War. British Scientific Intelligence 1939–1945*. London, 1978. P. 144–146; Lewin R. Op. cit. P. 183–194.

⁵⁴ Об американском стратегическом планировании в 1939–1941 гг. см.: PGCM. Vol. 2. P. 517, 552, 678 (Далее – PGCM); Stoler M.A. *George C. Marshall. Soldier-Stateman of the American Century*. Boston, MA, 1989. P. 68–88; Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. М., 1955. С. 9–21, 22–47, 48–82, 83–98; Мортон Л. «Сначала Германия» – основная идея стратегии союзников во Второй мировой войне // Важнейшие решения. М., 1964. С. 73.

⁵⁵ Henhoeffter W. *The Intelligence War in 1941: A 50th Anniversary Perspective*. An Intelligence Monograph. Center for the Study of Intelligence, CIA. Langley, VA, 1992. P. 26; PGCM, Vol. 2, p. 552–553.

**Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова
осенью 1940 г. в Берлин и полетом Р. Гесса
в мае 1941 г. в Англию**

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии (1941—1945 гг.) до сих пор привлекает внимание российских и зарубежных историков, ибо это важнейшее событие XX века, от исхода которого зависела судьба всего человечества, учитывая расистскую идеологию и цели немецкого фашизма и его лидера А. Гитлера.

С каждым годом открываются новые документы, факты, появляются научные исследования, мемуарная литература политических и военных деятелей того времени. И несмотря на это отдельные исторические факты до сих пор остаются в тени или по ним ведутся дискуссии из-за недостатка документов. К таким фактам относятся поездка председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР Вячеслава Михайловича Молотова в Берлин в ноябре 1940 года и полет заместителя Гитлера по нацистской партии, министра без портфеля и члена Совета обороны Германии Рудольфа Гесса в Англию в мае 1941 года.

Поездка Молотова в Берлин и его переговоры с рейхсканцлером Адольфом Гитлером и министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом многими зарубежными и российскими авторами по сей день трактуются, как правило, как переговоры о разделе мира и о присоединении СССР к Пакту трех держав (Германии, Италии и Японии), что не соответствовало действительности, как это будет показано ниже. Такая версия была распространена в США и Великобритании еще осенью 1940 года.

13 октября 1940 г. Риббентроп направил письмо Сталину, в котором содержалось приглашение Молотову посетить Берлин. Письмо Риббентропа и вопрос о поездке Молотова в Берлин неоднократно обсуждались Сталиным с Молотовым и, возможно, некоторыми другими членами Политбюро ЦК ВКП(б), как это видно из переписки Сталина с Молотовым во время пребывания последнего в Берлине и из директив Молотову на переговоры в Берлине.

В Москве также все более четко вырисовывалась необходимость советско-германской встречи в верхах. К дате получения в Москве письма Риббентропа уже стали проявляться осложнения в советско-германских отношениях. Вопреки договоренности 1939 года в Финляндию прибывали германские войска и там, как и в самой Германии, велась резкая антисоветская пропаганда. В Финляндию увеличились поставки германского оружия. Осложнялось положение и на Балканах — вокруг Дуная и ситуация в Румынии, куда стали прибывать германские воинские части, как говорилось в письме Риббентропа, «для обучения румынской армии и охраны германских интересов». На западных границах Советского Союза возрастала численность германской армии. Сокращались поставки германского военного имущества в Советский Союз, которое было необходимо для укрепления обороноспособности СССР. В телеграмме от 2 ноября 1940 г. в МИД Германии посол Шуленбург сообщал: «В сегодняшней беседе между Шнурре и Микояном Микоян с явной досадой жаловался, что мы не хотим принимать заказы на поставку необходимых Советскому правительству военных материалов, поставляя в то же самое время военные материалы Финляндии и другим странам. О наших поставках оружия Финляндии Советы упомянули впервые»¹. Ко всему этому подписанный с Германией в 1939 г. Протокол о разграничении интересов был, за исключением Финляндии, реализован и возникал вопрос о том, как дальше будет развиваться советско-германское сотрудничество. Все это беспокоило советское руководство, и необходимо было прояснить складывающуюся ситуацию на советско-германской встрече в верхах.

И хотя руководство Советского Союза с недоверием относилось к содержанию письма Риббентропа, оно, имея свои вопросы к правительству Германии, приняло приглашение и решило направить Молотова на переговоры в Берлин.

21 октября 1940 г. Сталин направил ответ Риббентропу на его письмо от 13 октября. Не без иронии Сталин поблагодарил ми-

министра «за поучительный анализ последних событий». Далее он сообщил, что согласен с Риббентропом, «что вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу разграничения своих интересов на длительный срок». «Что касается совместного обсуждения некоторых вопросов с участием представителей Японии и Италии, — говорилось далее в письме, — то, не возражая в принципе против такой идеи, мне кажется, что этот вопрос следовало бы подвергнуть предварительному обсуждению». Сообщая о согласии Молотова приехать в Берлин 10—12 ноября, Сталин приветствовал намерение Риббентропа вновь посетить Москву после поездки Молотова в Берлин².

В директивах Молотову ставились две главные задачи:

- а) Разузнать действительные намерения Германии и всех участников Пакта 3-х (Германии, Италии, Японии) в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Великого Восточно-Азиатского Пространства»; границы «Новой Европы» и «Восточно-Азиатского Пространства», характер государственной структуры и отношения отдельных европейских государств в «Новой Европе» и в «Восточной Азии»; этапы и сроки осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем.
- б) Подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Германией (а также с Италией), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и Италией на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риббентроп в ближайшее время»³. В директивах были указаны зоны интересов СССР, которые определялись соображениями его военной и экономической безопасности.

Молотов специальным поездом прибыл в Берлин 12 ноября. Переговоры в Берлине продолжались два дня — 12 и 13 ноября. 12 ноября Молотов встречался с Риббентропом, а затем с Гитлером. На следующий день Молотов продолжил переговоры с Гитлером, а затем с Риббентропом. Молотова сопровождал лишь замминистра иностранных дел Деканозов и переводчик. С германской стороны в переговорах принимали участие только Гитлер и Риббентроп. Ими использовался также переводчик⁴.

Содержание бесед опубликовано. Поэтому нет необходимости излагать их подробно. Отметим лишь их особенности.

Прежде всего резко враждебный Англии характер высказываний германских руководителей. Гитлер говорил Молотову, что победа Германии над Англией близка и что впереди предстоит раздел Британской империи, к которому он хотел бы привлечь и Советский Союз. «После победы над Англией, — говорил Гитлер, — Британская империя площадью в 40 миллионов квадратных километров может быть поделена как имущество банкрота. В этом имуществе содержится для России путь к незамерзающему и действительно мировому океану... В таких условиях открываются широчайшие перспективы. В течение последующих недель в ходе совместных дипломатических переговоров с Россией они должны быть прояснены и определены формы русского участия в решении этой проблемы».

Риббентроп также заверял Молотова в том, что Англия «разбита» и что Гитлер и он, Риббентроп, думают, что «теперь, после войны, во владениях Англии произойдут большие перемены». Риббентроп «полагает, что СССР может извлечь выгоды при перераспределении территории Британской империи путем экспансии в направлении Персидского залива и Аравийского моря». Руководители Германии несколько раз возвращались к вопросу о привлечении России к предстоящему, по их словам, «разделу» Британской империи. При этом они называли и сферу интересов СССР или, как они говорили, «центр тяжести устремлений СССР».

Характерно, однако, что все разговоры о привлечении СССР к разделу Британской империи Гитлер и Риббентроп вели в весьма неопределенной форме. Гитлер даже заявил Молотову, что «он, естественно, не может быть абсолютно уверен, осуществимы ли эти планы. Если бы это было невозможным, то была бы упущена великая историческая возможность. Все эти вопросы, возможно, должны быть вновь проанализированы министрами иностранных дел Германии, Италии и Японии совместно с г-ном Молотовым в Москве, после того, как они будут соответствующим образом подготовлены через дипломатические каналы».

Навязчивые разговоры Гитлера и Риббентропа о том, что Англия «разбита» и война Германией «выиграна» вызвали раздражение у Молотова. Председатель Совнаркома саркастически заявил, что «должен обратить внимание на следующее. Гитлер говорил вчера и сегодня, так же как и Риббентроп, что нечего заниматься частными вопросами, поскольку Германия ведет вой-

ну не на жизнь, а на смерть. Он, Молотов, не хочет умалять значения того состояния, в котором находится Германия, но из заявлений Гитлера и Риббентропа у него сложилось впечатление, что война уже выиграна Германией и вопрос об Англии по существу уже решен. Следовательно, можно бы выразиться, что если Германия борется за жизнь, то Англия — «за свою смерть».

В соответствии с директивами Молотов спросил Гитлера, что тройственный пакт означает для Советского Союза. Гитлер ответил, что тройственный пакт предусматривает руководящую роль в Европе для двух государств (Германии и Италии. — *В.Л.*) в областях их естественных интересов. Советскому Союзу предлагается указать те области, в которых он заинтересован. То же в отношении Великого восточно-азиатского пространства — Советский Союз должен сам сказать, что его интересует. Он, Гитлер, предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом пакте». Все это говорилось в целях дезинформации (Риббентроп, например, сообщал позже германскому послу в Токио, что во время пребывания японского министра иностранных дел Мацуока в Берлине 26 марта 1941 г. последний в беседе с рейхсминистром «подчеркнул, что японский народ не допустит непосредственного присоединения России к пакту трех держав». На что Риббентроп заявил министру: «О принятии России в члены пакта и думать нечего»⁵).

Молотов поблагодарил Гитлера за разъяснения, но добавил, что хотел бы получить некоторую дополнительную информацию. Далее Молотов заявил, что «Советский Союз может принять участие в широком соглашении четырех держав, но только как партнер, а не как объект (а между тем только в качестве такого объекта СССР упоминается в тройственном пакте) и готов принять участие в некоторых акциях совместно с Германией, Италией и Японией, но для этого необходимо внести ясность в некоторые вопросы».

Много внимания Молотов уделил вопросу о Финляндии, которая по Протоколу 1939 г. была отнесена к «сфере интересов СССР». При этом выявились разногласия. Разные позиции проявились и при обсуждении вопросов о Болгарии и Турции. Гитлер заявил Молотову, что «проблемы, которые стоят перед Россией, это Балканы и Черное море... Все эти вопросы должны стать темой для переговоров Риббентропа в Москве и других дипломатических переговоров».

Многие авторы пишут, что во время беседы 13 ноября Риббентроп вручил Молотову проект соглашения четырех держав.

Так, например, в книге «Россия и черноморские проливы» указывается, что «14 ноября Молотов⁶ возвратился в Москву с немецкими проектами соглашений о разделе мира на сферы влияния»⁷. М. Геллер и А. Некрич пишут: «Перед отъездом в Москву Молотову были вручены проекты соглашений о разделе мира на сферы влияния между четырьмя государствами — Германией, Италией, Японией и СССР»⁸. Л. Безыменский также пишет: «Известно, что 13 ноября Риббентроп вручил Молотову «черновые наброски» будущего соглашения о присоединении СССР к «тройственному пакту»⁹. Академик Г.Н. Севостьянов в своей вводной статье к записям бесед В.М. Молотова с Гитлером и Риббентропом в Берлине, опубликованным в журнале «Новая и новейшая история» (№ 5, 1993 г.), указывает: «13 ноября 1940 г. Риббентроп вручил Молотову предложения о пакте четырех держав». Однако эти утверждения не соответствуют действительности.

Что же было на самом деле? Обратимся к документу — к записи беседы. Во время последней беседы с Молотовым, 13 ноября, Риббентроп заявил, «что он хотел бы сделать некоторые дополнения и уточнения к тому, что сказал фюрер. Конечной целью изучения вопроса о сферах влияния четырех держав должно быть заключение соглашения между участниками пакта трех, с одной стороны, и СССР — с другой стороны о сотрудничестве четырех держав в этом смысле. Он набросал несколько пунктов, из которых, по его мнению, должно состоять это соглашение... Он хотел бы сказать одно, а именно, что высказанное им не будет предложением (подчеркнуто мною. — В.Л.), а будет только мыслями в «сыром виде». Сказав, что он мыслит себе соглашение между участниками пакта трех и СССР примерно в следующем виде, «Риббентроп достает из кармана бумагу и говорит дальше, смотря на бумагу» (подчеркнуто мною. — В.Л.): «Правительства государств-участников тройственного пакта, руководствуясь желанием установить новый порядок, содействующий благосостоянию народов, в интересующих их сферах с целью создания базиса для их сотрудничества пришли к соглашению о нижеследующем.

1. Согласно пакту трех держав Германия, Япония и Италия пришли к соглашению, что нужно воспрепятствовать расширению войны в мировой конфликт и что необходимо совместно работать для установления мира. Они объявили о своем желании привлечь к сотрудничеству с ними другие народы в других частях мира, поскольку эти народы со-

гласны дать своим стремлениям то же направление. СССР заявляет о своей солидарности с этими целеустремлениями и решил со своей стороны политически сотрудничать с участниками пакта трех.

2. Германия, Италия, СССР, Япония обязуются уважать сферы взаимных интересов. Постольку поскольку сферы этих интересов соприкасаются, они будут в дружественном духе договариваться по всем возникающим из этого факта вопросам.
3. Договаривающиеся стороны не будут поддерживать группировок, направленных против одной из них. Они обязуются поддерживать друг друга экономически и будут стремиться расширить свои экономические соглашения.
4. Это соглашение можно было бы заключить на продолжительный срок, скажем, на 10 лет.»

«К этому соглашению, — продолжал Риббентроп, — можно было бы добавить дополнительное секретное соглашение в какой-либо форме. В этом дополнительном соглашении можно было бы со ссылкой на открытое соглашение зафиксировать центры тяжести территориальных аспираций (устремлений. — В.Л.) договаривающихся четырех сторон». Отметив центры тяжести устремлений Германии, Италии и Японии, Риббентроп заявил, что «он предполагает, что центр тяжести аспираций СССР лежит в направлении на юг, т.е. к Индийскому океану».

Далее Риббентроп заявил, что можно было бы подумать о втором дополнительном протоколе — о Турции, а именно «привлечь Турцию к сотрудничеству» и заменить Конвенцию Монте-ре другой Конвенцией, по которой «Советскому Союзу должны быть предоставлены права прохода его военного флота через Проливы, в то время как другие державы, за исключением черноморских, Италии и Германии, должны отказаться от своих прав на проход своих военных судов через Проливы». Этот принцип, как видим, также был направлен прежде всего против Англии.

Таковы «сырые мысли», которые Риббентроп изложил Молотову устно, хотя в руках держал проект, о котором он говорил. Подчеркнем также, что это не предложение германского правительства, а всего лишь «сырые мысли».

Это был тонкий дипломатический ход, цель которого состояла в том, чтобы показать Молотову, о каком соглашении четырех держав могла бы идти речь. Но это не было официальное предложение, и никакого документа Риббентроп Молотову не

передавал. Это подтверждает и сам Молотов в телеграмме Сталину о беседах с Гитлером и Риббентропом 13 ноября.

Высказав «сырые мысли», Риббентроп заявил, что отдельные вопросы можно было бы выяснить дипломатическим путем через дипломатических представителей: в Москве — через графа Шуленбурга, в Берлине — через полпреда. Он еще раз вернулся к своей мысли о «центре тяжести устремлений СССР в направлении на юг, т.е. к Индийскому океану», заявив, что «в случае присоединения СССР к пакту трех, что было бы равносильно договору о ненападении с Японией, стало бы возможным установить сферы интересов СССР в Британской Индии». Это заявление подчеркивает антибританский характер «сырых мыслей» Риббентропа.

Молотов вновь затронул вопросы, которые касались безопасности СССР на южном направлении (Турция, Болгария) и западном направлении, поинтересовался вопросом о судьбах Венгрии, Румынии, Польши, спросил, что думает «Ось» о Югославии и Греции, о сохранении нейтралитета Швеции. Упомянул Молотов и об интересе СССР к вопросу о выходе из Балтийского моря.

Риббентроп фактически отказался обсуждать эти вопросы, ограничившись краткими замечаниями, и заявил, что хотел бы свести разговор к более крупным вопросам, хотел бы получить ответ, готов ли СССР сотрудничать с тремя державами. «Он хотел бы знать, — продолжал рейхсминистр, — симпатизирует ли СССР в принципе мыслям по вопросу о нахождении выхода в океан, в направлении к Индийскому океану?»

Таким образом, Риббентроп, конечно, по указанию Гитлера, дезавуировал предложение рейхсканцлера «Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру» в Пакте трех держав. Вместо этого он стал излагать «сырые мысли» о соглашении четырех держав «после изучения вопроса о сферах влияния четырех держав», т.е. после проведения переговоров и достижения договоренности по этому вопросу.

Молотов сказал, что на вопрос рейхсминистра «он отвечает положительно, но надо по этому вопросу договориться. Здесь возникает ряд конкретных вопросов. Общий ответ уже был дан в письме Сталина».

Что касается вопроса о том, «правильны ли предположения Германии по вопросу о разграничении сфер интересов», то Молотов заявил: «Трудно конкретно уже сегодня ответить на этот вопрос, ибо этот вопрос до сих пор Германия не ставила перед

СССР и он является для Советского правительства новым». Молотов сказал далее, что «эти большие вопросы завтрашнего дня, с его точки зрения, не следует отрывать от вопросов сегодняшнего дня», то есть от выполнения соглашений, которые были уже достигнуты — при этом Молотов имел в виду Протокол от 1939 г. в части, касающейся Финляндии. По этому Протоколу Финляндия признавалась «сферой интересов СССР». Молотов согласился с предложением Риббентропа, чтобы посол Шуленбург и полпред СССР в Берлине «продолжили в дипломатическом порядке обсуждение этих вопросов»¹⁰.

На этом беседа закончилась. Так обстояло дело. Молотов выслушивал своих собеседников и старался выяснить те вопросы, которые касались безопасности Советского Союза. Большая и авторитетная делегация, которая сопровождала Молотова, к работе не привлекалась, так как не было предмета для ее участия. В ходе бесед с Гитлером и Риббентропом Молотов не получил ни одного удовлетворительного ответа на свои вопросы. В телеграмме Сталину из Берлина о беседах с Гитлером и Риббентропом 13 ноября 1940 г. Молотов писал: «Обе беседы не дали желательных результатов». Излагая суть прошедших бесед, Молотов, в частности, отмечает: «Риббентроп внес, вернее прочитал черновые наброски («сырые мысли») проекта открытого заявления четырех держав и двух проектов секретных протоколов» (подчеркнуто мною. — *В.Л.*). И в заключение телеграммы Молотов указывает: «Похвастаться нечем, но по крайней мере выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»¹¹.

Высказанные Риббентропом «сырые мысли» из записи беседы в секретариате Молотова были напечатаны отдельно и озаглавлены как «Предложение г-на Риббентропа от 13 ноября сего года о Пакте четырех держав, переданное Молотову в Берлине»¹². Искусственно был создан новый документ. Он опубликован в журнале «Новая и новейшая история» (1993 г. № 5, стр. 94) сразу же после записи беседы Молотова с Риббентропом 13 ноября 1940 года.

В 1998 г. МИД РФ издал 2-ю книгу XXIII тома Документов внешней политики, в которой опубликованы записи бесед В.М. Молотова с Гитлером и Риббентропом в ноябре 1940 года в Берлине. Там же опубликован и документ, напечатанный в секретариате Молотова, о котором говорится выше. К этому документу сделано примечание: «Текст этого предложения (о пакте четырех держав. — *В.Л.*) был передан не в письменном виде; он

был продиктован И. Риббентропом В.М. Молотову во время беседы»¹³.

14 ноября Молотов с делегацией покинул Берлин. 15 ноября 1940 г. в столицах Германии и СССР было опубликовано краткое коммюнике об этом визите.

Прошла неделя после возвращения Молотова из Берлина, но никаких инициатив Германии по дипломатическим каналам, о чем говорили Гитлер и Риббентроп, не последовало. Тогда инициативу решило проявить советское правительство. 25 ноября 1940 г. Молотов пригласил германского посла Шуленбурга и вручил ему документ следующего содержания.

Особая папка

СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г.Риббентропом в его беседе с В.М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из четырех пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР согласно советско-германского соглашения 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля);
2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды;
3. Если центром тяжести аспираций СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу;
4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4-х держав, представленный г.Риббентропом

о разграничении сфер влияния, в духе определения центра тяжести аспираций СССР на юге от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

Точно также должен быть изменен изложенный г. Риббентропом проект протокола — Соглашения между Германией, Италией и СССР о Турции в духе обеспечения военной и военноморской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3-х держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам, Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение.

Равным образом должны быть приняты: третий секретный протокол между СССР и Германией о Финляндии; четвертый секретный протокол между СССР и Японией об отказе Японии от угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине; пятый секретный протокол между СССР, Германией и Италией с признанием того, что Болгария, ввиду ее географического положения, находится в сфере безопасности черноморских границ СССР, в связи с чем считается политически необходимым заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией, что ни в какой мере не должно затрагивать ни внутреннего режима Болгарии, ни ее суверенитета и независимости»¹⁴.

Вручая документ, Молотов сказал, что «советская сторона сформулировала свои предложения; т. Деканозов, который завтра направляется в Берлин, будет иметь с собой все необходимые указания, а также содержание предложений советской стороны. В случае необходимости он сможет дать нужные объяснения».

Молотов спросил, все ли ясно послу и не нужно ли каких-либо разъяснений. Шуленбург ответил, что все ясно¹⁵.

Документ, врученный Молотовым, посол незамедлительно телеграфом передал в Берлин, лично Риббентропу¹⁶.

К сожалению, пока еще не обнаружено документов, которые открыли бы причины, по которым советское правительство предприняло этот шаг. Из того, что известно, данный шаг правительства СССР можно объяснить следующими соображениями. Руководители Германии в беседах с Молотовым фальшиво говорили о желании развивать сотрудничество с Советским Со-

юзом и вести в этих целях переговоры. Советское правительство увидело в этом возможность продолжения мирного периода, который был так необходим для укрепления обороны СССР. Поэтому Москва стремилась как можно скорее начать такие переговоры, чтобы продолжить мирный период. Вручением документа Москва хотела ускорить начало переговоров.

Сыграло свою роль, видимо, и желание подогреть холодную и сдержанную реакцию Молотова на высказывание Гитлера и Риббентропа о заключении пакта четырех держав, что предполагало опять-таки проведение переговоров, которые могли продолжаться долго, и укрепление договора о ненападении 1939 г. Это продлевало бы мирный период.

Однако, какими бы целями ни руководствовалось советское правительство, вручение послу Шуленбургу документа 25 ноября 1940 года было ошибкой. Гитлер использовал этот документ не для переговоров с Москвой, а во враждебных Советскому Союзу целях.

После получения от Молотова 25 ноября указанного документа интерес германского руководства к переговорам с СССР пропал. Прибывшего 26 ноября 1940 г. нового полпреда СССР В.Г. Деканозова министр Риббентроп не принимал. В телеграмме в НКВД СССР 6 декабря Деканозов писал: «Сегодня девятый день, как я в Берлине, и, как Вы знаете, еще не был принят Риббентропом, и не известно, когда будет назначен день вручения верительных грамот у Гитлера. Это становится заметным для иностранных представителей». Деканозов попросил наркомат не спешить особенно с приемом Шуленбурга, «чтобы хоть косвенно дать понять кому следует, что их отношение к новому полпреду не совсем прилично»¹⁷. В Москве Шуленбургу дали понять. Посол направил в Берлин телеграмму, и Риббентроп принял Деканозова 12 декабря.

Гитлер пригласил Деканозова для вручения верительных грамот только 19 декабря. В короткой беседе после вручения Деканозовым верительных грамот рейхсканцлер коснулся визита Молотова в Берлин. «Переговоры, которые происходили здесь с В.М. Молотовым, — говорил Гитлер, — теперь, вероятно, будут продолжены в служебном порядке»¹⁸. Это была ложь. Накануне, 18 декабря, Гитлер подписал директиву № 21 — план «Барбаросса» — план нападения Германии на Советский Союз. Никаких переговоров по вопросам, которые затрагивались во время визита Молотова, не было. Не было и никакой реакции на документ, переданный Молотовым послу Шуленбургу 25 ноября

1940 г., хотя полпредство СССР неоднократно обращалось по этому вопросу в МИД Германии и канцелярию рейхсканцлера. На каждое такое обращение давался ответ, что Гитлер готовит важные и далеко идущие предложения на документ советского правительства от 25 ноября 1940 г.

Ответа из Берлина не поступало, а международная обстановка продолжала развиваться в неблагоприятном для Советского Союза направлении. Германия концентрировала свои войска на юге Румынии, создавая угрозу Болгарии и другим странам Балканского полуострова.

Советское руководство решило спросить германского посла об ответе. 17 января 1941 г. Молотов пригласил посла Шуленбурга, выразил ему «свое удивление тем положением, которое сложилось после его поездки в Берлин».

23 января 1941 г. Шуленбург передал ответ Берлина на заявление Молотова 17 января. Ответ состоял из нескольких строжек. «Германское правительство, — говорилось в нем, — придерживается тех идей, которые были изложены Председателю Совета Народных Комиссаров Союза ССР г-ну Молотову во время его пребывания в Берлине. Советское правительство по этому поводу в конце ноября прошлого года сделало некоторые контрпредложения. Германское правительство в настоящее время по всем этим вопросам состоит в контакте с правительствами союзных с ним государств Италии и Японии и надеется, по ближайшего выяснения совокупности этих вопросов, в недалеком будущем возобновить о них политические переговоры с правительством Союза ССР»¹⁹.

Ответ говорит сам за себя. Обратим внимание на то, что как в переговорах с Молотовым в Берлине Риббентроп старался представить высказанные им соображения как «сырые мысли», и в ответе Берлина говорится, что германское правительство «должает придерживаться «тех идей, которые были изложены Молотову».

Из этого следует, что Гитлер и Риббентроп выражали Молотову лишь «идеи», «сырые мысли», а конкретные предложения и сделаны советским правительством 25 ноября 1940 г.

Ответ на предложения правительства СССР от 25 ноября 1940 г. Гитлер дал 22 июня 1941 г. — неспровоцированным нападением Германии на Советский Союз.

Здесь отметим, что во многих других публикациях, в которых затрагиваются переговоры Молотова в Берлине, не даются ответы на вопросы: зачем германские руководители пригласи-

сили Молотова в Берлин и настойчиво говорили ему о «разгроме» Англии, о желании привлечь СССР к разделу Британской империи, о Пакте 4-х держав (Германии, Италии, Японии и СССР) и о предложении с этой целью переговоров, а затем, по получении документа от советского правительства 25 ноября 1940 г., внезапно переговоры прекратили, несмотря на желание Москвы их продолжать.

Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова осенью 1940 г. в Берлин

Ответы на указанные выше вопросы дает основанная на фактах и документах концепция, изложенная мною в журнале «Международная жизнь» в 1993 г.²⁰, а также на научной конференции в Академии наук России в 1995 г., посвященной 50-летию победы СССР в Великой Отечественной войне. Статья и выступление не остались незамеченными. После этого появились публикации, в которых отмечается, что Гитлер и Риббентроп вели переговоры с Молотовым с целью дезинформации Сталина и советского правительства. И хотя такой тезис — это шаг в правильном направлении, он не дает ответа, как показано выше, на другие вопросы.

Суть предлагаемой мною концепции сводится к следующему.

К осени 1940 года на пути Германии к мировому господству стояли сражавшаяся Великобритания, Советский Союз, имевший с Германией договор о ненападении, и симпатизировавшие Великобритании Соединенные Штаты.

После разгрома Франции Гитлер пытался вывести Великобританию из войны, предложив ей заключить мир. В Великобритании Гитлеру не верили. К тому же, британскому правительству, которое после поражения у Дюнкерка согласилось бы пойти на мир с Гитлером, неизбежно грозила бы отставка. Предложение Берлина было отвергнуто. Тогда Гитлер попытался поставить Лондон на колени силой, подвергнув его жесточайшей бомбардировке. Но англичане выдержали и это.

Перед Гитлером встала задача: продолжать ли войну против Великобритании, которая могла тянуться долго, а за это время сильно укрепился бы Советский Союз, или быстро разгромить Советский Союз, тем более, что советско-финляндская война

(декабрь 1939 г. — март 1940 г.) выявила большие недостатки в боевой подготовке Красной Армии, а затем всей мощью разбить Великобританию. Для осуществления такого плана дипломатия рейха должна была исключить войну Германии на два фронта.

Гитлер принял второй вариант. Он дал указание о подготовке плана нападения на Советский Союз.

Германская дипломатия тщательно изучала историю предыдущих войн, ее особое внимание привлекла подготовка канцлером Пруссии О. Бисмарком войны с Францией 1870 г., во время которой Великобритания и Россия сохраняли нейтралитет. Зная о желании императора Франции Наполеона III расширить французскую территорию на северо-востоке, Бисмарк через своего посла в Париже подбросил французскому двору идею о присоединении к Франции Бельгии, к чему Пруссия отнеслась бы благоприятно. Предпринимая этот шаг, Бисмарк знал, что против присоединения Бельгии к Франции решительно выступила бы Великобритания. Наполеону III идея присоединения Бельгии к Франции понравилась, и он поручил своему послу в Берлине Бенедетти выяснить этот вопрос лично у Бисмарка. Выслушав Бенедетти, канцлер попросил его письменно сформулировать пожелания Наполеона III для представления их Кайзеру Вильгельму I и окончательного обсуждения. Такой меморандум Бенедетти вручил канцлеру.

Указанные переговоры проходили в Берлине в 1866—1867 гг. Как только Бисмарк получил письменное доказательство о намерении Наполеона III присоединить Бельгию к Франции, он прекратил всякие разговоры на эту тему с французским послом, хотя последний неоднократно пытался получить ответ на переданный меморандум.

О содержании «меморандума Бенедетти» Бисмарк информировал Лондон и Петербург. В июне 1870 г. началась франко-прусская война. Бисмарк сразу же опубликовал секретный меморандум, переданный ему послом Бенедетти. Великобритания, исходя из своей политики «равновесия» в Европе, не противилась усилению Пруссии как противовеса Франции. Ее правительство воспользовалось опубликованным письмом Бенедетти для того, чтобы подогреть английское общественное мнение «агрессивностью и коварством» Франции, настроить его против французского правительства и оправдать в глазах англичан политику нейтралитета Великобритании во франко-прусской войне²¹.

Благоприятным отношением Петербурга к Пруссии Бисмарк заручился, дав согласие на готовившийся канцлером А.М. Горчаковым отказ от унижительного для России режима на Черном море, установленного после Крымской войны по Парижскому трактату 1856 года.

Пруссия быстро одержала победу над Францией.

Успешный опыт Бисмарка руководителя Третьего рейха решили использовать в дипломатической подготовке войны Германии с СССР. Задуманная и тщательно разработанная система связанных между собой дипломатических шагов была нацелена на то, чтобы:

- а) заинтересовать И.В. Сталина переговорами о дальнейшем развитии сотрудничества, ввести его в заблуждение и сохранить в тайне планируемое внезапное нападение на Советский Союз;
- б) переговоры с СССР провести в резко антибританском духе, добиться от советской стороны документа, враждебного по своему содержанию Великобритании. Он должен был бы послужить вещественным доказательством враждебных Великобритании намерений советского правительства;
- в) направить своего высокого представителя в Англию и, используя указанный выше антибританский документ, попытаться вызвать раздражение Лондона поведением советского правительства и договориться с британским правительством если уж не о мире, то, по крайней мере, о том, что правительство Великобритании не откроет второго фронта в Европе в период германо-советской войны.

Для придания авторитетности и убедительности своим шагам предусматривалось участие в их реализации высших руководителей Германии.

В соответствии с этим планом Риббентроп направил письмо Сталину с приглашением Молотова нанести визит в Берлин. Приглашение было принято. Переговоры с Молотовым в Берлине руководители Германии вели с целью получить от советского правительства враждебный в отношении Великобритании документ. Когда такой документ Молотов 25 ноября 1940 г. вручил послу Шуленбургу, всякий интерес Берлина к переговорам с Москвой пропал. Москва так и не получила ответа на свой документ от 25 ноября 1940 г., хотя она его активно добивалась.

22 июня 1941 г. Гитлер начал неспровоцированную агрессию Германии против Советского Союза.

Полет Р. Гесса в Англию

Примерно в то время, когда И. Риббентроп готовил письмо И.В. Сталину, заместитель Гитлера по национал-социалистской партии, министр без портфеля, член Совета обороны Германии Р. Гесс начал подготовку к полету в Англию.

Он разработал план установления контакта с теми английскими правящими кругами, которые высказывались за заключение мира с Германией. К таким кругам относилась и группировка герцога Гамильтона, влиятельного в придворных кругах Великобритании. В действительности же Гесс готовился к переговорам с британским правительством.

Гесс поручил Альбрехту Хаусхоферу, сыну своего политического советника, который был лично знаком с герцогом Гамильтоном, установить с последним контакт и подготовить почву для прилета в Англию Гесса. В эту сложную комбинацию оказался вовлеченным и председатель Красного Креста в Швейцарии Буркхард.

Согласованное с Гессом и отправленное А. Хаусхофером 23 сентября 1940 г. письмо герцогу Гамильтону на каком-то этапе было перехвачено английскими спецслужбами, которые его задержали²². Тем временем Гесс начал подготовку к полету в Англию в самой Германии. Он несколько раз обсуждал этот вопрос с Гитлером. Авиаконструктор Мессершмитт готовил для Гесса истребитель «МЕ-110», оборудованный для дальнего полета. Гросс-адмирал Редер предоставил Гессу специальную карту координат Северного моря. Министр почты Онезорге, специалист в области радиолокации, обучил Гесса пользованию лучевой антенной. Генерал-полковник авиации Удет дал указание, чтобы по телефонному требованию адъютанта Гесса была включена лучевая антенна «Электра», которой пользовались немецкие бомбардировщики при налетах на Англию²³. О подготовке полета Гесса в Англию подробно говорится в книге Л. Безыменского «Разгаданные загадки Третьего рейха. 1940—1945».

Пинч, личный адъютант Гесса, вспоминает, что в конце января 1941 г. Гесс сообщил ему, Пинчу, что он, по решению Гитлера, в ближайшее время намерен лететь в Англию²⁴. Гесс сделал такое заявление, имея уже антибританский документ советского правительства от 25 ноября 1940 г., полагая, что к этому времени поступит ответ из Лондона на письмо А. Хаусхофера.

Но этого не произошло. Никакого ответа из Англии на письмо А. Хаусхофера в Берлин не поступало. Это письмо хранилось в английских спецслужбах и герцогу Гамильтону не передавалось. Почему? Что скрывалось за этим?

После поражения Франции летом 1940 г. почти вся континентальная Западная Европа оказалась под властью Гитлера. Возможность для Англии выжить и одержать победу в войне виделась в Лондоне только в случае вовлечения в войну с Германией Советского Союза, так как британские сухопутные силы были несравненно слабее имевшей боевой опыт могущественной немецкой армии. Поэтому в качестве своей главной стратегической цели британская дипломатия поставила задачу вбить клин в отношения между Германией и Советским Союзом, а может быть, и подтолкнуть Третий рейх к войне с СССР.

В середине октября 1940 г. Лондон направил своему послу в Москве Стаффорду Криппсу меморандум по вопросу англо-советских отношений. В этом меморандуме Советскому Союзу предлагалось сотрудничество с Великобританией, причем конкретно указывались обязательства правительства СССР. Что же касается обязательств английского правительства, то в меморандуме говорилось в туманных и неопределенных выражениях с разного рода оговорками о его обещаниях учитывать интересы СССР после победы над Германией.

Британское правительство, например, заявляло в меморандуме, что «на случай победного заключения войны» оно будет «консультировать» с правительством СССР наравне с другими державами «по отношению к послевоенному устройству в Европе и Азии (статья II, п. а)». Лондон выражал готовность «признать впредь до того, как состоится консультация, предусмотренная выше (по статье II, п. а) де-факто власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях бывшего Польского государства, которые теперь находятся под Советским главенством (ст. II, п. b)», т.е. британское правительство соглашалось на период войны признать власть СССР над указанными территориями «де-факто», а не «де-юре», и нетрудно предположить, какую бы позицию заняло британское правительство после разгрома Германии. Таким образом, при внимательном рассмотрении указанных выше обещаний британского правительства, видно, что никаких практических результатов эти обещания не гарантировали²⁵.

Криппсу поручалось вручить этот меморандум лично Председателю Совета народных комиссаров и народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову.

Молотов Криппса не принял, и последний 22 октября 1940 г. вручил меморандум А.Я. Вышинскому, первому заместителю наркома иностранных дел СССР. Вышинский меморандум принял, но никак его не комментировал. Посол после этого пытался встретиться для обсуждения меморандума с Молотовым, но в Москве хорошо понимали цель предложения британского правительства: попытаться расстроить советско-германские отношения и втянуть СССР в войну против Германии. Никто из советских представителей переданный Криппсом меморандум с британским послом не обсуждал и вопрос о меморандуме не затрагивал.

Тогда британское правительство прибегло к следующему шагу. 24 февраля 1941 г. во время встречи в Наркоминделе СССР с Вышинским посол Криппс сказал, что 28 февраля у него назначена встреча с министром иностранных дел Великобритании Э. Иденом в Стамбуле и «по своей инициативе», как сказал посол, он хотел бы узнать мнение Сталина о желательности и возможности встречи Идена со Сталиным для обсуждения вопросов англо-советских отношений²⁶.

На следующий день, 25 февраля, Вышинский пригласил Криппса и сообщил послу ответ на поставленный им вопрос. Первый заместитель наркоминдел СССР заявил следующее: «Советское правительство считает, что сейчас еще не настало время для решения больших вопросов путем встречи с руководителями СССР, тем более, что такая встреча политически не подготовлена»²⁷.

Весною 1941 г. британский премьер-министр имел обширную секретную информацию о приготовлениях Гитлера к войне против СССР как от своих разведывательных служб, так и в результате расшифровки секретных немецких телеграмм. Английские специалисты с помощью трех польских ученых, которые покинули свою страну после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., разработали специальную машину для расшифровки немецких телеграмм и уже летом 1940 г. доложили Черчиллю первую расшифрованную телеграмму германского генерального штаба. Для расшифровки немецких телеграмм под Тондоном, в Блечли, был создан специальный дешифровальный центр²⁸.

Подготовка к войне еще не означает, что война обязательно начнется. Готовил же Гитлер войска для высадки в Великобритании в 1940 г. — так называемая операция «Морской лев», но затем от нее отказался.

Потеряв надежду втянуть Советский Союз в войну против Германии, Черчилль решил подтолкнуть Гитлера к войне Германии против СССР. И вот тогда-то британские власти решили дать зеленый свет для письма А. Хаусхофера. Они ознакомили герцога Гамильтона с этим письмом и порекомендовали ему написать ответ А. Хаусхоферу, причем подсказали, что следовало бы указать в этом ответе. Герцог потребовал, чтобы полученные указания были подтверждены специальным приказом, а министерство иностранных дел дало бы ему особый инструктаж. И то и другое было ему обещано²⁹.

В своей книге «Разгаданные загадки Третьего рейха» Л. Безыменский отмечает, что английские власти осенью 1940 г. задержали письмо А. Хаусхофера герцогу Гамильтону, а в апреле 1941 г. они передали это письмо герцогу и даже посоветовали, как на него ответить. Однако он, к сожалению, не объясняет, почему английские власти задержали письмо А. Хаусхофера осенью 1940 г. и почему они передали это письмо герцогу Гамильтону в апреле 1941 г.

Задержка с отлетом Гесса в Англию была одной из причин, возможно, главной причиной переноса даты нападения Германии на СССР с середины мая (по плану «Барбаросса») на 22 июня 1941 г. Отсутствие ответа от Гамильтона на письмо Хаусхофера вызвало разногласия в германском руководстве по вопросу о начале войны Германии против СССР. Рейхсмаршал Геринг считал, что до начала войны с Советским Союзом нужно обеспечить тыл Германии, т.е. как-то договориться с Лондоном о том, что Англия не откроет второго фронта в Западной Европе в случае войны Германии с СССР. Гитлер, упоенный успехами германской армии и информацией своих спецслужб о слабости Красной Армии, считал, что войну Германии против СССР можно начинать, не дожидаясь договоренности с правительством Великобритании.

Гамильтон отправил письмо А. Хаусхоферу 25 апреля 1941 года. Через несколько дней оно было получено в Берлине. В первых числах мая Гесс имел последнюю беседу с Гитлером. 10 мая 1941 г. он вылетел в Шотландию, где находилось имение Гамильтона, на специально подготовленном истребителе «ME-110».

В связи с бомбардировками английскими самолетами Германии, а немецкими — Англии воздушное пространство этих государств усиленно охранялось, и тот факт, что Гесс благополучно долетел до Шотландии, служит еще одним подтверждением того, что власти этих государств знали о полете Гесса. В районе поместья Гамильтона Гесс, одетый в форму капитана германских ВВС, выбросился на парашюте. О прибытии Гесса герцог Гамильтон днем 11 мая позвонил Черчиллю. Как пишет британский премьер, Гамильтон сообщил: «В Шотландию прибыл Гесс»³⁰. Он сказал это так, будто Гамильтон и Черчилль ожидали прилета Гесса. Гесса объявили «военнопленным» и сразу же отправили в Лондон. Черчилль позаботился о его устройстве. В директиве министру иностранных дел от 13 мая 1941 г. Черчилль, в частности, писал: Гесс «должен находиться в строгой изоляции в удобном доме, не слишком далеко от Лондона... Необходимо следить за его здоровьем и обеспечить ему комфорт, питание, книги, письменные принадлежности и возможность отдыха. Он не должен иметь никаких связей с внешним миром или принимать посетителей, за исключением лиц по указанию министерства иностранных дел. К нему следует приставить специальную стражу. Он не должен получать газеты и слушать радио. С ним надо обращаться почтительно, как если бы он являлся крупным генералом, захваченным нами в плен»³¹.

Англичане и немцы не сразу сообщили о полете Гесса в Великобританию. В Берлине ждали, что скажет Лондон. Через несколько дней о прибытии Гесса в Великобританию сообщили англичане. После этого последовало сообщение Берлина. В сообщении германской прессы указывалось, что «... член партии Гесс, по-видимому, находился в состоянии галлюцинации, под влиянием которой он решил, что сможет добиться взаимопонимания между Англией и Германией... Национал-социалистская партия скорбит о том, что этот идеалист пал жертвой своих галлюцинаций. Это, однако, не повлияет на дальнейший ход войны...»³². Болезнь Гесса была придумана. В первом же письме президенту США Ф. Рузвельту британский премьер писал 17 мая 1941 г.: «Гесс, по-видимому, пребывает в добром здравии и не нервничает, у него не наблюдается обычных признаков помешательства»³³.

Переговоры с Гессом начались без промедления. О них кое-то пишет в своей книге британский премьер, но ровно столько, что он считал нужным, полезным для Великобритании.

В своей книге У. Черчилль упоминает о письме Ф. Рузвельту от 17 мая 1941 г., в котором президенту США сообщалась специально подготовленная информация о переговорах с Гессом 12, 14 и 15 мая 1941 г. Первая беседа была уже в ночь на 12 мая. Речь шла о Второй мировой войне. Черчилль пишет, что Гесс сделал подробное заявление на основании своих заметок. Первая часть представляла обзор англо-германских отношений за последние тридцать лет. «Во второй части, — продолжает Черчилль, — подчеркивалась неизбежность победы Германии благодаря успешному сочетанию действий подводного флота и авиации, стойкой морали немцев...». В третьей части своего заявления Гесс излагал предложения о мирном урегулировании. «Гесс заявил, — пишет Черчилль, — что фюрер никогда не имел никаких замыслов, направленных против Британской империи, которая могла бы остаться невредимой, если не считать того, что ей пришлось бы вернуть бывшие германские колонии (вспомним, что говорили Гитлер и Риббентроп В.М. Молотову в Берлине об Англии и Британской империи в ноябре 1940 г. — В.Л.). Взамен он должен был бы получить свободу действий в Европе». К этому времени (12 мая 1941 г.) вся континентальная Западная Европа, за исключением нейтральных Швейцарии и Швеции, находилась под контролем Германии и поэтому «свобода действий в Европе» означала свободу действий в отношении Советского Союза. Это фактически и подтвердил Гесс в ходе переговоров. Черчилль в письме Рузвельту пишет, что, когда «представитель министерства иностранных дел спросил его (Гесса. — В.Л.), относит ли он Россию к Европе или к Азии, когда говорит, что Гитлер должен получить свободу действий в Европе. Гесс ответил: «К Азии». Однако он добавил, что Германия собирается предъявить России некоторые требования, которые она должна будет удовлетворить, но отрицал слухи о том, что Германия собирается напасть на Россию». Черчилль здесь юлит. Он не мог прямо написать Рузвельту, что Гесс поставил вопрос о «свободе действий» Германии против Советского Союза. Таким образом, в ходе переговоров Гесс сообщил, что Германия намерена предъявить ультиматум Советскому Союзу. Но, чтобы смягчить это заявление, Черчилль добавляет, что Гесс отрицал слухи о том, что Германия собирается напасть на Советский Союз.

Переговоры 14 мая, как это видно из письма Черчилля, касались только Англии. 15 мая, пишет Черчилль Рузвельту, не было сказано ничего нового, «за исключением нескольких пренебрежительных замечаний о вашей стране и о той помощи, которую

вы сможете оказать нам»³⁴. Цель этого сообщения Рузвельту совершенно очевидна: вызвать раздражение президента США и побудить его увеличить помощь Соединенных Штатов Великобритании.

Если внимательно проанализировать даже это короткое письмо Черчилля президенту США, то нетрудно увидеть, что Гесс вел переговоры с англичанами с позиции силы, убеждая своих собеседников в том, что Англия обречена на поражение и что ей лучше договориться с Германией. Можно предположить, что эмиссар Гитлера пытался рассеять надежды британского правительства на то, что на помощь ему придет советское правительство, так как правительство СССР само намерено присвоить себе часть «британского наследства». При этом Гесс предъявил документ, который Молотов вручил Шуленбургу 25 ноября 1940 г.

Нельзя сказать, что англичане верили Гессу или Гитлеру, у них к германским руководителям было полное недоверие. Но документ советского правительства от 25 ноября 1940 г. был убедительный. Ждать Англии помощи от СССР не было оснований. Правительство Великобритании оказывалось в трудном положении. Выход подсказал Гесс: Англии пойти на мир с Германией или, по крайней мере, не открывать второй фронт в Западной Европе и предоставить Берлину «свободу действий» в Европе, т.е. против Советского Союза. В этом случае Британская империя сохранит свое существование, за исключением бывших германских колоний.

Для связи с Берлином, как указывает академик В.Г. Трухановский, использовалось дипломатическое представительство Германии в Ирландии, куда выезжал один из руководящих работников Форин Оффиса А. Киркпатрик, принимавший участие в переговорах с Гессом³⁵.

Никакой информации о переговорах с Гессом британское правительство не сообщало. Гесса, как «военнопленного», оно содержало под охраной вблизи Лондона вплоть до Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками (20.XI.1945 – 1.X.1946).

Отсутствие информации дало некоторым политикам повод считать, что переговоры с Гессом в Лондоне были безрезультатными. Например, Серго Микоян, сын А.И. Микояна, члена Политбюро ЦК ВКП(б), опубликовал в 1999 году книгу воспоминаний отца: Анастас Микоян. «Так было. Размышления о минувшем». О полете Гесса в Лондон в книге говорится следующее:

«Перелет первого заместителя Гитлера по руководству нацистской партией Гесса в Англию 10 мая 1941 года вызвал большую тревогу у Сталина и у всех нас. Мы опасались, что Гесс договорится с англичанами, и тогда немцы повернут против нас. Информация о том, с чем прилетел Гесс в Англию, была очень скудная, противоречивая. Вызывало беспокойство и то, что в Англии тогда были силы, которые могли пойти на сговор с Гессом. А как будет вести себя правительство Черчилля, мы не знали. Потом, через некоторое время, оказалось, что Англия не пошла на сговор с Гитлером. Миссия Гесса оказалась безрезультатной, что для нас было очень важно»³⁶.

У И.В. Сталина было мнение иное. В своем труде о Второй мировой войне У. Черчилль пишет: «Советское правительство было чрезвычайно заинтересовано эпизодом с Гессом, и оно создало вокруг него много неправильных версий. Три года спустя, когда я вторично приехал в Москву (в октябре 1944 г. — *В.Л.*), я убедился, насколько Сталин интересовался этим вопросом. За обедом он спросил меня, что скрывалось за миссией Гесса. Я кратко сообщил ему то, что изложил здесь (в III томе. — *В.Л.*). У меня создалось впечатление, что, по его мнению, здесь имели место какие-то тайные переговоры или заговор о совместных действиях Англии и Германии при вторжении в Россию, которые закончились провалом. Зная, какой он умный человек, я был поражен его неразумностью в этом вопросе. Когда переводчик дал мне понять, что Сталин не верит моим объяснениям, я ответил через своего переводчика: «Когда я излагаю известные мне факты, то я ожидаю, что мне поверят»³⁷. Отметим, что этот разговор имел место в октябре 1944 г., когда у И.В. Сталина уже был большой опыт Великой Отечественной войны и поведения союзников — Англии и США. В ходе войны Черчилль не раз давал обещания Сталину, которые не подтверждались делами, как это видно из их переписки.

Если поверить У. Черчиллю, то британское правительство должно было бы давно рассекретить документы о переговорах с Гессом, так как все сроки рассекречивания документов, установленные в Англии, давно уже прошли. Но этого не произошло. Летом 1992 года в Лондоне часть архивных материалов, касающихся миссии Гесса, была открыта для исследователей: некоторые стенограммы допросов Гесса, письма, которые он хотел отправить своей семье в Германию, служебная переписка английских чиновников о содержании Гесса под Лондоном. Одна-

ко наиболее важные документы оставлены британскими властями засекреченными до 2017 года.

На Нюрнбергском процессе в августе 1946 года Гесс под присягой хотел рассказать о своих переговорах в Лондоне, но председательствовавший в то время британский представитель Лоуренс не позволил ему это сделать³⁸.

Британское правительство сохранило жизнь Гессу, но засадило его на всю жизнь за решетку, чтобы он никому не мог рассказать о своих переговорах в Лондоне — Нюрнбергский трибунал приговорил Гесса к пожизненному заключению.

В связи с преклонным возрастом Гесса, который находился в заключении в тюрьме Шпандау, в конце 80-х годов в Западной Германии стали раздаваться голоса за его освобождение из тюрьмы. Эти требования вызвали беспокойство у английского правительства. В августе 1987 г. западными властями было объявлено, что 17 августа 1987 года Р. Гесс, отбывавший срок пожизненного заключения в тюрьме Шпандау, покончил жизнь самоубийством.

На брифинге в пресс-центре Министерства иностранных дел Российской Федерации в августе 1989 года был затронут вопрос о Гессе в связи с возникшей на Западе дискуссией о причинах и обстоятельствах его смерти. Вскоре после объявления о самоубийстве Р. Гесса, заявил представитель МИД РФ, на Западе была выдвинута версия, что Гесс не сам покончил с собой, а был им-то убит. Дискуссия велась в связи с представлением в Мюнхене книги «Убийство Рудольфа Гесса», в которой Вольф Рюдигер, сын Р. Гесса, адвокат Альфред Зайдль и профессор судебной медицины Вольфганг Шпан выдвигают и обосновывают версию, что убийство Гесса в тюрьме Шпандау организовано английскими секретными службами, ибо, дескать, была велика вероятность, что союзники, учитывая преклонный возраст Гесса (на момент смерти ему было 93 года), намеревались выпустить его из тюрьмы. Это будто бы серьезно беспокоило английские спецслужбы, которые опасались, что, выйдя на свободу, Гесс раскроет правду о политической подоплеке своего полета в Англию в 1941 г. и контактах там с британскими представителями.

Чрезвычайно важное заявление на Нюрнбергском процессе сделал бывший министр иностранных дел Германии И. Риббентроп, которое проливает свет на переговоры Гесса в Лондоне. В своем последнем слове, перед объявлением смертного приговора, Риббентроп заявил, что Черчилль дал ему «дружественные суждения». На процессе в Нюрнберге Риббентроп, в частности,

заявил: «Архивы других стран и даже Германии были недоступны для защиты, заявление о дружественных заверениях, которые дал мне Черчилль (подчеркнуто мною. — В.Л.), и о том, что слишком сильная Германия будет уничтожена, на основе чего можно было бы дать оценку мотивов немецкой внешней политики, было признано на данном форуме не относящимся к делу»³⁹.

Британское правительство пошло дальше, чем думали Гесс и Гитлер. Оно дало «дружественные заверения», как говорил на Нюрнбергском процессе Риббентроп, и тем самым подтолкнуло Гитлера к войне Германии с Советским Союзом и решило, в случае нападения Германии на СССР, вести дело так, чтобы они в борьбе ослабляли друг друга, а затем навязать им свои условия мира и закончить Вторую мировую войну в качестве победителя.

Об этом проболтался британский министр авиационной промышленности Д. Мур-Брабазон вскоре после нападения Германии на СССР. Выступая на массовом митинге, президент профсоюза машиностроителей Великобритании Дж. Таннер заявил: «Имеются высокопоставленные лица, которые заявляют, что они надеются, что русские и немецкие армии будут уничтожать друг друга, и пока это происходит, Британское Содружество будет развивать военно-воздушные силы и другие вооруженные силы, чтобы, если Россия и Германия действительно разрушат друг друга, у нас было господствующее положение в Европе. Эта точка зрения была высказана недавно министром Кабинета — членом теперешнего правительства, джентльменом, который занимает очень важный пост, не кем иным, как министром авиационной промышленности полковником Мур-Брабазоном»⁴⁰.

Неспровоцированное нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года вызвало необыкновенную радость в резиденции премьер-министра в Чекерсе, где в этот день находился Черчилль. «Трудно понять, — писал личный помощник премьер-министра командор Томпсон, находившийся вместе с Черчиллем в Чекерсе, — то чувство чрезвычайного облегчения, неожиданного освобождения от гнета, которое испытывали все, узнав о нападении Германии на СССР. Значение этого было весьма радостным для всех нас»⁴¹.

Указанной выше стратегии правительство Черчилля придерживалось в ходе Великой Отечественной войны, как это видно из переписки председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем. Несмотря на настойчивые требования советского правительства и неоднократные обещания британского премьера, У. Черчилль

под разного рода предложениями уклонялся от открытия второго фронта в Западной Европе⁴². Правительства Великобритании и США открыли второй фронт в Западной Европе (на северо-западе Франции) лишь в июне 1944 г., когда вооруженные силы СССР, громя фашистскую армию, освободили оккупированные немцами советские земли и вышли на государственную границу СССР. Они преследовали цель задержать продвижение советских войск на запад на линии встречи американских и английских армий на территории Германии с вооруженными силами Советского Союза и обеспечить себе право участия в послевоенном мирном урегулировании.

Преодолевая отчаянное сопротивление немецких войск, Красная Армия продвигалась в глубь Германии. 23 февраля 1945 г. У. Черчилль направил маршалу И. В. Сталину следующую телеграмму: «Красная Армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед. Я прошу Вас, великого руководителя великой армии, приветствовать ее от моего имени сегодня, на пороге окончательной победы»⁴³.

1 мая 1945 года советские войска водрузили над Берлином знамя Победы. 8 мая 1945 года в Берлине представители германского верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война была победоносно завершена.

Советский Союз не только разгромил фашистскую Германию, но и закрепил результаты великой победы в решениях Берлинской конференции 1945 года и Парижской мирной конференции 1946 года.

А военная стратегия У. Черчилля потерпела крах. Англия закончила войну младшим партнером Соединенных Штатов Америки.

Примечания

⁴² Documents on German Foreign Policy 1918–1945. London, HMSO. Ser. D, vol. XI. P. 456.

- 2 МИД РФ, ДВП, М. «Международные отношения». т. XXIII, книга 1, 1995. С. 699.
- 3 МИД РФ, ДВП, М. «Международные отношения», т. XXIII, книга 2, часть 1, 1998. С. 30–32.
- 4 Анализ переговоров дан в книге: Лаврова Т.В. Черноморские проливы (исторический очерк). Ростов-на-Дону, 1997. С. 52–60.
- 5 Государственный Архив Российской Федерации (далее ГА РФ), ф 7867, оп.2, д.272, л. 12–14.
- 6 В.М. Молотов прибыл в Москву 15 ноября 1940 г.
- 7 Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия), М., 1999. С. 452.
- 8 Геллер М. и Некрич А. История России, 1917–1995. М. 1996. С. 389.
- 9 Безыменский Л.А. Визит В.М.Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. в свете новых документов / Л.А. Безыменский. Новая и новейшая история. М., 1995 г. № 6. С. 139.
- 10 МИД РФ, ДВП, т. XXIII, книга 2, часть I. С. 72–78.
- 11 Там же, С. 80–81.
- 12 Там же, С. 79.
- 13 Там же. С. 79.
- 14 Там же, С. 136–137.
- 15 Там же, С. 135–137.
- 16 Documents on German Foreign Policy 1918–1945, HMSO, 1961. vol. XI, P. 714–715.
- 17 МИД РФ, ДВП, т. XXIII, кн. 2, часть Iю С. 172.
- 18 Там же, С. 213.
- 19 Там же, С. 357.
- 20 Лавров В.С. Дипломатические зигзаги Германии накануне нападения на СССР (о поездке В.М. Молотова в Берлин и полете Р. Гесса в Англию) / Международная жизнь. М., 1993, № 9; 1994 г. № 1.
- 21 История дипломатии. М., 1941 г., т. I. С. 507–508, 517.
- 22 Безыменский Л. Разгаданные загадки Третьего рейха. 1940 г. – 1945 г. Смоленск, 2001. С.60.
- 23 Там же, С. 51
- 24 Там же, С. 48
- 25 МИД РФ, ДВП, т. XXIII, книга 1. С. 701–705.
- 26 МИД РФ, ДВП, т. XXIII, книга 2, часть 1. С. 416.
- 27 Там же, С. 420.
- 28 Безыменский Л. Указ. Соч., С. 75–80.
- 29 Там же, С. 62, 82–83.
- 30 Черчилль У. Вторая мировая война. Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, 1955, т. III, С. 56.
- 31 Там же, С. 59.
- 32 Там же, С. 58.
- 33 Там же, С. 60.
- 34 Там же, С. 59–60.

³⁵ Трухановский В.Г. Новейшая история Англии. М., 1958, С. 360—361.

³⁶ Анастас Микоян. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 377—378.

³⁷ Черчилль У. Указ. Соч., С. 63.

³⁸ История дипломатии. М., 1975, т. IV, С. 112—113.

³⁹ Нюрнбергский процесс. М., 1961, т. VII. С. 271.

⁴⁰ Coates W.P. History of Anglo-Soviet relations. Lnd., 1943. P. 684—686.

⁴¹ Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1977. С. 333.

⁴² МИД СССР. Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1976, т. I.

⁴³ Там же. С. 362.

Британское общественное мнение и советско-германский пакт

В начале лета 1939 г. опросы общественного мнения в Великобритании показали, что 84% британцев поддерживали идею договора о взаимопомощи между правительствами Британии, Франции и Советской России. В июне 80% высказались за созыв международной конференции для учреждения фронта мира с участием Москвы¹. Хотя подобные опросы проводились еще в довольно-таки примитивной форме, такие результаты обозначили уровень общественного консенсуса по вполне конкретной внешнеполитической проблеме, почти уникальный случай в истории парламентских демократий. Особенно поразительным был тот факт, что при этом около трех четвертей депутатов избранного в Великобритании парламента составляли сторонники главным образом консервативного коалиционного правительства, занимавшего резко непримиримую позицию в отношении советской политической и экономической системы.

Между тем на протяжении весны и лета 1939 г. британские дипломатические представители вели не более чем спорадические, нерегулярные беседы на среднем уровне с их русскими коллегами. Как описывал это Н.С. Хрушев, «они целый месяц сидели, вели с нами беседу и пили чай»². 29 июля во всей британской прессе прошло сообщение о том, что штабные офицеры едут в Москву для подписания военного соглашения, однако эти сведения вскоре были опровергнуты³. Никогда не было и малейшего намека на созыв Чемберленом мирной конференции или на его экстренный вылет на встречу со Сталиным, наподобие случая с его визитом к Гитлеру. Насколько неудача этих вялых переговоров напрямую повлияла на подписание нацистско-совет-

ского пакта, или пакт с Гитлером был в любом случае предпочтительнее для Сталина в качестве тактического хода, остается поводом для споров. Но не вызывает сомнений, что отношение Британии к России создало у многих наблюдателей общее впечатление незаинтересованности и двурушничества, что подпитывало не только в СССР, но и у критиков в самой Британии подозрения в том, что для британского правительства главным врагом был скорее Сталин, чем Гитлер, и что лучшая надежда на мир связывалась с тем, что оба диктатора нейтрализуют или сотрут с лица земли друг друга без непосредственного вмешательства западных держав.

Эти вопросы глобального плана дали стимул участия более чем трем поколениям в жарких исторических дебатах. Историки непосредственно послевоенного периода были практически единодушны в своем осуждении неспособности Н. Чемберлена всерьез оценить угрозу, исходившую от Гитлера⁴. Впоследствии историки-ревизионисты 1960-х и 1970-х годов защищали Чемберлена как лидера государства, связанного обязательствами перед Польшей и проводившего трезвую политику «игры на выигрыш времени» с тем, чтобы осуществить экономически возможное перевооружение Британии⁵. Кроме того, и это напрямую касается темы данного доклада, ревизионисты рассматривали Чемберлена (и его предшественника Стэнли Болдуина) как государственных деятелей, существенно стесненных в своих действиях мощными антивоенными настроениями народных масс Британии. Сравнительно недавно, однако, *контр*-ревизионисты в своих оценках вновь отметили глубоко присущую Чемберлену идеологическую антипатию к коммунизму, ставшую важным фактором в стремительном приближении войны, исключив возможность общего фронта со сталинской Россией⁶. Каковы бы ни были те или иные утверждения, можно не сомневаться — в конкретном вопросе о соглашении с Советским Союзом политика Чемберлена, вовсе не стесненная рамками общественного давления, напрямую шла вразрез с общественным мнением широких масс британцев в 1939 г.

Ответ на вопрос, почему это было так, а не иначе, заслуживает дополнительного исторического исследования. Дебаты о роли общественного мнения в довоенную эру в основном концентрировались на микроскопическом анализе британской политической элиты, с редкими проблесками поверхностного интереса к деталям общественного мнения народных масс. Периоду *после* сентября 1939 г. посвящены несколько подробных ис-

следований на тему о том, как государственные учреждения проводили тщательный мониторинг британского общественного мнения уже непосредственно во время войны⁷. Однако изучение британского общественного мнения в основном касалось периода *после* вступления России в войну в 1941 г. Небывалый всплеск восхищения и преклонения перед народом России, охвативший Британию в период между летом 1941 г. и осенью 1943 г., был тщательно исследован и полно представлен в документах. В этом докладе я бы хотела более пристально взглянуть на более сложный и слабоуловимый вопрос об отношении британских масс к Советскому Союзу в период до и во время подписания ряда соглашений между Сталиным и Гитлером, начиная с конца августа 1939 г. В особенности я хотела бы сформулировать два вопроса. Во-первых, что было причиной поразительной, практически единодушной поддержки, оказанной общественным мнением идее заключения соглашения между Британией и Россией весной и летом 1939 г.? Почему в этот период еще существовал на удивление *высокий* уровень общественных симпатий к Советскому Союзу, даже после подписания пакта Молотова — Риббентропа? И, во-вторых, как так получилось, что — в то время, когда британские министры постоянно ссылались на общественное мнение как на перимущественно ограничительный фактор практического и морального давления на их политику — общественные настроения в поддержку сближения с Россией столь старательно игнорировались?

Во-первых, посмотрим на природу британской общественной поддержки идеи сотрудничества с Россией в тот период, когда министры кабинета Чемберлена проявляли индифферентность или откровенную враждебность любым серьезным контактам с Советским Союзом. Возможное тому объяснение — культурная пропаганда конца 1930-х годов в публикациях «Лефт бук клуб»⁸ и в таких работах, как «Советский коммунизм: новая цивилизация» пера Сиднея и Беатрис Вебб. Эти работы создавали образ сталинской России как великодушной, прогрессивной и приверженной социальной справедливости страны, что объективно было весьма привлекательно для британского населения, страдавшего от затяжной безработицы и экономической депрессии⁹. И, разумеется, эти источники знаний о Советском Союзе рисовали его как райское место по части здравоохранения, образования, благосостояния и политики социального обеспечения — всего того, чего британские избиратели намеревались добиваться от своих политических лидеров после окон-

чания Второй мировой войны. Однако такие представления о России вряд ли могут претендовать на исчерпывающее объяснение общественной поддержки идеи соглашения со Сталиным весной 1939 г., поскольку те же участники опросов общественного мнения, что высказывались в пользу такого соглашения, одновременно выражали глубокое осуждение известий из России о процессах над врагами народа, чистках в армии и о личности самого Сталина. В конце 1930-х гг. Сталин постоянно изображался в газетах левого и рабочего толка, а также в правительственной прессе, как, по сути, немногим отличавшимся от Гитлера в своей личной тирании. Пакт Молотова спровоцировал волну типично британских непристойных карикатур, представлявших двух диктаторов как невезучих любовников, сексуальных партнеров, жениха и невесту, где Сталин иногда играл женскую роль, иногда мужскую, но во всех случаях преувеличенно гротескную и анекдотическую¹⁰. Гораздо важнее, что несмотря на увещевания «Лефт бук клуб», избиратели на парламентских и местных выборах в конце 1930-х гг. практически не высказали никакого энтузиазма в отношении возможного импорта *политической* системы советского типа в Великобританию. Национальное правительство консерваторов не испытывало особых трудностей в поддержании своего большинства в парламенте. Довыборы в парламент в 1938–1939 гг. показали некоторый поворот в сторону лейбористов. Но это была поддержка намного более умеренной и центристской лейбористской партии, нежели в начале 1930-х, когда некоторые видные политики-лейбористы какое-то время заигрывали со сталинизмом; в то же время британская коммунистическая партия оставалась на общественной сцене преимущественно в роли законченного неудачника¹¹. Более того, британские опросы общественного мнения после подписания советско-нацистского пакта продолжали демонстрировать то же противоречие. Большинство респондентов, участвовавших в опросах зимой 1939–1940 гг., продолжали поддерживать идею более тесных дипломатических отношений между Британией и Россией; но те же опросы выявляли буквально вселенское осуждение русско-германского раздела Польши, войны с Финляндией и советского вторжения в государство Балтии¹².

Для раскрытия причин массовой симпатии британцев к Советскому Союзу, ее взлетов и падений следует перейти от изучения опросов общественного мнения и публикаций в прессе к более личным и индивидуальным источникам информации о бы-

товавших в массах представлениях. Нам следует взглянуть на такие источники, как данные «Масс обсервейшн», письменные записи и дневники того периода, архивы массовых добровольческих организаций (в качестве примера такой организации я использовала существовавшую во время войны общественную организацию, известную как Женский парламент Лондона, основанную в 1941 г. Социологическая группа «Масс обсервейшн», основанная антропологом Томом Харрисоном в 1937 г., зафиксировала поразительно широкий разброс мнений в британском обществе; но среди его наиболее интересных находок были зачастую совершенно неожиданные данные о роли и образе Советского Союза. Спустя несколько дней после подписания советско-нацистского пакта эксперты «Масс обсервейшн» зафиксировали, что в среде британской публики «пакт не рассматривается как нечто очень серьезное»: он воспринимался всего лишь как обманный тактический ход Сталина с целью «выиграть время» — как некое подобие тактики «умиротворения», которую сами британские политики применяли в течение последних трех с половиной лет¹³. Через месяц среди респондентов «Масс Обсервейшн» было отмечено широко распространенное ожидание того, что Россия скоро разорвет пакт, т.к., несмотря на вероятность прямо противоположного сценария, с самого начала «Россия по-настоящему на нашей стороне»¹⁴. Эта точка зрения частично основывалась на публикациях в прессе о том, что, несмотря на советско-нацистский пакт, в октябре 1939 г. СССР продолжал вести переговоры о новых торговых контрактах с Великобританией. И даже в апреле 1940 г. выступление В. Молотова, в котором он подверг критике срыв британской стороной своевременной поставки партии товаров для машиностроения, интерпретировалось как оптимистичный сигнал о том, что, пусть и в некоей причудливой и витиеватой форме советское правительство по-прежнему считало себя в своего рода партнерских отношениях с Британией¹⁵. Подобные взгляды, впрочем, подверглись сильному испытанию в ходе советско-финской войны и российского вторжения в Латвию, Литву и Эстонию; на протяжении 1940 г. «Масс обсервейшн» зафиксировала постепенный возврат к той точке зрения, что сталинизм мало чем отличается от нацизма, если и вовсе не хуже последнего.

Однако новая кардинальная перемена в умонастроениях наступила после вынужденного вступления России в войну с гитлеровской Германией в июне 1941 г. Это событие было встречено с огромным энтузиазмом в Британии — впрочем, следует от-

метить, что далеко не сразу оно было расценено как событие, усиливающее пробританские и антигерманские факторы (наоборот, поражение Советского Союза от войск Гитлера казалось большинству британцев поначалу наиболее вероятным и близким развитием событий). Это событие было встречено с одобрением скорее потому, что рассматривалось во многих кругах, даже среди британских консерваторов, как дополнительный аргумент в пользу легитимности получившей распространение идее «радикальной» «народной» войны или «революционной борьбы» (настроения, которые были зафиксированы даже в среде наиболее «отъявленных» тори¹⁶. Треть заводов по всей стране рапортовала о том, что с разрывом советско-нацистского пакта объем промышленного производства вырос благодаря тому, что многие британские рабочие теперь рассматривали свою работу как возможность предотвратить поражение России, равно как и Британии¹⁷. В глазах большинства респондентов «Масс обсервейшн» теперь русские представляли не коммунистами, а принципиально «порядочными и честными» людьми. «Они очень похожи на английских людей, эти русские», — отмечал один из обозревателей. «Они намного ближе к британцам, чем немцы или французы»¹⁸. И когда русская армия неожиданно остановила германское наступление и стала переходить в контрнаступление, всеобщий восторг в Британии не знал границ, и даже сам Сталин получил долю общественного признания: «Я так благодарен Сталину, — написал один из участников опроса «Масс обсервейшн». — Каким же интеллектом он должен обладать, чтобы провести такого хитреца, как Адольф Гитлер»¹⁹.

Конечно, такие записи носят весьма выборочный характер, но тот же всплеск русофилии в 1941 г. можно обнаружить во многих частных архивах и дневниках того периода. Они включают записи мобилизованных и профессиональных военных. Это выявило колоссальный интерес не только к успехам Красной армии, но и ко всем сторонам образа жизни русских (параллельно с ростом критики медлительности Британии и США, проявленной с открытием «второго фронта» в то время, когда вовсю шла война)²⁰. На этой волне организация, известная как Женский парламент Лондона, созданная в 1940–1941 гг. как представительный орган добровольческих социальных организаций, постоянно обращалась к темам, поднимавшимся в 1930-е годы Веббами и «Лефт бук клуб», — о русских моделях здравоохранения, доступного образования, гарантированной занятости и семейных пособий²¹.

Один неизменный вопрос, который возникает при обращении ко всем этим проявлениям общественного сознания, — насколько в полной мере казавшиеся достоинствами элементы советской системы могли быть воспроизведены в такой стране, как Британия, без принесения в жертву свободы личности и парламентской демократии. И весной 1939 г., и после 1941 г. эти источники показывают, что значительная часть британского общественного мнения была настроена оптимистично: британские свободы и социально-экономическая политика советской России представлялись по своему существу созвучными друг другу. После вступления России в войну в 1941 г. образы Сталина как символа угрозы и тирании были, по крайней мере временно, заменены на образ «дружественного медведя»²². Но зимой 1943—1944 гг., с появлением известий сперва о Катынском преступлении, а затем об отношении России к восстанию в варшавском гетто, уровень популярности СССР совершенно четко упал в глазах британцев — точно так же, как это произошло четырьмя годами раньше, зимой 1940 г. В обоих случаях это падение на массовом уровне имело мало общего с преимуществами или недостатками коммунизма как социально-экономического строя; оно целиком было связано с восприятием сталинизма как системы политической тирании и деспотичной власти²³.

Это заставляет меня поставить второй вопрос: почему правительство Невилла Чемберлена — столь явно прислушивавшееся и даже раболепствовавшее перед мнением британского общества — тем не менее игнорировало общественные призывы к пророссийской ориентации британской внешней политики летом 1939 г. Недавние исследования подчеркивают роль политической идеологии: Чемберлен ненавидел советский коммунизм и боялся его как политическую, социальную и экономическую систему, а потому даже и думать не хотел о таком повороте²⁴. То, что это совершенно справедливо применительно к личным убеждениям Чемберлена, не вызывает сомнений; однако в качестве детального объяснения его отношения к возможности сближения с СССР представляется весьма неубедительным. Как уже отмечалось, такое сближение имело огромную поддержку в среде британского общественного мнения, к которому Невилл Чемберлен, как утверждается, испытывал глубокую привязанность. Однако, возможно, гораздо важнее то, что присущий Чемберлену страх коммунизма разделялся многими из его наиболее ярых политических оппонентов. Яростные критики политики умиротворения, такие, как Энтони Иден, Уинстон

Черчилль и Роберт Ванситтарт, целиком разделяли его мнение о том, что советский коммунизм как политическая система не укладывается в рамки допустимого с точки зрения уважения человеческой свободы (как, разумеется, полагали и многие члены британской партии лейбористов). Однако это не помешало этим критикам решительно поддержать в условиях чрезвычайной опасности для нации идею заключения дипломатических соглашений и даже военных союзов с Советской Россией.

Причины нежелания Чемберлена даже и думать о переговорах со Сталиным — невзирая на давление общественности и политической элиты — следует искать и в иной плоскости. Мне хочется поддержать точку зрения, что объяснение лежит в области идей, однако было усилено чем-то намного более специфическим, чем простая антипатия к коммунистической идеологии. Несмотря на то, что все указывает на обратное, Чемберлен во многих отношениях был *гораздо* более популистским политиком — намного более зависимым от динамики массовых настроений, — чем Уинстон Черчилль. В отличие от аристократичного и космополитичного Черчилля Чемберлен происходил из семьи, имевшей глубокие корни в английском местном самоуправлении, местной промышленности, местной политике и местных движениях за социальные реформы²⁵. Точно так же он имел совершенно отличные от Черчилля представления об исторической роли Великобритании в европейской политике и европейских войнах. Эти представления сформировались под влиянием лорда Джошуа Стампа, крупного авторитета в области государственных финансов, который был убежден, что козырной картой Британии в любой предстоящей европейской войне будет «наша финансовая мощь»²⁶. Стамп, который был близким личным другом Чемберлена, стал его главным экономическим советником в начале лета 1939 г., как раз тогда, когда общественное мнение и черчиллевские противники политики умиротворения Чемберлена оказывали наибольшее давление с целью склонить правительство к военному союзу с Советской Россией. В представления Невилла Чемберлена о роли Британии в европейской истории, усиленные влиянием Стампа, не укладывались безрассудные альянсы с ненадежными иностранными державами; не укладывалась в них (как, возможно, это было в случае с Черчиллем) и картина победоносных армий и исторических полей боевой славы, таких, как Бленхейм и Ватерлоо. Наоборот, куда более прозаическое видение роли Британии в возможной войне точно соответствовало идеям его друга и

финансового советника Джошуа Стампа. Это было представление о войнах, ведущихся и выигрываемых с помощью осторожного финансового расчета: сбалансированных бюджетов, подавления инфляции, сохранения открытой внешней торговли и защиты фунта стерлингов как незыблемой международной валюты. Эти четкие доктрины отражали глубоко укоренившиеся представления о надежности финансового опыта за предшествующие 150 лет истории; и они все еще оказывали существенное влияние в качестве руководства для британской экономической политики на раннем этапе Второй мировой войны (когда оба — и Стамп, и Чемберлен отдавали предпочтение расширению производства невоенных товаров на экспорт для создания резервов в твердой иностранной валюте²⁷). Однако они были обречены быть похороненными под грузом военных реалий этого гигантского военного конфликта и вследствие популистских требований о далеко идущих социальных и экономических переменах, перераспределения доходов, которые накопились за время войны. Подобные взгляды были также глубоко антагонистичными не только для экономических доктрин Советской России, но и для более склонной к государственным расходам позиции, обусловленной политической платформой Черчилля. Они помогают объяснить, почему несмотря на давление общественности, Чемберлен считал совершенно невозможным для себя сесть в самолет с целью протянуть руку Иосифу Сталину летом 1939 г.

Примечания

¹ The Times, 1939. 28 May, 3 June.

² The Times, 1959. 17 July.

³ The Times, 1939. 29 July; «The Russian Agreement and Appeasement»// New Statesman, 1939. 29 July.

⁴ Middelmas, K. Diplomacy of Illusion. The British Government and Germany 1937–1939. London, 1972.

⁵ Peden, G. British Rearmament and the Treasury 1932–1939. Edinburgh, 1979; Charmley, J. Chamberlain and the Lost Peace. London, 1989.

⁶ Shaw, L.G. The British Political Elite and the Soviet Union 1937–1939. London, 2003.

⁷ McLaine, I. Ministry of Morale: home front morale and the Ministry of Information in World War II. London, 1979.

⁸ Left Book Club — Клуб левой книги в Великобритании, основан в 1936 г. издателем В. Голланцем для публикации популярных дешевых книг, освещающих вопросы социал-демократизма и международной политики.
— Прим. перевод.

⁹ Webb, Sidney and Beatrice. *Soviet Communism: a New Civilisation?* (1935, second edition without the question mark, 1942); Johnson, H. *The Socialist Sixth of the World*. London, 1939; Kuczynski, J. *The Condition of the workers in Great Britain, Germany, and the Soviet Union, 1932–1938*. London, 1939.

¹⁰ *Evening Standard*, 1930. July–Sept., cartoons by D.A.C. Low; G. Watson, 'The Eye-Opener of 1939: or how the world saw the Nazi-Soviet pact // *History Today*. 2004. N 34, 8. P. 48–53.

¹¹ Tiratsoo, N. 'Labour and the electorate' // *Labour's First Century*. ed. by Tanner D., Thane P., Tiratsoo N. Cambridge, 2000. P.283; Addison, P. *The Road to 1945*. London, 1975, P. 53–74.

¹² 'Moscow without the Mask' // *The Times*, 1939, 2 Dec.; 'Stalin shows his hand' // *The Times*, 1939. 18 Sept.; 'Kommissar into Gauleiter' // *The Times*, 1939, 4 Dec.

¹³ Mass Observation Archive. Sussex University. Politics 1938–1956. Box 4, 'Russia from Overheard Remarks', 1939. Sept–Oct.; также 'The Russian Agreement and Appeasement' // *New Statesman*, 1939. 19 July.

¹⁴ Mass Observation... Politics 1938–56, Box 4, file A.

¹⁵ *New Statesman and Nation*, 14 Oct. 1930, p.509.

¹⁶ Mass Observation. FR 496 (Nov.1940); FR 995 (Dec.1941); FR 1036 (8 Jan. 1942).

¹⁷ Ibid. FR 995, 'Effects of Russian Campaign on Feelings about Industrial output', Dec.1941.

¹⁸ Ibid. FR 1335, 2 July 1942; Politics 1938–56, Box 4, File A, 11 Dec.1941

¹⁹ Ibid. Politics 1938–56, Box A, File 4, 23 Aug.1941.

²⁰ Among you taking Notes. *The Wartime Diary of Naomi Mitchison, 1939–1945* / Ed. by Sheridan, D. Oxford, 1985; Sinclair, A. *The War Decade: an Anthology of the 1940s*. London, 1989 / Martel G. (ed.), *The World War Two Reader*. New York, 2004.

²¹ London Women's Parliament, first report, 13 July 1941, pp.1–7, second report, 26 Oct.1941, pp. 10, 27–8.

²² *Punch*, June–Dec, 1941, cartoons by B.Partidge; for an overview of visual portrayals of the Soviet Union in wartime see, Roy Douglas. *The World War 1930–45. The Cartoonists' vision*. London, 1990. esp.pp. 80–96.

²³ Mass Observation, FR 1634, 1676, 2249, 2286, 2301, 2548, 2578.

²⁴ Shaw, *British Political Elite*, 5–26, 188–90.

²⁵ David Dilks, *Neville Chamberlain*, vol.1 (Cambridge, 1984).

²⁶ Lord Stamp, 'Exchange Discrimination or Manipulation', 1 Jan. 1940, (Henry Clay papers, 9/19, Nuffield College, Oxford).

²⁷ 'Stamp Enquiry: Survey of War Plans, 33rd, 31st and 38th meetings, Sept–Oct. 1939 (NA, CAB 89/1).

Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза с 1940 г.

Французские и британские планы наступательных действий против Советского Союза — это еще слабо разработанная тема и, несомненно, требует нового освещения в широком контексте международной политики 1940 г. В истории дипломатии планам вооруженного нападения на СССР в начале 1940 г. чаще всего уделяется недостаточно внимания. Некоторые сведения на эту тему приводятся в работах Эвелина Вудварда¹ и Максима Муре-на². Контекст рассматриваемых в Париже и Лондоне замыслов антисоветской интервенции наметил известный польский историк Генрих Батовский в своем исследовании «1940 год в европейской дипломатии». Проблемы военных действий рассматривали также следующие исследователи дипломатии, изучавшие положение и политику западных государств: Андреас Хильгрюбер³, Зеппо Милленеми⁴, Генрих Батовский⁵ и Генрих Бартель⁶. Помимо этого, вопросы планирования войны участниками альянса затрагивались на конференции в Париже в 1979 г. британскими и французскими историками⁷. И, конечно же, этими вопросами занималась советская историография. Здесь следует назвать «Историю Великой Отечественной войны СССР 1941–1945». Об антисоветских планах западных участников альянса писал Игорь Чельшев⁸. Наибольшее внимание интересующему нас вопросу, уделяют немецкие и британские историки: Георг Дешнер⁹, Ганс Кале¹⁰ и Ч.О. Рихардсон¹¹. Планы западных союзников в отношении СССР детально проанализировал турецкий историк Селим Дерингил¹².

Разрабатывая проблематику планов войны против СССР в 1940 году, следует заняться исследованием новых вопросов и за-

ново провести работу в архивах западных стран. Планируя подготовку специального исследования на тему военной акции западных союзников против СССР в 1940 г., я изучал документы во французских, британских, немецких, итальянских, а также польских архивах. В своем исследовании я использовал, прежде всего, документацию из архивных собраний Паблик Рекорд Оффис в Лондоне, Архива Министерства иностранных дел Франции в Париже, Политического архива МИД Германии в Берлине, а также Архива дипломатической документации в Риме. Наилучшие результаты принесла работа в Паблик Рекорд Оффис, поскольку в материалах Форин Оффис находится много ценных первоисточников на тему приготовления планов нападения на СССР в 1940 г. Следует отметить, что некоторые французские документы, касающиеся планируемой антисоветской операции, были опубликованы в 1941 году немцами, которые после поражения Франции захватили их в Париже¹³.

Советско-германский договор о границах и дружбе от 28 сентября 1939 г. вместе с опубликованной в тот же день немецко-советской декларацией, призывающей Великобританию и Францию к окончанию войны, в Лондоне и Париже были восприняты как убедительное подтверждение тесного советско-немецкого сотрудничества. Наблюдая и изучая внешнюю политику Сталина, французские и британские политики пришли к выводу, что между Москвой и Берлином возникло разностороннее и длительное согласование стратегических и геополитических интересов. Подписанный 11 февраля 1940 г. советско-германский торговый договор рассматривался в Париже и Лондоне как очень выгодный для гитлеровской Германии. С точки зрения британских и французских руководителей, советско-германское сотрудничество, начавшееся с пакта Риббентропа — Молотова от 23 августа 1939 г., было не конъюнктурным и преходящим, но имело долговременный характер и создавало стабильную расстановку сил на международной арене. Они считали, что СССР и Третий рейх могут договориться о новом широком разделе зон интересов, который укрепит Германию и будет угрожать интересам, прежде всего, Великобритании, а также Франции. Такие предположения были ошибочными, и сегодня это очевидно, но раньше, в 1940 году, именно они имели место¹⁴.

Большую роль в утверждении мнения о нарастающей советской угрозе сыграла советско-финская война, начавшаяся 30 ноября 1939 г.¹⁵ Она стала причиной значительного роста антикоммунизма среди западной общественности — как в Вели-

кобритании и во Франции, так и в нейтральных странах, а также в США. Французско-британская концепция вооруженного выступления против СССР была тесно связана с создавшейся международной обстановкой периода советско-финской войны. Ее основной предпосылкой была идея, что нужно перенести тяжесть войны на юг и нанести удар Советскому Союзу по его неврологическому центру, каким, с экономической точки зрения, были залежи нефти в районе Каспийского моря. Именно так виделась эта проблема в Париже и Лондоне в первые месяцы 1940 года.

Из документов британского Форин Оффис следует, что руководители британской политики серьезно рассматривали вариант, что Советский Союз может предпринять наступательные операции в районе Средней Азии (против Афганистана) или против Ирана. Рассматривался также вариант угрозы независимости и целостности Турции со стороны СССР. И если вступление вооруженных сил СССР на территорию Польши 17 сентября 1939 г. в главном не нарушало интересов западных государств, и в частности британских¹⁶, то наступательные операции СССР на Среднем Востоке, в отношении Ирана или Турции воспринимались как угроза государственным интересам Великобритании.

Примечательно и одновременно парадоксально то, что антисоветские настроения были сильнее в политических кругах Франции, чем в истеблишменте Великобритании, хотя подобные тенденции во внешней политике Англии в межвоенный период были сильны; Франция же, напротив, стремилась к хорошим отношениям с СССР и имела с ним союзнический договор, подписанный в 1935 г.¹⁷

Планы нападения на СССР французское правительство начало конкретизировать в связи с союзническими (французско-британскими) штабными консультациями по вопросу дальнейшего ведения войны. 25 ноября 1939 года премьер-министр Эдуард Даладьё писал послу в Лондоне Чарльзу Корбину относительно идеи открыть восточный фронт на Балканах, используя греческий порт в Салониках как главную военную базу. Этот вопрос рассматривался на заседании Верховного Совета союзнических держав 22 сентября 1939 г.¹⁸. В Париже полагали, что Советский Союз и Германия могут начать скоординированную акцию на Балканах, целью которой было бы разделение зон влияния в этом регионе¹⁹. Угроза для безопасности Турции со стороны Советской России беспокоила западные столицы.

Считалось, что такой ход событий следует предупредить превентивной акцией. Из этого и вытекала концепция открытия балканского фронта. Примечательно то, что Даладье считал, что балканскую операцию можно было бы провести при нейтральной позиции Италии, поскольку для нее был невыгодным захват этого региона Германией и Советским Союзом. Инструкции Даладье, выданные Ч. Корбину 25 ноября, доказывают, что концепция балканского фронта имела четкую антисоветскую (а не только антигерманскую) направленность, а также то, что в Париже обращались к ней вплоть до конца 1939 года.

Во французских документах 1939—1940 гг. много места отведено вопросу угрозы для Румынии со стороны Советского Союза, а также опасениям, связанным с экспансионистскими действиями СССР в этом районе Европы. Руководители западных держав считали, что подчинение этой страны Советскому Союзу кардинально изменит расстановку сил в данном регионе. Гарантии сохранения границ Румынии в случае агрессивных действий СССР требовали участия Турции — в противном случае все обещания оказать поддержку этой страны были невыполнимы. Сдержанность турецкого руководства не позволяла определить его позицию в этом вопросе²⁰.

В декабре 1939 года концепцию превентивной операции против СССР начали детально рассматривать французские и британские штабисты. Разработанные ими планы следует изучать в тесной связи с намерениями оказать вооруженную поддержку Финляндии. Воздушные атаки на Советский Союз не только облегчили бы ситуацию в Финляндии, но, как предполагалось, лишили бы Германию поставок импортируемой из России нефти. Планируемые наступательные действия против СССР должны были носить, по мнению их инициаторов, превентивный характер. Как уже было отмечено, в Лондоне принималась во внимание возможность экспансионистских советских действий в регионе Средней Азии (Афганистан) и на Ближнем Востоке (Иран), которые угрожали интересам Великобритании в этой части мира. В январе 1940 года Форин Оффис подготовил меморандум «Советская угроза Среднему Востоку», к которому, однако, критически отнеслось британское посольство в Москве²¹. В том же месяце Военное министерство рекомендовало серьезно заняться возможностью вооруженных наступательных действий со стороны Красной Армии против британского присутствия в Средней Азии или в Иране²².

19 января 1940 г. Франция представила на заседании Верховного Совета союзнических держав в Париже конкретный, хотя и первоначальный проект нападения на СССР в районе Кавказа и Каспийского моря. Верховный Совет обсуждал этот проект еще в феврале, а также в последний раз 22 марта 1940 г. Рассматриваемый план намечал проведение интенсивных бомбардировок нефтяных месторождений на Каспийском море. С этой целью планировалось задействовать аэродромы французской армии в Сирии и Турции, предполагая ее участие в войне против СССР. Авторы проекта не предусматривали использования наземных сил, наивно полагая, что для значительного ослабления Советского Союза удар с воздуха будет достаточным. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен был удивлен французскими предложениями. Он воспринял французский проект как явную авантюру, хотя не мог сказать об этом в глаза французскому премьер-министру. Британские руководители считали, что после нападения на Советский Союз Красная Армия может предпринять контрнаступления в Иране, Средней Азии или угрожать британским позициям в Индии, которым Великобритания не могла бы успешно противостоять. Что интересно, еще больше замечаний по проекту военной операции против СССР было у работников штабов, чем у британских политиков.

К французскому проекту превентивной операции против СССР британцы отнеслись скептически, поскольку они считали, что расстановка союзнических сил в театре боевых действий, расположенном на таком расстоянии от Европы, неправильна.

Изначально было очевидным, что в случае начала развязывания военных действий против СССР Турция не могла бы остаться нейтральной. Турецкое руководство считало, что война против СССР будет невыгодной для Турции, оно стремилось к сохранению полного нейтралитета. Кроме того, участие в такой войне было бы для Турции очень опасным. Турецкое правительство, по всей видимости, было убеждено в том, что начало военных действий против СССР путем воздушной операции союзников поставило бы Турцию в затруднительное положение. Ведь западные державы не могли бы оказать Турции эффективной вооруженной поддержки в случае проведения Красной Армией контрнаступления на суше. Французы старались повлиять на Анкару, доказывая, что Ближний Восток и Турция вскоре станут объектом экспансии Советского Союза, на что, по всей вероятности, даст согласие Третий рейх. Министр Шюкрю Сараджог-

лу, однако, не верил в эти опасения²³. Во всяком случае, следует отметить, что связь Турции с западными державами и попытки уговорить ее принять участие в антисоветских планах были в рассматриваемый период одной из основных и приоритетных целей как для Парижа, так и для Лондона²⁴. Другим серьезным недостатком оказалось однозначное сопротивление Турции, которая, защищая свой нейтралитет, не хотела предоставить союзникам свое воздушное пространство. Это, в свою очередь, было необходимо, поскольку операция в отношении Баку должна была проводиться с помощью авиационных сил из Сирии, где располагалась армия генерала Максима Вейгана²⁵. Кавказские планы союзников были конкретизированы еще в начале 1940 года, но их генезис относился к реалиям «странной войны», которая началась в сентябре 1939 года и отличалась инертностью западных союзников в войне с Германией, несмотря на обещания поддержать Польшу, подвергшуюся нападению.

Во всяком случае, следует подчеркнуть, французская идея нападения на СССР не была только студийным вариантом, который возник в связи с союзническими планами оказать вооруженную поддержку Финляндии. То была гораздо более широкая концепция, рассчитанная на ослабление Советской России, в которой видели союзника Третьего рейха. Именно такую картину применительно к этому вопросу дают французские дипломатические документы²⁶.

Как упоминалось выше, французские планы вооруженной операции против СССР были приостановлены британскими политиками. Их скептическая позиция победила. Уже 23 апреля 1940 г. на заседании Верховного Совета союзников (Supreme War Council), который проходил с участием обоих премьеров — Н. Чемберлена и П. Рейно, британский премьер пришел к выводу, что в связи с отрицательной позицией Турции проект нанесения удара на СССР невозможен в ближайшем будущем²⁷.

Так или иначе, говорил Н. Чемберлен, для проведения такой операции необходимо использование воздушного пространства Турции или Ирана. В то же время он заметил, что Турция могла бы изменить свою негативную позицию, если бы Советский Союз принял участие в войне на Балканах. Подводя итог, Чемберлен подчеркнул, что правительства Великобритании и Франции не располагают достаточными средствами для нападения на СССР. Присутствующий на заседании главнокомандующий французской армии генерал М. Гамелен напомнил о том, что правительство Ирана — в отличие от Турции — поддерживает

планы нападения на Советский Союз, и поэтому можно было бы рассмотреть этот вариант планируемой операции. Премьер Чемберлен, однако, возражал против такого решения.

Следует также помнить, что общественное мнение во Франции и Великобритании требовало более энергичного ведения войны, критиковало бездарное политическое руководство двух держав, банкротство же политики уступок стало очевидным. С другой стороны, общественность этих стран, естественно, не хотела нести затраты на войну. К тому же в ней, особенно во французской, преобладали пацифистские настроения²⁸. В такой атмосфере политики и военные в Париже и Лондоне формулировали концепции и планы, которые были нереальными²⁹. Париж считал большой угрозой интересам Франции и Великобритании тесное сотрудничество Германии и Советского Союза. По его мнению, это сотрудничество давало Германии преимущество в войне на западе и создавало для нее выгодную экономическую сырьевую базу. Французские политики надеялись, что хорошие советско-германские отношения рано или поздно ухудшатся. Их анализ внешней политики Сталина часто был внутренне противоречив. Они указывали то на идеологическую принципиальность, то на «циничный оппортунизм» Сталина. Ожидался разрыв отношений между Москвой и Берлином³⁰, но этого, однако, не наблюдалось. И в этих условиях возникали идеи наступательной войны против СССР.

Руководители западных держав на тогдашнем уровне своих разработок не планировали оккупации территорий СССР и не готовились к войне на суше против Советского Союза. Они пытались провести только диверсионную операцию с целью ослабления СССР. Мы точно не знаем, какие надежды связывали политики западных держав с планируемой вооруженной акцией против СССР. Несомненно, они полагали, что такой успешный удар с юга оживит стремление к независимости народов Кавказа и приведет к внутренней дезинтеграции Советского Союза. Создатели этого проекта рассчитывали также на кризис советской системы, причиной которого были бы внутренние проблемы. Они хотели также ослабить экономический потенциал СССР. Их планы были недальновидными. Французские политики не принимали во внимание далеко идущие последствия вооруженной акции против СССР.

Выдающийся польский историк дипломатии Генрих Батовский утверждал, что решение о нападении на Советский Союз, если оно было бы окончательно принято в Лондоне или в Пари-

же, было бы «просто сумасшедшим или даже самоубийственным», поскольку оно привело бы к более тесному развитию отношений между Берлином и Москвой и серьезно воспрепятствовало бы победе над гитлеровской Германией³¹. По-другому смотрит на этот вопрос Славомир Дебский, который обращает внимание, прежде всего, на экономическую обусловленность антисоветских планов западных держав³². По его мнению, французы и британцы хотели в первую очередь лишить Германию поставок нефти из СССР, а бомбардировка нефтедобывающих районов на Каспийском море казалась полезной для дальнейших военных действий против Третьего рейха. Это должна была быть война на истощение.

Реализация проектируемого нападения на Советский Союз требовала выполнения нескольких условий. Прежде всего, планируемое нападение следовало перенести с территории Турции (об этом писал посол Р. Массильи)³³. Турция боролась за свой нейтралитет и проводила мудрую, осторожную и продуманную внешнюю политику. Выгоднее было бы вовлечь Иран в планируемую операцию.

В период с февраля до мая 1940 г. политическое и военное руководство в Париже и Лондоне рассматривало проект нападения на СССР с юга в разных вариантах. Решение об ударе вермахта с севера, реализованное 10 апреля 1940 г., отодвинуло планы нападения на СССР на задний план стратегических приоритетов западных держав. Однако разработка этой возможности проводилась и далее. Окончательно этот план оставили в мае 1940 г., когда началось наступление гитлеровских войск на западе, и Франция оказалась перед лицом катастрофы.

Решение о нападении на СССР никогда не было принято. В основном по трем причинам: 1) отсутствие согласия на участие в нем Турции; 2) различие в интересах правительств Франции и Великобритании; 3) огромное количество неясных вопросов, которые имели отношение к выполнению планируемой операции, что прекрасно понимали, прежде всего, британские политики.

Главное отличие между британцами и французами в вопросе вооруженного выступления против Советского Союза было в том, что британское правительство с премьером Чемберленом во главе, а также британский армейский штаб считали, что к наступательным действиям против СССР нужно приступить лишь тогда, когда Советский Союз по своей собственной инициативе нарушит британские интересы. Руководители же Франции счи-

и иначе. Премьер-министр П. Рейно полагал, что воздушная операция может значительно ослабить Советский Союз и таким образом удастся хотя бы лишить немцев сырьевого тыла, который создавал для них Советский Союз. Французы ожидали так, что, возможно, удачная воздушная операция против СССР приведет к проявлению сепаратизма народов Кавказа и внутренней дезинтеграции СССР. В таких условиях СССР перестал принимать ощутимое участие в мировой политике.

Следует также обратить внимание на то, что И.В. Сталин и советское руководство прекрасно знали о планах нападения на СССР, которые готовились во французских и британских штабах.

* * *

Итак, во-первых, планировавшаяся французо-британская операция против СССР весной 1940 года должна была иметь «превентивный» характер. Готовившееся вторжение должно было предотвратить возможную угрозу со стороны СССР. Выясняя, что в 1940 г. у руководителей стран, ведущих войну, преобладало мышление категориями «превентивной войны». Поэтому анализ этих планов расширяет контекст проблемы «превентивной войны».

Во-вторых, для меня очевидно, что французо-британское нападение на СССР с юга не было бы успешным, во всяком случае не принесло бы реализации ожидаемых целей. Немецкая агрессия в июне 1941 г. и очень успешно проводимая Советским Союзом оборонительная война показала и доказала, что победа была недостижима во время столь кратковременной кампании, которую же проводимой только с использованием воздушных сил. В-третьих, Сталин знал о приготавливаемых планах нападения на СССР с юга. Во внешней политике Сталин был эластичным и дальновидным политиком, старавшимся воздерживаться от каких-либо провокационных действий в отношении западных стран. Поэтому он поспешил закончить финскую войну компромиссом, что лишило запланированную операцию против СССР антибольшевистских черт.

В-четвертых, следует обратить внимание также на то, что французское правительство не имело представления ни о том, насколько слаба их страна в военном отношении, ни об угрозе для нее со стороны гитлеровской Германии. Оно рассматривало совершенно нереальную концепцию продолжения войны, что противоречило интересам западных стран.

Пятое. Возникает вопрос, как вели бы себя немцы, если бы западные государства начали войну против СССР. Можно предположить, что Гитлер использовал бы эту ситуацию для проведения наступления на западные страны, которое планировалось с осени 1939 г. и которое все-таки было успешно осуществлено против Франции в мае 1940 г. Нелегко ответить на вопрос, «что бы было тогда?» Во всяком случае, представляется, что начало войны между западными странами и СССР было бы выгодным для Германии, поскольку усложнило бы образование большой коалиции, которая возникла после 22 июня 1941 г. Возникновение большой антигитлеровской коалиции, основой для которой стал союз между СССР и Великобританией, было возможным в значительной степени только потому, что в 1940 г. не развился британско-советский антагонизм.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз замыслы войны против СССР, возникшие в начале 1940 г., быстро были забыты и стали постыдной темой. Они свидетельствовали о нереалистических замыслах западных политиков, ассоциировались с политической авантюрой. Французский премьер-министр П. Рейно, хотя, несомненно, был сторонником войны против СССР, не признавался в своем участии в подготовке этих планов, когда отчитывался за свою политику в 1940 г. в своих воспоминаниях³⁴.

✱ Политика великих держав в период Второй мировой войны детально и тщательно изучалась на основе первоисточников, что отражается в большой литературе, изданной на многих языках. Эту литературу трудно охватить одному исследователю. Здесь невозможно сказать что-то совершенно новое, что до сих пор неизвестно. Однако кажется, что события 1940 года принадлежат к таким проблемам, которым историография до сих пор уделяла слишком мало внимания. История Второй мировой войны могла выглядеть по-другому.

Примечания

¹ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War/ Vol. 1. London, 1970.

² Mourin M. Les relations franco-soviétiques 1917—1967. Paris, 1967.

³ Hillgruber A. Hitlers Strategie und Kriegführung 1940—1941. Frankfurt/M, 1968.

⁴ Myllyniemi S. *Die baltische Krise 1938—1941*. Stuttgart, 1979.

⁵ Batowski H. *Rok 1940 w dyplomacji europejskiej*. Poznań, 1981.

⁶ Bartel H. *Frankreich und die Sowjetunion 1938—1940. Ein Beitrag zur französischen Ostpolitik zwischen dem Münchner Abkommen und dem Ende der Dritten Republik*. Stuttgart, 1986.

⁷ Girault R. *Les relations franco-soviétiques après septembre 1939// Français et Britanniques dans la drôle de guerre. Actes du Colloque franco-britannique tenu à Paris du 8 au 12 décembre 1975*. Paris, 1979. S. 263—280.

⁸ Чельшев И. СССР—Франция: трудные годы 1938—1941, М., 1999. С. 245—275.

⁹ Deschner G. *Bomben auf Baku. Angriffspläne Englands und Frankreichs auf die Sowjetunion 1940*. Erlangen, 1989.

¹⁰ Kahle H. *Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940*. Opladen, 1973.

¹¹ Richardson Ch.O. *French Plans for Allied Attacks on Caucasus Oil Fields. //French Historical Studies*. Nr 1. 1973. S. 130—156.

¹² Deringil S. *Turkish Foreign Policy during the World War Two*. Cambridge, 1989.

¹³ *Dokumente La Charité*. Nr. 1—41, Auswärtiges Amt 1940. Die Geheimakten der französischen Generalstabes. Berlin, 1941; Auswärtiges Amt 1939/41 No 6: *Les Documents Secrets de l'Etat-Major Général Français*, Berlin 1941.

¹⁴ *Documents diplomatiques français (3 septembre — 31 décembre 1939)*. Ed. Kaspi, A. Grynberg, C. Mouradian, C. Nicault. Bruxelles — Bern — Berlin — Frankfurt/M. — New York — Oxford — Wien, 2002. Doc. 174.

¹⁵ Jacobson M. *The Diplomacy of the Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939—1940*. Cambridge/Mass., 1969.

¹⁶ На эту тему см.: Sword K. *British Reactions to the Soviet Occupation of Eastern Poland in September 1939 // Slavonic and East-European Review*. Vol 59. No 1. 1991. P. 81—101; Duroselle J-B. *L'Abîme. Politique française 1939—1944*. Paris, 1986; Batowski H. *17 September 1939. Before and After. The Road to War. //East European Quaterly*. Vol. XXII. No 4. 1993. P. 522—534, а также Dębski S. *Op. cit.* S. 89—124.

¹⁷ Scott E.V. *Alliance against Hitler. The Origins of the Franco-Soviet Pact*. Durham, N.C., 1962.

¹⁸ *Documents diplomatiques français (3 septembre — 31 décembre 1939)*, т. 359. К этому вопросу: Batowski H. *Proposal for a Second Front in the Balkans in September 1939 // Balkan Studies*. Thessaloniki. No 9. 1968. S. 335—344.

¹⁹ *Documents diplomatiques français (3 septembre — 31 décembre 1939)*. D. 337.

²⁰ *Ibid.* D. 409.

²¹ *Public Record Office, Foreign Office, General Correspondence*. N. 1168/96/38.

²² Меморандум Форин Оффис от 27 января 1940. Public Record Office, Foreign Office, General Correspondence, N. 1166/96/38.

²³ Documents diplomatiques français (3 septembre — 31 décembre 1939). D. 273.

²⁴ Ibid. D. 122.

²⁵ О планах использования армии Вейгана в Сирии писал поверенный в делах Италии в Анкаре А. Бельо итальянскому министру Чиано 22 января 1940 г.: Archivio Storico Diplomatico (Рим), Turchia 1940—1941. Busta 30.

²⁶ Французские дипломаты часто употребляли определение «l'alliance germano-russe» (германо-русский союз). Отчет посла Р. Массигли для премьер-министра Даладье, 24 февраля 1940, Archives du Ministère des Affaires Etrangères — Париж (АМАЕ), Papiers d'agents. Collection Massigli. Vol. 25; Documents diplomatiques français (1 janvier — 10 juillet 1940), Bruxelles — Bern — Berlin — Frankfurt/M. — New York — Oxford — Wien, 2004, D. 169, S. 358: „le gouvernement français est prêt, si le gouvernement anglais le juge nécessaire pour entreprise d'une action militaire au Caucase à examiner un immédiatement avec le Cabinet de Londres la meilleure justification à invoquer pour mettre fin à nos relations avec un gouvernement dont nous condamnent les dernières spoliations et denonçons la collusion, chaque jour plus affirmée, avec le gouvernement allemand» (Ministère des Affaires étrangères» (Note résumé à l'ambassadeur d'Angleterre le 25 Mars 1940).

²⁷ Bédarida F. La stratégie secrète de la drôle de guerre. Le Conseil Suprême Interallié, septembre 1939 — avril 1940. Paris, 1979.

²⁸ Girault R. Op. cit. S. 264.

²⁹ Langer W.L. Our Vichy Gamble. New York, 1947. P. 3.

³⁰ Временный поверенный Франции в Москве Ж. Пайяр к П. Рейно, 25 апреля 1940 г. АМАЕ. Papiers Naggiars — 199. Vol. 10.

³¹ Batowski H. Rok 1940... S. 46.

³² Dębski S. Między Berlinem a Moskwą?. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939—1941. Warszawa, 2003. S. 168.

³³ Massigli R. Turquie devant la guerre. Mission à Ankara 1939—1940. Paris, 1964.

³⁴ Reynaud P. La France a sauvé de l'Europe. Paris, 1947.

У истоков антигитлеровской коалиции

С началом международного политического кризиса, который последовал за заключением Мюнхенского соглашения между Германией, Италией, Великобританией и Францией, вторжением немецких войск в Чехословакию, а затем нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику еще более отчетливо проявились два основных конкурирующих вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами.

Рассмотрим подробнее вектор коалиционной политики.

Довольно распространенная точка зрения, что после заключения советско-германских договоров о ненападении (23 августа 1939 г.) и о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.) советско-английские и советско-американские отношения оставались вплоть до нападения Германии на СССР (22 июня 1941 г.) однозначно негативными, требует существенной корректировки.

Для более объективной характеристики этих отношений и двусторонних переговоров, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их¹, приведем такие примеры.

6 октября 1939 г., вслед за заключением советско-германского договора о дружбе и границе, У. Черчилль пригласил советского посла И. Майского и в ответ на его вопрос: «Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?» — сказал: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за

войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм». Далее, по свидетельству Майского, он разъяснил позицию британского правительства в создавшейся новой обстановке: «1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в нашу [советскую], а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании».

21 февраля 1940 г. В. Молотов направил указание И. Майскому следующим образом разъяснить Р. Батлеру политику СССР в отношении Германии: «1) Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией; 2) хозяйственный договор с Германией есть всего лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн. марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже которого, как известно, отказывали нам как в Англии, так и во Франции; 3) как был СССР нейтральным, так он и останется нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы замирить Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики»².

После поражения Франции настроения британского общества стали заметно меняться в пользу СССР как потенциального союзника. И. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 г.: «Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса «в эту великую страну и пожелать ему успеха в

его работе». Со всех сторон (не только от лейбористской, но и с консервативной) раздались шумные одобрения, и все обернулось лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся с скамьи правительства, и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовали ряд других министров, сидевших рядом»³.

24 февраля 1941 г. в ответ на инициативу А. Идена приехать в Москву для встречи с И. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский сообщил британскому послу в Москве С. Криппсу, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов»⁴. Негативная тенденция в англо-советских отношениях (крайнего обострения они достигли в результате вступления СССР в войну против Финляндии) получила новый импульс в связи с прилетом в Англию 10 мая 1941 г. заместителя Гитлера по НСДАП Р. Гесса и советскими подозрениями об англо-германском сговоре. Однако, как свидетельствуют доступные исследователям британские документы, связанные с миссией Гесса (часть их еще остается закрытой), советские подозрения на этот раз не подтвердились. Правительства Великобритании и США все более склонялись к поддержке СССР в надвигавшейся войне против Германии. В день нападения нацистской Германии на СССР У. Черчилль первым из глав иностранных государств заявил о поддержке СССР в борьбе с гитлеровской агрессией. В речи по Би-Би-Си вечером 22 июня 1941 года, к которой он готовился весь день, Черчилль от имени британского правительства обещал оказать «России и русскому народу всю помощь, которую только сможем». Премьер-министр не оставил сомнений в том, что он и впредь будет последовательным противником коммунизма, но обосновал поворот в сторону оказания помощи СССР тем, что «опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам».

26 июня И. Майский сообщил в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США... Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможностей англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займет благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой такая позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом...»⁵.

Советско-американские отношения со времени начала Второй мировой войны также претерпели большие изменения. Этот процесс, как и в отношениях с Великобританией, получил импульс вскоре после заключения советско-германских соглашений и начала Второй мировой войны, но с тем различием, что инициатива принадлежала советскому руководству. Точкой отсчета можно считать письмо И. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К. Уманским через государственного секретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что «общими усилиями может быть восстановлен мир»⁶. Война СССР против Финляндии резко обострила советско-американские отношения. США объявили «моральное эмбарго» — фактический запрет на торговлю с СССР, оказывали некоторую экономическую и военную помощь Финляндии, активно поддерживали ее в международных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно враждебными.

В дипломатическом дневнике В. Молотова содержится следующая запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом, состоявшаяся 1 февраля 1940 г. Задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского конфликта, американский посол заметил: «После революции Рузвельт — единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел». В ответ на вопрос Штейнгардта об угрозе независимости Финляндии Молотов сказал, что советское руководство не опасалось нападения самой Финляндии, но «при развертывании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны». Он подчеркнул, что «в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий»⁷.

Заключение мира с Финляндией 12 марта 1940 г., поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на европейском континенте в пользу Германии, обострение американо-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях.

В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, а по существу переговоры между США и СССР, которые с американской сто-

роны вел, преимущественно, заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны — К. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В. Молотов и Л. Штейнгардт. 6 августа была достигнута договоренность о продлении американо-советского торгового соглашения. Экспорт в СССР за 1940 г. увеличился на 54%. США заняли в общем балансе экспортных торговых сделок СССР второе место после Германии. В то же время импорт сократился на 17%. Сальдо в пользу США в 1940 г. возросло до 62 млн. долл. против 31,6 млн. долл. в 1939 г.⁸ 25 сентября 1940 г. Молотов дал указание Уманскому сообщить министру финансов США Г. Моргентаву о согласии советского правительства осуществить поставки в Соединенные Штаты марганца, хрома, асбеста и платины⁹.

Главным камнем преткновения стала прибалтийская проблема, советское решение которой было неприемлемо для США. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. «Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов пальто, — заявил на одной из встреч с советскими представителями Штейнгардт, — то он ручается, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день»¹⁰. Моргентаву информировал Уманского о том, что «весь вопрос о военных заказах находится в руках Госдепартамента, к которому и надо адресовать требования»¹¹.

Л. Штейнгардт, убеждая советское руководство, что СССР своими действиями в Польше, Бессарабии и Прибалтике подорвала благожелательное к себе отношение американцев, в то же время подчеркивал, что после падения Франции произошла «коренная перемена во взглядах США на события в мире в сторону реализма, и сложившаяся обстановка благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений». Штейнгардт указал, что США «положительно решили вопросы о вывозе 70% закупленного оборудования, фрахте американских судов для этой цели, высокооктановом бензине, продаже вагонных осей и ожидают, что СССР сделает что-либо для дальнейшего улучшения взаимоотношений»¹².

СССР принял к сведению мнение правительства США о том, что Тройственное соглашение, заключенное между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., усиливает опасность для стран, не участвовавших в войне, и что американское правительство надеется, что страны, не входящие в Тройствен-

ный союз, воздержаться от вступления в какое-либо соглашение с любым из участников Тройственного пакта¹³. Учитывая предстоявшие в начале ноября президентские выборы (Ф. Рузвельт был переизбран на третий срок), советское руководство отказалось от настойчивых требований немецкой стороны опубликовать официальное сообщение о намеченном визите Молотова в Берлин (11—13 ноября 1940 г.) до этих выборов и приняло неординарное по тем временам решение — сообщило в Вашингтон о своем согласии на открытие 15 декабря консульства США во Владивостоке, переговоры о котором велись по инициативе США уже длительное время. В условиях обострившихся американо-японских отношений это был рискованный для СССР шаг в правильном направлении. «Важно отметить, — писал 5 декабря 1940 г. американскому послу в Японии госсекретарь США, — что почти одновременно с визитом (Молотова в Берлин. — *О.Р.*) советское правительство начало действовать более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов, касающихся отношений между американским и советским правительством»¹⁴.

В наступившем 1941 г. советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить «моральное эмбарго», а затем, 21 января, Уэллес в беседе с Уманским (это была их 15-я встреча) сделал важное заявление: «Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь»¹⁵. Такого рода заверения повторялись потом неоднократно. Был достигнут желательный для американской стороны компромисс в вопросе советско-германских торговых отношений. Позиция США, изложенная Штейнгардтом в беседе с заместителем наркома иностранных дел С. Лозовским, была следующей: «США помогают Англии, СССР помогает Германии, но США и СССР являются нейтральными державами, между ними нет никаких противоречий, которые толкали бы их к конфликту. Наоборот, имеются все возможности для дружеских отношений»¹⁶. Но в Госдепартаменте считали необходимым, чтобы СССР дал публичное заверение, что продукция, закупленная в США, не поступит в Германию. 24 февраля 1941 г. Уэллес на очередной встрече с Уманским заявил: «Не считает ли Советское правительство, что в интересах развития советско-американской торговли и с целью произвести благоприятный психологический эффект в США было бы целесообразно, чтобы Советское правительство в той или иной форме офи-

циально заявило, что товары, закупленные СССР в США, предназначались исключительно для нужд СССР»¹⁷.

1 марта 1941 г. Госдепартамент США выпустил пресс-релиз, в котором говорилось: «В ходе продолжавшихся переговоров с заместителем государственного секретаря США Самнером Уэллесом советский посол Константин А. Уманский сделал сегодня по поручению своего правительства заявление, что товары, которые закупались и закупаются в Соединенных Штатах Союзом Советских Социалистических Республик, включая нефтепродукты и индустриальное оборудование всех категорий, предназначаются исключительно для удовлетворения внутренних потребностей Союзом Советских Социалистических Республик»¹⁸. И хотя такие дипломатические конфликты продолжались, их время подходило к концу. В тот же день Уэллес сделал Уманскому заявление, которому американское правительство придавало характер исключительной важности. Он сообщил, что «по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства, в аутентичности которых у американского правительства нет ни малейших сомнений, германские военные планы заключаются в том, чтобы *после достижения победы над Англией* (выделено мною. — О.Р.), несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР, причем планы этого нападения разработаны германским командованием во всех деталях»¹⁹. Это сообщение было немедленно отправлено Уманским в Москву. По существу оно являлось дезориентирующим: Германия завершала подготовку к внезапному нападению на СССР.

История с конфиденциальными сведениями, которыми располагал Уэллес, на этом не закончилась. В тот же день, 1 марта, они были направлены Госдепартаментом послу США в Москве с указанием срочно в устном порядке сообщить их Молотову. Причем этот текст заметно отличался от заявления Уманскому: вместо слов «после победы над Англией» значилось «*в недалеком будущем*»²⁰ (выделено мною. — О.Р.). Штейнгардт выразил Хэллу свое сомнение в целесообразности передачи данных сведений Советскому правительству, в частности на том основании, что это ускорит заключение политического соглашения СССР и Японии. Но Хэлл 4 марта ответил Штейнгарду, что эти сведения уже были сообщены 1 марта Уманскому²¹.

В Москве действительно ожидался приезд министра иностранных дел Японии И. Мацуоки, и 13 апреля 1941 г. был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Вскоре после этого

Штейнгардт дипломатично заявил Лозовскому: «По мнению Соединенных Штатов, японцы не имеют намерения проводить агрессию в южном направлении, и сам Мацуока заявил категорически об этом. Это было бы сумасшествием... Он, Штейнгардт, также не считает, что пакт о нейтралитете между СССР и Японией направлен против Соединенных Штатов. В действительности этот пакт является еще одним актом к сохранению мира на Тихом океане»²². В США понимали, что СССР остается мощной силой, противодействующей Японии на Дальнем Востоке, и учитывали это в своей политике.

Позитивные результаты в ходе советско-американских переговоров этого периода достигались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, и отношения во многом оставались натянутыми. Но тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии как против СССР, так и против США, тем не менее прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Ф. Рузвельту. Можно вполне согласиться с той оценкой позиции Рузвельта в отношении СССР, которая дана известным американским историком У. Кимболлом. «Он уже давно склонялся к мнению, что политика Советского Союза носит скорее не коммунистический, а националистический характер, более прагматична, нежели идеологизирована. Вследствие этого он отклонял аргументы Буллита и прислушивался к мнению Джозефа Дэвиса, который сменил Буллита на посту посла в Москве. Нацистско-советский пакт и советское нападение на Финляндию, вызвавшие возмущение президента, были интерпретированы Белым домом как следствие скорее советских опасений германской агрессии, нежели коммунистической экспансии»²³.

Надо сказать, что немалый вклад в развитие позитивной тенденции в отношениях с СССР связан в этот период с деятельностью Л. Штейнгардта. Он видел причины многих просчетов английской дипломатии и предостерегал Соединенные Штаты от их повторения. Его оценки международного положения и политики СССР, несмотря на неприятие советского режима, помогали Рузвельту объективнее разобраться в обстановке. «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии, — писал Штейнгардт 2 октября 1940 г. в Вашингтон, — заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения

такого конфликта». И далее: «Если говорить о советской политике, как я ее понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны, и, конечно, чем дальше удастся предотвратить нападение Германии и Японии, вовлеченных где бы то ни было в большие войны, тем успешнее будет собственное сопротивление»²⁴.

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии. Однако последней не хватало гибкости. Уманский и Уэллес не нашли «общего языка», не доверяли друг другу, что осложняло обстановку на переговорах. Уманский сообщал в Москву, что, по его мнению, Уэллес «тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти»²⁵. О «тупом упорстве» Уэллеса говорил Штейнгардт на одной из бесед с советскими дипломатами²⁶. Но все это имело второстепенное значение. Главное — ко времени нападения Германии на СССР Черчилль и Рузвельт пришли к общему выводу о том, что они выступают в поддержку СССР в борьбе против нацистской агрессии, хотя какие формы примет эта поддержка, было далеко не ясно.

24 июня 1941 г. вслед за обещанием Черчилля оказать СССР необходимую помощь об этом заявил на пресс-конференции и Ф. Рузвельт: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую мы сможем»²⁷. Реакция в США на нападение Германии на Советский Союз была неоднозначной, более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке социалистической России в борьбе против нацистской агрессии. Г. Трумэн, в то время сенатор от штата Миссури, за день до выступления Рузвельта призвал правительство следовать иному политическому курсу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»²⁸.

Однако государственные лидеры США отклонили позицию этой части истеблишмента. Их аргументы были реалистичны и убедительны — поражение СССР означает не только прямую угрозу мировым позициям США, но и самой независимости страны.

3 июля 1941 г. И. Сталин, со своей стороны, заявил об уверенности в том, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы»²⁹. Таким образом, путь к созданию военно-политического союза трех держав был открыт.

Примечания

¹ В Лондоне переговоры в основном велись между И. Майским и парламентским заместителем министра иностранных дел Р. Батлером, в них также участвовали Э. Галифакс, позднее Э. Иден, а в Москве — С. Криппс.

² АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2238. Л. 44—53.

³ Там же. Д. 13. Л. 4

⁴ Там же. П. 353. Д. 2409. Л. 54. См. также: *Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow. 1940—1942. Cambridge, 1984.*

⁵ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 27—31. Такие шифротелеграммы в 1941 г. рассылались лично по следующим адресатам: Сталину (2 экз.), Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Деканозову и Лозовскому. В 1943 г. — Сталину (2 экз.), Молотову, Микояну, Кагановичу, Берия, Жданову, Вышинскому, Деканозову, Лозовскому и Корнейчуку.

⁶ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 249—250. Полный текст послания не известен. По всей видимости, оно было оставлено без ответа, так как вскоре началась советско-финская война.

Направляя это послание, Сталин, без сомнения, имел в виду беседу Рузвельта с Уманским 30 июня, которая свидетельствовала о понимании президентом США нарастающей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, его стремлении объединить усилия неагрессивных стран, включая СССР, для борьбы с агрессорами. Уманский, в частности, сообщал Молотову: «Заявление, подробности которого доложу лично, в основном следующее: положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями. Дальнейшая безнаказанная агрессия грозит экономическим, затем политическим закабалением всей нефашистской Европы. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США. Он (президент США. — О.Р.) делает все в пределах возможного при данном составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам агрессии. Он понимает причины нашего недоверия к нынешним правительствам Англии и Франции, сам не верит французам, особенно Бонне, но на основании сказанного ему в интимной беседе английским королем считает, что пути к дальнейшему «умиротворению» для Англии отрезаны. Шансы на то, что Польша будет драться за Данциг, по мнению Рузвельта, «два к одному» в пользу сопротивления. У англо-фран-

цузов не может быть никаких сомнений в заинтересованности его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров...

События на границе МНР, величайший воздушный бой в истории. Он не верит японским версиям, высоко оценивает нашу обороноспособность. Он просит передать Сталину и Молотову, что на днях получил конфиденциальное письмо от весьма авторитетного японского деятеля, который четыре года назад был членом японского кабинета. Этот деятель предложил ему схему японо-американского сотрудничества «по эксплуатации богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала». «Фантастично, но характерно для планов некоторых японских активистов, которые несмотря на истощение Японии не оставили мыслей об авантюрах в Вашем направлении». Он придает большое значение советско-американским отношениям в нынешней обстановке, считая, что для их развития следовало бы: «Во-первых, снять раз и навсегда вопрос о долгах, во-вторых, давать доказательства американскому общественному мнению, что СССР идет по пути демократизации и тем духовно приближается к США...»

Рузвельт очень хвалил наш павильон в Нью-Йорке, о котором ему «рассказывают чудеса». Просил передать привет Вам, Сталину и Калинину» (Министерство иностранных дел Российской Федерации. Документы внешней политики. Т. XXII, кн. 1. 1 января – 31 августа 1939 г. М., 1992. С. 524–525).

⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 24. Д. 295. Л. 2–6. В ходе этой беседы Молотовым впервые было названо имя Ю. Паасикиви как приемлемого для СССР нового премьер-министра Финляндии, что в свою очередь означало готовность отказаться от поддержки сформированного в Москве «правительства» О. Куусинена, не получившего поддержки финской общественности. Это может свидетельствовать о том, что советское руководство рассматривало США как реального и обладающего необходимым влиянием посредника для подготовки переговоров о прекращении войны.

⁸ Севостьянов П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 – июнь 1941 г. М., 1981. С. 180.

⁹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2202. Л. 52.

¹⁰ Там же. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 36. Л. 44.

¹¹ Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 328.

¹² Там же. П. 320. Д. 2202. Л. 56–57.

¹³ Там же. Д. 2202. Л. 84–87.

¹⁴ FRUS, 1940. Wash., 1959. Vol. I. P. 678.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 86–87.

¹⁶ Там же. П. 320. Д. 2260. Л. 149.

¹⁷ Там же. П. 345. Д. 2361. Л. 215.

¹⁸ FRUS, 1941. Vol. I. P. 713.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 343. Д. 2361. Л. 243–247.

²⁰ FRUS, 1941. Vol. I. P. 712. Американская запись беседы Уэллеса с Уманским не найдена, и последнее слово в этом запутанном деле остается за историками США.

²¹ Ibid. P. 714.

²² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 36. Л. 47—48.

²³ Kimball W. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton (New Jersey), 1991. P. 30—31.

²⁴ FRUS, 1940. Vol. I. P. 616—617.

²⁵ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 361. Г. Икес — министр внутренних дел США.

²⁶ Там же. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 35. Л. 173. В свою очередь К. Хэлл крайне отрицательно относился к Уманскому и считал, что он «нанес большой ущерб российско-американским отношениям» (The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. I. P. 743.).

²⁷ New York Times. 1941. 25 June. P. 7.

²⁸ Ibid. 1941. 24 June. L. P. 7.

²⁹ Сталин И. О Великой Отечественной войне. М., 1947. С. 16.

Шведская политика безопасности и пакт Молотова-Риббентропа

1. Для начала позвольте мне задать четыре крайне простых вопроса, касающихся первых месяцев действия пакта.

Первый вопрос: знали ли руководящие круги Швеции о соглашении между Москвой и Берлином? Ответ — нет, даже после того как Литвинов был уволен в начале мая 1939 г. Он и мадам Коллонтай, советский посланник в Стокгольме после 1930 г., просто-напросто более чем успешно выдавали шведскому политическому истеблишменту советскую политику за антифашистскую и антиимпериалистическую, и потребовалось несколько месяцев после отставки Литвинова, чтобы шведы осознали скрытый смысл случившегося.

По сути дела, единственным видным политическим деятелем в Финляндии и Швеции, о котором мы знаем, что он предвидел такое соглашение, был финский маршал Маннергейм. Его недоверие к Гитлеру усилилось после нацистской оккупации и аннексии чешских земель в марте 1939 г. В письме сестре, жившей в Стокгольме, он писал (19 марта), что теперь ясно, что Гитлер намеревается «превратить народы Европы в белых негров на службе у Третьего рейха»¹. В отношении Сталина он, конечно, питал некоторые иллюзии. 8 июля 1939 г. он проинформировал шведское Министерство иностранных дел о том, что, по его мнению, следует ожидать советско-немецкого сближения. Однако нет никаких указаний на то, что этот прогноз получил какой-либо отклик в министерстве.

Второй вопрос: знало или по меньшей мере подозревало ли шведское руководство после известия о пакте в конце августа 1939 г., какие договоренности могли быть заключены неофици-

ально, возможно, в форме секретного протокола? Хочется верить, что да. По крайней мере для британцев и французов советские требования, появившиеся в ходе их переговоров летом 1939 г., не представляли секрета, так почему Сталин не потребовал бы того же в соглашении с Гитлером? Но шведское руководство было в большинстве своем оптимистично, если не сказать наивно в своих оценках советской политики. Возможно, шведское руководство считало, что самым главным для Сталина было избежать вовлечения в надвигающуюся войну, а эту цель нельзя было достичь без соглашения с Гитлером. Оно также считало немыслимым, чтобы Сталин вместе с Гитлером принял участие в разделе суверенных государств.

Как бы то ни было, современные источники не содержат каких-либо указаний на внутреннюю дискуссию по этим вопросам в шведском руководстве².

Все, что нам известно, — это то, что один чиновник, занимавший невысокое положение в кабинете премьер-министра Пер Альбина Ханссона, предостерегал своих друзей о возможной параллели с Тильзитским договором 1807 г. между Наполеоном и Александром, который привел к нападению России на Швецию и завоеванию ее финских провинций в войне 1808—1809 гг.³ Но господствующей оставалась прямо противоположная точка зрения: вера в то, что угроза большой войны между Германией и Россией в Балтике теперь устранена⁴.

Третий вопрос: когда скрытое значение пакта постепенно стало проявляться в сентябре и октябре, в свете советских действий в отношении Польши, стран Балтии и Финляндии, что думало тогда шведское руководство о возможном советско-германском соглашении в той части, в какой это касалось самой Швеции?

Кое-кто в шведских военных кругах опасался что Швеция попала в зону советского влияния, если судить по письму германского военного атташе в Стокгольме Бруно фон Утмана его начальнику в берлинском ОКХ⁵ генералу фон Типпелскирху. Фон Утман, который докладывал о росте антигерманских настроений среди его знакомых в Стокгольме, спрашивал, не следует ли Берлину заявить предельно ясно, что сфера интересов, закрепленная за Советским Союзом, не распространяется далее реки Торне, т.е. западной границы Финляндии⁶.

Как бы ни было, преобладающая часть шведского руководства была прекрасно осведомлена о том значении, которое имел для Германии импорт железной руды из Швеции, и не испыты-

вала сильных опасений, что Берлин когда-либо допустит включения Швеции в советскую зону интересов. Что же можно сказать о вытекающем из этого умозаключении: не могла ли Швеция быть включена в германскую сферу интересов?

После нападения СССР на Финляндию в конце ноября 1939 г. и довольно-таки недружественного отношения Берлина в тот период председатель консервативной партии отметил в своем дневнике, что он задал вопрос премьер-министру Ханссону о «распространившихся слухах» о том, что предполагаемое разделение сфер влияния между Берлином и Москвой распространяется и на всю Скандинавию. Ханссон отвечал, что ему неизвестен ни один факт, который подтверждал бы подобные слухи⁷. Другой видный политик-консерватор доктор Ивар Андерсон выразил опасение, что мир теперь станет свидетелем того, как Скандинавия будет разделена подобно Польше, но только в обратном порядке, т.е. на этот раз раздел начнется с советской оккупации Финляндии, после чего последует немецкая оккупация Швеции⁸.

Однако, похоже, что такие опасения испытывало меньшинство. Большинство шведских лидеров, вероятно, полагали, что германская атака на Швецию маловероятна по той причине, что если бы она случилась, у шведов по крайней мере оставалась бы возможность подчистую уничтожить основные железорудные шахты в районе Кируна-Елливаре на самом севере страны, и это остановило бы любые поставки руды в Германию на долгое время. На такой риск немцы вряд ли могли пойти. Следует также помнить, что зимой 1939—1940 гг. Германия еще не получила контроль над французской железной рудой в Лотарингии. К тому же большинство военных экспертов полагало, что Британия будет в состоянии предоставить помощь для защиты по крайней мере северной Скандинавии. Более того, Стокгольм никогда не слышал о каких-либо немецких намеках в отношении того, что шведам следует сжиться с мыслью, что их страна отнесена теперь к немецкой зоне влияния, ни даже о том, что такие намеки могли бы быть использованы в качестве эффективного средства давления на Швецию в попытках Берлина решить наиболее спорные вопросы.

На самом деле несколько позже советское правительство да-
ло знать Стокгольму, что, по его мнению, оно могло бы повли-
ять на отношение Берлина к Швеции. 17 апреля 1940 г. Коллон-
тай проинформировала министра иностранных дел Кристиана
Гюнтера о письме, переданном Молотовым графу фон дер Шу-

ленбургу несколькими месяцами ранее: СССР был заинтересован в уважении шведского нейтралитета на период немецких военных действий в Норвегии. Согласно Коллонтай, Берлин дал положительный ответ⁹. Коллонтай ничего не сообщила о немецких жалобах на советское вмешательство в их сферу интересов в этом контексте, и, как нам теперь известно, подобные жалобы и вправду не были высказаны.

Четвертый вопрос — как шведское руководство отреагировало на советские действия в отношении стран Балтии в сентябре 1939 г. Советские требования предоставить военные базы беспокоили шведских военных в той степени, в какой советские базы в Эстонии увеличили бы наступательные возможности Красной армии в войне с Финляндией, в особенности в районе Аландских островов, которые занимали стратегическое положение между Финляндией и Швецией у входа в Ботнический залив. Идея помощи со стороны Швеции самостоятельной обороне стран Балтии долгое время рассматривалась как намного превышающая наши собственные возможности. Если шведы и помышляли о расширении военной помощи странам по другую сторону Балтийского моря, то речь шла исключительно о Финляндии.

В Стокгольме не вызвало особенного удивления, что страны Балтии поддались советскому давлению точно так же, как чехословацкое правительство поддалось германскому давлению несколькими месяцами ранее, в марте 1939 г. В конце концов, если немцы требовали полного контроля и оккупации, Советский Союз просил лишь о военных базах, обещая полное уважение к внутреннему суверенитету государств Балтии. Естественно, лидерам балтийских государств не оставалось ничего иного, как уповать на искренность этих обещаний. Также, во избежание малейшего повода для недовольства со стороны Москвы, лидеры стран Балтии избегали воинственных заявлений в отношении какого-либо агрессора, которые были общеупотребительны до августа 1939 г., когда все еще существовал баланс сил в регионе. Также не вызывало особого удивления в Стокгольме то, что лидеры балтийских стран перешли на риторику безграничного доверия к Советскому Союзу. В Дании — другой небольшой, равнинной, легко оккупируемой стране, близкой к другой опасной державе, — большинство (политических) лидеров также использовало схожую вербальную тактику в отношении нацистской Германии в течение нескольких лет и в известной степени успешно.

2. Таковы были мои четыре крайне простых вопроса, которые напрашиваются сами собой. Теперь я перехожу к пятому вопросу: как шведские лидеры прореагировали на советскую атаку против Финляндии 30 ноября 1939 г.? Это намного более сложная проблема, требующая показать подноготную всего периода 1938—1939 гг.

В течение этого времени Швеция проводила политику нейтралитета, отвергнув в 1936 г. идею системы коллективной безопасности в рамках Лиги Наций. Но министр иностранных дел Рикард Сандлер, занимавший этот пост с 1932 г. в социал-демократическом кабинете Пер Альбина Ханссона, подчеркивал, что шведский нейтралитет был частью более широкого «нордического нейтралитета». Без сомнения, это была очень расплывчатая концепция. Но она подразумевала, что некоторая форма «нордической солидарности» в рамках группы четырех стран Северной Европы пришла на смену главным образом «европейской солидарности» в рамках Лиги Наций, которая потерпела крах в 1936 г. Хотя концепция четко указывала на то, что эта группа была нейтральна в отношении больших держав, она не уточняла, как далеко простирались нордические обязательства Швеции. Эта двусмысленность была необходима из-за внутривнутриполитических ограничений, а также в свете неопределенной ситуации в области безопасности в Северной Европе.

Среди «нордических» соседей Швеции Финляндия была единственной страной, которая находилась непосредственно перед угрозой нападения и была заинтересована в военном сотрудничестве с Швецией. Таким образом, с точки зрения конкретных приготовлений к координации действий в области обороны, нордическая солидарность Рикарда Сандлера была, по сути, солидарностью с одной лишь Финляндией по крайней мере в краткосрочном плане. Но Сандлер хотел подчеркнуть размах его нордических планов в принципе и, похоже, надеялся на пересмотр изоляционистской политики в области обороны со стороны Норвегии и/или Дании.

В январе 1939 г. Швеция и Финляндия достигли соглашения по плану совместной обороны Аландских островов. Эти острова, конечно, были частью Финляндии и были демилитаризованы в строгом соответствии с международным договором после 1921 г. Достаточно взглянуть на карту, чтобы удостовериться, что это было естественное начало для шведско-финского сотрудничества в области обороны. Немаловажным для обеих стран был и тот факт, что Аландские острова не подпадали под контроль

ни одной из двух крупнейших держав в балтийском регионе. Никакая другая часть шведской или финской территории не была столь значима, как Аландские острова, для безопасности обеих стран.

3. Мне следует остановиться на некоторых деталях проблемы Аландских островов, так как она включает в себя многие из аспектов шведско-финского военного сотрудничества и также потому, что на примере аландского вопроса Швеция впервые ощутила на себе последствия пакта Молотова — Риббентропа — даже еще до того, как он был подписан¹⁰.

Многие из ведущих шведских политиков, некоторые из них — коллеги Сандлера по кабинету министров, были исполнены скепсиса в отношении какой-либо инициативы, которая могла бы привести к взятию Швецией на себя обязательств по защите какого-либо из ее более уязвимых соседей или хотя бы части территории такого пограничного государства. Но даже эти коллеги были вынуждены согласиться в 1938 г., что в складывающейся кризисной ситуации было бы трудно настаивать со стороны Швеции на отказе Финляндии от каких-либо попыток изменить демилитаризованный статус Аландских островов, особенно если иметь в виду их очевидное стратегическое положение.

Хотя многим из этих скептиков было прекрасно известно, что в финских военных и политических кругах находились люди, критически относившиеся к «скандинавской ориентации» Финляндии после 1935 г. Некоторые из таких финнов утверждали, что лишь Германия была достаточно сильна и исполнена решимости для того, чтобы обеспечить реальную безопасность Финляндии. Их влияние смогло бы возрасти в случае нежелания Швеции пересмотреть вопрос о статусе Аландских островов. С другой стороны, те финские лидеры, которые были наиболее уважаемы в Швеции, — Таннер, Паасикиви, Маннергейм — поддерживали план относительно Аландского архипелага как важное доказательство для финской общественности выгод от скандинавской ориентации в вопросе обеспечения безопасности страны.

И конечно, с точки зрения собственных шведских интересов, было бы по крайней мере неблагоразумно оставить острова абсолютно беззащитными. В таком случае они стали бы привлекательной целью для немецких или советских планов по их захвату — либо с целью использования островов в своих военных целях, либо для того, чтобы воспрепятствовать такому их ис-

пользованию другой державой. Также вряд ли показалось бы разумным возложить задачу обеспечения эффективной обороны островов исключительно на финнов. Швеция всегда заявляла о том, что имеет особый интерес на островах. Более того, если, вне всяких сомнений, и для Швеции и для Финляндии в равной степени было важно не допустить их захвата ни немцами, ни русскими, то было бы по крайней мере нечестно возложить ответственность за их защиту целиком на Финляндию.

Такое отношение означало бы отказ от ответственности, которую Швеция фактически взяла на себя в 1921 г. Международное соглашение по Аландским островам предусматривало не только полную демилитаризацию островов, но также и коллективные обязательства государств, подписавших соглашение 1921 г., по их защите в рамках системы Лиги Наций в случае нападения. Если бы шведское правительство приказало своим военным прекратить разработку шведского вклада в такую оборону или вклада в какой-либо более реалистический план обороны островов, финны могли бы действовать самостоятельно.

На деле некоторые финны так и хотели бы поступить. Неуверенные, но продолжительные усилия Швеции в 1919—1921 гг. заставить Лигу Наций признать за Аландскими островами право самостоятельно решить, к какой стране они хотели бы принадлежать (т.е. присоединить их к Швеции), не были забыты. Среди многих финнов, не в последнюю очередь — военных, существовали серьезные подозрения относительно того, можно ли предоставить Швеции роль в обороне этих островов. Ю.К. Паасикиви, финский посланник в Стокгольме в 1936—1939 гг., жаловался премьер-министру Финляндии Каяндеру, что его правительство, кажется, не понимает, какие выгоды может получить Финляндия от жесткого привязывания Швеции к обороне части финской территории¹¹.

Взгляды Паасикиви разделял энергичный начальник военных операций в шведском генеральном штабе граф Карл Август Эренсверд, который играл важную закулисную роль с шведской стороны. На протяжении многих лет он доказывал, что Швеция должна быть готова к оказанию полномасштабной военной помощи Финляндии в случае, если она будет атакована СССР и Лига Наций обратится к своим членам с просьбой об оказании помощи. Для него проблема Аландских островов в 1938 г. была не чем иным, как первым шагом к достижению другим путем, нежели через дискредитировавшую себя Лигу Наций, цели обеспечения безопасности Швеции с Востока по восточной гра-

нии Финляндии. В равной степени антинацист и антисоциалист, он симпатизировал попытке Сандлера возбудить интерес шведского общества к теме «нордического нейтралитета», т.е. на практике реализовать некую солидарность на базе объединения против угроз, исходивших от двух тоталитарных режимов в балтийском регионе. Судя по всему, с финской стороны среди тех, кто смотрел на Аландский вопрос с такой более широкой перспективы, были и Маннергейм, и лидер социал-демократов Вьяйне Таннер.

Как бы то ни было, в январе 1939 г. план предусматривал, что участие шведской армии и флота в защите Аландских островов потребует от двух правительств принять решение о приведении его в действие, в случае если разразится кризис и обе страны будут сохранять нейтралитет.

Как объяснял Рикард Сандлер в парламентском комитете по внешней политике, Швеция должна сохранить возможность неучастия на случай возможности такого развития событий, при котором возникнет особая кризисная ситуация и финская политика нейтралитета станет недостаточно надежной или при которой ситуация с безопасностью в регионе Балтийского моря кардинально изменится¹².

План января 1939 г. допускал строго ограниченные меры по обороне главного из Аландских островов, в то время как самая южная оконечность архипелага была бы исключена из каких-либо военных ограничений, включая общий запрет на создание оборонительных сооружений. Таким образом, этим планом были предусмотрены три артиллерийские береговые позиции. Все эти меры требовали согласия держав, подписавших в 1921 г. соглашение о демилитаризации. Швеция и Финляндия получили британское и французское согласия в феврале 1939 г. В мае 1939 г. Германия также дала «добро», даже несмотря на то, что Берлин возмущался тем фактом, что план закрепит за Швецией очевидные привилегированные позиции на островах. Берлин сначала попытался использовать этот спорный вопрос для получения взамен шведских гарантий бесперебойной поставки железной руды в случае войны, но когда Сандлер отверг эту попытку, немцы сочли за лучшее согласиться.

Что касается Советского Союза, шведское Министерство иностранных дел еще с 1920-х гг. считало, что Москва и Стокгольм имеют общий интерес в содействии финской ориентации на Швецию и Скандинавию. Альтернатива для Финляндии — польская, французская или британская ориентация в 1920-х,

или германская в 1930-х — без сомнения, рассматривалась как гораздо худший вариант для СССР. Финские и шведские эксперты-советологи — среди них в первую очередь Паасикиви — полагали, что Москва одобрит Аландский план. Формально согласие Советского Союза, который не был приглашен на подписание соглашения в 1921 г., и не требовалось, но, разумеется, это было в высшей степени желательно, исходя из политических соображений. И в действительности, так как некоторые из положений Аландского плана требовали единогласного одобрения Совета Лиги Наций, Москва как-никак могла наложить вето. В конце мая 1939 г. СССР заявил о том, что он категорически против шведско-финского плана.

Шведское правительство тут же прервало процесс парламентского одобрения Аландского плана в ожидании разъяснений со стороны СССР. Конечно, можно привести аргумент, что советское военное руководство никогда высоко не оценивало те оборонные мероприятия в соседних государствах, которые оно было не в состоянии контролировать, а потому нет ничего удивительного, что оно сыграло решающую роль в негативной реакции Москвы. С другой стороны, в социалистическом Советском Союзе решающий голос в решении таких вопросов, по-видимому, был у политического руководства, и поэтому оно должно было увидеть преимущества для СССР от содействия финской ориентации на Швецию, нежели на Германию. Также оно должно было понимать необходимость обороны на случай немецкого нападения на острова с целью обеспечения поставок шведской железной руды из Лулео, расположенного в северной части побережья Ботнического залива. Кроме того, и для СССР, и для нацистской Германии создание впечатления того, что они имеют свои собственные расчеты в отношении Аландских островов, выходящие за рамки умеренной обороны, предусмотренной шведско-финским планом, не улучшило бы их отношений со Швецией и Финляндией и не успокоило бы другие страны.

Особенно заставляют недоумевать советские заявления о том, что финны могли позволить немцам использовать Аландские острова для установления контроля над Финским заливом. В конце концов, делая гипотетическое допущение, что кто-то из финнов мог иметь такие намерения, даже школьник при взгляде на карту мог заметить, что значительная часть финского архипелага значительно ближе, чем Аландские острова, к Финскому заливу. Если бы финны изъявили желание, они могли бы сделать намного более значительные военные приготовления в

интересах Германии, нежели те меры, которые предполагал Аландский план. Соответственно под этим фиговым листком должно скрываться что-то иное.

Нам известно, что Литвинов предложил Сталину в апреле 1939 г. дать согласие СССР в отношении Аландского плана, но его сняли с должности в начале мая¹³. Также, как нам теперь известно, Москва играла по-крупному. В случае сделки с Гитлером Сталин хотел заручиться его согласием включить всю Финляндию в сферу советских интересов. В этом случае любая военная роль Швеции на финской территории, даже будь то только Аландские острова, была бы только во вред СССР.

4. Когда Молотов пригласил финских переговорщиков в Москву 5 октября, финны запросили Стокгольм о военном сотрудничестве на Аландских островах и, неформально, также о военной поддержке Финляндии для отпора советским требованиям о предоставлении военной базы на входе в Финский залив. Министр иностранных дел Сандлер выступал за то, чтобы дать согласие в отношении Аландских островов, но победила точка зрения премьер-министра и большинства кабинета. Они полагали, что Аландский план разрабатывался для того, чтобы предвосхитить возможные немецкие и советские намерения в отношении островов. Однако теперь переброска шведских войск в Финляндию была бы интерпретирована исключительно как шведская поддержка Финляндии против вероятных планов СССР и также, возможно, как знак шведской военной солидарности с Финляндией в целом — своего рода вызов Москве, к которому правительство было не готово, тем более в условиях, когда оно не могло рассчитывать на поддержку других великих держав¹⁴.

В вопросе о требовании советской стороны передать Ханко или аналогичный пункт на входе в Финский залив для обоснования там военной базы один из финских участников переговоров в Москве, министр финансов Вейнё Таннер, проявил личную инициативу. Он написал частное письмо своему шведскому коллеге на посту лидера социал-демократической партии, премьер-министру Ханссону, в котором заметил, что в случае удовлетворения этого требования изменится международное положение Финляндии, что затронет шведские интересы. Ханссон ответил, что это так, но что Швеция сейчас не в состоянии предвидеть последствия, о которых спрашивал Таннер.

Несмотря на это, после нападения СССР 30 ноября никакой декларации о нейтралитете не последовало. Значит, не вмешиваясь в оборону Финляндии, Швеция не рассматривала себя в

качестве страны, связанной ограничениями международного права, предусмотренными для нейтральной державы в отношении помощи одной из воюющих сторон. Значительная часть шведских запасов современного военного оборудования была переправлена в Финляндию, а весомые финансовые кредиты были расширены еще больше — меры, категорически запрещенные нейтральной державе по международному праву. Швеция официально не провозгласила себя «невоюющей», но предпочла сохранить неопределенный статус; лишь в выступлении в январе 1941 г. министр иностранных дел Гюнтер публично заявил, что Швеция, разумеется, была «невоюющей державой». Тем самым кое-что из «нордического нейтралитета» Рикарда Сандлера было сохранено, несмотря на то, что он сам подал в отставку с поста министра иностранных дел, как только 13 декабря 1939 г. было сформировано правительство национального единства, включающее представителей ведущих партий страны.

Советское правительство было прекрасно осведомлено о размерах шведской помощи, но не желало выводить конфликт за рамки Финляндии. По сути дела, Советский Союз продемонстрировал то, что может быть расценено как своего рода уважение к тому такту, который был проявлен шведами в Аландском вопросе, когда они воздержались от каких-либо попыток оккупировать острова. В середине февраля 1940 г. Молотов даже намекнул шведскому посланнику в Москве, что он хотел бы знать, какие особые интересы может иметь Швеция в отношении Аландских островов — очевидный дипломатический прием, направленный на то, чтобы вбить клин между Швецией и Финляндией, впрочем, вероятно, сделанный не на пустом месте. В дальнейшем, после того как Красная Армия стала еженедельно нести тяжелые потери от финских войск, в конце января 1940 г. советская сторона прибегла к использованию шведского Министерства иностранных дел в качестве канала связи для информирования Хельсинки о том, что образованное ею «народное правительство» Куусинена не будет помехой в переговорах с законным правительством относительно окончания войны.

Сталин, вероятно, боялся, что французские и британские планы интервенции путем захвата месторождений руды в северной Швеции «в их стремлении помочь Финляндии» спровоцируют немецкую оккупацию Швеции, что было не в его интересах. Судя по всему, он также верил в донесения своих французских агентов о различных французских планах атаковать Баку и другие чувствительные районы на территории Советского Сою-

за¹⁵. Так или иначе, но в своей политике он держался линии на заключение соглашения с финским правительством даже тогда, когда наступление советских войск стало демонстрировать успехи в последние недели войны. После подписания советско-финского мирного договора 13 марта 1940 г. шведы с удовлетворением отметили, что, по их мнению, Финляндия осталась буфером, хотя и в некоторой степени ослабленным, продемонстрировав поразительные решимость и способность отстаивать свою независимость.

5. Теперь мы подходим к тому времени, когда последствия пакта Молотова — Риббентропа отошли для Стокгольма на задний план, и все внимание оказалось приковано к прямой угрозе со стороны Германии. После нападения Германии на Данию и Норвегию 9 апреля британцы выступили в защиту Норвегии, превратив тем самым войну в этой стране в часть войны между Германией и западными союзниками. Швеция подтвердила свой нейтралитет и не оказала какой-либо поддержки Норвегии.

Швеция предпочла прибегнуть к правилам нейтралитета, запретив транзит войск через свою территорию для обеих воюющих сторон — прием, который, конечно, на практике был на руку норвежцам. Это обозлило немцев, но было естественным шагом с точки зрения шведского интереса не допустить немецкого окружения Швеции. Впрочем, Германии были сделаны некоторые небольшие, имевшие важное символическое значение уступки еще до того, как война в Норвегии обернулась однозначно в пользу немцев. Бои прекратились 8 июня, а 18 июня шведское правительство решило, что транзитные ограничения пора прекратить и что поездкам с отправляющимися в увольнение немецкими солдатами будет позволено пересечь территорию Швеции по пути из Норвегии и обратно.

Германская военная машина продемонстрировала свою ужасающую эффективность с первых же дней войны в Норвегии. И когда пала Франция, стало очевидно, что никакой баланс сил не будет восстановлен в Европе в ближайшей перспективе. Окруженной Швеции была необходима политика приспособления к Германии, и «строгий нейтралитет» был публично отвергнут. Конечно, шведы постарались сделать все, чтобы свести приспособление к минимуму. По большому счету, они добились успеха, если принять во внимание их ограниченную свободу маневра и отсутствие какой-либо перспективы получить весомую военную поддержку со стороны какого-либо союзника на случай, если немцы прибегнут к выборочным бомбардировкам или полно-

масштабному нападению с целью получить от Швеции новые уступки. В частности, не допускалось размещение немецких военных баз и объектов, и никто из последовательных противников нацизма в составе кабинета Ханссона не был отправлен в отставку, даже когда немцы указали на то, как их советский партнер заставил Вайнё Таннера выйти из состава финского правительства в августе 1940 г.

6. В середине июня 1940 г. Стокгольм вновь обратил внимание на последствия пакта Молотова — Риббентропа. Хотя советская оккупация и аннексия государств Балтии не спровоцировали какой-либо шведской реакции. «Русские забирают Эстонию и Латвию, используя хорошо известные извинения волка за охоту на овцу», — холодно заметил 17 июня 1940 г. в своем дневнике шведский министр юстиции. Швеция даже передала Москве ту часть золотого запаса Эстонии и Литвы, которое было передано на хранение в Банк Швеции еще до войны¹⁶.

Совершенно очевидно, что шведы всячески старались избежать каких-либо серьезных разногласий с Москвой. После победы Гитлера на западном фронте Советский Союз был единственным возможным противовесом немецкой мощи в балтийском регионе. И хотя влияние Москвы в Берлине намного уменьшилось к июню 1940 г., шведы старались не разбрасываться своими дипломатическими активами.

На созванном 16 августа 1940 г. заседании парламента тема стран Балтии осталась практически незатронутой. Важным исключением был председатель комитета по внешней политике, профессор Эстен Унден, впоследствии шведский министр иностранных дел в 1945—1962 гг. Он расценил происходящие события как наглядный пример судьбы малых государств Европы, все еще сохраняющих свою независимость.

«Когда угрожая господствующая великая держава предъявляет по-настоящему опасные требования малому государству, иногда возникает некоторое желание внутри этой страны поверить в то, что даже самые страшные уступки лучше, чем война. Однако если эти уступки подразумевают сдачу всесильному покровителю добровольно и без сопротивления плацдарма на территории этого малого государства, это равноценно тому, как если бы он впустил в самое свое сердце троянского коня. Следующая фаза демонстрирует череду событий, в которых малое государство лишено способности даже сражаться за свою независимость. Оказывается невозможным привести в должный порядок оборону страны. Военный аппарат распадается и воля людей

оказывается парализована. Вполне может оказаться, что итог был бы тем же, если сопротивление было бы оказано с самого начала. Но, по крайней мере, нация спасла бы свою душу и будущие поколения унаследовали бы священную обязанность вернуть свободу своей стране»¹⁷.

Ссылка Ундена на «душу нации» является зеркальным отражением того, что сказал о самой Швеции другой видный деятель шведского общества утром 9 апреля. Кронпринц Густав Адольф, позже король Швеции в 1950—1973 гг., категорически возражал против исполнения немецких требований заставить шведский военный флот временно воздержаться от выхода в международные воды, принимая во внимание немецкие военные действия против Норвегии. Кронпринц утверждал, что сохранение «души нации» гораздо важнее, чем сохранение мира. Однако победила точка зрения правительства, а также его отца.

Конечно, теперь стратегическая обстановка была совсем другой: у СССР не было никакой необходимости предъявлять какие-либо схожие требования Швеции в связи с советской оккупацией балтийских стран. Но с точки зрения «моральных утверждений» профессор Унден был столь же одинок среди шведского руководства, как кронпринц несколькими месяцами ранее. Правительство воздержалось от выражения какой-либо протестной реакции в отношении того, что произошло с тремя соседними государствами. Конечно, можно возразить, что такая недоговоренность была вполне естественной в условиях, когда западные державы не были в состоянии при необходимости оказать поддержку тем малым странам в балтийском регионе, которые попытались бы противостоять «оси Берлин — Москва».

Что до Швеции, то, если говорить о ее способности оказывать влияние за пределами своей территории, она регулярно помогала Финляндии. Швеция внесла вклад в создание линии оборонительных укреплений по новой финской границе с СССР («Линия Салпа») и оказала некоторую поддержку кредитами и поставками зерна. Также летом 1940 г. в шведском руководстве несколько раз проводилось обсуждение вопроса о том, какой должна быть реакция Швеции в случае, если СССР вновь нападет на Финляндию. Однако к концу лета финско-советские отношения отчасти улучшились и финны начали ощущать определенную степень поддержки со стороны Германии.

Осенью 1940 г. обсуждались различные планы тесной координации шведско-финских действий в области безопасности, вплоть до «союза» двух государств, но все они были отброшены,

как только Москва, как и Берлин, высказала сильное недовольство. Каждый вынашивал собственные планы в отношении Финляндии, что демонстрирует история, когда Гитлер поведal Молотову на их берлинской встрече в ноябре 1940 г., что он не согласится на советскую оккупацию Финляндии. Как бы то ни было, по причине ограниченности во времени и масштабах своего исследования я не могу изложить все эти события в деталях.

В конце 1940 — в 1941 гг. Финляндия постепенно склонилась к выбору Германии в качестве своего защитника от постоянного давления со стороны СССР, в то время как Швеция просто наблюдала за появлением признаков надвигающегося краха пакта Молотова — Риббентропа. Нападение Германии на Советский Союз восстановило бы некоторый баланс сил в регионе Балтийского моря. В то же время это привело бы к куда меньшей терпимости немцев в отношении шведских призывов к нейтралитету, а они были сдерживающим фактором на пути требований германской стороны.

Если шведский нейтралитет в условиях войны Германии с Британией был хоть и нежелателен, но все же приемлем для Берлина, было совершенно очевидно, что в войне с СССР от Швеции ожидалась поддержка германо-финской стороны.

7. Когда Гитлер положил конец пакту Молотова — Риббентропа утром 22 июня, требования поддержать Германию были в действительности скромнее, чем того ожидал Стокгольм. Наиболее затруднительное из них, подразумевавшее транзит целой немецкой дивизии из Норвегии в Финляндию по шведской железной дороге, было поддержано финским правительством и не могло ухудшить положение в оккупированной Норвегии. Однако это было резким отходом от международных норм нейтралитета. После принятия решения о нейтралитете 25 июня прошло 8 месяцев, в течение которых шведское правительство не прибегало к публичному оглашению своего статуса, упоминая лишь о своей решимости избежать втягивания страны в мировую войну.

Но война Германии с Советским Союзом еще означала и значительное облегчение для Швеции. Это означало, что немецкая военная машина в течение какого-то времени будет полностью задействована на полях России. Если советское сопротивление оказалось бы более эффективным, чем полагало большинство военных экспертов, это могло бы означать ослабление угрозы нацистского доминирования в Европе. Некоторые влиятельные лица быстрее других предугадали такое развитие событий.

Еще в августе 1941 г. младший из двух братьев Валленберг, стоявших во главе ведущего банка и промышленной группы Швеции, — Маркус Валленберг, посоветовал британскому посланнику в Стокгольме попытаться задержать вступление США в войну до тех пор, пока немцы не истощат свои силы в России. Он утверждал, что это окажет существенное воздействие на германский боевой дух. До тех пор, полагал он, бомбежка немецких городов будет лучшим орудием британской пропаганды¹⁸. Два месяца спустя, в конце октября 1941 г., министр иностранных дел Понтер согласился с выводами консервативного политика доктора Ивара Андерсона, который сообщил после двухнедельного визита в Берлин, что Германия не сможет выиграть эту войну¹⁹.

Через 6 недель после этого США вступили в войну, примерно в тот момент, когда немцы начали ощущать истощение своих сил в условиях русской зимы. Стало ясно, что война будет продолжительной и Германия сможет ее проиграть. Тем не менее, даже в этом случае было очевидным, что Германия сохранит контроль над европейским континентом и Швеция останется в немецком окружении в течение существенного отрезка времени.

Многое можно добавить о последствиях пакта Молотова — Риббентропа глазами Стокгольма. Так, в частности, на ум приходит финско-советский «компромисс», достигнутый в результате финского сепаратного мира в 1944—1947 гг. и финско-советского договора 1948 г., за которыми последовали настойчивые и во многом успешные финские попытки превратить компромисс в более солидную основу для независимости Финляндии в последующие десятилетия. Я также думаю о неспособности западных союзников предотвратить реализацию пакта в странах Балтии в 1944—1945 гг. в том виде, в каком он был заключен в 1939 г. Наконец, существует история упорных попыток народов Балтии как из-за границы, так и внутри этих стран сохранить надежду на возрождение свободы и аннуляцию пакта, вплоть до того момента, когда они добились этого через сорок с лишним лет. Но эти события заслуживают отдельного доклада, и потому я заканчиваю свою историю на этом факте.

Примечания

¹ Полный текст опубликован в Jagerskiöld, S. Mannerheim: Brev från sju årtionden, Jyväskylä 1984. P. 285.

² Согласно существенно более поздним описаниям, мемуарам Нилса Исела, министра без портфеля в кабинете Ханссона, всего за несколько дней до 23 августа его коллеги осмеяли его, не поверив его словам о возможности достижения взаимопонимания между СССР и нацистской Германией. — *Minnesbilder*, Sthlm, 1973. P. 215.

³ Интервью, данное автору 14 февраля 1957 г. Гуннаром Хэгглёфом, занимавшим в 1939 г. пост главы торгового департамента Министерства иностранных дел, относительно замечаний, сделанных в его адрес Нилсом Иселом, министром без портфеля в кабинете Ханссона в августе 1939 г.

⁴ См. дневниковые записи министра юстиции К.Г. Вестмана, опубликованные В.М. Карлгреном — *Politiska anteckningar april 1917 – augusti*, Sthlm, 1987. P. 226–230.

⁵ Das Oberkommando des Heeres (ОКН) — Главное командование сухопутных войск. — *Прим. перев.*

⁶ Cronenberg, A. «Sverige i tysk planering inför Weserübung», *Kungl. vetenskapsakademiens Handlingar och Tidskrift*, 2004:1. P. 61–62.

⁷ Дневниковые записи Йюста Барге, 30 November 1939 (Riksarkivet).

⁸ Дневниковые записи профессора Нилса Херлитца, члена парламента 30 ноября 1939 г. (Riksarkivet).

⁹ Carlgren, W. *Svensk utrikespolitik 1939–1945*. Sthlm, 1972. P. 158.

¹⁰ Общий обзор по проблеме Аландских островов см. в: Wahlbäck, *Finlandsfrågan i svensk politik 1937–1940*. Sthlm, 1964, а также: Carlgren, *Varken-eller. Reflexioner kring Sveriges Ålandspolitik 1938–39*. Sthlm, 1977.

¹¹ Wahlbäck, K. *Finlandsfrågan*. P. 83.

¹² *Ibid.*, P. 87.

¹³ Carlgren, W. «Litvinov och Ålandsfrågan» // *Brobygge. En vänbok till Nilsén*, Göteborg, 1997. P. 274–275.

¹⁴ Общий обзор советско-финских отношений осенью и зимой 1939–1940 гг. см. в Wahlbäck, K. *Finlandsfrågan*, P. 171–324, и Carlgren, W. *Svensk utrikespolitik*. P. 36–131.

¹⁵ Rentola, K. «Sovjetisk etterretning og Stalins beslutning om krig og fred med Norge 1939–1940», *Motstrøms: Olav Riste og norsk internasjonal historieskrivning*. Oslo, 2003. P. 209–214.

¹⁶ Carlgren, W. *Sverige och Baltikum*. Sthlm, 1993. P. 43–45.

¹⁷ Wahlbäck, K. *The Roots of Swedish Neutrality*, Upps. 1986. P. 56.

¹⁸ Wahlbäck, K. *Wallenbergarna och Nazityskland // Historielärarnas årsskrift*, 1991. P. 14.

¹⁹ Согласно мемуарам Ивара Андерсона — Anderson, I. *Från det nära förflutna*. Sthlm, 1969. P. 69.

Страны Балтии и Соединенное Королевство в начале Второй мировой войны (1939–1941 гг.)

С началом Второй мировой войны отношения между Соединенным Королевством и странами Балтии столкнулись с рядом новых проблем. Функционирование традиционного механизма межгосударственных отношений, существовавшего в течение многих лет, было поставлено под угрозу. Балтийские страны оказались в международной изоляции. В столь непростых обстоятельствах пространство для маневра существенно сузилось. В 1938 г. вслед за скандинавскими странами Латвия, Литва и Эстония провозгласили абсолютный нейтралитет. Летом следующего года они отвергли гарантии Соединенного Королевства, Франции и СССР, а также отказались от подписания соглашений о ненападении с Германией. Единственной международной защитой, которой они располагали, была Лига Наций и Балтийская антанта. Однако взаимные противоречия между странами — членами союза были столь велики, что членство в нем не приносило никаких реальных преимуществ. Ситуацию усугубили пакт Молотова — Риббентропа и другие соглашения между СССР и Германией. В результате в начале Второй мировой войны страны Балтии оказались в сфере военного и политического влияния СССР, сохранив на некоторое время экономические и дипломатические связи с Британией и другими западными странами.

После нападения Германии на Польшу польское правительство потребовало от Соединенного Королевства оказать любую возможную помощь в соответствии с двусторонним договором от 25 августа 1939 г. 3 сентября Соединенное Королевство и Франция объявили войну Германии. Как писал британский ис-

как Джон Хайден, это указывало на то, что Британия также за стратегические интересы в балтийском регионе¹. Другой британский историк — Патрик Сэлмон констатирует прямо противоположное — осенью 1939 г. Соединенное Королевство приори-тизировало свои стратегические интересы на Балтике². Следует также добавить, что большинство латвийских исследова-телей международных отношений полагают, что польско-британ-ский договор о взаимопомощи не изменил британской страте-гии на Балтике. В начале войны Соединенное Королевство не могло брать на себя какие-либо политические или военные обязательства, касающиеся гарантий безопасности для госу-дарств Балтии. Более того, британское правительство считало, что ситуация в балтийском регионе не может оказать существенного влияния на безопасность Великобритании³.

Говоря о британской позиции в балтийском вопросе, следует подчеркнуть, что в конце 1939 г. правительство Великобритании испытывало достаточно серьезное беспокойство относительно торговли между странами Балтии и Германией. Британия была все же заинтересована в том, чтобы во время военных действий увеличивались поставки стратегических товаров в Герма-нию, а именно строевого леса, свинины, масла. Совершенно очевидно, что это усилило бы Германию в ее войне против стран Запада. Эта проблема постоянно поднималась на двусторонних переговорах Соединенного Королевства с Латвией и другими странами Балтии в 1939—1940 гг. Нет никаких оснований для утверждений о том, что Британия была всерьез обеспокоена инкорпорацией стран Балтии в СССР и их советизацией. Уинстон Черчилль даже полагал, что Советский Союз должен господствовать в восточной части Балтийского моря⁴.

После поражения Польши в конце сентября 1939 г. для стран Балтии стало совершенно очевидно, что любые иллюзии относительно возможной помощи им со стороны Британии и Франции безосновательны. Демократические страны Запада были целиком и полностью заняты войной с Германией. Их возможное выступление на стороне стран Балтии стало еще более задумчивым. В такой ситуации балтийские страны пытались проводить очень осторожную и сбалансированную политику в отношениях как с Германией, так и с СССР. Латвия и Эстония провозгласили нейтралитет, надеясь тем самым избежать вовлечения в конфликт.

2 сентября 1939 г. в прессе была опубликована латвийская декларация о нейтралитете. Ее текст был согласован с Эстони-

ции или каким-либо образом быть вовлеченным в эти события. Как бы то ни было, для британской стороны был характерен преувеличенный пессимизм в отношении перспектив дальнейшего существования балтийских государств. Это наглядно продемонстрировала британская пресса. 23 октября 1939 г. в «Дейли телеграф» была опубликована статья под заголовком «Нордический нейтралитет». В ней особо подчеркивалось, что Финляндия испытывает угрозу со стороны Москвы и готова сражаться за свою независимость. Эстония, Латвия и Литва в результате своих действий (имелось в виду размещение советских военных баз) рискуют потерять свою независимость⁸. Схожие публикации появились в британской прессе в последующие два дня. В ответ на эти статьи латвийский посланник в Лондоне Карлис Зариныш вручил Форин Оффис ноту протеста, в которой отмечал, что «... невзирая на традиционно дружественные отношения, которые существуют между двумя странами, тон британской прессы в последнее время не отличался особым дружелюбием в отношении Латвии». В своем письме Зариныш процитировал некоторые наиболее одиозные журналистские эпитеты в отношении стран Балтии. Их называли вассалами России и наскоро сколоченными республиками⁹.

Британский консул в Эстонии Вильфрид Галлиен полагал, что новый эстонский кабинет, сформированный после подписания соглашения о базах с СССР, не продержится долго у власти. В своих донесениях из Таллинна в Лондон он отмечал, что новое эстонское правительство напоминает временное правительство Керенского в России. Галлиен полагал, что вскоре его сменит правительство, полностью лояльное Москве. И это будет коммунистическое правительство¹⁰.

Осенью 1939 г. перемена в британской политике в отношении стран Балтии проявилась в более конкретных формах. Наиболее четко это можно проследить на примере решения вопроса о продаже британского оружия. Без видимой причины правительство Великобритании отказалось продать Эстонии 12 «спитфайеров»¹¹, соглашение о продаже которых было подписано в 1938 г. Британское Министерство иностранных дел объяснило такое решение кабинета появившимися к концу 1939 г. новыми обстоятельствами и новыми союзническими обязательствами¹².

Латвия, в свою очередь, не могла похвастаться лучшим к себе отношением. В ходе визита латвийского министра иностранных дел Вильгельма Мунтерса в Англию в декабре 1938 г. было

достигнуто соглашение о продаже вооружений и амуниции в Латвию. Однако осенью следующего года, когда уже разразилась Вторая мировая война, Великобритания заняла негативную позицию в этом вопросе. 30 сентября 1939 г. британское Военное министерство рекомендовало саботировать поставку заказанных военных материалов в Латвию. Даниэль Ласцеллс из Форин Оффис отмечал в письме в Военное министерство, что в сложившихся обстоятельствах отпадает в дальнейшем необходимость для Британии усиливать обороноспособность стран Балтии. Он отмечал, что в результате размещения советских военных баз в балтийских государствах было бы глупо поставлять им вооружение, которое рано или поздно попадет в руки СССР. Обосновывая новое отношение Британии к странам Балтии, Ласцеллс в то же время указывал, что следует продолжать оказывать военную помощь Финляндии, ведь она была готова бороться за свою независимость¹³.

Латвийский посланник в Лондоне Карлис Зариньш не желал мириться с таким отношением со стороны Великобритании. Он начал переписку с Форин Оффис, надеясь тем самым хоть что-то изменить. Зариньш указывал на тот факт, что деньги за вооружение были уже переведены на счета лондонских банков и что авиационный завод «Викерс—Армстронг» был готов выполнить латвийский заказ. 27 октября 1939 г. в своем очередном письме в Форин Оффис он попытался выпросить у Англии 9 пушек (75мм) «викерс», 250 пулеметов, артиллерийскую амуницию, запчасти для авиамоторов и другое необходимое военное оборудование¹⁴. Однако активность латвийского посланника не принесла никаких конкретных результатов. Великобритания не продала вооружения Латвии.

Документы в архивах британского Министерства иностранных дел объясняют причины, по которым Латвия и другие страны Балтии в сложной международной ситуации не смогли приобрести британское оружие. Так, государственные служащие из британского Военного министерства писали в ответ на запросы латвийского правительства подобные резолюции: «Латвия, вероятно, полностью будет оккупирована за несколько недель. Нам следует сделать все возможное для того, чтобы избежать выполнения этого заказа. Это будет только на руку России»¹⁵.

12 сентября 1939 г. Уинстон Черчилль предложил план под названием «Операция «Катерина»». В нем предусматривалось недопущение полного германского контроля над Балтийским морем, а также обеспечение стабильной торговли Британии со

скандинавскими странами. В плане ничего не говорилось об операциях британского флота в территориальных водах Латвии и других стран Балтии¹⁶. Черчилль планировал задействовать в «Операции «Катерина»» два или три 29-тысячетонных корабля серии «Ройял Соверен», построенных в годы Первой мировой войны, три 10-тысячетонных крейсера, а также другие корабли сопровождения. Однако британское адмиралтейство понимало, что успех операции возможен лишь в случае, если удастся добиться сотрудничества с Советским Союзом. Весьма важным фактором в реализации этого плана была также позиция Норвегии и Швеции. Без их поддержки успех британского флота на Балтике становился сомнительным. Однако, как указывалось выше, скандинавские страны провозгласили нейтралитет.

21 сентября 1939 г. руководство планом «Катерина» было доверено адмиралу Бойлу. Под его руководством началась работа по перестройке и усилению конструкции кораблей так, чтобы они не оказались легкой мишенью для немецких бомбардировщиков. Однако из-за того, что доки и так были перегружены военными заказами, подготовка к операции реально могла начаться только весной 1940 г. Но даже тогда операция «Катерина» все еще не началась. Следует отметить, что вероятность оказания помощи странам Балтии в ходе этой операции была весьма незначительна. Приходится согласиться с британскими историками Джоном Гиденем и Патриком Сэлмоном в том, что Соединенное Королевство никогда и не обещало прямой военной помощи странам Балтии¹⁷.

На ранних этапах войны Великобритания была в определенной мере заинтересована в торговых отношениях со странами Балтии. Она стремилась сохранить их на уровне предшествующих лет. Однако это было невозможно, так как Германия блокировала Балтийское море. Британское правительство также беспокоила активная торговля ее врага — Германии с балтийскими государствами. 9 сентября 1939 г. британский посланник в странах Балтии Чарльз Орде, выполняя поручение Форин Оффис, предложил этим странам на период военных действий организовать торговлю с Британией через Швецию и Норвегию. Лондон предлагал сперва отправлять грузы морем до шведского порта Сундсволла, затем по железной дороге до норвежского порта Тронхейма и оттуда уже морем в Великобританию. Посланник обещал странам Балтии всевозможную поддержку для того, чтобы не допустить попадания стратегических военных материалов в руки врага Великобритании — Германии¹⁸. Бри-

танский консул Томас Престон в своих донесениях из Каунаса также писал, что создание условий для успешной доставки латвийских и литовских грузов в Британию было бы огромной моральной и материальной поддержкой этим странам в военное время. Однако такой поддержки с британской стороны не последовало.

В условиях войны Латвия испытывала острую потребность в товарах традиционного британского экспорта, таких, как уголь, кокс, нефть и хлопок. Несмотря на это, она была не в состоянии организовать торговлю с Великобританией на уровне предшествующего года. Наиболее серьезным препятствием, как уже говорилось, была блокада Балтийского моря. Германия пыталась топить или захватывать любое латвийское судно, перевозившее товары для Великобритании. Латвийское правительство также опасалось того, что Германия, интерпретируя это как нарушение политики нейтралитета, будет недовольна поддержкой торговых отношений Латвии с Великобританией.

Латвийский атташе по сельскому хозяйству в Лондоне Эмильс Золманис сообщил своему правительству о том, что Британия отказывается предоставить защиту латвийским кораблям и, таким образом, не поощряет торговлю между двумя государствами. Британская сторона отказалась также помочь решить проблему страхования торговых судов. В военное время ставка была очень высока — вплоть до 200 000 фунтов стерлингов за один корабль¹⁹. В дополнение к блокаде Балтийского моря и угрозе потопления торговых кораблей торговля с Британией столкнулась с другими проблемами: невыгодные расценки, высокая цена страхования и транспортировки грузов, а также страх перед Германией. Все это в течение первых же месяцев с начала войны свело взаимную торговлю Соединенного Королевства со странами Балтии до минимума. Ситуация обострилась еще больше, когда в конце 1939 г. Латвия даже отказалась послать торговую делегацию в Лондон для обсуждения и решения накопившихся проблем.

В то же время Латвия, в поисках выхода из сложившегося положения, заключила торговые соглашения с Советским Союзом (18 октября 1939 г.) и с Германией (15 декабря 1939 г.). В ходе переговоров Германия официально потребовала от Латвии отказаться от торговли с Соединенным Королевством. Латвия отвергла это требование. Британский поверенный в делах в Каунасе Томас Престон 12 декабря 1939 г. проинформировал Форин Офис о таком же немецком требовании в отношении Литвы²⁰.

В начале 1940 г. Соединенное Королевство все еще пыталось спасти падающий объем торговли со странами Балтии. Например, латвийский посланник Карлис Зариныш в своей очередной депеше из Лондона информировал свое Министерство иностранных дел о приглашении британского правительства обсудить проблемы экономических отношений в условиях войны. На этот раз латвийское правительство согласилось послать свою делегацию в Лондон. Переговоры начались 26 февраля. С британской стороны были подтверждены два хорошо известных положения: увеличение латвийского экспорта в Британию и снижение торговли с Германией. Однако на практике Соединенное Королевство не могло сделать ничего для активизации торговли между двумя странами. Глава балтийского департамента в латвийском Министерстве иностранных дел, оценивая эти переговоры, признал, что Латвии нечего ожидать от них, и латвийское участие в переговорах было лишь демонстрацией доброй воли Латвии²¹.

В конце 1939 г. Британия почти индифферентно восприняла военное, политическое и экономическое усиление СССР в странах Балтии. Она считала, что это было главным образом во вред ее врагу — Германии. Целью британской внешней политики было не допустить дальнейшего сближения СССР и Германии и воспрепятствовать ухудшению советско-британских отношений. Такое развитие событий в балтийских государствах, при котором они становились объектами давления со стороны СССР, вписывалось в русло британской стратегии. Это было подтверждено высказываниями Уинстона Черчилля на страницах газеты «Таймс», где он объявлял о том, что усиление СССР в странах Балтии укрепляет его фронт против Германии и приближает конфронтацию между ними²². Черчилль полагал, что именно СССР должен стать ведущей силой на восточном побережье Балтийского моря, и был удовлетворен тем, что Латвия, Литва и Эстония были включены в советскую, а не немецкую зону влияния. Не в интересах Британии было выступать против советских военных баз в балтийских государствах. Черчилль считал, что эти базы будут служить единственной цели войны с Германией, а потому не могут быть причиной британского недовольства. Русский флот на Балтике не представлял угрозы для британских стратегических интересов. Угрозу представляло лишь присутствие Германии, так как она была врагом Великобритании.

Как можно убедиться, в непростых военных условиях Великобритании была больше озабочена тем, как превратить СССР в своего союзника, нежели тем, насколько законны были действия СССР в странах Балтии с точки зрения международного права.

Таким образом, Британия надеялась несколько улучшить свою позицию в противоборстве с Германией. К концу 1939 г. или по крайней мере в начале 1940 г. любые иллюзии, которые питали страны Балтии в отношении оказания им какой-либо военной поддержки со стороны Британии, были развеяны.

Это подтверждается посланником Соединенного Королевства в Риге Чарльзом Орде в его донесении министру иностранных дел лорду Галифаксу от 1 января 1940 г. В нем он отмечал, что Латвия с тревогой следит за последним шагами Лондона в отношении стран Балтии. Население этих стран испытывает большую тревогу в отношении готовности западных демократий задешево продать их независимость. Оценивая размещение советских военных баз в странах Балтии, Орде пришел к умозаключению, что они стали прелюдией к полной потере независимости балтийскими государствами. Подписывая соглашение о базах, страны Балтии де-факто подписали свидетельства о смерти своей независимости. Особенность новой ситуации заключалась в том, что балтийские страны по сути стали протекторатами СССР.

Орде был убежден, что Советский Союз позволит странам Балтии сохранить свои языки и культурную автономию. Британский посланник в своих донесениях также признавал, что западные демократии не могли оказать сколько-нибудь существенное противодействие СССР в балтийском регионе. Судьба Восточной Европы и государств Балтии была решена в результате соглашений между СССР и нацистской Германией. Орде полагал, что теперь появлялось основание для сожалений о политике абсолютного нейтралитета, которого эти страны так жестко придерживались, когда шли трехсторонние переговоры в Москве летом 1939 г. Тогда они отказались от гарантий, предложенных Соединенным Королевством, Францией и СССР. Поэтому Британия не имела законных оснований для вмешательства в проблемы балтийских государств²³.

В конце января 1940 г. латвийский посланник в Лондоне Карлис Зариныш имел длинную беседу с директором Северного департамента Форин Оффис Лоуренсом Кольером. В своем докладе по итогам дискуссии Кольер писал, что, возможно, в не

столь отдаленном будущем британское правительство будет вынуждено изучить вопрос о советской политике в балтийском регионе. Признание или непризнание действий СССР в странах Балтии будет зависеть в значительной степени от того, поддержит ли СССР Британскую империю в ее конфликте с Германией или нет. Кольер пришел к выводу, что признание в принципе было бы аморальным шагом со стороны Соединенного Королевства, но как бы то ни было, оно бы диктовалось реально сложившимися условиями²⁴.

Британский поверенный в делах в Таллине Вилфред Галлиен в своем докладе в Форин Оффис от 17 февраля 1940 г. также отмечал специфику ситуации с балтийскими странами. Он считал, что после соглашения между СССР и Германией Латвия, Литва и Эстония оказались в полной международной изоляции. Пожелай Россия или Германия, и в любой момент эти государства могли быть аннексированы. А так как обе — и Россия, и Германия — были давними врагами государств Балтии, лишь их поражение могло обеспечить возрождение их независимости и дальнейшее существование этих государств²⁵.

Определенное охлаждение в англо-латвийских отношениях вызвало выступление президента Карлиса Ульманиса по латвийскому радио в феврале 1940 г. 12 февраля текст выступления был опубликован и в латвийской прессе. На следующий день британская газета «Дейли экспресс» опубликовала на первой странице статью с сообщением о речи Карлиса Ульманиса, а также комментарий к ней. В ней подчеркивалось, что Иосиф Сталин предъявит в ближайшем будущем новые требования к странам Балтии. Газета особенно подчеркивала, что на этот раз страны Балтии не подчинятся и готовы дать вооруженный отпор. «Дейли экспресс» делала акцент на той части речи Ульманиса, где заявлялось, что Латвийское государство должно быть готово в ближайшем будущем к большим жертвам. Каждый должен быть готов. Каждая семья должна будет выставить человека в униформе. Ситуация нешуточная, и пришло время стране задуматься о чрезвычайных мерах²⁶.

Кроме того, 15 февраля «Дейли экспресс» опубликовала похожую статью под заголовком «Красная угроза на Балтике возрастает». В ней подчеркивалось, что к Эстонии и Латвии уже были предъявлены новые требования со стороны СССР относительно увеличения советского военного контингента. Газета отмечала, что началась терроризация балтийских стран. Латвия,

Литва и Эстония готовы сражаться и запросили вооружение и другие формы помощи от западных союзников²⁷.

В отношении статей, на которые британская пресса ссыла-лась ранее, временный поверенный в делах Латвии в Лондоне Теодотс Озолиньш обратился за помощью к министру иностранных дел Вильгельму Мунтерсу. Озолиньш писал Мунтерсу, что в результате этих публикаций Латвия и Эстония стали лучше известны британской публике. Он указывал также на утверждение в «Дейли экспресс» о том, что Карлис Зариньш будет спешно отозван в Ригу для участия в подготовке воззвания к западным союзникам. Основная идея этого воззвания — дайте нам оружие! В конце своей телеграммы Озолиньш, оценивая ситуацию, писал, что по его мнению, это всего лишь слухи в прессе. Однако временный поверенный в делах запросил у Министерства иностранных дел в Риге дополнительную информацию с тем, чтобы прояснить позицию латвийского кабинета²⁸.

Об отзвуках от выступления латвийского президента в Эстонии писал в Лондон и поверенный в делах Соединенного Королевства в Таллинне Вилфрид Галлиен. Он подчеркивал, что в отношении этого выступления в эстонском обществе существовало много спекуляций. Некоторые полагали, что оно связано с новыми требованиями СССР, предъявленными странам Балтии. Другие — что балтийские государства, используя советско-финскую войну, пытаются таким образом освободиться от влияния и военного присутствия СССР²⁹.

Британский поверенный в Риге Чарльз Орде, анализируя сложившуюся ситуацию, в своих докладах в Лондон также подчеркивал возрастание взаимных военных контактов между странами Балтии. Он писал, в частности, о визите главнокомандующего латвийской армии Крисжаниса Беркиса в Таллинн и его переговорах с генералом Йоханом Лайдонером. Поверенный информировал также о визите Беркиса в Литву и его контактах с местным военным руководством³⁰.

Согласно латвийскому историку Эдгару Андерсонсу, речь Ульманиса, о которой говорилось выше, не имела сколь-либо серьезного политического значения. Она не была как-то связана с советско-финской войной и неопределенными обещаниями западных стран оказать помощь Финляндии. Андерсон полагает, что зимой 1940 г. Латвия была не в состоянии с помощью собственных ресурсов освободиться от советских военных баз. Резерв латвийской армии был минимален, и она не была подготовлена к ведению длительных военных действий³¹.

Тем не менее, речь президента Карлиса Ульманиса привлекла всеобщий интерес. Этому способствовало и пребывание в тот момент в Риге делегации британских бизнесменов. Пресса пыталась связать финско-советскую войну, речь Ульманиса и переговоры латвийского правительства с британской промышленной делегацией, подать все это как фундаментальный сдвиг в политике Латвии. Существующие документы в архивах Латвии и Великобритании не подтверждают такую гипотезу. Британия, как уже отмечалось ранее, была безразлична к проблеме безопасности Латвии. В феврале—марте 1940 г. она не намеревалась выступать на стороне Латвии и помогать ей в выдавливании с ее территории советских военных баз.

Новая фаза в отношениях между Соединенным Королевством и странами Балтии началась в апреле 1940 г. В этом месяце Британия решила придать своим консульствам в Литве и Эстонии статус посольств. Вплоть до начала войны Великобритания имела только одно посольство в странах Балтии и оно находилось в Риге. В военных условиях постоянные британские посольства были открыты в Каунасе и Таллинне. Правительства Эстонии и Литвы приветствовали этот шаг. Однако он не повлек за собой каких-либо кардинальных перемен в британской стратегии в отношении стран Балтии. Их место и роль в британской политике не возросли. Литва и Эстония интерпретировали этот шаг как основание для активизации политики Соединенного Королевства в странах Балтии³².

Однако их мечтам не суждено было сбыться, так как в июне 1940 г. СССР воспользовался условиями пакта Молотова — Риббентропа и начал открытое давление на балтийские государства. Им был предъявлен советский ультиматум, требовавший разрешить допуск на их территорию неограниченного контингента советских войск, а также внести изменения в их законно образованные правительства. Британский посланник в Риге Чарльз Орде уведомил об этом Лондон 15 июня³³.

17 июня латвийский посланник в Лондоне Карлис Зариньш получил телеграмму от своего министра иностранных дел Вильгельма Мунтерса о том, что советские войска вступили на территорию Латвии, их число никем не контролируется и они занимают ключевые государственные институты. Зариньш понял, что в такой ситуации вступили в силу неограниченные полномочия, дарованные ему правительством Латвии. Он использовал их на протяжении всей Второй мировой войны, а также в

послевоенный период для того, чтобы защищать интересы Латвии и ее граждан.

Советизация Балтики не стала неожиданностью для Британии. Чиновники из Форин Оффис подсчитывали, как можно было бы сыграть на факте признания или непризнания оккупации этих государств для получения некоторых уступок от СССР. Британия в это время была в незавидном положении. Она осталась практически один на один в войне с Германией. Летом 1940 г. существовала реальная угроза немецкого вторжения на Британские острова, и любая помощь имела огромное значение.

16 июля 1940 г. латвийский посланник в Лондоне Карлис Зариньш беседовал с директором Северного департамента Форин Оффис Лоуренсом Кольером. Делясь своим видением событий в Латвии, Кольер писал в отчете о встрече: «Нам не следует спешить ни с признанием, ни с осуждением советских действий в Балтике; чем сильнее будет наша позиция, тем больше вероятность того, что политика СССР изменится в выгодном нам направлении»³⁴.

Министр иностранных дел Соединенного Королевства лорд Галифакс, конечно, признал, что произошедшие в странах Балтии события были незаконны. Галифакс полагал, что для Британии будет достаточно не признавать действий СССР на Балтике. Его больше беспокоила судьба британской собственности, чем потеря независимости балтийскими государствами³⁵. Лондон в тот момент размышлял главным образом об эффективных контрмерах именно в этом направлении. В это время почти половина латвийского золотого запаса хранилась в английских банках — в стоимостном выражении примерно около 31 381 588 лат. Корабли стран Балтии были конфискованы, также как и счет посланника Карлиса Зариньша³⁶.

Посол СССР в Великобритании Иван Майский активно добивался передачи золота и другого имущества Республики Латвии СССР. В дискуссии с британским министром иностранных дел лордом Галифаксом он неоднократно настаивал на решении этого вопроса. Галифакс объяснял, что существуют две проблемы. Первая была связана с национализацией Советским Союзом всей британской собственности в балтийских государствах. Вторая проблема носила политический характер. А именно — Великобритания рассматривала действия СССР в странах Балтии как противозаконные. Поэтому британское правительство не признавало правительства балтийских советских республик и их прав на какую-либо собственность.

Майский, со своей стороны, пытался доказать, что балтийские советские республики добровольно присоединились к СССР, без насильственной советизации. А потому, с точки зрения Майского, в новой ситуации СССР является законным правопреемником собственности этих государств. Он требовал, чтобы золото и валюта, находящиеся в британских банках, а также корабли и иная собственность балтийских государств были переданы Советскому Союзу. Конфискуя собственность стран Балтии, Англия нарушала-де суверенитет СССР и его законные права. Лорд Галифакс заявил, что это лишь версия событий в интерпретации советского посла³⁷.

Посол Соединенного Королевства в Москве Стаффорд Криппс придерживался другого мнения. Он настаивал на том, что британскому правительству следует продемонстрировать готовность признать действия СССР в странах Балтии как законные в случае, если СССР был бы готов сотрудничать с Британией против Германии³⁸.

Как только начались советско-британские дискуссии о судьбе имущества стран Балтии, Форин Оффис запросил из посольств в Риге, Таллинне и Каунасе подробную информацию о британской собственности в этом регионе. Например, Дуглас МакКиллоп писал из Риги, что британские инвестиции в Латвии в начале 1940 г. составляли около 34,7 млн. лат. Обобщая полученную информацию, британское Министерство финансов определило, что ущерб от потери британского имущества составляет 1 708 000 фунтов стерлингов в Латвии, 600 000 фунтов стерлингов в Литве и 1 460 000 фунтов стерлингов в Эстонии³⁹.

Форин Оффис также получил конкретные претензии от британских фирм в отношении потерянной собственности в балтийских государствах. Например, 12 августа 1940 г. в Лондоне была получена телеграмма, которая информировала о британских убытках от потери деревообрабатывающей фабрики Дж. Потемпа в Риге, равнявшихся 720 000 лат. Иски были заявлены также британским банком «Лазард Бразерс» на сумму 759 000 фунтов стерлингов и компанией «Бритиш Шелл» на сумму 140 000 фунтов стерлингов⁴⁰.

14 августа 1940 г. вопрос о судьбе британской собственности в странах Балтии был поднят и в парламенте. Заместитель министра иностранных дел Ричард Батлер разъяснил, что кабинет примет во внимание иски по этому вопросу от различных фирм, банков и частных лиц. Батлер также подчеркнул, что правительство уделяет достаточное внимание данной проблеме и работает

над возвращением британской собственности. Проблема была не безнадежной, так как ценовые стоимости конфискованных Британией активов и национализированной Советским Союзом собственности были примерно одинаковыми⁴¹. Министр иностранных дел лорд Галифакс отстаивал в этом вопросе принцип взаимной компенсации. То есть ущерб для обеих сторон был примерно одинаковым и потому мог быть списан.

В течение войны британское правительство также реквизировало те корабли стран Балтии, которые находились в британских портах, в общей сложности около 20 судов. СССР заявил претензию и на эту собственность. Британское правительство заняло твердую позицию. Общий тоннаж реквизированных судов составил 37 641 т⁴².

К концу лета 1940 г. произошла кристаллизация британской позиции в отношении аннексии стран Балтии. Лорд Галифакс рекомендовал придерживаться стратегии признания де-факто аннексии балтийских государств, но не де-юре. Вопрос о законности территориальных изменений должен был быть отложен до решения послевоенной мирной конференции. Такой подход Великобритании был вновь подтвержден Уинстоном Черчиллем 5 сентября 1940 г. Выступая на заседании парламента, он заявил, что Великобритания не признает законными территориальные изменения, произошедшие во время войны. Законность новых границ в Европе должна быть одобрена путем заключения международных договоров⁴³.

Посольства Соединенного Королевства в странах Балтии прекратили свою работу 5 сентября 1940 г. Однако к концу года британское правительство пришло к заключению, что в вопросе о странах Балтии оптимально было бы принять формулировку США, т.е. не признавать насильственные перемены в балтийском регионе. Впрочем, не вызывает сомнений, что позиция Великобритании по этому вопросу никогда не была такой жесткой, как у США. Это объясняется трудностями положения, в котором оказалась Англия. На протяжении этого периода она не только вела войну с Германией, но пыталась предотвратить возникновение советско-германского альянса.

Новые трудности для дипломатов в странах Балтии возникли после 22 июня 1941 г., когда разразился конфликт между СССР и Германией. Британия и СССР стали официально союзниками. Советские дипломаты попытались это использовать и вновь подняли вопрос о признании инкорпорации балтийских государств, новых границах и урегулировании имущественных во-

просов. Британское правительство было вынуждено занять примирительную позицию. Этому в определенной степени способствовала аналогичная линия министра иностранных дел Энтони Идена. Он открыто высказал точку зрения, что вовлечение СССР в войну в качестве постоянного британского союзника куда важнее, чем проблема балтийских государств. Британский историк Дэвид Кирби из Лондонского университета признает, что такая позиция не отличалась моральной чистотой. Однако война есть война, и любое государство в схожей ситуации должно думать прежде всего об интересах собственной безопасности⁴⁴.

Сравнивая позиции США и Великобритании по балтийскому вопросу, Кирби писал, что американцы руководствовались больше моральными принципами, в то время как для британцев были характернее элементы политического расчета. Это подтверждается рядом документов британского Министерства иностранных дел. Их анализ показывает, что позиция Госдепартамента США по балтийскому вопросу вызвала некоторый всплеск озабоченности в Форин Оффис. В них подчеркивается, что латвийский посланник в Вашингтоне Альфредс Билманис в начале 1942 г. подал заявку на участие его страны в Атлантической хартии, направленной против держав оси (т.е. Германии и ее союзников). Госдепартамент США обсуждал такую возможность. В свою очередь представитель Северного департамента Форин Оффис А. Уорнер, ознакомившись с этим документом, написал следующую резолюцию: «Я очень надеюсь, что США не пойдут дальше их теперешней поддержки стран Балтии. Государственный департамент знает о наших переговорах с Москвой и любые новые шаги со стороны США могут поставить нас в затруднительное положение»⁴⁵.

В конце 1941 г. Форин Оффис принял решение, которое ослабило статус дипломатов балтийских стран, находившихся в Лондоне. Отмечалось, что с этого момента они могут поддерживать контакты только с Северным департаментом Форин Оффис и им запрещается обращаться к любым другим британским официальным учреждениям. Без сомнений, такое решение ограничило возможности для деятельности балтийских дипломатов.

Вскоре после этого схожие шаги предприняло и британское правительство. Посольства балтийских стран в Лондоне получили официальные ноты, в которых указывалось, что балтийским дипломатам впредь запрещалось делать заявления по политическим вопросам. Немногим позже появилась инструкция

СССР будет доминировать в регионе Балтийского моря⁴⁸. Секретные инструкции военного кабинета Великобритании в отношении пропагандистской работы против СССР в военное время содержали схожие положения. «Россия после войны попытается усилить свое влияние в Европе. Во-первых, в ее интересах иметь стратегически безопасную границу на Востоке. В особенности же она хочет включения стран Балтии, восточной части Польши, Бессарабии и Буковины в состав своей территории. Мы должны быть готовы к этому»⁴⁹.

Энтони Иден, который вел напряженные переговоры с Советским Союзом о заключении союзного договора между двумя странами, придерживался схожей точки зрения. Это также нашло свое отражение в позиции Северного департамента. А. Уорнер писал об этом: «Мы вместе с США не должны предоставлять России свободу рук в Восточной Европе за исключением, возможно, стран Балтии»⁵⁰.

Фактор политического расчета в британской политике по балтийскому вопросу еще четче прослеживается в специальном докладе Северного департамента, подготовленного для Энтони Идена. Во вступлении к нему констатировалось, что страны Балтии, как показывает история, всегда были либо в немецкой, либо в российской сферах влияния. Утверждения о их независимости и нейтралитете были иллюзией, что доказали события 1939 г., когда они потеряли свою независимость и вновь были включены в сферу влияния России. Заинтересованность России в этих странах носит, в первую очередь, стратегический характер. Если бы страны Балтии стали частью Германского рейха, их дальнейшее существование представлялось бы более чем сложным. Российская система, которая была основана на принципе союза советских республик, тем не менее, давала лучшую возможность для сохранения национальной идентичности, хотя в конечном счете, все должно было решаться из Москвы.

Доклад подчеркивал точку зрения, что после войны Соединенное Королевство будет не в состоянии принять какое-либо конкретное участие в восточноевропейских делах. «Мы можем согласиться или не согласиться с требованиями русских, но фактически мы сможем лишь сослаться на обязательства русских по соблюдению принципов Атлантической хартии. Если мы встанем в оппозицию русской политике в Восточной Европе после войны, мы тем самым быстро реконструируем русско-германский союз. Это может действительно случиться, если мы не позволим России определять судьбу Восточной Европы»⁵¹.

Авторы документа постоянно задавались вопросом: что более выгодно для Британии — выдвигать жесткие требования к СССР о возвращении к ее довоенным границам в Восточной Европе или в послевоенный период поддерживать баланс сил в Европе, не позволяя ни Германии, ни России «править там бал»? В конце концов был сделан вывод о том, что для Британии лучше принять во внимание стратегические интересы русских и по-разному подходить к применению принципов Атлантической хартии в разных частях света.

В своем ответе на этот доклад от 29 января 1942 г. Энтони Иден констатировал, что сомнительно, сможет ли даже такая формулировка удовлетворить Сталина. Идена беспокоило то, что России может не понравиться британская ссылка на Атлантическую хартию и применение ее принципов — даже в дифференцированном виде — на территориях, контролируемых ею после войны. Возможно, Иден полагал, что Сталин будет придерживаться постулата о том, что страны Балтии летом 1940 г. сами вошли в состав СССР, и поэтому не примет никаких возражений по данному вопросу. Британского министра иностранных дел также беспокоила возможная реакция США: «Я опасаясь того, что нам будет трудно убедить США, что наш подход даст Восточной Европе более реалистичную защиту и будет соответствовать принципам Атлантической хартии»⁵².

Вторая мировая война произвела шок в глобальном масштабе. Под ее влиянием международное устройство, которое сложилось в 1920-х и 1930-х гг., потерпело крах. Эти процессы напрямую затронули отношения между странами Балтии и Соединенным Королевством. Балтийские государства были инкорпорированы в Советский Союз с молчаливого одобрения Британии. Министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс хотя и подчеркивал, что события в странах Балтии носят незаконный характер, но не выразил официального протеста Советскому Союзу. В условиях войны Соединенное Королевство было вынуждено больше заботиться об укреплении своих позиций в войне с нацистской Германией, нежели о соблюдении принципов справедливости и законпорядка. Государства Балтии оказались в незавидном положении. Они попали в жернова между СССР и нацистской Германией. Политика Соединенного Королевства по решению проблемы балтийских государств в течение Второй мировой войны оказывала влияние на позицию СССР. Он делал все возможное для того, чтобы Британия признала де-факто и де-юре советскую политику на Балтике. Со-

единенное Королевство противостояло этому давлению и приняло американскую формулировку, которая предусматривала рассмотрение вопроса о законности территориальных изменений в Восточной Европе и странах Балтии на послевоенной мирной конференции.

Примечания

¹ Hiden, J. On the Edge of Diplomacy? Britain, the Baltic and East-West Relations between the Wars // *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia* 8. 1991. P. 318.

² Salmon, P. British Security Interests in Scandinavia and the Baltic 1918–1939 // *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia* 3. 1988. P. 125, 135.

³ Feldmanis I., Stranga A., Virsis M. *Latvijas Ārpolitika un starptautiskais stāvoklis. 30. gadu otrā puse*. Rīga, 1993, P. 333–38.

⁴ Churchill, W.S. *The Second World War. Vol. I The Gathering Storm*. London, 1948. P. 285.

⁵ Deklarācija par Latvijas neitralitāti // *Brīvā Zeme*. 1939.g. 2.sept.

⁶ Public Record Office. Foreign Office (PRO. FO.) –371.24759. N383/383/59.

⁷ Andersons E. *Latvijas vēsture. Ārpolitika II, 1920–1940*. Stokholma, 1984, P. 206.

⁸ «Nordic Neutrality», *Daily Telegraph*, October 21, 1939.

⁹ PRO. FO.–371, 23606. N7202/8511/59

¹⁰ Ibid. N5483/564/59

¹¹ Spitfires – самолеты-истребители британского производства. – Прим. перев.

¹² Ibid. 23605. N3166/381/59

¹³ Ibid. N4937/381/59

¹⁴ PRO. FO.–371, 23605. N5724/381/59

¹⁵ Ibid. N5724/381/59

¹⁶ Lautenschlager K., «Plan “Catherine”». *The British Baltic Operation, 1940* / *Journal of Baltic Studies*. 1974. Vol. 5. No. 3. PP. 213–14.

¹⁷ Hiden, J. and Salmon, P. *The Baltic Nations And Europe. Estonia, Latvia and Lithuania in the Twentieth Century*. London and New York, 1991. P. 104.

¹⁸ PRO. FO.–371., 23609. N4193/4193/59

¹⁹ *Latvijas Valsts Vēstures arhīvs (LVVA)-2574.f.*, 4.apr., 7352.1., P. 61–62.

²⁰ PRO. FO.-371. 24759. N172/172/59

²¹ LVVA-2574.f.3.apr.3291.1., P.194.

²² *The Times*, October 2, 1939.

²³ PRO. FO.-371., 24759. N383/383/59.

²⁴ Ibid., 24761. N5833/224/59.

- 25 Ibid., 24765. N2484/2484/59.
- 26 Daily Express, February 13, 1940.
- 27 Daily Express, February 15, 1940.
- 28 LVVA-1313.f., 1.apr., 153.l., pp. 10-11.
- 29 PRO.FO.-371., 24765. N2484/2484/59
- 30 Ibid. N2518/2518/59
- 31 Andersons E. Latvijas Vēsture, 1920-1940, Ārpolitika II, P. 364-65.
- 32 PRO FO.-371., 24765. N3686/3686/59
- 33 Ibid. N5824/5824/59
- 34 Ibid. N6085/5917/59
- 35 Ibid. N6025/5917/59
- 36 Ibid. N6024/5918/59
- 37 Ibid. 24763.N6042/2039/59
- 38 Gorodetsky G., Stafford Cripp's Mission to Moscow, 1940-1941, Cambridge, 1984. P. 63-73, 79, 94.
- 39 PRO.FO.-371.,24763.N6177/2039/59.
- 40 PRO.FO.-371.,24764.N6417/2039/59.
- 41 Ibid., 24763.N6249/2039/59.
- 42 Ibid., 24764.N6979/2039/59.
- 43 Ibid., 24765 N7562/2039/59.
- 44 Kirby D. The Baltic States, 1940-1950, // Communist Power in Europe, 1944-1949 / ed. by M. McCauley. London, 1977, P. 24.
- 45 PRO. FO.-371.,32735. N1040/347/59.
- 46 PRO.FO.-371., 24763. N6257/2039/59.
- 47 Ibid. 32730. N348/4/59.
- 48 Ibid. N1377/4/59.
- 49 PRO.Cab.119.47.paper N66.
- 50 PRO.FO.-371.,32740.N611/611/59.
- 51 Ibid. N611/611/59.
- 52 Ibid. 611/59.

Коминтерн и Франция в 1939—1941 гг.

Со времен VII конгресса Коминтерна (1935 г.), который провозгласил главной задачей коммунистов борьбу против фашизма и войны, Франция привлекала особое внимание руководителей коммунистического движения. Она являлась тогда одной из главных европейских держав, противостоявших гитлеровской Германии, а Французская коммунистическая партия (ФКП) была самой крупной компартией капиталистического мира. Выступая на последних предвоенных выборах 1936 г. под лозунгами Народного фронта и единства французской нации в борьбе против фашизма, коммунисты завоевали голоса 1,5 млн. избирателей и провели в парламент 74 депутата.

В начале Второй мировой войны Коминтерн и Французская коммунистическая партия несколько раз меняли свою политическую линию и каждый раз такие повороты были тесно связаны с политикой руководства СССР. Благодаря открытию части архивов Коминтерна и работам ряда историков, в первую очередь Ф.И. Фирсова, Н.С. Лебедевой и М.М. Наринского, мы теперь довольно подробно знаем, как это произошло¹.

Поворот в политике Коминтерна, а затем и Французской компартии — как и всех остальных компартий, — был предопределен заключением советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г., который сопровождался секретным «дополнительным протоколом» о разграничении «сферы интересов» и разделе стран Восточной Европы между Германией и СССР.

Оценка этого и последующих секретных советско-германских соглашений дана в постановлении Второго съезда народных депутатов СССР, где сказано, что они «находились с юриди-

ческой точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран» и потому должны быть признаны «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»².

Можно добавить, что соглашения такого рода вовсе не являлись чем-то новым или уникальным. История дипломатии знает немало тайных договоров о разделе чужих территорий и разграничении «сфер интересов». Так, например, хорошо известны тайные договоры о территориальных приращениях, заключенные в период Первой мировой войны Англией, Францией, Италией, Россией, Турцией и Германией, а в более позднее время — Мюнхенское соглашение 1938 г., «процентное соглашение» Сталина с Черчиллем в октябре 1944 г. и секретное соглашение Рузвельта, Черчилля и Сталина в Ялте о передаче Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов.

Руководители Коминтерна во главе с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г. Димитровым узнали о пакте СССР с Германией накануне его подписания. По всей видимости, они не имели информации о «дополнительном протоколе» и не подозревали, что вскоре от них потребуют коренного изменения политической линии. 22 августа 1939 г. Секретариат ИККИ принял постановление, в котором утверждал, что, заключая договор с Германией, Советский Союз «помогает соседним прибалтийским странам и действует в защиту всеобщего мира». Заранее одобряя еще не подписанный договор, Секретариат ИККИ в то же время рекомендовал всем компартиям «продолжать с еще большей энергией борьбу против агрессоров, в особенности против германского фашизма»³. Содержание этого постановления было немедленно передано во Францию для сообщения всем компартиям в качестве «совета» ИККИ.

Для руководителей Французской компартии советско-германский пакт оказался полной неожиданностью. «Это был даже не шок, а удар дубиной по голове»⁴, — вспоминал один из них. Главные лидеры ФКП — ее генеральный секретарь Морис Торез и второй секретарь ЦК ФКП Жак Дюкло в это время находились на отдыхе и вернулись в Париж только 24 августа, когда вся французская пресса уже осуждала советско-германский договор как акт вероломства со стороны СССР, а некоторые газеты даже требовали запретить компартию. Вал общественного негодования обрушился на коммунистов. «Коммунистов оскорбляли на улице, на заводах... Это были страшные дни изоляции. Мы не

могли даже выступать, нас больше не слушали»⁵, — вспоминал член Политбюро ЦК ФКП А. Раметт.

В таких условиях главным мотивом деятельности руководителей ФКП было стремление сохранить верность Советскому Союзу, который, в представлении коммунистов того времени, являлся оплотом мира и социализма, воплощавшим их надежды на светлое будущее.

«24 августа - какой вопрос был и остался решающим для масс и ФКП? Верность Советскому Союзу, Коммунистическому Интернационалу, Сталину»⁶, — вспоминал Торез.

Исходя из этих соображений, Французская коммунистическая партия 25 августа 1939 г. опубликовала в своем центральном печатном органе — газете «Юманите» декларацию, в которой (в соответствии с постановлением Секретариата ИККИ) утверждала, что советско-германский пакт «будет иметь единственным следствием укрепление мира» и «не лишит свободы ни один народ». Явно не понимая, что до начала войны осталось всего несколько дней, и не представляя себе реального хода событий, ФКП уверяла, что «Советский Союз вносит новый неоценимый вклад в сохранение мира, которому постоянно угрожают фашистские поджигатели войны». Она рекомендовала Парижу и Лондону немедленно «заключить соглашение с СССР, чтобы совместно организовать сопротивление агрессору»⁷.

Впрочем, и руководители Коминтерна в Москве, видимо, еще не понимали, что произошло. Во всяком случае, 27 августа Г. Димитров и Д.З. Мануильский (секретарь ИККИ, курировавший Французскую компартию) писали И.В. Сталину, что, по их мнению, ФКП «должна и впредь стоять на позиции сопротивления фашистской Германии»⁸.

26 августа, на следующий день после появления декларации ФКП о советско-германском пакте, французское правительство Э. Даладье запретило «Юманите» и другие газеты компартии. Единственной легальной трибуной коммунистов осталась ее парламентская фракция.

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу, положив начало Второй мировой войне. 2 сентября депутаты ФКП вместе с другими парламентскими фракциями единогласно и без прений голосовали за военные кредиты, после чего заседания парламента прекратились на целый месяц. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Депутаты-коммунисты 7 и 9 сентября опубликовали несколько заявлений, где обещали «все пустить в ход, чтобы обеспечить поражение гитле-

ровского агрессора» в войне, которая имеет «антигитлеровский характер»⁹.

Тем временем руководство Коминтерна во главе с Димитровым не решалось сделать никакого публичного заявления о характере войны и добивалось встречи с И.В. Сталиным, чтобы согласовать с ним свою политику. 7 сентября 1939 г. Сталин принял Димитрова в присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова. Он сказал генеральному секретарю ИККИ, что «деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл», начавшаяся между ними война ведется «за передел мира, за господство над миром», а поэтому «коммунисты капиталистических стран должны выступать решительно против своих правительств, против войны», отбросив устаревшие лозунги единого народного фронта и единства нации. Заранее оправдывая будущий раздел Польши между Германией и СССР, Сталин, вопреки очевидным фактам, назвал Польшу фашистским государством и дал понять, что ее ликвидация позволит распространить социалистическую систему на новые территории¹⁰.

Рассуждения Сталина шли вразрез с прежней антифашистской линией Коминтерна, но для коммунистов всего мира безоговорочная солидарность с Советским Союзом как первой страной социализма была высшим принципом их деятельности, а слова «вождя народов» воспринимались ими как приказ.

8 сентября Димитров сформулировал высказывания Сталина в форме директивы Секретариата ИККИ компартиям. Ее текст гласил: «Настоящая война — империалистическая, несправедливая, в которой одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств. Войну не могут поддерживать ни в одной стране ни рабочий класс, ни тем более компартии... Мировой пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу... Война коренным образом изменила положение: деление капиталистических государств на фашистские и демократические теперь потеряло прежний смысл». Французской компартии, как и другим компартиям, предписывалось выступать против войны, разоблачать ее империалистический характер, «перейти в решительное наступление против предательской политики социал-демократии» и «немедленно выправить свою политическую линию»¹¹.

Для Французской компартии директива ИККИ явилась тяжелым ударом, который грозил разрушить влияние коммунистов среди населения. Избиратели, ранее голосовавшие за ком-

мунистов как борцов против фашизма и сторонников Народно-го фронта, могли не простить им отказа от прежней политической линии. Это очень затрудняло требуемое Коминтерном «выправление линии», тем более, что война нарушила тайные связи Коминтерна с Францией, и директива Димитрова дошла до Французской компартии только к середине сентября, когда многие руководители ФКП во главе с Торезом, не говоря уже о рядовых активистах, были мобилизованы в армию и не могли свободно общаться друг с другом.

17 сентября 1939 г. советские войска в соответствии с «дополнительным протоколом» перешли польскую границу и двинулись навстречу немецкой армии с официально провозглашенной целью «взять под свою защиту жизни и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии»¹².

Французские коммунисты не сомневались, что вступление советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию означает освобождение их населения от капиталистической эксплуатации и угрозы захвата фашистской Германией. Поэтому парламентская группа ФКП, которая еще 16 сентября приветствовала «героических защитников Варшавы», отражающих натиск «фашистских орд», 19 сентября заявила, что СССР, заняв Западную Украину и Западную Белоруссию, «помешал тому, чтобы эти районы, которые по Версальскому договору отходили к СССР, попали под иго гитлеровской власти»¹³.

Это еще не означало полного «выправления» политической линии ФКП, предписанного Коминтерном, тем более, что заявления парламентской группы ФКП не получили сколько-нибудь широкого распространения, не исходили от официального руководства компартии и принимались без участия ее генерального секретаря, который все еще находился в армии.

26 сентября 1939 г. французское правительство запретило коммунистическую партию и «всякую деятельность, прямо или косвенно имеющую целью распространение лозунгов, исходящих или зависящих от Третьего Коммунистического Интернационала»¹⁴.

28 сентября пала Варшава, и в тот же день В. Молотов и И. Риббентроп подписали в Москве советско-германский договор «о дружбе и границе». Кроме того, обе стороны выступили с совместным публичным заявлением, в котором подчеркивалось, что Германия и СССР «в обоюдном согласии» будут стремиться к окончанию войны; они возлагают ответственность за ее продолжение на Англию и Францию и «будут консультиро-

ваться друг с другом о необходимых мерах»¹⁵. Кроме того, было подписано несколько секретных протоколов, в том числе протокол о передаче Литвы в «сферу интересов» СССР в обмен на области с преобладанием польского населения, которые переходили в «сферу интересов» Германии.

Руководство Коминтерна восприняло договор «о дружбе и границе» как сигнал к дальнейшему отходу от антифашистской линии и усилило нажим на Компартию Франции. 28 сентября — в день подписания договора «о дружбе и границе» — Президиум ИККИ направил в Париж директивную шифrogramму: «После запрещения партии становится еще более ясно, что надо решительно порвать с политикой священного единения и разоблачить ложь французской буржуазии об антифашистской войне... Вопрос о фашизме играет сегодня второстепенную роль, перво-степенный вопрос — борьба против капитализма, источника всех войн; против режима буржуазной диктатуры во всех ее формах, прежде всего в вашей собственной стране. Тактика единого и народного фронта больше не применима»¹⁶.

После этого руководители ФКП более энергично взялись за «выправление» своей линии. Ее первым заметным признаком стало письмо, которое депутаты-коммунисты 1 октября 1939 г. написали председателю палаты депутатов Э. Эррио, требуя созвать парламент для обсуждения вопроса о мире. Смысл письма состоял в поддержке советско-германского заявления от 28 сентября, где Германия и СССР объявили о своем стремлении к миру.

Письмо к Эррио, сведения о котором проникли в печать, вызвало возмущение общественности и смятение среди части депутатов ФКП. Его подписали только 44 депутата из 74, причем подписи некоторых из них были поставлены заочно. Все, кто подписал письмо к Эррио, были преданы суду по обвинению в нарушении декрета о запрещении компартии. Весной 1940 г. их приговорили к длительному тюремному заключению. Основные руководители ФКП ушли в подполье. М. Торез дезертировал из армии и вместе с Ж. Дюкло укрылся в нейтральной Бельгии, где действовал нелегальный опорный пункт Коминтерна, располагавший радиосвязью с Москвой.

В Бельгии Торез и Дюкло вместе с представителем Коминтерна Э. Фридом взялись за дальнейшее «выправление» линии ФКП. 14 октября 1939 г. в бельгийском коммунистическом журнале «Монд» был напечатан манифест Французской коммунистической партии, авторами которого, видимо, были Торез и Дюкло. Там говорилось, что германские, английские и француз-

ские империалисты ведут друг против друга «империалистическую войну». Указывая, что «коммунисты ненавидят Гитлера и его свирепый антирабочий режим», авторы манифеста утверждали, что французские правящие круги сами «вводят во Франции фашистские методы» и поэтому «борьба против фашизма требует, чтобы, в первую очередь, были обезврежены французские фашисты, враги французского народа»¹⁷.

Такое «выправление линии» не удовлетворило руководителей Коминтерна. Получая запоздалую, ограниченную, а порой и неточную информацию, они подозревали, что руководители ФКП во Франции и в Бельгии не хотят или не могут точно выполнять их директивы. 19 и 20 октября 1939 г. состоялось заседание Президиума ИККИ, на котором обсуждалась «позиция и тактика компартий в условиях империалистической войны». Выступивший с докладом о политике компартий Франции и Великобритании член Президиума ИККИ и представитель ФКП в Коминтерне Андре Марти обрушился на руководство своей собственной партии, которое, по его словам, «капитулянтством, ультралегалистским парламентским уклоном... разоружило партию и рабочий класс». Он подверг критике не только голосование за военные кредиты, но и письмо к Эррио, и манифест ФКП 14 октября 1939 г., в котором не обнаружил «ни слова против французского империализма», «никаких атак против Даладье и нынешнего правительства», но зато нашел, что там «недостаточно разоблачается поведение социал-демократии»¹⁸.

Заслушав доклады Марти и других выступавших, Президиум ИККИ принял решение «укрепить руководство компартий» и «сосредоточить огонь против оппортунизма, выражающегося в скатывании на оборонческую позицию в поддержании легенды об антифашистском характере войны»¹⁹.

Генеральный секретарь Компартии Великобритании Гарри Поллит, виновный в излишнем антифашизме, был смещен Коминтерном, но Морис Торез сохранил свой пост. 20 октября в английской коммунистической газете «Дейли уоркер» появилось его интервью, в котором Торез объявил, что французские коммунисты «изо всех сил борются против империалистической войны, за мир и против правительства Даладье, от которого страна должна избавиться»²⁰.

Через неделю, 26 октября, вышел первый номер нелегальной «Юманите», передовая статья которого гласила, что во Франции, как и в Германии, коммунисты «противостоят капитализ-

му, реакции и гитлеризму; противостоят войне наживал и фашистов»²¹.

Нелегально перебравшись из Бельгии в СССР, где он жил в глубочайшей тайне до конца 1944 года, Торез несколько раз выступал на заседаниях Секретариата ИККИ, признавал «тяжелые политические ошибки» и «легалистское поведение» руководства ФКП, но заверял, что партия «дала доказательства абсолютной преданности делу Ленина и Сталина, преданности Советскому Союзу и Коммунистическому Интернационалу», исправила свои ошибки и теперь будет бороться за мир, против империалистической войны и собственного правительства под лозунгом «Наш враг внутри страны»²².

9 февраля 1940 г. Секретариат ИККИ рассмотрел вопрос «О положении во Франции и задачах французской КП», вновь указав на «тяжелые ошибки» руководства ФКП, которая повторяла «устаревшие и, следовательно, ошибочные формулы (защита демократии, союз нации)». В то же время отмечалось, что компартия провозгласила «свою абсолютную преданность Коммунистическому Интернационалу Ленина и Сталина». На будущее компартии рекомендовалось вести борьбу под лозунгами: «Долой империалистическую войну! Немедленный мир!». Одновременно предписывалось не копировать лозунги, выдвинутые во время предшествующей империалистической войны, как, например, «превращение войны империалистической в войну гражданскую»²³. Из документов Коминтерна и ФКП исчезла критика гитлеровской Германии и даже сами слова «гитлеризм» и «фашизм». «Поджигателями войны» стали называть не Германию, а Францию и Англию; главные усилия коммунистов теперь направлялись против «врага в собственной стране», то есть против своего правительства и лидеров социал-демократии²⁴.

Нет нужды специально доказывать, что «выправленная» таким образом политическая линия Коминтерна и ФКП была глубоко ошибочной. Она раскалывала антифашистские силы и благоприятствовала фашистским агрессорам.

С момента немецкого наступления на Западном фронте 10 мая 1940 г., и особенно после капитуляции Франции в июне 1940 г., наметился новый поворот в политике Коминтерна и Французской компартии. На этот раз в обратном направлении: от борьбы с «врагом в собственной стране» к защите национальной независимости от фашистских захватчиков. Насколько можно судить по сохранившимся документам, главными ини-

щиками нового поворота были Димитров, постоянно консультировавшийся со Сталиным, и Торез, вместе с которым на этот раз действовали Марти и другие руководители ФКП, находившиеся в Москве.

В мае — июне 1940 г. они подготовили по крайней мере 9 проектов деклараций Французской компартии, пытаясь примирить прежние установки Сталина и Коминтерна с требованиями свободы и независимости Франции.

Первым таким проектом была написанная, в основном Торезом, декларация «Мы обвиняем», окончательный текст которой датирован 21 мая 1940 г. В соответствии с прежней линией Коминтерна и ФКП она обвиняла французскую буржуазию, французское правительство и лидеров социал-демократии во всех несчастьях, обрушившихся на Францию. Но при этом осуждались не только «те, кто ответственен за развязывание нынешней войны», но и те, «кто своей империалистической политикой расчистил путь иноземному нашествию»²⁵.

Декларация была утверждена Секретариатом ИККИ, но осталась неопубликованной, так как события на фронте опережали ее содержание. В следующих проектах на первый план постепенно выходили требования свободы и независимости Франции, но все проекты безнадежно отставали от стремительного хода событий и оставались неопубликованными²⁶. В вышедшей в свет в 1949 г. книге Тореза «Сын народа» приводится текст обращения ЦК ФКП к правительству 6 июня 1940 г., первый пункт которого будто бы гласил: «Изменить характер войны, превратив ее в народную войну за свободу и независимость родины». Последний же пункт требовал «вооружить народ и превратить Париж в неприступную крепость»²⁷. Ни в архивах Коминтерна, ни в подпольной печати ФКП нет такого документа и нет никаких упоминаний о нем, как нет и каких-либо предложений изменить оценку войны как империалистической. По-видимому, это апокриф.

Зато не вызывает сомнений декларация ФКП, согласованная со Сталиным и утвержденная на заседании Секретариата ИККИ 19 июня 1940 г. — за три дня до капитуляции Франции. Там, в частности, говорилось: «Франция стоит перед угрозой исчезновения как нации, как независимого государства... Мы будем бороться против порабощения нашего народа захватчиками, иностранными империалистами. Рабочий класс, народ Франции никогда не примирится с иноземным порабощением». Эта декларация была опубликована в коммунистической печати

Швеции и США²⁸, но, видимо, осталась неизвестной во Франции.

Во французской, да и в отечественной историографии встречаются утверждения, что после поражения Франции и вплоть до нападения Германии на СССР Французская коммунистическая партия будто бы не призывала к борьбе с оккупантами и даже сотрудничала с ними. Директивы Коминтерна опровергают эти утверждения. 22 июня 1940 г., в день, когда было подписано франко-германское перемирие, определившее условия оккупации Франции, Секретариат ИККИ утвердил директиву для Французской компартии. Она развивала идею национальной независимости, уже намеченную в декларации 19 июня, и вновь выдвигала лозунг «единства нации», отвергнутый Сталиным в сентябре 1939 г. В этой директиве выражалась уверенность, что «только рабочий класс под руководством Коммунистической партии способен добиться единения нации в мощный фронт, способный защитить ее жизненные интересы и бороться против иностранного ига за действительно свободную и независимую Францию». Позиция по отношению к немецко-фашистским оккупантам была сформулирована следующим образом: «Не поддаваясь на провокации и избегая преждевременных действий, тем не менее, необходимо поддерживать и организовывать сопротивление масс против мер насилия, грабежей и произвола со стороны захватчиков». Директива рекомендовала французским коммунистам использовать «малейшую благоприятную возможность» для легального издания коммунистической печати, но так, чтобы эти действия «никоим образом не создавали впечатления солидарности с захватчиками или одобрения с их стороны»²⁹.

Таким образом, с первых дней оккупации Коминтерн требовал от французских коммунистов противодействовать оккупантам, употребляя при этом термин «сопротивление».

В последующих директивах Секретариата ИККИ Французской компартии, составлявшихся, как правило, при участии Тореза и Марти, на первый план неизменно выдвигалась, как сказано в директиве от 27 января 1941 года, борьба «за защиту интересов масс, за их права и свободы, за их национальное освобождение от оккупантов»³⁰.

Наиболее четко эта мысль была сформулирована в проекте декларации ФКП от 24 апреля 1941 г., написанном в основном Торезом, а также в излагавшей ее содержание шифрограмме ИККИ во Францию от 26 апреля 1941 г. В этих документах перед

французскими коммунистами впервые ставилась задача формирования «широкого национального фронта борьбы за независимость». Затруднявший же его создание вопрос о характере войны обходился молчанием, а лозунг мира сопровождался существенными оговорками.

В шифрограмме подчеркивалось, что «главная актуальная задача состоит в борьбе за национальную независимость. Борьба за мир подчинена борьбе за национальную независимость. Мир без национального освобождения означает порабощение французского народа». Далее следовало чрезвычайно важное указание, позволявшее сплотить все патриотические силы: «Борясь за создание этого широкого фронта национального освобождения, партия готова поддержать всякое французское правительство, всякую организацию и всех людей в стране, усилия которых направлены на ведение подлинной борьбы против захватчиков и предателей»³¹.

На основе директив Коминтерна в подпольной печати ФКП публиковались гораздо более обширные манифесты и декларации, главным автором которых был, по-видимому, Дюкло, нелегально прибывший в Париж из Бельгии. Ссылаясь на эти документы, историки-коммунисты обычно не упоминают о директивах Коминтерна. Однако анализ текста и переписка Дюкло с Москвой показывают, что, например, директива 22 июня 1940 г. послужила базой для известного Манифеста компартии «К народу Франции», который обычно датируется 10 июля 1940 г., хотя на самом деле он появился несколькими днями позже.

Соответственно, основные идеи и значительная часть текста шифротелеграммы 26 апреля 1941 г. воспроизводились в Декларации ФКП под заглавием «Для образования Национального фронта независимости Франции Французская коммунистическая партия обращается ко всем, кто мыслит по-французски и хочет действовать как француз». Французские коммунисты называют ее Декларацией 15 мая 1941 г., но из текста видно, что она написана не ранее 23 мая³².

Сравнение текста этих манифестов и деклараций с директивами Коминтерна показывает, что между руководством Коминтерна и ФКП в Москве и нелегальным руководством компартии в Париже, которое возглавлял Дюкло, имелись существенные разногласия или по крайней мере различия. Они касались трех главных вопросов. **Первым из них** был вопрос о переговорах с оккупантами. Когда в июне 1940 г. Дюкло тайно вернулся из Бельгии в оккупированный Париж и взял на себя руководство

парижской организацией ФКП, он попытался добиться от оккупационных властей разрешения на легальный выход «Юманите» и других коммунистических газет.

По указанию Дюкло его представители вступили в переговоры с немецкой оккупационной администрацией, посетили даже немецкого посла в Париже О. Абеца и передали ему письмо с изложением политической линии, которую будет проводить коммунистическая печать в случае ее легального появления. Суть этой линии должна была заключаться в борьбе за мир и экономическое возрождение Франции путем «принятия мер против крупных собственников, против капиталистического эгоизма, виновного в катастрофе, обрушившейся на Францию»³³.

Из хранящегося в архиве Коминтерна собственноручного письма Дюкло в Москву от 30 июня 1940 г. явствует, что Дюкло начал эти переговоры по собственной инициативе, без ведома и согласия Коминтерна, связь с которым он потерял с момента немецкого наступления и долго не мог восстановить³⁴. Хотя директива Коминтерна от 22 июня 1940 г. прямо рекомендовала коммунистам использовать «малейшую благоприятную возможность» для легализации коммунистической печати, руководители Коминтерна и ФКП в Москве, получив 11 июля 1940 г. письмо Дюкло, пришли к выводу, что переговоры с оккупантами дискредитируют коммунистов. 12 июля они, с ведома Сталина, подготовили проект директивы, где, в частности, говорилось: «Было правильно предпринять демарш, чтобы добиться легальности прессы, но встреча с Абецем — ошибка, ибо она грозит скомпрометировать партию и активистов»³⁵. Поскольку нелегальная связь работала медленно, а переговоры с оккупантами продолжались, Димитров, Мануильский, Торез и Марти, с согласия Сталина, 5 августа послали Дюкло директиву: «Партия должна категорически отвергать и осуждать как предательство всякое проявление солидарности с оккупантами»³⁶. 6 августа Димитров и Торез снова телеграфировали Дюкло: «Категорически настаиваем на немедленном прекращении переговоров с Абецем, его агентами»³⁷. После этого Дюкло прекратил переговоры с оккупационными властями, тянувшиеся в общей сложности более двух месяцев — с 18 июня по 15 августа, и более они не возобновлялись.

Вторым важным вопросом, разделявшим руководителей компартии в Москве и в Париже, было отношение к генералу де Голлю, который 18 июня 1940 г. — как раз в тот день, когда посланцы Дюкло вошли в контакт с оккупационными властями, —

выступил по радио из Лондона, призывая французов продолжать войну против Германии. В письме, переданном Абецу, посланцы Дюкло, явно имея в виду де Голля, обещали «разоблачать действия агентов британского империализма, которые хотят втянуть французские колонии в войну». Выходившая в Париже под руководством Дюкло нелегальная «Юманите» в начале июля 1940 г. резко осуждала тех, кто «как генерал де Голль и другие агенты английских капиталистов, хотели бы заставить французов сражаться за Сити»³⁸.

Руководители Коминтерна и ФКП в Москве заняли другую позицию. 12 июля они, с согласия Сталина, посоветовали Дюкло «хранить молчание о де Голле и не делать ударения против Англии»³⁹. В директиве Коминтерна от 27 января 1941 г. был сделан новый шаг в оценке де Голля. Там сказано: «Направляя главный огонь компартии против всех агентов оккупантов и всех проводников политики соглашения (с оккупантами — *В.С.*), критикуя антидемократические установки движения де Голля, все же нужно учитывать объективно положительную роль этого движения на данном этапе»⁴⁰.

В шифрограмме от 26 апреля 1941 г., рекомендовавшей компартии объединять всех патриотов, готовых вести борьбу против оккупантов и предателей, имелось дополнение: «Исходя из этой точки зрения, она (компартия. — *В.С.*) не занимает враждебной позиции по отношению к сторонникам движения де Голля, в меру критикуя его реакционные колониалистские позиции».

Парижское руководство ФКП не возражало против таких рекомендаций, но и полностью им не следовало. В ответ на директиву Коминтерна от 27 января 1941 г., в которой отмечалась объективно положительная роль деголлевского движения, Дюкло, как бы не замечая этого, сообщал: «Боремся против всех агентов оккупантов, всех приверженцев сотрудничества (с ними. — *В.С.*). Мы также показали реакционный характер движения де Голля»⁴¹.

В декларации 15 мая 1941 г., основанной на шифрограмме от 26 апреля, из текста шифрограммы была изъята фраза о том, что компартия «не занимает враждебной позиции по отношению к сторонникам движения де Голля». Ее заменил тезис противоположного содержания: «Единство французской нации в борьбе за национальное освобождение не может сложиться вокруг такого реакционного и колониалистского движения, созданного по образу и подобию британского империализма»⁴².

Третьим пунктом разногласий был вопрос о том, включать ли в требования, выдвигаемые коммунистами с целью освобождения Франции, такие радикальные, по существу, антикапиталистические, социально-экономические требования, как национализация банков и крупных промышленных предприятий? Этот вопрос был тесно связан с другим: произойдет ли освобождение Франции в результате социалистической революции или в стране сохранятся капиталистические порядки? По-видимому, Дюкло и его единомышленники считали, что национальное освобождение Франции будет сопровождаться «социальным освобождением» трудящихся от капитализма. Исходя из этого следовало выдвигать требования национализации промышленности и банков, чтобы тем самым подготовить и облегчить свержение буржуазии. Руководители Коминтерна и ФКП в Москве, очевидно, полагали, что национальное и социальное освобождение будет разделять большая дистанция. Считая главной задачей объединение всех национальных сил для борьбы против оккупантов за свободу и независимость Франции, они предпочитали не выдвигать слишком радикальные социально-экономические требования, которые неизбежно вызвали бы разногласия среди патриотов. В процессе разработки проектов деклараций ФКП в мае — июне 1940 г. в них время от времени включались такие требования, как: «конфискация военных прибылей; обложение крупного капитала; национализация банков, страховых обществ, шахт, железнодорожных компаний, торгового флота, трестов электроснабжения, крупных мельниц, сахарных и молочных трестов»⁴³. Однако в окончательный текст они не вошли. Не было их и в директиве Коминтерна от 22 июня 1940 г. и в его последующих документах. Тем не менее, в написанном на основе директивы от 22 июня Манифесте ФКП 10 июля 1940 г. были включены требования национализации банков, шахт, железных дорог и других крупных предприятий, передачи крестьянам крупных земельных владений, принадлежавших «эксплуататорам народа», предоставление независимости колониям. Авторы Манифеста, подписанного Торезом и Дюкло (хотя Торез в это время находился в Москве), предлагали создать «правительство народа на службе народу», которое осуществит «великие надежды на национальное и социальное освобождение», избавив Францию от «цепей капитализма»⁴⁴, хотя ничего подобного не было в директиве Коминтерна от 22 июня, в разработке которой участвовал Торез.

Очень важный шаг был сделан в проекте директивы Коминтерна от 24 апреля 1941 г., написанной в основном Торезом с участием Марти, где впервые был поставлен вопрос о национальном фронте борьбы за независимость Франции. Отметив, что в принципе коммунисты выступают за свержение капитализма, Торез и Марти заявили: «Основной задачей на данный момент является не свержение капитализма и пролетарская революция, а защита интересов и существования французского народа, его национальное освобождение от иностранного ига. Добившись этого, французский народ сам свободно решит свою судьбу»⁴⁵.

Это чрезвычайно важное и принципиальное положение не вошло в шифрограмму, посланную во Францию 26 апреля, однако и там сказано: «Ваша платформа должна быть платформой не только партии, но и всего народа». Ближайшие требования коммунистов в шифрограмме предлагалось ограничить приемлемыми для всех патриотов пунктами: хлеб, работа, возвращение военнопленных, ликвидация оккупационных платежей, оплата издержек войны за счет богачей и спекулянтов, восстановление политических свобод. Требование «правительства народа» сохранялось, но его задачи менялись. Оно должно было не избавить страну от «цепей капитализма», а «железной рукой» очистить Францию «от всех капитулянтских элементов».

Зато в декларации 15 мая 1941 г. все осталось по-старому. Там вновь выдвигались антикапиталистические требования, в том числе усиленное налогообложение крупных состояний, национализация без выкупа банков, страховых компаний, шахт, железных дорог и крупных капиталистических предприятий. По-прежнему высказываясь за «решительное продолжение политики мира, чтобы удержать Францию вне конфликта»⁴⁶, декларация осуждала империалистическую войну, хотя в шифрограмме отвергался мир без национального освобождения, а вопрос о характере войны не затрагивался. Очевидно, что создать на такой основе Национальный фронт, объединяющий всех патриотов, было невозможно.

Трудно сказать, почему парижское руководство ФКП не во всем следовало директивам Коминтерна и московского руководства компартии. Возможно, оно было несогласно с ними, а, может быть, истолковывало новые директивы в духе прежних установок Сталина об империалистической войне, борьбе за мир, против капитализма и «врага в собственной стране», тем

более что в новых директивах имелось немало следов прошлого, неясностей, противоречий и умолчаний.

Только после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. прежние противоречия исчезли.

На встрече со Сталиным утром 22 июня Димитров получил новые указания: считать войну справедливой со стороны всех противников Германии, не ставить вопрос о социалистической революции, поддерживать советский народ, который ведет Отечественную войну против фашистской Германии⁴⁷.

Выступая в тот же день на заседании Секретариата ИККИ, Димитров изложил и конкретизировал указания Сталина. В частности, он сказал: «Мы не будем на этом этапе призывать ни к свержению капитализма в отдельных странах, ни к мировой революции. Речь идет теперь в отдельных странах о борьбе против национального угнетения, против режима порабощения оккупантами, о борьбе за национальную свободу». Компартиям оккупированных и вассальных стран предписывалось «установить контакт с теми элементами, которые стоят за войну с Германией», в частности «во Франции нужно занять подобную позицию по отношению к де Голлю»⁴⁸.

Время внезапных политических поворотов кончилось. Политический курс Коминтерна больше не менялся вплоть до его роспуска в июне 1943 г.

Примечания

¹ Самой значительной документальной публикацией на эту тему является сборник: Коминтерн и Вторая мировая война. Часть I и II. М., 1994, 1998. Отв. редакторы К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. Составители, авторы вступительных статей и комментариев Н.С. Лебедева, М.М. Наринский.

² «Известия», 25 декабря 1989.

³ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. I. С. 69–70.

⁴ Ceretti G. A l'ombre de deux T. 40 ans avec Maurice Thorez et Palmiro Togliatti. Paris, 1973. P. 196.

⁵ Цит. по: Кремье Ф., Эстаже Ж. Как это было. Французская коммунистическая партия в 1939–1940 гг. М., 1989. С. 115.

⁶ См.: Cahiers d'histoire de l'institut de recherches marxistes (далее CHIRM). 1983, № 14. P. 121.

⁷ «L'Humanité», 25 августа 1939.

⁸ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. I. С. 71.

⁹ CHIRM. 1989. № 39. P. 81, 86.

- ¹⁰ Подробнее см. Марьина В.В. Дневник Г. Димитрова. // Вопросы истории. 2000, № 7. С. 38–39.
- ¹¹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 88–89.
- ¹² «Правда». 18 сентября 1939.
- ¹³ CHIRM. 1989. № 39. Р. 86.
- ¹⁴ Journal officiel de la République française. Lois et décrets. 27.IX.1939. Р. 11770.
- ¹⁵ «Правда». 29 сентября 1939.
- ¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 184. Д. 4. Л.4.
- ¹⁷ «Le Monde» (Bruxelles). 14 октября 1939. Р. 3.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 267. Л. 9, 13, 15, 18 и др.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 267. Л. 1–3; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 141–143.
- ²⁰ «Daily Worker» (London). 20.X.1939.
- ²¹ «L'Humanité». 26.X.1939.
- ²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10-а. Д. 30. Л. 51–59.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 573. Л. 205–208.
- ²⁴ Подробнее см. Смирнов В.П. Французская коммунистическая партия и Коминтерн в 1939–1940 гг.: новые архивные материалы. // Новая и новейшая история. 1994, № 1.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Л. 1321. Л. 15–19; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 344–347.
- ²⁶ Подробнее см. Смирнов В.П. Коминтерн и поражение Франции (по архивам Коминтерна) // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 21–28.
- ²⁷ Thorez M. Fils du peuple. Paris, 1949. Р. 176–177.
- ²⁸ Daily Worker., (New York), 21. VI. 1940. См. также: Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 365–367, 371.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1321. Л. 188–189; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 371–373.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 522. Л. 1–2.
- ³¹ Там же. Л. 5–6; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 526–527.
- ³² Подробнее см. Смирнов В.П. Начало французского движения Сопротивления: новые данные. // Новая и новейшая история. 1999, № 2.
- ³³ Подробнее см. Смирнов В.П. Коминтерн и поражение Франции. С. 31–35.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 92. Л. 82–99.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1322. Л. 107; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 394–396.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1322. Л. 161–164; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 408–410.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 184. Д. 8. Л. 27.
- ³⁸ «L'Humanité». 1.VII.1940.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1322. Л. 107.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 522. Л. 1—2.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 184. Д. 8. Л. 50.

⁴² “Pour la formation d’un Front National de l’indépendance de la France”, (листовка).

⁴³ См., например,: Проект декларации ФКП. 8 июня 1940. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 83. Л. 87—105.

⁴⁴ “Peuple de France” (листовка).

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 124. Л. 7—8.

⁴⁶ “Pour la formation d’un Front national de l’indépendance de la France”.

⁴⁷ См. Марьина В.В. Ук. соч., с. 39.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 36, 3в, 3г; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. С. 93—96.

Балканский кризис и Советский Союз¹

Хотя уже с началом Второй мировой войны балканские страны, сразу же объявившие так или иначе о своем нейтралитете, испытали вызванные войной напряженность и угрозы, однако в течение еще почти десяти месяцев сам полуостров оставался вне зоны кризисных потрясений. Непосредственно ареной международно-политического кризиса он стал лишь с середины 1940 г.

В сложном и нередко противоречивом переплетении событий, обозначивших развертывание кризиса на Балканах, достаточно рельефно очерчиваются три главные его составляющие. Старт кризису был дан первым с начала войны раундом территориальных переделов, произведенных в конце июня — начале сентября 1940 г. Они коснулись ряда областей, находившихся в составе Румынии и в подавляющем большинстве присоединенных к ней в результате Балканских войн 1912—1913 гг. и Первой мировой войны. Теперь под угрозой применения силы эти области были изъяты у нее в пользу трех государств — Советского Союза, Венгрии и Болгарии. В ходе этих переделов произошел первый за время войны значительный сдвиг в международной ситуации на Балканах в сторону серьезного усиления там влияния Германии в регионе. Он стал следствием, прежде всего, германских (вместе с ними и итальянских) гарантий, данных Румынии в итоге 2-го Венского арбитража 30 августа 1940 г. в обмен на передачу Северной Трансильвании, находившейся под румынской властью, Венгрии. Большую роль сыграло и покровительство нацистского рейха Болгарии при получении ею у Румынии Южной Добруджи. Другой важнейшей составляющей

балканского кризиса явилась последующая быстро нарастающая экспансия держав «оси» на полуострове, которая привела осенью 1940 г. к превращению Румынии, а затем, на рубеже февраля — марта 1941 г., Болгарии в сателлитов нацистской Германии, с их присоединением к Тройственному пакту и вводом в них немецких войск. Сюда же относится попытка навязать в марте 1941 г. положение сателлита и Югославии, тоже путем ее присоединения к Тройственному пакту. Но эта попытка в итоге сорвалась из-за смены власти в Белграде вследствие военного переворота, происшедшего там 27 марта. Наконец, третьей составляющей кризиса стала прямая военная агрессия стран «оси» на Балканах: против Греции, начатая Италией 28 октября 1940 г., а затем продолженная Германией 6 апреля 1941 г., и против Югославии, развязанная 6 апреля 1941 г. Германией и Италией в ответ на переворот 27 марта. Результатом явился захват обеих жертв агрессии. Содействовали этому Венгрия, присоединившаяся как к нападению на Югославию, так и к ее разделу оккупантами, а также Болгария, которая предоставила свою территорию для вторжения германских войск в Грецию и Югославию, а затем участвовала в разделе и оккупации этих стран.

Развертывание кризиса на Балканах в 1940—1941 гг. по большей части совпало с периодом, когда Кремль активно пытался стать одним из основных игроков на международно-политической сцене региона. Политика СССР во время кризисных коллизий неизменно привлекала внимание историков. Возможности ее анализа значительно расширились или вообще впервые возникли в последние полтора десятилетия, когда началось, наконец, изучение прежде недоступных источников, хранящихся в архивах России и тех балканских стран, которые после войны оказались в советском блоке. Часть таких источников была опубликована². Вместе с тем эти возможности оказались серьезно лимитированы ощутимой ограниченностью рассекречивания советской внешнеполитической документации в российских архивах и даже наблюдающейся в последние годы «обратной волной» — повторным закрытием того, что уже становилось на некоторое время доступным. В результате исследователи все еще не имеют доступа к значительной части документации советской дипломатии, не говоря уже о разведке и военных органах. Особенно негативно сказывается отсутствие документов, которые бы отражали принятие относящихся к Балканам решений тогдашним советским руководством³. Это порождает далеко не одинаковую степень выяснения различных аспектов пози-

ции Кремля в балканских делах, способствует возникновению противоречащих друг другу интерпретаций.

Рассмотрим по необходимости кратко, как в свете ставших доступными новых источников выглядят основные черты политики и роли СССР в связи с каждой из перечисленных выше трех главных составляющих кризиса на Балканах и какие проблемы стоят на сей счет в историографии после исследований, проводившихся в последние полтора десятилетия.

Итак, первая из составляющих балканского кризиса — это положившие ему начало территориальные переделы в регионе, произведенные в июне — сентябре 1940 г. В отношении СССР речь прежде всего идет о его ультиматуме Румынии 26 июня 1940 г., в результате которого Бухарест был вынужден передать советской стороне требуемые ею территории — Бессарабию и Северную Буковину. Относительно Бессарабии Советский Союз никогда не признавал ее присоединения к Румынии в 1918 г. и претендовал на нее как на территорию, принадлежавшую прежде (с 1812 г.) России. По поводу же северной части Буковины, которая до 1918 г. находилась в составе Австро-Венгрии и никогда России не принадлежала, Москва аргументировала свои претензии тем, что население этой области в своем большинстве — украинское, которое должно соединиться с Украинской ССР. Вместе с тем новой линией советско-румынской границы, обозначенной на приложенной к советскому ультиматуму карте, в пределы СССР, без всяких обоснований, включался и расположенный между Бессарабией и Северной Буковиной район на севере румынской Молдовы. Он неизменно являлся частью Румынии с самого момента ее возникновения как единого государства на рубеже 50—60-х годов XIX в.⁴ Эти события рассматривались в историографии на протяжении последних лет с привлечением нескольких групп новых документов.

Первую группу составляют советские источники, отражающие военный аспект подготовки, а также самого проведения акции, предпринятой Москвой в отношении Румынии. Некоторые документы были опубликованы⁵, другие, по мере их рассекречивания, изучались в архивах⁶. Из них следует, что непосредственная подготовка военной операции началась в конце первой декады июня 1940 г. В это время командования Киевского особого военного округа (КОВО) и Одесского военного округа (ОДВО) получили соответствующие директивы от наркома обороны СССР маршала С.К. Тимошенко. Выполняя их, войскам КОВО и ОДВО незамедлительно были отданы приказы о приве-

дении в боевую готовность и сосредоточении у советско-румынской границы⁷. В распоряжении исследователей пока нет документов о том, когда и по каким конкретным соображениям было принято решение Кремля, предусматривавшее предъявление Бухаресту ультиматума с территориальными требованиями, подкрепленного военной угрозой. Однако характер и масштаб военных приготовлений — создание под командованием генерала армии Г.К. Жукова (он тогда возглавлял КОВО) специального Южного фронта, куда были включены войска КОВО и ОДВО, пополненные за счет некоторых других военных округов, общей численностью до 460 тыс. человек, с мощными артиллерией (до 12 тыс. орудий и минометов) и авиацией (2160 самолетов), с почти 3 тыс. танков и с поддержкой Черноморского флота⁸, — дают серьезное основание полагать, что советское руководство, скорее, имело в виду не просто устрашение румынской стороны демонстрацией силы, но и возможность прямого ведения военных действий для достижения своей цели. В пользу такого заключения говорит и то, что первоначальный план операции, разработанный командованием Южного фронта к 17 июня и представленный к 22 июня на утверждение Тимошенко, предусматривал, что Бухарест не пойдет на удовлетворение территориальных требований СССР. В этом случае необходимым был бы полномасштабный удар советской военной группировки для разгрома румынских войск и занятия соответствующей территории⁹. Лишь позже, когда стала вырисовываться перспектива согласия Румынии на выполнение советских требований, был разработан второй вариант плана предстоявшей операции. По этому варианту задача частей Южного фронта состояла в том, чтобы в ходе отвода румынских войск с упомянутой территории тут же занять ее и выйти на новую линию границы СССР с Румынией, указанную в советском ультиматуме¹⁰.

После того, как 26 июня ультиматум был предъявлен, все пошло как раз по сценарию второго варианта¹¹. Но не в результате лишь демонстрации силы, проведенной Советским Союзом, а вследствие того, что ультиматум был предварительно согласован между Москвой и Берлином. Бухарест подвергся их скоординированному воздействию, перед которым оказался вынужденным отступить. Советско-германская договоренность была, как известно, достигнута в ходе переговоров, которые велись по данному вопросу через посла Германии в СССР В. Шуленбурга с 23 июня, когда В.М. Молотов на встрече с послом предупредил о запланированном Кремлем шаге в отношении Румынии. Со-

ветские записи бесед Молотова с Шуленбургом составляют вторую группу новых источников, введенных в научный оборот на протяжении последних лет¹². Их рассекречивание не дало исследователям принципиально нового материала. Ведь донесения Шуленбурга в Берлин об упомянутых беседах и посылавшиеся ему оттуда ответы, о которых он информировал Молотова, были опубликованы десятилетиями раньше¹³. Но советские документы с некоторыми уточнениями подтвердили то, что уже было известно из немецких. А вместе те и другие, дополняя и корректируя друг друга, рисуют с достаточной ясностью картину советско-германского согласования.

В первой же, 23 июня, беседе на данную тему Молотов уведомил Шуленбурга о принятом руководством СССР решении потребовать у Бухареста немедленной передачи Советскому Союзу Бессарабии, а также — как в тот момент формулировались претензии Кремля — всей Буковины. Он указал на ожидание Москвы, что Германия не будет мешать СССР, а окажет ему поддержку на основе существующего соглашения¹⁴. Имелась в виду содержавшаяся в августовском секретном протоколе 1939 г. советско-германская договоренность, фиксировавшая «интерес СССР к Бессарабии» и «полную политическую незаинтересованность» немецкой стороны в этой территории¹⁵, т.е. фактически согласие Берлина с советскими претензиями на нее. Однако в протоколе не было ни намека на то, что данная договоренность относится также к Буковине. 25 июня нацистское руководство ответило через Шуленбурга Молотову, что оно, будучи верным договоренности 1939 г., поддержит перед Бухарестом требования Москвы по поводу Бессарабии, но их распространение на Буковину — совсем новый вопрос, усложняющий дело¹⁶.

Документы, исследованные до сих пор, не содержат сведений о том, когда и при каких обстоятельствах в Кремле было принято решение выдвинуть требование не только по поводу Бессарабии, но и относительно Буковины. Однако обращают на себя внимание два момента. Один заключается в том, что, согласно дневнику Г. Димитрова, еще 21 декабря 1939 г. Сталин на «товарищеском ужине» в Кремле, устроенном по поводу своего 60-летия, пошутил, что Советскому Союзу «тесновато стало». И указал в качестве объектов возможных дальнейших присоединений к СССР на Финляндию, с которой уже три недели шла война, а также на Бессарабию и, как он выразился, «Черновицы», т.е. Буковину, центром которой был этот город¹⁷. Другой же момент состоит в следующем: в подписанной 21 июня 1940 г. на-

чальником Политуправления РККА Л.З. Мехлисом директиве о политработе в войсках, сосредоточенных на румынском направлении, говорилось только о задаче «возвращения Бессарабии». О Буковине речи не шло¹⁸. Первый из названных моментов должен, очевидно, означать, что по крайней мере уже к концу 1939 г. у советского руководства в принципе появилось намерение распространить территориальные претензии СССР и на Буковину. Что же касается второго момента, встает вопрос, означает ли это, что в Кремле испытывали колебания по поводу выдвижения таких претензий, опасаясь, возможно, негативной немецкой реакции, и ко времени направления директивы Мехлиса в войска все еще не приняли окончательное решение о Буковине, а сделали это лишь позже — непосредственно перед встречей Молотова с Шуленбургом 23 июня. Документальных данных для ответа в нашем распоряжении пока нет. Но каким бы образом ни принималось советское решение, оно в итоге столкнулось с германским возражением.

25 июня Молотов, несмотря на это возражение, пытался отстаивать перед Шуленбургом правомерность советских претензий на всю Буковину. Однако на следующий день он уведомил посла, что правительство СССР, приняв во внимание мнение Берлина, умерило свои требования по поводу указанной области, ограничив их Северной Буковиной, и ожидает поддержки их Германией¹⁹. Немцы посчитали нужным пойти на такой компромисс. После вручения румынской стороне советского ультиматума, в котором говорилось о Бессарабии и Северной Буковине, Берлин известил Бухарест, что он советует ему уступить Москве²⁰. В этой ситуации, а к тому же опасаясь, как бы одновременно с СССР не выступили Венгрия и Болгария с претензиями по поводу Трансильвании и Южной Добруджи, руководство Румынии было принуждено выполнить ультиматум Кремля²¹.

Наконец, еще одной группой новых источников, освоенных историками в последние полтора десятилетия, являются материалы об осуществлявшихся через румынского посланника в Москве Г. Давидеску контактах между правительствами СССР и Румынии. Они поддерживались и при предъявлении советского ультиматума, и при обсуждении способов его выполнения, и при урегулировании проблем, которые возникали в последние дни июня — первых числах июля 1940 г. в ходе проведения операции войск Южного фронта по занятию отошедших к СССР территорий. По преимуществу это, с одной стороны, советские записи бесед Молотова с Давидеску, с другой стороны, румын-

ская документация: сообщения Давидеску об упомянутых беседах, а также о его встречах с другими руководящими работниками Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР, посылавшиеся посланником в Бухарест и полученные им оттуда ответы и новые запросы, которые он, по поручению МИД Румынии, передавал советским представителям и обсуждал с ними. Из данной категории документов, часть которых тоже была опубликована²², наглядно виден грубый диктат в отношении румынской стороны как важнейшая черта метода, использованного Кремлем. Так, когда Бухарест, в результате советско-германского соглашения лишенный возможности возражать по поводу Бессарабии и Северной Буковины, попытался уговорить правительство СССР оставить за Румынией хотя бы не относившийся ни к одной из указанных областей район на севере румынской Молдовы, эта просьба была отвергнута без всяких аргументов. Была лишь сделана ссылка на то, что Москва не собирается менять свои решения²³.

В историографии продолжали в последнее время проявляться различия в оценке и объяснении мотивов советской акции в отношении Румынии.

Что касается ее международно-правовой характеристики, вызывавшей особое внимание в отечественных дискуссиях на рубеже 1980—1990-х гг., то в получивших известность зарубежных научных работах недавних лет речь в большинстве случаев шла, как, к примеру, у Г. Городецкого или С. Понса, об оккупации или аннексии Бессарабии и Северной Буковины со стороны СССР²⁴. Из российских историков в последнее время одни, как, скажем, А.Д. Богатуров, тоже писали о советской аннексии то крайней мере применительно к Северной Буковине, в прошлом России не принадлежавшей²⁵. Некоторые авторы, подобно М.Д. Ерещенко, указывали на «имперский диктат» со стороны СССР, на советско-германские «циничные переговоры и соглашения» в отношении Бессарабии и в целом Румынии²⁶. Другие же, воздерживаясь от прямых оценок, предпочитали, так В.Я. Сиполс или М.И. Мельтюхов, в качестве стержня в действиях СССР сделать, хотя и в разной степени, упор на возвращение Бессарабии. Эти авторы считали аксиоматичным официальный тезис советской политики, утвердившийся, соответственно, в советской историографии, что Бессарабия была просто аннексирована Румынией в 1918 г.²⁷

По поводу же мотивов Кремля все, кто касался этой темы, ходят на том, что акция, предпринятая Москвой в румын-

ском случае, так же, как почти совпавшая с ней по времени акция в отношении государств Прибалтики, в огромной мере была связана с новой ситуацией, возникшей ввиду поражения Франции. Хотя до сих пор в распоряжении исследователей нет прямых документальных данных о том, как оценивалась эта ситуация высшим советским руководством, тем не менее в современной историографии стал почти общепринятым взгляд, что оно оказалось весьма встревожено столь резким изменением соотношения сил в Европе в пользу Германии. А потому решило срочно взять под свой полный контроль те отнесенные советско-германскими договоренностями 1939 г. к советской сфере интересов сопредельные с СССР территории, которые еще не были присоединены к Советскому Союзу. Однако отсутствие соответствующих документов не позволяет пока выяснить, какие именно конкретные соображения и практические расчеты играли в принятии этих решений наиболее существенную роль. В частности, остается без такого конкретного документированного ответа вопрос о том, насколько предпринятые спешно действия в отношении Прибалтики и Румынии были обусловлены стремлением к укреплению советских западных и юго-западных рубежей перед лицом значительно возросшей германской угрозы, а насколько — опасением, как бы происшедшее изменение соотношения сил в пользу Германии не поставило под сомнение полную реализацию возможностей территориального расширения СССР, предусмотренных договоренностями с Берлином 1939 г. Если даже считать, что акция СССР в отношении Румынии была обусловлена задачей защиты от внешней опасности, нет конкретных документальных данных, имел ли Кремль в виду только германскую угрозу или, как утверждает Городецкий, эта акция в большей мере была обусловлена серьезными опасениями Сталина в отношении эвентуальной британской интервенции на Черном море с использованием Румынии и вытекавшим из этого его стремлением превентивно установить контроль над устьем Дуная²⁸.

Продолжает стоять в историографии и вопрос о том, как операция, проведенная Москвой в отношении Румынии, сопрягалась с планами советской политики на Балканах в целом. В работах, вышедших в последние годы, он затрагивается и толкуется по-разному. Тот же Городецкий постулировал, что эта операция была результатом желания советской стороны обезопасить себя не только на побережье Черного моря, но и вообще на Балканах²⁹. Еще более категоричен Дж. Робертс, писавший о

самой тесной связи «советского броска в Румынию» с общими балканскими планами Кремля³⁰. Большинство же исследователей, включая и тех, кто касался действий СССР в румынском случае наряду с другими аспектами тогдашней политики Сталина на Балканах, воздерживалось от столь жесткой постановки вопроса. И это не случайно. Ибо из имеющихся источников, прежде всего из установок Коминтерна для балканских компартий, очевидно лишь общее стремление Москвы распространять свое влияние на полуострове и противодействовать вовлечению государств региона в орбиту как англо-французской коалиции, так и фашистских держав³¹. В то же время в доступных советских архивных материалах не обнаружено достаточно внятных указаний на более детальные политические планы советского руководства по поводу Балкан к середине 1940 г., ни тем более их последовательного и целостного изложения. Максимум, что оказалось до сих пор в распоряжении исследователей, — крайне скудные и отрывочные сведения об отдельных конкретных устремлениях СССР в отношении тех или иных балканских стран. Причем в значительной мере это данные, скорее угадываемые по некоторым сиюминутным практическим действиям либо заявлениям советской дипломатии, нежели сформулированные в каких-то документах НКВД и тем более Кремля о советских целях и тактике их осуществления.

Ставя акцию в отношении Румынии в связь с общими советскими планами на Балканах, Городецкий и в еще большей мере Робертс указывали на предпринятые в июне 1940 г. попытки Молотова прозондировать, согласны ли Берлин и Рим пойти на договоренность с СССР о взаимном учете интересов в данном регионе. Зондажи были начаты 3 июня, когда Молотов задал Шуленбургу вопрос, отражает ли мнение о возможности совместного решения балканских проблем Германией, Италией и СССР, высказанное в конце мая германским послом в Риме Г. Макензенем советскому поверенному в делах, точку зрения германского и итальянского правительств. Об этом и последующих зондажах можно судить не только по уже ранее известным донесениям из Москвы германского и итальянского послов своим правительствам о соответствующих беседах с ними Молотова, но и по ставшим в последние годы доступными советским записям тех же бесед³².

Однако из документов видно, что июньские зондажи сами по себе способны свидетельствовать не более чем о наличии желания советского руководства выяснить принципиальную воз-

возможность какой-то тройственной договоренности по поводу Балкан. Но о том, в чем именно она должна была бы заключаться с точки зрения Кремля, в упомянутых зондажах, по сути, умалчивалось. Германской стороне при зондировании ее позиции вообще о целях СССР ничего не сообщалось. В советском же заявлении, которое Молотов передал послу Италии в Москве 25 июня, помимо напоминания о тех же советских территориальных требованиях к Румынии, прямо указывалось лишь на необходимость признания СССР главной черноморской державой. Кроме этого делались весьма туманные намеки на желательность совместных с Италией и Германией мер против Турции, в том числе призванных изменить в пользу Москвы контроль над Проливами. В остальном же речь шла вовсе не об устремлениях советской стороны, а о том, как она оценивает свои отношения с некоторыми странами балкано-дунайского региона и видит территориальные проблемы, возникшие между этими странами. Говорилось, что у СССР нет претензий к Венгрии, хорошие отношения с Болгарией и что болгарские территориальные претензии к Румынии и Греции, а венгерские — к Румынии «имеют под собой основание»³³.

В доступных документах нет данных о том, чем был обусловлен такой характер зондажей. Касаясь вопроса о них, В.К. Волков, например, полагал, что подобное изложение советской позиции относительно Балкан было намеренным, чтобы избежать даже намек на существование у СССР какого-либо стратегического замысла³⁴. Вполне вероятно, что Москва в самом деле опасалась, лишь приступив к выяснению возможностей соглашения по поводу этого региона с Берлином и Римом, сразу же излишне настораживать их своими устремлениями. А до более подходящего момента так и не дошло. Едва начавшись, зондажная кампания почти тут же, на рубеже июня — июля, застопорилась, ибо ни германская сторона, ни — в более мягкой форме — итальянская не проявили желания продолжать с СССР обсуждение возможности трехсторонней договоренности о Балканах. Подобная позиция Берлина определилась уже вскоре после того, как там было получено сообщение Шуленбурга о первом зондаже, предпринятом Молотовым 3 июня 1940 г. Посланная 16 июня И. Риббентропом инструкция для Шуленбурга об ответе Молотову была составлена таким образом, чтобы уклониться от подтверждения — как и от прямого отрицания — позиции, будто бы выраженной Макензеном, да при этом вообще оспаривалось, что он высказывался подобным образом³⁵. Однако Шу-

Шуленбург, являвшийся сторонником укрепления германо-советских отношений и нередко пытавшийся в тайне от своего правительства сгладить возникавшие сложности, действовал в этом случае прямо противоположно полученной инструкции. Судя по советской записи, 23 июня посол изложил Молотову ответ Риббентропа совершенно по-иному, создавая у собеседника ложное впечатление о том, что нацистское руководство якобы разделяет необходимость договоренности по Балканам³⁶. Тем не менее действительная позиция Берлина практически заблокировала продолжение советско-германских переговоров на этот счет, поскольку немецкая сторона к этой теме не возвращалась. Не возымело действия и своеобразное советское напоминание, фактически содержавшееся в переданной 13 июля Молотовым через Шуленбурга информации для германского правительства о беседе Сталина с английским послом в Москве, состоявшейся 1 июля. В информации подчеркивалось, что на выраженную британским правительством точку зрения, согласно которой только СССР может взять на себя руководство балканскими странами и их объединение для сохранения статус-кво на Балканах, Сталин занял позицию, что ни одна держава не может претендовать на исключительную роль по объединению государств этого региона и руководству ими. И указал, что СССР также не претендует на такую роль, хотя и заинтересован в балканских делах³⁷. Это сообщение не без оснований уже расценивалось В.К. Волковым как своего рода приглашение германскому руководству приступить, наконец, к обсуждению с Кремлем всего комплекса балканских проблем³⁸. Но и на этот раз Берлин уклонился от ответа по существу, ограничившись 17 июля благодарностью советской стороне за информацию о беседе Сталина с британским послом³⁹. А позже Риббентроп прямо уведомил своего итальянского коллегу Г. Чиано о нежелательности участия СССР в решении балканских проблем⁴⁰. Правительство Италии, в свою очередь, не считало нужным идти дальше лишь самых общих разговоров с советской стороной относительно балканской ситуации, и притом в целях выяснения позиции самого СССР⁴¹. 5 июля Чиано направил своему послу в Москве инструкцию избегать обсуждения вопросов, поставленных в упомянутом выше советском заявлении от 25 июня⁴².

В итоге, каковы бы ни были действительные причины советской тактики, июньские зондажи Молотова оставляют, по признанию даже Робертса⁴³, достаточно неопределенным ответ на

вопрос, в чем конкретно состояли балканские планы, имевшиеся в то время у Кремля.

С относительно большей определенностью можно судить лишь о советских планах по поводу Болгарии. Из имеющихся документов хорошо известно, что еще в сентябре — ноябре 1939 г. Москва настойчиво предлагала Софии заключить между двумя странами пакт о взаимопомощи. После отклонения этой инициативы болгарским правительством советская сторона, не отказываясь от своего замысла, решила подождать до более подходящего момента⁴⁴. В ноябре 1940 г. — о чем еще пойдет речь впереди — она возобновила свою попытку, причем в Кремле имели в виду, что Болгария станет частью сферы влияния СССР, вплоть до его военного присутствия в этой стране⁴⁵. Судя по документам Исполкома Коминтерна (ИККИ) и руководства Болгарской компартии (БКП), такая линия оставалась в силе и на протяжении периода между двумя упомянутыми выше попытками, в частности в середине 1940 г. Так, 22 мая Димитров, стоявший во главе как ИККИ, так и БКП, переслал Сталину и Молотову полученный в Москве от центра, руководившего работой БКП в самой Болгарии (он фигурировал как ЦК партии), запрос по поводу того, целесообразно ли с точки зрения задач советской политики в данный момент, чтобы БКП продолжала вести в стране пропаганду в пользу заключения пакта о взаимопомощи с СССР⁴⁶. И хотя мы не располагаем ответом из Кремля, очевидно, оттуда последовало «добро» на продолжение такой пропагандистской кампании. Ибо 13 июня Т. Костов, возглавлявший тогда ЦК, с гордостью сообщал в Москву, что в результате активных усилий БКП лозунги с призывом к союзу с СССР массово распространяются по всей стране⁴⁷. О полном одобрении этих усилий и необходимости продолжать их говорилось и в последующих директивах, которые посылались из Москвы, например, в сентябре 1940 г., в адрес ЦК, находившегося в Болгарии⁴⁸.

Таким образом, речь шла о постоянно проявлявшемся стремлении Кремля втянуть Болгарию в сферу своего влияния. Однако, основываясь на доступных исследователям документах, трудно в полной мере определить, насколько это было связано с советскими намерениями по поводу собственно Балкан, а насколько — с тем, что Болгария занимала геополитическое положение одного из «ключей» по отношению к Проливам, вопрос о которых занимал тогда особо важное место во внешней политике СССР.

Другим объектом серьезного советского внимания на Балканах — хотя, возможно, и не в такой мере, как Болгария, — стала к рассматриваемому нами времени Югославия. Конец весны — начало лета 1940 г. ознаменовались установлением сперва прямых торговых, а затем дипломатических советско-югославских отношений. Как известно, инициатором, вопреки своему долговременному отказу от признания большевистского режима, выступил Белград. При этом он рассчитывал расширить возможности лавирования Югославии между великими державами и получить новый источник приобретения вооружения и других материалов для югославской армии. Быстрый же успех белградской инициативы был вызван тем, что сама Москва нетерпеливо ждала такого шага югославов. Еще в начале января 1940 г. в МИД Югославии пришло донесение о высказываниях полпреда СССР в Анкаре А.В. Терентьева, в которых давалось понять, что советская сторона хочет этого⁴⁹. Соответственно, на югославские предложения в конце марта — начале апреля 1940 г. об установлении официальных экономических отношений и заключении торгового договора, а в июне — об установлении дипломатических отношений следовало незамедлительное советское согласие⁵⁰.

Пока отсутствуют документы о том, как принимались в Кремле решения по названным вопросам и из каких непосредственных расчетов в данной связи там исходили. Однако бросаются в глаза два момента, до известной степени способные охарактеризовать направленность устремлений, которыми там при этом руководствовались.

Первый заключался в том, что когда еще в начале мая 1940 г., во время переговоров в Москве об установлении экономических отношений, югославская делегация подняла вопрос о возможности приобретения у СССР вооружения, советская сторона дала положительный ответ. При этом было подчеркнуто, что обычно она производит поставки вооружения в страны, либо связанные с СССР пактами о взаимной помощи или в те, с которыми у него установлены нормальные отношения⁵¹. В сентябре 1940 г., когда уже имелись дипломатические отношения, прибывший в Москву военный атташе Югославии Ж. Попович был тотчас же принят наркомом обороны С.К. Тимошенко и начальником Генштаба К.А. Мерецковым. В беседе с ним советские военачальники выразили стремление к тому, чтобы пойти навстречу Белграду в деле поставок вооружения⁵². Таким образом, Кремль сразу же проявил не только готовность, но фактически и заинтересованность в определенном военном сотрудничестве с Югославией, которое могло усилить ее оборонный потенциал

для противостояния угрозе со стороны стран «оси», а вместе с тем стать фактором, способным связать ее с СССР.

Вторым моментом было то, что Молотов с самого же начала своих контактов с официальными югославскими представителями — при встрече 8 мая 1940 г. с экономической делегацией, а затем при первом посещении его 17 июля посланником М. Гавриловичем — поднимал вопрос о возможностях урегулирования и установления более тесных югославо-болгарских отношений. Он достаточно явно выражал советскую заинтересованность в этом, делая акцент на тезисе о важности сближения между славянскими народами для противодействия тому, чтобы за счет славян расширялись территории других народов, среди которых прежде всего называл немцев и итальянцев⁵³. Повторявшееся обращение Молотова к этой теме дает основание полагать, во-первых, что советское руководство стало рассматривать Югославию вместе с Болгарией как страны, которые в силу того, что являются славянскими, с традиционно сильными прорусскими настроениями, могут стать главной сферой влияния СССР на Балканах. Подобная ориентация вполне была в русле постепенно происходившего тогда прагматического поворота Кремля к использованию в качестве политического инструмента для реализации своих задач некоторых прежде отвергавшихся большевиками национально-традиционных идей и символов, в частности и так называемой «славянской взаимности». Во-вторых, настойчиво выражавшаяся Молотовым заинтересованность в улучшении югославо-болгарских отношений, в сочетании с вниманием Сталина к состоянию этих отношений⁵⁴, наводит на мысль, что в Кремле тогда раздумывали над идеей образования некоего альянса между Югославией и Болгарией, который был бы как-то связан с СССР, а то и находился бы под эгидой последнего.

Вполне вероятно, что в советских верхах, проявляя весной — летом 1940 г. заинтересованность в югославо-болгарском сближении, рассчитывали тем самым подключить со временем и Югославию к той комбинации «славянского» блока, которую хотели осуществить в отношении Болгарии путем заключения с ней пакта о взаимопомощи. Но в доступных исследователям документах определенных данных на сей счет не обнаружено. Нет пока данных и о том, было ли обусловлено единым замыслом или явилось лишь следствием случайного совпадения то обстоятельство, что когда в ноябре 1940 г. Москва повторила свое предложение Софии по поводу советско-болгарского пакта о

взаимопомощи, Димитров, наряду с отправкой 25 ноября подпольному ЦК БКП в Болгарии директивы инициировать широкую общественную кампанию за заключение пакта, послал 30 ноября руководству Компартии Югославии (КПЮ) директиву поставить в своей пропаганде вопрос о необходимости заключения советско-югославского пакта о взаимопомощи⁵⁵.

Возвращаясь к версии, согласно которой советская акция в отношении Румынии была связана и с более широкими планами Кремля на Балканах, приходится констатировать, что известные пока источники не содержат ничего, реально указывающего на подобного рода связь. Она не прослеживается не только с производившимися Молотовым довольно неясными зондажами по поводу возможности соглашения между Москвой, Берлином и Римом о разделе сфер интересов на полуострове, но и с несколько более очевидными советскими намерениями в отношении Болгарии и отчасти Югославии.

Более того, в историографии остается невыясненным и вопрос о том, как представлял себе Кремль, предпринимая упомянутую акцию, ее влияние на перспективу отношений СССР с самой Румынией, на дальнейшую внешнеполитическую позицию этой страны, на последующее общее развитие ситуации на Балканах и, разумеется, на политику, проводимую там державами «оси». Без необходимых советских источников остается только гадать на сей счет. Однако одно совершенно очевидно: с конца лета 1940 г. реакция Москвы на те реальные последствия, которые эта советская акция вызвала в балкано-дунайском регионе, недвусмысленно свидетельствует, что руководство СССР их не предвидело.

А они состояли, во-первых, в том, что Будапешт и София, воспользовавшись успешным советским территориальным ультиматумом Бухаресту, сочли, что наступил долгожданный момент и для удовлетворения их территориальных претензий к Румынии. Хотя Москва указала тогда же венгерской и болгарской сторонам на благосклонное отношение к этим претензиям⁵⁶, правительства как Венгрии, более тесно связанной с «осью», так и Болгарии, отчасти ориентированной на такую связь, а отчасти еще пытавшейся лавировать на полунейтралистских позициях, поспешили обратиться прежде всего в Берлин, видя именно в нем, особенно после германских побед на западе, тот фактор, позиция которого была для них ключевой для положительного решения по поводу их требований⁵⁷.

Во-вторых, Бухарест, испытавший шок от произошедшей в одночасье потери значительной территории, которую его принудили передать Советскому Союзу, и боявшийся как выдвижения дальнейших подобных претензий со стороны СССР, так и венгерских и болгарских территориальных требований, особенно в условиях предпринятых тогда Венгрией военных приготовлений, не нашел другого выхода, как обратиться в начале июля за помощью все к тому же Берлину. Ибо, несмотря на только что оказанную немецкую поддержку советскому ультиматуму, Германия, тем более после одержанных ею побед, оказывалась единственным фактором, способным противостоять пугавшей румынских правителей возможности новой советской угрозы и одновременно опасности венгерских и болгарских притязаний. При этом Бухарест заявил о разрыве с данными ему раньше англо-французскими гарантиями (они остались лишь английскими после поражения Франции), о готовности полностью встать в ряд с нацистским рейхом, тесно сотрудничая с последним во всех областях, и просил у Берлина о защите, в том числе о срочной присылке германской военной миссии для должной подготовки румынской армии⁵⁸.

В-третьих, что наиболее важно, сама германская сторона, которая с поражением Франции могла приступить к более решительным действиям в Юго-Восточной Европе, активно отреагировала на перечисленные обращения. Заявляя что не хочет вмешиваться в территориальные проблемы Румынии с Венгрией и Болгарией, а считает нужным решить их путем прямых переговоров и какого-то компромисса Бухареста как с Будапештом, так и с Софией, на деле Берлин незамедлительно воспользовался возникшей ситуацией, чтобы выступить в роли центра, организующего и направляющего урегулирование упомянутых проблем. Сначала такая роль осуществлялась путем настойчивых германских внушений всем трем странам, делавшихся по дипломатическим каналам и в переговорах, проведенных в июле Гитлером и Риббентропом с главами правительств и министрами иностранных дел этих стран⁵⁹. Когда же в середине августа начались, в соответствии с пожеланиями Берлина и присоединившегося к нему Рима, параллельные румыно-венгерские и румыно-болгарские переговоры и первые из них через неделю прервались ввиду несовместимости позиций сторон, Германия вместе с Италией прямо навязали Бухаресту и Будапешту 2-й Венский арбитраж. 30 августа они продиктовали решение, изымавшее у Румынии в пользу Венгрии

значительную территорию Трансильвании, но не всю эту область, чего добивалось венгерское правительство, а лишь ее северную часть. Одновременно в Вене румынская сторона отчиталась перед Риббентропом о достижении принципиального согласия с болгарским правительством, что Южная Добруджа, как предусматривалось рекомендациями Гитлера и Муссолини, передается Болгарии. В обмен же на потери, понесенные Бухарестом, Германия и Италия декларировали, что отныне принимают на себя гарантию целостности и неприкосновенности территории Румынии⁶⁰.

Таким образом, начавшийся территориальный передел на Балканах, непосредственное развязывание которого было стимулировано ультимативной акцией СССР в отношении Румынии, дальше стал осуществляться всецело под руководством и по указаниям Берлина при итальянском ассистировании. Москва же, вопреки ее претензиям на влиятельную роль в регионе, оказалась совершенно выключенной из происходившего. Более того, германские и итальянские гарантии целостности и неприкосновенности румынской территории были фактически направлены и против возможности дальнейших советских попыток воздействия на Румынию. А поскольку она была единственной балканской страной, граничившей с СССР, и потому являлась для него выходом на Балканы, германо-итальянские гарантии создавали барьер и этому выходу.

Всего месяцем раньше в связи с серией июльских переговоров Гитлера и Риббентропа с главами правительств и министрами иностранных дел Венгрии, Румынии и Болгарии (а также Словакии) Молотов запросил у Шуленбурга информацию об их содержании. Германский посол предоставил ее 31 июля в том обманчивом виде, как ее составили в Берлине: дескать, Германия рекомендует Бухаресту урегулирование территориальных проблем с Будапештом и Софией на базе приемлемых уступок в пользу Венгрии и Болгарии, но сама не претендует на роль арбитра при выработке соответствующих соглашений. Молотов, прося Шуленбурга передать благодарность Риббентропу за информацию, заявил, что первый вывод, который он делает из этих сведений, состоит в том, что «Германия не участвует как арбитр в будущих переговорах между Румынией, Венгрией и Болгарией». Данный вывод, указал он, является «одним из основных моментов»⁶¹. Известные историкам документы не позволяют судить, было ли это заявление следствием некоторой эйфории после удавшейся советской акции в отношении Румынии

или же оно представляло собой дипломатический ход, призванный подчеркнуть твердую позицию Москвы, чтобы балканские проблемы не решались единолично Берлином. Как полагал В.К. Волков, оно должно было косвенно дать понять немецкой стороне, что СССР тоже был бы готов принять участие в их третейском обсуждении⁶². Но в любом случае сказанное Молотовым свидетельствует, что тогда, в конце июля 1940 г., Кремль рассчитывал вовсе не на тот исход, олицетворением которого стал месяц спустя 2-й Венский арбитраж.

Судя по тому, как реагировало на арбитраж советское руководство, оно было одновременно и обескуражено, и возмущено. 31 августа 1940 г., когда Шуленбург, по поручению из Берлина, информировал Молотова о венском решении, тот сразу же заметил послу, что в уже имеющихся сообщениях печати «сказано больше, чем в информации Германского правительства». Последнее, заявил Молотов, нарушило содержавшееся в советско-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г. положение о консультациях друг с другом в вопросах, интересующих обе стороны. Ведь дело касается двух пограничных с Советским Союзом государств — имелись в виду Венгрия и Румыния — и потому не может не затрагивать интересы СССР. Между тем правительство Германии не консультировалось в данном случае с советским правительством, а лишь «поставило его в известность о свершившихся фактах». Выразив серьезное недовольство Москвы подобным поведением, Молотов специально указал, что просит Шуленбурга довести это заявление «до сведения германского правительства»⁶³. Через неделю с небольшим Берлин в своем ответе отверг советские обвинения, указав, что после удовлетворения территориальных требований Москвы к Бухаресту, произошедшего в июне с германской помощью, у СССР больше нет территориальных интересов в Румынии, а потому Германия и не была обязана консультироваться с ним при принятии венского решения. 9 сентября Молотов в беседе с Шуленбургом выразил категорическое несогласие с подобной трактовкой. Он вновь настаивал на том, что со стороны правительства Германии «имеет место нелояльное отношение» к обязательству о консультациях, зафиксированному в договоре о ненападении⁶⁴. Более того, 21 сентября германскому послу был вручен и письменный документ — советская памятная записка по этому поводу. В ней повторялось обвинение в несоблюдении Берлином обязательства о консультациях и даже говорилось, что если статья договора, фиксирующая данное обязательство, пред-

ставляет собой «неудобства и стеснения» для германского правительства, то правительство СССР готово обсудить вопрос о ее «изменении или отмене»⁶⁵.

Учитывая то, какими общими устремлениями руководствовалась тогда советская сторона в своих отношениях с Германией, выглядит весьма сомнительным, чтобы Кремль в самом деле был готов к такой ревизии договора от 23 августа 1939 г. Сделанное заявление, скорее, похоже на тактический прием, призванный подчеркнуть, сколь сильно Москва возмущена тем, что венское решение принималось без нее, при явном игнорировании ее претензий на Балканах и даже более того — фактически в противовес этим претензиям. Вместе с тем в том, что говорилось Молотовым, достаточно ясно проглядывает и практическая цель. В его заявлениях Шуленбургу и в советской памятной записке от 21 сентября неизменно содержались ссылки на заявление германского посла в Риме о возможности решения балканских проблем совместно Германией, Италией и СССР и на то, что 23 июня Шуленбург подтвердил, что германское правительство разделяет подобную точку зрения. Одновременно в памятной записке указывалось, что советское правительство «не признавало ни устно, ни письменно» права Германии на «исключительную заинтересованность в вопросах Румынии, а также в прочих вопросах, касающихся Дунайского бассейна»⁶⁶. Это явно было реанимацией (но в существенно изменившихся условиях) попытки, начатой зондажами, которые СССР предпринял еще в июне: добиться договоренности с державами «оси», прежде всего с нацистским рейхом, о совместном решении вопросов, касавшихся международно-политического устройства в балканско-дунайском регионе.

Так же, как при зондажах, начатых в июне, советская сторона и на сей раз не обозначала своих конкретных притязаний, если не считать сделанных Молотовым во время бесед с Шуленбургом 9 и 21 сентября и содержавшихся в памятной записке от 21 сентября упоминаний о видах СССР на Южную Буковину в будущем (им *противоречило имевшееся в той же памятной записке утверждение, что «СССР не собирается угрожать территориальной неприкосновенности Румынии»*)⁶⁷. По всей видимости, целью демаршей Москвы было побудить Берлин к главному — начать обсуждение вопроса о согласовании интересов СССР, Германии и Италии в названном регионе. Конкретные же требования предполагалось, очевидно, поставить в качестве предмета торга уже затем, по мере развертывания самих перегово-

воров. Германская сторона, вовсе не расположенная к такого рода соглашению с Советским Союзом, не замедлила воспользоваться как раз тем, что это свое обращение к ней он обозначил в более чем общей форме, путем намеков. Берлин стал переводить поднятую Москвой проблему в плоскость еще более туманных рассуждений и фиктивных перспектив.

26 сентября Молотову было сообщено от имени Риббентропа, что тот намерен в ближайшее время обратиться с письмом к Сталину, чтобы ответить «в духе германо-советской дружбы» на советскую памятную записку от 21 сентября. Указывалось, что послание будет содержать приглашение Молотову приехать в Берлин для обсуждения «важных вопросов» совместного установления «политических целей на будущее»⁶⁸. Однако в письме рейхсминистра, посланном три с лишним недели спустя (оно датировано 13 октября и вручено 17 октября Шуленбургом Молотову для передачи Сталину), не было ни слова по поводу возможности соглашения относительно политики в балкано-дунайском регионе. Документ ограничивался лишь изложением гитлеровской пропагандистской версии политической ситуации в Европе в ходе войны, оправданием мер, предпринятых Германией, в том числе и на Балканах. В нем также содержалось лишенное какой-либо конкретики заявление о том, что Германия, Италия и Япония, заключившие 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт, и Советский Союз вместе должны согласовать «свои долгосрочные политические цели» и разграничить между собой «сферы интересов в мировом масштабе». Единственным конкретным предложением было имевшееся в письме приглашение Молотову посетить Берлин⁶⁹.

До сих пор не известны документальные данные о том, как рассматривалось и оценивалось это письмо советским руководством, в том числе в связи с балканскими проблемами. Но на приглашение Молотову Кремль быстро ответил согласием⁷⁰. И как видно из подготовленных затем накануне визита, 9 ноября, директив относительно позиции, которую следовало занять на переговорах в Берлине, на них-то советская сторона рассчитывала все-таки обсудить вопрос о Балканах наряду с другими вопросами о «сферах интересов» СССР и держав «оси»⁷¹.

Между тем уже ко времени, когда в сообщении Риббентропа Молотову впервые было выдвинуто предложение о визите последнего в Берлин, вступила в действие вторая из перечисленных нами выше главных составляющих развертывания кризиса на Балканах. Она состояла в наращивании германской экспан-

сии в регионе, важнейшей составной частью которой стали теперь усилия, направленные на прямое превращение тех или иных из расположенных здесь стран в военно-политических сателлитов Третьего рейха, на их включение в Тройственный пакт, на ввод в них немецких войск.

Прежде всего это стало осуществляться в отношении Румынии, где вслед за 2-м Венским арбитражем, в условиях общественного и политического кризиса, вызванного масштабными территориальными потерями государства, произошли в начале сентября 1940 г. вынужденная смена короля и создание правительства генерала Антонеску, взявшего курс на еще более тесную связь с Германией. Уже в середине сентября последовали германо-румынские военные переговоры, а по их итогам 20 сентября Гитлер принял решение срочно направить в Румынию войска. Они должны были фигурировать лишь как армейская и авиационная миссии, призванные оказать инструкторскую помощь в организации и обучении румынских вооруженных сил (именно так об этом было официально объявлено 9 октября). В качестве же скрытых реальных целей немецкого контингента в решении фюрера указывались защита нефтепромыслов Румынии от захвата и разрушения «третьей державой», обеспечение возможностей румынской армии по выполнению задач в соответствии с интересами Германии, подготовка введения в дело из Румынии германских и румынских войск «в случае навязанной нам войны с Советской Россией». Предусматривалось, что первоначально посылается в Румынию моторизованная дивизия, усиленная танками, а позднее будет определено, до какой степени эту группировку следует увеличить⁷². Затем, после заключения Тройственного пакта, возник и вопрос о присоединении к нему не только Румынии, практически уже становившейся придатком «оси», но и Болгарии, которой такое предложение, причем с требованием быстрого ответа, было сделано Берлином в середине октября⁷³.

Советская реакция на подобное развитие событий была двойственной. Из известных теперь советских и немецких дипломатических документов видно, что в ответ на полученное 10 октября от германской стороны уведомление о посылке в Румынию якобы лишь военной миссии с учебными подразделениями⁷⁴ Москва, ожидавшая обещанного письма Риббентропа талину, предпочла, в отличие от того, как она реагировала на 1-й Венский арбитраж, не вдаваться в объяснения с Берлином. В косвенной форме она не преминула выразить свое негативное

отношение, прибегнув к испытанному способу — публикации 16 октября от имени ТАСС опровержения помещенных в датской газете сведений о том, что советское правительство было «в должное время» информировано о посылке войск, их численности и целях. На претензии же германского посольства по поводу опровержения ТАСС Молотов ответил, что сообщение датской газеты «действительно не соответствует истине»: германское уведомление последовало после того, как Берлин публично объявил о направлении войск в Румынию, причем их численность так и не была указана⁷⁵. Однако главной задачей Кремля стала подготовка к предстоявшим берлинским переговорам.

Теперь исследователи смогли познакомиться с директивами от 9 ноября, выработанными советским руководством к поездке Молотова. В качестве важнейшей задачи они предусматривали выяснение возможности заключения соглашения с Германией, а также с Италией о разграничении сфер интересов в Европе. Из балканских стран к советской сфере должна была быть отнесена в первую очередь Болгария (директивами она выделялась как вообще «главный вопрос переговоров»), на той же основе предоставления ей «гарантий» со стороны СССР, как было сделано Германией и Италией в отношении Румынии, причем «с вводом советских войск в Болгарию». Вместе с тем, согласно директивам, следовало добиваться, чтобы с СССР «договорились» о «дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии», граничащих с ним, чтобы лишь с его непременным участием решался «вопрос о Турции и ее судьбах» и чтобы были приняты его требования о советско-румынском управлении морской частью Дуная. Таким образом, очерчивались советские претензии на восточную часть Балкан с примыкавшей к полуострову Венгрией. Но если по поводу Болгарии речь шла об исключительном советском контроле, который должен был явиться важным фактором и в отношении Проливов, то применительно к Венгрии, Румынии и Турции обозначалась, как мы видим, куда более туманная формула, вынужденная, очевидно, суровой необходимостью считаться с устремлениями Германии и, возможно, Италии. В отличие от тех, кто тогда вырабатывал эту формулу, историку остается пока лишь гадать, что за ней скрывалось. То ли подразумевалось выделение каких-то отдельных зон контроля для СССР и держав «оси», то ли согласие последних на новые территориальные расширения СССР, например, за счет все время упоминавшейся Москвой Южной Буковины. Что же касалось остальной части Балкан, за пределами очерченной сферы, то советское руковод-

во вообще не сочло в данный момент возможным выдвигать претензии на нее: в отношении Греции и Югославии, первая из которых к тому времени уже подверглась нападению Италии, в директивах предусматривалось, что на переговорах в Берлине следует лишь выразить пожелание узнать, что там «думает Ось и предпринять»⁷⁶.

В ходе встреч с Гитлером и Риббентропом 12–13 ноября 1940 г.⁷⁷ глава правительства и нарком иностранных дел СССР вел переговоры как по балканской теме, занявшей одно из ключевых мест на берлинских переговорах, так и по другим вопросам в русле директив от 9 ноября, чуть уточнявшихся или корректировавшихся телеграфными инструкциями Сталина⁷⁸. Однако почти все советские требования натолкнулись на либо явную, либо тактически камуфлировавшуюся негативную реакцию нацистского руководства.

Это в полной мере относилось и к проблемам, касавшимся балканско-дунайского региона. По поводу Болгарии, которой придавалось столь важное значение в советских планах, Гитлер, говоря прямо «нет», ссылаясь на необходимость знать, согласен ли на предлагаемую Молотовым комбинацию сама София, а также Рим, и заявил о невозможности высказать собственную позицию до выяснения их мнения. Таким приемом он фактически блокировал советское требование, ибо болгарский отказ был предопределен, как, впрочем, и получение отрицательного итальянского ответа. Выраженные Молотовым претензии на то, чтобы с СССР договаривались о судьбе Румынии и Венгрии, падали на его партнеров по переговорам: то указывалось на явную немецкую экономическую заинтересованность в дунайских странах в условиях войны, то заявлялось, что после ее окончания германские войска уйдут из Румынии и что в отношении этой страны рейх вообще-то не отрицает определенных советских интересов, но обсуждать данную тему пока преждевременно. Относительно Турции и Проливов Гитлер и Риббентроп высказывались за то, чтобы Конвенцию в Монтрё пересмотреть в пользу СССР, но одновременно с ее аналогичным пересмотром в пользу Германии и Италии. Вместе с тем они уклонялись от конкретного обсуждения вопросов, касавшихся Турции, ссылаясь на то, что это дело длительных переговоров, упоминая о возможной перспективе гарантировать целостность ту-
рецкой территории.

Словом, о практическом удовлетворении желаний Москвы и не шло. Собеседники Молотова характеризовали подни-

мавшиеся им вопросы, относившиеся к балканским и другим европейским странам, как частности, и настойчиво выдвигали вместо них идею договоренности участников Тройственного пакта и СССР о почти общемировом распределении сфер интересов между четырьмя державами. При этом они усиленно подчеркивали, что при столь широком распределении сфер центр тяжести территориальных устремлений СССР должен лежать не в Европе, а в направлении юга, к Индийскому океану, где Советский Союз сможет получить гораздо большие выгоды. В данной связи и было в заключение переговоров сделано Молотову известное предложение о соглашении, которое бы на упомянутой выше основе объединило между собой державы Тройственного пакта и СССР. Молотов в общей форме выразил положительное отношение к «совместной работе» четырех держав. Однако он заявил, что если говорить непосредственно о сделанном предложении, то его сначала должно рассмотреть советское руководство, а затем между Москвой и Берлином может быть продолжено обсуждение поднятых вопросов⁷⁹.

В историографии на протяжении последних лет продолжали проявляться разные точки зрения по поводу того, были ли для германской стороны не только это ее предложение, но и в целом берлинские переговоры исключительно обманным маневром. По мнению одних авторов, она стремилась ввести Кремль в заблуждение относительно намерений нацистского руководства, на самом деле уже принявшего решение о последующем нападении на СССР. По мнению других, Гитлер, иницилируя встречу в Берлине, еще колебался между окончательным выбором в пользу такого решения и попыткой путем переговоров добиться снижения советских требований в Европе, прежде всего на Балканах, переключая внимание Москвы на южноазиатское направление. Однако для исследования советской политики большее значение имеет другая, тоже продолжавшаяся в последние полтора десятилетия дискуссия о том, как оценили в Москве результаты берлинской встречи и какие выводы из нее сделали, в том числе в связи со столь важными для советского руководства балканскими проблемами. Эта дискуссия ведется главным образом вокруг интерпретации данного 25 ноября, почти через две недели после переговоров в Берлине, советского ответа на германское предложение о соглашении между державами Тройственного пакта и СССР.

Как известно, в ответе говорилось о согласии Москвы на заключение «пакта четырех держав», но при условии одновремен-

ного принятия партнерами СССР ряда советских требований. Основные из них уже выдвигались в связи с берлинскими переговорами⁸⁰. Что касалось Балкан, то повторялось требование об отнесении Болгарии к советской «сфере безопасности», которое должно было быть закреплено заключением советско-болгарского пакта о взаимопомощи (при этом давалась дежурная формулировка, что он не затронет внутреннего режима Болгарии, ее суверенитета и независимости). В данной связи, как и на берлинской встрече, подчеркивалось, что советско-болгарский пакт будет обеспечивать безопасность СССР в Проливах. Говорилось, что с той же целью должно быть заключено соглашение между Германией, Италией и СССР о создании советской военной и военно-морской базы у Босфора и Дарданелл на основе долгосрочной аренды. Причем предусматривалось, что, если Турция согласится присоединиться к четырем державам, то Германия, Италия и СССР гарантируют ее независимость и территориальную целостность. Если же она откажется, то будут приняты, как формулировалось, «необходимые военные и дипломатические меры», т.е., очевидно, те, которые заставят Турцию подчиниться⁸¹. Других требований, связанных с балкано-дунайским регионом, на сей раз не выдвигалось. Возможно, потому, что как раз перед этим, 20 ноября, Венгрия, а вслед за ней, 23 ноября, Румыния уже присоединились к Тройственному пакту и тем самым в отношении них ситуация значительно осложнялась. Но Болгарии, от которой Гитлер требовал того же, еще удавалось маневрировать, оттягивая такой шаг, и Кремль явно торопился этим воспользоваться. Причем, направив 25 ноября послание Берлину, советская сторона параллельно обратилась, как уже упоминалось выше, с предложением о советско-болгарском пакте и непосредственно к Софии. Предложение сопровождалось обещанием, что СССР окажет Болгарии экономическую помощь и поддержит ее «справедливые территориальные притязания» к соседям: к Греции, отражавшей итальянскую агрессию, а при определенных обстоятельствах — и к Турции⁸². Особо оговаривалось, что при условии заключения советско-болгарского пакта о взаимопомощи отпадут возражения СССР против присоединения Болгарии к Тройственному пакту и что в таком случае вполне возможно присоединение самого Советского Союза к Тройственному пакту⁸³. Последнее, очевидно, как раз подразумевало создание «пакта четырех держав».

По поводу выраженного Москвой согласия на заключение «пакта четырех», который бы объединил СССР с германо-ита-

до-японским блоком, в историографии сталкиваются два противоречащих друг другу взгляда. Согласно одному, выражение согласия было чисто дипломатическим маневром, который позволял советскому руководству, не собиравшемуся заключать такой пакт, не отвергая прямо германское предложение, торпедировать его путем выдвижения заведомо неприемлемых для Гитлера условий. В качестве доказательства сторонники данного взгляда указывают на то обстоятельство, что условия заключения названного пакта, содержащиеся в советском документе от 25 ноября, в основном повторяли требования, уже ставившиеся Молотовым во время его визита в Берлин и тогда же встреченные отрицательно германской стороной. Согласно же другому взгляду, Кремль, наоборот, решил пойти на договоренность о «пакте четырех». То, что он обусловил ее выполнением своих требований, уже отвергавшихся на берлинской встрече, трактуется как свидетельство упорного стремления советского руководства добиться тех же целей, которые оно поставило в связи с поездкой Молотова, но заплатив за них более высокую цену — согласием заключить предложенный немцами пакт. Наличие двух столь противоположных точек зрения, естественно, делает весьма актуальным вопрос о том, насколько та или иная из них соответствует либо, напротив, не соответствует историческим реалиям. Однако ответить на этот вопрос более чем сложно, если вообще возможно, на основе тех источников, которые на сегодняшний день доступны. Ибо пока не известны никакие документы, в которых бы содержались данные о рассмотрении и оценке советским руководством итогов визита Молотова в Берлин, о том, какие решения были при этом приняты, что за цели поставлены, какие планы выработаны.

В.Я. Сиполс, являвшийся одним из наиболее радикальных протагонистов первого из двух упомянутых взглядов, в его обоснование ссылался на, по его утверждению, стенографические записи, сделанные управляющим делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаевым во время заседания Политбюро ЦК ВКП (б) вечером 15 ноября 1940 г. На нем якобы обсуждался отчет только что вернувшегося из Берлина Молотова. В работах, опубликованных в 1996—1997 гг., Сиполс отчасти цитировал, а отчасти пересказывал фрагменты материала, обозначенного им как «Записи Я.Е. Чадаева» и предоставленного ему Г.А. Куманевым из своего личного архива⁸⁴. Однако уже вскоре В.К. Волков справедливо обратил внимание на то, что этот материал вызывает множество вопросов. Никаких других сведений о проведении подобного за-

седания Политбюро нет, содержание же источника, приводимое Сиполсом, отличалось явно пропагандистским, но не деловым тоном, было лишено конкретики. При этом автор ничего не сообщал ни об археографических характеристиках указанного источника, ни о том, каким образом он, если это стенографические записи заседания Политбюро, мог оказаться в личном архиве. Все это, писал Волков, ставит под сомнение аутентичность названного материала, делает его «не более чем версией, требующей необходимых доказательств»⁸⁵. Сомнения не замедлили подтвердиться, как только была издана публикация Г.А. Куманева, среди прочего содержащая полный текст того самого материала⁸⁶. Как оказалось, это вовсе не стенографическая запись, сделанная на заседании Политбюро, а один из письменных ответов, которые Чадаев дал в мае 1982 г. на вопросы, заданные ему Куманевым. Таким образом, источник, которым пользовался Сиполс, на самом деле является лишь мемуарным свидетельством. Его достоверность не подтверждена никакими источниками иных категорий, относящихся к более надежным, чем мемуары. Хотя в своем ответе Чадаев утверждал, что «в основном опирался» на записи, сделанные им на упомянутом заседании Политбюро, это тоже не поддается проверке. Ибо в книге Куманева говорится, что Чадаев «ликвидировал» все свои подобного рода материалы после окончания работы над обширными воспоминаниями, так и не опубликованными⁸⁷.

К тому же в сведениях, сообщаемых Чадаевым, содержится ряд явно недостоверных данных. Это касается не только ошибочной датировки отъезда Молотова в Берлин (9 вместо 10 ноября) и его возвращения в Москву (13 вместо 15 ноября) или утверждения, что заседание Политбюро с отчетом об этой поездке состоялось «вечером 14 ноября»⁸⁸, между тем как в то время Молотов был еще далеко от Москвы (Сиполс, увидевший, очевидно, такую несообразность, без всякой оговорки изменил это на «вечером 15 ноября», ссылаясь, однако, на Чадаева⁸⁹). Гораздо серьезнее другое. Согласно Чадаеву, Молотов будто бы сказал на заседании, что в Берлине советская делегация «решительно отклонила» германское предложение о присоединении СССР к «военному блоку Германии, Италии и Японии», а слова Молотова вызвали одобрение Сталина⁹⁰. Сиполс воспроизвел эту сцену (лишь чуть подкорректировав ее указанием, что в немецком предложении речь шла о сотрудничестве СССР с членами Тройственного пакта) как бесспорное доказательство позиции советского руководства⁹¹. Однако, как уже отмечалось, даже со-

ветские записи берлинских переговоров свидетельствуют о том, что Молотов там вовсе не отверг предложение относительно соглашения о сотрудничестве между державами Тройственного пакта и СССР. Он лишь указал, что оно будет рассмотрено советским руководством, после чего обсуждение может быть продолжено между обеими странами через своих послов⁹². Этому прямо противоречит версия, изложенная Чадаевым, а со ссылкой на него как на источник — Сиполсом.

Так что приходится лишь повторить уже сказанное выше об отсутствии подлинно надежных документов, которые бы действительно свидетельствовали о том, каковы были планы Кремля по итогам берлинских переговоров и каким практическим замыслом был обусловлен его ответ германской стороне 25 ноября 1940 г. Соответственно, в историографии остаются пока открытыми вопросы, связанные с двумя упомянутыми взглядами на то, что реально скрывалось за этим советским шагом. В частности, если говорить о Балканах, то прежде всего встает вопрос, касающийся трактовки, согласно которой руководство СССР предприняло такой шаг как чисто тактическую уловку, не собираясь вступать в соглашение, о котором шла речь. Но в этом случае, на что оно могло рассчитывать в своих предпринятых параллельно усилиях в отношении Болгарии? Об их серьезности свидетельствует тот факт, что они были подкреплены массовой акцией внутри Болгарии в поддержку предложения о советско-болгарском пакте, организованной БКП по команде из Москвы⁹³. Мог ли Кремль идти на то, чтобы добиться от Софии желательного ему решения, одновременно ничего не давая Берлину взамен, лишь водя его за нос? С другой стороны, если иметь в виду трактовку, согласно которой советское руководство решило пойти на заключение «пакта четырех», то как оно могло представлять себе при подобном развитии событий свои дальнейшие перспективы, в том числе и на Балканах, будучи в окружении мощных партнеров-врагов?

Безотносительно к тому, удастся или нет в итоге найти надежные источники для выяснения этих вопросов, следует констатировать, что гитлеровцы, сделавшие выбор в пользу нападения на СССР, не ответили на его шаг, предпринятый 25 ноября⁹⁴. София, поощряемая в этом Берлином, со своей стороны отвергла в конце ноября московское предложение⁹⁵. На советских планах в отношении Болгарии и Проливов был поставлен крест. Кремль не был в состоянии что-либо противопоставить такому положению и оказался фактически в роли бессильного

наблюдателя того, как на протяжении конца 1940 — начала 1941 гг. Гитлер усиливал давление на Болгарию, приведшее 1 марта 1941 г. к ее присоединению к Тройственному пакту и вступлению немецких войск с территории Румынии на болгарскую территорию. Протесты Москвы, пытавшейся напомнить Берлину, что она рассматривает Болгарию как находящуюся в сфере советских интересов, остались безрезультатными.

Происшедший, таким образом, провал выдвинутой советской стороной претензии на роль партнера-соперника Германии на Балканах обозначил фактически маргинализацию СССР как фактора на балканской сцене. Возможно, это стало одной из причин, повлиявших на позицию Кремля в связи со стремительно нараставшим в начале 1941 г. давлением «оси», в первую очередь Берлина, на Белград с целью втащить и Югославию в Тройственный пакт.

Впрочем, еще за несколько месяцев до этого, фактически вслед за установлением отношений между СССР и Югославией, стала проявляться двойственность советской позиции, серьезно лимитировавшая политику Москвы на югославском направлении. С одной стороны, советское руководство было заинтересовано в том, чтобы поддержать Югославию, в том числе и путем содействия усилению ее оборонного потенциала, для противостояния угрозе ее подчинения «осью». Но, с другой стороны, оно пыталось совместить это с сохранением советско-германского взаимодействия, основанного на договоренностях 1939 г. В Кремле постоянно испытывали опасения, как бы не обнаружить себя перед Берлином в качестве противовеса немцам в Югославии, не поставив тем самым под угрозу отношения с Германией.

На практике это вело к тому, что на попытки посланника в Москве М. Гавриловича и советника югославской миссии В. Марковича прояснить в контактах с руководящими работниками НКВД, начиная с Молотова, какой может быть позиция СССР при том или ином критическом обороте событий, а особенно при возникновении непосредственной угрозы независимости или территориальной целостности Югославии, советская сторона неизменно предпочитала уклониться от ответа⁹⁶. А в посланной 17 октября 1940 г. Молотовым полпреду в Белграде В.А. Плотникову установке о том, какой линии поведения следует придерживаться полпредству в его отношениях с югославским руководством, указывалось, что советское правительство сочувствует делу независимости Югославии, но если речь идет

об отношениях СССР с Германией, то, поскольку последняя выполняет августовский договор 1939 г., у советского правительства нет оснований для вмешательства в ее действия⁹⁷. Таким образом, Москва в реально проводимой ею политике избегала, особенно с осени 1940 г., ангажироваться и ободрять Белград перспективой оказания ему какой-либо советской поддержки на международной арене.

Безрезультатными оставались начатые в октябре 1940 г. и тянувшиеся с перерывами до февраля 1941 г. переговоры о советских поставках вооружения для югославской армии. Советская документация о них все еще недоступна; об их ходе можно судить лишь на основе материалов, отложившихся в архивной коллекции югославского военного атташе Ж. Поповича⁹⁸. Из них видно, что, несмотря на достигнутые договоренности об объеме, ассортименте, а также способах поставок и неоднократные обещания Москвы начать их осуществление, она к ним так и не приступала. Причем, то вообще подолгу не давала этому никаких объяснений, то вдруг задним числом ссылалась на подписанные в октябре 1940 г. югославо-германский хозяйственный протокол, а в декабре — югославо-венгерский договор о «вечной дружбе» как на признаки отдаления Югославии от СССР, то вновь намекала на предстоящие поставки. Документальные данные о том, каковы были действительные причины такого поведения, пока исследователям недоступны. Но, судя по высказывавшимся советскими представителями Поповичу опасениям, главным в советской позиции оставалась боязнь нанести ущерб отношениям СССР с Германией.

Между тем такое положение объективно способствовало ослаблению позиции Югославии и сужению для нее поля внешнеполитического маневрирования. Это сказалось в тот момент, когда в феврале — марте 1941 г. давление Берлина резко возросло и достигло критической отметки с предъявлением Белграду фактически ультиматума о скорейшем присоединении к Тройственному пакту⁹⁹. В начале февраля, перед визитом югославского премьер-министра Д. Цветковича и министра иностранных дел А. Цинцар-Марковича к Гитлеру, во время которого ставился этот вопрос, была через Гавриловича предпринята попытка выяснить советскую позицию в связи с происходившим новым витком германского военно-политического наступления на Балканах (наращиванием войск в Румынии и подготовкой к их вступлению в Болгарию) и опасностью, непосредственно складывавшейся для Югославии. Но первый заместитель наркома

иностранных дел А.Я. Вышинский уклонялся от определенного ответа на вопросы Гавриловича. В результате посланник сообщил в Белград о своем впечатлении, что СССР, несмотря на заинтересованность в балканском регионе, пока все еще предпочитает выжидать и не вступать из-за Балкан в прямой конфликт с Германией¹⁰⁰. Вывод Гавриловича был верен, но подобная информация не могла стимулировать Белград к противостоянию германскому нажиму. То же касалось и неполучения вооружения из СССР. Оценки о неготовности югославской армии к противостоянию государствам «оси» были выдвинуты как важный фактор, когда руководству Югославии пришлось решать, подчиниться ли требованию о присоединении страны к Тройственному пакту. Можно только гадать, повлияли бы советские поставки на решение или нет. Но несомненно, что их отсутствие скорее усиливало тенденцию к принятию диктата Берлина.

Некоторые из имеющихся источников ставят исследователя перед загадкой, не изменилась ли позиция Кремля в начале марта 1941 г., когда столь важная для СССР Болгария, уступив гитлеровскому нажиму, последовала за Румынией и присоединилась к Тройственному пакту, а Югославия все еще колебалась перед тем, как сделать окончательный выбор. Загадка порождена тем, что, с одной стороны, в телеграфной переписке с Белградом 9–14 марта Гаврилович сообщал, что какие-то — не названные им — советские военные представители дали понять: желательно заключение военного пакта между СССР и Югославией, но с такой инициативой должны выступить сами югославы¹⁰¹. А с другой стороны, среди ставших доступными советских материалов есть телеграмма Молотова полпредству в Белграде от 14 марта, что всякие слухи по поводу якобы переговоров с югославами о военном союзе — вымысел¹⁰². И никакие другие документы — ни советские, ни югославские, которые бы подтверждали то, о чем говорилось в телеграммах Гавриловича, неизвестны. Возникает вопрос, что же достоверно — его ли сообщения или утверждение Молотова.

Еще до того, как стала известна телеграмма Молотова, в историографии при упоминании о сообщениях Гавриловича уже высказывалось сомнение, не были ли они мистификацией, то ли предпринятой им самим, то ли инициированной кем-то в югославских верхах, то ли организованной англичанами, по чьим каналам связи велась часть этой его переписки с Белградом. Целью мистификации называлась заинтересованность в том, чтобы организовать соответствующее обращение югослав-

ского правительства к Кремлю, способное, быть может, все-таки побудить СССР к активному вмешательству на Балканах для противостояния Германии, в частности в случае с Югославией, что усилило бы позиции последней перед давлением со стороны Берлина. Но все версии на сей счет, даже те, что выдвигались довольно безапелляционно, были на самом деле не более чем предположениями, ибо их авторы не располагали конкретными документально подтвержденными данными¹⁰³. Дополнительную загадочность этой истории придавала личность того, кому, согласно сообщениям Гавриловича, анонимные советские военные и сделали упомянутые предложения. Речь шла о Б. Симиче, который не раз фигурировал в историографии как неофициальный югославский эмиссар, приехавший перед тем в Москву. Отставной полковник, некогда являвшийся участником небезызвестной национально-радикальной сербской конспиративной организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), а в ходе Первой мировой войны и сразу после нее некоторое время находившийся в России, он был в начале 1940-х годов связан с патриотически и славянофильски ориентированными кругами сербских политиков и военных. В историографии постулировалось, хотя и без каких-либо доказательств, что он контактировал с советской военной разведкой¹⁰⁴. Не раз упоминалось и о его миссии в Москву, однако о ней фактически ничего не было известно: кто, когда и с какой целью его туда послал, что и с какими результатами он там делал.

В некоторых оказавшихся доступными для исследователей в последние годы документах содержатся крайне скудные сведения о том, что Симич был послан с неким «специальным заданием» по секретному решению, принятому еще в декабре 1940 г. принцем-регентом Павлом Карагеоргиевичем, фактическим правителем Югославии при еще не достигшем совершеннолетия короле Петре II. Он прибыл в Москву на рубеже февраля — марта 1941 г. под прикрытием должности атташе югославской дипломатической миссии и имел полномочия для ведения переговоров с советским правительством¹⁰⁵. В чем состояла суть задания, остается неизвестным. О деятельности Симича в Москве тоже никаких конкретных данных пока нет. Согласно неопубликованным воспоминаниям военного атташе Поповича, сам Симич говорил тогда, что «имеет прочные связи в высших военных кругах Советской России». Попович считал это выдумкой¹⁰⁶. Однако из отдельных упоминаний в некоторых ставших известными в последние годы советских документах, относящихся к

событиям, которые происходили уже после военного переворота в Югославии, совершенного 27 марта 1941 г. противниками присоединения к «оси», следует, что Симич действительно имел довольно серьезные связи с советской стороной. Так, 31 марта, при подготовке поездки в Москву делегации нового югославского правительства, Молотов телеграфировал советскому полпредству в Белграде о желательности включения Симича в состав делегации. А когда в начале апреля тот вновь оказался в Москве, то, помимо переговоров делегации в НКВД, отдельно встречался с начальником разведуправления советского генштаба Ф.И. Голиковым¹⁰⁷.

Подобные сведения должны скорее свидетельствовать в пользу того, что для советской стороны Симич был лицом, которому и в начале марта могли делать доверительные предложения. Но предлагалось ли через него то, о чем сообщал в Белград Гаврилович, выяснится лишь при обнаружении советских документов, которые бы это конкретно подтвердили, или каких-то югославских либо (если имела место мистификация с английским участием) британских документов, которые бы это столь же конкретно опровергали.

Пока же версии как Гавриловича, так и Молотова, каждая по-своему, способны внушать определенные сомнения. Так, в случае с телеграммами посланника обращает на себя внимание, что хотя в них ничего не сообщалось о тех, кто якобы выдвинул советское пожелание, он настойчиво рекомендовал своему правительству откликнуться на эту инициативу, обратившись к правительству СССР с предложением о заключении военного пакта. Пока же Гаврилович советовал не соглашаться на требование Берлина. Вместе с тем он предупреждал Белград, что не исключена возможность отрицательного ответа советского правительства на такое югославское обращение. Данное обстоятельство, учитывая, что Гаврилович являлся решительным противником присоединения к Тройственному пакту, дает основания для подозрений, не были ли сообщения посланника выдумкой, которая была призвана подвинуть югославское руководство на подобное обращение к СССР. Она могла быть запущена, чтобы добиться таким способом либо советского согласия, либо, если получить его не удастся, хотя бы отсрочки принятия Югославией решения, навязываемого Гитлером. А Симич, стоявший на тех же позициях, что и посланник, вполне мог быть соучастником подобной мистификации. Что же касается телеграммы Молотова от 14 марта, то следует иметь в виду, что она

представляла собой установку, адресованную полпредству в ситуации, когда вслед за первым из упомянутых сообщений Гавриловича, посланным 9 марта, в западных средствах информации появились известия о готовящемся военном союзе между СССР и Югославией. Факт такой утечки сведений, отправленных Гавриловичем в Белград, был отмечен в переписке между посланником и министром иностранных дел Цинцар-Марковичем¹⁰⁸. Неизвестно, была ли утечка случайной или намеренной, а если намеренной, то кем и для чего инспирировалась. Но очевидно, что распространение подобных известий, независимо от того, делалось ли Симичу такого рода предложение или нет, должно было восприниматься советским руководством очень болезненно ввиду его опасения по поводу советско-германских отношений. А это значит, что в любом случае, даже если Симичу соответствующее предложение и делалось, Москва скорее всего оказывалась заинтересованной все отрицать. Установка полпредству в Белграде едва ли могла быть тут исключением.

Выраженная телеграммой Молотова от 14 марта реакция на распространение упомянутых известий позволяет судить о том, как могла повлиять возникшая ситуация на позицию советского руководства по поводу Югославии. Если никакого предложения Симичу не делалось, а оно было выдуманно им и (или) Гавриловичем, то власти в Белграде должны были после этих известий выглядеть в глазах Кремля прямым провокатором. Если же предложение действительно имело место, то югославское правительство представало в качестве такого, с которым нельзя вести никаких дел. В любом из этих случаев какие-либо дальнейшие переговоры между Москвой и существовавшим югославским режимом, очевидно, исключались.

Впрочем, и сам Белград предпочел переговоры с Берлином о более приемлемых условиях присоединения к Тройственному пакту, которое в итоге состоялось 25 марта. А для позиции СССР в связи с этим характерны два момента. Во-первых, когда 22 марта, в соответствии с указанием из Лондона, британский посол в Москве С. Криппс и, по его предложению, Гаврилович, действовавший без ведома Белграда, обратились к Вышинскому с запросом, не может ли все-таки правительство СССР как-либо выступить против предстоящего присоединения Югославии к Тройственному пакту, оба — после доклада Вышинского советскому руководству — получили отказ¹⁰⁹. Во-вторых, в тот же день из ИККИ была отправлена радиошифровка генсеку КПЮ И. Брозу Тито с директивой «занять решительную позицию»

против капитуляции перед Германией, поддержать движение за «всенародный отпор» военной угрозе и требовать установления дружбы с СССР¹¹⁰. Это дает основание считать, что Москва не видела смысла обращаться к тем, кто стоял во главе Югославии, но решила ориентироваться на организацию широкой внутри-югославской борьбы против правительства и подчинения гитлеровскому диктату. Более того, согласно воспоминаниям П.А. Судоплатова, тогдашнего замначальника разведуправления НКГБ, советское руководство стало планировать военный переворот в Югославии.

Традиционно считалось, что организаторы переворота, произведенного 27 марта 1941 г., были связаны с британской разведкой. В югославской историографии и публицистике время от времени появлялись отдельные соображения о том, что советские спецслужбы, возможно, тоже были в курсе подготовки переворота, а то и повлияли в известной мере на нее. Однако никаких конкретных фактов и источников при этом не приводилось¹¹¹. По утверждению Судоплатова, представители советских разведслужб «активно поддерживали» переворот в соответствии с решением, принятым Сталиным и Молотовым. Но ни о том, какую конкретную роль советская разведка при этом играла, ни о том, с кем именно она была связана в Белграде, Судоплатов даже не упомянул¹¹². Между тем никакие другие источники, в которых бы содержались какие-либо данные о советской причастности к перевороту, неизвестны. И до тех пор, пока не станут доступными советские документы на сей счет, судить о действительной степени этой причастности невозможно.

Принятое вслед за переворотом в Белграде решение Гитлера об одновременном нападении на Грецию и Югославию резко усиливало непосредственную военно-агрессивную составляющую кризиса на Балканах. Ощутимо присутствуя в балканском водовороте уже с момента агрессии режима Муссолини против Греции, она теперь вообще выходила на первый план. И переходя к рассмотрению политики и роли СССР в связи с этой составляющей балканского кризиса, необходимо прежде всего отметить, что отношение Москвы к начатой в конце октября 1940 г. итало-греческой войне и советская позиция в обстановке возникшей после белградского переворота прямой военной угрозы Югославии значительно отличались друг от друга.

По поводу нападения Италии на Грецию и последующей итало-греческой войны советская сторона повела себя весьма сдержанно, ограничившись фактически ролью наблюдателя.

Насколько следует из того документального материала, который известен до сих пор, она не пыталась поддержать борьбу Греции против итальянской агрессии. Более того, судя по установкам, направлявшимся из ИККИ в адрес Тито, Москва была против возможного вмешательства Югославии в войну на стороне Греции¹¹³. А в директивных «рекомендациях» ИККИ, посланных в середине января 1941 г. Компартии Греции, говорилось, что, хотя та правильно поступила, встав «на сторону греческого народа» в борьбе против агрессора, следует в то же время «вести острейшую борьбу» против правительства Метаксаса и его «реакционной внешней и внутренней политики». По поводу внутренней политики указывалось на антидемократический характер режима Метаксаса. Но основное внимание было сосредоточено на его внешней политике. И в данной связи ИККИ не только осуждал как ошибку заявление компартии о «национально-освободительной войне», которую ведет правительство, но и требовал от греческих коммунистов в качестве их главной задачи «разъяснять массам», что на правительстве Метаксаса лежит «ответственность» за итало-греческую войну. Подчеркивалось, что именно его «союз с английским империализмом фактически отменил нейтралитет Греции в нынешней империалистической войне, превратил Грецию в инструмент английского империализма и сделал греческую территорию его плацдармом для ведения войны против германо-итальянского блока»¹¹⁴. Такая установка была выражением того, что советская сторона считала противодействие британской политике на Балканах не менее, если даже не более важным, чем противодействие устремлениям «оси» в этом регионе. И это отражалось в директивах, направлявшихся не только Компартии Греции, но и другим балканским компартиям. Например, осенью 1940 г., когда в Москве показалось, что главной опасностью для Болгарии нелегальный ЦК БКП, находившийся в стране, склонен считать германскую, а не английскую, последовала жесткая директива от Димитрова об ошибочности такой позиции¹¹⁵. Установка, данная Компартии Греции, свидетельствует о том, что такая линия все еще сохранялась и в начале 1941 г. А поскольку греческое правительство рассматривалось как проводник английской политики, это в огромной мере предопределяло позицию СССР в отношении итало-греческой войны.

В случае же с Югославией Москва вслед за переворотом, произошедшим 27 марта 1941 г., проявила сильнейшую заинтересованность в ходе событий в этой стране.

В последние годы благодаря ряду ставших доступными архивных материалов как советского, так и югославского происхождения, главным образом дипломатических, существенно расширилась база источников для исследования действий, предпринятых СССР после переворота. Новые документы позволяют в гораздо большей мере проследить ход советско-югославских контактов, активно развернувшихся после переворота и прихода к власти правительства Д. Симовича.

Из этих документов, в частности, выясняются многие важные моменты того, как шла подготовка к московским переговорам о заключении договора между двумя странами, начало которой было фактически положено встречей 30 марта между руководителями советского полпредства в Белграде и югославским военным министром Б. Иличем. На ней Илич поставил от имени Симовича вопрос о желательности военно-политического союза Югославии с СССР, ибо это, с одной стороны, вынудит Германию и ее сообщников по «оси» воздержаться, хотя бы на время, от нападения на Югославию, а с другой стороны, обеспечит получение необходимого вооружения для югославской армии, в результате чего повысится обороноспособность страны. Уже через несколько часов последовала просьба от Симовича о немедленном назначении представителей обеих сторон для переговоров о заключении договора и практических шагах для быстрой организации переговоров в Белграде или Москве. И на следующий же день Молотов телеграфировал о согласии на немедленное прибытие югославской делегации в Москву¹¹⁶. То, что не только югославская, но и советская сторона очень торопилась, свидетельствует об обоюдном стремлении упредить возможное нападение стран «оси» на Югославию и поставить Берлин перед совершившимся фактом. По той же причине вся подготовка переговоров и сами они шли в обстановке строжайшей секретности. С момента получения Москвой югославского предложения о договоре вся информация по этому поводу в отличие от обычной практики рассылки узкому кругу членов Политбюро (так называемой «пятерке») стала поступать лишь Сталину и Молотову, а также отряженному для переговоров с югославами Вышинскому¹¹⁷. Весь остальной состав Политбюро познакомили лишь 4 апреля с уже выработанным текстом договора, т.е. в тот же день, когда договор должен был быть подписан и когда о нем было сообщено Молотовым германскому послу в Москве¹¹⁸.

При характеристике той позиции, которую занимало советское руководство, пойдя на переговоры с югославами, в историографии была распространена версия, будто в ответе Молотова о согласии на прибытие югославской делегации в Москву говорилось о готовности к заключению военного союза, а на самих переговорах советская сторона изменила свою позицию, предложив лишь договор о дружбе и ненападении. Однако доступный теперь текст этой телеграммы Молотова¹¹⁹ свидетельствует, что там вообще не упоминалось, о чем будут вестись переговоры. На самом деле Кремль оставлял себе руки свободными, чем и воспользовался, когда начались переговоры. Он отверг представленные югославами проекты договора о дружбе и военного соглашения¹²⁰, предложив взамен комбинацию, предусматривавшую заключение договора о дружбе и ненападении, с одновременной негласной договоренностью о снабжении югославской армии вооружением. Рассекреченные советские записи переговоров, а точнее — бесед, которые вел Вышинский с членами возглавлявшейся Гавриловичем югославской делегации 3—5 апреля¹²¹, вместе с телеграфными донесениями, посылавшимися Гавриловичем в Белград¹²², дают довольно полную картину того, как именно все происходило. Югославские участники приняли это без возражений, они дали свое согласие даже тогда, когда советская сторона изменила свой собственный проект договора, понизив предусмотренные в нем обязательства вообще до уровня нейтралитета. И как лишь чуть позже, спохватившись, югославская делегация заняла позицию несогласия с формулой о нейтралитете, ввиду чего подписание договора, намеченное Кремлем на вечер 4 апреля, пришлось отложить, и состоялось оно только под утро 6 апреля.

В итоге, однако, советское руководство пошло на то, чтобы договор был подписан в варианте, где отсутствовала формула о нейтралитете. В историографии, главным образом под влиянием американского исследователя Дж. Хоптнера, ссылавшегося на сведения, будто бы сообщенные ему Гавриловичем¹²³, получила хождение версия о том, что к этому Кремль вынудила неуступчивость посланника, в противном случае категорически отказывавшегося от подписания. Между тем в служебной справке, составленной по следам событий заведующим отделом НКВД Н.В. Новиковым и излагавшей как результаты телефонных переговоров Вышинского и Новикова с Гавриловичем 5 апреля, так и обстоятельства самого подписания договора, говорится, что, хотя посланник действительно долго упорство-

вал, однако ночью с 5 на 6 апреля все-таки согласился на подписание даже варианта с формулой о нейтралитете. Но этого не пришлось делать, ибо вслед за тем Сталин и Молотов заявили об исключении упомянутой формулы¹²⁴. Вполне очевидно, что советское решение прибегнуть к ней было обусловлено опасением, как бы не обострить отношения с Берлином до слишком опасного уровня. Причины же последующего отказа от нее не совсем ясны. В телеграмме Вышинского полпредству в Белграде отказ объяснялся как намерением не создать впечатления, что если Югославия подвергнется нападению, то СССР умоет руки, так и решением учесть пожелания югославского правительства¹²⁵. Но для уточнения того, как было дело в действительности, необходимы отсутствующие пока у исследователей рабочие документы советского руководства или НКИДа, которые бы непосредственно отражали процесс принятия этого решения и его мотивы.

Однако еще важнее вопрос о том, почему Кремль проявил такую заинтересованность в связи с переворотом в Белграде и какие цели вообще преследовало заключение договора с Югославией с точки зрения основных в тот момент внешнеполитических устремлений Сталина. Но никакие документы советского руководства, в которых бы раскрывались его планы на сей счет, до сих пор не известны. И это порождает в историографии различные версии, не имеющие достаточно бесспорной источниковой базы. Если опираться на утверждения в мемуарах Судоплатова, в планы Сталина входило установление взаимодействия Югославии и Греции против Германии и Италии, которое задержало бы и продлило военные операции «оси» на Балканах, отсрочив таким путем надвигавшееся нападение на СССР¹²⁶. Проверить эти утверждения пока невозможно. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что 5 апреля Вышинский с ведома советского руководства вопреки всей прежней московской политике противодействия англичанам на Балканах, в том числе — неизменно — в Югославии, посоветовал югославам пойти на получение британской военной помощи¹²⁷. Естественно, возникает вопрос, значит ли это, что Кремль оказался заинтересованным, чтобы военная операция в Греции при поддержке англичан в итоге распространилась и на Югославию. И если да, то каковы могли быть причины такой заинтересованности. Рассчитывал ли Сталин, что это на время отодвинет германское нападение на СССР? Или хотел, как полагают некоторые авторы, путем осложнений для Герма-

нии на Балканах вынудить Гитлера к новым переговорам с Москвой и новому советско-германскому соглашению, в том числе и по поводу советской сферы на Балканах? Подобные вопросы вряд ли могут быть решены без исследования новых источников.

Во всяком случае, каковы бы ни были расчеты Сталина при заключении советско-югославского договора, они оказались нереальными, что продемонстрировала начавшаяся почти в те же ранние часы 6 апреля 1941 г. гитлеровская агрессия против Югославии.

Позиция, занятая Москвой после того, как стало известно о нападении на Югославию, была противоречивой. С одной стороны, центральные советские газеты вышли 6 апреля с шапками на первых полосах о подписании советско-югославского договора, а на следующий день — со статьями об этом событии. Утром 6 апреля в советском Генштабе состоялись переговоры с Симицем, где были достигнуты конкретные договоренности об отправке для югославской армии вооружения и боевой техники, начавшейся сразу готовиться к переброске в Югославию¹²⁸. С другой стороны, по свидетельству упоминавшегося выше Новикова, тем же утром 6 апреля Сталин решил отменить назначенный на вечер этого дня официальный дипломатический прием по случаю подписания советско-югославского договора, считая, что возникшая обстановка требует всемерной осмотрительности, чтобы еще больше не усложнить и без того напряженные советско-германские отношения¹²⁹. Не последовало никаких публичных советских демаршей с осуждением нацистской агрессии или с выражением поддержки Югославии. Только в качестве ответа на информацию венгерского посла в Москве о присоединении Венгрии к вторжению в Югославию Вышинский заявил, что советское правительство не может этого одобрить¹³⁰. На большее советская сторона не считала возможным решиться.

Между тем события развивались стремительно. Уже 14–15 апреля король и правительство Югославии покинули страну, а 17 апреля была подписана капитуляция югославской армии. Немного позже столь же победоносно для агрессоров завершились военные действия в Греции.

Итогом кризиса на Балканах стало установление господства держав «оси» на полуострове. Советская политика, проводившаяся в ходе кризиса, потерпела поражение.

Примечания

¹ В статье использованы результаты исследования, поддержанного РГНФ (грант № 05-01-01297а).

² Значительное число российских архивных материалов по проблематике, о которой идет речь, включено в такие имеющие более общий характер издания советских внешнеполитических документов, выпущенные в последние годы, как, например: Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXII: 1940 — 22 июня 1941. Кн. 1. М., 1995; Кн. 2 (Ч. 1—2). М., 1998; 1941 год [серия «Россия. XX век: Документы»] / Под ред. В.П. Наумова. Кн. 1—2. М., 1998. А из документальных публикаций, специально посвященных отношениям СССР с балканскими странами и касающихся целиком или частично рассматриваемого нами периода, см.: Можно ли было предотвратить апрельскую войну? (Новые документы о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении 1941 г.) / Публ. подг. И.В. Бухаркиным, О.В. Лозинским // Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 15 (49), 15 авг. 1989 г.; Советско-югославские отношения 1917—1941 гг.: Сборник документов и материалов / Отв. ред. В.В. Зеленин, С. Цветкович. М., 1992 (далее — СЮО); Отношения России (СССР) с Югославией 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 (далее — ОРЮ) (два последних сборника были совместными российско-югославскими публикациями); Советско-румынские отношения 1917—1941: Документы и материалы. Т. II: 1935—1941. М., 2000 (далее — СРО) (совместная российско-румынская публикация); Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946 гг.: Документы российских архивов / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 2000.

³ Причем остается неизвестным, насколько это обусловлено сохраняющейся недоступностью таких материалов, а насколько характерными для того времени особенностями самого процесса принятия решений в Кремле, когда в связи с теми или иными событиями данный процесс мог происходить без документированной фиксации.

⁴ См.: СРО. Т. II. Док. 163. С. 310—315; Док. 165. С. 315—317; Док. 166. С. 318; Док. 170. С. 327—328; Док. 171. С. 329; Док. 174. С. 331; Док. 178. С. 336; Док. 183. С. 339; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 229. С. 380—384; Док. 238. С. 391—392.

⁵ Напр.: Пакт Молотова — Риббентропа и его последствия для Бессарабии: Сборник документов / Сост. В. Вэратек, И. Шишкану. Кишинев, 1991. Док. № 21—23. С. 28—80 (в сборнике не обозначено, откуда взяты публикуемые в нем документы); «Разъяснить румынским солдатам безнадежность войны против СССР» // Источник. 1995. № 3.

⁶ См., напр.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 218—224, 229—232 (эта книга затем переиздавалась).

⁷ Пакт Молотова — Риббентропа... Док. № 22. С. 51, 65; Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 218.

⁸ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 218, 219, 221.

⁹ Пакт Молотова — Риббентропа... Док. № 21. С. 28; Док. № 22. С. 59–60, 71.

¹⁰ Там же. Док. № 21. С. 28; Док. № 22. С. 71–72.

¹¹ Поскольку для достижения советских целей не потребовались военные действия, на занимаемую территорию была введена только часть войск Южного фронта: 11 стрелковых и одна мотострелковая дивизии из общего числа 32 стрелковых и 2 мотострелковых дивизий, имевшихся в распоряжении фронта, 4 из 6 кавалерийских дивизий, 5 из 11 танковых бригад, 2 из 3 авиадесантных бригад (пакт Молотова — Риббентропа... Док. № 23. С. 80). О действиях введенных войск см.: Там же. Док. № 22. С. 72–75; Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 229–232.

¹² Записи бесед 23 и 25 июня 1940 г. опубликованы в: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 217. С. 365–366; Док. 225. С. 374–376; что касается беседы на ту же тему 26 июня, в этом издании лишь частично обозначено ее содержание: Там же. Примеч. на с. 376.

¹³ Сначала в известном сборнике о нацистско-советских отношениях, а затем в серийном издании документов внешней политики Германии 1918–1945 гг.: *Nazi-Soviet Relations, 1939–1941: Documents from the archives of The German Foreign Office* / Ed. by R.J. Sontag, J.S. Beddie. Washington, 1948. P. 155–156, 158–160, 161–162; *Documents on German Foreign Policy, 1918–1945* (далее — DGFP). Ser. D (1937–1945). Vol. X: The War Years. June 23 — August 31, 1940. Washington, 1957. Doc. No. 4. P. 3–4; Doc. No. 5. P. 4; Doc. No. 13. P. 12–13; Doc. No. 20. P. 21; Doc. No. 25. P. 26. Эти документы были опубликованы также в переводе на русский язык сначала на Западе, а затем, когда это стало возможным, — в России: *Оглашению подлежит: СССР — Германия 1939–1941: Документы и материалы* / Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. Док. 106. С. 194–195; Док. 110. С. 198–199; Док. 111. С. 199–200; Док. 113. С. 202–203.

¹⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 217. С. 366; Оглашению подлежит. Док. 106. С. 194.

¹⁵ ДВП. Т. XXII: 1939 год. Кн. 1. М., 1992. Док. 485. С. 632.

¹⁶ Оглашению подлежит. Док. 110–111. С. 198–200; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. С. 374.

¹⁷ Димитров Г. *Дневник* (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 187. В болгарском издании дневника название этого города дано так, как он стал именоваться уже после его включения в состав СССР, — Черновцы. Но согласно сделанной болгарскими архивистами расшифровке рукописи дневника, Сталин, естественно, употребил его тогдашнее, досоветское название — Черновицы (Централен държавен архив — София. Ф. 46 б. Оп. 2. А.е. 5. Л. 78). Впрочем, необходимо отметить, что при расшифровке той части данной записи, где говорилось о Бессарабии и Черновицах, делавшие это архивисты испытывали трудности (Там же).

¹⁸ См.: «Разъяснить румынским солдатам...».

¹⁹ Оглашению подлежит. Док. 111. С. 200; Док. 113. С. 202; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. С. 374–375. В известных историкам документах нет сведений о том, действительно ли руководство СССР, уведомив 23 июня через Шуленбурга Берлин, что претендует на всю Буковину, рассчитывало на положительный ответ германской стороны или же, наоборот, предвизия ее возражения, заявило о своих видах на всю Буковину лишь для того, чтобы затем добиться от нацистского партнера согласия на «компромисс» в виде Северной Буковины. Два с половиной месяца спустя при встрече с Шуленбургом 9 сентября 1940 г. Молотов утверждал, что 26 июня, уведомляя посла о советском решении ограничить требования в Буковине лишь ее северной частью, он, однако, заявил о сохраняющемся у СССР намерении поставить в будущем, «при соответствующих условиях», и вопрос о Южной Буковине. На это утверждение Шуленбург ответил, что не помнит, чтобы 26 июня «именно так шла речь» (ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 367. С. 584). В донесении Шуленбурга в Берлин о беседе, состоявшейся 26 июня, такого действительно не упоминалось (Оглашению подлежит. Док. 113. С. 202–203). Полный же текст советской записи той беседы пока остается неизвестным (см. примеч. 12).

²⁰ Оглашению подлежит. Док. 115. С. 204–205; DGFP. Ser. D. Vol. X. Doc. No. 33. P. 34; СРО. Т. II. Док. 164. С. 315. Сообщив тут же о своей позиции правительству Италии и одновременно запросив его, как оно намерено поступить, Берлин фактически воздействовал на принятие и Римом такого же решения. См.: DGFP. Ser. D. Vol. X. Doc. No. 8. Note 14. P. 9; Doc. No. 18 (включая note 3). P. 18–19; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 227. С. 378; Док. 230. С. 384; Кн. 2 (Ч. 2). С. 802. Примеч. 124; СРО. Т. II. Док. 175. С. 331–332.

²¹ О том, как принималось Бухарестом это решение, см., напр., дневник румынского короля Кароля II: В.Н. Виноградов, М.Д. Ерещенко, Л.Е. Семенова, Т.А. Покивайлова. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. Разд. VII. Док. 20. С. 357–361.

²² См., напр.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 229. С. 380–384; Док. 232. С. 385–386; Док. 236. С. 389; Док. 238. С. 390–392; СРО. Т. II. Док. 163. С. 310–315; Док. 165–167. С. 315–319; Док. 170–174. С. 327–331; Док. 176. С. 333; Док. 178–181. С. 336–338; Док. 183. С. 339.

²³ СРО. Т. II. Док. 174. С. 331; Док. 178. С. 336; Док. 183. С. 339; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 238. С. 391–392. В исследованных документах нет сведений о том, когда и почему было принято решение занять также район на севере Молдовы и, в частности, было ли оно связано с решением о Буковине.

²⁴ Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 1999. С. 44–46; Pons S. Stalin and the Inevitable War, 1936–1941. London – Portland (Or.), 2002. P. 202.

²⁵ Системная история международных отношений в четырех томах: События и документы. 1918–2000. Т. 1: События. 1918–1945 / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000. С. 386–387.

²⁶ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999. С. 356, 357.

²⁷ Сиполс В. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 242–246; Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 214–233.

²⁸ Городецкий Г. Указ. соч. С. 45–46.

²⁹ Там же. С. 44.

³⁰ Roberts G. The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933–1941. London, 1995. P. 121, 125.

³¹ Эти установки, выработанные по указаниям Кремля еще в начале войны, мало изменились к середине лета 1940 г., причем упор в них делался в большей мере на противостояние англо-французскому, а после поражения Франции — британскому влиянию. См., напр.: Коминтерн и Вторая мировая война (далее — КВМВ). Ч. I: До 22 июня 1941 г. / Сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1994. Док. № 9. С. 88–89; Док. № 18–19. С. 122–126; Коминтернът и България (март 1919 — септември 1944 г.): Документи / Съст. Л. Ревякина и др. София, 2005. Т. II. Док. № 363–364. С. 924–927; Док. № 367–370. С. 929–931.

³² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 178. С. 312; Док. 217. С. 364–365; Док. 224. С. 372–374; Оглашению подлежит. Док. 99–100. С. 186–187.

³³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 224. С. 373–374.

³⁴ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 245.

³⁵ Оглашению подлежит. Док. 102. С. 189–190.

³⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 217. С. 364–365.

³⁷ Оглашению подлежит. Док. 118. С. 208–209; см. также: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Примеч. на с. 399; Кн. 2 (Ч. 2). Примеч. 132. С. 805.

³⁸ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 252.

³⁹ DGFP. Ser. D. Vol. X. Doc. No. 164. Note 1. P. 208.

⁴⁰ Ibid. Doc. No. 348. P. 487.

⁴¹ Ibid. Doc. No. 290, p. 419.

⁴² Смирнова Н.Д. Советско-итальянские взаимоотношения. 1939–1940 // Война и политика, 1939–1941 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999. С. 424.

⁴³ Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 80.

⁴⁴ Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. Т. I: Ноябрь 1917 — сентябрь 1944 / Отв. ред. Л.Б. Валев, В. Хаджиниколов. М., 1976. Док. 506. С. 464–465; Док. 510. С. 468–469; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. Док. 769. С. 279–280.

⁴⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 491. С. 31; Док. 509. С. 61; Док. 511. С. 70; Док. 512. С. 76; Док. 532. С. 109–111; Док. 549. С. 137–138; Док. 564. С. 158–161.

⁴⁶ KBMB. Ч. I. Док. № 89. С. 343.

⁴⁷ Коминтернът и България... Т. II. Док. № 374. С. 933.

⁴⁸ Там же. Док. № 380. С. 940.

⁴⁹ Архив Југославије (далее – АЈ). Ф. 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Л. 595–597.

⁵⁰ СЈОО. Док. 254, 255. С. 308; АЈ. Ф. 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Л. 599–601, 606–607, 610, 646, 658.

⁵¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 34. См. также: СЈОО. Док. 261. С. 315.

⁵² Hoover Institution Archives. Collection: Žarko Popović Papers (далее – НИА-Рор.). Box 1. Folder 12. P. 1–2.

⁵³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 11. Л. 120–121; П. 28. Д. 364. Л. 1, 5.

⁵⁴ Димитров Г. Дневник. С. 189.

⁵⁵ О директивах см.: KBMB. Ч. I. Док. № 127. С. 454; Димитров Г. Дневник. С. 203; Vujošević U. Prepiska (radiogrami) СК КРЈ – ИККИ (Jun 1940 – decembar 1941) // Vojnoistorijski glasnik. 1992. Br. 1/3. S. 324.

⁵⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 251. С. 416; DGFP. Ser. D. Vol. X. Doc. No. 165. P. 208–209. Болгарской стороне это неоднократно говорилось еще раньше, в частности Молотовым. См., напр.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 368, 369.

⁵⁷ DGFP. Ser. D. Vol. X. Doc. No. 37–38. P. 37–39; Doc. No. 45. P. 47; Doc. No. 53. P. 54; Венгрия и Вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны / Пер. с венг. М., 1962 (далее – BBMB). Док. 114. С. 195–196.

⁵⁸ DGFP. Ser. D. Vol. X. Doc. No. 80. P. 91; Doc. No. 161. P. 200–201.

⁵⁹ DGFP. Ser. D. Vol. X. Doc. No. 70. P. 77; Doc. No. 146. P. 179–182; Doc. No. 171. P. 217–220; Doc. No. 173–174. P. 221–222; Doc. No. 233–234. P. 301–316; Doc. No. 244–245. P. 332–341; BBMB. Док. 115 (Приложение). С. 198; Док. 116. С. 199; Док. 118. С. 201–206.

⁶⁰ BBMB. Док. 119–121. С. 206–210; Док. 123. С. 212–213; DGFP. Ser. D. Vol. X. Doc. No. 413. P. 581–584, 587.

⁶¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. I. Док. 288. С. 461; Док. 291. С. 466–467.

⁶² Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 260.

⁶³ ДВП. Т. XXIII. Кн. I. Док. 348. С. 546–547.

⁶⁴ Там же. Док. 366. С. 582–583; Док. 367. С. 583–585.

⁶⁵ Там же. Док. 394. С. 618–621. То же Молотов сказал Шуленбургу при вручении этой памятной записки. Там же. С. 615–617.

⁶⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. I. Док. 348. С. 547; Док. 367. С. 583–584; Док. 394. С. 618–619.

⁶⁷ См.: Там же. Док. 367. С. 584; Док. 394. С. 616, 618, 620.

⁶⁸ Там же. Док. 402. С. 627, 629–630; Оглашению подлежит. Док. 130. С. 223–224; Док. 131. С. 224.

- ⁶⁹ Текст письма: Оглашению подлежит. Док. 132. С. 228–235. О его вручении см.: Там же. Док. 133. С. 235; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 446. С. 680, 682.
- ⁷⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 456. С. 695; Док. 458. С. 699.
- ⁷¹ Там же. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 491. С. 31.
- ⁷² DGFP. Ser. D. Vol. XI: The War Years. September 1, 1940 – January 31, 1941. Washington, 1960. Doc. No. 75. P. 126–128; Doc. No. 80. P. 136–137; Doc. No. 84. P. 144–146.
- ⁷³ Ibid. Doc. No. 217. P. 364–365; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 382.
- ⁷⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 425. С. 658; Док. 432. С. 665.
- ⁷⁵ Там же. Док. 439. С. 671; Док. 456. С. 695–696.
- ⁷⁶ Директивы см.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 491; балканские проблемы – Там же. С. 31.
- ⁷⁷ Советские записи см.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 497, 498, 511, 512; немецкие записи см.: Оглашению подлежит. Док. 138–141.
- ⁷⁸ Инструкции см.: Там же. Док. 501, 508, 509.
- ⁷⁹ О ходе берлинских переговоров – как примеч. 76.
- ⁸⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 548.
- ⁸¹ Там же. С. 136–137.
- ⁸² Сначала, еще 18 ноября, Москва обратилась к Софии с предложением о советских «гарантиях безопасности» для Болгарии, которое затем было трансформировано в предложение о пакте взаимопомощи, сделанное болгарскому правительству и царю 25 ноября. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 532. С. 109–110; Док. 549. С. 137–138; DGFP. Ser. D. Vol. XI. Doc. No. 438. P. 772–773 (полученное 25 ноября советское предложение, которое болгарская сторона сообщила Гитлеру; текст этого предложения до сих пор так и не публиковался в российских изданиях материалов из отечественных архивов).
- ⁸³ DGFP. Ser. D. Vol. XI. Doc. No. 438. P. 773.
- ⁸⁴ Сиполс В.Я. Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 158–159; Он же. Тайны дипломатические... С. 274–275.
- ⁸⁵ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 282–283.
- ⁸⁶ Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 399–406.
- ⁸⁷ Там же. С. 390–391.
- ⁸⁸ Там же. С. 400–401.
- ⁸⁹ Сиполс В.Я. Еще раз о дипломатической дуэли... С. 158; Он же. Тайны дипломатические... С. 274.
- ⁹⁰ Куманев Г.А. Указ. соч. С. 402–403.
- ⁹¹ Сиполс В.Я. Еще раз о дипломатической дуэли... С. 158; Он же. Тайны дипломатические... С. 275.
- ⁹² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 512. С. 78.

⁹³ См.: Димитров Г. Дневник. С. 202–203, 204; КВМВ. Ч. I. Док. № 127. С. 454; Коминтернът и България... Т. II. Док. № 385–389. С. 945–948.

⁹⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 654. С. 343–344; Док. 660. С. 357.

⁹⁵ Там же. Док. 564. С. 158–161.

⁹⁶ См., например: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 257. С. 425–426; Кн. 2 (Ч. 1). Док. 485. С. 24; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 28. Д. 364. Л. 1–5 (частично см. также СЮО. Док. 273. С. 333–334); Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 74, 79, 81–82, 90, 94; Hoover Institution Archives. Collection: Mijan Gavrilović Papers (далее — HIA-Gav.). Box 31. Folder 2. Gavrilović — MIP, 22.08.1940.

⁹⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 450. С. 687.

⁹⁸ HIA-Pop. Box 1. Folders 18; 21; 23; 24; 26; 27; 28; 30; 32; 33; 35; 36. P. 2–3; Box 2. Folder 28. P. 4–5; Box 3. Folder «Др Гавриловић, Москва». P. 6, 7.

⁹⁹ Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata. Knj. 2 / Prired. A. Miletić. Odg.ured. F. Trgo. Beograd, 1987. Br. 25, 26, 28, 52, 53.

¹⁰⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 673. С. 387–389; Aprilski rat 1941. Knj. 2. Br. 17, 24.

¹⁰¹ HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović, Moskva, 9.03.1941. Str. Pov. Br. 111; Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945: Документи и материјали. Београд, 1996 (далее — ОЈР). № 3. С. 12–15 (не вполне точный перевод на русский язык см. в: ОРЮ. № 2–3. С. 9–11).

¹⁰² ОРЮ. № 3. С. 11.

¹⁰³ Некоторые из версий историографии специально рассматривались нами в: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 446–452.

¹⁰⁴ См., например: Petranović B., Dautović S. Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941–1945). Beograd, 1988. S. 16, 28, 41, 43, 49, 95.

¹⁰⁵ АЈ. Ф. 378. Фасц. 1 (несређено). Арх. јед. «Посланство КЈ у Кујбичеву 1940/1941. Персонална решења службеника». Персонална документација «Симић Божин»; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 591. С. 200; ОРЮ. № 1. С. 9; HIA-Pop. Box 1. Folder 58. P. 15; Box 2. Folder 28. P. 5.

¹⁰⁶ HIA-Pop. Box 1. Folder 58. P. 15–17; Box 2. Folder 28. P. 6, 8.

¹⁰⁷ ОРЮ. № 13. С. 20; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 531, 532.

¹⁰⁸ ОЈР. № 3. С. 12–13 (см. также ОРЮ. № 3. С. 10).

¹⁰⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 730. С. 490; Док. 731. С. 493–494; Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. / Публ. подг. А.В. Колютков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев // Исторический архив. 1996. № 2. С. 43; HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović — MIP, 23.03.1941, Str. Pov. Br. 33; Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. London, 1970. P. 539.

¹¹⁰ Broz Tito J. Sabrana djela. Knj. 6. Beograd, 1977. S. 213; Vujošević U. Op. cit. S. 327.

¹¹¹ См., например: Petranović B., Dautović S. Op. cit. S. 16; Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije: Uzroci i posledice poraza. 2 izd. Knj. 1. Ljubljana – Beograd – Titograd, 1984. S. 460–461.

¹¹² Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 136–137; Он же. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001. С. 129–130.

¹¹³ Vujčošević U. Op. cit. S. 324 (шифровка Димитрова от 30 ноября 1940 г.).

¹¹⁴ Ibid. S. 326; KBMB. Ч. I. Док. № 142.

¹¹⁵ Коминтернът и България... Т. II. Док. № 381. С. 939–940.

¹¹⁶ ОРЮ. № 10–11. С. 17–19; № 13. С. 20.

¹¹⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 740. С. 510, 511; Док. 742. С. 512; Док. 743. С. 514; Док. 745. С. 516; Док. 751. С. 531; Можно ли было предотвратить... С. 56.

¹¹⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 744. С. 515; Док. 745. С. 516; Док. 746. С. 518.

¹¹⁹ См. примеч. 115.

¹²⁰ Оригиналы проектов см.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 13. Д. 77. Л. 1–5.

¹²¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 743. С. 514–515; Док. 745. С. 516–518; Док. 751. С. 531–532.

¹²² HIA-Gav. Box 32. Folder 3. Gavrilović – MIP, 4.04.1941, Str. Pov. Br. 169, 170.

¹²³ Hoptner J. Yugoslavia in Crisis, 1934–1941. New York – London, 1962. P. 278–280.

¹²⁴ ОРЮ. № 30. С. 33–34.

¹²⁵ Там же. № 28. С. 32.

¹²⁶ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. С. 136–137.

¹²⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 532.

¹²⁸ HIA-Pop. Box 3. Folder «Др Гавриловић, Москва». Гавриловић – Симовићу, 28.07.1941; ОЈР. № 29. С. 49–50.

¹²⁹ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М., 1989. С. 81.

¹³⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 769. С. 553.

Советско-германские отношения и вопрос о территориальной целостности Румынии в 1939–1940 гг.

Добившись после Первой мировой войны полного политического и государственного объединения, Румыния на протяжении всего межвоенного периода последовательно проводила внешнеполитический курс, направленный на сохранение положения, установленного европейскими державами-победительницами на Парижской мирной конференции. Политические представители Румынии добивались мирного решения всех вопросов международных отношений, как на региональном, так и на общеевропейском уровне. Этому курсу она оставалась верной даже тогда, когда ревизионистские силы постепенно стали занимать господствующее положение в европейской политике.

Вопреки проводимой Румынией мирной политике межвоенный период был отмечен весьма неоднозначными, порой сложными ее отношениями с Советским Союзом. Причиной тому стали противоречия между ними в вопросе о Бессарабии. Составлявшая до 1812 г. неотъемлемую часть княжества Молдовы территория между Прутом и Днестром была отторгнута Российской империей в результате одной из многочисленных русско-турецких войн XVIII – XIX вв. и включена вначале в качестве отдельной области, а впоследствии губернии в состав царской России. В ходе охвативших Россию революционных событий 1917–1918 гг., используя предоставленное советским правительством право народов на свободное самоопределение, румыны Бессарабии образовали свой представительный орган, который провозгласил независимость провинции. 27 марта 1918 г. его депутаты проголосовали за объединение Бессарабии с Румынией. На протяжении межвоенного периода, однако, советское руко-

водство отказывалось признать законность сделанного в 1918 г. бессарабскими румынами выбора на основе принципа, провозглашенного в «Декларации прав народов России» от 2/15 ноября 1917 г., под которым стоит и подпись И.В. Сталина.

В 20—30-х гг. были предприняты неоднократные попытки найти взаимоприемлемое решение и добиться урегулирования двусторонних румыно-советских отношений. В результате обмена нотами между румынским министром иностранных дел Николае Титулеску и советским наркомом иностранных дел Максимом Литвиновым 9 июня 1934 г. были установлены дипломатические отношения между Румынией и Советским Союзом. Однако стороны не смогли тогда принять окончательное решение по вопросу о Бессарабии из-за отказа советского руководства признать правомерность решения «Сфатул Цэрий» от 27 марта 1918 г. Как писал М.М. Литвинов, «сошлись мы на том, чтобы не делать никаких оговорок и не давать никаких обещаний друг другу относительно Бессарабии»¹. Сталин не решался предпринимать какие-либо решительные действия против Румынии, понимая, что в этом случае появится реальная опасность совместного выступления западных держав против СССР. Данное положение сохранялось до 1939 г., когда в первой половине этого года появились первые признаки возможного советско-германского сближения.

Румынский дипломат Николае Диану, находившийся в 1938—1939 гг. в качестве чрезвычайного посланника Румынии в Москве, многие годы спустя отмечал в своих воспоминаниях, что и после назначения 3 мая 1939 г. В.М. Молотова наркомом иностранных дел советское руководство все еще уделяло мало внимания бессарабскому вопросу. Однако присоединение 8 февраля 1939 г. Венгрии к Антикоминтерновскому пакту обеспокоило Кремль из-за весьма реальной перспективы аналогичного шага и со стороны Румынии². По мнению Н. Диану, первым признаком перехода румыно-советских отношений в новое русло стал отказ 30 июня 1939 г. НКВД принять очередную, самую обычную, памятную записку дипломатической миссии Румынии из-за использования в ее тексте терминов «граница на Днестре», «румынская граница». До этого случая они часто применялись в переписке между румынской миссией и советским Наркоматом иностранных дел, не вызывая протестов³. Сталинское руководство уловило новые веяния, наступление нового этапа в развитии международных отношений, когда можно будет «проучить» всех строптивых соседей. Путем сговора с гитлеровской Германией Советский Союз мог добиться своей цели и

отношении Румынии, ибо впервые после окончания Первой мировой войны возможность завладеть территорией между Днестром и Прутом и тем самым получить доступ к устью Дуная ала для него вполне реальной. К тому же в Москве прекрасно понимали, что в условиях сохранения почти уже два десятилетия ограничительных мер, навязанных побежденным странам Versailles системой, нетрудно будет добиться усиления реншистских устремлений по отношению к Румынии со стороны Венгрии и Болгарии и подтолкнуть их к действию.

Переговоры И.В. Сталина и В.М. Молотова с министром иностранных дел германского рейха И. Риббентропом, состоявшиеся в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. в Москве, со всей ясностью показали, что территориальные претензии СССР по отношению к Румынии составляли важный элемент советской внешней политики. Хотя, согласно некоторым германским источникам, участники переговоров «быстро договорились» по этому вопросу⁴, историческая наука еще не смогла дать исчерпывающего объяснения тех факторов, которые обусловили принятие двусмысленной формулировки в этой части. В отличие от Польши, Финляндии и Прибалтийских государств, в отношении которых была установлена четкая граница, разделяющая сферы влияния, статья 3-я секретного дополнительного протокола Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписанного 23 августа 1939 г., сводилась лишь к простой констатации того, что «с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии», а «с германской стороны заявлено о ее полной политической незаинтересованности в этих областях»⁵. Бессарабия не была включена непосредственно в сферу советского влияния, как это случилось с Финляндией, Польшей, Эстонией, Польшей (частично). Договаривающиеся стороны ограничились лишь заявлением о «заинтересованности или «политической незаинтересованности» в отношении пространства, расположенного между Днестром и Прутом. В отношении восточной части Румынии не применялось понятие «восточное территориально-политическое переустройство», как это записано в тексте секретного протокола по поводу других территорий Восточной Европы. Вполне оправданным выглядит вывод немецкой исследовательницы Ингеборги Шихауэр: «Неясно, что побудило Сталина согласиться с ним [Риббентропом, который настоял на уточнении лишь о политической незаинтересованности Германии] в этом и почему он стоял, чтобы Бессарабия по аналогии с другими отошед-

шими к советской сфере интересов территориями тоже была объявлена принадлежащей к ней»⁶.

Опубликованные за последние годы документы, однако, свидетельствуют, что вопреки объявленной «незаинтересованности» после 23 августа 1939 г. Германия предельно внимательно следила за бессарабским вопросом и согласилась признать «заинтересованность» СССР в этом регионе при определенных условиях. Во время переговоров 27–28 сентября 1939 г. И. Риббентроп умышленно поднял этот вопрос, хотя в тот момент речь шла о другом. Видимо, министр иностранных дел Германии захотел лишний раз убедиться, что в Москве не забыли об обговоренных месяц тому назад на этот счет условиях. Из записей бесед, принадлежавших Густаву Хильгеру, члена прилетевшей в Москву в конце сентября 1939 г. немецкой правительственной делегации во главе с И. Риббентропом⁷, можно сделать вывод, что рейхсминистр иностранных дел коснулся бессарабского вопроса неожиданно, без предварительного намека для своего собеседника. Не исключено, что он попытался таким образом проверить мгновенную реакцию советских руководителей на интересующий его вопрос. Автор записей исключительно тонко уловил своеобразие затронутого 28 сентября 1939 г. вопроса о Бессарабии и сформулировал его следующим образом: «Вслед за этим г-н министр иностранных дел перевел разговор на Бессарабию. Он напомнил, что немецкое правительство в секретном дополнительном протоколе от 23 августа высказало свою незаинтересованность в этом вопросе. Поэтому он хотел бы услышать от господина Сталина его мнение — правильно ли он понял его высказывание в том смысле, что правительство Советского Союза в настоящее время не имеет намерения что-нибудь предпринять против Румынии, однако оно заявит о своих интересах, ежели произойдут изменения на Балканах из-за каких-либо действий Венгрии против Румынии. Поведение Советского правительства представляется ему вполне понятным, потому что он не может себе представить, что Советское правительство хотело бы расширения театра военных действий. Тем не менее, в поведении Румынии заметны признаки нервозности, которые не были устранены советским заявлением о нейтралитете. Его, как немецкого министра иностранных дел, интересовало бы узнать от Сталина, какие мысли высказывает Советское правительство о его будущих отношениях с Румынией.

Сталин ответил, что в настоящее время Советское правительство не располагает намерениями трогать Румынию. В связи с переходом всего польского правительства, в том числе и

всего польского генерального штаба в Румынию, Молотов вызвал здешнего румынского посла и спросил его, достаточно ли сознает румынское правительство свои обязательства по своему нейтралитету в связи с присутствием в Румынии столь знаменитых польских гостей и такого большого числа польских самолетов. Румынский посол очень смутился и, продемонстрировав признаки явного испуга, заявил, что обещает абсолютное соблюдение нейтралитета и интернирование Рыдз-Смиглы, Бека и других членов польского правительства. Господин Сталин добавил к этому, что ни со стороны Румынии, ни со стороны прибалтийских государств в настоящее время не предвидятся никакие эскапады, потому что все они изрядно испуганы»⁸.

В последние дни августа 1939 г. никто не мог знать точно и с уверенностью предсказать, как развернутся дальнейшие события и на чью сторону опустится чаша весов, тем более, что Сталин, в своем стремлении избежать преждевременное вовлечение СССР в новую мировую войну, действовал с особой осторожностью. Раздел Польши в конце сентября 1939 г. и соблюдение при этом Гитлером взятых обязательств не нарушать демаркационную линию лишь укрепили его уверенность в действенном характере советско-германского сотрудничества⁹. До этого момента СССР ограничивался отдельными шагами на пути подготовки к захвату части румынской территории. Изменение политики СССР в отношении своего соседа у берегов Днестра отчетливо проявилось в деятельности советской дипломатической службы. Осенью 1939 г. Восточноевропейский отдел НКВД приступил к подготовке ряда информационных справок относительно Румынии в целом, а также Бессарабии и Буковины¹⁰. В условиях, когда в сентябре 1939 г. присутствие советских войск на всем протяжении бывшей румыно-польской границы стало реальностью, а а подступах к Румынии располагались три крупные советские рмейские группировки (севернее г. Черновцы, восточнее г. Холма и на всем протяжении железнодорожной линии Тирасполь — Одесса), отношения между Бухарестом и Москвой перели в иную плоскость. Она была определена румынским дипломатом А. Кретцяну как «война нервов»¹¹.

Начало советско-финской войны поздней осенью 1939 г. привлекло всеобщее внимание мировой общественности. В этой обстановке появились и некоторые данные о том, что, будучи уверенным в молниеносном успехе, СССР намеревался незамедлительно после этого выдвигать территориальные претензии в отношении Румынии. В последние дни ноября 1939 г. румынская

дипломатическая миссия в Вашингтоне обращала внимание МИД Румынии на некоторые изменения во внешней политике Советского Союза на тот момент: «1. Основное его внимание направлено к Юго-Восточной Европе. 2. Вполне допустимо, что проводятся советско-германские консультации для разграничения сфер влияния к югу от Польши с целью их дальнейшего захвата»¹². Анализируя положение в СССР в начале декабря 1939 г., американский журналист В.Л. Ширер писал: «В Москве все и, прежде всего, Сталин считают, что через неделю после начала своего наступления Красная Армия вступит в Хельсинки. Они были настолько уверены в успехе, что назначили на 6 декабря начало наступления в Бессарабии, которое было отложено в последний момент»¹³. В эти же дни по дипломатическим каналам в Бухарест пришло донесение о заявлении поверенного в делах Германии в Вашингтоне, который высказал мнение о том, что «захват Финляндии Россией является естественным и таким же естественным станет предстоящий захват Бессарабии для того, чтобы Россия смогла восстановить свои границы 1914 г.»¹⁴.

Данные о намерениях сталинского руководства в отношении Румынии стали поступать и из советской столицы. Румынский полномочный посол (министр) в Москве Г. Давидеску сообщал 5 декабря 1939 г., что во время неофициальной встречи с послом Франции заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин жаловался на отсутствие необходимого количества товаров, поступавших до 1918 г. из Бессарабии для экспорта, обеспечивающего процветание порта в Одессе. Французский посол усмотрел в этом намек на то, что СССР, не дожидаясь окончания войны на европейском континенте, «вскоре после завершения военных действий против Финляндии поднимет вопрос о Бессарабии и потребует возвращения этой провинции без какой-либо компенсации»¹⁵. Высказанные при этом надежды румынского посланника на то, что только Германия сможет воспротивиться такому ходу событий, вскоре были опровергнуты сотрудником Эссенской национальной газеты (*Essener-National-Zeitung*). В беседе с Г. Давидеску он откровенно заявил, что «при нынешних трудностях германское правительство не может пожертвовать сотрудничеством с Советским Союзом ради оказания поддержки любому государству, подвергнувшемуся атаке, о чем свидетельствует пример Финляндии, постоянно придерживавшейся политики дружбы с Германией». При этом Г. Давидеску отмечал, что среди политических кругов в Берлине широко распространилось мнение, будто «в Румынии отсутствует реши-

тельность в вопросе о необходимости оказания вооруженного сопротивления попытке захвата Бессарабии»¹⁶.

Конец 1939 г. положил начало периоду полной неопределенности в процессе развития румыно-советских отношений, когда в Бухаресте не исключалась возможность наступления советских войск на Днестре в любой момент. Затянувшаяся «Зимняя война» с Финляндией и общая военно-политическая обстановка на европейском континенте отложили такую развязку до середины 1940 г., когда Сталин смог действовать наверняка, без риска непредвиденных действий со стороны Франции и Великобритании.

Тем временем стали появляться сведения о том, что территориальные претензии Советского Союза в отношении Румынии не ограничатся Бессарабией. Так, 3 января 1940 г. румынский посланник в Москве Г. Давидеску отмечал: «Здесь почти все (члены дипломатического корпуса. — В.В.) считают, что возможность советского наступления против нас отдалается по мере продолжения военных действий в Финляндии. Вместе с тем отмечается, что наибольшую угрозу для нас представляет якобы внутреннее положение, ибо в советских кругах господствует уверенность, будто в Бессарабии сложилась взрывоопасная ситуация и невозможно будет предотвратить волнения. Борису Стефанову (руководитель румынской секции Коминтерна. — В.В.) было якобы поручено разработать принципы включения территорий Буковины, населенных украинцами, в состав Украинской ССР. В Кремле рассчитывают, что в Бессарабии легко будет добиться успеха, учитывая находящееся здесь ограниченное количество наших войск»¹⁷.

После завершения советско-финской войны и подписания 12 марта 1940 г. мирного договора сталинское руководство получило возможность заняться вопросом о своих территориальных претензиях в отношении Румынии. Первое официальное предупреждение в адрес Бухареста прозвучало из уст председателя ЦК СССР и наркома иностранных дел В.М. Молотова, который, выступая с докладом 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета, обратил внимание депутатов на существование «нерешенного спорного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»¹⁸. Возобновление курса жесткой политики со стороны Советского Союза было отмечено и румынским послом в Анкаре В. Стойкой, который 2 апреля 1940 г. писал: «Выпады против Франции и Англии, заявления по поводу оборонительного пакта

скандинавских стран и обычные обвинения в адрес Румынии говорят о том, что, если в будущем западные союзники не сумеют проявить себя достаточно энергично, в политике СССР может произойти весьма неблагоприятный поворот для всех нас»¹⁹.

Политика с позиции силы в отношении Румынии выявилась уже 2 апреля 1940 г., когда, выполняя поручение своего правительства, румынский посланник выразил удивление относительно прозвучавших в докладе Молотова на сессии Верховного Совета обвинений в адрес Румынии в связи с «делом Бутенко»²⁰. Советский нарком ограничился ответом Г. Давидеску в весьма жесткой форме, указав, «что он только разъяснил то, что должен был разъяснить»²¹.

Вопреки ожиданиям Сталин не стал предпринимать каких-либо крупномасштабных политических действий против Румынии сразу после доклада Молотова 29 марта 1940 г. Он предпочел сохранить положение, которое советский нарком в беседе 22 апреля 1940 г. с Ф. Шуленбургом охарактеризовал следующим образом: «Советское правительство не может считать закрытым вопрос о Бессарабии. Данный вопрос, однако, еще не актуален»²². Такое отношение определялось опасением Сталина перед возможной реакцией англо-французских союзников. По всей видимости, он не исключал и определенного сопротивления со стороны Гитлера в случае широкомасштабных военных действий против Румынии. Ведь «фюрер» мог сослаться на недопустимость расширения театра войны в этой части европейского континента. О сохранении такой опасности весной 1940 г. свидетельствуют утверждения германского посла в Турции Ф. Папена, который в беседе с румынским послом в этой стране В.Стойкой заявил: «Пока англо-французские союзники воздерживаются от высадки на Балканах и поднятия этих стран против нее, Германия сделает все возможное для предотвращения русской агрессии в южном направлении. Такую политику она проводила до сих пор и в случае необходимости самым решительным образом в будущем посоветует советскому правительству воздержаться от наступления против Румынии или Турции». На вопрос румынского дипломата, обладает ли Германия достаточными средствами, чтобы повлиять на руководство СССР, Ф. Папен ответил, что по его сведениям советское правительство достаточно считается с дружественными советами Германии»²³.

Мнение о том, что Советский Союз не мог самостоятельно, без предварительной консультации с Германией, поднять вопрос о Бессарабии, было высказано и другими дипломатическими пред-

ставителями Берлина. Румынский посланник в Братиславе Н. Лавовари после встречи с главой германской миссии в словацкой столице Бернардом в апреле 1940 г. передавал в Бухарест: «Общее впечатление, к которому пришел после беседы с немецким посланником, подтвержденное и некоторыми членами словацкого правительства, сводится к тому, что, пока германо-румынские отношения остаются корректными, рейх готов использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для предотвращения любой попытки англо-французских союзников изменить обстановку в нашей части Европы, а также выразить свою озабоченность и недовольство по поводу возможного наступления русских». Согласно этому источнику, заявления по поводу Румынии, прозвучавшие в докладе В.М.Молотова на сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г., «стали неприятным сюрпризом для Берлина», ибо советский нарком иностранных дел «предварительно обещал Германии нормализовать отношения с Румынией путем назначения в Бухарест советского посланника». Окончательный вывод румынского дипломата носил явно предупреждающий характер: «Господин Берnard так и не смог объяснить причину того, почему вопреки ожиданиям Россия вдруг изменила свою позицию, однако считает, что в северной и южной части Европы Россия добивается достижения исключительно своих национальных и революционных целей, будучи готова предавать любую державу, с которой имеет союзнические отношения»²⁴.

Одновременно в Бухарест стали поступать сведения о широких военных приготовлениях СССР на границе с Румынией, выражавшихся в усилении перемещений и маневрах советских воинских частей в непосредственной близости к Днестру. Эти действия, с явным намерением запугать соседа, значительно усилились в апреле и мае 1940 г. Несколько месяцев спустя, после занятия территории Бессарабии и северной части Буковины, в отчете советского командования о подготовке и проведении этой операции указывалось, что концентрация и развертывание войск к исходным позициям на Днестре проводились открыто, без соблюдения особых мер маскировки, чтобы убедить румынскую сторону в мощи присутствующей там огромной военной силы²⁵.

Данная обстановка не могла оставаться незамеченной проезжавшими в этот период через левобережье Днестра иностранными гражданами. К примеру, румынский посланник в Болгарии Е. Филотти в своем донесении от 17 апреля 1940 г. писал: «Приехавший недавно сюда латышский журналист после поездки по Рос-

сии заявил одному из своих коллег, что был свидетелем значительного передвижения войск из Киева в сторону бессарабской границы»²⁶. Румынская сторона фактически ежедневно стала получать сведения об увеличении количества советских воинских частей «с постоянным местом дислокации вблизи румынской границы»²⁷, о прибытии новых эшелонов с техникой, военным имуществом и большого количества горюче-смазочных материалов для армии на станциях Каменец-Подольск, Раздельная, Тирасполь. Постепенно эти данные стали приобретать все более угрожающий характер, предвещая начало в недалеком будущем широкомасштабных военных действий против Румынии.

Угроза советского наступления изо дня в день становилась все отчетливее. Командование 3-й румынской армии, дислоцированной в Буковине и северной части Бессарабии, информировало 19 июня 1940 г. Генштаб румынской армии: «После завершения военной кампании в Финляндии СССР приступил, особенно с конца мая, к усиленной концентрации все новых сил на границе с Румынией от Карпат до Черного моря. Максимально используются все железнодорожные линии, идущие из глубины страны... В Могилев-Подольске был установлен мощный громкоговоритель на берегу Днестра, через который русские объявляли о том, что в скором времени Красная Армия освободит трудящихся Бессарабии и Буковины из-под ига румынских бояр»²⁸. По некоторым сведениям, к концу июня 1940 г. в район предполагаемого наступления против Румынии с советской стороны были стянуты огромные воинские силы. В те дни Генштаб румынской армии подготовил карту региона возможных боевых действий, на которой были представлены советские воинские части, находящиеся в распоряжении образованного Южного фронта. Согласно этому документу, ныне хранящемуся в Российском государственном военном архиве, в составе фронта находились 42 стрелковых дивизии, 11 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад, 2 мотострелковых дивизии, 4 авиабригады²⁹.

Командование румынской армии, осознавая факт огромного разрыва в соотношении сил и весьма неблагоприятной внешнеполитической обстановки в Юго-Восточной Европе, пришло к выводу, что «хотя в настоящее время румыно-советская война не устроила бы Германию, не исключено, что СССР не станет считаться с интересами рейха и перейдет к действиям без предварительного уведомления германского правительства»³⁰. Имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении исследователей источники свидетельствуют о том, что Сталин не осмелился на-

чать наступление против Румынии летом 1940 г. без консультации с Гитлером. Однако достигнутые в этом отношении соглашения в августе — сентябре 1939 г. рассматривались им в несколько ином свете. Уже на второй день после капитуляции Франции (23 июня 1940 г.) посол Германии в Москве Ф. Шуленбург был вызван наркомом иностранных дел СССР для сообщения ему о решении советского руководства добиться в ближайшее время незамедлительного «разрешения бессарабского вопроса». Из опубликованной в последние годы записи беседы, сделанной советской стороной, выясняется, что на заявление советского наркома германский посол первым делом счел необходимым напомнить ему следующее: «В свое время постановка вопроса о Бессарабии была такова: СССР заявит свои претензии на Бессарабию только в том случае, если какая-нибудь третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе»³¹. В.М. Молотов отказался признать правомерность такой интерпретации бессарабского вопроса, утверждая, что «заявление Шуленбурга не соответствует действительности, это только один из частных моментов, но не условие в целом»³².

Таким образом, оказывается, что ст. 3 секретного дополнительного протокола была принята сторонами при определенных условиях. Советский Союз обязался выдвигать свои претензии на Бессарабию лишь тогда, когда правительство Румынии приступило бы к удовлетворению возможных венгерских или болгарских территориальных требований. Характер советских нот, предъявленных румынскому посланнику в Москве 26 и 28 июня 1940 г., находился в противоречии даже с духом секретного дополнительного советско-германского протокола августа 1939 г., не говоря о новых претензиях Сталина на территорию Буковины. Они стали плодом исключительно благоприятного для СССР временного стечения обстоятельств на европейском континенте сразу после капитуляции Франции 22 июня 1940 г. Не случайно в те дни Гитлер ограничился лишь напоминанием своему партнеру по дипломатическим каналам о явном нарушении договоренности, а свое недовольство случившимся высказал только в ноябре 1940 г. во время визита В.М. Молотова в Берлин.

Такое поведение германского руководства объясняется перемещением основной части сил вермахта на запад европейского континента и временным нарушением баланса сил в Восточной Европе после заключения советско-германского секретно-

го протокола 1939 г. и претворения в жизнь ряда его положений в отношении Польши и Прибалтийских государств. Для восстановления равновесия сил путем усиления германского военного присутствия в данном регионе требовалось определенное время. Именно фактор времени оказался важнейшим козырем в руках Сталина на коротком промежутке последней недели июня 1940 г., и он не упустил возможность воспользоваться им для захвата Бессарабии и северной части Буковины даже с риском осложнения отношений с Гитлером. В Берлине прекрасно понимали данное обстоятельство, и не случайно И. Риббентроп писал в своих воспоминаниях: «К концу французской кампании, 23 июня 1940 г., в Берлин поступила телеграмма нашего посла в Москве: Советский Союз намерен в ближайшие дни оккупировать румынскую провинцию Бессарабию, а нас собираются только известить об этом. Одновременно до фюрера дошел вопль румынского короля о помощи: тот просил у него совета в связи с предъявленным ему русским ультиматумом. Адольф Гитлер был тогда поражен быстрым русским наступлением без предварительной консультации с нами. Но, выполняя принятые нами в Москве обязательства, он порекомендовал румынскому королю не сопротивляться оккупации. Румынское правительство согласилось на требование Советского Союза, попросив лишь дать ему достаточный срок для эвакуации этой большой области. Тогда Советский Союз предъявил новый ультиматум и, не дожидаясь срока его истечения, начал захват Буковины и прилегающей к ней на Дунае Бессарабии. То, что при этом подлежала оккупации преимущественно населенная немцами Северная Буковина, исконная земля австрийской короны, особенно ошеломило Гитлера. Он воспринял этот шаг Сталина как признак русского натиска на Запад»³³.

Неспособность Германии оказать эффективное давление на Советский Союз с целью потребовать соблюдение установленных ранее границ сфер влияния, согласно подписанному в августе 1939 г. секретному дополнительному протоколу, обусловило в те июньские дни 1940 г. не только характер советских территориальных претензий, но и определенное давление, оказанное сталинским руководством на Румынию. Так, например, в ходе встречи В. Молотова с румынским посланником Г. Давидеску вечером 27 июня 1940 г. советский нарком упорно добивался согласия румынского правительства на то, чтобы 28 июня 1940 г. советские войска обязательно вступили в Бессарабию и северную часть Буковины. Он уточнил при этом, что «трех-четырёх

дней им будет достаточно для того, чтобы занять остальную территорию»³⁴. На замечание Г. Давидеску о том, что остается лишь «договориться об определенной процедуре и юридических формах осуществления данных мероприятий» и что «румынское правительство считало бы более предпочтительным сначала обсудить детали, а затем приступить к оккупации», В. Молотов заявил, что «если в румынском ответе содержится только согласие на переговоры, то он не может считать румынский ответ положительным», потому как «в советском заявлении говорится о передаче Советскому Союзу территорий, а не о переговорах»³⁵. Такое отношение свидетельствует о том, что Сталин ясно осознавал благоприятное стечение обстоятельств. Он не был уверен, что при других обстоятельствах Гитлер не вмешался бы, требуя соблюдения договоренности о выполнении статьи 3 дополнительного секретного протокола. В условиях, когда события на европейском континенте разворачивались с особой быстротой и существовала реальная возможность передислокации за короткий срок германских войск с запада на восток, любое промедление или оттягивание осуществления оккупации румынских территорий могло закончиться неудачей для СССР. Сталин рассчитал точно возможную реакцию Гитлера, подтвержденную Риббентропом в цитированном выше отрывке, и потому наотрез отказался пересмотреть срок начала выступления против Румынии.

Вышеизложенные факты позволяют объяснить столь необычный стиль предъявленной 26 июня 1940 г. румынскому посланнику Г. Давидеску советской ноты. Тезис о том, что Бессарабия была населена «главным образом украинцами», видимо, можно отнести за счет не только спешки при составлении текста данного документа, но и отсутствия квалифицированных специалистов после чисток, проведенных в кадровом составе НКВД. Недостаточное число серьезных аргументов для подтверждения территориальных претензий СССР по отношению к Румынии в данном документе косвенным образом признал и сам В. Молотов. После того как Г. Давидеску изложил румынскую точку зрения относительно Бессарабии и Буковины, советский нарком ограничился лишь утверждением, что «если встретится необходимость, то аргументы советской стороны будут изложены самым подробным образом»³⁶. Возникает вполне естественный вопрос: а что же помешало главе советского внешнеполитического ведомства изложить эти аргументы именно тогда? Ответ на этот вопрос можно найти в опублико-

ванной в 1999 г. в Москве работе «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным», авторы которой пишут: «Рассматривая имеющиеся сегодня у исследователей данной проблемы документы, нельзя не обратить внимание на определенную нервность НКВД в мотивировке, как выдвижения бессарабского вопроса, так и обоснования его сути: использовались не исторические и международно-правовые аргументы в пользу возвращения Бессарабии Советскому Союзу, а подчеркивалось силовое преимущество, которым мог воспользоваться СССР. При такой постановке вопроса законность требований советского правительства явно уступала конъюнктурному подходу имперского диктата великой державы в отношении своего слабого соседа»³⁷.

Примечания

¹ Советско-румынские отношения. Том I. 1917–1934. Документы и материалы. М., 2000. С. 428.

² *Vocile exilului*. Editura Enciclopedica. Bucuresti, 1998. С. 222.

³ *Ibid.* С. 224.

⁴ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициативы германской дипломатии 1938–1939, М., 1991. С. 293.

⁵ Документы внешней политики (далее: ДВП). 1939. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 632.

⁶ Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 308.

⁷ Ставшие достоянием гласности записи двух бесед, составленные в ходе советско-германских переговоров 27–28 сентября 1939 г. (записи других бесед пока остаются неизвестными), были обнаружены немецкой исследовательницей Ингеборгой Фляйшхауэр в семейном архиве бывшего посла Германии в Москве Ф. Шуленбурга и были опубликованы почти одновременно в Германии (Ingeborg Fleischhauer, *Der deutsch-sowjetische Grenz- und Freundschaftsvertrag vom 28. September 1939. Die deutschen Aufzeichnungen über die Verhandlungen zwischen Stalin, Molotov und Ribbentrop in Moskau*, – «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 39, 1991, 3. Heft) и в России (См: *Международная жизнь*, 1991, № 7, С. 129–138). Русский перевод этих двух документов был напечатан и в примечаниях опубликованного в 1992 г. издания ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 606–617

⁸ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 613–614.

⁹ С самого начала кампании в Польше Германия неоднократно призвала Советский Союз последовать ее примеру, однако Сталин согласился с этим предложением лишь после того, как получил уверенность в том, что участие в разделе Польши не приведет к вовлечению СССР в новый мировой конфликт. (См: Розанов Г.Л. Сталин–Гитлер. Документальный очерк

советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941, М., 1991. С. 110–129).

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (Далее: АВП РФ). Ф. 125. Оп. 21. П. 17. Д. 15.

¹¹ См.: Gh. Buzatu, *România cu si fara Antonescu*, С. 73.

¹² Arhivele MAE, Bucuresti — Архив МИД, Бухарест (Далее: АМАЕ), fond 71/ 1939. E 9, vol. 63, л. 105.

¹³ См.: *Aspects des relations russe-roumaines. Rétrospectives et orientations*, Paris, 1967, С. 154.

¹⁴ В связи с этим пресс-бюро румынской миссии в Вашингтоне сообщало 3 декабря 1939 г.: «В опубликованном сегодня интервью г-н Томсен, поверенный в делах Германии, заявил вашингтонской газете «Таймс геральд» («Times Herald»), что наступление против Финляндии не должно смутить или удивлять американскую общественность. Данный захват является частью плана России по восстановлению потерянного ею вследствие Первой мировой войны. Некоторые из нас, европейцев, уточнил г-н Томсен, считают необходимым и вполне нормальным перекраивание карты Европы, точно также, как в свое время поступила Америка, захватив Техас у Мексики. Россия может следовать по единственному логичному пути. Вполне понятным является ее стремление добиться нового порта на Черном море. Она продвинется через Румынию, захватив Бессарабию, которая ей принадлежит. К тому же, в Бессарабии проживает много русских. Если бы не ошибки, допущенные Версальским договором, Бессарабия и сегодня оставалась бы российской территорией. Истинной целью СССР является Турция, т.е. установление полного своего контроля над Босфором». (АМАЕ. Fond 71/ 1920–1944. Germania. Vol. 78. F. 193). В тот же день румынский посланник в США Р. Ирimesку сообщал: «Если до настоящего времени существовали хоть какие-то сомнения относительно того, к чему совместно готовятся Россия и Германия, заявление германского поверенного в делах полностью их развеяло». (Ibid. Fond 71/1914. E 2. Vol. 20. F. 574).

¹⁵ Ibid. Fond 71/ 1920–1944. U.R.S.S. Vol. 9. F. 253–254.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. Fond 71/ 1920–1944. U.R.S.S.. Vol. 89. F. 4.

¹⁸ Правда, 30 марта 1940 г.

¹⁹ АМАЕ. Fond 71/1914. E 2. Vol. 20. F. 663.

²⁰ Как известно, в феврале 1938 г. находившийся в Бухаресте советский дипломат Федор Бутенко выехал нелегально из Румынии и по прибытии в Италию сделал ряд заявлений, направленных против политики СССР. Советская сторона неоднократно пыталась поставить в вину румынским властям причастность к бегству Ф. Бутенко на Запад, хотя это был не единственный случай советских «невозвращенцев» в те годы. По прибытии в Италию Ф. Бутенко лично опроверг эти необоснованные обвинения: «Я отказался служить режиму, который своей деятельностью вызывал у меня чувство протеста... В официальном заявлении ТАСС ответственность за мое

исчезновение вменяется румынскому правительству. Утверждением о том, что я был «похищен или убит» румынскими фашистами, фантазия московского документа не может быть расценена иначе, как гениальной... Я не стал обращаться за помощью к какому-либо государству, ибо принятое мною решение о разрыве с большевиками носило исключительно личный характер, было проявлением моего собственного волеизъявления». (Butenco Th. *Rivelazioni su Mosca*, Firenze, 1939. P. 64, 72). Случай был использован для того, чтобы в последующий период советское руководство отложило на неопределенный срок назначение нового советского полпреда в Румынии. Румынская сторона приложила немалые усилия для преодоления данной ситуации и во время состоявшихся 17 января, 2, 9 апреля и 1 июня 1940 г. встреч с В.М. Молотовым Г. Давидеску по собственной инициативе затронул вопрос о назначении и приезде в Бухарест советского полномочного представителя (ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 42–43; 201–202; 215–216; 300–301). На встрече 2 апреля 1940 г. В.М. Молотов сообщил румынскому посланнику, что «Совет Народных Комиссаров в принципе уже решил назначить полномочного представителя СССР в Румынии» и «в настоящее время рассматривается вопрос о кандидатуре на пост полпреда» (Там же, С. 202). Поиски подходящей кандидатуры советским правительством длились до 1 июня 1940 г., когда нарком иностранных дел в беседе с Г. Давидеску уточнил, что «он надеется в ближайшие недели — две сообщить посланнику, кто именно назначается на этот пост» (Там же, С. 301).

²¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 202.

²² АМАЕ. Fond 71/ 1920–1944. Germania. Vol. 78. F. 382.

²³ АМАЕ. Fond 71/ 1939. E 9. Vol. 64. F. 39–40.

²⁴ АМАЕ. Fond 71/ 1920–1944. Germania. Vol. 78. F. 373–374.

²⁵ См. *Pactul Molotov–Ribbentrop si consecintele lui pentru Basarabia. Volum de documente*. Chisinau, 1991. P. 27.

²⁶ АМАЕ. Fond 71/ 1939. E 9. Vol. 64. F. 41.

²⁷ АМР (Военный архив Румынии). Fond 26. Dosar 258. F. 36, 66.

²⁸ АМР. Fond Armata 3. Dosar 37. F. 196.

²⁹ РГВА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

³⁰ АМР. Fond Marele Stat Major. Sectia Operatii. Dosar 1 809. F. 366.

³¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 365–366.

³² Там же. С. 366.

³³ Joachim von Ribbentrop. *Zwischen London und Moskau, Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen*. Druffel-Verlag, 1961. S. 172–173.

³⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 381.

³⁵ Там же. С. 382.

³⁶ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 373–374

³⁷ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг., М., 1999. С. 357.

Национально-территориальный вопрос в Румынии в контексте советско-германских отношений (август 1939 г. — июнь 1941 г.)

Одним из факторов, оказавших влияние на международно-политическую ситуацию накануне и в первые годы Второй мировой войны, явился узел национально-территориальных противоречий в балкано-дунайском регионе, который активно использовался великими державами для установления здесь своего контроля.

Осуществлявшаяся в конце Первой мировой войны самая масштабная со времен Венского конгресса перестройка европейских границ удовлетворительного и устойчивого разрешения национального вопроса не дала. Наоборот, не справившись со старыми распрями на почве межэтнических отношений, версальская система даже обострила их, модифицировав старые противоречия и создав новые.

Особой остротой отличались венгеро-румынский спор из-за Трансильвании и советско-румынский из-за Бессарабии.

1939—1940 гг. явились кульминационными в развязке территориального спора между СССР и Румынией в отношении Бессарабии. Решающую роль при этом сыграл внешний фактор, коренное изменение международной ситуации. Срыв англо-франко-советских переговоров, проходивших в марте—августе 1939 г. и заключение 23 августа 1939 г. договора о ненападении между СССР и Германией (пакт Молотова—Риббентропа) облегчил Третьему рейху развязывание давно готовившейся мировой войны.

В секретном дополнительном протоколе было зафиксировано разграничение сфер «обоюдных интересов» в Восточной Европе. Пункт 3-й этого протокола гласил: «Касательно юго-вос-

тока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии». В то же время Германия заявила о своей «полной политической незаинтересованности в этих областях»¹.

В связи с этим нужно отметить, что Советский Союз на протяжении всего периода после 1918 г., когда Бессарабия была отторгнута от России (в составе которой она находилась с 1812 г.) и отошла к Румынии, постоянно подчеркивал свою заинтересованность в Бессарабии и никогда не признавал за Румынией права на включение этой территории в ее состав. Однако после заключения 23 августа 1939 г. пакта Молотова — Риббентропа вопрос перешел в плоскость практического решения. Советский Союз был намерен возвратить Бессарабию, включив ее в состав СССР. Именно так понимало «свою заинтересованность в Бессарабии» советское руководство.

Бухарест о секретном протоколе, о котором не были извещены ни Верховный Совет СССР, ни Советское правительство в целом, разумеется не знал. Однако из заключения пакта им был сделан правильный вывод, что Россия, как писал впоследствии министр иностранных дел Г. Гафенку, «хочет вернуть свои границы до 1914 г., а Германия не имеет ни права, ни желания помешать ей в этом»². Уже осенью 1939 г. советская печать стала настойчиво поднимать бессарабский вопрос.

Между тем румынские власти полагали, что, пока русские и немцы заняты разделом Польши, Румыния сможет навести мосты с Германией и сохранить свои территории³. В то же время Румыния не желала идти на обострение отношений с Советским Союзом и всячески подчеркивала свой нейтралитет.

Действительно, и в 1939 г., и в начале 1940 г. практическое решение вопроса о Бессарабии советское руководство считало преждевременным. В тот период оно было занято другим: в состав СССР были включены Западная Украина и Западная Белоруссия; советские войска вошли в Прибалтику; была развязана война с Финляндией.

Ситуация начала меняться весной 1940 г. 29 марта нарком иностранных дел В. М. Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя никогда и не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»⁴.

Подстегиваемое успехами Германии на Западном фронте, с одной стороны, и советской опасностью — с другой, румынское

правительство сделало крен в сторону сближения с Германией. В мае 1940 г. с Германией был заключен «нефтяной пакт» и германский вермахт обрел достаточную сырьевую базу, а Коронный совет принял решение предложить дружбу Германии и добиваться союза с ней⁵. По сообщениям из советского полпредства в Бухаресте, еще в начале 1940 г. на границе с СССР происходила концентрация румынских войск. Весь период весны и лета этого года характеризовался разного рода инцидентами на советско-румынской границе, ответственность за которые каждая из сторон пыталась возложить друг на друга⁶.

Встревоженное сближением румынского правительства с Германией и используя обстановку, сложившуюся после поражения англо-французских войск, лишившую Бухарест даже минимальной поддержки западных держав, советское правительство сочло, что наступил подходящий момент для предъявления ультиматума Румынии. Однако Москва, учитывая договоренности с Германией по Бессарабии, не хотела действовать без консультации с Берлином. Поэтому о готовящемся демарше заранее было предупреждено германское правительство. Произошло несколько бесед Молотова с германским послом в Москве графом Ф. Шуленбургом, а также обмен мнениями между И. Риббентропом и Гитлером с целью уточнения советским правительством принятых на себя обязательств⁷.

За три дня до предъявленного Москвой 26 июня бессарабского ультиматума, как вытекает из беседы Молотова с Шуленбургом 23 июня 1940 г., советский нарком настойчиво добивался подтверждения И. Риббентропом договоренностей по Бессарабии, зафиксированных в пакте Молотова — Риббентропа 1939 г. Молотов поставил Шуленбургу следующий вопрос:

«Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день?». Нарком получил от немцев требуемое подтверждение. Не отрицая права СССР на Бессарабию, свое согласие содействовать осуществлению этих прав они обусловили рядом экономических и политических условий. В их числе были: строгое соблюдение хозяйственных интересов Германии, прежде всего гарантирование бесперебойности поставок продовольствия и остродефицитных нефтепродуктов для германской военной машины. Германия, заявил посол Шуленбург, «не имеет политических интересов в Бессарабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной»⁸.

Чрезвычайно важным, отчасти тесно связанным с первым, было другое категорическое германское требование — не допустить ни при каких обстоятельствах открытия военных действий против Румынии, которое, как не без оснований опасались в Берлине, немедленно повлекло бы за собой вовлечение в военный конфликт с Румынией Венгрии, а возможно, и Болгарии. Третье условие, более чем оригинальное, хотя по всей видимости, не столь жизненно важное с точки зрения германских стратегических интересов, в подаче посла звучало так: «СССР заявит о своих претензиях на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе». Советское правительство попросту проигнорировало это странное предложение, и Молотов не счел нужным даже отреагировать на него.

«Советское правительство ожидает, — подчеркнул Молотов, — что Германия не будет препятствовать проведению советских акций, а поддержит ее». Со своей стороны Молотов пообещал сделать все возможное для того, чтобы «не затронуть экономические интересы рейха». В ходе беседы с германским послом Молотов проинформировал его о состоявшемся решении Советского правительства в ближайшее время поставить перед Бухарестом вопрос о Бессарабии. Далее последовал неожиданный поворот, касавшийся Буковины. «Буковина, — продолжал Молотов, — как область, населенная украинцами (наличие там многочисленного румынского, еврейского, немецкого, польского, цыганского населения нисколько не интересовало советского наркома. — *Т.П.*) также включается в разрешение Бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой»⁹. В тот же вечер германский посол отправил в МИД Германии срочную телеграмму. «Я считаю, — говорилось в ней, — что советское правительство будет настаивать на своих претензиях к Бессарабии, но не предпримет самостоятельных действий для их реализации»¹⁰.

Такое развитие событий было на руку Венгрии, которая, как говорил венгерский военный атташе в Москве Г. Фараго во время организованного МИД СССР 18 июня 1940 г. просмотра фильма «Петр Первый», «ждет занятия нами Бессарабии, чтобы пойти в Трансильванию». «У нас был разработан план войны с

Румынией в расчете на то, что Румыния отклонит требование СССР и мы сможем вступить в войну после начала войны Румынии с Вами»¹¹, — говорил в беседе с советским полпредом Н.И. Шароновым не в меру разоткровенничавшийся председатель Комитета по иностранным делам венгерского парламента.

25 июня 1940 г., за день до вручения Румынии ультиматума, глава Советского правительства передал послу Италии А. Россо следующее заявление относительно позиции СССР по поводу венгерских и болгарских притязаний: «СССР не имеет никаких претензий в отношении Венгрии. С Венгрией у нас нормальные отношения. СССР считает претензии *Венгрии к Румынии имеющими под собой основания*. С Болгарией у СССР хорошие, добрососедские отношения. *Они имеют основания стать более близкими*. Претензии Болгарии к Румынии, как и к Греции, имеют под собой основания»¹² (подчеркнуто нами. — Т.П.). Эти тщательно продуманные формулировки были, однако, идентичны только по вопросу о территориальных притязаниях к Румынии двух ее соседей — Венгрии и Болгарии. В остальном же отчетливо проявились существенные различия в советском подходе к Венгрии и Болгарии, а в сущности — к двум субрегионам Центральной и Юго-Восточной Европы.

Акцентирование «нормальных отношений» с Венгрией и подчеркнутая незаинтересованность Советского Союза в делах Средней Европы означали желание не идти дальше «нормализации», т. е. не добиваться утверждения своего влияния в средне-европейском регионе. Заявление же о поддержке болгарских притязаний не только к Румынии, но и к Греции, и в особенности намерение наладить с Болгарией «близкие отношения», было равносильно предъявлению претензий на преимущественное влияние в восточной части Балканского полуострова. Беседа с итальянцем не оставила никаких сомнений относительно решимости Москвы полностью взять на себя инициативу в румынском вопросе, действовать решительно, а в случае необходимости вопреки желаниям Берлина и Рима не останавливаться перед «применением силы». Намек был понят и принят. Из Берлина необычайно быстро пришел в целом положительный ответ на поставленные перед нацистским руководством вопросы. 25 июня Шуленбург представил этот ответ Молотову. Суть его сводилась к четырем основным положениям:

- «1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность

постановки этого вопроса перед Румынией (подчеркнуто мною. — Т.П.).

2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать Советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию.
3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии.
4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен Советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Волыни»¹³.

Пункт, содержащий просьбу к СССР отнестись благожелательно к буковинским немцам, был равнозначен признанию *de facto* советских притязаний на Буковину. Но не *de jure*. Молотов, ссылаясь на соображения германского правительства, заявил, что советское руководство, идя навстречу пожеланиям германской стороны, ограничится присоединением лишь Северной Буковины¹⁴.

После советско-германских договоренностей 26 июня в 10 часов вечера Молотов сделал румынскому посланнику в Москве Давидеску заявление о необходимости немедленного разрешения бессарабского вопроса. «Советский Союз, — говорилось в ноте советского правительства, — никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрого решения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов..., Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу». «Правительство СССР считает, — говорилось далее, — что вопрос о возвращении Бессарабии тесно связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава...»¹⁵.

В присущей ему жесткой манере Молотов дал ясно понять, что в случае положительного ответа в течение 24 часов названные территории будут немедленно заняты. Насмерть перепуганный посланник бросился к телефону, чтобы срочно продиктовать в Бухарест содержание ультиматума. Но, увы, связи не было. То ли потому, что трудившиеся телефонистки заснули в эту ночь или по какой-то другой причине, но телефон заработал ровно в 6 часов утра следующего дня.

Утром 27 июня Риббентроп направил телефонограмму германскому посланнику в Бухаресте следующего содержания: «Вы немедленно нанесете визит министру иностранных дел в Бухаресте и сообщите ему следующее: Советское правительство информировало нас, что оно потребовало передачи Бессарабии и Северной Буковины. Имея в виду избежать войну между Румынией и Советским Союзом, мы не можем посоветовать румынскому правительству ничего другого, как подчиниться требованию Советского правительства»¹⁶.

28 июня в 11 часов посланник Румынии в СССР Давидеску сообщил Молотову, что предложения Советского Союза румынское правительство принимает.

К сожалению, в ноте Советского правительства от 26 июня 1940 г. и последующих документах не был использован богатый арсенал аргументов о незаконности захвата Бессарабии в 1918 г., который использовался советской дипломатией в двадцатые годы.

В. М. Молотов в беседах с румынским посланником лишь отметил, что Парижский договор от 28 октября 1920 г. не был ратифицирован всеми участниками и не имел законной силы и что СССР никогда не признавал этого акта, затем он в ультимативной форме заявил посланнику, что СССР требует передачи Бессарабии и Северной Буковины немедленно и переговоров вести не намерен. Совершенно нереальным был указанный им срок для эвакуации румынских войск. Именно поэтому в 1989 г. в условиях изменения политического курса Советского Союза в «Сообщении комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., представленного Съезду народных депутатов, указывалось, что Сталин «в великодержавной манере осуществил возвращение в состав Советского Союза Бессарабии», что между прочими акциями того времени «деформировало советскую политику и мораль»¹⁷. Однако в связи с этим заявлением нужно подчеркнуть, что речь здесь идет о способе, о военно-дипломатическом оформлении случившегося, но не о его сути.

В связи с присоединением к СССР Бессарабии и Северной Буковины произошли и территориально-административные изменения в Союзе. Молдавская Автономная Республика, расположенная в Приднестровье, была объединена с Бессарабией, и 2 августа 1940 г. была провозглашена Молдавская Советская Социалистическая Республика. Северная часть Буковины вошла в состав Украинской ССР. В состав УССР вошли также уезды Хотин, Измаил и Аккерман.

Присоединение Бессарабии и Северной Буковины к СССР подтолкнуло других соседей Румынии — Венгрии и Болгарии к предъявлению к ней своих территориальных претензий.

После присоединения Бессарабии и Северной Буковины к Советскому Союзу произошло резкое обострение румыно-венгерских отношений в связи с требованием Венгрии пересмотреть вопрос о территориальной принадлежности Трансильвании. Одним из первых, кто посетил НКВД СССР, после принятия румынским правительством требований Советского Союза относительно Бессарабии и Северной Буковины, был венгерский посланник И. Криштоффи. Он поздравил заместителя наркома иностранных дел с успешным разрешением вопроса о Бессарабии и Северной Буковине и намекнул, что аналогичные претензии имеются к Румынии и у Венгрии. Однако какие именно проблемы имел в виду венгерский посланник, он не пояснил. Ни о сроках, ни о планах решения территориальных споров Криштоффи ничего не сказал¹⁸. Тем не менее, ультиматум Молотова, капитуляция Румынии перед советским диктатом и присоединение к СССР вместе с Бессарабией также и северной Буковины, прозвучавшие сигналом для резкой активизации двух других соседей Румынии, у англичан, например, вызвали неодобрительную реакцию. Британский премьер-министр У. Черчилль в беседе с советским послом И.М. Майским 3 июля с едва прикрытой издевкой спросил: «Что это означает: возврат к империализму царских времен?». И внимательно выслушав доводы, добавил: «Может быть, Вы и правы. Но если Ваши действия даже продиктованы не старым царем, а новым советским империализмом, — что с того, у меня нет возражений». Затем прозорливый британский премьер, как рассказывает Майский, с усмешкой добавил: «Должно быть, в Берлине не очень довольны Вашей экскурсией в Румынию»¹⁹. И попал, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Пикантность складывавшейся после молотовского ультиматума ситуации заключалась в том, что все три соседние с Румы-

нией государства действовали синхронно, не заключив предварительно никаких, ни явных, ни тайных направленных против Румынии соглашений, скорее всего даже не сговариваясь на этот счет, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам российских архивов. Главное, однако, было не в том. Важен был прецедент. Ибо, как писал советский полпред, в Бухаресте, «в первую очередь факт возвращения нам Бессарабии разрушил тезис о целостности Румынии и открывал Венгрии (добавим от себя: и Болгарии. — *Авт.*) возможность для предъявления своих требований».

Действительно, решение о переходе к активным действиям в трансильванском вопросе Будапештом было принято уже в роковой для Румынии день 27 июня 1940 г., когда она была вынуждена расстаться с Бессарабией и Северной Буковиной. Быстрая капитуляция Бухареста вызвала явное разочарование венгерского руководства, тайне желавшего вооруженного конфликта между СССР и Румынией, о чем вслух, разумеется, не говорилось. «Мирное разрешение конфликта с Румынией, — читаем в информации советского полпредства из Будапешта в конце 1940 г., — встретило полное одобрение всех кругов Венгрии и вызвало правительственное заявление о полной справедливости требований СССР» (к Румынии. — *Авт.*), так как, в первую очередь, факт возвращения нам Бессарабии разрушал тезис о целостности Румынии и открывал Венгрии возможность для предъявления своих требований. Известное недовольство мирным исходом конфликта имелось у военного руководства, составившего план войны против Румынии в расчете на советско-румынский конфликт ²⁰.

Здесь полпред явно ошибся. Дело не в пристрастиях генералов к военным играм и бряцанию оружием. Вся политическая верхушка хортистской Венгрии жаждала возвратить в лоно отечества «вторую родину», Трансильванию, именно с оружием в руках, а не каким-либо иным путем. И по двум причинам: во-первых, в силу исторической традиции. Венгерское дворянство гордилось тем, что его предки, свободные всадники, завоевали (а не «обрели») родину с мечом в руках. А право завоевания представлялось наиболее достойным и прочным. Во-вторых, военный конфликт позволял решить вопрос радикально, без вмешательства посредников, предъявив поверженному противнику полный счет, без каких-либо компромиссов и половинчатых решений и, главное, без неизбежных в таком случае уступок.

Капитуляция Бухареста перед Москвой 27 июня практически исключала военное решение венгеро-румынского конфликта, ибо самые горячие головы в Будапеште отдавали себе отчет, что одной Венгрии Румынию не одолеть. Тем не менее, 1 июля был отдан приказ о мобилизации, а через два дня 1-я венгерская армия вплотную приблизилась к границам соседней страны. Скорее всего это была военная демонстрация, а не серьезное намерение открыть военные действия. 2 июля 1940 г. король Кароль в личном послании Гитлеру попросил его о сотрудничестве и о германских гарантиях неприкосновенности Румынии. Румыны пытались задобрить Гитлера обещанием неограниченных поставок нефти, мадьяры — зерновых. Германии же нужно было иметь и то, и другое, и нефть и хлеб, а не одно из двух. Поэтому германская дипломатия, не заинтересованная в возникновении очага войны на юго-востоке, пыталась склонить румын к уступчивости, мадьяр — к миролюбию.

В эти дни для Будапешта возросло значение позиции Москвы. В ответ на прямое обращение венгерского правительства о возможном поведении Советского Союза в случае конфликта между Румынией и Венгрией 4 июля Молотов сделал два важных для венгров заявления: 1) СССР находит венгерские территориальные требования обоснованными; 2) В случае мадьяро-румынского конфликта Советский Союз в него не вмешивается¹. Тогда инициативу по урегулированию венгеро-румынской ссоры взял на себя сам рейхсканцлер А. Гитлер. Не исключено, что среди мотивов, побудивших фюрера к вмешательству, было нежелание допустить слишком тесного сближения Венгрии, также как и Болгарии, с СССР.

Посоветовав румынскому правительству уступить СССР Бессарабию и Северную Буковину, Германия в то же время продолжала политику включения Румынии в орбиту своего влияния, используя как фактор «советскую угрозу», так и обострившиеся до предела румыно-венгерские противоречия из-за Трансильвании. В 1940 г. трансильванская политика стала одним из звеньев разделения сфер влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Уже в июле 1940 г. на совещании держав «оси» в Зальцбурге, на которое были приглашены глава правительства Румынии И. Джигурту и министр иностранных дел М. Манойлеску, германские представители поставили вопрос о том, чтобы Румыния удовлетворила путем переговоров требования венгерской и болгарской сторон. 30 августа 1940 г. в результате Второго Вен-

ского арбитража держав «оси» Румыния лишилась северных и северо-восточных областей Трансильвании, которые были переданы Венгрии. Одновременно Румыния получила гарантии своей территориальной целостности.

Эти гарантии были предоставлены Румынии прежде всего с целью перекрыть распространение влияния СССР на Балканах и в конечном счете ввиду подготовки войны против него. Они были восприняты советским руководством, несмотря на успокоительные заверения Риббентропа насчет «импровизированной встречи в Вене», как направленные против СССР.

Введение в октябре 1940 г. германских войск в Румынию, гарантии, предоставленные ей Гитлером, создали не только барьер на пути продвижения СССР на Балканы, но и существенно изменили баланс сил в Юго-Восточной Европе в пользу Германии.

После прихода к власти 5 сентября 1940 г. генерала И. Антонеску румынские руководители получили от Берлина заверения в скором возвращении Румынии Бессарабии и Северной Буковины. В свою очередь, используя румыно-венгерские противоречия для укрепления своего господства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, Гитлер делал многообещающие намеки правительствам и Румынии, и Венгрии на возможность приращивания территории каждой из стран, в том числе за счет дальнейшей перекройки Трансильвании. Взамен, однако, он требовал верности Третьему рейху и все более прочно пристегивал эти страны к фашистскому блоку, превратив их в союзников по антисоветской войне.

Примечания

¹ См.: Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 334–335.

² Gafenco G. Préliminaires de la guerre à l'Est. De l'accord de Moscou (23 août 1939) à hostilités en Russie (22 juin 1941). Paris, 1944. P. 307.

³ Ibid. P. 318.

⁴ Известия. 30 марта 1940.

⁵ См.: Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке... С. 322–323; Ерещенко М.Д. Румыния

между Германией и Советским Союзом // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 350.

⁶ Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке... С. 329.

⁷ См. подробнее: Ерещенко М. Д. Румыния между Германией и Советским Союзом... С. 353–356.

⁸ Документы внешней политики (далее – ДВП). Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. Док. 217. С. 365–366.

⁹ Там же.

¹⁰ Оpubл.: Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 194–195.

¹¹ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. Документы российских архивов. М., 2000.

¹² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 224. С. 373.

¹³ Там же. Док. 225. С. 374.

¹⁴ Оpubл.: Оглашению подлежит... С. 202.

¹⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 232. С. 285–286.

¹⁶ Оpubл.: Оглашению подлежит... С. 204–205.

¹⁷ Правда. 24 декабря 1989.

¹⁸ Покивайлова Т. А. К истории Второго Венского арбитража // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941). М., 1992. С. 64.

¹⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Д. 244. С. 409.

²⁰ Трансильванский вопрос... С. 117.

²¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Д. 251. С. 415–416.